АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый
І. В. ГЕССЕНОМЪ

XV

БЕРЛИНЪ 1924

Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу

1917—1918 г.г.

В. I. Гурко

I.

Сверженіе Врем. правительства. Отъѣздъ изъ Петрограда въ Москву. Захватъ власти большевиками въ Москвѣ. Зима 1917-18 годовъ въ Москвѣ. Московскія политическія организаціи: Совѣтъ общественныхъ дѣятелей, правый центръ, Военныя контръ-революціонныя организаціи, Союзъ освобожденія Россіи, Союзъ возрожденія Россіи. Мысли объ образованіи новаго фронта на Уралѣ. Сношенія праваго центра съ представителями Германіи. Поѣздка въ Петроградъ въ поискахъ вождя. Разъѣздъ изъ Москвы общественныхъ дѣятелей.

Мощные орудійные выстрѣлы огласили въ ночь на 26-ое октября 1917 г. пугливо притаившійся изъ за событій предшествующаго дня Петроградъ. То крейсеръ Аврора, проникшій въ Неву, бомбардируетъ въ упоръ Зимній Дворецъ, гдѣ укрылись всѣ министры временнаго правительства, за исключеніемъ предусмотрительно бѣжавшаго Керенскаго. Давно ли эти господа, полные вѣры въ себя, отважно повалили царское правительство и засадили царскихъ министровъ въ ту самую Петропавловскую крѣпость, куда ихъ нынѣ, послѣ захвата Зимняго Дворца, ведутъ самихъ, какъ покорное стадо барановъ.

Результатъ паденія временнаго правительства для всѣхъ ясенъ. Въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ дѣлать больше нечего. Finita la comedia! Пробираюсь на другой день на Николаевскій вокзалъ, пробираюсь, за полнымъ отсутствіемъ извозчиковъ, пѣшкомъ, подъ свистъ шальныхъ пуль, которыя кому то вздумалось пускать вдоль Невскаго, и помѣщаюсь въ почти совершенно пустой курьерскій поѣздъ, направляющійся въ Москву. Туда уже съ ранней осени переселилась моя семья. Поѣздъ отошелъ въ положенное время и безъ малѣйшаго опозданія прибылъ въ Москву на слѣдующій день утромъ.

Москва представляла свой обычный видъ, развѣ что извозчики повысили свои цѣны: вмѣсто гривенниковъ счетъ идетъ на рубли.

— «Ну что, какъ у Васъ здѣсь?» спрашиваю у моего возницы.

— «Да, ничего. Третьяго дня у Кремлевскихъ воротъ была драка, да юнкера быстро порѣшили съ бунтовщиками. Теперь тихо».

Подъ впечатлѣніемъ этого успокоительнаго извѣстія пріѣзжаю къ своимъ въ большой Аѳанасьевскій переулокъ, что у Арбата, чтобы не выбраться оттуда и быть

лишеннымъ сообщенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ въ теченіе шести сутокъ. Съ вечера дня моего пріѣзда началось движеніе мятежниковъ противъ Александровскаго военнаго училища, гдѣ укрѣпились юные защитники видимости порядка, и мы очутились въ непосредственной близости отъ одного изъ центровъ междоусобной брани въ той нейтральной полосѣ, которая отдѣляла два враждующіе стана. Мятежныя войска, какъ оказалось впослѣдствіи, установили артиллерійскія орудія на Прѣсненской площади у входа въ Арбатскую улицу и оттуда обстрѣливали шрапнелью Арбатскую площадь и выходящее на нее Александровское училище. Цѣлыхъ шесть дней съ оглушительнымъ трескомъ взрывались надъ домомъ, гдѣ мы жили, артиллерійскіе снаряды, не причиняя намъ никакого вреда, но все болѣе расшатывая нервы обитателей нашего квартала. Изъ заднихъ оконъ нашей квартиры была видна часть Арбатской площади и неоднократно происходившія на ней атаки защищавшихъ Александровское училище юнкеровъ противъ насѣдавшихъ на нихъ окончательно распропагандированныхъ большевиками мятежныхъ войскъ.

Хотя никакихъ извѣстій о творящемся въ городѣ до насъ въ теченіе дня доходить не могло, ибо если въ домѣ было довольно безопасно, то выходить на улицу, на которую сыпались шрапнельныя пули, было все же рисковано, тѣмъ не менѣе разнообразные слухи безпрестанно циркулировали между разношерстными обывателями нашего дома, слухи, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ въ этой же средѣ зарождавшіеся, но все же не содѣйствовавшіе подъему настроенія. То говорили, что артиллеріей большевиковъ управляетъ какой-то австрійскій полковникъ изъ военно-плѣнныхъ, знатокъ этого дѣла, то утверждали, что чернь выступила на улицу и громитъ всѣ попадающіеся на ея пути дома, причемъ быстро приближается къ нашему переулку. Провѣрить эти слухи не было никакой возможности.

Удивительныя несообразности представляетъ гражданская война. Такъ, въ эти дни въ Москвѣ, когда въ различныхъ ея частяхъ происходила почти безпрерывная перестрѣлка, базары продолжали, тѣмъ не менѣе, дѣйствовать, и нашъ поваръ, со свойственнымъ русскому человѣку презрѣніемъ къ опасности, ежедневно въ ранніе утренніе часы, когда, правда, перестрѣлка стихала, отправлялся за провизіей и приносилъ вмѣстѣ съ ней кое-какія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ была, конечно, по меньшей мѣрѣ сомнительна.

Къ вечеру шестого дня нашего осажденнаго положенія артиллерійскій огонь замѣтно усилился и даже принялъ какой-то зловѣщій характеръ, чтобы затѣмъ внезапно совершенно прекратиться. Тишина наступила полная, но одновременно инстинктивно утратилась и надежда на пораженіе большевиковъ.

Какъ мы узнали впослѣдствіи — осажденныя большевиками части, разстрѣлявъ всѣ имѣвшіеся у нихъ патроны, вынуждены были сдать позиціи, лишь выговоривъ себѣ личную свободу и неприкосновенность.

Наступило властвованіе большевиковъ.

Проявили они по началу много ловкости и макіавелизма. Дѣйствуя все время на точки наименьшаго сопротивленія и придавая всѣмъ своимъ дѣйствіямъ характеръ защиты интересовъ народныхъ массъ, они въ первую голову принялись за лишеніе средствъ нападенія и защиты наиболѣе страшную для нихъ силу — крупную буржуазію. Въ этихъ видахъ они обязали всѣ банки, куда они впрочемъ съ мѣста посадили своихъ контролеровъ, выдавать по текущимъ счетамъ не болѣе какой то ничтожной, на сколько помнится — 500 рублей, суммы въ недѣлю.

Съ этого началась первая большевицкая зима, тягучая, нудная, изобиловавшая декретами, все болѣе и болѣе стѣснявшими всякую дѣятельность, всякую свободу. Бѣгство буржуазіи изъ Москвы началось почти тотчасъ послѣ побѣды боль-

шевиковъ. Уѣзжали въ Крымъ, но въ особенности на Кавказъ, гдѣ многіе изъ искавшихъ тамъ убѣжище погибли — отъ тѣхъ-же большевиковъ. Однако, остатки политическихъ организацій, или вѣрнѣе отдѣльные политическіе дѣятели, вскорѣ принялись за работу, въ цѣляхъ сверженія большевицкой власти. Но, увы, тотчасъ-же выяснилось, что если большевиковъ никто не желаетъ видѣть у власти, то большинство политическихъ партій почти въ равной мѣрѣ вообще никому не желаетъ вручить власть, кромѣ какъ самимъ себѣ. При этомъ, чѣмъ лѣвѣе были политическія партіи, т. е. чѣмъ ближе къ большевикамъ, тѣмъ онѣ ревнивѣе охраняли чистоту своей программы, тѣмъ нетерпимѣе относились ко всѣмъ остальнымъ политическимъ вожделѣніямъ, а въ особенности къ ихъ лидерамъ. Наибольшей сговорчивостью отличались правыя партіи, быть можетъ, вслѣдствіе охватившаго ихъ чувства безнадежности осуществить въ данное время собственные государственные идеалы.

На общемъ тускломъ, сѣромъ фонѣ истекшей зимы припоминается, какъ все туже затягивалась накинутая на буржуазію большевицкая петля, какъ все тяжелѣе и нестерпимѣе становились бытовыя условія. Аресты, обыски, отбираніе всякаго имущества, рѣшительно во всемъ и вездѣ царствующій произволъ и нестерпимое хамство, наконецъ, довольно медленное по началу, а затѣмъ быстрое и рѣзкое повышеніе цѣнъ на всѣ жизненные припасы нарушали повседневные интересы все болѣе широкихъ круговъ населенія. Пудъ бѣлой муки, стоившій въ октябрѣ около 20 рублей, въ августѣ 1918 года съ трудомъ получался изъ подъ полы за 800 рублей, при соотвѣтственномъ повышеніи стоимости всѣхъ другихъ продуктовъ.

Да, ухудшилось матеріальное положеніе почти всѣхъ и вся, ухудшилась еще въ большей мѣрѣ та нравственная атмосфера, которая окружала и душила. Упраздненіе всякой прессы, кромѣ опредѣленно большевицкой — погрузило въ невѣдѣніе о творящемся не только за предѣлами страны, но и внутри ея. Между тѣмъ событія чередовались одни за другими, событія крупныя, но какъ-то тонущія въ общемъ маразмѣ, охватившемъ не только культурные слои населенія, но даже и массу. Постыдный Брестъ-Литовскій миръ, звѣрское убійство всей Царской семьи, появленіе въ предѣлахъ Государства политическихъ новообразованій, какъ то Украйны, Всевеликаго Дона, Грузіи — все это скользило по обывателю, не вызывало массового негодованія и, тѣмъ болѣе, активнаго отпора. Однако террора, въ точномъ смыслѣ слова, еще не было: массовые разстрѣлы начались лишь въ августѣ. Неприкосновенности личности, конечно, тоже не было; совершенно случайные, ничѣмъ не обоснованные аресты производились во множествѣ, но убійства были еще рѣдкимъ явленіемъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ, особенно пугливыхъ и нервныхъ людей, ни населеніе, ни даже высшіе, по общественному положенію, слои страха за свою жизнь не испытывали.

Такъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, по полученіи извѣстія о мученической кончинѣ Государя и его семьи, была открыто отслужена заупокойная обѣдня въ церкви Спиридонія, что на Спиродоновкѣ, и на службѣ этой присутствовали всѣ находившіеся въ Москвѣ остатки высшей бюрократіи, придворныхъ круговъ и правыхъ общественныхъ организацій. Былъ ясный, погожій день, и послѣ церковной службы множество собравшихся высыпало на улицу и тутъ-же на мостовой оживленно обмѣнивались чувствами и мыслями по поводу совершившагося событія, хотя рядомъ, въ домѣ Тарасова, помѣщался комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ, служащіе въ которомъ «товарищи» обоего пола облѣпили всѣ окна занимаемаго ими зданія и не безъ злой усмѣшки наблюдали за весьма своеобразнымъ, по условіямъ времени, сборищемъ. Правда, что въ ту же ночь, священникъ, служившій царскую панихиду, былъ аресто-

ванъ и заключенъ въ тюрьму, но, однако, насколько помнится, вскорѣ выпущенъ.

Къ моменту большевицкаго переворота въ Москвѣ была лишь одна политическая организація, образовавшаяся еще въ августѣ за нѣсколько дней до Московскаго Государственнаго Совѣщанія, а именно, такъ называемый Совѣтъ общественныхъ дѣятелей. Въ составъ этой организаціи, первоначально образованной петроградскими представителями общественности, среди коихъ находились — Родзянко, С. И. Шидловскій, бар. Меллеръ-Закомельскій и другіе члены законодательныхъ палатъ — входили кромѣ того представители другихъ разнообразныхъ политическихъ теченій — вплоть до нѣкоторыхъ умѣренныхъ народныхъ соціалистовъ, какъ, напримѣръ, Бѣлоруссовъ. Накануне московскаго государственнаго Совѣщанія организація эта связалась съ ген. Корниловымъ, пригласила его на свое собраніе и встрѣтила горячими привѣтствіями. Въ дальнѣйшемъ это имѣло нѣкоторыя послѣдствія. Среди тѣхъ авантюристовъ, которые подбивали ген. Корнилова къ выступленію противъ Петрограда и къ возглавленію власти въ странѣ, нѣкоторые ссылались на названный Совѣтъ, будто-бы тоже обѣщавшій свою поддержку Корнилову. Однако, на дѣлѣ вопросъ этотъ названнымъ Совѣтомъ никогда не обсуждался, а поддержка его во всякомъ случаѣ никакого реальнаго значенія имѣть не могла. Это была обыкновенная политическая говорильня, не имѣвшая никакихъ связей въ широкихъ слояхъ населенія, и за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, не только не проявлявшая, но не имѣвшая ни малѣйшей возможности проявить какую-либо реальную дѣятельность. Съ наступленіемъ большевицкой эры, когда немного осмотрѣлись въ новой обстановкѣ, совѣтъ общественныхъ дѣятелей возобновилъ свои собранія, столь же, разумѣется, безплодныя, какъ и раньше. Убѣдившись, что организація эта, состоявшая къ тому времени преимущественно изъ Московскихъ второстепенныхъ дѣятелей, ни къ какимъ конкретнымъ результатамъ привести не можетъ, нѣкоторые изъ ея членовъ (Кривошеинъ, выбранный къ тому времени въ качествѣ предсѣдателя правленія товарищества Морозова и Ко., предсѣдателемъ какой-то крупной торгово-промышленной, чисто дѣловой организаціи, Струве, проф. Новгородцевъ и нѣкоторые другіе[1]) рѣшили образовать весьма ограниченную, по числу входящихъ въ нее лицъ, группу, поставившую себѣ съ мѣста цѣлью связаться съ военными кругами и при ихъ помощи создать силу, могущую свергнуть большевиковъ. Группа эта, вначалѣ именовавшаяся, по числу составлявшихъ ее лицъ, «девяткой» (по три члена отъ совѣта общественныхъ дѣятелей, отъ партіи к. д. и изъ торгово-промышленной среды), вскорѣ включила въ свою среду еще нѣсколькихъ лицъ со стороны и не столько наименовалась, сколько шла, подъ кличкой праваго центра. Предсѣдателемъ состоялъ проф. Новгородцевъ. Нѣкоторыми средствами группа обладала — ими снабжали торгово-промышленные круги. Приблизительно въ февралѣ 1918 г. удалось войти въ сношеніе съ нѣкоторыми конспиративными военными кругами, причемъ связь съ ними была возложена на двухъ лицъ — прис. повѣр. Кистяковскаго и члена Гос. Думы В. А. Степанова. Оба они держали себя весьма конспиративно, однако точными свѣдѣніями о томъ, насколько тѣ военные круги, съ которыми они связались, многочисленны по своему составу и представляютъ организованную силу, они не обладали. Свѣдѣнія, которыя они давали правому центру, были во всякомъ случаѣ черезчуръ оптимистичны и, какъ потомъ выяснилось, не соотвѣтствовали

[1]) Я перечисляю здѣсь только тѣхъ, входящихъ въ Московскія организаціи лицъ, о которыхъ мнѣ завѣдомо извѣстно, что они нынѣ не находятся въ предѣлахъ Совдепіи, либо открыто перешли къ большевикамъ.

дѣйствительности. Впрочемъ, Кистяковскій вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и замѣненъ былъ мною, который и поддерживалъ эту связь сначала вмѣстѣ съ В. А. Степановымъ, а послѣ его отъѣзда весной на югъ, единолично. Проникнуть въ сущность военныхъ конспиративныхъ организацій мнѣ долго не удавалось. Свѣдѣнія, которыми они согласны были подѣлиться, были до крайности туманны и, въ общемъ, вся военная подпольная организація производила впечатлѣніе чего то не серьезнаго и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не мощнаго.

Впослѣдствіи, приблизительно къ іюню мѣсяцу, Московская военная организація дѣйствительно разрослась, но къ этому времени появились другіе факторы, которые ее систематически ослабляли и даже разрушали.

Однако, главнымъ дефектомъ Московской конспиративной военной организаціи — было отсутствіе во главѣ ея какого-либо общепризнаваемаго, пользующагося неоспоримымъ авторитетомъ и обладающаго организаторскимъ талантомъ вождя. Возглавлявшій первоначально эту организацію, мало кому извѣстный ген. Довгиртъ былъ къ тому же настолько опасливъ, что повидимому заботился лишь о сокрытіи собственнаго существованія. Свидѣться съ нимъ для лицъ, наиболѣе близкихъ къ будто-бы возглавляемому имъ дѣлу, было сопряжено съ величайшими затрудненіями и удавалось лишь рѣдко. Впрочемъ, онъ вскорѣ счелъ за благо совершенно исчезнуть изъ Москвы, послѣ чего Московскіе военные круги разбились на отдѣльныя организаціи, члены которыхъ сплотились между собою по роду ихъ оружія, причемъ организаціи эти другъ съ другомъ органически не были даже связаны.

Наиболѣе энергичными организаторами офицерскихъ отрядовъ въ Москвѣ были два молодыхъ кавалерійскихъ офицера — ротмистръ Московскаго драгунскаго полка Золотаревъ и ротмистръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ Л. Судьба послѣдняго мнѣ точно неизвѣстна (онъ, повидимому, погибъ), что же касается Золотарева, то онъ былъ арестованъ большевиками и почти тотчасъ разстрѣлянъ, причемъ они очевидно не знали, что въ его рукахъ были многія нити подготовлявшагося дѣйствія — ибо въ противномъ случаѣ вѣроятно не такъ скоро бы съ нимъ расправились въ надеждѣ выпытать отъ него имена причастныхъ лицъ. Весьма дѣятельное участіе въ организаціи конспиративной военной силы въ пѣхотныхъ частяхъ принималъ молодой офицеръ военнаго времени приватъ-доцентъ К., человѣкъ исключительной смѣлости, энергіи и организаторскихъ способностей. Взоры офицерства были обращены къ жившему въ Москвѣ ген. Брусилову, который не отказывался вообще въ будущемъ возглавить военное движеніе, однако, личнаго участія въ организаціи его принимать не желалъ, ограничившись избраніемъ для себя въ будущемъ въ качествѣ начальника своего штаба ген. Дрейера, который и состоялъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ тѣми офицерами, которые возглавляли отдѣльныя офицерскія организаціи. Однако, самъ генералъ Дрейеръ не только, никакимъ авторитетомъ среди офицеровъ не пользовался, но не пользовался даже ихъ довѣріемъ. Впослѣдствіи, недовѣріе это дошло до такой степени, что, когда начались аресты съ послѣдующими разстрѣлами наиболѣе дѣятельныхъ членовъ офицерскихъ организацій, среди офицерства упорно циркулировали слухи, что виновникомъ ихъ былъ самъ ген. Дрейеръ. Наиболѣе распространенная версія сводилась къ тому, что ген. Дрейеръ сообщилъ имена главныхъ организаторовъ нѣмцамъ, которые съ своей стороны сообщили ихъ большевикамъ. Однако, никакихъ реальныхъ данныхъ въ подтвержденіе этого обвиненія никто представить не могъ, свидѣтельствовали же эти слухи вѣрнѣе всего о нервности, которая уже охватила жителей Москвы.

Если лица, могущія возглавить военное pronunciamento, либо вообще уклонялись отъ этого, либо придерживались чрезмѣрной конспираціи, то рядовое офицерство,

котораго въ Москвѣ къ веснѣ 1918 г. стеклось великое множество, отличалось необыкновенной болтливостью. О своемъ участіи въ «организаціяхъ» офицерство громко разговаривало на излюбленномъ ими для прогулокъ Пречистенскомъ бульварѣ, проявляя при этомъ невѣроятную довѣрчивость ко всякому лицу, носящему военный мундиръ (офицерство въ то время лишено было погонъ, но все же продолжало носить военную форму). Этимъ, конечно, воспользовалась Московская чека и подсылала къ юнымъ конспираторамъ своихъ агентовъ, переодѣтыхъ въ военную форму. Увы, были среди этихъ агентовъ и настоящіе офицеры. Среди многотысячнаго разношерстнаго офицерства не могло не быть и предателей.

Ген. Брусиловъ ставилъ условіемъ для возглавленія военнаго движенія наличность въ Москвѣ вполнѣ сплоченнаго офицерскаго контингента не менѣе 6 тысячъ. «Дайте, сказалъ онъ мнѣ, шесть тысячъ штыковъ и я выступлю». Но до этого числа набрать офицерскій отрядъ въ Москвѣ, переполненной офицерами, какъ это ни странно, не удалось. Препятствовали этому многія причины, какъ то: недостаточность средствъ, отсутствіе, какъ я уже упомянулъ, внушающаго довѣріе офицерству боевого вождя и, наконецъ, едва ли не больше всего, то обстоятельство, что на ряду съ лицами, стремившимися образовать военную силу для сверженія большевицкой власти въ центрѣ, въ Москвѣ были другія лица, которыя наоборотъ стремились извлечь офицеровъ изъ Москвы, одни на Донъ — въ Добровольческую армію, другія на Уралъ, для образованія тамъ новаго восточнаго фронта. Припутались тутъ и пресловутыя «оріентаціи», одна на германцевъ, другая на державъ согласія. Дѣйствительно за Московскимъ офицерствомъ, искавшимъ и дѣла и необходимаго для существованія заработка, одновременно ухаживали и стремились заманить въ свои ряды три организаціи, олицетворявшія три основныя общественныя теченія. Наиболѣе дѣятельнымъ былъ несомнѣнно въ этомъ направленіи Савинковъ, образовавшій такъ называемый Союзъ освобожденія Россіи. Работая на средства Антанты, преимущественно Франціи, онъ по ея мысли, всемѣрно старался образовать новый анти-германскій фронтъ на Уралѣ, желая одновременно, уже по собственному почину, поднять мѣстныя возстанія въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ, расположенныхъ къ востоку отъ Москвы. Въ томъ же направленіи извлеченія офицеровъ изъ Москвы работали агенты добровольческой арміи, орудуя отчасти на средства тѣхъ же союзниковъ, отчасти на средства Московскихъ денежныхъ круговъ.

Несчастное офицерство, сразу лишившееся и положенія, и средствъ существованія, естественно искало выхода изъ создавшагося положенія и попадало при этомъ въ водоворотъ окружавшихъ его политическихъ теченій. Вотъ эта то вербовка на югъ въ добр-армію, а въ особенности на Уралъ и не давала возможности увеличить ту боевую силу, которая необходима была для сверженія большевиковъ въ самой Москвѣ — единственному по существу способу ихъ одолѣнія. Били по оконечностямъ, били при этомъ неудачно, и оставляли голову въ покоѣ, тогда какъ въ ней одной была реальная сила, она одна имѣла значеніе. Необходимо кромѣ того помнить, что въ ту пору силу лѣвыхъ политическихъ партій, въ особенности эсъ-эровъ, почти всѣ значительно преувеличивали и поэтому рядовое офицерство, не разбиравшееся ни въ политическихъ программахъ, ни въ сущности работы отдѣльныхъ партій, склонялось къ мысли, что дѣйствіе, возглавляемое лидерами лѣвыхъ, имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Имѣли, повидимому, значеніе и тѣ матеріальныя условія, которыя предлагались Савинковымъ. Московская офицерская группа получала опредѣленныя ежемѣсячныя пособія за счетъ средствъ, отпускавшихся промышленными кругами. Сумма эта въ общемъ была довольно значительная, достигнувъ въ маѣ и іюнѣ по 800 тыс. рублей, но самый размѣръ пособія для каждаго отдѣльнаго лица

былъ не великъ, превышая лишь для отдѣльныхъ лицъ 250 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ цѣны на всѣ продукты безпрерывно росли, и прожить на 250 рублей въ мѣсяцъ, при цѣнѣ пуда хлѣба въ 400 руб., въ Москвѣ не было возможности. Наоборотъ, Савинковъ, насколько намъ было извѣстно, ежемѣсячныхъ пособій не выдавалъ и вѣроятно ихъ даже не обѣщалъ, но зато единовременно, на расходы по переѣзду выдавалъ значительно большую сумму. Расчетъ былъ при этомъ простъ. Разъ выѣхавъ изъ Москвы на Уралъ, офицерство уже оказывалось всецѣло въ фактической власти тѣхъ, къ которымъ оно примкнуло, а посему, даже полное прекращеніе выдачи имъ содержанія уже не могло повлечь ихъ уходъ изъ рядовъ войскъ — уйти было некуда.

Однако, едва-ли не наибольшій вредъ окончательной организаціи Московской вооруженной анти-большевистской силы нанесла группа офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшая въ тѣсной связи съ Савинковымъ и по его наущенію усердно вооружавшая офицерство противъ тѣсной связи съ правымъ центромъ, будто-бы всецѣло связавшимся съ нѣмцами. Вопросъ такъ называемыхъ оріентацій весьма сложный, но раньше чѣмъ его коснуться, не могу не сказать, что именно въ этотъ періодъ въ Москвѣ, въ средѣ офицеровъ генер. штаба, которымъ я пытался объяснить положеніе, занятое правымъ центромъ, я впервые вполнѣ постигъ ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры въ развалѣ русской арміи и тѣмъ самымъ въ развалѣ государства.

Наша академія генеральнаго штаба, имѣвшая по существу задачей создать мозгъ русской арміи и заполонившая своими воспитанниками всѣ высшія командныя должности, фактически привела къ двумъ результатамъ. Съ одной стороны, она развила въ обучаемой ею средѣ разсудочность въ ущербъ волевыхъ качествъ, съ другой — она породила въ ней духъ интриги и безпринципнаго карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларація правъ солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что тѣ же штабные офицеры первые перелицевались на революціонный ладъ до такой степени, что собраніе этихъ офицеровъ въ Петроградѣ, гдѣ участвовали верхи военнаго министерства, пришло къ заключенію, что имъ слѣдуетъ всѣмъ in corpore записаться въ члены партіи соціалъ-революціонеровъ. Отъ рѣшенія этого отказались лишь послѣ того, какъ однимъ изъ собравшихся было резонно заявленно, что въ искренность такого массового перехода никто не повѣритъ, а потому выгоды имъ не доставитъ. Наконецъ, спрашивается, кто-же составляетъ ядро красной арміи, кто первый пошелъ на зовъ большевиковъ поступить къ нимъ на службу, какъ не тѣ же офицеры генеральнаго штаба. Что-же мудренаго, что тѣ же офицеры генеральнаго штаба всего охотнѣе отозвались на зовъ Савинкова, усматривая въ немъ представителя того политическаго теченія, которое въ то время въ глазахъ большинства имѣло наибольшіе шансы замѣнить у власти большевиковъ. Мотивъ для отхода отъ праваго центра однако выставлялся другой, а именно — та нѣмецкая оріентація, которой будто бы придерживался этотъ центръ. Дѣйствительно, политическихъ разногласій между правымъ центромъ и Савинковымъ въ то время не возникало. Разногласіе было тактическое. Правый центръ полагалъ, что большевиковъ можно свалить только разгромивъ ихъ въ Москвѣ, Савинковъ думалъ, что легче поднять возстаніе одновременно во многихъ мѣстныхъ центрахъ и уже оттуда подойти къ Москвѣ. Тщетно я объяснялъ, что у праваго центра нѣтъ иной оріентаціи кромѣ русской и что въ выборѣ между державами согласія и Германіей единственное начало, которымъ центръ этотъ руководствуется — это польза государственная. Приводилъ я и извѣстныя слова Пальмерстона, нѣкогда сказавшаго, что у Англіи нѣтъ постоянныхъ союзниковъ, а есть лишь постоянные интересы.

Чувства непріязни и даже вражды къ націи, съ которой вели ожесточенную войну въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, вполнѣ понятны, но руководствоваться чувствами въ политикѣ нельзя. Точно также немыслимо говорить о какой то вѣрности союзникамъ, когда эти же самые союзники заявили готовность поддерживать у власти поработителей Россіи, лишь бы они согласились продолжать борьбу съ Германіей. Слѣдуетъ помнить, что согласно латинскому изреченію — vetita privatim, publice jubentur — запрещенное въ частныхъ отношеніяхъ въ отношеніяхъ общественныхъ обязательно. Когда вѣрность государства принятымъ имъ на себя обязательствамъ смертельно вредна интересамъ народа, соблюденіе этой вѣрности правителями является ни чѣмъ инымъ какъ предательствомъ по отношенію къ своему народу. Честь правителей зиждется не на соблюденіи принятыхъ ими международныхъ обязательствъ, а на всемѣрномъ охраненіи интересовъ своего народа. Иной образъ дѣйствій не только не разумный, но и преступный. Люди, взявшіе на себя бремя охраны интересовъ своего народа, не имѣютъ права руководствоваться иными соображеніями, кромѣ отвѣчающихъ этимъ интересамъ. Тутъ вопросамъ чести не мѣсто. На международномъ рынкѣ расцѣнивается не честь народовъ, а лишь степень ихъ мощи. Соблюдая во что бы то ни стало принятыя государствомъ обязательства, правители въ сущности ограждаютъ не честь народа, свойства котораго отъ этого не измѣнятся, а лишь собственную, личную честь, иначе говоря, дѣйствуютъ сами того, быть можетъ, не сознавая, въ высшей степени эгоистично.

Подобно тому какъ офицеры генеральнаго штаба въ Москвѣ склонялись на сторону организаціи Савинкова подъ предлогомъ, что національный центръ придерживается германской оріентаціи, а въ сущности потому, что усматривали большія выгоды въ союзѣ съ Савинковымъ, нежели съ организаціями, состоявшими въ связи съ правымъ центромъ, такъ и образовавшійся въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1918 г. союзъ возрожденія Россіи порвалъ существовавшую у него дотолѣ связь съ правымъ центромъ, подъ разными несущественными предлогами, при чемъ думается мнѣ, что истинной причиной была боязнь, что въ случаѣ возстановленія русской государственности правыми кругами, вновь восторжествуетъ тотъ государственный строй, который былъ поверженъ еще февральской революціей.

Союзъ возрожденія состоялъ изъ отдѣльныхъ представителей партіи к. д., народныхъ соціалистовъ и эсъ-эровъ, объединившихся однако лишь персонально. Изъ его состава два лица — Н. И. Астровъ и В. А. Степановъ входили одновременно и въ правый центръ, составляя, такимъ образомъ, живую связь между этими двумя группами. Нѣкоторыя шереховатости между Степановымъ, а въ особенности Астровымъ, и остальными членами праваго центра возникли весьма скоро. Обнаружилось это въ особенности, когда въ правомъ центрѣ возникъ вопросъ о включеніи въ его составъ нѣсколькихъ лицъ изъ состава крайней правой группы, гдѣ наиболѣе вліятельное положеніе занимали протоіерей Восторговъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ и А. Д. Самаринъ. Противъ такого включенія члены Союза возрожденія рѣшительно возражали; не сочувствовали этому впрочемъ и многіе члены самого праваго центра. Переговоры съ этой группой тѣмъ не менѣе были начаты, однако лишь послѣ выхода изъ состава праваго центра Астрова и Степанова. Переговоры эти ни къ чему не привели, да и самое объединеніе это не могло, съ точки зрѣнія праваго центра, имѣть какое-либо реальное значеніе. Крайне-правыя группы въ то время находились въ полной изолированности и никакими реальными орудіями борьбы не обладали.

Что же касается окончательнаго разрыва связи между правымъ центромъ и Союзомъ возрожденія, то произошелъ онъ на почвѣ той же оріентаціи, а именно на вопросѣ о привлеченіи японцевъ къ высадкѣ своихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ

и продвиженіи ихъ до Урала, съ цѣлью образованія тамъ новаго анти-германскаго фронта со включеніемъ въ его составъ какъ чехословацкихъ военноплѣнныхъ, преобразовавшихся, къ тому времени, въ вооруженные отряды, такъ и русскихъ добровольцевъ. Предположеніе это возникло въ Парижѣ и было протелеграфировано В. А. Маклаковымъ, черезъ посредство французскаго консула въ Москвѣ, Гренара, члену праваго центра, кн. Е. Н. Трубецкому. Идея эта была совершенно фантастичная и могла возникнуть лишь въ охваченныхъ страхомъ отъ крушенія русскаго восточнаго фронта французскихъ правительственныхъ кругахъ. Совершенно не освѣдомленный объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, при которомъ ни о какомъ продолженіи нашей борьбы съ Германіей не могло быть и рѣчи, Маклаковъ горячо поддерживалъ эту мысль. Союзъ Возрожденія, видѣвшій въ дальнѣйшей помощи державамъ согласія — вѣрнѣйшій способъ обезпеченія окончательнаго закрѣпленія тѣхъ демократическихъ лозунговъ, которые, съ такой стремительностью проводило свергнутое временное правительство кн. Львова, также присоединился къ этой несуразной, съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, мысли. Принявшій участіе въ обсужденіи этого вопроса правымъ центромъ генералъ Циховичъ сдѣлалъ точный разсчетъ времени, потребнаго для сосредоточенія на Уралѣ сколько-нибудь крупной японской арміи. Оказалось, что это осуществимо лишь въ весьма продолжительный срокъ, если память мнѣ не измѣняетъ, 6—8 мѣсяцевъ. Смущало кромѣ того правый центръ и самое привлеченіе японцевъ къ участію въ международной войнѣ на русской территоріи. Было очевидно, что для нашихъ прекрасныхъ глазъ японцы никакой помощи намъ не окажутъ (предполагалось, что японскіе войска поведутъ не только борьбу противъ Германіи, но помогутъ и свергнуть большевицкую власть) и что единственнымъ реальнымъ результатомъ всего этого предпріятія будетъ захватъ японцами Владивостока и всего Уссурійскаго края. Полученныя черезъ того же Маклакова завѣренія японцевъ, гарантированныя державами согласія, что никакихъ территоріальныхъ захватовъ они за счетъ Россіи не произведутъ и по окончаніи войны тотчасъ отведутъ свои войска въ свои предѣлы, насъ мало успокаивало. Такимъ образомъ, самое образованіе новаго, анти-германскаго фронта въ предѣлахъ Россіи на Уралѣ, представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ; но мало этого, если-бы оно дѣйствительно совершилось, то даже одно продвиженіе японцевъ черезъ Сибирь къ Уралу сопряжено было съ огромнѣйшей опасностью для ядра русскаго государства — его европейской части. Первымъ, неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ явился бы тѣснѣйшій союзъ германцевъ съ большевицкой властью и всемѣрная ея поддержка. Между тѣмъ правый центръ вполнѣ постигалъ, что главное зло для Россіи представляли именно большевики, до сверженія которыхъ установленіе въ странѣ какого-либо государственнаго порядка совершенно немыслимо. Между тѣмъ свергнуть большевиковъ возможно было если не при участіи Германіи, то по крайней мѣрѣ при условіи сохраненія ею нейтральнаго положенія по отношенію къ коммунистамъ.

Какъ бы то ни было переговоры съ французскими представителями велись въ теченіе нѣкотораго времени отдѣльными членами праваго центра. Велись они на квартирѣ кн. Е. Н. Трубецкого, а участвовали въ нихъ, кромѣ хозяина квартиры, А. В. Кривошеинъ, П. Б. Струве, авторъ этихъ строкъ и, однажды, Н. И, Астровъ. Припоминаю, что при этомъ мы старались доказать французамъ, что до сверженія большевицкой власти не можетъ быть никакой надежды на возобновленіе Россіей борьбы съ Германіей, что если союзники желаютъ этого достигнуть, то они должны прежде всего снабдить насъ тѣми денежными средствами, безъ которыхъ мы свалить большевиковъ не въ состояніи.

На самоувѣренныя и легкомысленныя убѣжденія французовъ, совершенно не разбиравшихся въ русскихъ дѣлахъ и переоцѣнивавшихъ силу и значеніе русскихъ соціалистическихъ круговъ, объединиться всѣмъ русскимъ политическимъ партіямъ съ этой цѣлью воедино, нѣкоторые изъ насъ возражали, что это не только невозможно, но и безцѣльно. Соціалъ-демократы-меньшевики и эсъ-эры намъ столь же чужды и представляются намъ столь же вредоносными для русскаго государственнаго бытія, какъ и большевики. Союзъ Возрожденія и его представитель медоточивый Астровъ съ обычной ему «безпокойной ласковостью во взорѣ» держались иного мнѣнія. Ихъ военный спеціалистъ — ген. Болдыревъ — впослѣдствіи вошедшій въ составъ Уфимской директоріи, настаивалъ на возможности созданія, при помощи японцевъ, грознаго анти-германскаго фронта на Уралѣ въ сравнительно короткій срокъ. Въ результатѣ Союзъ Возрожденія рѣшилъ обратиться съ просьбой къ Японіи объ оказаніи помощи своими войсками на русской территоріи. По той или по иной причинѣ, но японцы дѣйствительно высадили во Владивостокѣ довольно значительное количество войска и хотя, какъ извѣстно, и близко къ Уралу не подошли, но все же нанесли нашимъ стремленіямъ свергнуть большевиковъ въ Москвѣ роковой ударъ.

Дѣйствительно, какъ разъ въ то время, когда велись переговоры съ французами объ образованіи Уральскаго фронта, нѣкоторые представители германскаго правительства завязали сношенія съ группой политическихъ дѣятелей умѣренно-праваго направленія въ Петербургѣ. Со стороны этой группы наиболѣе дѣятельное участіе принимали В. Ѳ. Треповъ (впослѣдствіи разстрѣлянный въ качествѣ одной изъ искупительныхъ жертвъ за убійство комиссара Урицкаго) и баронъ Б. Э. Нольде. Объ этихъ переговорахъ былъ освѣдомленъ Московскій правый центръ, и тутъ впервые возникъ вопросъ о возможности опереться на германцевъ въ дѣлѣ сверженія большевиковъ. Вопросъ этотъ вызвалъ весьма горячіе споры и довольно продолжительное время оставался открытымъ. За сговоръ съ нѣмцами весьма рѣшительно съ мѣста высказался А. В. Кривошеинъ. Признаюсь, я былъ противоположнаго мнѣнія и даже изложилъ его на письмѣ.

Исходя изъ того положенія, что интересы Германіи органически противоположны русскимъ интересамъ, что германскій Drang nach Osten не есть результатъ политики какихъ либо отдѣльныхъ германскихъ государственныхъ дѣятелей, а органическое стремленіе германской, черезчуръ по размѣрамъ ея территоріи расплодившейся, націи на просторъ рѣдко населеннаго востока, а посему никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ завоевательныхъ, Германія питать къ намъ не можетъ, я утверждалъ, что и мы съ своей стороны, чтобы отстоять свои національные интересы должны воспитать въ себѣ не чувства дружбы къ Германіи, а священную месть за причиненное намъ зло, за условія Брестъ-Литовскаго договора.

Положенія эти, сами по себѣ безспорныя, не отвѣчали однако условіямъ и требованіямъ момента. Если на длительномъ историческомъ протяженіи Германія можетъ стремиться лишь къ расширенію своихъ владѣній за счетъ Россіи, то это еще не обозначаетъ, что въ какіе либо отдѣльные моменты ея бытія, ей не было выгодно заручиться содѣйствіемъ, или хотя бы нейтралитетомъ Россіи путемъ временнаго отказа отъ осуществленія своихъ постоянныхъ вожделѣній. Именно такимъ моментомъ была середина 1918 г., когда Германія убѣдилась, что, не опираясь на естественныя богатства Россіи, она не въ состояніи продолжать своей борьбы съ державами согласія. Это въ особенности ясно сознавали германскіе военные круги и посему именно въ ихъ средѣ господствовала мысль о возстановленіи Россіи и о сверженіи большевиковъ, дабы такимъ путемъ создать въ Россіи власть,

ей дружественную. Иначе смотрѣло на этотъ вопросъ германское правительство, еще не утратившее надежды выйти побѣдителемъ изъ мiровой борьбы и потому строившее планы о перекройкѣ карты Европы, согласно длительнымъ германскимъ интересамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Германія, хотя и вступила въ переговоры съ русскими общественными кругами, но одновременно, тѣмъ не менѣе, поддерживала тѣсную связь съ большевиками. Политика ея была двойственная. Но эта политика не была основана на коварствѣ, а являлась лишь результатомъ тѣхъ внутреннихъ треній, того разномыслія, которое происходило въ ея собственной средѣ. Порукой этого является, между прочимъ и то, что германскіе агенты, которые вели переговоры съ русскими общественными кругами, твердо вѣрили, что именно они проводятъ политику, отвѣчающую истиннымъ намѣреніямъ германскаго правительства. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ моментъ этихъ переговоровъ русская общественность не раскололась по вопросу объ «оріентаціи», если бы она пошла навстрѣчу нѣмецкимъ предложеніямъ, если бы добровольческая армія не задрапировалась въ тогу скудоумнаго Ламанческаго рыцаря — Донъ-Кихота, а послѣдовала бы мудрой государственной политикѣ Донского атамана Краснова, то Германія исполнила бы свои обѣщанія, а именно пересмотрѣла бы Брестъ-Литовскій договоръ, вернула бы намъ наши владѣнія, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, отъ которыхъ мы уже сами, въ бытность временнаго правительства, отказались, и возстановила бы въ Россіи русскую государственную власть. О большевикахъ давно бы не было и помину. Конечно, сдѣлала бы она это не даромъ, а въ обмѣнъ потребовала бы отъ насъ прекращенія военныхъ сношеній съ Антантой, опредѣленнаго заявленія, что мы отъ всякаго дальнѣйшаго участья въ мiровой войнѣ отказываемся и что одновременно мы предоставляемъ Германіи возможность черпать изъ нашихъ предѣловъ продовольственные продукты и необходимое для ихъ военной промышленности сырье.

Но когда Германія убѣдилась, что она можетъ имѣть дѣло только съ правыми русскими общественными кругами, что вся, такъ называемая, передовая общественность не желаетъ имѣть съ ней дѣла, она естественно отказалась отъ мысли строить свои планы на возсозданіи порядка въ Россіи и это тѣмъ болѣе, что она переоцѣнивала значеніе русскихъ лѣвыхъ соціалистическихъ теченій, да и не могла не переоцѣнивать, когда видѣла, что подъ вліяніемъ той же переоцѣнки, какъ добровольческая армія, такъ и вообще офицерская среда шла на соглашеніе съ этими лѣвыми теченіями.

Были двѣ основныя причины, положившія окончательный конецъ переговорамъ съ нѣмцами. Первой изъ нихъ была мысль объ образованіи новаго русско-японскаго фронта на Уралѣ и состоявшаяся вслѣдъ за этимъ высадка японскихъ войскъ въ Владивостокѣ. То и другое стало конечно тотчасъ извѣстно германцамъ, причемъ какъ разъ въ тотъ моментъ (іюнь мѣсяцъ 1918 г.), когда германское правительство перешло на точку зрѣнія германскихъ военныхъ круговъ о необходимости въ германскихъ интересахъ возсоздать порядокъ въ Россіи и покончить съ большевиками. Но тутъ произошло перемѣщеніе ролей, тутъ уже германское верховное командованіе, наткнувшееся на крайнюю непріязнь добровольческой арміи и освѣдомленное объ усиленной тягѣ русскаго офицерства въ Сибирь, на Уралъ, для образованія тамъ новаго, враждебнаго ему фронта, рѣшительно заявило, что ни о какомъ возстановленіи Россіи не можетъ быть и рѣчи, что наоборотъ необходимо разваливать Россію и въ этихъ видахъ поддерживать большевицкую власть.

Не могу здѣсь не отмѣтить, что ни лѣвыя общественныя теченія, ни добровольческая армія не сумѣли даже использовать передъ Антантой своего отказа отъ всякаго соглашенія съ Германіей, не сумѣли поставить условіемъ соблюденія донъ-Кихотской вѣрности союзникамъ полученіе отъ нихъ крупныхъ денежныхъ средствъ для борьбы съ явно находившимися въ зависимости отъ Германіи большевиками.

Какъ и подобаетъ Ламанческимъ рыцарямъ, они мечтали покорить своихъ враговъ безъ необходимыхъ средствъ, безъ надлежащаго вооруженія, основываясь исключительно на правотѣ того дѣла, которое защищали.

Какъ бы то ни было, но Московскій правый центръ довольно продолжительное время вѣрилъ въ возможность сговориться съ нѣмцами и при ихъ помощи свергнуть большевиковъ. Велись по этому поводу двумя, командированными съ этой цѣлью, членами центра переговоры съ совѣтникомъ германскаго посольства Ритцлеромъ. Были, впрочемъ, и другіе посредники между представителями Германіи и русскими общественными дѣятелями. Живое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, и бывшій оберъ-прокуроръ Св. Синода въ кабинетѣ Витте, кн. Алексѣй Д. Оболенскій, высказывавшій даже во время войны германофильскія чувства. На частномъ совѣщаніи по этому вопросу въ квартирѣ Оболенскаго принималъ между прочимъ участіе спеціально пріѣхавшій съ этой цѣлью изъ Петрограда бар. Б. Э. Нольде.

Была и вторая причина, которая склоняла нѣкоторыхъ членовъ праваго центра къ соглашенію съ Германіей и ея правительствомъ — надежда такимъ образомъ спасти жизнь Государя и его семьи. Опасность, которой подвергалась Царская семья, была для всѣхъ очевидна и отвратить ее возможно было только мощной иностранной интервенціей. Страны согласія, даже если бы они къ этому стремились, защитить Государя лишены были возможности. Наоборотъ Германія, зависимость отъ которой совѣтской власти была очевидна, думалось, въ состояніи была оказать эту защиту. Въ этихъ видахъ нѣкоторые члены праваго центра во главѣ съ Кривошеинымъ вели переговоры съ германскимъ представителемъ въ Москвѣ. Въ переговорахъ этихъ я не участвовалъ и въ подробности ихъ не былъ посвященъ, однако отчетливо помню, что хотя нѣмцы и говорили, какъ это упомянуто въ показаніи Кривошеина, приведенномъ въ книгѣ Соколова, излагающей произведенное имъ слѣдствіе о гибели Царской семьи, что ихъ интересуетъ лишь судьба великихъ княгинь нѣмецкаго происхожденія, однако одновременно они утверждали, что Царь находится въ безопасности и что они имѣютъ при немъ своихъ людей, которые его охраняютъ. По цѣлому ряду мелкихъ подробностей, которыя теперь ни возсоздать, ни припомнить я не въ состояніи, у меня тогда создалось опредѣленное убѣжденіе, что нѣмцы были весьма заинтересованы охраненіемъ жизни тѣхъ членовъ Царской семьи, которые могли занять русскій престолъ. Всѣ опубликованныя съ тѣхъ поръ данныя лишь укрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи. Для меня совершенно ясно, что вывозъ Царской семьи изъ Тобольска произошелъ по германской инициативѣ и что ѣздившій въ Тобольскъ за Государемъ Яковлевъ былъ въ связи съ германцами. Не оцѣнили лишь нѣмцы той опасности, которой подвергался Государь при проѣздѣ черезъ захваченные большевиками края.

Мнѣ сдается, что дѣло происходило такъ. Германцы неоднократно требовали отъ Московской центральной власти доставленія къ нимъ Государя. Въ послѣдній разъ произошло это какъ разъ послѣ убійства ихъ посла Мирбаха, когда они заявили намѣреніе ввести въ Москву часть своихъ войскъ. Большевики этому самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились. Тогда нѣмцы отказались отъ этого намѣренія, подъ условіемъ передачи имъ русскаго Императора. Большевики на это согла-

сились, одновременно тогда же рѣшивъ, что уничтожатъ всю Царскую семью, свалившп отвѣтственность на какія-нибудь мѣстныя учрежденія. Такъ они и сдѣлали, своевременно увѣдомивъ Екатеринбургскій большевицкій комитетъ о предстоящемъ отъѣздѣ Царя. Дѣйствительно, если бы Яковлевъ, везшій Государя, былъ только агентомъ большевиковъ и дѣйствовалъ на основаніи ихъ искреннихъ намѣреній, то ему не было никакой надобности утверждать, что везетъ Государя въ Москву, и затѣмъ усиленно стараться это исполнить. Онъ бы прямо сказалъ, что везетъ его въ Екатеринбургъ. Московская большевицкая власть съ другой стороны никогда не могла сама возымѣть мысль о переводѣ Государя въ Москву — слишкомъ это былъ рискованный для нихъ шагъ. Пошли на это, да и то лишь на словахъ, только по настоянію германцевъ.

Во всякомъ случаѣ, я утверждаю, что убійство Государя было для германцевъ не только совершенно неожиданнымъ, но и весьма нежелательнымъ событіемъ. Именно гибель Царя измѣнила ихъ отношеніе къ вопросу о сверженіи большевиковъ. Нѣмцы тогда еще вполнѣ понимали то, чего вожди бѣлаго движенія понять не сумѣли, а именно: что всякое антибольшевицкое движеніе, не возглавляемое непререкаемымъ, въ представленіи народныхъ массъ да и не ихъ однихъ, авторитетомъ, не сулитъ успѣха. Ихъ отношеніе къ группѣ, ведшей съ ними переговоры объ оказаніи помощи въ дѣлѣ сверженія большевиковъ, рѣзко измѣнилось именно со времени полученія извѣстія о гибели Государя. До этого момента они говорили о возможности прибытія въ Москву изъ Смоленска, гдѣ они находились, нѣкоторыхъ нѣмецкихъ воинскихъ частей, для непосредственнаго участія въ переворотѣ; послѣ этого они опредѣленно заявили, что непосредственнаго участія въ переворотѣ принять они не могутъ, и лишь усиленно убѣждали представителей праваго центра произвести его собственными силами, говоря, что они съ своей стороны лишь помогутъ косвенно, давъ возможность русскимъ контръ-революціоннымъ силамъ проникнуть въ склады оружія, а также заставивъ къ нимъ примкнуть, будто-бы всецѣло отъ нихъ зависящій, одинъ изъ латышскихъ батальоновъ.

Что же касается убійства Государя, то германцы не скрывали своего крайняго смущенія по этому поводу и даже огорченія.

Повторяю, таковы были намѣренія лишь одной части германскихъ правящихъ круговъ, намѣренія, основанныя именно на убѣжденіи, что при наличности въ ихъ власти русскаго Императора они могутъ обезпечить прочное возстановленіе порядка въ Россіи безъ опасенія, что въ такомъ случаѣ страна эта въ той или иной мѣрѣ вновь станетъ въ ряды противниковъ Германіи.

Коль скоро непререкаемаго представителя царской власти въ Россіи не стало, и эта часть германскихъ правителей отступилась отъ мысли смѣнить въ Россіи большевицкую власть какой-либо иной.

Между тѣмъ, правый центръ въ связи съ надеждой на германскую помощь вновь принялся за поиски такого лица изъ русскихъ военныхъ, который могъ бы возглавить предполагаемое движеніе. Пытались съ этой цѣлью связаться съ ген. Лукомскимъ, находившимся въ ту пору въ Харьковѣ. Поддерживали одновременно сношенія съ Кіевской организаціей, носившей названіе Азбуки, гдѣ наиболѣе видными членами были Шульгинъ и ген. А. М. Драгомировъ, однако сочувствія своимъ германскимъ планамъ и здѣсь не встрѣтили. Наконецъ, рѣшили обратиться либо къ Рузскому, либо къ Юденичу, находившимся по слухамъ въ Петроградѣ. Съ этой цѣлью отправился я и еще одинъ изъ членовъ праваго центра въ самыхъ первыхъ числахъ іюля въ Петроградъ. Поѣздка эта совпала съ выступленіемъ, почти одновременно въ обѣихъ столицахъ, соц.-революціонеровъ и послѣдовавшими, вслѣдъ за

этимъ, первыми проявленіями террора. Ѣхать въ Петербургъ можно было лишь по предъявленіи своихъ документовъ, и мнѣ достали билетъ и командировку на имя товарища Гайкина. По этому поводу произошелъ довольно нелѣпый случай. Мы уговорились съ моимъ компаньономъ по путешествію, что встрѣтимся при отъѣздѣ па Николаевскомъ вокзалѣ, но здѣсь оказалась такая толпа, что найти другъ друга не было никакой возможности. Мой компаньонъ, желая тѣмъ не менѣе меня розыскать принялся кричать во все горло: «товарищъ Гайкинъ», Вмѣстѣ съ другими слышалъ, разумѣется, эти вопли и я, но, не представляя себѣ, что они относятся ко мнѣ, даже подумавъ — «эка дался ему этотъ Гайкинъ, къ тому же очевидно глухой». Такъ мы въ Москвѣ другъ съ другомъ и не встрѣтились. Путешествіе было еще довольно сносное; шли вагоны перваго класса, даже спальные, но сидячаго мѣста найти однако не удалось, пришлось пробыть всю дорогу въ коридорѣ, примостившись па ребрѣ чемодана. Было однако и болѣе непріятное обстоятельство: въ вагонѣ оказались лица не столько знакомыя, сколько знающія меня въ лицо. Пришлось ихъ всячески сторониться — не равно пройдетъ контроль, потребуетъ документы, что фактически и случилось, и придется предъявлять документъ на имя товарища Гайкина, причемъ тутъ только я сообразилъ, что выкликали на вокзалѣ именно меня.

Поѣздка наша оказалась безплодной; ни Рузскаго, ни Юденича увидѣть не удалось, да ихъ повидимому и не было въ городѣ. Видѣлъ я зато лицо, называвшее себя главой петроградской конспиративной военной организаціи полковника Ш., и пришелъ въ ужасъ. Это была смѣсь необузданной хлестаковщины съ примитивными политическими представленіями и взглядами. Его послушать — во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ имѣются свои вѣрные люди и, слѣдовательно, все въ нихъ происходящее вполнѣ военной организаціи извѣстно; черезъ этихъ людей они могутъ сдѣлать все, что имъ угодно, и вообще свергнуть большевиковъ рѣшительно ничего не стоитъ. Кончился его разсказъ обычнымъ заявленіемъ — «нужны деньги».

Для меня стало ясно, что если московская военная организація страдаетъ отъ отсутствія обще-признаннаго авторитетнаго военнаго вождя, то петербургская просто не существуетъ; имѣется лишь небольшой кружокъ лицъ, усердно втирающихъ очки, что опи будто-бы что то представляютъ, и на этой почвѣ извлекающихъ нѣкоторыя личныя матеріальныя выгоды.

Вернувшись въ Москву, я сразу замѣтилъ ту рѣзкую перемѣну, которая тамъ произошла за короткій срокъ моего отсутствія. Воздухъ былъ насыщенъ надвигавшимся и уже кое-гдѣ проявившимся терроромъ, толчокъ коему былъ данъ неудачнымъ выступленіемъ эсъ-эровъ. Произведенная, вслѣдъ за этимъ обязательная регистрація офицеровъ, выразилась прежде всего въ томъ, что всѣхъ явившихся задержали, причемъ тутъ же слѣдомъ начались массовые разстрѣлы.

Вообще іюль 1918 г. ознаменовался перемѣной большевицкаго способа управленія. Приступивъ, почти тотчасъ послѣ захвата власти къ осуществленію своей программы (впрочемъ, уже отчасти осуществленной временнымъ правительствомъ, усердно расчищавшимъ путь коммунистамъ), большевики дѣйствовали, однако, до лѣта 1918 года съ нѣкоторой постепенностью и нарочитой осторожностью.

Держась у власти въ этотъ періодъ преимущественно на разжиганіи низменныхъ инстинктовъ невѣжественныхъ народныхъ массъ и на всяческихъ поблажкахъ разыгравшимся аппетитамъ толпы и посему не только дозволяя, но даже поощряя всякую распущенность и беззаконіе, они тѣмъ временемъ направляли всѣ свои усилія къ созданію, для своего владычества, твердой механической опоры, въ видѣ вооруженной опричнины, подчиненной желѣзной дисциплинѣ и крѣпко съ ними

спаянной общностью интересовъ и страхомъ отвѣтственности за сообща содѣянныя преступленія.

Созидалась эта опричнина подъ именемъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, съ одной стороны, и красной гвардіи, съ другой, хотя послѣднюю всемѣрно старались изобразить какъ силу, созидаемую взамѣнъ императорской арміи, для отпора внѣшнимъ врагамъ государства, что было необходимо для привлеченія въ ея среду офицерства.

Къ лѣту 1918 г. обѣ эти силы получили достаточное развитіе и организованность, почему и появилась возможность почти не считаться съ настроеніемъ неорганизованной и невооруженной народной массы и проводить свою программу во всей полнотѣ, независимо отъ степени сочувствія этихъ массъ къ отдѣльнымъ предпринимаемымъ на ея основаніи мѣропріятіямъ.

Вообразившая, что она получила безграничную свободу, толпа не успѣла оглянуться, какъ оказалась въ рабскихъ, ею самою выкованныхъ цѣпяхъ. Однако, сразу съ этимъ помириться не могли ни отдѣльныя единицы, постигшія, наконецъ, въ какую бездну влекутъ страну соціалъ-демократы большевицкаго толка, ни наиболѣе имущественно обезпеченная часть народной толщи.

Послѣдовалъ, какъ я упомянулъ, рядъ возстаній въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ; были попытки свергнуть власть и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, попытки, задуманныя и проведенныя подъ флагомъ соціалистовъ революціонеровъ, но осуществленныя консервативными элементами — преимущественно офицерскимъ составомъ и вовсе не ради предоставленія власти этой политической группѣ, а лишь для сверженія большевиковъ.

Попытки эти, какъ извѣстно, не удались, и на смѣну имъ, уже въ августѣ, послѣдовали покушенія на жизнь нѣкоторыхъ большевицкихъ вожаковъ. Въ Петербургѣ были убиты комиссары — Володарскій и Урицкій, въ Москвѣ былъ раненъ Ленинъ.

Большевики, декретомъ отъ 23-го августа ст. ст. отвѣтили провозглашеніемъ террора, приступивъ, однако, къ его широкому примѣненію еще до изданія этого декрета и установивъ одновременно институтъ заложничества. Созданная къ этому времени опричнина, набранная преимущественно изъ инородцевъ — латышей, эстонцевъ и китайцевъ — оказалась при такомъ способѣ дѣйствій, невзирая на ея сравнительную малочисленность, вполнѣ достаточной. Приступили къ массовымъ арестамъ и массовымъ разстрѣламъ. Кровь потекла ручьями.

Жизнь въ Москвѣ, для принадлежащихъ къ прежнимъ зажиточнымъ слоямъ населенія, а тѣмъ болѣе, для причастныхъ къ прежней государственной или общественной дѣятельности стала совершенно невозможной. О какой либо политической работѣ съ малѣйшей надеждой на усѣхъ, не могло быть и рѣчи. Унести ноги отъ непосредственной близости къ большевицкому застѣнку — вотъ на чемъ приходилось сосредоточивать свои усилія. Сопряжено это было съ всевозможными затрудненіями. Большевицкая Россія была окружена кольцомъ чекистскихъ отрядовъ и благополучно пробраться мимо нихъ удавалось далеко не всѣмъ. Выѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ возможенъ былъ только для лицъ, снабженныхъ особыми разрѣшеніями. Тѣмъ не менѣе, начался массовый исходъ всего, что не могло примириться съ большевицкимъ строемъ и находило въ себѣ достаточно рѣшимости для оставленія насиженныхъ мѣстъ, всего сохранившагося еще у нихъ имущества и даже денежныхъ средствъ засеквестрованныхъ большевиками въ банкахъ и сейфахъ, а также достаточно мужества какъ для преодолѣнія опасностей, сопряженныхъ съ переѣздомъ границы Совдепіи, такъ и для исканія убѣжища и заработка въ другихъ, для многихъ совершенно невѣдомыхъ, краяхъ.

Надо было прежде всего рѣшить, куда ѣхать и какими путями. Вопросъ сводился собственно къ тому, перебраться ли въ Малороссію, внезапно превратившуюся, по нѣмецкому велѣнію, по Скоропадскаго тщеславію, въ Украину, или на югъ къ Ростову. Но къ добровольцамъ имѣло смыслъ ѣхать военнымъ или вообще способнымъ по возрасту владѣть оружіемъ. Людямъ пожилымъ — тамъ дѣлать было нечего. Оставалась Украина. Какъ туда ѣхать? Послѣ недолгихъ размышленій, мой покойный другъ баронъ В. В. Меллеръ-Закомельскій (б. предсѣдатель центра Государственнаго Совѣта) и я рѣшили попытаться пробраться черезъ Смоленскъ и Оршу въ Кіевъ. Особымъ фаворомъ пользовались въ то время, такъ называемые украинскіе поѣзда, вывозившіе изъ Москвы украинскихъ гражданъ.

Въ Москвѣ было учреждено особое украинское консульство, причемъ во главѣ его оказался мелкій служащій общеземскаго союза, Кривскій. Выборъ очевидно случайный, но удачный. Кривскій отличался отмѣнной любезностью и готовностью помочь всѣмъ и каждому. Регистрація принадлежности къ уроженцамъ Украины была самая фантастическая, но, увы, гарантій противъ большевицкаго произвола она не давала никакихъ, до такой степени, что даже служба въ самомъ консульствѣ не обезпечивала отъ ареста и разстрѣла. Такъ, служившій въ консульствѣ, украинецъ по паспорту, офицеръ л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка Раупахъ былъ схваченъ и безъ всякаго суда и слѣдствія разстрѣлянъ, невзирая на всѣ протесты консула, подкрѣпленные мотивами, въ изложеніи которыхъ принимало участіе нѣсколько выдающихся московскихъ юристовъ.

Извѣстіе объ этомъ убійствѣ было получено въ консульствѣ вечеромъ, какъ разъ въ то время, когда я тамъ случайно находился, и сталъ свидѣтелемъ чрезвычайно тяжелой сцены. Въ консульство пришелъ узнать о судьбѣ сына отецъ Раупаха. Старикъ, отставной военный съ дрожью въ голосѣ передавалъ, что утромъ этого дня его жена ходила въ тюрьму, гдѣ заключенъ ихъ сынъ, для передачи ему посылки съ провизіей, но посылки этой отъ нея не приняли, говоря, что въ ней ея сынъ болѣе не нуждается. Въ то время въ Москвѣ еще не знали, что это былъ способъ, принятый большевиками для освѣдомленія родственниковъ и близкихъ, что тотъ, которымъ они интересуются, по ихъ циничному выраженію «выведенъ въ расходъ». Только здѣсь въ консульствѣ несчастный старикъ узналъ горькую правду.

Мы предпочли при такихъ условіяхъ остаться русскими гражданами. Раздобыли послѣ немалыхъ мытарствъ подборъ документовъ, какъ то пропуски, командировки и иныя удостовѣренія на имена Мищенки и Грищенки, въ томъ числѣ разрѣшеніе германскихъ властей на въѣздъ въ оккупированную ими территорію. Недоставало только разрѣшенія покинуть предѣлы Совдепіи: его получить не удалось. Раздумывать было некогда: въ Москвѣ почва горѣла у насъ подъ ногами, а по сему 30 августа ст. ст. (1918 г.) съ тяжелымъ сердцемъ, но за то съ весьма легкимъ багажомъ, запрятавъ, какъ умѣли, захваченныя нами деньги, поплелись мы на Ванькѣ по разваливавшейся Московской булыжной мостовой на Брестскій вокзалъ.

II.

Отъѣздъ изъ Москвы. Пріѣздъ въ Оршу. Германскія войска въ Оршѣ. Дорога до Гомеля. По Днѣпру отъ Гомеля до Кіева. Нѣмцы въ Кіевѣ. Гетманъ и его правительство. Кіевскія мѣстныя общественныя организаціи. Офицерство въ Кіевѣ. Организаціи, созданныя въ Кіевѣ петроградскими обществеными дѣятелями.

Огромныя помѣщенія московскаго вокзала Александровской дороги, загрязненныя, заплеванныя и засыпанныя скорлупой подсолнечныхъ сѣмечекъ кишѣли наро-

домъ. Взяточничество уже господствовало во всю въ большевицкихъ учрежденіяхъ, а по сему запрещеніе выѣзда изъ столицы фактически сводилось къ уплатѣ нѣкоторой дани большимъ и малымъ совѣтскимъ вершителямъ. Мзду эту платилъ всякій, кто только могъ, и если было множество взяточниковъ, то еще гораздо большее множество желавшихъ дать взятку, только бы выбраться изъ московскаго пекла. Не мудрено, что выѣздъ изъ Москвы, невзирая на запретъ, шелъ массовый.

Надо ли описывать путешествіе при такихъ условіяхъ? Увы, картина слишкомъ знакомая всѣмъ, жившимъ въ то время въ Совдепіи. Набитыя до потолка вагоны, постоянная провѣрка документовъ и осмотръ багажа, изъ котораго осмотрщики безцеремонно извлекали всѣ цѣнности, то куда то ихъ передавая, то просто присваивая себѣ. Дикіе возгласы при видѣ образовъ въ серебряныхъ окладахъ, которые немедленно срывались при возгласахъ: «Боговъ раздѣвать»; нескончаемыя остановки въ пути по неизвѣстнымъ причинамъ, и сверхъ всего этого отвратительное всеподавляющее чувство беззащитности отъ обнаглѣвшихъ хамовъ, достойныхъ не столько висѣлицы, сколько нагайки, — вотъ, что представляло всякое передвиженіе въ предѣлахъ хозяйничанья большевиковъ.

Къ вечеру другого дня дотащились мы, усталые и разбитые, до Смоленска. Здѣсь насъ встрѣтилъ посланный барономъ Меллеромъ впередъ юркій еврейчикъ. Необходимо было это, такъ какъ въ Москвѣ выдавали билеты только до Смоленска. Со свойственной его племени ловкостью раздобылъ намъ нашъ посланецъ билеты для дальнѣйшаго слѣдованія, и мы въ его сопровожденіи двинулись въ Оршу, куда онъ тоже успѣлъ уже съѣздить и обезпечить намъ тамъ ночное убѣжище, а равно удостовѣриться, что при помощи денегъ оттуда можно перебраться на территорію, занятую германцами.

Въ Оршу мы прибыли лишь поздно ночью. Въ темнотѣ по грязи, волоча наше несложное имущество, пошли мы подъ водительствомъ нашего чичероне по невѣдомымъ намъ уличкамъ и закоулкамъ грязнаго захудалаго городишки, вошли въ какой то дворъ и по скрипучимъ ступенькамъ шатающагося крылечка добрели до запертой входной двери. Дворъ былъ абсолютно темный. Изъ дома, который, повидимому, былъ нашимъ ближайшимъ этапомъ, не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. На осторожный, негромкій стукъ нашего проводника, показавшійся мнѣ по размѣренности ударовъ условленнымъ, дверь отворилась въ столь же, если не большую темноту, что господствовала во дворѣ. Ощупью влѣзли мы въ эту темноту, насыщенную какимъ то весьма сложнымъ по происхожденію запахомъ, дверь за нами затворили и лишь послѣ этого отворили дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ тускло свѣтила висячая керосиновая лампа, слабо освѣщая стоящій по серединѣ комнаты столъ съ кипящимъ на немъ самоваромъ и нѣсколько сидящихъ за нимъ грузныхъ фигуръ. Края комнаты скрывались въ тѣни и чуть виднѣлись очертанія объемистыхъ ящиковъ, бауловъ и разнообразныхъ тюковъ. Воздухъ былъ нестерпимо душный; наполнявшій комнату табачный дымъ тщетно старался перебить природный запахъ помѣщенія.

Приглядѣвшись, мы скоро поняли, что находимся въ вертепѣ контрабандистовъ, гдѣ подготовляется переправа, по условіямъ времени, помимо мертваго еще и живого груза, въ видѣ бѣгущихъ изъ совѣтской Россіи буржуевъ. Воскресли въ памяти литературныя описанія контрабандистовъ и ихъ промысла и намъ стало одновременно и жутко, и смѣшно.

Избѣгая лишнихъ разговоровъ съ хозяйкой помѣщенія, пожилой еврейкой, какъ полагается, въ рыжемъ парикѣ, объяснившей намъ, что время опасное, что именно въ эти часы, случается, обходятъ дома мѣстные чекисты, мы, поужинавъ остатка-

ми захваченной изъ Москвы провизіи, поспѣшили удалиться въ отведенную намъ комнату. Не раздѣваясь, улеглись мы втроемъ на двухъ составленныхъ узкихъ кроватяхъ, причемъ особенно плохо было барону Меллеру, расположившемуся между мною и своимъ сыномъ, надъ самой щелью отдѣлявшей предоставленныя намъ ложа. Невзирая на всю непривлекательность обстановки и на многочисленныя неудобства, изъ коихъ не меньшей была неизвѣстность ближайшаго будущаго, усталость взяла свое, и я скоро крѣпко заснулъ.

Проснулся я утромъ отъ какихъ то размѣренныхъ не то причитаній, не то завываній, издаваемыхъ цѣлымъ хоромъ голосовъ. Что за бѣсъ? Спросить однако некого. Мои спутники уже встали, и въ комнатѣ я одинъ. Недоразумѣніе продолжалось недолго. Оказалось, что въ сосѣднемъ, расположенномъ на томъ же дворѣ, домишкѣ, окна котораго находились на какую нибудь сажень отъ оконъ отведенной намъ комнаты, помѣщалась еврейская школа, гдѣ, очевидно, подъ руководствомъ меламеда происходило совмѣстное заучиваніе вслухъ талмуда толпой еврейской дѣтворы. Мнѣ, совершенно выбитому изъ обычной жизненной колеи, показалось въ высшей степени несообразнымъ, что въ то время, какъ въ моемъ представленіи рушился цѣлый міръ, разваливалось великое государство и происходила какая то всеобщая бѣсовская свистопляска, одновременно продолжается жизнь во всѣхъ ея обыденныхъ проявленіяхъ, существуютъ школы и въ нихъ производится обученіе, да еще такое, на мой взглядъ, нелѣпое.

Задумываться, однако, не приходилось. Еврейчикъ барона Меллера, успѣвшій съ утра сбѣгать на пропускной въ оккупаціонную зону пунктъ, сообщилъ намъ, что все налажено: за три тысячи рублей (деньги въ то время еще не малыя) пограничная большевицкая стража соглашается насъ безпрепятственно выпустить изъ предѣловъ Совдепіи, не освѣдомляясь вовсе о томъ, кто мы такіе, и не спрашивая никакихъ документовъ.

Не стану, разумѣется, описывать наше путешествіе по грязному мѣстечку, довольно непріятную встрѣчу съ какимъ то неузнаннымъ мною лицомъ, окликнувшимъ меня, къ крайнему моему и моихъ спутниковъ неудовольствію, по имени и отчеству, пропускъ черезъ какой то проходной сарай, гдѣ важно на креслахъ возсѣдали мѣстные грабители-большевики, за проволочныя загражденія, отдѣлявшія нейтральную зону между Совдепіей и территоріей, занятой германцами, продолжительное ожиданіе въ этой зонѣ на обширномъ лугу передъ линіей нѣмецкихъ проволочныхъ огражденій, и наконецъ, пропускъ черезъ эту, увы, вожделѣнную для насъ черту — все это нынѣ не представляетъ интереса. Скажу лишь, что судьба намъ безусловно благоволила. Едва лишь успѣли мы пройти черезъ мѣстный пограничный контроль, какъ онъ былъ замѣченъ московскими чекистами, спеціально командированными въ Оршу изъ Москвы, чтобы слѣдить за лицами, проходящими черезъ имѣвшійся тамъ пропускной пунктъ, и безпрепятственный нелегальный проходъ лицъ, не имѣющихъ на то разрѣшенія, сталъ невозможенъ даже и за крупныя деньги. Поступали проще: отбирали всѣ деньги и цѣнности у пытавшихся выбраться изъ cara patria, а ихъ самихъ арестовывали. Надо было пробираться уже опредѣленно контрабанднымъ способомъ между наблюдающими за границей большевицкими кордонами, что было сопряжено съ немалой опасностью.

Продержавъ насъ нѣсколько часовъ на лугу, нѣмецкій часовой, все время прогуливавшійся по ту сторону загражденій, наконецъ соблаговолилъ открыть устроенную въ нихъ калитку, передъ которой мы и съ десятокъ другихъ лицъ покорно ожидали пропуска, и послѣ весьма поверхностнаго осмотра документовъ впустилъ насъ

въ охраняемые имъ предѣлы. Здѣсь насъ сразу охватило непередаваемое чувство освобожденія отъ испытаннаго въ Совдепіи гнета.

По широкой, хорошо укатанной дорогѣ, пролегающей черезъ небольшой, живописный лѣсокъ, попадаемъ въ мѣсто расположенія нѣмецкихъ воинскихъ частей. Вдоль линіи желѣзной дороги, образуя цѣлое поселеніе, вытянулись въ нѣсколько рядовъ обширные и на видъ опрятные бараки, снабженные соотвѣтствующими ихъ назначенію четкими надписями. Тутъ же небольшой баракъ-ресторанъ. Какіе то предпріимчивые русскіе молодые люди обоего пола — мужчины въ студенческихъ фуражкахъ — бойко торгуютъ всевозможной снѣдью по весьма умѣреннымъ, по сравненію съ московскими, цѣнамъ. Бѣлыя булки, которыхъ Москва уже съ полгода не видѣла въ торговлѣ, лежатъ грудами; имѣется въ изобиліи и сахаръ. Перемѣна картины для насъ волшебная.

Въ нѣмецкой Оршѣ приходится оставаться до вечера, когда отходитъ поѣздъ на Гомель и далѣе въ Кіевъ. Наблюдаемъ отъ нечего дѣлать за нѣмецкими порядками и за нѣмецкимъ воинствомъ и скоро убѣждаемся, что за внѣшнимъ порядкомъ кроется и уже замѣтно выступаетъ наружу начавшееся внутреннее разложеніе. Поражаетъ прежде всего отнюдь не бравый видъ германскаго солдата: очевидно, что все лучшее, физически крѣпкое, молодое и боеспособное переведено на французскій фронтъ, а здѣсь противъ большевицкихъ растяпъ собранъ весь людской бракъ. Корявые, низкорослые, подслѣповатые — большинство въ очкахъ — германскіе воины далеки были отъ столь извѣстнаго типа прусскаго солдата. Одѣты довольно чисто, но въ достаточной степени неряшливо, мундиры не застегнуты, безкозырки, служащія головнымъ уборомъ, посажены на затылки. Видъ людей, слоняющихся безъ дѣла. Однако оказывается, что дѣло у нихъ есть, но дѣло это частное: всѣ сплошь спекулируютъ. Идетъ, во-первыхъ, усиленный обмѣнъ русскихъ денегъ на нѣмецкія и обратно, процвѣтаетъ бойкая торговля разнообразнымъ мелкимъ товаромъ. Офицеры до нѣкоторой степени этому препятствуютъ, но замѣчанія ихъ не производятъ большого впечатлѣнія, да и дѣлаются они въ какой то робкой формѣ: дисциплина очевидно подорвана. Тлетворный духъ большевизма оказываетъ свое дѣйствіе даже черезъ огражденную съ обѣихъ сторонъ проволокой широкую нейтральную зону.

Что касается насъ самихъ, то мы испытываемъ разнородныя чувства. Съ одной стороны тяжело видѣть германскія части, хозяйничающія на русской землѣ. Для насъ обоихъ — барона Меллера и меня — еще, казалось, такъ недавно русская побѣда надъ нѣмцами не подлежала никакому сомнѣнію. Участвуя въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, побывавъ въ составѣ парламентской делегаціи весной 1916 года на французскомъ фронтѣ, я доподлинно зналъ, что никогда еще съ самаго начала войны ни наши союзники, ни мы не обладали такими техническими боевыми средствами, ни такимъ количествомъ оружія и снарядовъ, какъ въ моментъ русскаго революціоннаго взрыва. Многіе признаки къ тому уже явно указывали, что Германія — ея войска и ея мирное населеніе выдыхается.

Да, тяжело было видѣть торжествующаго нѣмца, распоряжающагося въ нашихъ исконныхъ предѣлахъ, но долженъ признаться, что тяжело это было въ умственномъ представленіи, а не по испытываемому чувству. Развитію чувства негодованія и ненависти къ нѣмцамъ препятствовало съ одной стороны весьма корректное, скажу даже, любезное ихъ отношеніе къ намъ. Мы видѣли передъ собой не высокомѣрнаго иностранца-побѣдителя, а расхлябаннаго, изнуреннаго человѣка. Съ другой стороны мы и въ Россіи не чувствовали себя со времени властвованія большевиковъ у себя дома, а наоборотъ испытывали чувство состоянія въ неволѣ какой то враждебной, чуждой, не русской силы.

Наконецъ, въ области чувствъ надо всѣмъ господствовало ощущеніе освобожденія отъ состоянія затравленнаго зайца, отъ того гнета — физическаго и нравственнаго, подъ которымъ мы жили въ теченіе всей зимы и лѣта въ Москвѣ. Гнетъ этотъ усиливался постепенно, напользалъ исподволь, медленно и даже незамѣтно, но за то обволакивалъ всецѣло. Однако, именно вслѣдствіе его постепеннаго усиленія и захвата мы переставали, пока оставались въ Совдепіи, въ полной мѣрѣ его сознавать. Атмосфера гнета постепенно превращалась въ нашемъ сознаніи въ нѣчто обыденное и чуть что не нормальное: мы переставали понимать, что находимся въ состояніи постояннаго нервнаго напряженія. Лишь теперь, вырвавшись изъ подъ этого гнета и попавъ въ нормальныя условія человѣческой жизни, постигли мы въ полной мѣрѣ всю тяжесть испытаннаго. Сказывалось это во множествѣ разнообразныхъ мелочей и пронизывало все наше существованіе.

Только вырвавшись изъ Совдепіи, ощутили мы вполнѣ, что въ теченіе долгихъ мясяцевъ мы жили въ обширной тюрьмѣ, гдѣ имущественная обезпеченность, чувство собственнаго достоинства и самая жизнь подвергались ежечасно безмѣрно большей опасности, нежели въ любой настоящей тюрьмѣ. Произволъ, безудержное хамство, вотъ что окрашивало все существованіе, составляло тотъ фонъ, на которомъ протекала вся жизнь въ ея самыхъ обыденныхъ бытовыхъ мелочахъ.

Къ вечеру забрались мы въ поѣздъ, состоявшій изъ старыхъ, расшатанныхъ, дребезжащихъ вагоновъ 2-го и 3-го класса и, медленно двигаясь, добрались къ утру слѣдующаго дня до Гомеля. Вагоны были, конечно, переполнены, освѣщенія не полагалось и входившіе на каждой остановкѣ новые пассажиры начинали съ того, что усаживались въ темнотѣ на колѣняхъ уже находившихся. Поднимался, разумѣется, крикъ, обмѣнивались не лестными эпитетами, и о снѣ нельзя было и помышлять. Все это до такой степени насъ извело, что мы рѣшили попытаться проѣхать изъ Гомеля въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру. Поѣхавъ прямо на удачу на пристань, мы попали почти па немедленно отошедшій пароходъ. Пассажировъ и на немъ было множество, но нашъ еврейчикъ и тутъ оказался весьма полезенъ. Какими то судьбами раздобылъ онъ намъ единственную, имѣвшуюся на пароходѣ, притомъ весьма помѣстительную каюту, гдѣ мы и расположились.

Путешествіе по Днѣпру, продолжавшееся болѣе сутокъ, было сплошнымъ наслажденіемъ. На пароходѣ оказался недурной, хорошо снабженный буфетъ, и мы почувствовали себя совсѣмъ прежними презрѣнными, наслаждающимися жизнью буржуями. Тихій, теплый, совсѣмъ лѣтній день, плавный неторопливый ходъ нашего суденышка, а въ особенности полнѣйшая тишина кругомъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ нами передрягъ дѣйствовали въ высшей степени успокоительно. Точно послѣ бурнаго морского перехода мы вошли въ устье тихой рѣки.

Не было здѣсь ни большевиковъ, ни нѣмцевъ, ни войны, ни политики, ни безудержнаго хамства, ни его спутника — чувства беззащитности, а одна только тишь да гладь. Ближайшее прошлое отошло куда то вдаль и воскресла прежняя Русь — спокойная, тихая, сонная

Берега Днѣпра въ той его части, которую мы проходили засвѣтло, поражали безлюдствомъ. Не то что города или хотя бы села, но ни единой деревушки не видно было съ рѣки; урожай былъ снятъ и свезенъ, яровой клинъ взметанъ, въ поляхъ дѣлать было нечего, а потому не видно было людей и вообще никакого живого существа. Пустыненъ былъ и Днѣпръ, не видно было и на немъ проявленія человѣческой дѣятельности. Съ пароходной рубки передъ нами разстилалась, на сколько глазъ могъ видѣть, огромная восточно-европейская равнина — гладкая, безмолвная, пустынная безъ всякаго признака старой или хотя бы современной культуры.

Припоминались берега Рейна съ ихъ причудливыми скалами и тщательно обработанными виноградниками, съ ихъ столь четко выступающими памятниками многолѣтняго историческаго прошлаго, съ ихъ многочисленными признаками современной сложной культуры и изумительной техники, и въ умѣ невольно возникалъ мучительный вопросъ, почему же здѣсь въ почти столь же благодатныхъ естественныхъ условіяхъ прежняя жизнь не наложила своего отпечатка, а новая не проявилась въ какихъ либо техническихъ сооруженіяхъ и хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Исчезла Гоголевская благоухающая степь, но замѣнили ее лишь небрежно вспаханныя поля, да унылыя выгорѣвшія жнивья. Что мѣшало и мѣшаетъ умному, талантливому русскому племени умѣло использовать щедро предоставленныя ему провидѣніемъ необозримыя плодородныя поля и разнообразныя естественныя богатства?

Причиной ли тому та самая ширь, среди которой оно живетъ и хозяйничаетъ, ширь, влекущая его не къ сосредоточенію своихъ усилій на какомъ либо одномъ ограниченномъ пространствѣ, а къ ихъ распространенію, по мѣрѣ надобности, на все большее протяженіе, безсознательно отдавая предпочтеніе количеству передъ качествомъ. Вѣдь не даромъ же не тѣсно разселенные западно-европейскіе народы, а широко и просторно раскинувшійся русскій народъ провозгласилъ: «куренка выгнать некуда!» Или повело къ этому отсутствіе охраняющихъ страну естественныхъ преградъ — горныхъ цѣпей и глубокихъ долинъ, легко защищаемыхъ опорныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего русская равнина въ историческомъ прошломъ хронически подвергалась набѣгамъ сосѣднихъ племенъ и служила мѣстомъ переселенія кочующихъ народовъ; набѣгамъ, уничтожавшимъ слѣды прежней жизни, лишавшимъ страну памятниковъ ея старины и тѣмъ самымъ стойкихъ историческихъ традицій.

Не содѣйствовало ли тому же и отсутствіе прочнаго строительнаго матеріала и обиліе скоро разрушающагося лѣса, вслѣдствіе чего единственными сохранившимися памятниками старины являются каменные храмы Божіи, на сооруженіе которыхъ русскій народъ искони не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, храмы, говорящіе однако не о прошломъ народа, а о томъ, что внѣ времени и пространства, и являющіеся тѣмъ самымъ лишнимъ поводомъ для устремленія народной мысли въ безбрежный просторъ временъ, также точно какъ населеннная имъ равнина влекла въ безбрежную ширь пространства.

Не причиной ли тому и климатъ, препятствующій распространенію многолѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, требующихъ продолжительнаго изъ года въ годъ тщательнаго ухода и тѣмъ прикрѣпляющихъ человѣка къ мѣсту и побуждающихъ цѣнить трудъ, затраченный имъ въ прошломъ, и защищать его плоды.

Наконецъ, не всѣ ли эти причины въ совокупности привели къ тому, что и до революціи, окончательно все стершей, какъ съ грифельной доски, имѣвшіеся въ странѣ памятники пережитаго народомъ были ничтожны и рѣдки и народомъ не цѣнимы. Отсутствіе традицій сказывалось и въ раздѣлѣ между непосредственно смѣняющимися поколѣніями, въ міровоззрѣніи отцовъ и дѣтей, вслѣдствіе чего каждое поколѣніе принималось строить государственную жизнь на новыхъ началахъ, не имѣя однако для этого прочнаго основанія.

Да и за старину то мы почитали то, что у западно-европейскихъ народовъ признается за вчерашній день. Незначительны и малочисленны были у насъ и признаки современной разнообразной и мощной техники.

Да, воспѣтая Гоголемъ степь утратила свои былыя чары, свою дѣвственную красоту, не пріобрѣтя однако взамѣнъ того пестраго разнообразія и тщательной

отдѣлки, которой отличаются сельскія мѣстности у культурныхъ народовъ. Отъ одного берега — первобытнаго приволья и патріархальной простоты нравовъ отстали. Къ другому берегу — умѣлому использованію естественныхъ богатствъ и управляемому строгими юридическими нормами бытовому укладу не пристали. Не обладая ни желѣзнымъ остовомъ прочныхъ традицій, ни разумѣніемъ сущности современнаго хозяйственнаго уклада, заимствовавъ отъ Запада его страсть къ наживѣ, но не перенявъ отъ него ни умѣнья, ни способовъ наживанья, мы превратились въ игралище еще сохранившихся у насъ первобытныхъ инстинктовъ и присущихъ намъ безбрежныхъ вожделѣній.

Но вотъ и Кіевъ, Кіевъ, уже побывавшій во власти Винниченки и Петлюры, Кіевъ, испытавшій засилье большевиковъ, видѣвшій массовые разстрѣлы русскихъ офицеровъ и убійство своего митрополита, Кіевъ, хранящій въ видѣ множества полуразрушенныхъ зданій слѣды происходившихъ за него боевъ, а нынѣ формально подвластный опереточному гетману, въ сущности же, поставившему его германскому воинству.

Политическая обстановка въ Кіевѣ въ ту пору была чрезвычайно сложная, но съ внѣшней стороны она мало въ чемъ проявлялась. Нѣмцы отвели для своего главнаго командованія особый кварталъ города — часть Липокъ, который послѣ убійства ихъ главнаго вождя, Эйхгорна, окружили барьерами и часовыми, но зато внѣ этого квартала, вѣрнѣе, вдали отъ окружающихъ его заставъ, ихъ присутствіе почти не замѣчалось, а въ особенности не ощущалось. Правда, проходили по улицамъ германскія воинскія части, встрѣчались на улицахъ нѣмецкіе офицеры и солдаты, виднѣлись кое гдѣ нѣмецкія надписи, но держали себя нѣмцы не вызывающе и видимо избѣгали всего, что могло бы раздражить населеніе и дать ему понять, что настоящими хозяевами города являются они, а не украинская бутафорія.

Находившіеся въ Кіевѣ германскіе полки, по физической крѣпости ихъ личнаго состава, были много выше видѣнной нами въ Оршѣ нѣмецкой калѣчи, а по внѣшней дисциплинированности и выправкѣ мало чѣмъ отличались отъ когда то видѣнныхъ въ Берлинѣ у Бранденбугскихъ воротъ гвардейскихъ караульныхъ частей.

Если присутствіе германцевъ въ городѣ замѣчалось мало, то наличіе украинской власти не чувствовалось вовсе. Отражалось оно въ повременной прессѣ, усиленно оповѣщавшей о всѣхъ дѣйствіяхъ, а въ особенности публичныхъ выступленіяхъ гетманскаго правительства.

Превратившійся въ наслѣдника Мазепы бывшій командиръ кавалергардскаго Ея Величества полка никѣмъ въ серьезъ не принимался. Ко времени нашего пріѣзда его впрочемъ въ Кіевѣ и не было: онъ ѣздилъ на поклонъ къ своему господину — императору германскому, и въ магазинныхъ окнахъ скоро появились фотографіи, изображавшія встрѣчу этихъ двухъ потентатовъ: Скоропадскій стоялъ, вытянувшись въ струнку, передъ Вильгельмомъ, непринужденно заложившимъ руку въ карманъ.

Что касается украинизаціи города, то она ограничивалась замѣной многихъ русскихъ торговыхъ вывѣсокъ малороссійскими, но иного кромѣ русскаго языка на улицахъ и въ лавкахъ слышно не было. Кіевъ какъ былъ, такъ и остался русскимъ городомъ, но за то оживленіе въ немъ было необычайное и переполненъ онъ былъ до послѣдней степени. Сюда хлынула волна изъ большевицкой Россіи, и на Крещатикѣ съ каждымъ днемъ встрѣчалось все большее количество петроградскихъ и московскихъ знакомыхъ.

Настроеніе пріѣзжихъ было на рѣдкость однообразно: нескрываемая радость избавленія отъ большевицкаго строя и засилья, огорченіе по поводу ограбленнаго у

нихъ въ Совдепіи и по пути оттуда имущества и изумленіе отъ казавшагося невѣроятнымъ, послѣ столичнаго убожества, изобилія различныхъ товаровъ, а въ особенности, съѣстныхъ припасовъ — вотъ къ чему по началу сводились у пріѣзжихъ всѣ чувства и разговоры. Дѣйствительно, въ Малороссіи въ ту пору хозяйственная дѣятельность населенія еще не была подорвана и благодатный исконно, славившійся своимъ богатствомъ край жилъ еще прежней привольной жизнью. Правда цѣны на всѣ продукты, поражавшія москвичей своей дешевизной, были уже значительно повышены, но происходило это не отъ недостатка товара, а отъ обезцѣненія денежныхъ знаковъ, выпускавшихся украинскимъ правительствомъ подъ никому неизвѣстное, вообще не существующее обезпеченіе.

Гетманское правительство ко времени нашего пріѣзда въ Кіевъ (начало сентября 1918 г.) въ лицѣ начальниковъ составлявшихъ его отдѣльныхъ управленій, носившихъ названіе министровъ, было смѣшанное. Предсѣдатель совѣта министровъ С. Н. Гербель, министръ внутреннихъ дѣлъ И. А. Кистяковскій, его товарищъ быв. членъ Государственной Думы Варунъ-Секретъ были несомнѣнно русскіе люди, смотрѣвшіе на Украину, какъ на временное политическое образованіе и допускавшіе лишь присвоеніе ей нѣкоторыхъ автономныхъ правъ. Но были среди министровъ и убѣжденные «щирые» украинофилы. Къ нимъ въ особенности принадлежалъ министръ путей сообщеній, едва ли не поддерживавшій сношенія если не съ Петлюрой, то съ Винниченко и Грушевскимъ.

Самъ Скоропадскій былъ ближе къ русскому крылу своего правительства, но честолюбіе въ немъ сильно разыгралось, а посему онъ видимо мечталъ о сохраненіи званія гетмана и по возстановленіи Россіи, связавшись съ ней на федеративныхъ началахъ. Впрочемъ, возможно, что, какъ многіе это утверждали, у него мелькала мысль, освободивъ Россію, присоединить къ малороссійскому гетманству — всероссійскій престолъ. Наивному человѣку, чего не взбредетъ въ голову, отуманенную случайной удачей. Этимъ, быть можетъ, обусловливался двойственный образъ его дѣйствій по отношеію къ добровольческой арміи.

Держалъ себя Скоропадскій съ важностью и внѣшней пышностью, поскольку это дозволяли мѣстныя условія. Стремился онъ одновременно доказать свое «щирое» украинство между прочимъ усиленнымъ восхваленіемъ украинскихъ знаменитостей — Шевченко и Мазепы — другихъ не нашлось — и совершенно зря клеймя будто бы испытанный Украиной въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ русскій гнетъ, безъ указаній однако, въ чемъ онъ состоялъ. Одновременно въ частныхъ бесѣдахъ съ русскими дѣятелями онъ выражался совершенно иначе. Имъ онъ объяснялъ свое украинство тактическими требованіями момента, но вѣры въ себя и въ свою лойяльность къ Россіи ни въ комъ не возбуждалъ. Жалкій оппортунистъ, онъ не сумѣлъ создать себѣ сколько нибудь значительное число сторонниковъ ни въ украинофильскомъ лагерѣ, ни среди русскихъ людей и столь же скоропалительно и безслѣдно исчезъ съ политическаго горизонта, сколь нежданно игрою случая на немъ появился. Любопытныя однако бываютъ у людей предчувствія. Его товарищи по Пажескому корпусу мнѣ передавали, что еще будучи на школьной скамьѣ Скоропадскій мечталъ и опредѣленно утверждалъ, что будетъ со временемъ малороссійскимъ гетманомъ, хотя въ то время (80-ые годы прошлаго вѣка) событія такой надежды отнюдь не оправдывали.

Вся украинская затѣя была вообще смѣхотворна: страна и народъ, которые въ качествѣ національныхъ знаменитостей могли выставить лишь поплатившагося жизнью предателя и полуграмотнаго составителя народныхъ пѣсенъ, едва ли могутъ имѣть притязаніе на самостоятельное культурное существованіе. Когда къ этому

еще добавляется отсутствіе разработаннаго литературнаго языка, обязанность котораго исполняетъ народный говоръ, дополняемый искусственно созданными словами иноземно-галицiйскаго или польскаго происхожденія, то подобныя притязанія и смѣшны, и жалки.

Малороссія, какъ и иныя обширныя, удаленныя отъ правящаго центра русскія области можетъ стремиться къ широкому мѣстному самоуправленію, но для самостоятельной государственной жизни, немыслимой безъ самобытной цивилизаціи, она просто не имѣетъ необходимыхъ предпосылокъ. Результатъ иноземныхъ интригъ — сепаратизмъ Украины опирался въ ея предѣлахъ лишь на демагогіи нѣсколькихъ десятковъ честолюбцевъ, мечтавшихъ разыгрывать роль государственныхъ дѣятелей и превратиться въ важныхъ сановниковъ. Эти честолюбцы усиленно учились невѣдомому имъ дотолѣ языку, заимствуя недостающія, но необходимыя въ культурномъ обиходѣ слова, гдѣ угодно, но только не въ русскомъ языкѣ. При этомъ нерѣдко происходили недоразумѣнія, ибо говорившіе на этомъ новоиспеченномъ языкѣ другъ друга не всегда понимали.

Среди усердствовавшихъ въ этомъ отношеніи управленій выдѣлялось между прочимъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Зайдя однажды по какому то дѣлу въ это министерство, я прежде всего натолкнулся на дежурнаго чиновника, который впрочемъ оказался хорошенькой и сильно накрашенной дѣвицей. На мой вопросъ сія представительница прекраснаго пола и, судя «по ея дородности», малороссійскихъ галушекъ отвѣтила мнѣ на опредѣленно польскомъ языкѣ. Директоръ департамента этого министерства соблаговолилъ говорить со мной по русски, но при входѣ во время нашей бесѣды какого то чиновника тотчасъ перешелъ на украинскую мову, съ которой, по уходѣ чиновника, вновь перешелъ на русскій языкъ, на которомъ онъ очевидно съ дѣтства только и говорилъ.

Почти одновременно съ мѣстнымъ правительствомъ въ Кіевѣ образовались и двѣ крупныя мѣстныя общественныя организаціи, обѣ будто бы экономическаго характера, но въ дѣйствительности дѣятельно занимавшіяся политикой. Одна изъ нихъ — «союзъ хлѣборобовъ» — была первоначально тѣсно связана съ гетманомъ; отъ нея формально получилъ Скоропадскій гетманскую булаву. Лидеры этого союза были до мозга костей русскіе люди и ни о какой самостійной Украинѣ слышать не хотѣли. Создали и поддерживали они фикцію германской власти въ цѣляхъ исключительно утилитарныхъ. Крестьяне собственники, входившіе въ множествѣ въ составъ союза были ярыми врагами большевиковъ, такъ какъ опасались пуще огня поравненія ихъ земли съ деревенской бѣднотой. Къ украинскому вопросу они относились въ массѣ безразлично. Во главѣ союза стоялъ Винницкій уѣздный предводитель дворянства графъ Д. Ф. Гейденъ, тѣмъ болѣе тяготѣвшій къ добровольческой арміи, что онъ былъ женатъ на сестрѣ одного изъ вождей этой арміи — генерала А. М. Драгомирова. Не менѣе русскимъ былъ и управляющій дѣлами союза А. А. Зноско-Боровскій, весьма толковый и знающій человѣкъ; онъ впослѣдствіи умеръ на югѣ Россіи отъ сыпного тифа.

Однако организованной силой, могущей съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать гетманскую власть и охранять край отъ захвата большевиками, союзъ не обладалъ. Лишенные всякаго вооруженія, члены его, сколь бы они ни были многочисленны, для боевыхъ дѣйствій не были пригодны. Между тѣмъ еще существовавшая въ то время австрійская имперія продолжала лелѣять химеру оторванной отъ Россіи и присоединенной къ Имперіи Габсбурговъ Украины.

Австріей вооружались и снаряжались повстанческія банды, создаваемыя хохломанами типа Винниченко и авантюристами типа Петлюры. Сила этихъ агитаторовъ

зиждилась на тѣхъ по существу да и по формѣ большевицкихъ лозунгахъ, которые для успѣшности комплектованія этихъ бандъ провозглашали ихъ вожди. Господствовалъ среди этихъ бандъ тотъ же духъ наживы за счетъ чужого имущества, попросту говоря — грабежа, которымъ большевики опьяняли русскій народъ.

Едва прикрытый національными сепаратистическими лозунгами, большевицкій духъ частей сказался при первомъ ихъ столкновеніи съ красной арміей, въ бой съ которой они даже не хотѣли вступить.

Силы противъ этихъ по существу грабительскихъ бандъ союзъ хлѣборобовъ не сумѣлъ или не могъ создать.

Не большей силой обладалъ и другой образовавшійся въ Кіевѣ союзъ, сокращенно называвшійся протофисомъ (союзъ промышленности, торговли и финансовъ). Во главѣ этого союза былъ бывшій членъ Государственной Думы кн. А. Д. Голицынъ, а составъ его былъ пестрый. Союзъ преслѣдовалъ преимущественно матеріальные интересы, а посему въ политическомъ отношеніи готовъ былъ на всевозможные компромиссы, какъ съ гетманомъ, такъ и съ германцами. Добивался онъ, безразлично цѣной какихъ уступокъ, лишь одного — охраненія края отъ большевиковъ. Денежными средствами союзъ этотъ обладалъ несомнѣнно въ значительно большемъ количествѣ, нежели союзъ хлѣборобовъ, но расходовать ихъ на общегосударственныя надобности проявлялъ мало охоты. За то въ промышленной области онъ развилъ лихорадочную дѣятельность, что вполнѣ соотвѣтствовало, хотя въ значительной степени искусственному, но все же наблюдавшемуся оживленію хозяйственной жизни края. Наряду съ развитіемъ разнообразныхъ видовъ спекуляціи нарождались многіе новые виды производства и увеличивались существующія промышленныя предпріятія. Степень живучести этихъ начинаній на практикѣ не удалось провѣрить. Съ захватомъ края большевиками всѣ они погибли независимо отъ ихъ солидности. Возникали они во всякомъ случаѣ десятками и число уставовъ, утвержденныхъ гетманскимъ правительствомъ, весьма значительно. Замышлялись и грандіозныя предпрітія общаго значенія, какъ напр., использованіе Днѣпровскихъ пороговъ, какъ огромной двигательной силы, которую предполагалось превратить въ электрическую энергію.

Оживленіе предпринимательской дѣятельности на Украинѣ приписывалось самостійниками пріобрѣтенной краемъ политической самостоятельности, которая въ виду этого въ дѣловыхъ, а въ особенности въ дѣлеческихъ кругахъ Кіева пріобрѣтала не малое количество сторонниковъ.

По мѣрѣ прибытія изъ большевизіи остатковъ былыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Кіевѣ стали образовываться различныя общерусскія политическія группировки. До сентября въ Кіевѣ было представлено лишь одно русское политическое теченіе, а именно крайне правое.

Группа представителей этого теченія имѣла во главѣ не безызвѣстнаго одесскаго городского голову Пеликана, а въ качествѣ главнаго вдохновителя присяжнаго повѣреннаго Соколова. Находилась она въ связи съ герцогомъ Г. Лейхтенбергскимъ, никакой самостоятельной Украины, конечно, не признавала и придерживалась опредѣленно германской оріентаціи. Сосредоточены были ея усилія на образованіи новой антибольшевицкой арміи, отдѣльной отъ добровольческой, названной южной. Затѣя эта до извѣстной степени поощрялась нѣмцами, предоставлявшими образуемой арміи нѣкоторое, въ общемъ ничтожное количество вооруженія, равно какъ нѣкоторыя денежныя средства.

Видя въ добровольческой арміи силу имъ явно враждебную, почти столь же упорно мечтающую о возобновленіи войны въ союзѣ съ Антантой, какъ о сверженіи

большевиковъ, германскія власти считали нужнымъ по возможности уменьшить притокъ въ нее русскаго офицерства и именно съ этой цѣлью поощряли образованіе новой русской арміи.

Отвлечь переполнявшее Кіевъ русское офицерство отъ вступленія въ ряды добровольческой арміи можно было только давъ ему другой выходъ. Такимъ выходомъ и должна была явиться южная армія.

Вербовкой офицеровъ и солдатъ (поступали и солдаты, но въ незначительномъ количествѣ) въ эту армію усиленно занимался гр. В. Бобринскій. Во главу южной арміи предполагалось поставить престарѣлаго генерала Н. І. Иванова, нѣкогда командовавшаго нашимъ южнымъ антигерманскимъ фронтомъ, а фактическимъ начальникомъ былъ гр. Келлеръ (впослѣдствіи убитый въ Кіевѣ петлюровцами). Образовывалась южная армія въ районѣ Харькова, но пока что многіе изъ записавшихся оставались въ Кіевѣ, гдѣ и подчинялись жившему тамъ же гр. Келлеру.

Однако лучшіе элементы офицерской среды неохотно шли въ ряды южной арміи, вслѣдствіе ея опредѣленно германской оріентаціи и даже зависимости въ матеріальномъ отношеніи отъ германскихъ властей.

Напрасно привлекали въ южную армію и наиболѣе консервативный элементъ военной среды — гвардейское офицерство завѣреніемъ, что армія эта предназначена для возстановленія монархіи, а что добровольческая армія пропитана республиканскими чувствами. Гвардейское офицерство, однако, туда не шло и поскольку наличность имѣющихся денежныхъ средствъ ему это позволяла, понемногу пробиралось въ Ростовъ и Новочеркасскъ, инстинктивно чувствуя, что именно тамъ, независимо отъ господствующихъ въ добровольческой арміи тѣхъ или иныхъ политическихъ теченій, бьется истинное національное сердце. Впослѣдствіи, когда въ виду явно надвигавшагося крушенія Германіи, находящееся въ Кіевѣ германское начальство утратило всевластное доминирующее положеніе, русское офицерство образовало добровольческія дружины въ самомъ Кіевѣ, начальникомъ коихъ былъ кн. Долгоруковъ, причемъ дружины эти считали себя какъ бы частью добровольческой арміи.

Если среди русскаго офицерства, сосредоточившагося въ Кіевѣ, было немного охотниковъ вступить въ ряды южной арміи, то еще менѣе было желающихъ вступить въ украинскія войсковыя части съ введеннымъ въ нихъ украинскимъ командньмъ языкомъ съ такими забавными для русскаго слуха командами, какъ напр., «желѣзняки на пузяки — гопъ!» За исключеніемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, составившихъ «дворъ» пана гетмана и вырядившихся по этому случаю въ живописные, но опереточные полупольскіе, полуказацкіе жупаны — русскихъ офицеровъ на гетманской службѣ почти не было. Зато среди приближенныхъ Скоропадскаго были и такіе чудаки, которые выбрили себѣ голову, оставивъ лишь на затылкѣ «оселедцы» (чубы), которые старались отрастить какъ можно длиннѣе.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ по инымъ причинамъ, но произошло то же самое, что въ Москвѣ, а именно раздѣленіе офицерства на различныя группы, относившіяся другъ къ другу не всегда дружелюбно: на поступающихъ въ украинскія войска, на записывающихся въ южную армію монархическаго и германофильскаго настроенія и на тяготѣвшихъ къ добровольцамъ. Конечно, были и такіе, которые предпочитали снять военный мундиръ и обратиться къ безопаснымъ мирнымъ занятіямъ, хотя безопасныхъ положеній въ то время въ Россіи вообще нигдѣ не было.

Если наблюдался расколъ среди съѣхавшагося въ Кіевъ офицерства, то не было единомыслія и между съѣзжавшимися туда политическими дѣятелями.

Въ двухъ отношеніяхъ они впрочемъ были единомышленны, а именно въ отрицательномъ отношеніи къ украинскому сепаратизму и въ сочувственномъ къ добро-

вольческой арміи. За то по вопросу о той иностранной силѣ, на которую въ цѣляхъ возрожденія Россіи слѣдуетъ опереться, мнѣнія расходились.

Толчкомъ для образованія иныхъ, кромѣ крайней правой, общерусскихъ политическихъ группировокъ послужилъ пріѣздъ въ Кіевъ многихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Тотчасъ создалось объединеніе всѣхъ парламентскихъ дѣятелей, сейчасъ же выбравшее изъ своей среды бюро въ составѣ до 15 членовъ. Тутъ рядомъ сидѣли и дружно между собой бесѣдовали, мало въ чемъ расходясь, Милюковъ и Пуришкевичъ.

Собиралось бюро преимущественно на квартирѣ члена Государственной Думы Искрицкаго и вело нескончаемыя бесѣды, сводившіяся въ сущности къ взаимному освѣдомленію о текущихъ событіяхъ. Какъ сейчасъ вижу первое появленіе въ нашей средѣ Пуришкевича, совершенно бритаго и потому трудно узнаваемаго, въ френчѣ, высокихъ сапогахъ и съ огромнымъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Пуришкевичъ, войдя, интриговалъ Милюкова, такъ и не узнавшаго своего постояннаго думскаго противника, пока онъ самъ себя не назвалъ.

Вопроса о формѣ правленія въ этой средѣ почти не касались, хотя несомнѣнно, что за возстановленіе монархіи стояли рѣшительно всѣ, причемъ преобладающее большинство признавало однако, что поднимать это знамя преждевременно. Тѣмъ не менѣе, на первомъ общемъ собраніи членовъ двухъ законодательныхъ палатъ, насчитывавшемъ свыше 70 человѣкъ, Пуришкевичъ съ присущей ему горячностью и стремительностью поднялъ этотъ вопросъ и настоялъ на томъ, чтобы по нему была вынесена опредѣленная резолюція. Высказаться отрицательно по отношенію къ монархіи собраніе состоявшее изъ монархистовъ, конечно, не могло. Къ вящшему неудовольствію бюро и тѣхъ, которые считали это за тактическую ошибку, собраніе признало, что формой правленія въ возстановленной Россіи должна быть легитимная монархія. Вопросъ о томъ, кто долженъ быть признанъ законнымъ претендентомъ на престолъ, при этомъ не возникалъ.

Тѣмъ временемъ бюро парламентской группы, въ составъ котораго вошли нѣкоторые покинувшіе Москву члены праваго центра, въ томъ числѣ Кривошеинъ, вновь возбудило вопросъ объ иностранной интервенціи. Составили между прочимъ перомъ Милюкова обращеніе ко всѣмъ державамъ, представители коихъ имѣлись въ Кіевѣ, среди коихъ консуловъ державъ согласія, разумѣется, не было. Въ обращеніи этомъ указывалось на всѣ безчинства, творимыя большевиками, и на ту міровую опасность, которую представляетъ большевизмъ, разжигающій наиболѣе низменные инстинкты человѣческой природы.

Разсчитывали при этомъ, tacitu consensu, преимущественно на германскую помощь, но открыто высказаться за германскую оріентацію никто не рѣшался. Милюковъ какіе то шаги, столь дорого ему впослѣдствіи обошедшіеся, предпринялъ въ этомъ направленіи, но всецѣло за свой страхъ и рискъ.

Исходъ международной войны въ Кіевѣ въ ту пору еще совершенно не выяснился. Занимавшая Украину германская власть естественно распространяла и даже дозволяла оглашать только свѣдѣнія для Германіи благопріятныя. Однако и изъ нихъ выяснялось, что никакихъ рѣшительныхъ результатовъ Германія въ войнѣ не достигла. Съ другой стороны самое присутствіе германскихъ войскъ въ Кіевѣ и явная зависимость гетмана отъ Берлина внушали большую вѣру въ германскій успѣхъ. Тѣмъ не менѣе недавнее участіе Россіи въ войнѣ въ союзѣ съ Антантой и хозяйничанье нѣмцевъ на всемъ юго-западѣ Россіи препятствовали вѣрить въ искренность германскихъ заявленій, а тѣмъ болѣе желать ихъ торжества и вообще строить будущее Россіи на ихъ помощи. Въ частности, Кривошеинъ столь рѣши-

тельно высказывавшійся въ Москвѣ за соглашеніе съ Германіей, измѣнилъ свою точку зрѣнія. Онъ не могъ простить нѣмцамъ гибели царской семьи, спасти которую нѣмцы имѣли, по его мнѣнію, при желаніи полную возможность.

Послѣ образованія парламентскаго бюро, преимущественно его же стараніями, достигнуто было въ Кіевѣ и болѣе широкое объединеніе различныхъ политическихъ дѣятелей. Семь или девять, точно не помню, крупнѣйшихъ образовавшихся тамъ обще-русскихъ общественныхъ организацій, какъ то: земское, городское, промышленности, торговли и другія, связались между собой и образовали одинъ общій управительный органъ, наименовавъ его совѣтомъ государственнаго національнаго объединенія, предсѣдателемъ коего былъ выбранъ тотъ же баронъ Меллеръ- Закомельскій. Въ выборѣ этомъ сказалось общее настроеніе этого органа тождественное съ господствовавшимъ въ бюро парламентскаго комитета. Умѣренное въ своихъ убѣжденіяхъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ нерѣшительное въ своей дѣятельности объединеніе это и его центральный органъ въ общемъ представляло неспособную къ героической работѣ мягкотѣлую русскую общественность. Какого либо пафоса, соотвѣтствующаго испытываемымъ родиной бѣдствіямъ, проявить оно не было въ состояніи, а потому и оказалось мертворожденнымъ. Монархисты въ душѣ, члены этого объединенія признавали, что развернуть монархическое знамя можно лишь при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, когда наступитъ увѣренность, что знамя это дѣйствительно объединитъ вокругъ себя могучую силу. Съ громомъ и грохотомъ, говорили сторонники этого мнѣнія, долженъ царскій лозунгъ прокатиться по Россіи; въ противномъ случаѣ можетъ случиться не распространеніе его, а наоборотъ развѣнчаніе. Провозглашеніе монархическаго начала безъ вызова немедленнаго сильнаго встрѣчнаго ему общественнаго теченія, по мнѣнію этихъ лицъ, могло на продолжительное время развѣнчать этотъ принципъ въ представленіи народныхъ массъ. Думается, что въ то время, при неизжитой еще населеніемъ вѣрѣ въ большевицкіе посулы, когда еще происходилъ захватъ и дѣлежъ чужого имущества, они были правы.

Не рѣшалось Кіевское объединеніе высказаться и по вопросу о «самостійной» Украинѣ. Сколь отрицательно ни относились къ хохломаніи съѣхавшіеся въ Кіевѣ русскіе политическіе дѣятели, сколь ни осмѣивали они въ частныхъ бесѣдахъ опереточный дворъ Скоропадскаго съ его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никакихъ выступленій противъ него они не предпринимали и, наоборитъ, готовы были его всемѣрно поддержать, вполнѣ сознавая что при данныхъ условіяхъ паденіе гетманской власти (въ случаѣ возможнаго ухода германскихъ войскъ, противъ наличія которыхъ поэтому тоже отнюдь не возставали) до сверженія большевиковъ въ Москвѣ обратитъ и весь югъ Россіи въ большевицкій застѣнокъ.

Настроеніе народныхъ низовъ въ Кіевѣ было опредѣленно большевицкое и на базарахъ открыто велись разговоры на тему о распространеніи на Украину райскихъ, по ихъ представленію, условій народной жизни въ Совдепіи. Не лучше, если не хуже было настроеніе сельскихъ массъ, подвергавшихся усиленнымъ денежнымъ взысканіямъ при содѣйствіи германскихъ войскъ за учиненныя ими аграрныя безчинства.

Въ верхахъ наблюдалось другое. На ряду съ разнообразной спекуляціей и ловлей въ мутной водѣ наблюдалось неизмѣнно сопутствующее всѣмъ великимъ потрясеніямъ разложеніе нравовъ. Размножились игорные дома, гдѣ игра шла нерѣдко на огромныя суммы. Необезпеченность завтрашняго дня, легкая нажива, наконецъ, обезцѣненіе денежныхъ знаковъ, все побуждало къ широкимъ тратамъ. Рестораны были полны и за бутылку ликера платили не морщась сотни рублей. Женская честь превращалась въ предразсудокъ. Большевицкій духъ въ проявленіяхъ иного рода захватывалъ и высшіе слои русскаго народа.

Общественные русскіе дѣятели не утратили однако бодрости духа. Свои усилія они направили къ единственной по тому времени разумной цѣли — къ объединенію дѣятельности тѣхъ трехъ новыхъ политическихъ образованій, которыя народились въ предѣлахъ исконно русской части б. россійской имперіи — а именно Украины, Всевеликаго Дона и расположенной на Кубани Добровольческой арміи.

Къ сожалѣнію, къ этой мысли пришли не тотчасъ, а въ особенности не сразу принялись за ея дѣятельное осуществленіе. Между тѣмъ расколъ между національно настроенной добровольческой арміей и стоящей у власти въ Кіевѣ кучкой украинскихъ сепаратистовъ вліялъ роковымъ образомъ на достиженіе основной цѣли — освобожденіе Россіи отъ разрушающаго ее третьяго интернаціонала. Тому же едва ли не въ большей степени содѣйствовали какъ зависимость гетмана отъ германцевъ, вслѣдствіе чего даже ту незначительную помощь оружіемъ, которую онъ оказывалъ арміи Деникина, онъ вынужденъ былъ производить тайно, такъ въ особенности порождавшее это положеніе рѣзко анти-германское настроеніе добровольцевъ.

III.

Крушеніе Германіи. Поѣздка въ добровольческую армію. Ростовъ. Екатеринодаръ. Военные порядки. Недружелюбная встрѣча — ея причины. Политическое совѣщаніе при добровольческой арміи. Нѣкоторыя черты этой арміи. Новочеркасскъ. Атаманъ Красновъ.

Къ началу октября истинное положеніе Германіи стало выясняться и въ Кіевѣ. Телеграмма императора Вильгельма къ президенту сѣверо-американскихъ штатовъ съ просьбой о посредничествѣ съ державами согласія въ цѣляхъ заключенія мира окончательно раскрыла глаза тѣмъ, которые еще вѣрили, что Германія одолѣетъ въ поднятой ею міровой борьбѣ. Она ясно указывала, что война фактически пришла къ концу и что Антанта во всякомъ случаѣ не побѣждена. Однако, степень крушенія Германіи еще не опредѣлилась.

Что телеграмма Вильгельма знаменуетъ конецъ войны, было вполнѣ понятно и находившимся въ Кіевѣ германскимъ войскамъ, при чемъ тутъ же обнаружилось, насколько наиболѣе крѣпкія воинскія части Германіи, и притомъ находящіяся въ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи испытываемыхъ ими опасностей и лишеній, физически и нравственно устали.

Мнѣ случилось присутствовать при яркомъ проявленіи этого состоянія германскихъ воиновъ.

Весь верхній этажъ гостиницы Грандъ-Отель былъ занятъ германскимъ офицерствомъ. Вслѣдствіе этого у лѣстницы, ведущей въ этотъ этажъ, были поставлены парные часовые. Въ вечеръ оглашенія въ Кіевѣ упомянутой телеграммы Вильгельма, будучи въ этой гостиницѣ, я случайно присутствовалъ при разговорѣ этихъ часовыхъ съ какимъ то постороннимъ господиномъ. На вопросъ этого господина, довольны ли они телеграммой ихъ императора Вильсону, часовые, сойдя со своихъ мѣстъ и перебивая другъ-друга, горячо заявили, что войнѣ давно долженъ былъ быть положенъ конецъ, что дальнѣйшее веденіе ея просто невозможно. **Längst genug**, твердо сказали они, причемъ ихъ повидимому вовсе не интересовало, на какихъ условіяхъ будетъ заключенъ миръ; важно лишь одно — перестать драться и вернуться домой.

Настроеніе это безусловно владѣло большинствомъ нѣмецкаго воинства. Въ Кіевѣ оно проявилось между прочимъ въ томъ, что въ тотъ же вечеръ германскіе солдаты, высыпали во множествѣ на улицу и до поздней ночи шумно проявляли

свою радость по поводу акта, который въ ихъ представленіи былъ равнозначущъ прекращенію военныхъ дѣйствій. Ослабла тотчасъ и дисциплина: солдаты инстинктивно почувствовали, что исчезла та причина, которая оправдывала принятіе по отношенію къ нимъ суровыхъ дисциплинарныхъ мѣръ.

Примѣчательно, что чувство радости испытывали нѣмцы, фактически уже не участвовавшіе въ войнѣ и несомнѣнно чувствовавшіе себя побѣдителями и хозяевами въ покоренной ими странѣ. Что же должны были испытывать нѣмецкія войска на французскомъ фронтѣ, ежедневно подвергавшіяся опасности смерти.

Если до упомянутой телеграммы Вильгельма германскія, а тѣмъ болѣе австрійскія, войска уже представляли расшатанную силу, то послѣ нея они окончательно перестали обладать какой либо боеспособностью.

Все это, разумѣется, тотчасъ учли общественныя группировки Кіева и прежде всего бюро членовъ законодательныхъ палатъ. Бюро это признало настоятельно необходимымъ выяснить, сколь возможно скорѣе, отношеніе державъ согласія къ Россіи и образовавшимся въ ея предѣлахъ политическимъ новообразованіямъ.

Предвидя, что въ ближайшемъ будущемъ откроется возможность проѣзда въ Западную Европу, рѣшили нынѣ же намѣтить лицо, могущее войти въ сношеніе съ дипломатическими представителями державъ согласія. Остановились на нашемъ бывшемъ послѣ въ Вѣнѣ Н. Н. Шебеко, обладавшемъ надлежащимъ опытомъ и обширными по своей прежней дѣятельности связями въ западно-европейскихъ дипломатическихъ кругахъ. Одновременно рѣшили, что до поѣздки за границу делегированнаго лица ему слѣдуетъ съѣздить на Кубань въ штабъ добровольческой арміи и выяснить взгляды командованія арміи въ вопросахъ международныхъ.

Возникло отсюда и другое предположеніе, а именно воспользоваться этой поѣздкой, чтобы тѣснѣе связаться съ этой арміей, а также попытаться повліять на ея верхи, равно какъ на Донского Атамана, въ смыслѣ ихъ болѣе тѣснаго объединенія между собой, въ особенности же съ гетманскимъ правительствомъ.

Такое объединеніе, въ случаѣ все сильнѣе обнаруживавшагося развала Германіи, получало особое значеніе, и безнадежнымъ, казалось, нельзя было его признать. Гетманской власти, въ случаѣ крушенія Германіи, необходимо было искать другую опору, а могла она быть только въ лицѣ организованныхъ остатковъ былой русской государственности, т. е. Добровольческой арміи и Дона. Можно было думать, что и Добровольческая армія, наконецъ, уразумѣетъ, что въ основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый разсчетъ и что, чѣмъ вѣроятнѣе крушеніе Германіи, тѣмъ безопаснѣе для русскихъ интересовъ использовать еще сохранившіяся у нея силы для сверженія большевиковъ или хотя бы для образованія при ея содѣйствіи мощной военной силы на всемъ югѣ Россіи.

Дѣйствительно помощь Германіи въ дѣлѣ возстановленія Россіи могла быть опасной только въ случаѣ сохраненія ею своей мощи. Въ такомъ случаѣ она несомнѣнно оказала бы эту помощь лишь за дорогую цѣну и не преминула бы наложить на Россію свою тяжелую лапу. Побѣда Антанты эту опасность устраняла.

Думать, что державы согласія оцѣнятъ нашу Донъ-Кихотскую лойяльность и окажутъ намъ за нее реальную безкорыстную помощь, было болѣе чѣмъ наивно. Положеніе, занятое Англіей тотчасъ послѣ крушенія царской власти, хотя бы въ вопросѣ о проливахъ, давало мѣрку будущихъ отношеній къ намъ державъ согласія. Даже поверхностное знакомство съ исторіей учило тому, что Англія, если и оказывала когда либо помощь другимъ націямъ, то лишь во вредъ имъ, какъ она это дѣлала во время французской революціи, поддерживая французскихъ монархистовъ лишь настолько, чтобы не дать упрочиться въ странѣ порядку.

Впрочемъ, хотя исторія по выраженію Карамзина, являясь зерцаломъ прошлаго, служитъ наукой для будущаго, она еще никогда никого не научила, и государственная колесница неизмѣнно опрокидывается «кажинный разъ на томъ же мѣстѣ». Преслѣдуемое съѣхавшимися въ Кіевѣ общественными дѣятелями объединеніе русскихъ антибольшевицкихъ силъ было логически правильно, но тѣмъ самымъ совершенно недостижимо. Логика, вообще рѣдко отражающаяся въ людскихъ поступкахъ и отношеніяхъ, казалось совершенно перестала въ ту пору руководить людьми въ принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ

Руководящимъ началомъ для главарей бѣлаго движенія стали болѣе чѣмъ когда либо овладѣвшіе ими разнообразныя страсти, партійныя домогательства и личныя вожделѣнія

Соревнованіе между возглавленіями трехъ зародышей возстановленной русской государственности, соревнованіе, основанное и на личныхъ соображеніяхъ и на разности политическихъ устремленій, не сулило какихъ-либо реальныхъ результатовъ иниціативѣ группы лицъ, не обладающихъ какой либо силой и представляющихъ не столько обломки, сколько тѣни прошлаго

Сознавая все это, я тѣмъ не менѣе согласился поѣхать совмѣстно съ Шебеко въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ, но цѣль, которую я имѣлъ въ виду, была иная. До Кіева дошли опредѣленныя свѣдѣнія, что Добровольческая армія относится съ величайшей враждебностью ко всѣмъ чинамъ красной арміи и къ тѣмъ, которые когда либо въ ней числились, даже независимо отъ того, принимали ли они участіе въ борьбѣ съ бѣлыми, словомъ даже къ тѣмъ, которые правдами или неправдами отъ нея вырвались и стремились въ Добровольческую армію, какъ въ родную среду. Лицъ этихъ предавали суду и подчасъ выносили по отношенію къ нимъ суровые приговоры.

Между тѣмъ мнѣ, быть можетъ, ближе чѣмъ кому либо были извѣстны тѣ условія, при которыхъ многіе военные вступили въ красную армію, вступили нерѣдко противъ своего желанія, побуждаемые къ тому правымъ центромъ и даже генераломъ Брусиловымъ, — въ лойяльности котораго въ тѣ времена ни у кого не возникало ни малѣйшихъ сомнѣній, — основываясь на надеждѣ взорвать большевиковъ изнутри, создавъ собственную силу въ самомъ ихъ вооруженномъ станѣ.

Извѣстно было мнѣ и то, что многіе офицеры, вступивъ въ красную армію и ея штабы, при условіи, однако, что ихъ не заставятъ участвовать въ гражданской войнѣ, крайне тяготились своимъ положеніемъ, такъ какъ вскорѣ убѣдились, что оставаясь въ рядахъ красной арміи, никакихъ благихъ результатовъ для русскаго дѣла достигнуть невозможно, а не быть втянутымъ въ гражданскую войну немыслимо.

Если, тѣмъ не менѣе, вѣрное родинѣ офицерство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оставаться въ красной арміи, то опять таки по мною же передаваемымъ уговорамъ праваго центра, продолжавшаго надѣяться приблизительно до середины августа свергнуть большевиковъ въ Москвѣ при помощи военныхъ элементовъ.

Внѣдренію въ красную армію и ея штабы контръ-революціоннаго офицерства правый центръ придавалъ особое значеніе.

Такъ какъ я былъ единственнымъ посредникомъ между правымъ центромъ и наиболѣе видными и вліятельными представителями офицерства, вступившаго въ красную армію съ цѣлью борьбы съ большевизмомъ, то я и считалъ своимъ долгомъ, высказать все это лично командованію Добровольческой арміи, переименовавъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ связи. Лица эти, попавъ въ Добровольческую

армію, могли уже въ свою очередь назвать другихъ офицеровъ, вступившихъ въ красную армію по тѣмъ же побужденіямъ, имена коихъ мнѣ не были извѣстны.

Имѣя въ виду эту вполнѣ конкретную и легко осуществимую цѣль, я и рѣшилъ пуститься въ не столько дальній, сколь долгій путь.

Оказалось, однако, что Россія не только разгромлена, но вдобавокъ еще раздѣлена и разграничена внутренними барьерами. Для проѣзда въ Екатеринодаръ нужно было проѣхать царство Донское, не впускавшее въ свои предѣлы безъ соотвѣтственнаго пропуска. Въ Кіевѣ, оказалось, имѣется спеціальный донской походный атаманъ Зимовой станицы — Черячукинъ, отъ котораго выдача подобныхъ пропусковъ зависѣла. Скрѣпя сердце, пришлось отправиться къ сему атаману, который за нѣкоторую, правда скромную, плату въ пользу Всевеликаго насъ съ Шебеко нужными пропусками и вооружилъ.

Наступилъ, наконецъ, и день отъѣзда. Это было 30-го октября (12-ое ноября). На Кіевскомъ вокзалѣ, поражавшемъ своей примитивностью и безобразіемъ — старый, промозглый, деревянный баракъ съ ничѣмъ не прикрытыми многочисленными путями — сгрудилась огромная толпа. Въ повалку лежали многія сотни людей, сплошь занявъ всѣ платформы, раздѣлявшія отдѣльные пути. Однако, въ вагонахъ относительный порядокъ и даже сносное освѣщеніе. Поѣзда идутъ по расписанію и безъ особаго опозданія, но пересадокъ на пути множество. Въ Екатеринославлѣ продолжительная остановка въ нѣсколько часовъ.

Идемъ въ городъ, производящій впечатлѣніе гнетущее. Еще недавно это былъ богатый, красивый и оживленный южный уголокъ. Городской садъ, бывало, переполненный публикой, заполнявшей его многочисленные рестораны, заброшенъ и пустъ. На улицахъ какіе то сѣрые типы: не то завтрашніе грабители, не то опасающіеся быть завтра ограбленными. Магазины достаточно пусты, и лишь съѣстные припасы все еще въ изобиліи въ особенности на нашъ взглядъ, не забывшій еще совѣтской нищеты.

Ѣдемъ дальше, но чѣмъ дальше, тѣмъ тише и все съ болѣе продолжительными остановками. На границѣ Всевеликаго — какая то незначительная станція, превратившаяся въ пограничную — проводимъ долгіе часы и, наконецъ, на третій день утромъ достигаемъ Ростова. Отсюда поѣздъ уходитъ въ Екатеринодаръ лишь вечеромъ, а потому ѣдемъ въ городъ.

Богатый, торговый приморскій городъ уже испыталъ множество злоключеній и носитъ ихъ ясные слѣды. Однако, гостиницы переполнены и намъ лишь съ трудомъ удается заполучить номеръ, почти лишенный меблировки въ вѣроятно еще недавно, судя по размѣрамъ, первоклассной гостиницѣ, нынѣ грязной и запущенной. Старыя многолѣтнія привычки къ чистотѣ и роскоши еще не изжиты и вся обстановка рѣжетъ глазъ и дѣйствуетъ на нервы.

Весь городъ имѣетъ какой то не только непривлекательный, но и сонный, мертвенный видъ. На всемъ лежитъ печать унынія и заброшенности. Жизнь очевидно замерла, и темпъ ея совершенно не соотвѣтствуетъ широкимъ улицамъ и окаймляющимъ ихъ многоэтажнымъ домамъ. Безъ сожалѣнія покидаемъ къ вечеру городъ и заблаговременно забираемся на вокзалъ — не въ примѣръ Кіевскому — огромный и роскошный. Здѣсь жизнь кипитъ во всю. Пассажирская толпа производитъ впечатлѣніе людей, спасающихся отъ землетрясенія. Большинство очевидно люди, сорванные съ многолѣтнихъ якорей и направляющіеся, куда глаза глядятъ, безъ опредѣленнаго назначенія и цѣли: то спугнутые съ насиженныхъ мѣстъ бѣженцы изъ коммунистическаго рая.

Раздобывъ — о счастье — спальныя мѣста, погружаемся въ поѣздъ, который къ полудню слѣдующаго дня доставляетъ насъ въ Екатеринодаръ.

Тутъ новое затрудненіе. Уже по дорогѣ узнали, что Екатеринодаръ переполненъ, въ гостиницахъ нѣтъ ни уголка, а свободныя помѣщенія въ частныхъ домахъ на учетѣ и реквизированы управленіемъ арміи. Рѣшаемъ ѣхать въ комендантское управленіе, будто вѣдающее реквизированными комнатами.

Здѣсь первая встрѣча съ Добровольческой арміей, ея порядками и пріемами.

— «Да, какъ же, мы вѣдаемъ распредѣленіемъ помѣщеній, но, въ сущности, такихъ нѣтъ. Впрочемъ, гдѣ то есть списокъ свободныхъ комнатъ».

Ищутъ, не безъ труда находятъ какой то почти сплошь перечеркнутый листъ съ перечисленіемъ взятыхъ на учетъ помѣщеній, чтеніе котораго прерывается заявленіями отдѣльныхъ лицъ, что либо помѣщеніе уже занято, либо вообще ошибочно помѣщено въ списокъ.

Невольно напрашивается сравненіе съ порядками, заведенными нѣмцами въ чужомъ имъ городѣ Кіевѣ; тамъ имѣются четкія надписи, указывающія, гдѣ находятся помѣщенія, предназначенныя для прибывающихъ на побывку въ Кіевъ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ и даже опредѣляющія ихъ разстояніе въ минутахъ пѣшаго хода.

Выбираютъ наконецъ 4 - 5 адресовъ и любезно командируютъ съ ними плацъ-адъютанта для отвода того, что окажется сколько нибудь подходящимъ. Ѣдемъ втроемъ въ обширной коляскѣ, запряженной парой добрыхъ выкормковъ — обыкновенный типъ мѣстныхъ извозчиковъ. Въ Екатеринодарѣ, какъ на всемъ богатомъ конскимъ матеріаломъ югѣ Россіи, всѣ извозчики парные, и эта былая роскошь какимъ то чудомъ еще сохранилась.

Ѣдемъ по городу изъ конца въ конецъ по его широчайшимъ, окаймленнымъ низкими двухъэтажными домиками улицамъ, ѣдемъ долго и упорно: гдѣ помѣщеніе уже занято — кѣмъ неизвѣстно, гдѣ его вообще никогда не было, а гдѣ оно состоитъ изъ неотапливаемой и совершенно пустой комнаты.

Извозчикъ нашъ начинаетъ ворчать, а плацъ-адъютантъ на какой то площади соскакиваетъ на мостовую, говоря съ милой улыбкой: «вы видите сами — ничего нѣтъ», и мигомъ исчезаетъ.

Положеніе становится трагическимъ. День, хотя и погожій, но на дворѣ ноябрь и мы порядочно продрогли. Но судьба лишь рѣдко оставляетъ людей въ безвыходномъ положеніи. Ѣдемъ на главную улицу, издавна именуемую Красной, очевидно, не въ честь излюбленнаго большевиками цвѣта, а чтобы отмѣтить ея предполагаемую красоту, и случайно натыкаемся на знакомаго Шебеко, который сейчасъ берется насъ устроить въ домѣ и семьѣ знакомаго ему мѣстнаго присяжнаго повѣреннаго. Семья оказывается на рѣдкость гостепріимной и немедленно насъ устраиваетъ въ кабинетѣ хозяина.

Итакъ, первое достигнуто — кровъ есть. Спѣшимъ почиститься съ дороги и пойти на розыски мѣстопребыванія предержащихъ властей. Оказывается, однако, что главнокомандующій Деникинъ на фронтѣ, гдѣ происходятъ въ районѣ Торговой упорные бои, и неизвѣстно, когда вернется; гражданскими дѣлами вѣдаетъ его помощникъ по этой части генералъ М. Драгомировъ, состоящій одновременно предсѣдателемъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія, составленнаго изъ общественныхъ дѣятелей, преимущественно кадетской партіи.

Военнымъ дѣломъ, на правахъ военнаго министра, вѣдалъ генералъ А. С. Лукомскій. Послѣдняго я зналъ въ Петроградѣ, когда онъ, въ качествѣ помощника военнаго министра Поливанова, часто его замѣщалъ на креслѣ предсѣдателя осо-

баго совѣщанія по оборонѣ, при чемъ велъ его засѣданія съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла. Къ нему я первымъ дѣломъ и отправился, при чемъ тотчасъ убѣдился въ полнѣйшей безполезности нашей поѣздки въ отношеніи намѣченной цѣли.

Получилъ я тутъ же и образчикъ того, что представляетъ Добровольческая армія, какъ относительно характера господствующей въ ней воинской дисциплины, такъ и нѣкоторыхъ ея внутреннихъ чертъ.

Образчикъ перваго давалъ часовой, находившійся на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе, занимаемое управленіемъ арміи. Часовой этотъ отнюдь не стоялъ на часахъ, а расположился на находившемся на этой площадкѣ рундукѣ, положивъ ружье себѣ на колѣни; на этомъ же рундукѣ рядомъ, на сколько это позволяло покоющееся на колѣняхъ солдата ружье, далеко выдающееся въ одну сторону прикладомъ, а въ другую примкнутымъ штыкомъ, расположилось нѣсколько дожидавшихся пріема офицеровъ.

Образчикъ второго давала пріемная генерала. Она была переполнена военными различныхъ чиновъ: тутъ были и старые генералы и почти безусые поручики, а среди нихъ порхалъ типичный, столь извѣстный петербургскимъ пріемнымъ крупныхъ военныхъ чиновъ — адъютантъ. Однимъ онъ обращалъ любезныя фамильярныя улыбки, другимъ исполненныя специфической военной корректности, смѣшанной съ выраженіемъ неподдающейся описанію собственной значительности, краткія реплики.

Итакъ, съ одной стороны отсутствіе элементарной военной дисциплины, а съ другой всѣ старые порядки, столь ярко описанные Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», при которыхъ маленькій военный чинъ центра или тыла чувствовалъ себя и фактически былъ выше старыхъ заслуженныхъ воиновъ, служащихъ въ строю или вообще на фронтѣ.

Что касается моего разговора съ Лукомскимъ, то онъ былъ кратокъ, такъ какъ я съ первыхъ словъ почувствовалъ не только враждебность къ тѣмъ идеямъ, которыя мы были посланы проводить (единеніе съ Украиной и Дономъ), но и нѣкоторую досаду по поводу самаго нашего пріѣзда.

Досада эта, насколько я могъ понять, была вызвана разными причинами. Вопервыхъ, вліяло въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что въ центрѣ добровольческой арміи чуть не ежедневно появлялись самыя разнообразныя лица, причемъ всѣ преподавали совѣты, подчасъ излагаемые въ императивной, категорической формѣ, при неисполненіи которыхъ, по ихъ утвержденію, всѣ усилія арміи будутъ безплодны. Одновременно большинство этихъ лицъ стремилось такъ или иначе пристроиться къ управленію при арміи, обезпечивъ себѣ тѣмъ самымъ, хотя и скудныя, но все же достаточныя для существованія средства.

Но были, думается, и особыя причины, по которымъ управленіе арміей смотрѣло съ досадой на нашъ съ Шебеко пріѣздъ. Мы представляли, по условіямъ времени, какъ ихъ понимало командованіе арміи, слишкомъ правые элементы, всякая связь съ которыми была компрометантна. Управленіе арміей, провозгласившее принципъ аполитизма, на дѣлѣ въ политическомъ отношеніи было подъ гипнозомъ кадетской партіи въ лицѣ тѣхъ же ея видныхъ членовъ, которые не погубили своей репутаціи участіемъ во временномъ правительствѣ и нынѣ входили въ составъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія. Отдѣльные члены этого совѣщанія завѣдывали на правахъ министровъ различными отраслями гражданскаго управленія.

Любопытно, что при этомъ само командованіе арміи было опредѣленно праваго образа мыслей и даже не было склонно его мѣнять, но мыслило оно нужнымъ проводить правыя мѣропріятія хотя бы относительно лѣвыми руками.

Съ своей стороны собравшіеся къ Екатеринодарѣ кадеты были озабочены прежде всего захватомъ власти въ свои руки. Не обладали они однако какимъ либо административнымъ опытомъ и совершенно не постигали, что власть вовсе не такая особа, которая принадлежитъ всякому, кому она формально вручена.

Главное же опасеніе лицъ, такъ или иначе достигшихъ участія въ гражданскомъ управленіи, образованномъ при арміи, которое не сегодня — завтра превратится во всероссійское правительство, состояло въ томъ, какъ бы къ этой власти не проникли представители стараго режима. Это опасеніе, близкое къ чувству страха, они стремились внушить командованію арміи. «Вы, де, уже сами по себѣ, говорили они, въ качествѣ генераловъ прежней императорской арміи, достаточно подозрительны населенію, свергнувшему старый строй. Чтобы быть пріемлемыми для страны, вы должны окружить себя опредѣленно прогрессивными элементами того единственнаго толка, который, будучи любъ населенію, одновременно обладаетъ государственнымъ пониманіемъ народныхъ интересовъ. Подобнымъ элементомъ являемся единственно мы, ибо мы и только мы можемъ провести крупныя соціальныя реформы, настоятельно требуемыя населеніемъ. Правые такихъ реформъ никогда не осуществятъ, а лѣвые осуществятъ ихъ въ такой мѣрѣ и такими способами, которые не совмѣстимы съ условіями существованія современныхъ человѣческихъ обществъ».

Отрицать внѣшнюю справедливость подобныхъ заявленій едва ли можно. Упускалась лишь изъ виду малая пригодность для административной дѣятельности, въ особенности въ создавшихся чрезвычайныхъ условіяхъ, сосредоточившагося при арміи общественнаго элемента. Это были политики, а нужны были техники и это тѣмъ болѣе, что для большинства населенія вопросъ сводился уже въ ту пору не къ осуществленію соціальныхъ реформъ, а къ водворенію въ странѣ тишины и спокойствія, т. е. такихъ условій, при которыхъ оно могло бы вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ, не имѣя надъ собой постоянной угрозы разоренія и физическаго насилія[1]).

Что касается мысли о тѣснѣйшемъ объединеніи съ Дономъ и Украиной, то она была въ то время для Добровольческой арміи совершенно непріемлема. Только что выяснилось торжество державъ согласія надъ австро-германскими полчищами. Объединяться при такихъ условіяхъ съ созданной германской силой и на ней держащейся Украиной и поддерживавшимъ дружественныя сношенія съ Германіей Домомъ не было, казалось, никакого смысла.

Особенной враждебностью отличалось отношеніе Добровольческой арміи къ Донскому атаману. Чѣмъ оно было вызвано, мы, конечно, не могли выяснить, но сказывалось оно не только опредѣленно, но и рѣзко. Лукомскій мнѣ даже сказалъ, что отъ арміи всецѣло зависитъ смѣнить атамана Краснова и посадить на его мѣсто генерала Богаевскаго. «Это дѣло 24 часовъ, прибавилъ Лукомскій, и возможно, что мы къ этому прибѣгнемъ».

Управленіе арміи собиралось пожать плоды столь ревниво соблюдавшейся ею лойяльности къ союзникамъ, и пребывала въ наивной, но твердой увѣренности, что державы Антанты не преминутъ оказать неограниченную помощь той Россіи, которую она представляла, Россіи — вѣрной союзницѣ въ міровой войнѣ, въ

---

[1] Именно въ качествѣ представителей порядка встрѣчало населеніе съ восторгомъ Добровольческую армію при ея продвиженіи лѣтомъ 1919 года къ Москвѣ, а провожало оно ее при обратномъ отступленіи не только безъ огорченія, но едва ли не съ радостью, такъ какъ вполнѣ въ своихъ надеждахъ разочаровалось.

теченіе трехъ лѣтъ оказавшей имъ цѣною огромныхъ жертвъ не малую помощь[1]).

На союзниковъ командованіе арміи разсчитывало, исходя кромѣ того изъ положенія, казавшагося для многихъ непреложнымъ, что Западъ не преминетъ оказать поддержку той силѣ, которая, низвергнувъ монархію, заявитъ твердое намѣреніе установить въ Россіи родственный ему либерально демократическій строй.

Соображеніе это убѣждало командованіе арміи и рѣшительно отстраняться отъ сколько нибудь правыхъ общественныхъ элементовъ, такъ какъ самая помощь Антанты ставилась ею въ зависимость отъ степени демократичности политическихъ противниковъ большевизма.

Надо признать, что соображеніе это въ то время было правильное. Западъ, подразумѣвая подъ нимъ Францію, дѣйствительно охотнѣе бы оказалъ помощь представителямъ февральскаго переворота, нежели сторонникамъ стараго строя. Положеніе это учитывали и монархисты; въ соотвѣтствіи съ этимъ они отчасти перелицевывались въ демократовъ, воздерживаясь отъ провозглашенія своихъ монархическихъ убѣжденій, отчасти отстранялись отъ политической работы, и сами выдвигали впередъ представителей буржуазной демократіи.

Тѣмъ не менѣе безнадежность успѣха бѣлаго движенія послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Екатеринодарѣ для меня стала очевидной. Неопытность еще вчера чуждыхъ всякой политики и плохо въ ней разбиравшихся начальниковъ второстепенныхъ по значенію воинскихъ единицъ сказывалась и въ ихъ словахъ, и въ дѣйствіяхъ. Особенно ярко она проступала въ томъ весьма сложномъ положеніи, которое создалось для Добровольческой арміи вслѣдствіе отсутствія у нея собственной территоріи.

---

[1]) Взглядъ этотъ, какъ я уже упомянулъ, свидѣтельствовалъ о маломъ знакомствѣ этихъ вождей съ исторіей, хотя бы за послѣдній вѣкъ. Въ то время онъ все же былъ понятенъ и психологически, пожалуй, неизбѣженъ. Еще слишкомъ недавно вожди Добровольческой арміи видѣли въ германцахъ непримиримыхъ враговъ Россіи, чтобы вступить съ ними въ какія либо договорныя отношенія. Брестъ - Литовскій миръ, присутствіе германцевъ на Украинѣ и даже на всемъ югѣ Россіи, наконецъ уже вполнѣ обнаружившееся дѣятельное участіе Германіи въ дѣлѣ насажденія большевизма въ Россіи, не могли вызывать къ нимъ иныхъ чувствъ, кромѣ ненависти и крайняго недовѣрія, хотя, разумѣется, никто о любви къ нѣмцамъ не говорилъ, а имѣли въ виду ихъ использовать въ качествѣ оружія для сверженія большевиковъ цѣною отказа отъ всякой попытки дальнѣйшей помощи союзникамъ, помощи, которой, кстати сказать, Россія не имѣла никакой возможности оказать. Но повторяю, всѣ эти чувства къ Германіи со стороны вождей Добровольческой арміи были въ то время понятны. Предъявлять къ нимъ, чуждымъ въ ихъ прошлой, узко военной дѣятельности всякаго государственнаго опыта, требованіе обладать умомъ и способностями Талейрана просто смѣшно. Но когда нынѣ по прошествіи многихъ лѣтъ одинъ изъ вождей этой арміи генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» продолжаетъ поддерживать тотъ взглядъ, что никакія соглашенія съ Германіей въ ту пору не были допустимы, и клеймитъ Донского атамана Краснова за то, что онъ поддерживалъ дружественныя сношенія съ Германіей, хотя благодаря этимъ сношеніямъ Добровольческая армія черезъ посредство того же Краснова получила отъ нѣмцевъ часть своего вооруженія и боевыхъ припасовъ, то перестаешь удивляться тому, что Добровольческой арміи, невзирая на всю ея доблесть, не удалось свергнуть большевиковъ.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ дѣйствій «союзниковъ» по отношенію къ Россіи за истекшія со времени прекращенія войны годы, послѣ того, какъ эти же союзники единственнымъ препятствіемъ къ соглашенію съ большевиками признавали отрицаніе ими заключенныхъ русскимъ государствомъ иностранныхъ долговъ и нежеланіе вернуть иностранцамъ отнятыя ими у нихъ недвижимыя имущества, самый же фактъ заключенія большевиками преждевременнаго мира съ Германіей, имѣвшаго дѣйствительно характеръ предательства, не ставится имъ вовсе въ вину и либо замалчивается, либо даже перекидывается на былую государственную Россію, то, казалось бы, можно придти къ выводу, что отказъ отъ всякихъ переговоровъ съ Германіей со стороны вождей Добровольческой арміи былъ поступкомъ, основаннымъ на благородствѣ, но политически ошибочнымъ.

Установить прочныя нормальныя отношенія къ Кубани и ея правительству можно было двумя способами: либо насильственнымъ подавленіемъ кубанскаго сепаратизма и завладѣніемъ всей полнотой власти въ краѣ, либо, наоборотъ, полнымъ невмѣшательствомъ въ дѣла мѣстнаго гражданскаго управленія и хотя бы временнымъ, но безоговорочнымъ признаніемъ ея политической самостоятельности.

Избрали средній путь и естественно запутались въ политическихъ компромиссахъ, что и привело къ постепенному обостренію отношеній между арміей и кубанскими мѣстными властями.

Да, Деникинъ, Лукомскій, Драгомировъ и ихъ предшественники Алексѣевъ и доблестный Корниловъ это — лучшее въ смыслѣ горячаго патріотизма и дѣйственной энергіи, что выставила императорская армія послѣ крушенія монархіи, но, увы, это лучшее, въ смыслѣ разумѣнія міровыхъ событій, въ отношеніи организаціи національно-русскаго ядра, представляло силу, хотя и незаурядную, но тѣмъ пе менѣе не отвѣчающую тѣмъ исключительнымъ требованіямъ, которыя предъявляли чрезвычайныя событія. Событія были сильнѣе ихъ: они требовали людей, быть можетъ, и менѣе горячо любящихъ родину, менѣе беззавѣтно преданныхъ дѣлу, которому они себя посвятили, но глубже понимающихъ истинный смыслъ совершающагося, болѣе искушенныхъ въ политическихъ хитросплетеніяхъ. «Das politische Lied ist ein eckiges Lied».

Въ вопросѣ объ объединеніи съ Дономъ и Украиной и сближеніемъ съ Германіей вожди Добровольческой арміи не понимали, что смыслъ его состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться уже несомнѣнно приближавшимся къ концу пребываніемъ германскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи и при ихъ помощи создать мощную военную русскую силу, хотя бы въ смыслѣ имѣющагося у нея вооруженія за счетъ того военнаго матеріала, который югъ Россіи еще заключалъ и который при иныхъ условіяхъ неизбѣжно долженъ былъ попасть въ руки большевиковъ, какъ это вскорѣ и произошло.

Если военный элементъ арміи и не былъ на высотѣ стоявшей передъ ней труднѣйшей задачи, то не проницательнѣе были и избранные арміей въ ея политическіе руководители второстепенные члены партіи, только что испытавшей политическое пораженіе въ лицѣ составившихъ временное правительство духовныхъ ея вождей.

Ни тѣ, ни другіе не оцѣнивали въ достаточной степени силы большевизма. Гибель въ ближайшемъ будущемъ большевиковъ для нихъ была внѣ сомнѣнія, а потому они не только не искали союзниковъ и сотрудниковъ внѣ тѣснаго круга уже такъ или иначе прилѣпившихся къ арміи, а наоборотъ чурались подобнаго сотрудничества.

Степени нежеланія собравшихся въ Екатеринодарѣ членовъ кадетской партіи расширить свой кругъ яркій примѣръ дало ихъ отношеніе къ побывавшему тамъ, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, Милюкову. Подъ предлогомъ все той же проявленной имъ германской оріентаціи, которую, кстати сказать, они же и раздули, они вынудили Милюкова тотчасъ уѣхать изъ центра арміи, естественно опасаясь, что въ его присутствіи ихъ авторитетъ и значеніе тотчасъ поблекнутъ.

Что касается соглашенія съ другими, враждебными большевизму русскими общественными силами, то они его рѣшительно отвергали. Дѣлиться властью съ кѣмъ либо они отнюдь не желали. Не малую роль игралъ тутъ и страхъ утратить тѣ «завоеванія революціи», которыя привели ихъ не столько къ власти, сколько къ видимости власти.

Въ порядкѣ борьбы съ большевизмомъ демагогія казалась имъ по прежнему главнымъ ихъ козыремъ, выигрышнымъ конемъ, и они не понимали, что на этомъ ри-

сталищѣ они своихъ противниковъ никоимъ образомъ обскакать не могутъ, что больше посуловъ, нежели надавали большевики, никто дать не можетъ.

Они хотѣли плыть по тому теченію, по которому плыли большевики, не обладая ни той вѣрой въ это теченіе, которой вдохновлялись идейные вожди большевизма, ни той безпринципной аморальной дерзостью, которая составляетъ основную силу большевизма, его отличительный признакъ, самую его сущность.

Получалось такое странное положеніе, что бѣлое движеніе не противопоставляло лозунговъ, обратныхъ большевицкимъ, а принимало его же лозунги, но въ окороченномъ, куцомъ видѣ.

Большевики обѣщали все. Бѣлые шли съ обѣщаніемъ части того же все. Но еще не видано, чтобы кто либо предпочелъ часть чего либо его цѣлому, если только это цѣлое признается за благо; не видано въ особенности для русской природы, неизмѣнно добивающейся чего то въ его интегральномъ видѣ. Ужъ если забирать чужое добро, то все, а не часть его, ужъ если попирать чужія права, то всѣ, а не часть ихъ. Ужъ если измѣнять существующій соціальный строй, то до корня, а не только нѣкоторыя его внѣшнія проявленія.

Мое первое впечатлѣніе, вынесенное изъ разговора съ Лукомскимъ, по мѣрѣ ознакомленія съ общей обстановкой въ Екатеринодарѣ и фигурировавшими тамъ на политической сценѣ личностями, лишь укрѣпилось. Насъ опасались рѣшительно всѣ и желали лишь одного — нашего скорѣйшаго отъѣзда. Не встрѣчало сочувствія и привезенное нами изъ Кіева предположеніе объ установленіи постоянной связи между образовавшимся въ Кіевѣ совѣтомъ національнаго объединенія, включавшаго однако многихъ представителей той же кадетской партіи и Добровольческой арміи.

Возникло, повидимому, опасеніе, что связь даже съ чисто русскими организаціями, коль скоро онѣ находятся въ Кіевѣ, затемнитъ бѣлыя ризы Добровольческой арміи въ смыслѣ ея вѣрности союзникамъ въ виду того, что Кіевъ находится въ сферѣ германской оккупаціи.

Драгомировъ старался даже опорочить значеніе образовавшагося въ Кіевѣ совѣта объединенія, а въ частности и того объединенія членовъ законодательныхъ палатъ, отъ котораго мы были посланы, указывая на то, что въ нашей средѣ нѣтъ даже б. предсѣдателя государственной думы — Родзянко. Заявленіе это было довольно неожиданное: Родзянко проживалъ въ это время въ Екатеринодарѣ, но армія его всячески чуралась и ни въ какія сношенія съ нимъ не входила. Мы не преминули указать на это странное противорѣчіе: съ одной стороны Родзянко непріемлемъ, съ другой — его отсутствіе въ составѣ парламентской группы лишаетъ эту группу значенія.

При нашихъ разговорахъ съ Драгомировымъ дважды присутствовалъ только что вызванный изъ Крыма для завѣдыванія внѣшними сношеніями С. Д. Сазоновъ, но за все время не обронилъ онъ ни единаго слова; стороной же мы узнали, что Сазоновъ, искони пропитанный англофильскими чувствами, тоже высказывался противъ объединенія съ Украиной и Дономъ, какъ находящимися въ сношеніяхъ съ Германіей.

Высказывался онъ, повидимому, и противъ установленія связи съ Кіевскимъ совѣтомъ объединенія, видя въ немъ организацію слишкомъ правую. Выказалъ при этомъ Сазоновъ большую незлобивость. Смѣщенный съ поста посла въ Великобританіи (на который онъ былъ назначенъ царскимъ правительствомъ, но фактически занять который до наступленія революціи не успѣлъ) тѣмъ самымъ Милюковымъ, котораго онъ же такъ лелѣялъ въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ остался однако вѣренъ своимъ кадетскимъ симпатіямъ и очевидно полагалъ воз-

можнымъ возсоздать разрушенную россійскую храмину одними кадетскими руками.

Не встрѣтили мы союзника въ вопросѣ о сближеніи съ Украиной и въ лицѣ В. В. Шульгина. Весь сотканный изъ чувствъ, онъ не могъ переварить присутствія въ родномъ ему Кіевѣ германцевъ и ихъ ставленника гетмана, а посему рѣзко возражалъ противъ всякихъ сношеній съ нимъ.

Единственное лицо изъ политическаго міра, которое раздѣляло наши взгляды, былъ Н. Н. Львовъ. Онъ издавалъ въ Екатеринодарѣ газету «Великая Россія», обладалъ значительно болѣе широкимъ политическимъ горизонтомъ и вполнѣ сознавалъ, что присутствіе большевиковъ въ ту пору въ Москвѣ зиждилось не на ихъ силѣ, а на безсиліи русскихъ государственно настроенныхъ организацій, происходящемъ отъ раздробленности.

Въ конечномъ результатѣ все же удалось сговориться на томъ, что въ Екатеринодаръ будетъ послана постоянная делегація отъ Кіевскаго совѣта національнаго объединенія, при условіи однако, чтобы совѣтъ этотъ перенесъ свое мѣстопребываніе въ какой либо иной центръ, находящійся внѣ мѣста пребыванія германскаго командованія. Впослѣдствіи это и было осуществлено. Совѣтъ національнаго объединенія съ занятіемъ Кіева петлюровцами силою вещей переѣхалъ въ Одессу, и отъ него были делегированы въ Екатеринодаръ бар. Меллеръ и б. членъ государственной думы Н. В. Савичъ, который и вошелъ въ составъ политическаго при арміи совѣщанія и оставался въ немъ до конца его существованія.

Пытались мы сговориться и съ находящимися въ Екатеринодарѣ представителями кадетской партіи, но, кромѣ обоюднаго безплоднаго упражненія въ діалектикѣ, ничего не достигли.

Если политическая обстановка въ Екатеринодарѣ произвела на насъ неблагопріятное впечатлѣніе въ особенности вслѣдствіе столь ярко проявившихся тамъ личныхъ честолюбій, то не радовало и то, что доходило съ фронта, хотя это былъ періодъ боевыхъ успѣховъ добровольцевъ.

Въ особенности тяжелое впечатлѣніе произвело на меня сказанное мнѣ однажды Лукомскимъ.

Зайдя къ нему, чтобы узнать какія вѣсти съ фронта, гдѣ велись упорные бои, насколько помнится, по направленію къ Царицыну, я узналъ, что вѣсти вполнѣ хорошія — между прочимъ взято въ плѣнъ что то около пятисотъ человѣкъ.

— «Развѣ это такъ много?» спросилъ я.

— «Очень. Вѣдь мы плѣнныхъ не беремъ. Это обозначаетъ, что руки рубить устали», и тутъ же добавилъ: «мы этому, конечно, не сочувствуемъ и стараемся препятствовать, но озлобленіе среди нашихъ войскъ столь сильно, что ничего въ этомъ отношеніи подѣлать нельзя».

Признаюсь, я удивился такому заявленію, но когда черезъ нѣсколько дней увидѣлъ на вокзалѣ взятаго донцами въ плѣнъ командовавшаго какой то большевицкой частью генерала Н. (преданный суду онъ впослѣдствіи былъ оправданъ), то испыталъ чувство столь невыразимо-сильнаго отвращенія къ этому незнакомому мнѣ лицу, что вполнѣ понялъ тѣ чувства, которыя не могли не испытывать по отношенію къ большевикамъ добровольцы, ежедневно видѣвшіе творимые ими ужасы.

Боевого офицерства мы въ Екатеринодарѣ, конечно, почти не видѣли. Однако, несмотря на удаленность отъ боевого фронта, Екатеринодаръ былъ переполненъ офицерствомъ, къ сожалѣнію не только бѣдно, но и неряшливо одѣтымъ. Офицерство это между прочимъ особенно охотно посѣщало кондитерскую, находившуюся на Красной улицѣ. Здѣсь можно было за нимъ наблюдать чуть ли не въ любой часъ

дня. Прислушиваясь здѣсь къ разговорамъ и присматриваясь къ офицерству, у меня прежде всего создалось впечатлѣніе не столько нѣкоторой разнузданности, сколько кустарности добровольческой организаціи.

Впечатлѣніе это еще усилилось, когда я узналъ отъ радостно настроеннаго Шульгина, что только что прибылъ офицеръ, принадлежащій къ какой то конспиративной организаціи, которой Шульгинъ завѣдывалъ, и привезъ въ чемоданѣ часть пулемета, говоря, что остальную его часть на дняхъ привезетъ другой офицеръ. Если армія вынуждена пополнять свое вооруженіе такимъ путемъ, подумалъ я, то далеко она не уйдетъ, и одновременно еще выше оцѣнилъ, еще больше проникся уваженіемъ къ неоспоримой доблести составлявшихъ армію элементовъ, но вѣра въ успѣхъ предпріятія еще болѣе ослабѣла.

Не достигши никакихъ реальныхъ результатовъ, какъ это легко было предвидѣть заранѣе, двинулись мы послѣ десятидневнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ въ обратный путь. Вынудили насъ ускорить нашъ отъѣздъ полученныя нами тревожныя свѣдѣнія о положеніи Кіева, гдѣ остались наши семьи. Спѣша въ виду этого въ Кіевъ, мы могли заѣхать по пути въ Новочеркасскъ лишь на одинъ день. При татакихъ условіяхъ наши впечатлѣнія о Новочеркасскѣ могли быть лишь мимолетными и тѣмъ не менѣе они были вполнѣ опредѣленныя.

Съ самаго момента пріѣзда въ Новочеркасскъ мы почувствовали себя въ иной атмосферѣ — въ атмосферѣ спокойствія и нормальной, скажу прямо, прежней русской жизни. Начиная съ вокзала желѣзной дороги, гдѣ царствовалъ отмѣнный порядокъ, и продолжая извозчикомъ, который безъ торга, по установленной таксѣ повезъ насъ къ атаманскому дворцу куда мы непосредственно отправились — все отражало присутствіе твердой хозяйской руки. У двора стояли парные часовые, и одинъ ихъ наружный видъ свидѣтельствовалъ о наличности старой воинской дисциплины. Самый дворецъ послѣ Екатеринодарскихъ загрязненныхъ присутственныхъ мѣстъ поражалъ своей чистотой и опрятностью. Большой залъ засѣданій былъ увѣшанъ писаными масляными красками портретами русскихъ императоровъ и б. наказныхъ атамановъ войска Донского. Глава Всевеликаго Дона очевидно не чурался прошлаго.

Къ намъ вышелъ корректный, вѣжливый офицеръ, вѣроятно, ординарецъ атамана, и объяснилъ, что атаманъ сейчасъ занятъ въ совѣтѣ, а на наше заявленіе, что мы вынуждены въ тотъ же день уѣхать и посему желали бы видѣть генерала Краснова сегодня же, сказалъ, что тотчасъ же доложитъ атаману о нашемъ желаніи. Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ офицеръ вернулся и сказалъ, что атаманъ насъ приметъ въ семь часовъ вечера. Все это мелочи, но они характеризовали тонъ мѣстнаго управленія.

Мы воспользовались свободнымъ временемъ, чтобы пообѣдать въ лучшей, но довольно скромной гостинницѣ, гдѣ за весьма умѣренную, по сравненію съ Екатеринодарскими, цѣну мы получили сытный обѣдъ.

Въ Новочеркасскѣ поражало въ особенности отсутствіе всякой внѣшней суеты; городъ жилъ нормальной жизнью провинціальнаго губернскаго центра. Не видно было и того, заполнявшаго вся и все въ Екатеринодарѣ, множества праздно гуляющаго офицерства. Наружно ни въ чемъ не сказывалось нахожденіе здѣсь командннаго центра области, состоящей въ непрестанной борьбѣ съ ожесточеннымъ противникомъ и спѣшно подготовляющей и воспитывающей новыя войсковыя единицы. Работа очевидно кипѣла не на улицѣ, не въ кофейняхъ и ресторанахъ, а тамъ, гдѣ она приводила къ немедленнымъ реальнымъ результатамъ.

Въ назначенный часъ мы были вновь во дворцѣ у атамана, который насъ принялъ, если не холодно, то сдержанно. Лично мы съ нимъ до тѣхъ поръ не были знакомы и сдержанность его была вполнѣ понятна.

Ознакомившись съ цѣлью нашего посѣщенія и молча, но внимательно выслушавъ высказанныя нами соображенія, онъ весьма немногословно сказалъ, что вполнѣ признаетъ необходимость тѣснаго единенія между тремя создавшимися на югѣ Россіи государственными новообразованіями и съ своей стороны давно къ этому стремится. Упомянулъ онъ про сыплющіеся на него нападки за его сношенія съ германцами, что не мѣшаетъ, подчеркнулъ онъ, Добровольческой арміи принимать отъ него оружіе и боевые припасы, которые онъ получаетъ отъ тѣхъ же нѣмцевъ.

«Мнѣ предоставляютъ, сказалъ Красновъ, мыть это оружіе въ водахъ тихаго Дона и затѣмъ настойчиво требуютъ его чуть что не цѣлостной передачи въ распоряженіе Добровольческой арміи, не переставая при этомъ меня же осуждать за мои будто бы германофильскія чувства».

Бесѣда съ донскимъ атаманомъ произвела на насъ наилучшее впечатлѣніе. Мы видѣли передъ собой государственно мыслящаго человѣка, преслѣдующаго лишь одну цѣль — возстановленіе развалившагося государства — и пользующагося для достиженія этой цѣли всѣми доступными ему средствами, не поддаваясь никакимъ постороннимъ чувствамъ и вполнѣ сознавая, что безъ нѣкоторыхъ искупительныхъ жертвъ русскій народъ не въ состояніи возродить свое государственное бытіе.

Прямо отъ генерала Краснова проѣхали мы на поѣздъ, гдѣ получили новое доказательство авторитетности атаманской власти. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ какой то желѣзнодорожный чинъ и тотчасъ провелъ въ предоставленное намъ отдѣленіе вагона. Это весьма мелкое обстоятельство насъ тѣмъ болѣе поразило, что въ Екатеринодарѣ произошло приблизительно обратное. Несмотря на сдѣланное генераломъ Драгомировымъ распоряженіе о предоставленіи намъ отдѣльнаго купэ, мы таковаго не только не получили, но вообще лишь съ трудомъ заручились мѣстомъ въ переполненномъ нахлынувшей на него публикой поѣздѣ, идущемъ въ Ростовъ.

IV.

Возвращеніе въ Кіевъ. Посѣщеніе гетмана. Какъ возникло Ясское совѣщаніе? Поѣздка въ Яссы. Типичныя особенности совѣщанія въ Яссахъ. Одесса и ея настроенія. Консулъ Эно. Отплытіе делегаціи въ Константинополь.

Нашъ обратный путь въ Кіевъ ничѣмъ не былъ отмѣченъ. Ѣхали мы на этотъ разъ черезъ Харьковъ, переименованный въ Хірківъ, о чемъ гласила огромная вывѣска, замѣнившая старыя вокзальныя надписи. Въ Харьковѣ, гдѣ мы провели цѣлый день, такъ же какъ и въ Кіевѣ, вся украинизація сводилась къ перемѣнѣ нѣкоторыхъ публичныхъ надписей. Ни единаго звука на украинскомъ языкѣ мы здѣсь не слышали.

Въ Кіевѣ, куда мы прибыли уже послѣ полученія тамъ извѣстій, какъ о заключеніи перемирія, положившаго конецъ міровой войнѣ, такъ и о бѣгствѣ отрекшагося отъ престола германскаго императора, мы нашли большую перемѣну. Утратившій германскую опору гетманъ поспѣшилъ измѣнить свое отношеніе къ Россіи. Исключивъ изъ состава своего правительства всѣ бывшіе въ немъ украинскіе элементы, онъ объявилъ, что почитаетъ Украину за недѣлимую часть Россіи, но это лишь ускорило его паденіе, ибо окончательно оттолкнуло отъ него искреннихъ украинофиловъ, которыхъ все же было нѣкоторое, довольно вліятельное въ краѣ, количество.

Въ Бѣлой Церкви тотчасъ объявились повстанческія недурно вооруженныя банды, которыя возглавлялъ Петлюра.

Образованные бывшимъ опредѣленно украинофильскимъ министромъ путей сообщенія желѣзнодорожные батальоны также немедленно проявили свои украинско-большевицкія чувства и перестали подчиняться гетманской власти, а никогда не вѣрившее въ искренность гетмана, заполнявшее Кіевъ русское офицерство, составившее добровольческіе отряды для защиты Кіева, лишь неохотно шло на жертвы для поддержанія чуждой ему власти.

Трудное положеніе Скоропадскаго внезапно осложнилось еще однимъ инцидентомъ. Представитель генерала Деникина въ Кіевѣ генералъ Ламповскій издалъ ни на чемъ не основанный приказъ, предлагавшій русскому офицерству, образовавшему въ Кіевѣ добровольческіе отряды, провозгласить себя частью добровольческой арміи и подчиняться лишь исходящимъ отъ нея приказамъ.

Одновременно проявилось и разложеніе германскихъ бывшихъ въ Кіевѣ войскъ, и вскорѣ приняло явно революціонный характеръ. Образовались солдатскіе совѣты въ воинскихъ частяхъ, которые и стали во главѣ командованія. Офицерскія собранія были упразднены и офицеры принуждены кормиться изъ общаго солдатскаго котла и нести караульную службу наравнѣ съ нижними чинами, чему они поспѣшили безропотно подчиниться. Какъ говорили тогда въ Кіевѣ, «свернули они свои одѣялки и поплелись въ разныя, разбросанныя по городу караульныя помѣщенія».

Несмотря на то, что разложеніе германскихъ войскъ оставляло Кіевъ въ почти беззащитномъ положеніи отъ петлюровскихъ бандъ, все же оно вызвало въ русскихъ кругахъ нескрываемое удовольствіе. «Что, молъ, и вы, пруссаки, столь гордые желѣзной дисциплиной вашихъ войскъ, попались; подѣломъ вамъ, усердно насаждавшимъ у насъ большевизмъ». Надо, однако, признать, что разложеніе германскихъ войскъ носило иной характеръ, чѣмъ у насъ. Не только не сопровождалось убійствомъ офицеровъ, но мало отразилось на самой дисциплинѣ; фактически все свелось къ замѣнѣ власти офицеровъ властью выбранныхъ солдатами изъ своей среды комитетовъ, въ составъ которыхъ вошло много интеллигентовъ. Комитеты эти строго наблюдали за сохраненіемъ порядка въ воинскихъ частяхъ, и это имъ въ значительной степени удавалось.

Вотъ когда ярко сказалась дисциплинированность германской націи и высота ея культурнаго уровня, выявилась и основная причина безчинствъ, творимыхъ захваченными большевизмомъ русскими народными массами — ихъ безпросвѣтное невѣжество.

Узнавъ о моемъ возвращеніи въ Кіевъ, предсѣдатель украинскаго совѣта министровъ С. Н. Гербель попросилъ меня проѣхать къ гетману для разъясненія ему, въ связи съ приказомъ, изданнымъ Ламповскимъ, отношенія Добровольческой арміи къ Украинѣ. Во дворцѣ, занимаемомъ гетманомъ, я засталъ Гербеля и министра внутреннихъ дѣлъ Кистяковскаго, и мы втроемъ вошли въ кабинетъ правителя края. Скоропадскаго до тѣхъ поръ я никогда въ глаза не видѣлъ, а потому былъ до крайности пораженъ одной его тотчасъ обнаружившейся основной чертой — невѣроятной болтливостью. Онъ рѣшительно не давалъ возможности своимъ собесѣдникамъ спокойно промолвить хотя бы нѣсколько словъ. Напрасно Гербель старался прервать потокъ его краснорѣчія; дальше обращенія «пане хетманъ», какъ онъ его величалъ, ему не удавалось сколько нибудь продолжить свою рѣчь.

Я опредѣленно заявилъ, что никакихъ распоряженій генералъ Деникинъ о распространеніи власти добровольческой арміи на находящееся въ Кіевѣ русское офицерство не отдавалъ и, повидимому, не собирался отдавать. Меня попросили разъ-

яснить это вызванному во дворецъ генералу Ламповскому, который и былъ послѣ этого введенъ въ кабинетъ, гдѣ мы находились

Ламповскій, котораго я въ жизни тоже никогда не видѣлъ, оказался весьма тихимъ и, какъ мнѣ показалось, незначущимъ человѣкомъ. На мой вопросъ, на чемъ онъ основываетъ изданный имъ приказъ, къ моему удивленію, онъ наивно отвѣтилъ, что основалъ онъ его на появившемся въ какой то газетѣ соотвѣтственномъ частномъ свѣдѣніи. Столь невѣроятное объясненіе меня взбѣсило и, при набравшемъ на этотъ разъ воды въ ротъ гетманѣ, я, не имѣя, разумѣется, никакого на то права, рѣзко и рѣшительно указалъ генералу Ламповскому, насколько недопустимъ его образъ дѣйствій, и предложилъ ему тотчасъ изданный имъ приказъ отмѣнить, на что онъ выразилъ полное согласіе. Впрочемъ, весьма возможно, что согласіе это было обусловлено тѣмъ, что ему уже было вѣроятно извѣстно, сколь несочувственно отнеслись къ его приказу сами офицеры, до которыхъ онъ относился.

Послѣ ухода Ламповскаго къ Скоропадскому немедленно вернулся его изобильный даръ слова, и онъ, вновь не давая никому открыть рта и заразъ захватывая въ своей рѣчи разнообразные сюжеты, занялъ насъ столь же пространными, сколь туманными разсужденіями, гдѣ между прочимъ фигурировала и преданность Россіи.

— «И вотъ всегда такъ. Извольте при этихъ условіяхъ имѣть съ нимъ дѣло», сказалъ мнѣ Гербель, когда мы наконецъ вышли отъ гетмана, очевидно, имѣя въ виду затруднительность путно и спокойно о чемъ либо съ нимъ переговорить.

Дѣлая на другой день моего пріѣзда въ совѣтѣ національнаго объединенія сообщеніе о результатѣ нашей поѣздки въ Екатеринодаръ и вынесенныхъ нами впечатлѣніяхъ, я узналъ, что за время нашего отсутствія пріѣзжалъ въ Кіевъ полковникъ Ильинъ, представитель нашего Краснаго Креста въ Румыніи, и привезъ приглашеніе имѣющихся въ Румыніи дипломатическихъ представителей державъ согласія находящимся въ Кіевѣ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ пріѣхать въ Яссы, гдѣ еще находилось румынское правительство, перебравшееся туда послѣ захвата Бухареста германцами. Приглашались русскіе дѣятели для изложенія положенія дѣлъ въ Россіи и указанія той помощи, которая необходима для освобожденія ея отъ большевиковъ. Желали, повидимому, эти дипломаты узнать и къ чему сводятся пожеланія русской общественности въ отношеніи будущаго государственнаго строя Россіи, а посему хотѣли, чтобы въ Яссы пріѣхали представители всѣхъ имѣющихся въ Россіи антибольшевицкихъ политическихъ теченій. Мысль эта возникла по иниціативѣ самого Ильина и была воспринята дипломатами Антанты еще до заключенія перемирія, т. е. когда исходъ войны еще окончательно не выяснился, но когда уже было ясно, что новый ударъ по Германіи со стороны ея по существу беззащитнаго восточнаго фронта поставитъ ее на колѣни.

Находившіеся въ Яссахъ представители державъ согласія, фактически отрѣзанные отъ Запада и не находящіеся вовсе въ курсѣ намѣреній своихъ правительствъ, вѣроятно думали, что съѣхавшіеся въ Кіевѣ русскіе политическіе дѣятели укажутъ имъ на наиболѣе осуществимые способы возстановленія русскаго антигерманскаго фронта. Помощь Россіи была здѣсь лишь предлогомъ или, вѣрнѣе, способомъ вовлечь ее снова въ міровую войну.

Совѣтъ національнаго объединенія пошелъ навстрѣчу полученному приглашенію и, выбравъ изъ своей среды въ качествѣ делегатовъ нѣсколько лицъ, обратился къ соціалистическимъ кругамъ съ предложеніемъ присоединить своихъ делегатовъ къ намѣченному румынскому паломничеству.

Въ совокупности делегаты должны были представить какъ бы весь русскій антибольшевицкій общественный фронтъ. Въ конечномъ результатѣ делегацію соста-

вили: баронъ Меллеръ-Закомельскій, въ качествѣ ея предсѣдателя, и Кривошеинъ, Третьяковъ, Милюковъ, народный соціалистъ А. А. Титовъ и соціалъ-революціонеръ Фундаминскій. Къ нимъ по проѣздѣ делегаціи по пути въ Яссы черезъ Одессу присоединились еще представители какой то мѣстной организаціи, а именно А. И. Пильцъ, М. М. Федоровъ, Маргуліесъ и одинъ изъ директоровъ банка Второва — Чемберсъ.

Выслушавъ мой докладъ, совѣтъ національнаго объединенія пожелалъ и меня послать въ Яссы въ цѣляхъ освѣдомленія делегаціи о положеніи добровольческой арміи и вооружилъ меня соотвѣтственнымъ письменнымъ полномочіемъ. Къ тому же рѣшенію пришло и бюро парламентской группы относительно насъ обоихъ, ѣздившихъ въ Екатеринодаръ, т. е. Н. Н. Шебеко и меня.

Вообще въ Кіевѣ придавали большое значеніе полученному приглашенію и стремились туда очень многіе въ особенности изъ тѣхъ, кто не стѣснялся въ средствахъ. Пожелали туда поѣхать и многіе представители протофиса, заручившіеся полномочіями этого учрежденія, какъ то бывш. члены Государственной Думы Н. В. Савичъ и видный кіевскій общественный дѣятель Демченко В. Н., предсѣдатель бюро съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, б. членъ государственнаго совѣта Н. Ф. Дитмаръ и принимавшій участіе въ качествѣ добровольца въ міровой войнѣ, недавно снявшій военный мундиръ В. П. Рябушинскій.

Вмѣстѣ съ названными лицами выѣхали мы изъ Кіева въ половинѣ ноября въ шикарномъ директорскомъ вагонѣ, предоставленномъ правленіемъ юго-западныхъ жел. дорогъ своему члену Демченко.

Послѣ еще не забытыхъ условій переѣзда изъ Москвы въ Кіевъ и всѣхъ неудобствъ, испытанныхъ при поѣздкѣ въ Екатеринодаръ, очутиться въ роскошномъ салонъ-вагонѣ со своимъ старорежимнымъ проводникомъ, усердно угощавшимъ во время пути чаемъ и разнообразными, захваченными съ собой тѣмъ же Демченко яствами было и странно, и вдвойнѣ пріятно... Путешествіе при такихъ условіяхъ въ обществѣ нашихъ милыхъ и интересныхъ спутниковъ было однимъ удовольствіемъ. Даже доходившіе до насъ на станціяхъ по пути слухи, что банды Петлюры двинулись на Кіевъ, что онѣ могутъ съ часа-на-часъ прервать движеніе на Кіево-Одесскомъ участкѣ и что мы рискуемъ попасть не въ Яссы, а въ лапы къ Петлюрѣ, насъ какъ то мало тревожили.

Сидя въ ярко освѣщенномъ, удобномъ вагонѣ за чашкой чая, приправленной разнообразными закусками, какъ то въ сознаніи не укладывалось, что мы живемъ въ совершенно необычайныхъ условіяхъ, когда, не говоря про имущество, но и личная свобода и самая жизнь каждаго рѣшительно ни чѣмъ не обезпечена. Однако такъ оно въ дѣйствительности было: перерывъ пути на Одессу произошелъ именно въ день нашего проѣзда, но не впереди, а позади насъ. Мостъ у Фастова былъ взорванъ петлюровцами, почти тотчасъ послѣ прохода нашего поѣзда, о чемъ мы узнали, только подъѣзжая къ Одессѣ.

Изъ Одессы двинулись мы дальше въ Яссы, куда, невзирая на незначительность разстоянія, добрались только черезъ сутки.

Удручающее впечатлѣніе произвело превращеніе Тирасполя, расположеннаго, какъ извѣстно, въ непосредственной близости отъ Одессы, въ пограничный пунктъ. Присутствіе здѣсь пограничныхъ румынскихъ властей, самодовольныхъ и наглыхъ, не смягчалось для насъ, какъ это было въ Оршѣ по отношенію къ нѣмцамъ, сознаніемъ, что подъ ихъ покровомъ мы находимся въ безопасности отъ большевицкаго произвола.

Переѣздъ черезъ новую румынскую границу прошелъ не безъ задержки. Сначала не хотѣли насъ, не снабженныхъ никакими визами, вовсе пропускать, а по-

томъ воспротивились прицѣпкѣ нашего вагона къ румынскому поѣзду, но чрезвычайная энергія и умѣлая настойчивость Демченко взяли верхъ, и мы послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій покатили таки дальше въ своемъ вагонѣ, блестящій видъ котораго какъ бы напоминалъ о значеніи Россіи и вѣроятно помогъ Демченко настоять на своемъ.

Яссы, извѣстные русскимъ людямъ преимущественно тѣмъ, что по близости отъ нихъ на большой дорогѣ нѣкогда скончался великолѣпный князь Тавриды, поразили насъ, несмотря на господствовавшее въ нихъ оживленіе, своей грязью и ничтожествомъ захолустнаго городишки. Направились мы въ зданіе русскаго консульства, причемъ были нѣсколько удивлены, когда везшій насъ извозчикъ заговорилъ съ нами на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, пока не вспомнили, что въ Яссахъ, какъ впрочемъ и въ Бухарестѣ, почти весь извозный промыселъ находится въ рукахъ русскихъ скопцовъ, переселившихся въ Румынію, вслѣдствіе испытываемыхъ ими въ Россіи преслѣдованій. Лыбопытнѣе всего то, что эти скопцы, выселившіеся изъ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ, отнюдь не вымираютъ, а продолжаютъ какимъ то образомъ плодиться, сохраняя чисто русскій обликъ и русскіе обычаи.

Въ консульство мы пріѣхали во время происходившаго тамъ засѣданія созваннаго совѣщанія, куда насъ допустили однако отнюдь не сразу. Вышедшій къ намъ Милюковъ настойчиво оспаривалъ наше право участвовать въ «конференціи». Исключеніе онъ дѣлалъ только по отношенію ко мнѣ одному, предусмотрительно вооружившемуся формальнымъ полномочіемъ совѣта національнаго объединенія. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ приняты были всѣ, но безъ права рѣшающаго голоса (какъ будто число голосовъ могло имѣть здѣсь какое либо значеніе)!

Получивъ доступъ въ помѣщеніе, гдѣ засѣдало совѣщаніе, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нахожусь исключительно въ русской средѣ; ни одного иностраннаго представителя здѣсь не было. Между тѣмъ мнѣ представлялось, что мы пріѣхали для переговоровъ съ представителями державъ согласія.

Вообще ничего болѣе курьезнаго, жалкаго и смѣшного такъ называемой ясской конференціи, о которой потомъ въ русской прессѣ говорилось, какъ о чемъ то значительномъ, представить себѣ нельзя. Происходила она въ полуподвальномъ помѣщеніи зданія русскаго консульства обыкновенно служившемъ, какъ это нетрудно было опредѣлить по общей обстановкѣ, складочнымъ мѣстомъ для старыхъ архивовъ и поломанной мебели. Участвовали въ ней фактически только лица, пріѣхавшія изъ Россіи; раза два кажется присутствовали, не принимая участія въ сужденіяхъ, нашъ посланникъ въ Румыніи С. В. Поклевскій-Козеллъ и полковникъ Ильинъ. Состояли эти сужденія въ томъ, что вырабатывали, какую то общую, пріемлемую для всѣхъ представленныхъ общественныхъ теченій программу освобожденія Россіи.

Зачѣмъ этимъ людямъ понадобилось переѣхать для составленія этой программы изъ Кіева въ подвалъ русскаго консульства въ Яссахъ, понять никакъ нельзя было. Или такое соглашеніе осуществимо только при наличности иностранной палки?

Безцѣльность производимой работы, думается, сознавалась всѣми. Это не мѣшало, однако, тому, что пускали въ ходъ все доступное каждому краснорѣчіе и спорили до потери голоса и изнеможенія силъ. Благодушно, какъ всегда предсѣдательствовалъ бар. Меллеръ. Особенное упорство въ отстаиваніи своихъ положеній проявляли Милюковъ и Фундаминскій. Какъ сейчасъ вижу этихъ двухъ, сидящихъ другъ противъ друга, оппонентовъ, когда уже всѣ остальные члены курьезнаго собранія встали со своихъ мѣстъ, упрямо продолжающихъ отстаивать какую то, каждый свою, редакцію одного изъ пунктовъ устанавливаемой пресловутой программы, вскорѣ потонувшей въ Летѣ, какъ сотни другихъ имъ подобныхъ.

Для меня подобные споры во всѣ времена казались и дикими и безплодными. Долголѣтнее участіе во всевозможныхъ междувѣдомственныхъ и международныхъ совѣщаніяхъ давно убѣдило меня, что принимаемыя на нихъ резолюціи общаго принципіальнаго характера имѣютъ значеніе даже для самихъ участниковъ подобныхъ совѣщеній, только до момента ихъ подписанія. Тотчасъ послѣ этого даже подписавшіе забываютъ самое ихъ содержаніе и продолжаютъ руководствоваться въ практической работѣ своими личными взглядами и мнѣніями

Не такъ смотрѣли и смотрятъ на подобныя резолюціи наши общественные дѣятели, въ особенности лѣваго лагеря. Для нихъ выносимыя ими рѣшенія составляли, если исключить террористическую дѣятельность, начало и конецъ всей ихъ работы, хотя и для нихъ рѣшенія эти являлись руководящими лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Привычка работать въ условіяхъ, дающихъ возможность претворить слова въ дѣла, заставляла меня смотрѣть на подобныя ясскому общественныя совѣщанія, приводящія лишь къ повисающимъ въ воздухѣ отвлеченнымъ рѣшеніямъ, какъ на безплодное и безцѣльное толченіе воды. Въ сущности все ихъ значеніе — пропаганда и распространеніе опредѣленныхъ лозунговъ, нерѣдко приводящихъ къ сознательной фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Но о чемъ же спорили съѣхавшіеся въ Яссахъ случайные представители русской общественности? Да рѣшительно обо всемъ. Происходили столь типично русскіе безконечные, расплывчатые споры, гдѣ, не столько поочередно, сколько одновременно разрѣшались всѣ вопросы, если не мірозданія, то государственнаго строительства. Путая важное съ ничтожнымъ, останавливались на словахъ и препирались о запятыхъ.

«Охъ трудно сговориться съ соціалистами», какъ то съ убѣжденіемъ заявилъ Милюковъ, очевидно не сознавая, что онъ самъ проявлялъ едва ли не большее упорство, нежели его оппонентъ Фундаминскій.

Спорили о помощи, которую должны дать союзники, спорили о томъ, можетъ ли эта помощь выразиться присылкой румынскихъ войскъ, причемъ Милюковъ рѣзко противъ этого возражалъ, утверждая, что вооруженная помощь Румыніи намъ можетъ стоить окончательнаго отторженія уже захваченной ею Бессарабіи, спорили о томъ, кто долженъ возглавлять русскую, борющуюся противъ большевизма и призванную возсоздать Россію національную силу: соціалисты стояли за еще существовавшую въ то время, но лишенную всякой мощи Уфимскую директорію; остальные высказывались за военное возглавленіе въ лицѣ вождя добровольческой арміи, причемъ нѣкоторыми выдвигалось имя великаго князя Николая Николаевича; спорили попутно и о многомъ другомъ, причемъ спорили къ вящшему изумленію представителей державъ согласія цѣлыхъ десять дней.

Полковникъ Ильинъ, иниціаторъ всей этой затѣи всячески убѣждалъ ускорить вынесеніе общаго рѣшенія, такъ какъ иностранные дипломаты ожидаютъ ихъ для сообщенія своимъ правительствамъ. Тутъ же, однако, стало извѣстнымъ, что сообщеніе это и технически трудно исполнимо. Перегруженность единственной радіо-телеграфной станціи, соединяющей весь востокъ съ западными государствами, была столь велика, что телеграммы не передавались по нѣсколько недѣль.

Обстоятельство это побудило придти къ другому рѣшенію — къ немедленной отправкѣ особой делегаціи въ западные политическіе центры, которая тамъ и отстаивала бы положенія, принятыя въ Яссахъ. Делегація должна была представлять всѣ цвѣта русской политической радуги, а посему выбрали Милюкова,

Третьякова, Титова, Шебеко и меня. Делегація имѣла выѣхать изъ Одессы черезъ Константинополь въ Парижъ и Лондонъ.

Тѣмъ временемъ, наконецъ, сговорились на болѣе или менѣе единогласно принятомъ обращеніи къ союзникамъ, снабженномъ нѣкой компромиссной политической платформой участниковъ собранія. Состоялось затѣмъ и то единственное собраніе, въ которомъ приняли участіе посланники державъ согласія и ихъ военные агенты. Происходило это собраніе уже не въ подвалѣ, а въ залѣ консульства. Участвовали французскій посланникъ Saint Aulaire, англійскій Barclay, американскій Wopisko; изъ военныхъ агентовъ припоминаю очень живо относившагося къ русскому вопросу англичанина генерала Ballard, однажды даже пришедшаго на русское собраніе, очевидно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ могутъ заниматься люди, въ теченіе столькихъ дней обсасывающіе вопросъ, на какихъ политическихъ основаніяхъ они согласны возстановить существованіе своей родины.

Примѣчательно, что представителя мѣстнаго румынскаго правительства не было. Правительство это, — знала кошка чье мясо съѣла — вообще старательно игнорировало присутствіе въ его мѣстопребываніи представителей русской общественности.

Однако, и это собраніе съ иностранцами было фактически одностороннее. Говорили по существу лишь русскіе его участники. Баронъ Меллеръ прочелъ переведенную на французскій языкъ, принятую нами резолюцію, а затѣмъ, по порученію остальныхъ, я постарался описать положеніе Россіи, охарактеризовать большевизмъ и его вождей и разъяснить ту міровую опасность, которую, по нашему общему искреннему убѣжденію, представляетъ большевизмъ и пропаганда его соблазнительнаго для массы лжеученія.

Въ отвѣтъ иностранные дипломаты сказали намъ нѣсколько милыхъ словъ, лишенныхъ реальнаго значенія. Да и что могли бы они сказать, эти второстепенные представители западныхъ державъ, даже не знающіе, какихъ взглядовъ придерживаются въ данную минуту на русскій вопросъ ихъ правительства.

Не безъ удовольствія покинули мы, наконецъ, грязные Яссы съ ихъ непривлекательными ресторанами, пропитанными чадомъ прогорѣлаго масла. Одинъ плачъ заливаюихся скрипокъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ изъ ихъ оркестровъ, чего стоитъ. Отъ Кіева мы были уже окончательно отрѣзаны, а потому двинулись на житье въ Одессу.

Опять проѣхали мы черезъ предательски захваченную румынами Бессарабію, гдѣ всѣ русскія названія станцій были замазаны и замѣнены румынскими и гдѣ мы отъ встрѣченныхъ по пути на станціяхъ русскихъ жителей края наслышались о всѣхъ тѣхъ безчинствахъ, которыя творятъ румынскія власти по отношенію къ русскому населенію и ко всему, что свидѣтельствовало о недавней вѣковой принадлежности къ Россіи цвѣтущей подъ ея главенствомъ Бессарабіи. А давно ли тѣ же румынскія власти униженно преклонялись передъ Россіей, моля о защитѣ отъ насѣдавшихъ на нихъ австро-германцевъ?

Румынскія войска съ ихъ женоподобными нарумяненными офицерами, такъ лихо удиравшими отъ вооруженнаго непріятеля, здѣсь, по отношенію къ безоружному мирному населенію, проявляли все то высокомѣріе и жестокость, которыя столь свойственны всѣмъ маленькимъ ничтожнымъ и трусливымъ націямъ. Потомки римскихъ ссыльно-поселенцевъ, повидимому, сохранили черты своихъ отдаленныхъ предковъ.

Припоминаю разсказъ о творимыхъ румынами безобразіяхъ встрѣченной нами на какой то станціи русской сельской учительницы, припоминаю владѣвшее ею глубо-

кое возмущеніе. Весьма возможно, подумалъ я тогда, что вчера еще ты, голубушка, подобно многимъ русскимъ интеллигентамъ, исповѣдывала марксистскіе лозунги, мечтала объ интернаціоналѣ и не сознавала значенія національной государственности; нужно было разрушеніе этой государственности, чтобы ты постигла ея глубокое и вполнѣ реальное значеніе для всѣхъ членовъ націи.

Да, лучшей школой патріотизма служитъ испытаніе иноземной власти, иноземнаго насилія.

Но вотъ и Одесса. Находящаяся на приморскомъ бульварѣ Лондонская гостиница — центръ общественной жизни города — кишитъ народомъ. Застаемъ здѣсь нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, вырвавшихся изъ Кіева окружнымъ путемъ до полнаго прекращенія сообщеній съ югомъ. Какъ всѣ бѣжавшіе отъ опасности, будь она мнимая или дѣйствительная, они рисуютъ положеніе Кіева въ самыхъ черныхъ краскахъ. Разсказы ихъ, конечно, не содѣйствуютъ нашему — Н. Н. Шебеко и моему — настроенію. Тамъ взаперти остались наши семьи.

Положеніе въ самой Одессѣ далеко не устойчивое. Петлюровскіе отряды большевицкаго настроенія находятся въ непосредственной близости отъ города, до такой степени, что по ночамъ ожидаютъ ихъ нападенія на желѣзнодорожную станцію, гдѣ, однако, мы продолжаемъ жить все въ томъ же предоставленномъ намъ вагонѣ за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній въ городѣ. Не внушаетъ довѣрія и многочисленное, изобилующее преступными элементами портовое населеніе города, сдерживаемое едва ли не исключительно присутствіемъ двухъ, прибывшихъ въ портъ, французскихъ миноносокъ.

Центромъ общественнаго вниманія въ Одессѣ является облеченный французскимъ правительствомъ консульскимъ званіемъ нѣкій Эно, бывшій до тѣхъ поръ не то учителемъ, не то гувернеромъ въ какомъ то русскомъ домѣ. Всѣ ждутъ отъ него спасенія, рѣшивъ, неизвѣстно почему, что онъ обладаетъ какими то особыми полномочіями и можетъ немедленно привести въ Россію чуть ли не всю французскую армію. Держитъ онъ себя съ соотвѣтственной важностью, а тѣмъ временемъ его жена — русская еврейка — обдѣлываетъ какіе то темные гешефты.

Кто фактическій хозяинъ города, не совсѣмъ понятно. Юридически дѣйствуетъ гетманская власть, но проявленій, хотя бы внѣшнихъ, украинизаціи нѣтъ никакихъ. Облеченъ гетманомъ какими то полномочіями генералъ Раухъ, но никакихъ средствъ для осуществленія своихъ полномочій онъ не имѣетъ, а потому ограничивается ухаживаніемъ за тѣмъ же Эно. Послѣдній довольно легко поддается его настояніямъ обратиться съ воззваніемъ къ населенію Украины, въ которомъ заявить, что вотъ де завтра прибудутъ на югъ Россіи войска союзниковъ и обезпечатъ въ ней порядокъ. Уговариваетъ кромѣ того Раухъ этого самаго Эно обратиться и къ находящимся въ Кіевѣ германскимъ властямъ, и тотъ послушно посылаетъ имъ грозную телеграмму, требуя отъ нихъ защиты Кіева отъ петлюровцевъ и грозя въ противномъ случаѣ всѣми карами неба и союзниковъ.

Между тѣмъ получаемыя изъ Кіева свѣдѣнія, — телеграфная связь съ нимъ по прямому проводу сохранилась — становятся все безнадежнѣе. Германскія войска, руководимыя забравшими командованіе солдатскими совѣтами, заняли нейтральное положеніе, будто бы получивъ за это отъ Петлюры 80 милліоновъ украинскихъ рублей. Гетманскія войска, въ томъ числѣ и его гвардія, на которую Скоропадскій возлагалъ особыя надежды, понемного переходятъ по частямъ на сторону Петлюровцевъ. Надежда на своевременное прибытіе союзниковъ падаетъ все ниже. Добровольческія офицерскія дружины однѣ сдерживаютъ напоръ мятежниковъ, но онѣ для защиты всѣхъ подступовъ въ городу явно недостаточны.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Одессу вернулся изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ по порученію какой то Одесской общественной организаціи, умѣренный эсъ-эръ Н. Р. Кровопусковъ, игравшій видную роль въ одесскомъ городскомъ управленіи. Въ Константинополѣ онъ видѣлся съ представителями Франціи, которые при полной личной любезности уже смотрѣли на Россію сверху внизъ, полу-покровительственно, полу-презрительно.

Изъ разсказовъ Кровопускова мы живо ощутили, посколько тяжело и унизительно положеніе страны и народа, утратившихъ всякое международное значеніе. Поняли мы, разумѣется, и затруднительность всякихъ воздѣйствій на нашихъ былыхъ союзниковъ, безразлично заглазныхъ или личныхъ, письменныхъ или устныхъ, слѣдовательно, едва ли не безцѣльность предстоявшей поѣздки делегаціи въ главные европейскіе центры.

Думалось, однако, что поѣздка эта во всякомъ случаѣ полезна, хотя бы для освѣдомленія нашего дипломатическаго представительства при державахъ согласія о положеніи дѣлъ въ Россіи и о господствующихъ въ ней политическихъ теченіяхъ. Представительство это было лишено всякихъ сношеній съ Россіей съ самаго момента захвата власти большевиками, и мы должны впервые возстановить эту связь.

Говорилось также о томъ, что самое прибытіе въ Западную Европу делегаціи, заключавшей въ своемъ составѣ представителей всѣхъ политическихъ теченій въ русскомъ антибольшевицкомъ общественномъ фронтѣ, облегчитъ положеніе нашихъ дипломатовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, представлявшихъ въ своемъ лицѣ лишь одну какую то грань русской общественности, придастъ имъ новую силу, новую точку опоры въ ихъ обращеніяхъ къ тѣмъ правительствамъ при коихъ они аккредитованы. Тутъ могла пригодиться и выработанная въ Яссахъ политическая программа.

Надѣялись при этомъ въ особенности на нашего парижскаго посла В. А. Маклакова, который въ качествѣ бывшаго члена Государственной думы и долголѣтняго общественнаго дѣятеля несомнѣнно сумѣлъ самъ связаться съ вліятельными политическими кругами Франціи и, конечно, обрадуется возможности связать ихъ съ русскими общественными дѣятелями.

Если у кого либо изъ насъ и оставалось сомнѣніе относительно поѣздки въ Парижъ и Лондонъ, то ихъ окончательно разсѣялъ пріѣхавшій почти слѣдомъ за нами изъ Яссъ на миноноскѣ уже упомянутый мною англійскій генералъ Ballard. Оказалось, что наше описаніе положенія Россіи и той міровой опасности, которую представляетъ большевизмъ, произвело впечатлѣніе на ясскихъ представителей антанты и они командировали Ballard'а въ Одессу со спеціальной цѣлью побудить насъ не медля проѣхать самимъ въ западно-европейскіе правительственные центры и тамъ лично изложить положеніе вещей.

Выѣхать изъ Одессы было, однако, не легко. Срочныхъ рейсовъ въ Константинополь не было. Къ тому же въ портѣ ощущался острый недостатокъ въ углѣ. Исключительная энергія Демченко все это преодолѣла.

Раздобытъ пароходъ Русско-Дунайскаго пароходнаго общества «Велик. Кн. Александръ Михайловичъ». Найденъ уголь, найдены и грузчики угля, что тоже было не легко. Пароходъ этотъ, въ сущности роскошная паровая яхта, въ теченіе войны былъ реквизированъ и шелъ подъ Андреевскимъ флагомъ. Команда на немъ подчинена юридически военно-морской дисциплинѣ, но на дѣлѣ никакой дисциплины не соблюдаетъ, господствуетъ большевицкій духъ. Командный составъ состоитъ изъ офицеровъ, но уже запуганныхъ и утратившихъ вѣру въ себя и свои права. Какъ

бы то ни было, въ послѣднихъ числахъ ноября ст. ст. делегація просторно размѣщается на предоставленномъ ей суднѣ и торжественно подъ Андреевскимъ флагомъ выплываетъ изъ Одесскаго порта.

V.

Константинополь. Верховный комиссаръ Франціи адмиралъ Аметъ. Затрудненія дальнѣйшаго проѣзда. Генералъ Franchet d'Esperey. Верховный комиссаръ Англіи адмиралъ Webb. По пути въ Римъ. Посѣщеніе Рима парламентской делегаціей въ 1916 г. Отъѣздъ въ Парижъ.

Прокачавшись на волнахъ Эвксинскаго понта часовъ около 30, мы благополучно прошли дозорный пунктъ у входа въ Босфоръ и бросили якорь по близости отъ моста, соединяющаго черезъ Золотой рогъ европейскую часть Константинополя съ его турецкой частью — Стамбуломъ. Босфорскій рейдъ заполненъ самыми разнообразными судами, среди коихъ большинство военныхъ — державъ Антанты.

Здѣсь на броненосныхъ исполинахъ развѣваются военные флаги всѣхъ нашихъ союзниковъ, нѣтъ только русскаго Андреевскаго флага, украшающаго лишь наше ничтожное по размѣрамъ и коммерческое по назначенію суденышко.

Поражаетъ насъ невиданное еще нами новшество: борта всѣхъ коммерческихъ судовъ раскрашены разноцвѣтными на носъ расположенными полосами, имѣющими назначеніе скрыть судно отъ глазъ противника. Полосы эти благодаря ихъ расположенію и по приданному имъ цвѣту сливаются съ морской поверхностью и поэтому обнаружить судно на разстояніи значительно труднѣе.

Босфоръ съ его своеобразнымъ очертаніемъ береговъ и расположеннымъ на немъ огромнымъ по занимаемому пространству городомъ все также величественъ, какъ и до войны, но самый Константинополь — его европейская часть — Галата и Пера — сохранивъ прежнюю смѣсь Востока и Запада, восточную грязь съ наружнымъ налетомъ европейской цивилизаціи — значительно измѣнилъ свою физіономію: онъ заполненъ союзными войсками, причемъ господами положенія, повидимому, являются англичане.

На берегъ насъ спустили безъ всякихъ формальностей, и мы поспѣшили всей гурьбой отправиться къ французскимъ властямъ, дабы выяснить способы возможнаго дальнѣйшаго продвиженія къ цѣли нашего путешествія. Таковой властью былъ командующій французской эскадрой, одновременно облеченный званіемъ верховнаго комиссара въ Турціи — адмиралъ Аметъ. Адмиралъ — типичный морякъ, прямой и откровенный, не прибѣгающій ни къ какимъ дипломатическимъ уловкамъ. Излагаемъ ему цѣль нашего пріѣзда. Милюковъ тотчасъ принимаетъ на себя роль предсѣдателя делегаціи и приданный ему адмираломъ титулъ «Monsieur le président» принимаетъ какъ должное. Мы не придаемъ этому никакого значенія, да и трудно было бы въ присутствіи иностранца устанавливать наши взаимныя отношенія, а тѣмъ болѣе отрицать за Милюковымъ присвоенное имъ званіе, коль скоро онъ самъ не отказывается отъ него. Однако, это мелкое обстоятельство, какъ это вскорѣ выяснилось, имѣло для судьбы нашей делегаціи роковыя послѣдствія, а самому Милюкову обошлось очень дорого. Дѣло въ томъ, что французамъ были уже извѣстны предпринятые Милюковымъ шаги для сближенія съ Германіей. Впечатлительные французы тотчасъ признали это за недопустимую измѣну союзникамъ, хотя, на чемъ было основано ихъ притязаніе на непоколебимую вѣрность Антантѣ всѣхъ русскихъ политическихъ дѣятелей — трудно понять послѣ того, какъ они сами проявили готовность признать за законную власть въ Россіи силкомъ и обманомъ захватившихъ эту власть большевиковъ, лишь бы они продолжали войну съ Германіей.

Адмиралъ Аметъ объяснилъ намъ, что Францiя почти лишена возможности оказать какую либо помощь Россiи, такъ какъ войска ея, утомленныя продолжительной войной, мечтаютъ лишь объ одномъ, о возвращенiи въ свои домашнiе очаги и къ своимъ мирнымъ занятiямъ и вовсе не намѣрены «se casser la gueule» ради чуждыхъ имъ русскихъ интересовъ. При этомъ адмиралъ обрушился на русскiй народъ и въ частности на русское воинство, будто бы проводящее время въ пьянствѣ и всецѣло полагающееся на постороннюю помощь для возстановленiя своего отечества.

Какъ это ни странно, но горячая рѣчь Амета, благодаря его внушающей симпатiю личности, не вызвала въ насъ особо непрiязненныхъ чувствъ. Милюковъ съ его обычной безстрастностью, къ тому же очевидно выработавшiй въ себѣ за свою продолжительную политическую карьеру способность спокойно относиться къ любымъ нападкамъ, не счелъ даже нужнымъ реагировать на этотъ неожиданный выпадъ. Пришлось вступиться другимъ съ рѣшительнымъ заявленiемъ, что Россiя отнюдь не имѣетъ въ виду строить свое будущее на иностранной силѣ, но что она, казалось бы, имѣетъ основанiе разсчитывать на нѣкоторую помощь именно для предоставленiя ея собственнымъ нацiональнымъ силамъ, расшатаннымъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, оправиться и приступить къ рѣшительной борьбѣ съ насажденной въ ея предѣлахъ тѣмъ же врагомъ разрушительной силой. Русская нацiональная сила, сосредоточенная на югѣ Россiи, въ Кубани и на Дону, и нынѣ борется съ большевиками, проливая тамъ отнюдь не вино, а свою кровь и подвергаясь тяжелымъ лишенiямъ.

Адмиралъ поспѣшилъ извиниться и объяснилъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь то русское воинство, которое нынѣ находится въ Македонiи, въ окрестностяхъ Салоникъ. Тутъ услышали мы впервые имя того французскаго генерала, который былъ главнымъ, если не единственнымъ виновникомъ того, что Францiя не оказала своевременно помощи русскимъ нацiональнымъ силамъ, вслѣдствiе чего богатая Малороссiя стала жертвой большевиковъ, захватившихъ всѣ обильные запасы, сосредоточенные тамъ по нашему южному фронту.

Роль генерала Franchet d'Esperey, до сихъ поръ недостаточно въ этомъ отношенiи выясненная, въ то время намъ была совершенно неизвѣстна. Дѣло въ томъ, что, какъ это впослѣдствiи было разоблачено французской прессой, Клемансо, диктаторъ того времени Францiи, еще до заключенiя мира съ Германiей, а именно сейчасъ послѣ прорыва болгарскаго фронта и капитуляцiи Турцiи, предписалъ командующему союзными войсками въ Македонiи Franchet d'Esperey перебросить часть своихъ войскъ на югъ Россiи въ помощь добровольческой армiи, но встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отпоръ и упорное противодѣйствiе. Franchet d'Esperey очевидно не улыбалось забиться со своими силами въ Россiю, о которой онъ имѣлъ, повидимому, смутное представленiе. Его планъ былъ иной: ему хотѣлось пройти со своими войсками черезъ сложившую оружiе Болгарiю и напасть въ тылъ уже окончательно къ тому времени расшатанной Австрiи. Мерещилось ему, вѣроятно, торжественное вступленiе въ Вѣну и нанесенiе оттуда смертельнаго удара во флангъ ослабѣвшей Германiи. Этотъ планъ онъ и развивалъ въ своихъ донесенiяхъ французскому правительству, доказывая при этомъ, что онъ лишенъ возможности заставить свои войска идти драться по непонятнымъ для нихъ мотивамъ «dans ce pays de glaces», которую представляетъ Россiя. Эта «страна льдовъ» были берега Чернаго моря. Тотъ же Franchet d'Esperey распространялъ и свѣдѣнiя, что русское воинство предается лишь пьянству. Дѣйствительно наша дивизiя находившаяся въ Македонiи на французскомъ фронтѣ, подъ воздѣйствiемъ многочисленныхъ, проникшихъ въ нее агитаторовъ, была уже въ полномъ разложенiи и, отведенная въ тылъ,

безчинствовала, а часть офицерства, заполнившая Салоники, за отсутствіемъ дѣла, проводила время въ кофейняхъ.

Относительно дальнѣйшаго нашего путешествія по направленію къ Парижу, узнали мы отъ Амета, что выданныя намъ консуломъ Эно визы не имѣютъ никакого значенія, и что намъ необходимо получить особое разрѣшеніе изъ Парижа, о которомъ онъ и будетъ сейчасъ телеграфировать.

Однако, проходитъ нѣсколько дней, а разрѣшенія мы не получаемъ. Наша полная безпомощность выступаетъ все ярче; все сильнѣе ощущаемъ мы то унизительное, приниженное положеніе, въ которое попала наша родина. Никто ни съ ней, ни, тѣмъ болѣе, съ ея гражданами не считается. Для меня становится все сомнительнѣе успѣхъ возложенной на насъ миссіи. Кто, думается мнѣ, обратитъ вниманіе на наши не опирающіяся на какую либо реальную силу просьбы, если мы лишены даже свободы передвиженія. Невольно припоминается тотъ исключительный почетъ, то заискивающее вниманіе, которое оказывали еще такъ недавно — мѣсяцевъ 18 тому назадъ — державы согласія той русской парламентской делегаціи, состоявшей изъ членовъ государственной думы, которая посѣтила въ то время, по ихъ усиленному приглашенію страны Антанты и въ которую Милюковъ и я, нынѣ безпомощно застрявшіе въ Константинополѣ, оба входили. Тогда мы были представителями великаго народа, мощной державой, а теперь...

Отъ этихъ воспоминаній становится еще обиднѣе, еще невыносимѣе то полное пренебреженіе, которое намъ нынѣ оказываютъ. Ходимъ по Константинополю и чувство безумной горечи отъ понесенной нами безмѣрной утраты усиливается чуть что не на каждомъ шагу.

Вотъ великолѣпныя посольскія зданія Англіи и Франціи, гдѣ царствуетъ оживленіе, гдѣ входятъ и выходятъ гордые побѣдой воинскія части этихъ державъ, гдѣ развѣваются ихъ національные флаги, а вотъ русское посольство съ наглухо закрытыми воротами и съ завернутыми черными тряпками русскими государственными орлами. Вотъ блестящіе многочисленные автомобили съ возсѣдающими въ нихъ французскими, англійскими, итальянскими и американскими адмиралами и иными начальствующими лицами, а вотъ шмыгающій маленькій автомобильчикъ съ нарисованнымъ на его дверцахъ трезубцемъ — гербомъ Украины. Въ немъ никѣмъ не признаваемый посолъ гетмана Суковкинъ мечется по городу, тщетно выбиваясь изъ силъ, чтобы чѣмъ либо помочь представляемому имъ эфемерному государству.

Вотъ наконецъ Святая Софія — этотъ единственный въ мірѣ по его дивной пропорціальности памятникъ древняго зодчества, всегда съ новой силой поражающій размѣрами своего свободнаго внутренняго пространства и невѣроятной вслѣдствіе этого воздушности. Предметъ историческихъ вожделѣній русскаго народа. Нынѣ на него простираютъ свои притязанія и даже руки константинопольскіе греки, зазнавшіеся отъ достигнутаго чужими усиліями неожиданнаго для нихъ успѣха. Выродившіеся въ плутоватыхъ торгашей отдаленные потомки героевъ Эллады задумали силкомъ захватить этотъ храмъ въ свое распоряженіе и всполошившіеся турки сосредоточили около него жалкіе остатки своего воинства. Доступъ въ храмъ въ виду этого затрудненъ, но мы все же проникаемъ въ него, чтобы съ душевной болью вспоминать не сбывшееся, но еще недавно казавшееся столь близкимъ къ осуществленію пророчество поэта:

«И своды древніе Софіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань какъ всеславянскій Царь.»

Уныло бродимъ мы по тому Царьграду, о которомъ наивно мечтали во время войны и рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ собственно нашъ пріѣздъ въ Парижъ можетъ кому либо помѣшать.

Загадка эта начинаетъ, однако, понемного разъясняться. Въ Константинополь пріѣхали изъ Салоникъ, куда они были посланы ясскимъ совѣщаніемъ, — генералъ Голіевскій и полковникъ Новиковъ. Цѣль ихъ поѣзки, по условіямъ времени, весьма трудной вслѣдствіе разрушенія македонскихъ желѣзнодорожныхъ линій и отсутствія поэтому движенія по нимъ, состояла въ томъ, чтобы связаться съ находившимся тамъ главнымъ командованіемъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ на бывшемъ македонскомъ фронтѣ, т. е. съ тѣмъ же Franchet d'Esperey, и выяснить, насколько можно надѣяться на быструю присылку оттуда вооруженной помощи Кіеву и вообще югу Россіи. Что такая присылка состоится, мы, по наивности, пока еще не сомнѣвались. Весь вопросъ сводился для насъ — въ какой срокъ, и поэтому задержка въ Константинополѣ представлялась для насъ въ особенности досадной.

Возвращавшіеся изъ Салоникъ въ Одессу Голіевскій и Новиковъ передали намъ, что они были встрѣчены генераломъ Franchet d'Esperey крайне нелюбезно, чтобы не сказать — грубо. Выслушали они отъ него рядъ рѣзкихъ сужденій о русскихъ войскахъ, находящихся въ Македоніи, а также заявленіе, что помимо множества другихъ причинъ, препятствующихъ посылкѣ войскъ въ Россію, у него нѣтъ тѣхъ судовыхъ средствъ, которыя дали бы ему возможность перекинуть сколько нибудь значительное количество войскъ на русское черноморское побережье.

Высказалъ имъ кромѣ того Франше Д'Эспере, что онъ крайне удивленъ посылкой русскими общественными организаціями въ Парижъ делегаціи, имѣющей во главѣ Милюкова. Личность эта, по словамъ Франше, для Франціи совершенно непріемлема, такъ какъ ярко проявленная имъ за послѣднее время германская оріентація въ Парижѣ хорошо извѣстна.

Такимъ путемъ узнали мы, откуда шли тѣ обвиненія русскаго воинства, которыя намъ высказалъ адмиралъ Аметъ, а равно причину встрѣченныхъ нами затрудненій къ продолженію нашего скорбнаго паломничества. Аметъ, повидимому, подчиненный главнокомандующему Франше, сообщилъ ему о нашемъ пріѣздѣ и по всей вѣроятности получилъ отъ него указаніе задержать насъ въ пути. Присвоенное Милюковымъ званіе предсѣдателя делегаціи, пропечатанное во всѣхъ газетахъ, дало ему для этого удобный предлогъ.

Желая парировать это обстоятельство, мы съ Шебеко отправились вновь къ адмиралу подъ предлогомъ узнать, есть ли надежда на нашъ скорый пропускъ. Въ отвѣтъ намъ было сказано, что телеграфныя сношенія съ Парижемъ крайне затруднены, но что тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что разрѣшеніе для насъ будетъ получено въ скоромъ времени. Тогда мы сочли нужнымъ объяснить, что до нашего свѣдѣнія дошло, что делегація наша не пользуется фаворомъ въ виду того, что она находится какъ бы подъ флагомъ Милюкова. Между тѣмъ это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Милюковъ предсѣдателемъ делегаціи не состоитъ и является такимъ же рядовымъ ея членомъ, какъ и всѣ остальные. Включаетъ же делегація выразителей всѣхъ имѣющихся въ Россіи политическихъ теченій, объединенныхъ однако одинаковой враждой къ большевикамъ, которыхъ мы всѣ признаемъ за врагомъ нашего отечества.

Послѣднее обстоятельство адмиралу было уже извѣстно даже во всѣхъ подробностяхъ въ смыслѣ того, кто изъ насъ какое теченіе представляетъ, отъ одного изъ нашихъ сочленовъ — Кровопускова, единственнаго изъ насъ, удостоившагося приглашенія отъ Амета къ завтраку. Прилашеніе это было также въ нашихъ глазахъ

симптоматичнымъ. Оно свидѣтельствовало о томъ значеніи, которое тогда придавали русскимъ соціалистическимъ партіямъ западныя державы — несомнѣнное послѣдствіе той популярности, которой пользовался въ Россіи въ теченіе нѣкотораго времени демагогъ Керенскій. Въ представленіи запада популярность эта была основана на томъ, что онъ проводилъ программу соціалистовъ-революціонеровъ.

Хотя послѣ нашего объясненія Аметъ еще увѣреннѣе сказалъ, что разрѣшеніе на выѣздъ мы получимъ въ ближайшіе дни, но на его обѣщаніе я вовсе не полагался, а посему рѣшилъ испробовать другое средство для выѣзда.

Я не упомянулъ, говоря о пріѣздѣ въ Одессу генерала Ballard, что онъ, придавая особое значеніе (очевидно оттого, что въ Яссахъ выразителемъ мнѣній делегаціи случайно пришлось быть мнѣ) моей поѣздкѣ на Западъ и желая облегчить мой проѣздъ во Францію, трудный уже по одному отсутствію сколько нибудь налаженныхъ морскихъ сообщеній, отправился на своемъ миноносцѣ въ Ялту и привезъ оттуда письмо императрицы Маріи Федоровны къ ея сестрѣ, вдовствующей королевѣ англійской — Александрѣ. Снабдилъ онъ меня кромѣ того чѣмъ то въ родѣ открытаго листа къ англійскимъ военнымъ властямъ, въ которомъ, изобразивъ меня посланцемъ императрицы, просилъ объ оказаніи мнѣ всяческаго содѣйствія для проѣзда въ Англію.

Вооружившись этимъ документомъ, я отправился къ помощнику англійскаго верховнаго комиссара адмиралу Webb (самъ верховный комиссаръ, командующій англійской эскадрой, былъ въ отъѣздѣ). Адмиралъ этотъ, оказавшій намъ всѣмъ, когда мы его посѣтили, весьма любезный пріемъ, проявилъ къ моей просьбѣ о содѣйствіи къ проѣзду на Западъ чрезвычайную отзывчивость. Онъ мнѣ сказалъ, что можетъ меня немедленно доставить на миноносцѣ въ ближайшій итальянскій портъ, откуда мнѣ уже легко будетъ проѣхать дальше. «Мы моряки, добавилъ Webb, такъ любимъ и почитаемъ королеву Александру, что готовы для нея все сдѣлать». На мое заявленіе, что я ѣду не одинъ, что насъ 15 человѣкъ (кромѣ членовъ делегаціи и двухъ секретарей — Ландау и Чахотина съ нами ѣхала семья С. Н. Третьякова, состоящая изъ 7 человѣкъ), адмиралъ отвѣтилъ, что это усложняетъ дѣло. На миноносцѣ перевезти такое количество лицъ невозможно, а о времени отплытія большого судна, которыя ходятъ сравнительно рѣдко онъ сейчасъ сказать ничего не можетъ, но что во всякомъ случаѣ на первомъ отходящемъ суднѣ онъ намъ всѣмъ предоставитъ мѣсто.

Заручившись этимъ обѣщаніемъ, я вновь вмѣстѣ съ Шебеко посѣтилъ Амета, желая быть по отношенію къ нему корректнымъ и спросить, имѣетъ ли онъ что либо противъ моего отъѣзда на англійскомъ суднѣ. Изложилъ я это довольно туманно, такъ что въ результатѣ у адмирала, какъ это выяснилось впослѣдствіи, получилось впечатлѣніе объ отъѣздѣ насъ обоихъ — Шебеко и меня — и онъ тотчасъ заявилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ.

Не надѣясь однако на скорое отплытіе насъ всѣхъ изъ Константинополя, я возбудилъ въ средѣ нашей делегаціи вопросъ о томъ, чтобы ради выигрыша времени поѣхать впередъ мнѣ одному, но встрѣтилъ опредѣленную оппозицію, въ особенности со стороны Милюкова. Партійная ревность разгорѣлась и среди нашихъ соціалистическихъ спутниковъ, и одни лишь Третьяковъ и Шебеко не возражали противъ моей одиночной поѣздки.

Я долженъ сказать, что такая же ревность проявилась и въ Яссахъ при командировкѣ въ Салоники Голіевскаго и Новикова. Полковникъ генеральнаго штаба Новиковъ, проявившій себя открытымъ приверженцемъ воинствующаго соціализма, былъ первоначально намѣченъ одинъ для этой поѣздки, причемъ выдвинули его

наши соціалисты — Титовъ и Фундаминскій. Тогда правое крыло Ясской делегаціи выдвинуло въ роли спутника Новикова — генерала Голіевскаго. Правда, что о причинахъ присоединенія Голіевскаго къ Новикову ничего не было сказано, но настаивало на этомъ правое крыло упорно, вопреки высказанному Новиковымъ пожеланію ѣхать одному, такъ какъ иначе по правиламъ воинскаго чинопочитанія онъ, полковникъ Новиковъ, обязанъ будетъ всецѣло подчиняться указаніямъ генерала Голіевскаго. Помирились на томъ, что оба эти офицеры облекаются одинаковыми полномочіями и они, насколько мнѣ извѣстно, мирно и дружно исполнили возложенное на нихъ порученіе.

Не знаю, чѣмъ бы кончились пререканія въ средѣ делегаціи по поводу моей единоличной поѣздки, если бы на другой же день адмиралъ Webb не увѣдомилъ меня, что въ тотъ же день вечеромъ уходитъ большой военный транспортъ «Heroic» въ Таренту и что онъ самъ заѣдетъ за нами и нашими вещами и отвезетъ насъ въ своемъ автомобилѣ на пристань.

Не безъ большого спѣха и суеты удалось собрать всю нашу разошедшуюся по городу компанію. Какъ бы то ни было, къ назначенному времени, облѣпленные сундуками, мѣшками и тюками, принадлежавшими главнымъ образомъ семьѣ Третьяковыхъ, ожидали мы всѣ въ сборѣ пріѣзда адмирала. Съ совершенно необычайной любезностью принялся Webb таскать вмѣстѣ съ нами вещи на два свои автомобиля, которые двукратной поѣздкой доставили насъ на берегъ Босфора. Здѣсь насъ ожидалъ англійскій военный паровой катеръ, перевезшій насъ на военный транспортъ, гдѣ каждому изъ насъ была предоставлена отдѣльная каюта. Денегъ за проѣздъ съ насъ не взяли.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ вспомнили мы, что надо дать о немъ знать Амету. Съ этой цѣлью Шебеко телефонировалъ во французское посольство гражданскому помощнику Амета — нѣкоему Foucque's du Parc.

— «Такъ Вы уѣзжаете вдвоемъ, отвѣтили изъ посольства, желаемъ Вамъ добраго пути».

— «Нѣтъ, мы ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, въ полномъ составѣ делегаціи».

— «Какъ и Милюковъ?»

— «Да, и Милюковъ ѣдетъ съ нами».

Полное молчаніе. Разговоръ посольствомъ былъ сразу рѣзко прекращенъ.

Здѣсь сказалась та глухая непріязнь, которая ясно чувствовалась и временами выступала наружу между французами и англичанами. За громкими оффиціальными выраженіями обоюдной любви и солидарности скрывалось уже во время войны взаимное недовѣріе и злая шутка, тотчасъ послѣ окончанія войны превратившіяся въ нескрываемую въ ихъ частныхъ бесѣдахъ антипатію. Англичане въ нашемъ инцидентѣ были рады случаю оказать намъ услугу на зло французамъ.

Сказались одновременно и всѣ черты, какъ англійскія, такъ и французскія. Рабская зависимость агентовъ французской власти, даже высшихъ, отъ центра, а также ихъ мелочность и придирчивость въ вопросахъ даже совершенно третьестепенныхъ, ибо, спрашивается, какое значеніе могъ имѣть для Франціи пріѣздъ въ Парижъ нѣсколькихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, лишенныхъ какой бы то ни было «оріентаціи» и всякой реальной силы... Тутъ же выявилась самостоятельность и широта взглядовъ отдѣльныхъ представителей Англіи, не задумывающихся принять на свою отвѣтственность рѣшенія по вопросамъ, не имѣющимъ принципіальнаго значенія, безъ обращенія за ихъ разрѣшеніемъ къ главамъ своего правительства. Проявилась также и англійская задушевность по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ.

Англійская исконная политика, столь черствая, безжалостная и даже безпринципная уступаетъ мѣсто у отдѣльныхъ англичанъ, коль скоро вопросъ идетъ не о государственныхъ интересахъ, благородству и постоянной готовности оказать всякую помощь любому иностранцу, когда этимъ не затрагивается интересъ націи. Здѣсь они исходятъ изъ того же положенія, котораго не постигали вожди добровольческой арміи vetita privatim, publice jubentur и обратно. Совершенную противоположность представляетъ Франція. Руководствуясь въ общественной и государственной жизни высокими принципами права и правды, французы, какъ отдѣльныя личности, отличаются безсердечіемъ, мѣщанской скаредностью и полнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ и интересамъ людей, попавшихъ къ нимъ въ зависимость.

Яркія проявленія этой основной разницы между англійской и французской націей испытала наша родина съ одной стороны, а съ другой —русскіе бѣженцы при ихъ эвакуаціи весной 1919 года французами изъ Одессы и англичанами изъ Крыма.

Нашъ переходъ изъ Константинополя въ Таренту ничѣмъ примѣчательнымъ не ознаменовался. Осталось въ памяти посѣщеніе острова Лемноса, гдѣ нашъ транспортъ простоялъ цѣлый день. Лемносъ былъ въ то время англійской морской операціонной базой, къ чему онъ былъ особенно пригоденъ въ виду своей огромной и чудной по защищенности отъ морской волны бухтѣ. Самый островъ, въ береговой своей части плоскій, весьма мало возвышающійся надъ окружающимъ его моремъ и притомъ лишенный всякой древесной растительности производилъ удручающее впечатлѣніе. Не думалъ никто изъ насъ въ то время, что на этомъ, спаленномъ лучами южнаго солнца, пустынномъ берегу, отмѣченномъ лишь бараками, сооруженными англичанами для храненія различнаго военнаго имущества и боевыхъ припасовъ, придется въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ протомиться заброшеннымъ сюда волею судебъ и жестокосердіемъ «союзниковъ» сынамъ вольнаго тихаго Дона.

Сокративъ нашъ путь проходомъ черезъ величественный Коринфскій каналъ, отсѣкшій Пелопонезъ отъ европейскаго материка, и благополучно пройдя мимо многочисленныхъ подводныхъ минъ, свободно плававшихъ по всему Средиземному морю, мы, наконецъ, подошли къ Итальянскому военному порту Тарента, гдѣ за надежными брекватерами и желѣзными воротами, запирающими входъ въ обширный внутренній бассейнъ, спокойно простоялъ въ полной безопасности въ теченіе всей войны итальянскій боевой флотъ, столь же мощный своими судовыми единицами, сколь слабый боевыми качествами своего личнаго состава.

Англичане и здѣсь проявили къ намъ необычайную любезность. Пользуясь своимъ положеніемъ, они, не обращая никакого вниманія на мѣстныя итальянскія власти, привезли насъ на берегъ, доставили на станцію желѣзной дороги весь нашъ многочисленный багажъ, усадили въ спальный вагонъ, мѣста въ которомъ они для насъ заранѣе задержали по безпроволочному телеграфу, и напутствовали добрыми пожеланіями.

Въ Римѣ, куда мы прибыли на другой день утромъ, на мнѣ конкретно оправдалась старая, средневѣковая пословица «всѣ пути ведутъ въ Римъ». Дѣйствительно здѣсь сомкнулся для меня кругъ, который мнѣ пришлось за сравнительно короткій срокъ совершить вокругъ центральной Европы. Въ 1916 году попалъ я въ Римъ, въ составѣ посѣтившей эту столицу русской парламентской делегаціи, черезъ Торнео, Бергенъ, Ньюкастль, Лондонъ и Парижъ, а теперь — 18 мѣсяцевъ спустя — черезъ Одессу, Константинополь, Афины и Таренту. Но, Боже, какая разница между этими двумя посѣщеніями.

Никогда я не забуду той восторженной оваціи, которую намъ, представителямъ великой, мощной Россіи, сдѣлала въ то время впечатлительная римская толпа. Это

было въ день посѣщенія нами итальянской палаты депутатовъ. Населеніе, узнавъ, что мы тамъ находимся, заполнило всѣ прилегающіе площади, улицы и переулки. Происходило это въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ Римѣ чуть не ежечасно получались все болѣе радостныя свѣдѣнія о нашихъ громовыхъ успѣхахъ на юго-западномъ фронтѣ, объ огромномъ количествѣ забранныхъ нами въ плѣнъ австрійцевъ., превышавшемъ 600 тысячъ. Для Италіи успѣхи эти имѣли исключительное значеніе; они означали освобожденіе Италіи отъ той огромной опасности, которой она въ то время подвергалась отъ побѣдоноснаго шествія австрійскихъ войскъ по направленію къ Венеціи и Падуѣ. Австрія дѣйствительно была вынуждена спѣшно перебросить свои наступавшія на Италію войска на ея оголенный нашими побѣдами восточный фронтъ. Неудивительно поэтому, что выйдя изъ палаты депутатовъ, мы были положительно захвачены толпой. Лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ и продвигаясь съ чрезвычайной медленностью, удалось нашимъ автомобилямъ проѣхать среди нея. Крики «evviva Rossia» провожали насъ на всемъ протяженіи нашего пути. Подножки нашихъ автомобилей были облѣплены; намъ пожимали руки, забрасывали цвѣтами. Чувство національной гордости, принадлежности къ великому народу, къ великой странѣ было затронуто въ насъ въ высшей степени. Надо было испытать это чувство, чтобы почувствовать всю его невыразимую сладость. И тутъ имѣло огромное значеніе именно то, что не мы лично, совершенно неизвѣстные римскому населенію отдѣльные люди, были предметомъ народныхъ овацій. Тутъ чествовался нашъ народъ, наша страна. Мы являлись лишь случайными ея представителями, но въ насъ видѣли отраженіе великой Россіи и на насъ отражалась вся ея мощь, все ея величіе, «какъ солнцѣ въ малой каплѣ воды».

Вспомнилъ, вѣроятно, и Милюковъ тотъ исключительный успѣхъ, который имѣли въ Римѣ произнесенныя имъ тамъ рѣчи. «Un altro discorso del Signor Miliukoff», такъ озаглавлены были крупнымъ шрифтомъ номера газетъ, заключавшихъ его вторую, послѣ первой, прельстившей итальянцевъ, рѣчь.

И вотъ мы остались тѣми же, чѣмъ были раньше, но померкло то солнце, которое въ насъ отражалось, и мы тотчасъ почувстовали какъ свое личное ничтожество, такъ и то безмѣрное значеніе, которое имѣетъ для человѣка принадлежность къ тому или иному національному цѣлому, и какъ степень обаянія этого цѣлаго конкретно сказывается въ отношеніяхъ къ нему окружающей международной среды.

Рухнувшая великая имперія увлекла въ своемъ катастрофическомъ паденіи весь тотъ авторитетъ, весь престижъ, которыми дотолѣ обладали внѣ своихъ предѣловъ Россія и русскій народъ. Въ лучшемъ случаѣ являлись мы предметомъ обиднаго сожалѣнія, да и оно оказывалось въ видѣ милости.

Слова «родина», «государство», не столько забытыя, сколько оплеванныя частью русской революціонной интеллигенціи, вдругъ пріобрѣли свое истинное, огромное и вполнѣ реальное значеніе.

Въ Римѣ наше національное униженіе не ощущалось, однако, такъ рѣзко и такъ болѣзненно, какъ впослѣдствіи при посѣщеніи Лондона, а въ особенности Парижа. Здѣсь наше посольство сумѣло сохранить еще до извѣстной степени свое значеніе и мѣстное правительство продолжало повидимому съ нимъ считаться. Со стороны нашего посольства въ Римѣ мы встрѣтили привѣтливый пріемъ. Совѣтникъ посольства Персіани (посолъ Гирсъ находился въ Парижѣ) и повѣренный при Ватиканѣ Лысаковскій насъ тотчасъ ознакомили съ общимъ положеніемъ «русскаго вопроса».

По ихъ словамъ, главнымъ препятствіемъ оказанію реальной помощи Россіи со стороны Антанты являлись западно-европейскія соціалистическія партіи. Вожаки

ихъ съ жаромъ требовали не борьбы съ большевиками, а, наоборотъ, ихъ признанія законнымъ правительствомъ Россіи. Играя на усталости народовъ и войскъ, соціалистамъ легко было поддерживать среди нихъ враждебное отношеніе къ самой мысли о походѣ въ Россію.

При посредствѣ нашего посольства мы были тотчасъ приняты товарищемъ иностранныхъ дѣлъ. Предсѣдатель совѣта министровъ Орландо и министръ иностранныхъ дѣлъ Соннино уѣзжали въ тотъ же день въ Парижъ и любезно передали намъ, что разсчитываютъ свидѣться съ нами тамъ.

Безпрепятственно получивъ, черезъ посредство того же нашего посольства, визы на Францію, мы черезъ двое сутокъ устремились въ Парижъ.

VI.

Пріѣздъ въ Парижъ. Непріязненное отношеніе къ нашей делегаціи французскаго правительства и В. А. Маклакова. Отъѣздъ въ Лондонъ. Положеніе нашего представителя въ Лондонѣ. Условія общественной работы въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Возвращеніе въ Парижъ. Политическое совѣщаніе при русскомъ посольствѣ. Посѣщеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона.

Парижъ насъ встрѣтилъ во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательно и хмуро. Былъ холодный, дождливый день и все было окутано туманомъ. На станціи насъ встрѣтилъ какой то французскій офицеръ, оказавшійся мобилизованнымъ канцелярскимъ чиновникомъ нашего посольства. Городъ былъ еще сравнительно пустъ, движеніе на улицахъ незначительное, отчасти за малымъ количествомъ таксомоторовъ: большинство ихъ было реквизировано еще въ началѣ войны, а новые еще не появились. Гостиницы были однако переполнены: уже начался съѣздъ безчисленнаго количества причастныхъ къ предстоявшей мирной конференціи, а также возвращеніе съ фронта нѣкоторыхъ частей союзныхъ войскъ. На улицѣ встрѣчались въ множествѣ англійскіе, австралійскіе, а въ особенности, американскіе офицеры и солдаты — они то и заполняли парижскія гостиницы. Еще явственно ощущались послѣдствія войны. Сахара почти не было — его замѣнялъ сахаринъ, хлѣбъ выдавался по карточкамъ. Уличное освѣщеніе за недостаткомъ угля сокращено до минимума.

Но это была лишь внѣшняя сторона, намъ безразличная. Безконечно хуже былъ пріемъ, оказанный намъ французскимъ правительствомъ и... нашимъ посломъ В. А. Маклаковымъ.

Получивъ отъ сего послѣдняго, послѣ переговоровъ по телефону милостивое разрѣшеніе къ нему явиться въ 9 часовъ вечера, мы услышали отъ него горькія сѣтованія по поводу нашего пріѣзда. Не поинтересовавшись вовсе ни цѣлью нашего пріѣзда, ни причинами, его вызывавшими, онъ намъ заявилъ, что французское правительство въ ярости отъ нашего прибытія все на томъ же основаніи нахожденія во главѣ депутаціи Милюкова, для Франціи непріемлемаго вслѣдствіе его... измѣны. То, что Милюковъ не возглавляетъ депутаціи, а состоитъ лишь однимъ изъ ея членовъ, положенія не измѣняетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ газеты сообщили о пріѣздѣ депутаціи Милюкова, сопроводивъ это сообщеніе нелестными по его адресу замѣчаніями.

Далѣе Маклаковъ сообщилъ, что его вызвалъ Пишонъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, и отъ имени Клемансо передалъ ему его крайнее неудовольствіе и опредѣленное распоряженіе: «qu'ils s'en aillent d'ici». Подлинныя слова Клемансо были вѣроятно красочнѣе. Попали мы къ тому же, по словамъ Маклакова, во Францію лишь случайно, ибо въ Константинополь, а затѣмъ въ Римъ было дано знать о невыдачѣ намъ визъ, а на итальянскую границу — о непропускѣ насъ во Францію.

Заявленія эти, сопровожденныя указаніемъ на необходимость тотчасъ оставить Парижъ, насъ, разумѣется въ высшей степени поразили. Тутъ только мы сообразили, что намъ слѣдовало разстаться съ Милюковымъ еще въ Константинополѣ, коль скоро намъ стало извѣстно, что французское правительство, да и общественность относятся къ его личности отрицательно. Да и то сказать, инніціатива, казалось бы, должна была исходить отъ него самого. Не дооцѣнили мы французскаго мелочнаго, щекотливаго самолюбія. Побѣдители въ міровой войнѣ, казалось, должны были быть выше этого. Подобная мнительность понятна у униженныхъ и побѣжденныхъ и совершенно непонятна у возвеличенныхъ и торжествующихъ.

Но это была лишь одна сторона вопроса. Меня поразило во всемъ этотъ инцидентѣ другое, а именно роль нашего посла, повидимому, превратившагося въ послушнаго исполнителя приказаній французскаго правительства. Я не могъ понять, какимъ образомъ Маклаковъ, который къ тому времени могъ черпать свою силу, только опираясь на ту русскую общественность, выразителями которой были члены нашей делегаціи, и притомъ самъ старый общественный дѣятель, не заступился самымъ рѣшительнымъ образомъ за представителей, какъ ни на есть, всего русскаго антибольшевицкаго фронта. Если даже допустить, что онъ не былъ въ состояніи отстоять передъ французами Милюкова, то вѣдь за другими членами делегаціи никакихъ винъ по отношенію къ Франціи не числилось и намъ таковыя никѣмъ не приписывались.

Положеніе Маклакова въ Парижѣ было несомнѣнно весьма трудное, тѣмъ болѣе, что онъ не успѣлъ представить свои вѣрительныя грамоты до паденія временнаго правительства, которымъ онъ былъ аккредитованъ, а посему оффиціально признаннымъ Франціей посломъ ни единой минуты не былъ. Дабы удержаться на положеніи хотя бы полупризнаннаго посла государственной Россіи, онъ поневолѣ вынужденъ былъ идти на компромиссы. Въ результатѣ получилось представленіе, что изъ защитника русскихъ интересовъ во Франціи Маклаковъ превратился въ проводника французскихъ пожеланій въ русскіе общественные круги.

Изъ отношенія Маклакова къ нашей делегаціи я кромѣ того пришелъ къ убѣжденію, что нашъ пріѣздъ ему по существу едва ли не болѣе непріятенъ, нежели сумасбродному Клемансо, для котораго фактически онъ не могъ имѣть существеннаго значенія. Наоборотъ, Маклаковъ не могъ не понимать, что его полномочія, формально даже меньшія, нежели наши, которыя все же исходили отъ организацій существующихъ, тогда какъ своими полномочіями онъ былъ облеченъ безвозвратно потонувшимъ въ Летѣ временнымъ правительствомъ. Пріѣздъ Милюкова долженъ былъ быть ему особенно непріятенъ, ибо именно подписью Милюкова, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ первыхъ недѣлъ существованія временнаго правительства, были скрѣплены его вѣрительныя грамоты. Посему, если признавать погибшее прошлое, то уже лучше въ лицѣ давшаго извѣстныя полномочія, нежели получившаго ихъ. Будь, слѣдовательно, Милюковъ пріемлемъ для Франціи, онъ могъ бы легко занять въ Парижѣ такое положеніе, которое свело бы положеніе Маклакова къ нулю. Трудно было при такихъ условіяхъ ожидать, что Маклаковъ приложитъ какія либо старанія къ реабилитаціи Милюкова въ глазахъ французскаго правительства.

Исходя изъ всего этого и возмущенный столь быстрой утратой обаянія русскаго имени въ той Франціи, которая безъ самоотверженнаго содѣйствія русской военной силы давно была бы стерта въ порошокъ Германіей, я высказалъ Маклакову все, что думалъ объ его образѣ дѣйствій. «Казалось бы, сказалъ я между прочимъ, что представителю Россіи, оторванному отъ нея въ теченіе 14 мѣсяцевъ, самому важно прежде всего знать, что творится въ странѣ, интересы которой онъ призванъ отстаивать. Вѣдь со времени большевицкаго переворота мы первые русскіе

люди, отъ которыхъ вы можете услышать вполнѣ обоснованное описаніе существующаго тамъ положенія. Между тѣмъ всѣ ваши заботы сводятся къ тому, чтобы насъ скорѣе отсюда сплавить. Вы даже не поинтересовались насъ спросить, что творится въ Россіи, каково положеніе большевицкой власти и есть ли надежда на ея скорое сверженіе».

Послѣ этого, само собой разумѣется, послѣдовалъ между Маклаковымъ и мною рѣзкій обмѣнъ мнѣній, конечно не содѣйствовавшій измѣненію его отношенія къ нашей делегаціи, а посему мы лишены были всякой возможности даже попытаться осуществить нашу миссію. Между тѣмъ, делегація наша могла бы оказать тому же Маклакову существенную помощь въ его дипломатической работѣ. Отъ него зависѣло расшумѣть насъ, придать намъ въ глазахъ французскаго правительства и общественности даже большее значеніе нежели мы имѣли, словомъ насъ всецѣло использовать. По существу это могло лишь укрѣпить его собственное положеніе, такъ какъ никому изъ насъ и въ голову не приходило развѣнчивать положеніе нашего посла. Съ Милюковымъ включительно мы желали лишь укрѣпить его престижъ. Въ этихъ видахъ ему нужно было самому какъ бы стать во главѣ прибывшей делегаціи и вмѣстѣ съ ней посѣтить видныхъ французскихъ политическихъ дѣятелей.

Талантливый адвокатъ, блестящій ораторъ, Маклаковъ, увы, не былъ созданъ для роли отвѣтственнаго представителя великаго государства, роли, исполняемой впослѣдствіи, надо это съ прискорбіемъ признать, съ большимъ достоинствомъ посланцами большевиковъ, даромъ, что большинство ихъ не принадлежитъ къ русскому племени.

Я долженъ впрочемъ прибавить, что въ представленіи Маклакова могла быть и иная причина, оправдывающая его отрицательное, чтобы не сказать враждебное, отношеніе къ нашей делегаціи, а именно участіе въ ней Шебеко, а въ особенности меня, слывущаго, не безъ основаній, за приверженца правыхъ монархическихъ убѣжденій.

Была впрочемъ, повидимому, и иная причина, по которой я также не былъ persona grata для Клемансо. Зависѣла она отъ того положенія, которое занялъ въ Парижѣ высланный Керенскимъ изъ Россіи братъ мой, бывшій одно время начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго. Онъ громко и рѣзко заявлялъ повсюду, что Россію, а тѣмъ болѣе ея участіе въ міровой войнѣ, можетъ возродить только монархія. Это уже не нравилось Клемансо, а къ этому еще прибавилось бывшее у брата личное острое столкновеніе съ Клемансо по поводу перевоза тѣла своей жены изъ сферы военныхъ дѣйствій, гдѣ она, работая въ передовомъ лазеретѣ, была убита бомбой, брошенной съ аэроплана.

По поводу участія въ нашей делегаціи представителей праваго крыла нашей общественности надо прибавить, что если въ предѣлахъ Россіи даже соціалистическія партіи понимали, что правое теченіе въ ней отнюдь не умерло, что безъ участія его представителей Россія, какъ таковая, не можетъ быть представлена, то на Западѣ, при его сказочномъ незнакомствѣ съ условіями жизни нашей родины, господствовало убѣжденіе, что правыя политическія партіи въ Россіи никакихъ корней въ толщѣ населенія не имѣютъ и представляютъ лишь жалкіе обломки безвозвратнаго прошлаго; шли на Западѣ даже дальше и полагали, что всѣ буржуазные элементы страны лишились въ Россіи всякой мощи и даже значенія. Соціалисты одни нынѣ могутъ играть какую либо роль въ Россіи, думалъ весь Западъ. Недалекъ былъ, повидимому, отъ этого взгляда и самъ Маклаковъ и во всякомъ случаѣ считалъ, что лишь въ союзѣ съ соціалистами и примкнувшими къ нимъ, при полномъ отчужденіи отъ всякихъ правыхъ элементовъ, можетъ онъ добиться отъ странъ согласія, въ част-

ности отъ Франціи, какой либо реальной помощи для сверженія большевицкаго ига. Наглядно доказываетъ это то окруженіе, которое онъ вокругъ себя создалъ. Но объ этомъ позднѣе.

Сила солому ломитъ; что могли мы, представители лишившейся всякаго международнаго обаянія русской общественности, сдѣлать, имѣя пртивъ себя и французское правительство, въ лицѣ его своенравнаго главы, и представителя во Франціи интересовъ той же русской общественности. Ясно, что мы должны были исчезнуть ad majorem Маклакова laetitiam. Дѣйствительно не прошло и трехъ дней, какъ мы уныло поплелись въ Лондонъ, хотя было совершенно ясно, что вся наша миссія вылетѣла въ трубу и что мы могли съ такимъ же успѣхомъ вернуться во свояси.

Кто могъ придать въ Англіи значеніе делегаціи, безцеремонно выкинутой изъ предѣловъ ея союзницы, которая къ тому же играла въ то время среди странъ согласія, по крайней мѣрѣ по видимости, первенствующую роль.

Правда передъ нашимъ отъѣздомъ Маклаковъ обѣщалъ «выхлопотать» у Клемансо черезъ Пишона разрѣшеніе намъ вернуться во Францію и здѣсь все же попытаться повидаться съ вліятельными политическими дѣятелями. Но въ нашемъ дѣлѣ отсрочка была равносильна утратѣ имъ всякаго значенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа делегація наша единогласно рѣшила разстаться съ Милюковымъ, подвергнутымъ окончательному остракизму изъ Франціи, остракизму, продолжавшемуся около двухъ лѣтъ. Присутствіе Милюкова въ нашей средѣ могло поставить насъ въ Лондонѣ въ столь же тяжелое положеніе, въ какомъ мы очутились въ Парижѣ. Достигли мы этого однако не сразу. Наше предложеніе Милюкову замѣнить себя въ нашей средѣ какимъ либо инымъ членомъ кадетской партіи, недостатка въ которыхъ въ Парижѣ, да и въ Лондонѣ, не было — онъ рѣшительно отвергъ.

Помирились подъ конецъ на томъ, что въ Англію мы выѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ, но въ Лондонѣ онъ уже къ нашему составу принадлежать не будетъ и во всѣхъ нашихъ выступленіяхъ участія не приметъ.

Въ Лондонѣ насъ ожидалъ новый сюпризъ, хотя и мелкій, но еще рѣзче характеризовавшій отношеніе нашихъ дипломатическихъ представителей къ представителямъ русской общественности.

Предполагая, что, по примѣру Парижа, гостиницы Лондона также переполнены, мы телеграфировали исполнявшему обязанность посла совѣтнику нашего посольства Набокову просьбу задержать намъ какое либо помѣщеніе. Необходимо это было тѣмъ болѣе, что изъ Франціи насъ, по просту говоря, вытолкнули какъ разъ въ Рождественскій сочельникъ и ,слѣдовательно, въ Лондонъ мы должны были пріѣхать въ самый день Рождества, когда весь городъ представляетъ пустыню и даже лишенъ средствъ сообщеній. Однако, на лондонской станціи насъ никто не встрѣтилъ и, когда мы не безъ труда добились телефоннаго сообщенія съ нашимъ посольствомъ, то намъ оттуда сообщили, что всѣ гостиницы Лондона переполнены, и посему помѣщенія для насъ не удалось задержать.

Очутились мы такимъ образомъ въ томъ же положеніи, въ которомъ Шебеко и я были мѣсяца за два передъ тѣмъ въ Екатеринодарѣ, съ той существенной разницей, что тамъ были по крайней мѣрѣ извозчики, а здѣсь, благодаря праздничному дню, и ихъ не было. Пришлось въ совершенно незнакомомъ городѣ - лабиринтѣ распутываться самимъ. Не стану описывать нашихъ дальнѣйшихъ похожденій. Въ концѣ концовъ, мы разумѣется устроились.

Въ тотъ же день побывали мы, конечно, и въ посольствѣ, гдѣ опять пришлось высказать нѣсколько кислыхъ словъ нашему представителю, впрочемъ отнесшемуся

къ нашему пріѣзду безъ непріязни, а просто индиферентно. Русскіе люди, пребывавшіе съ давнихъ поръ за границей и не испытавшіе того, къ чему привелъ въ Россіи захватъ власти большевиками, были совершенно иначе настроены, нежели мы, видѣвшіе воочію, во что превращаетъ страну хозяйничанье шайки преступныхъ изувѣровъ. По нимъ мы могли судить о степени индиферентизма къ несчастіямъ нашей родины иностранцевъ, положеніе которыхъ послѣ изнурительной войны было у самихъ незавидное.

Отъ Набокова мы услышали лишь безконечныя іереміеды о трудности его положенія. Нашу миссію онъ признавалъ совершенно безнадежной. Трудность положенія Набокова существовала несомнѣнно, но, какъ мы впослѣдствіи узнали, происходила она въ значительной степени отъ его собственнаго образа дѣйствій. Занимая довольно продолжительное время постъ совѣтника русскаго посольства въ Лондонѣ, Набоковъ успѣлъ себѣ составить тамъ, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ политическомъ мірѣ довольно обширныя связи. Испортилъ онъ свое положеніе тѣмъ, что послѣ первой, февральской революціи, громко и повсемѣстно высказывалъ свое удовольствіе по поводу сверженія монархіи. Англичане прежде всего цѣнятъ корректность. Они не могли понять, какимъ образомъ долголѣтній представитель царскаго правительства, облеченный къ тому же придворнымъ званіемъ, могъ со дня на день повернуться спиной ко всему прошлому, которому самъ же служилъ, и поклоняться новымъ еще ничѣмъ себя не проявившимъ богамъ. Англійскіе друзья Набокова сочли этотъ поступокъ некорректнымъ и не замедлили отъ него отвернуться.

Впрочемъ, примѣръ Набокова, его крутой политическій volte face, далеко не единичный: онъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ разложеніи, о гнилости рухнувшаго режима.

Словомъ, если Маклаковъ не желалъ намъ помочь исполнить нашу трудную миссію, то Набоковъ просто не могъ этого сдѣлать, и мы были предоставлены въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, собственнымъ силамъ. Силы же наши были тѣмъ болѣе слабыя, что въ Лондонѣ наша делегація представляла лишь оба фланга русской общественности — опредѣленно соціалистическій и опредѣленно консервативно-монархическій. Середина изъ нашей делегаціи выпала, такъ какъ, кромѣ Милюкова, съ которымъ мы разстались сознательно, выбылъ и Третьяковъ, оставшійся въ Парижѣ вслѣдствіе болѣзни одного изъ его дѣтей. Для Третьякова Маклаковъ соблаговолилъ сдѣлать исключеніе и получилъ для него разрѣшеніе остаться въ Парижѣ, чѣмъ еще очевиднѣе выяснилось, что отъ него вполнѣ зависѣло предоставить намъ всѣмъ, скажемъ, за исключеніемъ Милюкова, дѣйствительно вооружившаго противъ себя Клемансо, возможность остаться въ Парижѣ и тамъ въ мѣрѣ нашихъ силъ и разумѣнія исполнить возложенное на насъ порученіе.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ намъ не удалось даже проникнуть къ находившимся у власти англійскимъ политическимъ дѣятелямъ. Не безъ труда добились мы пріема у товарища министра иностранныхъ дѣлъ — Грэхама. Впрочемъ самъ министръ иностранныхъ дѣлъ — лордъ Хардингъ, равно какъ премьеръ Ллойдъ Джорджъ, были уже въ Парижѣ для участія въ прелиминарныхъ разговорахъ союзниковъ по предстоявшей мирной конференціи.

Грэхаму мы высказали лишь одно пожеланіе, а именно, чтобы союзники намъ дали опредѣленный отвѣтъ, намѣрены ли они оказать дѣйствительную помощь Россіи или нѣтъ и въ утвердительномъ случаѣ объяснили бы, въ чемъ помощь ихъ будетъ состоять и въ какой срокъ осуществится, дабы русскія борющіяся съ большевизмомъ силы знали, чего держаться и согласовали бы съ этимъ свои дѣйствія. Грэхамъ, повидимому, призналъ правильность нашего пожеланія, но объяснилъ, что для раз-

рѣшенія этого вопроса намъ слѣдуетъ отправиться въ Парижъ, гдѣ нынѣ находятся всѣ главы союзныхъ государствъ.

Еще разъ пришлось пожалѣть о нашемъ изгнаніи изъ Парижа, гдѣ, увы, наше дипломатическое представительство не сумѣло дать этому вопросу приведенную единственно правильную постановку. Послѣднее и привело къ тому, что союзники въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ (до ноября 1920 г.), не отказывая намъ въ помощи и даже частично по временамъ ее проявляя, фактически лишь содѣйствовали ослабленію и разрушенію русской государственной мощи.

Если въ правительственныхъ кругахъ Англіи намъ не удалось даже, за упомянутымъ исключеніемъ, толково изложить цѣль нашего пріѣзда, а тѣмъ болѣе высказать нашу точку зрѣнія на большевизмъ и представляемую имъ міровую опасность, то въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ это оказалось вполнѣ возможнымъ.

Наши коллеги соціалисты завязали сношенія съ представителями англійскихъ соціалистическихъ круговъ и тамъ проводили то неоспоримое положеніе, что большевики опаснѣйшіе враги соціализма, какъ его понимаютъ англійскіе рабочіе круги. Они держали насъ въ курсѣ предпринимаемыхъ ими шаговъ, и вообще я долженъ сказать, что за все время нашей совмѣстной, правда иллюзорной, дѣятельности мы дѣйствовали вполнѣ солидарно и даже дружно и никакихъ конфликтовъ между нами не возникало.

Вообще общественная работа въ Англіи для иностранцевъ, желающихъ ознакомить страну со своими взглядами и устремленіями, безмѣрно легче, нежели во Франціи. Содѣйствуетъ этому прежде всего широкій интересъ англійской общественности къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ, хотя бы они непосредственно не затрагивали чисто англійскихъ интересовъ. Страна мореплавателей, раскинувшая своихъ сыновъ по всѣмъ частямъ свѣта, естественно отличается болѣе широкимъ умственнымъ горизонтомъ, нежели страны, замкнувшіяся въ себѣ и подобно Франціи централизировавшія едва ли не всю свою культурную силу въ одномъ пунктѣ— Парижѣ. Вслѣдствіе этого во Франціи сколько нибудь широкая публика, кромѣ чисто мѣстныхъ вопросовъ, рѣшительно ничѣмъ не интересуется, и вообще отличается въ вопросахъ международныхъ крайнимъ невѣжествомъ. Отражается это прежде всего въ повременной печати. Парижская пресса, по содержанію вообще убогая, почти всецѣло заполнена сообщеніями о мѣстныхъ происшествіяхъ, причемъ особенное вниманіе обращено на уголовную хронику. Кромѣ того, она отличается откровенной продажностью. Помѣстить статью или замѣтку по любому вопросу изъ области международной политики можно въ любой газетѣ любого направленія, но исключительно за плату и притомъ высокую. Исключеніе составляютъ органы обоихъ крайнихъ фланговъ — коммунистическаго и ройялистическаго. Въ нихъ соблюдается строжайшая партійность. Въ остальной массѣ органовъ печати можно сплошь и рядомъ усмотрѣть рѣзкіе переходы по вопросамъ, касающимся какихъ либо иностранныхъ государствъ, съ одной точки зрѣнія на другую, обратную. На выраженное желаніе помѣстить статью по украинскому вопросу редакція одного изъ крупнѣйшихъ органовъ французской печати мнѣ цинично отвѣтила: «passez à la caisse». Дѣлается это, слѣдовательно, совершенно явно и прикрывается именемъ «publicité».

Совершенно иначе поставлена англійская пресса. Помѣстить статью въ пользу защищаемаго тезиса, коль скоро онъ не противорѣчитъ взгляду, проводимому самой газетой, не представляетъ труда. Это тѣмъ болѣе легко, что каждый номеръ англійскихъ ежедневныхъ газетъ представляетъ по объему цѣлую книгу. Разнообразіе имѣющихся въ Англіи мнѣній обуславливаетъ и множество различныхъ

печатныхъ органовъ, что и даетъ возможность найти такой органъ, который въ общемъ поддерживаетъ ту точку зрѣнія, которую отстаиваешь и стремишься проводить.

Столь же легко въ Англіи собрать многочисленную аудиторію для публичнаго сообщенія на любую тему. Во Франціи и это невозможно. За исключеніемъ злободневныхъ вопросовъ, близко затрагивающихъ въ данную минуту французскіе, преимущественно матеріальные интересы, никакое сообщеніе сколько-нибудь многочисленной публики не соберетъ, а тѣ, что приходятъ, состоятъ исключительно изъ вашихъ же единомышленниковъ, а слѣдоватесльно убѣждать ихъ безполезно. Это значитъ, просто ломиться въ открытую дверь. Въ Лондонѣ, наоборотъ, среди любой аудиторіи всегда найдутся лица, не раздѣляющія мнѣнія докладчика и готовыя вступить съ нимъ, какъ выражаются большевики, въ дискуссію. Вліять при такихъ условіяхъ на английское общественное мнѣніе всегда возможно, притомъ не безуспѣшно. Къ тому же въ Лондонѣ съ его многочисленными политическими клубами можно найти опору для своей дѣятельности въ той или иной партійной группировкѣ.

Всѣ эти условія мы испытали тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, хотя лично почти никакими связями не обладали, а наше посольство, какъ я уже упомянулъ, отчасти не дало себѣ этого труда, отчасти не могло.

Начать съ того, что одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ клубовъ Лондона — National liberal club далъ намъ доступъ въ свою среду на опредѣленный, если не ошибаюсь, мѣсячный срокъ. По уставу клуба для болѣе продолжительнаго права его посѣщенія надо вступить въ его постоянные члены, что впрочемъ достигается безъ труда, но связано съ довольно крупной ежегодной платой. Но этимъ клубъ не ограничился. Онъ устроилъ въ своихъ стѣнахъ, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ залъ, публичное собраніе, на которомъ мы получили возможность сдѣлать сообщеніе о положеніи Россіи и о томъ, что представляетъ большевизмъ.

Устроилъ въ нашу честь многолюдный банкетъ и British-Russian club, членами коего состоятъ англійскіе промышленники, имѣющіе предпріятія въ Россіи (изъ нихъ многіе въ теченіе долгихъ лѣтъ жили въ Россіи и мечтаютъ лишь о скорѣйшемъ возвращеніи туда; они даже просили насъ произнести въ дополненіе къ нашимъ англійскимъ банкетнымъ рѣчамъ нѣсколько словъ по русски, вызвавшихъ среди нихъ неподдѣльный энтузіазмъ).

British-Russian club велъ въ ту пору дѣятельную пропаганду въ пользу англійской матеріальной помощи русскимъ силамъ, борющимся съ большевиками. Онъ печаталъ брошюры на эту тему, использовалъ съ той же цѣлью сочувствующую этой мысли прессу и устраивалъ въ тѣхъ же видахъ многолюдныя публичныя собранія, предсѣдательствуемыя видными политическими дѣятелями. Наиболѣе энергичнымъ членомъ этого клуба былъ Лесли Урквардъ, столь впослѣдствіи нашумѣвшій своей попыткой сговориться съ совѣтской властью по вопросу о возвращеніи акціонерамъ Кыштымскаго металлургическаго предпріятія.

Нѣкоторые изъ насъ были приглашены и въ City luncheon club, средоточіе мѣстныхъ крупныхъ промышленниковъ, и тамъ имѣли возможность сдѣлать сообщеніе по русскому вопросу.

Словомъ общественная работа русскихъ политическихъ дѣятелей въ Лондонѣ была и есть возможна, однако работа эта длительная и хотя несомнѣнно полезная, но достигнуть реальныхъ результатовъ ею одною едва ли возможно.

Еще болѣе или, вѣрнѣе, совершенно безнадежно провести что либо черезъ посредство королевскаго двора. Англійская королевская семья, связанная узами родства съ русскимъ императорскимъ домомъ, несомнѣнно относится вполнѣ враждеб-

но къ большевикамъ, но оказать какое-либо вліяніе на англійскую политику рѣшительно не въ состояніи. Королева Александра, весьма любезно меня принявшая, рекомендовала меня одному лицу, могущему мнѣ помочь войти въ сношеніе съ нѣкоторыми оффиціальными лицами. Вошелъ я такимъ образомъ въ связь съ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ англійскаго военнаго міра, по убѣжденіямъ въ общемъ весьма консервативнаго. Лица эти высказывали большое сочувствіе къ Россіи, причемъ тутъ, вѣроятно, играло роль чувство братства по оружію. Однако, и эти лица сказали мнѣ, что о посылкѣ англійскихъ войскъ въ Россію не можетъ быть и рѣчи. Демобилизацію своихъ войскъ Англія вынуждена произвести немедленно, иначе ей угрожаютъ военные бунты (въ Folkestone такой бунтъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ лицами изъ War office).

По словамъ моихъ собесѣдниковъ въ War office возникла, однако, мысль образовать, со спеціальной цѣлью ихъ посылки въ Россію, нѣсколько дивизій изъ добровольцевъ. Для этого, по ихъ словамъ, нужны были только деньги, добровольцевъ же будетъ сколько угодно, такъ какъ многіе солдаты да и офицеры утратили со вступленіемъ въ ряды войскъ свои прежніе заработки и послѣ демобилизаціи не легко и во всякомъ случаѣ не сразу пріищутъ себѣ вновь платныя занятія. Вотъ эта категорія и можетъ составить въ общемъ цѣлую армію волонтеровъ, причемъ большихъ лишнихъ расходовъ это не вызоветъ, такъ какъ англійское правительство все равно вынуждено будетъ оказывать безработнымъ денежную помощь.

Если таковы были предположенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ War office, то совершенно иные взгляды понемногу обнаруживались у главы англійскаго правительства Ллойдъ Джорджа, что отражалось и на взглядахъ Foreign office, истиннаго руководителя англійской политики и хранителя ея вѣковыхъ завѣтовъ. Ослабленіе Россіи было давней мечтой Англіи и John Bull не могъ упустить нежданно представившагося случая осуществить эту мечту. Завѣдующій русскимъ отдѣломъ въ Foreign office — Ховардъ, а въ особенности одинъ изъ его сотрудниковъ профессоръ Симсонъ, выражая на словахъ горячее сочувствіе Россіи, на дѣлѣ, очевидно, по распоряженію свыше, уже приступили, какъ мы объ этомъ освѣдомились, къ разрѣшенію вопроса о способѣ наиболѣе выгоднаго для Англіи расчлененія Россіи, а также разграниченія въ ея предѣлахъ сферъ вліянія отдѣльныхъ государствъ Антанты. Такъ уже въ то время выкраивались на картѣ самостоятельныя Эстонія и Латвія, равно какъ экономическій захватъ Баку съ его нефтеноснымъ райономъ. А тѣмъ временемъ, наивные вожди нашей добровольческой арміи все не разставались съ мыслью о сохраненіи чистоты своихъ ризъ въ отношеніи своихъ былыхъ союзниковъ.

Войти въ болѣе тѣсныя, или хотя бы разнородныя сношенія съ лицами, стоящими у власти, для нашей делегаціи не было физической возможности. Всѣ сколько нибудь вліятельныя лица, принадлежащія къ правившей въ то время партіи, изъ Лондона отсутствовали; они всѣ переѣхали въ Парижъ на готовившуюся мирную конференцію. Дѣловая свита Ллойдъ Джорджа насчитывала болѣе тысячи человѣкъ. Географическимъ центромъ всей политической жизни Европы временно сдѣлался Парижъ.

Нашей делегаціи въ Лондонѣ было нечего дѣлать. Тѣхъ лицъ, которымъ намъ казалось полезнымъ изложить цѣль нашего пріѣзда, мы всѣхъ перевидали, причемъ убѣдились, что лица эти, при всей ихъ благонадежности къ Россіи, значенія не имѣютъ, ибо лишены серьезнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Такими были между прочимъ бывшіе послы въ Петербургѣ — американскій Франсисъ и англійскій Бьюкененъ. Оба они, на словахъ по крайнѣй мѣрѣ, раздѣляли нашу точку зрѣнія на боль-

шевизмъ, какъ на міровую опасность, но при этомъ оба говорили, что намъ не слѣдуетъ надѣяться на военную помощь державъ Антанты. Слѣдовало перечисленіе тѣхъ же причинъ — утомленіе войскъ, противодѣйствіе соціалистическихъ партій, несочувствіе массъ.

То же самое весьма подробно развилъ долголѣтній французскій посолъ въ Лондонѣ — Paul Cambon. Дипломатъ старой школы — умный, тонкій, очаровательный въ обращеніи, онъ намъ сказалъ, что какъ мирная конференція, такъ и вообще судьбы Европы нынѣ всецѣло въ рукахъ Америки или вѣрнѣе президента сѣверо-американскихъ штатовъ — Вильсона. Это иллюминатъ, мистически помѣшанный на своихъ 14 пунктахъ. Однимъ изъ нихъ является право самоопредѣленія всѣхъ націй и племенъ.

«Быть можетъ, играя на этомъ, сказалъ Cambon, вы могли бы настроить его противъ большевиковъ, интернаціоналистовъ по существу, да къ тому же на этихъ дняхъ свергнувшихъ кіевскую директорію Винниченко и присоединившихъ Украину къ совѣтской Россіи».

Для насъ подобный мотивъ былъ, разумѣется, непріемлемъ, да и до Вильсона мы добраться не могли: онъ тоже былъ въ Парижѣ. Принялись усиленно хлопотать о визахъ на Францію, черезъ того же Paul Cambon, принявшаго въ насъ живое участіе, но на запросъ объ этомъ Парижа онъ получилъ отрицательный отвѣтъ. Маклаковъ съ своей стороны посылалъ намъ телеграммы полууспокоительнаго свойства, призывающія къ терпѣнію: «вотъ, де, ужо я вамъ все устрою».

Тѣмъ временемъ, событія шли своимъ головокружительнымъ темпомъ. Кіевъ, какъ я уже упоминалъ, былъ вновь во власти большевиковъ и, слѣдовательно, основная цѣль нашей поѣздки — спасти Украину — была уже позади: помощь Антанты въ смыслѣ спасенія богатаго юга и имѣющихся въ немъ всевозможныхъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ уже запоздала. Положеніе старой государственной Россіи въ Западной Европѣ становилось въ связи съ этимъ все безпомощнѣе, все унизительнѣй. На мирную конференцію даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, представителей Россіи допустить никоимъ образомъ не желали, не взирая на всѣ старанія образовавшагося съ этой цѣлью въ Парижѣ при русскомъ посольствѣ политическаго комитета, составившагося изъ кн. Львова, Сазонова и Маклакова.

Наконецъ, проявилось и истинное лицо Антанты, а въ особенности Англіи по отношенію къ Россіи, и вся тщета возлагавшихся на нее надеждъ выявилась вполнѣ. По предложенію Ллойдъ Джорджа мирная конференція, или вѣрнѣе, участвовавшіе въ ней державы согласія постановили предложить всѣмъ образовавшимся на территоріи бывшей Россійской имперіи правительствамъ и политическимъ новообразованіямъ, въ томъ числѣ и большевикамъ, собраться на общую конференцію, въ которой примутъ участіе и представители Антанты, причемъ мѣстомъ для этой конференціи самовластно назначили Принцевы острова, что на Мраморномъ морѣ вблизи Константинополя. Острова эти извѣстны между прочимъ тѣмъ, что на одинъ изъ нихъ были свезены и заморены голодомъ всѣ безчисленныя собаки, заполнявшія до тѣхъ поръ улицы турецкой столицы. Цѣль была совершенно ясная — закрѣпить расчлененіе Россіи на множество слабыхъ политическихъ единицъ.

Предложеніе это вызвало крайнее возмущеніе среди имѣвшихся въ Лондонѣ русскихъ общественныхъ круговъ, даромъ, что большинство изъ нихъ принадлежало къ бывшимъ эмигрантскимъ кругамъ. Надо отдать справедливость Набокову: не въ примѣръ Маклакову, съ мѣста отмежевавшемуся отъ русской общественности, надо полагать изъ опасенія, что эта общественность вовлечетъ его въ такія дѣйствія, которыя поколеблютъ его положеніе передъ французскимъ правитель-

ствомъ, Набоковъ, наоборотъ, широко раскрылъ двери русскаго посольства всѣмъ образовавшимся въ Лондонѣ русскимъ организаціямъ. Послѣднія, соединившись благодаря этому воедино, образовали одинъ общій центральный комитетъ, собиравшійся въ Chesham House — зданіи, занимаемомъ русскимъ посольствомъ.

Здѣсь мирно засѣдали рядомъ представители старой, царской Россіи и видные представители революціонныхъ теченій. Близкій другъ Керенскаго — докторъ Гавронскій, лѣвый кадетъ журналистъ Поляковъ-Литовцевъ, г-жа Тыркова-Вилльямсъ и бывшіе чины посольства и другихъ народившихся за время войны въ Лондонѣ русскихъ правительственныхъ учрежденій какъ будто нашли общій языкъ, какъ будто превратились изъ партійныхъ представителей попросту въ русскихъ гражданъ. Нашу делегацію объединеніе это встрѣтило вполнѣ дружественно и пригласило принять участіе въ своихъ сужденіяхъ, причемъ выказало живой интересъ къ нашимъ сообщеніямъ о положеніи дѣлъ въ Россіи.

Да, Лондонъ далъ намъ образчикъ одного весьма страннаго, но ясно сказавшагося явленія: представители бывшаго царскаго правительства повсюду шли навстрѣчу общественности и искали въ ней опоры для своей дѣятельности, наоборотъ старые общественные дѣятели, самой общественностью выдвинутые, коль скоро они занимали правительственныя должности, всячески чурались связи съ общественными кругами, выказывая по отношенію къ нимъ отчасти презрѣніе, отчасти нѣкоторую боязнь. Подобную тенденцію проявило прежде всего временное правительство. Выдвинутое государственной думой, оно тотчасъ оторвалось отъ нея и перестало ее признавать. Столь же охотно не признавало бы оно и совѣта рабочихъ депутатовъ, но тотъ, отчасти именно вслѣдствіе развѣнчанія Государственной Думы, занялъ ея мѣсто и принудилъ считаться съ собой.

Яркимъ примѣромъ такого превращенія явились именно Лондонъ, въ лицѣ нашихъ былыхъ дипломатическихъ тамъ представителей Набокова и смѣнившаго его впослѣдствіи Саблина, и Парижъ въ лицѣ б. члена государственной думы — Маклакова.

Наступилъ, однако, и конецъ нашему Лондонскому заточенію. Рѣшивъ, вѣроятно, что мы для него болѣе не опасны, Маклаковъ «выхлопоталъ» намъ наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, визы во Францію.

Наше почти мѣсячное пребываніе въ Лондонѣ, не давшее и не могшее дать никакихъ реальныхъ результатовъ, было все же заполнено, если не дѣломъ, то по крайней мѣрѣ видимостью дѣла. При нѣкоторой, правда, здоровой дозѣ оптимизма мы могли даже воображать, что произвели нѣкоторую полезную работу. Съ возвращеніемъ въ Парижъ, мы вынуждены были утратить всякія иллюзіи въ отношеніи смысла и пользы нашей поѣздки.

За наше отсутствіе въ Парижѣ произошли весьма крупныя относительно Россіи событія, ясно указавшія, что рѣшительно ни на чью безкорыстную помощь страна наша разсчитывать не можетъ. Россія, государственная Россія, вмѣсто того, чтобы почитаться за жертвы ея дѣйствительно самоотверженнаго участія въ войнѣ, оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. Иначе какъ въ связи со словомъ «предатель» имя Россіи не произносилось. «La trahison russe» — вотъ выраженіе, которое можно было встрѣтить на столбахъ любого органа печати. Môt d'ordre въ этомъ смыслѣ былъ данъ сверху. Совершенно забывъ про то, что русская армія на поляхъ сраженій съ австро-германцами потеряла болѣе двухъ милліоновъ людей убитыми, забывъ и про то, что эта армія дважды предотвратила гибель своихъ союзниковъ, первый разъ вторженіемъ въ Восточную Пруссію, стоившимъ ей цѣлой арміи, но спасшимъ Парижъ, а второй разъ наступленіемъ Брусилова, спасшимъ Италію отъ ея разгрома и

захвата нѣмцами, президентъ французской республики въ рѣчи, которой онъ открылъ мирную конференцію, не счелъ нужнымъ даже произнести имя Россіи, какъ будто она никогда не существовала. За то онъ счелъ возможнымъ сказать, что Румынія получила предательскій ударъ въ спину, причемъ изъ контекста его рѣчи было ясно, что онъ имѣетъ въ виду неназванную имъ Россію. Выдающійся государственный дѣятель Пуанкарэ выказалъ себя здѣсь тѣмъ, что онъ есть — превосходнымъ мыслительнымъ аппаратомъ, лишеннымъ души, чѣмъ въ значительной степени и объясняется его неудача въ переговорахъ съ Германіей.

Произошли перемѣны и на rue de Grenelle въ бывшемъ русскомъ императорскомъ посольствѣ. Появившійся въ Парижѣ изъ Сибири князь Львовъ успѣлъ уже проявить свои основныя свойства, а именно умѣнье чрезвычайно ловко занять любое предсѣдательское кресло и полное неумѣніе играть на этомъ креслѣ роль дѣйствительнаго руководителя дѣла. Подобно тому какъ на креслѣ предсѣдателя всероссійскаго земскаго союза онъ былъ игрушкой заполонившаго союзъ безчисленнаго множества различныхъ служащихъ, а на креслѣ предсѣдателя временнаго правительства игрушкой событій, бурному теченію коихъ онъ лишь успѣшно очищалъ путь, такъ и здѣсь въ Парижѣ вся его дѣятельность свелась къ занятію предсѣдательскаго кресла въ образовавшемся русскомъ политическомъ совѣщаніи, на которомъ онъ тотчасъ же и увялъ.

Совѣщаніе это, образованное изъ Львова, Сазонова и Маклакова, постаралось сейчасъ же дать себѣ модный, по условіямъ момента, уклонъ влѣво: въ него были введены видные представители воинствующаго соціализма въ лицѣ престарѣлаго революціоннаго вождя — Чайковскаго и бывшаго предсѣдателя пресловутаго «временнаго совѣта россійской республики» Авксентьева. Былъ по нашемъ возвращеніи въ Парижъ кооптированъ и членъ нашей делегаціи Титовъ. О включеніи кого либо изъ остальныхъ членовъ делегаціи, въ томъ числѣ и бывшаго члена временнаго правительства Третьякова, не могло быть и рѣчи по ихъ недопустимой правизнѣ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что если бы мы въ рѣшительной формѣ предъявили свои права на участіе въ совѣщаніи, правда безъ всякой пользы для дѣла, то достигли бы этого. Такъ именно поступилъ Савинковъ, заявившій, что либо его введутъ въ составъ совѣщанія, либо онъ самъ рѣшительно станетъ противъ этого органа, ведущаго свою преемственность отъ прежняго царскаго строя, и это его требованіе привело къ его немедленной кооптаціи.

Быть можетъ, также должны были дѣйствовать и мы — представители праваго крыла русской общественности, указавъ, что въ противномъ случаѣ организованное совѣщаніе не можетъ быть признано за отраженіе всей русской политической мысли. Но для такого образа дѣйствій у насъ не хватало рѣшимости. Нами владѣла психологія побѣжденныхъ.

Старый строй въ своемъ стремительномъ крушеніи увлекъ съ собой, если не вѣру въ наши идеалы, то во всякомъ случаѣ увѣренность, что они въ данное время имѣютъ сколько нибудь значительное число сторонниковъ въ русскихъ народныхъ массахъ, хотя бы въ культурныхъ кругахъ.

Въ обратномъ настроеніи находились соціалистически мыслящіе элементы; имъ казалось, что народныя массы въ Россіи слились съ русской соціалъ-революціонной «интеллигенціей» и всецѣло восприняли ея лозунги, совершенно не уразумѣвъ, что изъ этихъ лозунговъ народу были любы лишь тѣ, которые ему сулили «млечныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ» и прежде всего безпредѣльное количество земли, фактически же въ нихъ пробудились отнюдь не соціалистическія, а наоборотъ индивидуалистическія устремленія и ярко собственническіе инстинкты.

Была, впрочемъ, и другая причина и едва ли не главная, а именно, мы вполнѣ сознавали, что для демократическаго запада, участіе монархистовъ въ русскомъ представительствѣ не только не поможетъ этому представительству въ его работѣ, а наоборотъ затруднитъ ее.

Повидимому, того же мнѣнія былъ и Сазоновъ, не поднявъ вопроса о пополненіи совѣщанія представителями праваго крыла общественности. Впрочемъ, самъ Сазоновъ попалъ формально въ подчиненное положеніе къ кн. Львову. Первоначально по пріѣздѣ въ Парижъ Сазоновъ, сильный своимъ прошлымъ и тѣмъ, что онъ тамъ появился въ качествѣ представителя добровольческой арміи, не хотѣлъ вообще признавать никакого коллегіальнаго органа, представляющаго Россію въ Западной Европѣ, и мечталъ сосредоточить это представительство всецѣло въ своемъ лицѣ. Но тутъ онъ встрѣтился съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ со стороны Маклакова, отнюдь не пожелавшаго признавать добровольческую армію за правопреемницу б. русской государственной власти, что поставило бы сохраненіе имъ своего поста отъ усмотрѣнія командованія этой арміи, а предпочелъ представлять нереальную власть, а лишь отвлеченную Россію, которая смѣнить его не въ состояніи. Воспротивился этому, разумѣется, и кн. Львовъ, успѣвшій забѣжать къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ и убѣдить его, что онъ—единственное лицо въ Парижѣ, которое имѣетъ органическія связи въ широкихъ русскихъ слояхъ, а въ особенности среди ея интеллигенціи, что и побудило Пишона поддержать кандидатуру кн. Львова на постъ предсѣдателя русскаго политическаго совѣщанія.

Передъ этимъ напоромъ Сазоновъ, не добившійся даже свиданія съ Клемансо, вынужденъ былъ склониться и смиренно пошелъ подъ главенство кн. Львова.

При наличіи въ Парижѣ упомянутаго совѣщанія наша делегація окончательно утратила значеніе и всякій смыслъ существованія. Приступи она къ работѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, она могла бы представить интересъ хотя бы въ отношеніи информаціонномъ о творящемся въ Россіи. Быстрая смѣна событій привела къ тому, что ко времени нашего второго пріѣзда въ Парижъ наши свѣдѣнія оказывались уже устарѣвшими и это тѣмъ болѣе, что уже съ половины января начался приливъ въ Парижъ новыхъ пріѣзжихъ изъ Россіи, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, могущихъ сообщить значительно болѣе свѣжія свѣдѣнія и данныя.

Единственный оффиціальный шагъ, сдѣланный нами въ Парижѣ по пріѣздѣ изъ Лондона, да и то лишь для очистки совѣсти, было посѣщеніе министра иностранныхъ дѣлъ Пишона. При свиданіи съ нимъ мы не скрыли нашего возмущенія по поводу рѣчи президента французской республики при открытіи мирной конференціи, выразивъ между прочимъ удивленіе, что президентъ, повидимому, забылъ старую французскую максиму: «coup de chapeau et parole aimable ne coutent rien et toujours bon est». По этому поводу Пишонъ, отмѣтивъ, что ему не принадлежитъ право критиковать слова и поступки главы государства, сказалъ, что въ его добрыхъ чувствахъ къ Россіи мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ онъ только что громогласно ихъ высказалъ съ трибуны палаты депутатовъ, гдѣ имъ дѣйствительно были произнесены слова, четко отмѣтившія заслуги Россіи въ только что закончившейся войнѣ[1]).

---

[1]) Къ этому времени произошелъ и нѣкоторый сдвигъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ Россіи. Такъ парижскій муниципалитетъ, въ большинствѣ соціалистически настроенный, на доскѣ помѣщенной въ Hôtel de Ville, имѣвшей увѣковѣчить участіе Парижа въ минувшей войнѣ, отмѣтилъ, что Парижъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ захвата германской арміей самоотверженному натиску русскихъ войскъ на восточную Пруссію.

Этимъ послѣднимъ актомъ закончилась вся слабая, безрезультатная дѣятельность нашей делегаціи, что произошло однако не только отъ общей политической обстановки, но и отъ присутствія въ нашей средѣ лица, вызвавшаго къ себѣ непріязненныя чувства со стороны Франціи, въ особенности же отъ положенія, которое занялъ по отношенію къ намъ представитель русскихъ государственныхъ интересовъ въ Парижѣ, гдѣ какъ разъ ко времени нашего пріѣзда съѣзжались всѣ руководители политики державъ побѣдительницъ.

О какой либо публичной общественной работѣ въ Парижѣ, какъ я упомянулъ выше, и думать было нечего, а посему делегація не только распалась, но и разсыпалась по Парижу, утративъ даже связь между отдѣльными своими членами.

VII.

Отъѣздъ изъ Парижа въ Одессу. Бухарестъ. Одесса. Французскія войска въ Одессѣ. Отношеніе добровольческой арміи къ генералу А. В. Шварцъ. Полковникъ Fredemberg. Эвакуація Одессы. Отплытіе въ Константинополь.

Дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ было безцѣльно, и я поспѣшилъ направиться въ обратный путь на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ еще кое какъ держалась русская государственная власть. Началась нудная канитель по добыванію безчисленнаго количества визъ черезъ тѣ новыя клѣточки, которыя къ тому времени самообразовались въ центральной Европѣ. Самое путешествіе было продолжительное и тоскливое, но совершалось еще въ условіяхъ прежняго комфорта. Изъ Парижа возобновили къ началу марта свои рейсы Orient express, доходя, однако, не до Константинополя, а только до Бухареста, откуда можно было проѣхать черезъ Галацъ пароходомъ въ Одессу. Проходъ этого поѣзда былъ обставленъ нѣкоторыми предосторожностями, свидѣтельствовавшими о тѣхъ глубокихъ потрясеніяхъ, которыя вызвала война во всѣхъ европейскихъ странахъ. Шелъ онъ въ сопровожденіи небольшой военной команды и былъ даже вооруженъ пулеметомъ: утверждали, что въ предѣлахъ Австріи и Трансильваніи были случаи вооруженнаго на него нападенія, но съ чьей стороны они производились, оставалось неизвѣстнымъ. Въ составѣ поѣзда былъ цѣлый вагонъ съ провизіей, такъ какъ по пути раздобыть пищевые продукты не было возможности. Въ пути онъ былъ пять сутокъ, но неизмѣнно опаздывалъ часовъ на 12, а то и на сутки. За исключеніемъ безчисленныхъ осмотровъ документовъ, и багажа, мы однако никакихъ ни приключеній, ни стѣсненій не испытали.

Проѣзжая черезъ Вѣну, мы могли удостовѣриться, до какой степени этотъ до войны столь оживленный городъ положительно вымеръ. На улицахъ не видно было ни одного экипажа, да и пѣшеходы насчитывались единицами. Острый недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ былъ также явственно замѣтенъ. Буфеты на большихъ станціяхъ въ предѣлахъ б. Австрійской имперіи были либо закрыты, либо почти совершенно пусты. Поражали тѣ многочисленныя разрушенія, которыя произвела война въ Трансильваніи и сѣверной Румыніи, хотя на фронтѣ этомъ никакого существеннаго отпора наступающему врагу храбрые румыны, ворвавшіеся было въ Трансильванію, не оказали. Въ довольно обширной полосѣ всѣ станціи были разрушены, лѣса выжжены, а разбросанныя по пути отдѣльныя постройки артиллерійскимъ огнемъ превращены въ груды камней и мусора.

Бухарестъ оказался по какимъ то непонятнымъ причинамъ переполненъ, а сами румыны были, повидимому, озабочены лишь однимъ — создать пребываніе у нихъ сколь можно болѣе непріятнымъ, причемъ, разумѣется, объектомъ наибольшихъ придирокъ и непріятностей были мы, русскіе. Русскихъ они не только не впускали безъ спеціальныхъ визъ, но даже не выпускали безъ особыхъ разрѣшеній. Одновременно лишь съ величайшимъ трудомъ добивалась наша военная миссія въ Бухарестѣ, возглавленная бывшимъ главнокомандующимъ нашимъ юго-западнымъ фронтомъ генераломъ Щербачевымъ, отпуска въ ея распоряженіе для отправки въ добровольческую армію хотя бы малой части того огромнаго военнаго имущества, которое принадлежало этому фронту и было цѣликомъ захвачено румынскимъ правительствомъ. Уступали румыны часть этого имущества лишь подъ воздѣйствіемъ представителей Франціи, которые въ этомъ отношеніи намъ дѣятельно помогали. Но недостаточно было вырвать у румынъ часть намъ же принадлежащаго оружія, медикаментовъ и т. д., надо было еще добыть вагоны для его доставки въ ближайшій черноморскій портъ, откуда онъ направлялся моремъ въ Новороссійскъ, и тутъ вновь приходилось преодолѣвать милліонъ сознательно чинимыхъ препятствій.

Еще по пути въ Бухарестъ циркулировали въ нашемъ поѣздѣ зловѣщіе слухи, что Одесса уже эвакуирована, что тѣ чернокожія французскія войска и греческія части, которыя наконецъ туда были присланы, уже отозваны, и Одесса во власти большевиковъ.

Прибывъ въ Бухарестъ, я еще на станціи отъ случайно тамъ встрѣченнаго мною нашего посланника узналъ, что свѣдѣнія эти невѣрны и, разумѣется, обрадовался. Увы, радость моя была кратковременная. На другой же день изъ весьма достовѣрнаго источника я узналъ, что французское правительство рѣшило эвакуировать Одессу въ ближайшій срокъ, что несомнѣнно обусловитъ захватъ этого города большевиками. Свѣдѣніе это мнѣ было передано въ столь категорической формѣ, что если бы не то, что въ Одессѣ находилась моя семья (такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, на дѣлѣ она была въ Ялтѣ), которую я надѣялся вывезти изъ превратившейся въ застѣнокъ cara patria, я бы туда вовсе не поѣхалъ. При данныхъ условіяхъ свѣдѣніе это лишь побудило меня ускорить мой отъѣздъ туда, что мнѣ наконецъ и удалось.

Въ отвратительномъ вагонѣ, окна коего были сплошь разбиты, двигаясь черепашьимъ шагомъ, добрался я до Галаца. Сообщеніе съ Одессой здѣсь поддерживалъ крошечный и прескверный русскій пароходишко, носящій имя какого то адмирала — плоскодонка, снабженная фальшивымъ килемъ. На этомъ суденышкѣ, переполненномъ пассажирами, послѣ бурнаго морского перехода, вывернувшаго ѣхавшимъ всѣ внутренности, добрался я приблизительно черезъ сутки въ Одессу.

Въ Одессѣ я засталъ приблизительно ту же картину, которую оставилъ тамъ мѣсяца за три передъ тѣмъ, а именно ту же Лондонскую гостиницу, гудѣвшую съ утра до поздняго вечера безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ обломковъ прежняго строя, стекшихся сюда изъ различныхъ мѣстностей Россіи. По прежнему здѣсь былъ центръ общественной, опредѣленно бѣженскаго характера жизни. Петроградскій бомондъ, гвардейское офицерство, множество южныхъ землевладѣльцевъ, представители мѣстнаго искони космополитическаго общества, былые крупные и средніе чиновники, спекулянты, банкиры, дамы полусвѣта, все здѣсь перемѣшалось и даже слилось. Здѣсь многіе проводили за явствами и питіемъ долгіе часы; здѣсь изобрѣтались, передавались и распространялись весьма противорѣчивые, но преимущественно оптимистическаго свойства разнообразные слухи, среди которыхъ внезапно раздавались паническія ноты.

Эти двѣ крайности были типичной чертой бѣженской жизни, бѣженской психологіи. Между «громъ побѣды раздавайся» и «ратуйте» переходныхъ степеней не было. Въ общемъ же жилось весело и безпечно. Деньги, казалось, утратили всякую цѣнность. Въ мѣстномъ клубѣ, воспринявшемъ въ свою среду многочисленныхъ бѣженцевъ изъ столицъ, оживленіе царствовало съ утра. Группа гурмановъ затѣяла устройство особо тонкихъ гастрономическихъ обѣдовъ, оплачиваемыхъ какой то фантастической суммой. Шла безумная игра, даже принимая въ разсчетъ обезцѣненіе денежныхъ знаковъ: проигрывались въ одну ночь десятки тысячъ украинскихъ, да и сохранившихъ еще цѣнность Романовскихъ денегъ. Появились, разумѣется, игорные и иные притоны, учрежденные и состоявшіе въ завѣдываніи людей съ совершенно инымъ и, казалось бы, не соотвѣтствующимъ этому промыслу прошлымъ. На роляхъ крупье видны были офицеры, украшенные боевыми знаками отличія, на роляхъ соблазнительницъ еще вчера безукоризненныя женщины. Нищета разоренныхъ еще столь недавно состоятельныхъ, а не то и богатыхъ людей уже явственно проступала. На улицѣ встрѣчались знакомые, которымъ Лондонская и ей подобныя гостиницы уже были недоступны: они ютились чуть не по постоялымъ дворамъ и по снимаемымъ въ частныхъ квартирахъ отдѣльнымъ комнатамъ.

Новымъ являлись въ Одессѣ спекуляція и иноземныя войска. Спекуляціей занимались въ той или иной формѣ рѣшительно всѣ, кто только могъ. Спекулировали на иностранной валютѣ, спекулировали товарами, въ томъ числѣ и продовольственными, едва ли не въ особенности сахаромъ, взятымъ на учетъ, но все же какимъ то таинственнымъ путемъ исчезавшимъ и вывозимымъ.

Что касается иноземныхъ войскъ, то они отличались грубостью, разнузданностью и полнымъ нежеланіемъ сражаться. Чернокожія хари разгуливали по приморскому бульвару и выглядывали изъ всѣхъ оконъ б. дворца командующаго войсками округа, который они сразу привели въ совершенно безобразный видъ. Убранство этого дома, нѣкогда принадлежавшаго фавориткѣ Александра I Маріи Антоновнѣ Нарышкиной и купленнаго впослѣдствіи извѣстнымъ поставщикомъ нашей арміи въ Севастопольскую кампанію Волошинымъ, отъ котораго онъ перешелъ, по предъявленнымъ къ нему искамъ, въ казну, — отличалось рѣдкимъ вкусомъ и богатствомъ. Убранство это, сильно попорченное соединенными усиліями различныхъ перебывавшихъ уже въ Одессѣ властей, было окончательно испакощено чернокожими, присланными Франціей избавить Россію отъ бѣлыхъ варваровъ. «Ну и избавители» — говорили одесситы, шарахаясь при встрѣчѣ съ нами въ сторону.

Русская власть въ Одессѣ за мое отсутствіе дважды перемѣнилась. Первоначально, скоро послѣ нашего отъѣзда за границу, захватили Одессу петлюровцы, но продержались они не долго. Появились добровольцы и, опираясь на прибывшія французскія военныя суда, петлюровцевъ выгнали, но сами завести порядокъ не сумѣли. Во главѣ добровольцевъ былъ поставленъ генералъ Колчаковскаго производства Гришинъ-Алмазовъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Сибири. Обладая несомнѣнной энергіей и нѣкоторыми организаціонными способностями, онъ былъ авантюристъ въ душѣ и къ сожалѣнію отличался необузданными страстями. Этимъ страстямъ, попавъ въ главенствующее положеніе въ Одессѣ, онъ далъ полную волю. Предался онъ совершенно недопустимымъ оргіямъ и тѣмъ утратилъ всякое обаяніе, какъ въ городѣ, такъ и передъ французскимъ командованіемъ прибывшихъ въ Одессу союзныхъ войскъ. Другой представитель добровольческой арміи, назначенный начальникомъ тыла и снабженія (фамиліи не припомню), держался лично вполнѣ

безупречно, но не обладалъ должной энергіей и вовсе не былъ на высотѣ порученнаго ему дѣла.

Перебравшійся изъ Кіева въ Одессу совѣтъ государственнаго національнаго объединенія, сговорившись предварительно съ французскимъ командованіемъ, причемъ инціатива шла, повидимому, отъ послѣдняго, рѣшилъ смѣнить командованіе русскими войсками и областью и, опираясь на французовъ, предложилъ Гришину-Алмазову и начальнику тыла выѣхать изъ Одессы, сдавъ командованіе генералу А. В. Шварцу — славному защитнику Ивангородской крѣпости. Смѣна эта отнюдь не должна была обозначить разрыва съ добровольческой арміей и обусловливалась исключительно непригодностью назначенныхъ ею въ Одессу начальствующихъ лицъ. Предварительный сговоръ съ Добровольческой арміей не представлялся возможнымъ за дальностью разстоянія и необходимостью принять рѣшеніе по этому дѣлу незамедлительно. Дабы разъяснить причины этой спѣшки и сгладить могущія произойти по этому поводу тренія съ Добровольческой арміей названный совѣтъ командировалъ въ штабъ арміи своего предсѣдателя барона Меллера и одного изъ своихъ членовъ Н. В. Савича.

Командованіе Добровольческой арміей признало тѣмъ не менѣе произведенную смѣну за открытый бунтъ и недопустимое умаленіе ея авторитета. Не только не пожелало оно санкціонировать назначеніе генерала Шварца, но возгорѣлось открытой ненавистью къ нему, принявшей впослѣдствіи, послѣ эвакуаціи Одессы, совершенно недопустимыя формы. Управленіе Добровольческой арміей не остановилось даже передъ взведеніемъ на генерала Шварца совершенно необоснованныхъ обвиненій и даже обратилось къ константинопольскимъ англійскимъ властямъ съ просьбой выслать, «именующаго себя командующимъ войсками эвакуированными изъ Одессы» генерала Шварца изъ Константинополя, предварительно отобравъ отъ него будто бы вывезенныя имъ изъ Одессы огромныя казенныя суммы. Между тѣмъ суммы эти — въ общемъ незначительныя — нѣсколько милліоновъ украинскихъ рублей и очень незначительное количество иностранной валюты, преимущественно австрійской, къ тому же въ негодныхъ мелкихъ купюрахъ — расходовались не генераломъ Шварцемъ, а особой коллегіей, по ордерамъ министра финансовъ той же Добровольческой арміи М. В. Бернацкаго, случайно находившагося въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи и выѣхавшаго вмѣстѣ съ штабомъ одесскихъ войскъ въ Константинополь.

Эта, скажу не обинуясь, позорная страница политической дѣятельности Добровольческой арміи мнѣ въ точности извѣстна, такъ какъ я былъ включенъ въ тотъ совѣтъ, который вѣдалъ дѣлами одесской арміи послѣ ея эвакуаціи изъ Одессы и посему былъ въ курсѣ всей возбужденной Добровольческой арміей по поводу генерала Шварца перепиской. Вызвала она во мнѣ глубокое возмущеніе.

Обращеніе къ иностранной державѣ съ ничѣмъ необоснованнымъ и, слѣдовательно, по существу клеветническимъ обвиненіемъ доблестнаго боевого русскаго генерала и стремленіе иноземными руками развѣнчать и даже покарать начальника значительныхъ русскихъ боевыхъ силъ ради удовлетворенія мелкаго личнаго самолюбія — было дѣйствіемъ и не политичнымъ, и глубоко антипатріотическимъ, да къ тому же и безцѣльнымъ, ибо никакихъ реальныхъ результатовъ дать не могло. Французское командованіе въ Константинополѣ, на распоряженіе котораго англійское командованіе передало полученную имъ изъ Добровольческой арміи просьбу о насильственномъ лишеніи генерала Шварца власти надъ вывезенными изъ Одессы офицерскими кадрами и объ его личной высылкѣ изъ предѣловъ нахожденія этихъ

кадровъ, переслало эту просьбу генералу Шварцу, прося его дать по ея поводу нужныя объясненія.

Подавивъ ту личную обиду, которую онъ не могъ не чувствовать, и думая лишь объ одномъ, о соблюденіи чести и достоинства начальниковъ русской арміи, Шварцъ во всемъ этомъ прискорбнѣйшемъ инцидентѣ выказалъ исключительное благородство и большой политическій тактъ. Онъ воздержался отъ всякой квалификаціи предъявленнаго ему клеветническаго обвиненія и какихъ либо отвѣтныхъ обвиненій, а ограничился указаніемъ, что отношеніе, — ему пересланное, результатъ, очевидно, недоразумѣнія, происшедшаго вслѣдствіе удаленности и разобщенности Одессы съ центромъ управленія русской арміи, придавшимъ вѣру дошедшимъ до него слухамъ, неизбѣжно возникающимъ при наличности тѣхъ условій, которыя существовали въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи.

Этимъ фактически весь инцидентъ и ограничился, что не помѣшало однако управленію Добровольческой арміи, получившему по всему этому дѣлу подробное сообщеніе отъ своего же министра финансовъ М. В. Бернацкаго, продолжать всемѣрно преслѣдовать генерала Шварца и даже циркулярно извѣстить всѣхъ дипломатическихъ представителей старой русской государственности за границей о невыдачѣ Шварцу никакихъ удостовѣреній, необходимыхъ для свободнаго передвиженія, т. е. для полученія иностранныхъ визъ.

Что до Добровольческой арміи дошли слухи, что Шварцъ вывезъ изъ Одессы значительныя суммы и притомъ въ валютѣ — несомнѣнно. Происхожденіе этихъ слуховъ слѣдующее. Въ Одессѣ за нѣсколько времени до эвакуаціи была затѣяна какъ всегда по существу безрезультатная борьба съ спекулирующими иностранной валютой, что вело къ вящшему обезцѣненію мѣстныхъ бумажныхъ денегъ. Въ спекуляціи были обвинены нѣсколько мѣстныхъ банкировъ, причемъ сами они были арестованы, а хранившіяся въ ихъ сейфахъ принадлежавшія имъ суммы въ иностранной валютѣ секвестрованы. Суммы эти при выѣздѣ изъ Одессы были перевезены на пароходъ, на которомъ выѣзжалъ генералъ Шварцъ со своимъ штабомъ. На пути къ Константинополю эти же суммы были при непосредственномъ участіи Бернацкаго, его товарища Курилло и завѣдующаго контрольной частью Ильяшенко-Синяговскаго, пересчитаны, запечатаны и сложены въ несгораемое помѣщеніе парохода, къ которому приставленъ офицерскій караулъ. Оказалось этихъ суммъ немного болѣе 800 тысячъ франковъ золотомъ.

Наличность на пароходѣ суммъ въ золотой валютѣ, конечно, скоро стала извѣстна всѣмъ находившимся на немъ, число коихъ превышало 1200 человѣкъ, причемъ размѣръ этихъ суммъ во время морского перехода въ представленіи ѣдущихъ все увеличивался. Говорили сначала о нѣсколькихъ милліонахъ, затѣмъ уже о десяткахъ милліоновъ и, наконецъ, о многихъ сотняхъ. Слухи эти, къ сожалѣнію, разожгли аппетиты нѣкоторой части ѣдущихъ, и появилась даже кучка негодяевъ, агитировавшихъ за завладѣніе этими суммами ѣдущимъ офицерствомъ и ихъ раздѣлѣ между собой. Дошло до того, что написали соотвѣтствующее воззваніе и расклеили по трюмамъ, гдѣ ютилась превратившаяся въ бѣженцевъ офицерская масса. Дѣло грозило принять самый нежелательный оборотъ. Удержать дисциплину среди физически изстрадавшейся и, увы, нравственно расшатанной массы было не легко. Соблазнъ былъ несомнѣнно великъ. Усиливался онъ еще тѣмъ, что на томъ же пароходѣ ѣхали нѣкоторые одесскіе банкиры, везшіе по слухамъ тоже большія цѣнности, принадлежащія ихъ банкамъ. Зашла рѣчь и объ ихъ отобраніи на томъ основаніи, что цѣнности эти принадлежатъ не самимъ банкирамъ, а кліентамъ ихъ банковъ; банкиры суммы эти несомнѣнно присвоятъ себѣ лично, а посему справед-

ливѣе ихъ тоже распредѣлить. Разсужденіе довольно специфическое, хотя, насколько основная посылка была невѣрна, трудно сказать: привлечь къ суду банкировъ, вывезшихъ кліентскія суммы, въ виду того, что банки ихъ несомнѣнно большевиками были впослѣдствіи ограблены, не представится никакой возможности. Обстоятельство это не давало, разумѣется, права третьимъ лицамъ присвоить находившіяся у банкировъ суммы себѣ.

Во время принятыми мѣрами и, конечно, прежде всего благодаря безусловной порядочности преобладающаго большинства сосредоточеннаго на суднѣ офицерства агитація эта не имѣла успѣха и не привела ни къ какимъ послѣдствіямъ.

По высадкѣ на островъ Халки, куда французскія власти законопатили прибывшіе изъ Одессы воинскіе кадры, секвестрованныя суммы были вновь пересчитаны и сданы Бернацкимъ въ Оттоманскій банкъ на храненіе на совокупное имя русскаго представителя въ Константинополѣ и командующаго Добровольческой арміей, впредь до разбора дѣла о степени отвѣтственности собственниковъ этихъ суммъ. Послѣдніе тоже прибыли въ Константинополь и всячески добивались возврата имъ ихъ денегъ. Съ своей стороны я признавалъ произведенную секвестрацію незаконной и полагалъ, что секвестрованныя суммы должны быть по-просту возвращены ихъ собственникамъ. Состоявшій при Шварцѣ совѣтъ, отъ котораго, какъ я уже упоминалъ, зависѣло разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежными ассигнованіями и вообще общаго значенія, высказался за предоставленіе разрѣшенія этого вопроса суду, не указавъ, однако, какому. Что стало впослѣдствіи съ этими суммами, поступили ли онѣ въ кассу Добровольческой арміи или были возвращены ихъ собственникамъ, я точно не знаю, слышалъ же я, что въ конечномъ результатѣ собственники добились ихъ возвращенія.

Какъ бы то ни было, въ теченіе нѣкотораго времени управленіе Добровольческой арміей могло добросовѣстно заблуждаться на счетъ присвоенія генераломъ Шварцемъ какихъ то несчастныхъ капиталовъ, но заблужденіе это могло продолжаться только до полученія разъясненія его же агента — Бернацкаго, а посему всѣ дальнѣйшіе предпринимавшіеся противъ Шварца шаги были столь же недобросовѣстны, какъ въ высшей степени безтактны.

Возвращусь однако къ Одессѣ и тому положенію, въ которомъ я ее засталъ. Какъ я уже сказалъ, она веселилась и ... спекулировала, веселилась настолько, что на умъ приходили стихи:

«Пусть тѣшится младое племя!
Внезапно средь его утѣхъ
Прогрянетъ черни ревъ голодный
И предъ анаѳемой народной
Утихнетъ наглый этотъ смѣхъ.»

На мое заявленіе, что по полученнымъ мною опредѣленнымъ свѣдѣніямъ Одесса будетъ на дняхъ французами эвакуирована, отвѣчали тѣмъ же смѣхомъ.

«Какъ можетъ это быть, говорили одесситы, какъ постоянные, такъ и заброшенные туда ходомъ событій, когда всего за два дня до вашего пріѣзда пріѣзжали въ Одессу изъ Константинополя генералъ Franchet d'Esperey, а изъ Бухареста командующій французскимъ войсками въ Румыніи генералъ Berthelot и торжественно заявили, что количество союзныхъ войскъ, находящихся въ Россіи, будетъ въ ближайшее время значительно увеличено.

Увѣренъ въ этомъ былъ и генералъ Шварцъ, переживавшій въ эти дни тяжелое время. Большевики напирали со всѣхъ сторонъ, число русскихъ воинскихъ элементовъ было незначительно — всего лишь нѣсколько тысячъ, преимущественно

офицеровъ, а союзныя войска оказывали лишь слабое сопротивленіе наступающему противнику. Тѣмъ не менѣе ихъ присутствіе имѣло рѣшающее въ психологическомъ отношеніи значеніе. Внушали противнику спасительный страхъ и стоявшія на рейдѣ военныя суда, не помню, какія именно, но однако достаточно большія, чтобы принять на бортъ всѣ имѣвшіяся въ районѣ Одессы союзныя войска. Шварцъ былъ лихорадочно занятъ формированіемъ при помощи имѣющихся кадровъ новыхъ воинскихъ частей, пополняемыхъ путемъ набора, и дѣло это продвигалось весьма успѣшно: еще двѣ-три недѣли и русскія воинскія части, защищавшія подступы къ Одессѣ, представили бы мощную силу. Командующій союзными войсками — французскими сингалезцами и греческими батальонами — совокупная численность коихъ, если не ошибаюсь, достигала 10-12 тысячъ — генералъ Ансельмъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ Шварцемъ и оказывалъ ему полное содѣйствіе въ трудномъ дѣлѣ.

Словомъ, все предвѣщало скорое наступленіе лучшихъ временъ и оправдывало оптимизмъ одесситовъ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ моего возвращенія, какъ среди этого кажущагося благополучія разнесся грозный слухъ, что по распоряженію изъ Парижа союзныя войска на дняхъ покинутъ Одессу. Слухъ этотъ разнесся съ быстротой молніи и тотчасъ вызвалъ всеобщую панику. Напрасно, надѣясь сдержать панику и произвести неизбѣжную при этихъ условіяхъ эвакуацію сколь возможно спокойнѣе и планомѣрнѣе, генералъ Шварцъ утверждалъ въ своихъ объявленіяхъ, что положеніе Одессы безопасное.

Началось снятіе союзныхъ войскъ съ занимавшихся ими позицій и стягиваніе ихъ въ Одессу для послѣдующей посадки на суда, а также ихъ постепенный уходъ по береговой полосѣ въ Румынію. Самъ генералъ Шварцъ былъ вынужденъ скоро перенести свое и своего штаба мѣстопребываніе изъ центра города на Приморскій бульваръ, гдѣ реквизирована была съ этой цѣлью все та же Лондонская Гостиница, постояльцы которой вынуждены были переселиться въ другія уже переполненныя гостиницы города. Переѣздъ этотъ былъ вызванъ необходимостью сосредоточить всю оборону города поблизости къ порту, подъ защиту стоящихъ на рейдѣ союзныхъ военныхъ судовъ. [1])

Безобразнымъ былъ не самый фактъ эвакуаціи, а та молніеносная спѣшность, съ которой она была произведена, вслѣдствіе чего русскія войска лишены были всякой возможности организовать самостоятельную защиту Одессы. Это вполнѣ сознавали мѣстные французскіе военноначальники Ансельмъ и даже Franchet d'Esperey и въ разговорѣ съ русскими проявляли по этому поводу большое смущеніе.

Тѣмъ временемъ, буржуазія бросилась за полученіемъ визъ на проѣздъ въ Западную Европу. Выдавались эти визы штабомъ генерала Ансельма, и фактически вѣдалъ этимъ дѣломъ начальникъ этого штаба полковникъ Fredemberg, уже успѣвшій создать себѣ весьма незавидную репутацію. Вызвалъ онъ къ себѣ своей заносчивостью и грубостью общую ненависть и почитался за отъявленнаго взяточника. Дѣйствительно безъ взятки, какъ утверждали въ Одессѣ, невозможно было получить разрѣшеніе на все, что находилось въ зависимости отъ согласія францз-

---

[1]) Произведенная по распоряженію изъ Парижа спѣшная эвакуація изъ Одессы французскихъ и греческихъ войскъ была очевидно вызвана происшедшимъ не задолго передъ тѣмъ возмущеніемъ части команды на двухъ французскихъ броненосцахъ, стоявшихъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Возмущеніе это испугало французское правительство до крайности. Оно убѣдилось въ заразительности большевизма и рѣшило увести свои войска подальше отъ источника заразы. Винить въ этомъ Францію не приходится. Каждое государство обязано прежде всего охранять свои жизненные интересы.

скаго командованія. Что за выдачу визъ Fredemberg взималъ весьма крупную мзду, не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ лично извѣстенъ случай оплаты визы для двухъ лицъ 50 тысячами романовскихъ рублей, что составляло въ то время примѣрно 12 тысячъ франковъ. Любопытнѣе всего, что эти визы оказались совершенно недѣйствительными. Французскія власти въ Константинополѣ ихъ не признавали, причемъ и сами ихъ выдавали лишь по полученіи для каждаго отдѣльнаго лица разрѣшенія изъ Парижа — яркій примѣръ французской мертвящей централизаціи и недовѣрія къ своимъ мѣстнымъ даже столь крупнымъ, какъ ихъ верховные комиссары, агентамъ. [1])

Одновременно съ переѣздомъ Шварца въ Лондонскую гостиницу началась тамъ же запись и выдача свидѣтельствъ для посадки на тѣ или иныя имѣющіяся въ порту суда, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ должны были идти въ Крымъ—Ялту—Севастополь, не подозрѣвая, что тамъ тоже идетъ эвакуація, производившаяся англичанами, нѣкоторыя — въ Новороссійскъ и, наконецъ, нѣкоторыя — въ Константинополь. Офицерству, распредѣленіе коего происходило особымъ порядкомъ, предоставлено было право выбора направленія, при чемъ отчасти благодаря возникшимъ пререканіямъ между одесскимъ командованіемъ и Добровольческой арміей, отчасти вслѣдствіе огромной нравственной усталости, большинство предпочло временно выйти изъ игры и направиться въ Константинополь, а многіе лелѣяли надежду перебраться оттуда на Дальній Востокъ и вступить въ ряды арміи Колчака. Ту же надежду питалъ и генералъ Шварцъ.

Со дня на день Лондонская гостиница совершенно измѣняла свою физіономію. Безпрерывной лентой направилась туда буржуазія и вообще гражданское населеніе, желавшее покинуть Одессу. Для многихъ непричастныхъ ни къ какой политикѣ и притомъ не имѣющихъ наличныхъ средствъ для существованія въ чужой странѣ такое рѣшеніе было подсказано охватившей городъ стихійной паникой и бросило ихъ въ пучину такихъ лишеній и страданій, которыя они едва ли бы испытали въ большей степени, оставаясь въ Одессѣ.

Въ Лондонскую гостиницу приходили и толкались въ обширномъ ея вестибюлѣ самыя разнообразныя лица, о присутствіи которыхъ въ Одессѣ я, по крайней мѣрѣ, и не подозрѣвалъ. Среди нихъ было множество петроградцевъ, уже настолько лишенныхъ средствъ существованія, что это сказывалось не только на ихъ платьѣ и обуви, но даже и на ихъ лицахъ. Появились тутъ внезапно и какіе то наряженные въ театральные костюмы петлюровскіе офицеры. Оказалось, что они пришли неизвѣстно какими путями съ предложеніемъ войти въ союзъ съ гдѣ то еще имѣющимися отрядами Петлюры для совмѣстной охраны Одессы отъ большевиковъ.

Совѣту національнаго объединенія, въ составъ котораго я входилъ, была обѣщана французскимъ командованіемъ выдача визъ во Францію для всѣхъ его членовъ. Однако, отправившійся съ этой цѣлью въ соотвѣтствующее бюро одинъ изъ нашихъ сочленовъ даже не могъ туда проникнуть вслѣдствіе той толпы, которая

---

[1]) Слухи о взяточничествѣ Fredemberg'а дошли и до французскаго правительства и, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что сей грабитель тотчасъ по прибытіи въ Константинополь вышелъ въ отставку и открылъ тамъ же, очевидно на награбленныя деньги, банкъ, признало нужнымъ произвести по этому поводу разслѣдованіе, которое за отсутствіемъ жалобщиковъ и уликъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Производившій разслѣдованіе графъ Шевельи, которому французское правительство благодаря его русскимъ связямъ давало различныя порученія, касающіяся Россіи, мнѣ даже говорилъ, что изъ произведеннаго имъ разслѣдованія у него получилось убѣжденіе, что всѣ навѣты на Fredemberg'а ни на чемъ не основаны, съ чѣмъ я однако позволилъ себѣ не согласиться.

его осаждала. Тогда я рѣшилъ отправиться непосредственно въ самый штабъ генерала Ансельма, помѣщавшійся тутъ же на приморскомъ бульварѣ, въ реквизированной имъ Петербургской гостиницѣ, но тамъ я засталъ полный хаосъ. Проникнуть туда было весьма легко, но найти тамъ соотвѣтствующее лицо весьма затруднительно. Блуждая по комнатамъ, занятымъ штабомъ, впрочемъ въ большинствѣ пустынымъ, я наконецъ набрелъ на какого то русскаго офицера, являвшагося офицеромъ связи.

Во время моего разговора съ нимъ въ комнату вошелъ какой то маленькій коренастый французскій офицеръ совершенно не французскаго типа, и рѣзко меня спросилъ, что мнѣ надо, и на мое указаніе моего дѣла объяснилъ мнѣ въ грубой формѣ, что исполнить онъ этого не можетъ. Не имѣя понятія, съ кѣмъ я имѣю дѣло, и видя передъ собой образчикъ французскаго грубаго высокомѣрія (куда дѣвалась былая politesse gauloise?), я не постѣснялся ему въ повышенномъ тонѣ указать на совершенную недопустимость подобнаго обращенія, причемъ добавилъ нѣсколько нелестныхъ словъ относительно всего управленія, возглавляемаго прославившимся въ Одессѣ Фредембергомъ. Въ отвѣтъ на мой выпадъ французскій офицеръ какъ то сразу стушевался, пробормоталъ какія то извиненія и мигомъ исчезъ.

Присутствовавшій при этомъ русскій офицеръ послѣ ухода француза обратился ко мнѣ съ возгласомъ: «Наконецъ то нашелся кто-нибудь, чтобы осадить этого нахала. Давно бы такъ».

— «Да кто это такой?»

— «Какъ, вы не знали. Да это и есть самый полковникъ Fredemberg».

Ясно, что послѣ этого инцидента я прекратилъ всякія хлопоты по полученію визъ, которыя, впрочемъ, какъ я уже упомянулъ, рѣшительно никакого значенія не имѣли.

Недолго продолжалось пребываніе Шварца въ Лондонской гостиницѣ — всего два дня. Еще утромъ въ день посадки бѣженцевъ на суда, возможно было ходить по прилегающимъ къ приморскому бульвару улицамъ, но магазины и банки уже спѣшно запирались, а къ 6 часамъ дня уже почти весь городъ былъ въ рукахъ большевиковъ. Все же приморскій бульваръ и спускъ къ порту, однако лишь черезъ Сабанѣевъ мостъ, былъ еще болѣе или менѣе безопасенъ. Я лично былъ записанъ на транспортъ Шилка, направлявшійся въ Крымъ, куда еще до возвращенія моего въ Одессу выѣхала моя семья, но по приходѣ моемъ на это судно узналъ, что команда его забастовала и никуда двигаться не намѣрена (впослѣдствіи ее наполовину уломала, наполовину принудила огромная скопившаяся на этомъ суднѣ толпа, положеніе которой въ противномъ случаѣ было совершенно безвыходное).

Съ своей стороны я рѣшилъ скрѣпя сердце направиться на какое-либо судно, имѣющее назначеніемъ Константинополь — таковыхъ было четыре, надѣясь уже оттуда при помощи моихъ англійскихъ связей — въ Лондонѣ мнѣ дали новый открытый листъ къ англійскимъ военнымъ властямъ — добраться до Ялты.

Раздумывая, какъ добраться до такого судна — о мѣстѣ ихъ нахожденія я не имѣлъ понятія — я замѣтилъ небольшую кучку народа, толпящуюся въ какой нибудь сотнѣ саженъ отъ меня на томъ же участкѣ обширнаго Одесскаго порта, гдѣ я находился. Наудачу направился къ ней и узналъ, что это пассажиры, записанные на пароходъ «Caucase» и ожидающіе парового баркаса, чтобы доставиться на него: «Кавказъ» стоялъ на рейдѣ, не ошвартованный.

Никакихъ удостовѣреній для перехода на «Кавказъ» я не имѣлъ, но это отнюдь не помѣшало мнѣ безпрепятственно сѣсть по его приходѣ на обслуживавшій

его баркасъ и подъѣхать на немъ къ названному судну. Само собой разумѣется, что могъ я все это продѣлать только благодаря тому, что въ видѣ багажа у меня были лишь два ручные чемоданчика, представлявшіе все оставшееся у меня имущество. Сундукъ съ вещами пришлось бросить въ Одессѣ.

«Кавказъ» оказался огромнымъ французскимъ транспортомъ, перевозившимъ во время войны туземныя войска съ острова Мадагаскара во Францію. Переданный вновь въ частную эксплоатацію, онъ, однако, еще сохранилъ устроенныя на немъ приспособленія для массовой перевозки людей: обширные трюмы его были снабжены устроенными въ нѣсколько этажей нарами. На этомъ суднѣ долженъ былъ отплыть генералъ Шварцъ и его штабъ; на немъ же было посажено множество бѣженцевъ обоего пола и болѣе тысячи офицеровъ.

Взойдя на бортъ «Кавказа», я засталъ на немъ буквально столпотвореніе вавилонское. Не успѣвшіе еще размѣститься по трюмамъ стояли густой толпой на палубѣ, заваленной всевозможнымъ багажомъ. Наступившая темнота и весьма слабое искусственное освѣщеніе парохода въ высшей степени тормазили установленіе какого либо порядка. Въ полумракѣ раздавался плачъ дѣтей, которыхъ было не малое количество и... мычаніе животныхъ; то были волы, тутъ же находившіеся на палубѣ, предназначенные для продовольствія ѣдущихъ. По временамъ между сгрудившимися бѣженцами возникали перебранки, и воздухъ оглашался крѣпкими словцами.

Странное зрѣлище представляла и каютъ-компанія. Ярко освѣщенная, она была сплошь забита народомъ, среди коего я замѣтилъ высшихъ духовныхъ іерарховъ — митрополита Платона, архіепископа кишиневскаго Анастасія и множество священниковъ. Всѣ они скромно помѣстились по стѣнкамъ, а по серединѣ каютъ-компаніи — за столомъ сидѣли и смачно что то ѣли какіе то штатскіе люди экзотическаго типа. Оказалось, что это купцы, почти исключительно греки, пріѣхавшіе въ Одессу изъ Константинополя съ разнообразнымъ товаромъ, надѣясь его выгодно тамъ сбыть. Попали они въ Одессу какъ разъ ко времени ея эвакуаціи, а посему на берегъ даже не были спущены. Это были все платные пассажиры 1-го класса, занявшіе почти всѣ пассажирскія, расположенныя вокругъ каютъ-компаніи, помѣщенія и, конечно, не пожелавшіе ихъ уступить нахлынувшимъ бѣженцамъ, какого бы они званія ни были. Нѣкоторымъ лицамъ все же въ конечномъ результатѣ удалось устроиться въ каютахъ, остальнымъ же наиболѣе привилегированнымъ, не пожелавшимъ помѣститься въ одномъ изъ трюмовъ, было предоставлено право сидѣть въ каютъ-компаніи, конечно, за исключеніемъ обѣденныхъ часовъ, когда мѣста были заняты обѣдающими. Тутъ они просидѣли въ теченіе десяти сутокъ, ни разу не ложась, такъ какъ по прибытіи въ Константинополь насъ на берегъ не спустили, а продержали въ продолжительномъ карантинѣ. Мнѣ лично удалось однако устроиться. Войдя въ частную сдѣлку съ завѣдующимъ хозяйствомъ всего парохода — такъ называемымъ maître d'armes, я за сравнитаельно умѣренную плату получилъ въ мое единоличное пользованіе его собственное просторное и уютное помѣщеніе.

Часамъ къ 12 ночи прибылъ на пароходъ и генералъ Шварцъ, и мы были готовы къ отплытію. Въ это время городъ уже былъ фактически беззащитенъ, и лишь нѣсколько выпущенныхъ по городу выстрѣловъ со стоящаго на рейдѣ французскаго броненосца, повидимому, удерживали вступившихъ въ городъ большевиковъ приблизиться къ порту, а посему притокъ на «Кавказъ» новыхъ бѣженцевъ изъ офицерскаго состава въ теченіе нѣкотораго времени все еще продолжался.

Ночь мы простояли однако на рейдѣ и лишь послѣ разсвѣта подняли якорь. Понемного скрывались въ утреннемъ туманѣ очертанія красавицы русскаго юга —

Одессы. Прошли мимо Малаго и Большого фонтановъ, столь мнѣ знакомыхъ съ давнихъ поръ, и наконецъ, потеряли берегъ изъ вида. Съ тяжелымъ сердцемъ слѣдили мы за тѣмъ, какъ онъ постепенно исчезалъ изъ нашихъ глазъ, и несомнѣнно тѣ же мысли охватили всѣхъ наблюдавшихъ за нимъ съ «Кавказа»: что ждетъ впереди и когда уже назадъ въ разрушенную, загрязненную, заплеванную, но все же безконечно дорогую Родину?

Да, когда же?

Парижъ. Апрѣль 1924 г.

При царскомъ режимѣ

Генерала А. И. Спиридовича

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1884 — 1891 г. г. — Нижегородскій графа Аракчеева Кадетскій Корпусъ. — Первые дни. — Организація. — Директоръ генералъ Завадскій. — Воспитатели. — Поручикъ Нестеровъ. — „Аркашка". — Подполковникъ Рафаловичъ. — Николай Александровичъ Долгорукій. – Неудачный педагогъ. — Бенефисъ. — Ученіе. — Иванъ Петровичъ Долбня и его система. — Законовѣдѣніе и прокуроръ Безе. — Литература. — Физическое воспитаніе. — Музыка, пѣніе и танцы. — Отношеніе къ женщинѣ. — „Конкордія" и „самокаты".

Въ Нижнемъ Новгородѣ, высоко надъ Волгой, почти въ центрѣ стараго Кремля съ его древними кирпичными покрытыми мохомъ стѣнами и башнями, раскинулось покоемъ буро-красное зданіе Аракчеевскаго кадетскаго корпуса. Фасадъ корпуса выходитъ на Кремлевскую площадь, съ кафедральнымъ соборомъ, корпусною церковью и казенными зданіями, одно крыло смотритъ на свой садикъ-плацъ, другое же глядитъ съ высоты Кремля на убѣгающую въ даль Волгу, на разстилающуюся за ней безбрежную даль лѣсовъ и луговъ, на раскинувшіяся у сліянія ея съ Окой село Кунавино и ярмарку. Передъ окнами корпуса — Мининскій скверъ съ памятникомъ-обелискомъ гражданину Минину. У главнаго входа четыре мѣдныя на зеленыхъ деревянныхъ лафетахъ пушки эпохи Александра I-го, съ громадными гербами графа Аракчеева, съ его девизомъ: «безъ лести преданъ».

Корпусъ нашъ былъ основанъ на средства, завѣщанныя графомъ, и находился сперва въ Новгородѣ, откуда и перемѣщенъ въ Нижній Новгородъ.

Богатая Аракчеевская библіотека, множество реликвій графа, его портреты, бюстъ, массивная мѣдная кухонная посуда и тяжеловѣсное столовое серебро съ графскими гербами, — все это ежеминутно напоминало переступавшему порогъ корпуса, кому корпусъ обязанъ своимъ существованіемъ. Въ стѣнахъ этого, строгаго по виду зданія, какъ и въ другихъ кадетскихъ корпусахъ Царской Россіи, тысячи мальчиковъ, преимущественно дѣти военныхъ, подготовлялись къ будущей офицерской службѣ, получая воспитаніе въ духѣ вѣры христіанской и любви къ Царю и Родинѣ.

Съ трепетомъ я перешагнулъ его порогъ осенью 1884 года, явившись въ корпусъ, какъ выдержавшій вступительный экзаменъ.

Новая жизнь, не похожая на домашнюю, охватывала новичка, попадавшаго въ корпусъ. «Кто ты, откуда, кто твой отецъ?» — сыпались со всѣхъ сторонъ вопросы старичковъ. Шли оглядыванія, испытанія; давались щелчки, толчки, затрещины.

Плакать и жаловаться не полагалось. Отвѣтившій толчкомъ на толчокъ, ударомъ на ударъ, сразу пріобрѣталъ уваженіе въ глазахъ кадетъ, хотя и получалъ трепку за подобную дерзость по отношенію старичка. Плаксы, рюмзы, «маменькины сынки» — вызывали насмѣшки, поддразниванія и различныя прозвища.

Но черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріема, разница между новичками и старыми кадетами сглаживалась, самое слово новичокъ — забывалось, и каждый классъ начиналъ новый учебный годъ, какъ маленькая семья, живущая своими правилами и обычаями.

Корпусъ имѣлъ семь классовъ, состоявшихъ каждый изъ двухъ параллельныхъ отдѣленій, и дѣлился на три возраста или роты. Первая рота или старшій возрастъ состояла изъ 7-го и 6-го классовъ и одного отдѣленія 5-го; второе отдѣленіе 5-го, четвертый и одно отдѣленіе 3-го класса, составляли 2-ю роту или средній возрастъ, остальные классы — третью роту или младшій возрастъ. Въ каждой ротѣ былъ свой ротный командиръ въ чинѣ штабъ-офицера, каждое отдѣленіе имѣло своего офицера воспитателя.

Ближе всего къ кадетамъ стояли воспитатели. Они были для кадетъ наставниками, руководителями и замѣняли имъ, какъ могли, близкихъ родныхъ. Въ то время педагогическихъ курсовъ для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые изъ строя офицеры, большей частью сами прошедшіе черезъ кадетскій корпусъ, которые и преподавали дѣтямъ все то хорошее, чѣмъ жила и была крѣпка русская армія.

Подборъ воспитателей въ значительной степени зависѣлъ отъ Директора корпуса. Директоромъ же у насъ былъ генералъ Завадскій, изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи, пажъ по воспитанію, академикъ, умный, образованный, добрый и хорошій человѣкъ. Хорошихъ подбиралъ онъ и воспитателей. Конечно, не всѣ они были опытные педагоги, не всѣ умѣли воспитывать, но всѣ они добросовѣстно старались это дѣлать, понимая, сколь великую роль исполняютъ они относительно русской арміи.

У насъ въ отдѣленіи воспитателемъ былъ сперва дослуживавшій послѣдній годъ своей службы, прежній воспитатель военной гимназіи, а затѣмъ поручикъ Нестеровъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи по мертвымъ петлямъ летчика. Ласковый, добрый, хотя и требовательный, онъ много занимался нами, помогалъ намъ учиться, входилъ въ наши нужды, слѣдилъ, чтобы мы аккуратно писали домой письма. Каждое воскресенье онъ бралъ къ себѣ поочередно въ отпускъ кадетъ, не имѣвшихъ въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и въ его скромной казенной квартиркѣ, за большимъ чайнымъ столомъ, находили мы теплый пріютъ его самого и его милой жены.

Всѣ кадеты очень любили Нестерова. Но онъ былъ боленъ чахоткой и умеръ доведя насъ только до 5-го класса. Мы очень жалѣли его и послѣ него уже никто не могъ замѣнить намъ нашего дорогого воспитателя.

Послѣ похоронъ, каждый изъ насъ, кадетъ его отдѣленія, получилъ отъ его жены фотографію покойнаго съ такою надписью:

«Дарю на память карточку искренно любившаго Васъ воспитателя. Лично же отъ души благодарю Васъ за Вашу любовь вообще и въ особенности за ваше вниманіе, оказанное ему во время болѣзни и доставившее ему много отрадныхъ минутъ.

Л. Нестерова».

Былъ въ одномъ изъ классовъ младшей роты воспитатель подполковникъ Алферьевъ, котораго кадеты прозвали «Аркашкой». Онъ былъ очень строгъ и любимымъ его наказаніемъ воспитанниковъ было ударять ихъ по лбу обручальнымъ кольцомъ, иногда до синяковъ. Щелкалъ онъ сильно, но зато никто изъ воспитателей не помогалъ такъ своимъ кадетамъ учиться, какъ помогалъ «Аркашка». Онъ репетировалъ каждаго малоуспѣшнаго; проходилъ съ классомъ всѣ трудные предметы и его классъ учился отлично и «Аркашку» любили, хотя передъ нимъ дрожали, хотя онъ и давалъ щелчки по лбу.

Въ другомъ классѣ былъ воспитателемъ подполковникъ Рафаловичъ. Высокій, близорукій, съ всклокоченной бородой брюнетъ съ грустными въ очкахъ глазами, всегда задумчивый и бѣдно одѣтый. Онъ велъ свое отдѣленіе какъ лучшій педагогъ. Не было того просвѣтительнаго учрежденія въ городѣ, которое онъ не показалъ-бы своимъ кадетамъ. Сколько экскурсій, прогулокъ сдѣлалъ онъ съ кадетами, сколько книгъ хорошихъ прочиталъ имъ, сколько хорошаго разсказывалъ онъ имъ изъ родной исторіи и про природу. Классъ былъ для него его жизнь, онъ проводилъ въ немъ все свое время. За неопрятную наружность кадеты прозвали его «шмулемъ». Рафаловичъ зналъ это и не обращалъ вниманія и дѣлалъ свое дѣло терпѣливо, настойчиво и съ любовью. И съ какой грустью раставались съ нимъ его кадеты послѣ семилѣтней совмѣстной жизни, съ какою благодарностью вспоминали они его совѣты уже позже, сдѣлавшись офицерами.

А кто изъ старыхъ Аракчеевцевъ не помнитъ подполковника Николая Александровича Долгорукаго, этого полнаго, съ большими опущенными усами, ласковаго, какъ отецъ родной, старика, который служилъ чуть-ли не съ основанія корпуса, былъ его живой хронологіей и дослуживалъ при насъ послѣдніе годы.

На его дежурствѣ въ младшей ротѣ дежурная комната всегда была набита кадетами. Онъ былъ облѣпленъ малышами, которые взлѣзали ему на колѣни, вынимали у него шашку изъ ноженъ, трогали ордена, разспрашивали, за что полученъ каждый крестъ, каждая медаль, и старикъ бесѣдовалъ съ кадетами какъ близкій родной человѣкъ. Приносившіяся ему изъ дому въ дежурную комнату къ чаю конфеты, варенье, печенье — мигомъ расхватывались и разъѣдались кадетами. Его никто не звалъ иначе какъ Николай Александровичъ; титулъ «господинъ подполковникъ» къ нему не шелъ. Старшіе кадеты любили его не меньше маленькихъ, и у нихъ къ этой любви примѣшивалось уже и чувство уваженія къ почтенному дивной души человѣку.

Были, конечно, и недалекіе воспитатели, но они какъ-то быстро испарялись. Одинъ штабсъ-капитанъ саперъ, назначенный къ намъ въ отдѣленіе послѣ смерти Нестерова, додумался читать намъ вслухъ «Бурсу» Помяловскаго. Мы веселились отъ души, слушая чтеніе, но послѣ ухода воспитателя продѣлывали въ классѣ на практикѣ все, что продѣлывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькіе и большіе, дѣлали «смази всеобщія», «вѣшали соль», продѣлывали и многое другое. Но этотъ воспитатель, хотя и съ ученымъ кантомъ, являлся печальнымъ исключеніемъ и вскорѣ оставилъ корпусъ. Время его воспитательства осталось у насъ въ памяти какимъ-то сумбурнымъ. Его подлаживанія къ намъ, скабрезные разсказы съ цѣлью понравиться, достигали обратныхъ результатовъ. Мы не любили его, мы понимали, что онъ дѣлаетъ многое, чего не долженъ былъ дѣлать.

Нѣкоторыхъ особенно нелюбимыхъ воспитателей иногда «проучали», что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Такъ, когда мы были въ старшей ротѣ, былъ тамъ въ выпускномъ классѣ подполковникъ С. Онъ не ладилъ съ кадетами, дѣлалъ часто

гадости, и его настолько не любили, что рѣшились однажды проучить всей ротой. Было рѣшено, что на дежурствѣ С. рота не отвѣтить ему утромъ на его привѣтствіе. Распоряженіе шло отъ старшаго класса и было обязательно для всѣхъ.

И вотъ, когда онъ, выйдя къ ротѣ утромъ, обратился: «здравствуйте господа» — ему отвѣтили могильнымъ молчаніемъ. Три раза повторилъ С. привѣтствіе и три раза рота молчала. Скандалъ былъ колоссальный. Старшій классъ пострадалъ очень сильно: нѣсколько человѣкъ было исключено. Случай этотъ, конечно, не могъ не отразиться на службѣ того воспитателя; его перевели въ младшую роту.

Научное образованіе въ корпусѣ было поставлено основательно. Преподаватели относились къ дѣлу добросовѣстно, учили хорошо, провѣряли знанія строго, и въ результатѣ, кадеты пріобрѣтали дѣйствительныя познанія въ предѣлахъ программы. Слабѣе другихъ предметовъ были поставлены языки. Учили кадетъ французскому и нѣмецкому, но учили шаблонно: заучивали слова, проходили грамматику, но говорить на иностранныхъ языкахъ не выучивались, кто-же поступалъ въ корпусъ, владѣя этими языками, тотъ уходилъ изъ корпуса, разучившись говорить на нихъ.

Былъ между нашими преподавателями одинъ небезынтересный типъ, немного «красный», какъ говорили тогда, котораго мы звали «Иванъ Петровъ». Тучный, здоровый, съ полнымъ бритымъ лицомъ, медленной походкой и громкимъ голосомъ, онъ преподавалъ физику и космографію.

Онъ любилъ острить съ кадетами надъ начальствующимъ персоналомъ, разсказывалъ на урокахъ, что происходило на педагогическихъ комитетахъ, кто изъ воспитателей подавалъ голосъ противъ кадетъ, кто за и т. д. Разговаривая съ классомъ, онъ часто не слушалъ, какую чушь несъ отвѣчавшій у классной доски кадетъ, и обращалъ на него вниманіе только тогда, когда тотъ, добравшись до конца выкрикивалъ: «что и требовалось доказать», и ударялъ крѣпко мѣломъ по доскѣ. Иванъ Петровъ тогда оглядывался, смотрѣлъ въ упоръ на отвѣчавшаго и медленно произносилъ «ступай, садись», и ставилъ хорошій балъ, причемъ, ставя, говорилъ, какъ бы про себя — «болваны».

Въ одинъ изъ подобныхъ отвѣтовъ, когда Иванъ Петровъ былъ особенно въ ударѣ и, разговаривая и смѣясь съ кадетами, уже совершенно не слушалъ, что отвѣчалъ вызванный, послѣдній такъ громко выкрикнулъ заключительную фразу и такъ сильно хлопнулъ мѣломъ, что Иванъ Петровъ вздрогнулъ.

Молча повернулся онъ къ кадету, долго и пристально смотрѣлъ на него среди всеобщей тишины и наконецъ отчеканилъ: — «ослу, скотинѣ превеликой, отъ Бога данъ былъ голосъ дикій. Ступай, садись, болванъ, одинадцать балловъ».

Фуроръ былъ полный.

Иванъ Петровъ ввелъ у насъ «пятки». Такъ назвалъ онъ послѣднія пять минутъ урока, объяснивъ, что у японцевъ есть обычай сидѣть нѣкоторое время на пяткахъ ничего не дѣлая. И вотъ онъ устанавливаетъ такіе-же пять минутъ ничегонедѣланія или «пятки», въ теченіе которыхъ онъ будетъ говорить о чемъ угодно, но только не объ урокѣ.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда былъ спросъ, урокъ-же былъ трудный, Иванъ Петровъ не въ духѣ и рѣзалъ одного за другимъ, ставя единицы. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли на часы и когда приближались послѣднія пять минутъ, со всѣхъ сторонъ раздавалось: «пятки, пятки». Иванъ Петровъ обводилъ классъ злымъ взглядомъ и говорилъ: «Негодяишки, дождались таки пятокъ».

Спросъ прекращался, Иванъ Петровъ усаживался поверхъ чьей нибудь парты и начиналъ разговоры.

Многое изъ тѣхъ разговоровъ было понято нами только позже; многаго онъ не долженъ былъ говорить, но въ общемъ мы его любили. Начальство внимательно относилось къ урокамъ этого учителя и нерѣдко во время ихъ, въ окошкѣ классной двери, появлялась фигура директора.

Уже послѣ нашего выпуска Иванъ Петровъ перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался директоромъ горнаго института и во время первой революціи велъ себя какъ-то неважно, двусмысленно. Его фамилія — Долбня.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предметъ — законовѣдѣніе и поручили его преподаваніе офицеру, окончившему военно-юридическую академію. Сухой, непривѣтливый подполковникъ морилъ кадетъ. Предметъ успѣха не имѣлъ, кадеты учились плохо и проклинали и законовѣдѣніе, и учителя. Директоръ рѣшилъ поправить дѣло и, когда мы перешли въ седьмой классъ, законовѣдѣніе намъ сталъ читать гражданскій прокуроръ Безе.

Безе читалъ съ захватывающимъ интересомъ. Затаивъ дыханіе, слушали мы разсказы изъ его служебной практики. Сухой учебникъ былъ забытъ, учились со словъ, двое изъ насъ вели записки. Результаты превзошли ожиданія: кадеты усвоили курсъ отлично и экзамены прошли блестяще. Безе торжествовалъ, расхваливая кадетъ въ городѣ, мы-же восхищались прокуроромъ, сдѣлавшимъ законовѣдѣніе нашимъ любимымъ предметомъ.

Насъ пріучали любить родную литературу, любить чтеніе. Каждая рота и лазаретъ имѣли свою библіотеку, а для учительскаго персонала имѣлась фундаментальная библіотека, откуда можно было получать книги и воспитанникамъ старшихъ классовъ. Кадеты читали много и охотно. Устраивались литературные вечера и спектакли, на которыхъ кадеты играли и «Ревизора», и «Женитьбу», и другія пьесы нашихъ классиковъ.

Физическое воспитаніе занимало видное мѣсто въ корпусѣ. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота въ строю продѣлывала гимнастическія упражненія въ теченіе получаса, и кромѣ того были отдѣльные уроки гимнастики по-ротно съ палками. Всюду въ ротахъ имѣлись гимнастическія машины и на перемѣнахъ между уроками, каждый старался пройти черезъ какую либо машину, особенно взобраться на мускулахъ по наклонной лѣстницѣ. Въ свободное время процвѣталъ своеобразный спортъ въ классахъ. Среди комнаты ставился столъ, на него переворачивался сорный ящикъ и начиналось прыганье какъ черезъ кобылу. Бывали мастера, которые перемахивали черезъ поставленную вдоль двухмѣстную парту, приставленный къ ней учительскій столъ и нагороженный на нихъ сорный ящикъ. Въ каждомъ классѣ было по нѣсколько паръ ганделей. Въ старшихъ классахъ для многихъ кадетъ не составляло труда поднять на мускулахъ одной рукой полтора пуда, а были кадеты, которые поднимали одной рукой даже и двухпудовую гирю. Для этихъ упражненій убѣгали обыкновенно съ плаца въ помѣщеніе, гдѣ развѣшивали привезенное для корпуса мясо.

Передъ сномъ, а также вставши, большинство умывалось холодной водой отъ пояса; спать подъ одной простыней безъ одѣяла, даже зимой, было въ большой модѣ и считалось шикомъ. Гуляли кадеты въ корпусѣ на плацу всегда въ однихъ мундирахъ, независимо отъ морозовъ. Въ сильные морозы сокращалось только время прогулокъ. Новички сначала плакали отъ непривычки, но ихъ заставляли двигаться, бѣгать и они вскорѣ привыкали. Особымъ геройствомъ считалось выскочить изъ бани въ снѣжный сугробъ, вываляться быстро въ немъ и стремглавъ летѣть затѣмъ на полокъ, и сходило благополучно, дѣлалось это, конечно, потихоньку отъ наблюдавшаго въ банѣ служителя-дядьки.

Вѣнцомъ физическаго воспитанія являлось строевое ученіе, производившееся по всѣмъ правиламъ военныхъ уставовъ. Три старшихъ класса имѣли винтовки и продѣлывали полное уставное ротное ученіе. Нѣсколько разъ въ году корпусъ совершалъ по городу военныя прогулки съ оркестромъ музыки, что доставляло кадетамъ особенное удовольствіе. Каждый старался особенно молодецки пройти мимо того дома, гдѣ жили знакомые; а ужъ если въ окнѣ показывалась знакомая бѣлокурая головка, то восторгу не было конца. Въ день же корпуснаго праздника и въ Царскіе дни кадетамъ устраивались парады; изъ нихъ дѣйствительно готовили военныхъ.

На музыку и пѣніе у насъ обращали очень большое вниманіе. Имѣлся хорошій музыкальный классъ, гдѣ кадетъ учили игрѣ на всѣхъ духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, на роялѣ-же можно было учиться, но только на собственный счетъ. Благодаря этому въ корпусѣ было два хорошихъ оркестра: духовой и струнный. Кадеты очень любили музыку и очень увлекались ею. Хорошо было поставлено и пѣніе. Кромѣ корпуснаго хора, пѣвшаго въ церкви, былъ хоръ въ каждой ротѣ, пѣлъ отдѣльно и каждый классъ.

Уроки музыки и пѣнія, а также упражненія на инструментахъ шли регулярно. Гулъ и трескъ стоялъ отъ этихъ упражненій на площадкахъ спаленъ, когда старались тамъ юные музыканты надъ своими партіями или школами, выдѣлывая разныя рулады и всякія эсъ-та, та-та, та-та, та-та. Періодически устраивались корпусные концерты, что являлось извѣстнаго рода событіемъ въ городѣ, и на нихъ приглашались всѣ знакомые, присутствовалъ и губернаторъ.

Ради поощренія, музыкантовъ и пѣвчихъ водили въ театры и концерты, имъ давали лишній часъ отпуска и два раза въ недѣлю имъ выдавали отдѣльно такъ называемую пѣвческую порцію, состоявшую изъ кружки молока и булки. Музыкальнымъ образованіемъ руководилъ подполковникъ Де-Лятуръ, красавецъ брюнетъ, обладавшій чуднымъ баритономъ, сводившимъ съ ума мѣстныхъ дамъ. Мы его считали конечно идеаломъ.

Кадетъ учили и танцевать, но настоящая выучка всякихъ мазурокъ, венгерокъ и вѣнскихъ вальсовъ происходила не при учителѣ танцевъ, а въ классахъ, за классными досками. Особенно любили откалывать тамъ мазурку, но такъ легко, чтобы слышно не было и только на поворотѣ ударяли каблуками. Какъ горевали мы тогда, что намъ не хватало шпоръ. Для кадетъ устраивались и балы, которыхъ очень ждало всегда мѣстное дамское общество и особенно мѣстныя институтки.

Къ женщинѣ внушалось рыцарски военное отношеніе. Въ отпуску на каникулахъ, начинались невинныя ухаживанія, переходившія у нѣкоторыхъ въ серьезныя чувства и кончавшіяся впослѣдствіи браками. Погоны, форма, умѣнье хорошо танцевать, помогали кадетамъ у барышенъ. Кадеты очень симпатизировали институткамъ и сдержанно относились къ гимназисткамъ. Почему? Объяснить навѣрно никто не сможетъ.

Область половой сферы оставалась внѣ вниманія нашего начальства, кадетъ считали дѣтьми до 18-ти лѣтняго возраста и, какъ во многихъ семьяхъ, о взрослыхъ юношахъ думали, что они «ничего еще не знаютъ и ничего не понимаютъ». Между тѣмъ уже съ 4-го класса, многіе кадеты познавали женщину. Одни бѣгали въ отпускные дни на свиданіе къ разнымъ швеечкамъ и модисткамъ, другихъ прибирали къ рукамъ опытныя дамы общества, а нѣкоторые бывали даже и въ публичныхъ домахъ.

На одной изъ глухихъ улицъ Нижняго Новгорода пріютилось въ тѣ годы нѣкоторое учрежденіе — «Конкордія». Кто-то изъ кадетъ узналъ его первымъ, свелъ одного,

другого товарища и, вскорѣ, опытная хозяйка сумѣла сдѣлать свое учрежденіе крайнѣ популярнымъ и соблазнительнымъ для кадетъ. Барышни были молодыя, веселыя, брали пустяки, игралъ рояль, давали пиво. А главное — таинственность запрета, опасность предпріятія и молодечество. «Онъ былъ въ Конкордіи» — звучало серьезно.

Лѣтомъ-же, во время ярмарки, нѣкоторые храбрецы, переодѣвшись въ отпуску въ статское платье, пробирались съ городскими товарищами въ самые сомнительные ярмарочные вертепы — «На самокаты», мѣсто, страшнѣе котораго по его мегерамъ трудно себѣ представить.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ путешествій по злачнымъ мѣстамъ: таинственная бѣготня къ лазаретному фельдшеру, тщательно припрятываемые препараты, разные бальзамы, капли... а дальше — осторожныя походки, уклоненія отъ гимнастики, отъ строя и отъ танцевъ.

Между тѣмъ уже тогда имѣлась книжка знаменитаго профессора Тарновскаго — «Половая зрѣлость», составленная имъ по порученію Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, для кадетскихъ корпусовъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Популярно и умно въ ней были изложены всѣ интересовавшіе кадетъ вопросы этой таинственной области. Знакомство съ нею спасло-бы многихъ отъ большихъ непріятностей, но книжки той намъ не давали. Насъ всѣхъ считали дѣтьми, хотя у многихъ изъ насъ уже пробивались усики и многіе горѣли по ночамъ сладкими снами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутренняя жизнь кадетъ. — Товарищество. — Старшіе. — Общество явнаго неповиновенія начальству. — Понятіе о чести и доблести. — Лишеніе погонъ. — Игры, занятія и разговоры. — Отношеніе къ Государю и Царской Семьѣ. — Врожденный монархизмъ. — Отпуски. — Попытки кружковщины. — Царскіе дни. — Рождество и Пасха. — Корпусный праздникъ. — Послѣдній годъ. — Производство въ вице-унтеръ-офицеры. — Выборъ училища. — Выпускной экзаменъ. — Попойка. — Послѣдніе лагери. — Послѣдніе дни въ корпусѣ. — Разставаніе. — Отъѣздъ въ училище. — Въ вагонѣ. — Пріѣздъ въ Петербургъ.

Параллельно съ оффиціальнымъ воспитаніемъ шло саморазвитіе кадетъ въ ихъ внутренней кадетской жизни. Каждый классъ жилъ своею жизнью, своими интересами. Товарищество спаивало классъ. Можно было быть умнымъ или глупымъ, прилежнымъ или лѣнтяемъ, храбрымъ или трусоватымъ, но нельзя было быть плохимъ товарищемъ. Рѣшеніе класса являлось обязательнымъ для каждаго кадета. Рѣшено не отвѣчать какого либо предмета, и кого-бы ни вызвалъ учитель, хотя-бы перваго ученика, всѣ отказывались отвѣчать.

И учитель, и начальство знали въ чемъ дѣло: — классъ порѣшилъ, и это свято.

Въ самыхъ младшихъ классахъ новички пытались бывало прибѣгать подъ защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но ихъ быстро отучали отъ этого. Нѣсколько потасовокъ, неразговариваніе класса въ теченіе нѣкотораго времени, и мальчикъ становился какъ и всѣ. Если случалось, что кто либо обижалъ зря менѣе сильнаго, классъ вступался и кто нибудь усмирялъ обидчика.

Бывало иногда что новички таскали потихоньку чужія вещи. Тогда воришку разыскивали и, набросивши ему на-голову шинелъ, били его всѣмъ классомъ, что называлось «черезъ шинель», и воровство не повторялось. Отучали и отъ «тайнаго порока». Замѣтивъ, что кто либо изъ новичковъ приверженъ къ нему, классъ рѣшалъ дѣйствовать. Въ ближайшую-же ночь, когда дортуаръ засыпалъ, съ нѣсколь-

кихъ кроватей осторожно наблюдали, что дѣлаетъ любитель, а одинъ изъ кадетъ пробирался потихоньку подъ его кровать.

Замѣтивъ что либо подозрительное на кровати любителя, наблюдатели давали сигналъ: мгновенно стаскивалось съ любителя одѣяло и со всѣхъ сторонъ въ него летѣли сапоги. Одинъ, два такихъ сеанса, и новичекъ излѣчивался отъ ужаснаго порока.

Проучали и за не товарищескіе поступки. Въ наше время одинъ изъ старшихъ классовъ обвинилъ кадета X. въ некрасивомъ, нетоварищескомъ поступкѣ и рѣшилъ прекратить съ нимъ всякія сношенія до разговоровъ включительно. Классъ какъ-бы не замѣчалъ X.; его игнорировали, но при немъ не говорили. Благодаря старшему классу отъ X. сторонилась и вся 1-я рота. Угрюмо, сжавъ губы, ходилъ онъ одинокій на перемѣнахъ по залу, ушелъ въ себя, много читалъ, учился музыкѣ, ходилъ въ городъ. Подъ такимъ остракизмомъ прожилъ онъ болѣе года и уѣхалъ изъ корпуса въ училище отвергнутый товарищами и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Наказаніе тяжкое, безпощадное, но таковы были взгляды кадетъ на товарищество. Крѣпкое товарищество основа военной семьи. Слова Суворова: «самъ погибай, а товарища выручай» — въѣдались въ молодыя сердца неизгладимо съ корпуса на всю жизнь. О предательствѣ товарища нельзя было и думать.

Повиновеніе старшимъ кадетамъ было безпрекословное. Старшіе этимъ не злоупотребляли, но тяжелая рука самиклассника частенько опускалась на младшихъ по разнымъ поводамъ.

Однажды, нашъ пятый классъ второй роты потребовалъ у эконома прибавки кулебяки за завтракомъ и получилъ ее, чѣмъ отнялъ эту прибавку у седьмого класса. На слѣдующее-же утро 7-й классъ вызвалъ десять человѣкъ нашего класса на разборъ. Шелъ допросъ.

— Ты прибавки требовалъ?

— Требовалъ,

— Кулебяку ѣлъ?

— Ѣлъ,

— Получай... слѣдовали удары. Избили всѣхъ десятерыхъ жестоко, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегіи седьмого класса.

Начальство знало про эти наши обычаи, но не вмѣшивалось въ нихъ. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цѣли, хотя иногда бывали и грубы. Вмѣшательство не приводило къ хорошимъ результатамъ, скорѣе наоборотъ, вредило кадетской жизни.

Когда нашъ выпускъ кончалъ корпусъ, по требованію изъ Петербурга прекратили безпрепятственное общеніе старшей роты съ младшей, и вліяніе старшихъ кадетъ на жизнь малышей прекратилось почти совершенно, и результаты получились слѣдующіе. Малыши стали продѣлывать много такого, чего не знало начальство, но что знали и могли устранить только кадеты своими средствами. Дошло до того, что въ младшей ротѣ образовалось «Общество явнаго неповиновенія начальству», въ задачу котораго входило, между прочимъ, курить открыто, не стѣсняясь присутствіемъ даже офицеровъ.

Члены общества курили, несмотря на неоднократныя наказанія, и дѣло приняло настолько обостренный оборотъ, что нѣсколько кадетъ были намѣчены къ увольненію, нѣкоторые къ переводу въ Вольскую прогимназію, служившую какъ-бы дисциплинарнымъ баталіономъ для кадетъ.

Нашъ директоръ, гуманный и разумный человѣкъ, рѣшилъ испытать послѣднее средство, а именно обратился къ братьямъ членовъ общества, которые были въ стар-

шемъ классѣ. Старшимъ предоставили доступъ въ младшую роту и свободу дѣйствій. Получивъ это разрѣшеніе, трое братьевъ семикласниковъ явились въ третью роту, потребовали у заговорщиковъ списокъ членовъ ихъ организаціи и такъ раздѣлались со всѣми ими, что общество перестало существовать въ тотъ-же день. Куреніе и всякія другія неповиновенія начальству были забыты; переводить и исключать изъ корпуса никого не пришлось. Таковъ былъ своеобразный укладъ кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно, разъѣзжаясь на каникулы. Погоны были наша гордость. Лишиться погонъ считалось позоромъ. Это чисто военное понятіе о чести и гордости входило незамѣтно въ наши сердца съ того перваго дня, когда надѣвъ впервые свой мундиръ, кадетъ думалъ, что лучше и красивѣй его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Высшимъ наказаніемъ въ корпусѣ считалось именно «лишеніе погонъ»; наказаніе, налагавшееся въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ.

Выстраивалась рота. Ротный командиръ читалъ приказъ по корпусу. Виновнаго вызывали передъ роту и ротный портной, по приказу ротнаго командира, срѣзалъ погоны... Нехорошія то были минуты... жуткія...

Лишившійся погонъ ходилъ на лѣвомъ флангѣ роты или класса, на дистанціи десяти шаговъ. Въ столовой онъ сидѣлъ одинъ за столомъ. На немъ было позорное клеймо. То было самое ужасное для кадетъ наказаніе. Это научало ихъ цѣнить погоны. Этимъ наказаніемъ не злоупотребляли и въ томъ была его моральная сила.

Болѣе слабыми наказаніями были: лишеніе отпуска, наряды на дежурство и карцеръ. Тѣлесное наказаніе не практиковалось въ корпусѣ никогда.

Понятіемъ воинской чести и доблести были проникнуты и игры кадетъ, изъ которыхъ самыми любимыми были: казаки-разбойники, набѣги на Кремлевскія стѣны, походы въ старыя башни кремлевскія за разными манерками и всякимъ старымъ оружіемъ, лазанія въ подземный ходъ, что шелъ по преданіямъ подъ самую Волгу, и тому подобныя предпріятія. Каждый мечталъ быть выбраннымъ атаманомъ или начальникомъ на какое либо изъ такихъ предпріятій.

Стойкость и вѣрность своимъ лучше всего выказывалась въ игрѣ «тянуться». Тянулись обычно два разныхъ класса. Занявъ двѣ противоположныя стороны зала, два лагеря схватывались руками и старались перетянуть одинъ другого на свою сторону. Отдѣльныхъ кадетъ, которыхъ отрывали отъ своего лагеря, оттаскивали въ тылъ, распластывали на полу и держа крѣпко руки, ноги и голову, начинали пытать, дабы принудить сдаться. Плѣннику сверлили кулаками виски, приговаривали «сдавайся»; сверлили до бѣлыхъ пятенъ, до ссадинъ кожи. Нужно было много терпѣнія, стойкости, выносливости и дѣтскаго самолюбія, чтобы, выдерживая неимовѣрную боль въ головѣ и зачастую съ невольными слезами на глазахъ, все-таки упрямо выкрикивать «не сдаюсь...» Такъ продолжалось, пока свои не прорывались въ тылъ на выручку, или игра не прекращалась почему либо.

Сдаться противнику считалось позоромъ и сдавшійся однажды много терялъ въ глазахъ товарищей, и ему въ подобныхъ играхъ уже не довѣряли.

Очень серьезно кадеты смотрѣли на данное кому либо честное слово. Оно являлось святымъ, разъ было дано съ подтвержденіемъ, что производится отъ чести, а не отъ чеснока. Таковъ былъ обычай.

Въ отпуску многіе играли въ оловянные солдатики. У нѣкоторыхъ ихъ бывало по нѣсколько сотенъ, съ крѣпостями, пушками, кораблями. Устраивались сраженія съ наградами победителямъ. Неизмѣнный спутникъ воинской доблести — Георгіевскій крестъ уже тогда былъ мечтою у многихъ. На игрушечномъ знаменщикѣ

крѣпко въѣдалась въ сознаніе идея, что знамя — святыня; утратить его — позоръ; захватить-же непріятельское знамя — подвигъ.

Были и менѣе воинственныя игры и занятія: играли въ шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи.

Разсказываніе анекдотовъ, особенно историческихъ про Петра Великаго, про Суворова, Императора Николая I-го, было любимѣйшимъ препровожденіемъ времени. Тогда-же говорилось безъ конца о разныхъ полкахъ и ихъ подвигахъ; спорили, какой полкъ лучше, какой старѣе.

Въ корпусѣ почти всѣ были дѣти простыхъ армейскихъ офицеровъ; офицеры гвардіи, какъ жившіе въ столицахъ, помѣщали своихъ дѣтей въ столичные корпуса, а потому и наши разсказы со словъ своихъ отцовъ, касались больше славныхъ армейскихъ полковъ. Но, конечно, любили говорить о гвардіи и ея подвигахъ. Гвардія рисовалась для насъ особенно красивой, почетной и въ ореолѣ славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали Высочайшія Особы.

О нихъ говорили мы съ особымъ любопытствомъ и серьезностью, это была семья Государя, а выше Его для насъ ничего не было. Къ Нему въ Петербургъ летѣли наши мечты. Какіе счастливчики тѣ, кто около Него — не разъ говорили мы.

Никто не внушалъ намъ нарочито этихъ мыслей и чувствъ. Они приносились нами въ корпуса изъ нашихъ родныхъ семей, отъ нашихъ отцовъ и матерей; здѣсь-же они лишь глубже западали въ наши сердца и подъ вліяніемъ всего уклада корпусной жизни, созрѣвали подъ спокойнымъ взглядомъ смотрѣвшаго изъ золотыхъ рамъ могучаго Императора и принимали съ годами болѣе крѣпкія и сознательныя формы.

Мы безотчетно любили Государя, Государыню и Его Царскую семью, съ оттѣнкомъ нѣкоторой нѣжности къ юному Наслѣднику Николаю Александровичу. И когда въ 1886 году корпусъ посѣтилъ путешествовавшій по Волгѣ Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругой, кадеты встрѣчали ихъ съ необычайнымъ восторгомъ, энтузіазмомъ и любовью — то былъ братъ Государя.

Младшая рота была выстроена у себя въ помѣщеніи. Мы замерли по командѣ. Вошелъ Великій Князь съ Княгиней, за ними свита.

Высокій, красивый, статный, онъ только поздоровался съ нами своимъ бархатнымъ голосомъ; только прошелъ по строю, скользя большими прекрасными глазами, и сказалъ затѣмъ: «Прощайте дѣти!»

Это было все, но для насъ это было такъ много! Мы были зачарованы, какъ въ сказкѣ. Что-же бы было, если-бы къ намъ явился самъ Государь? Объ этомъ мы лишь мечтали и завидовали тѣмъ, кто учился въ столицѣ.

Хожденіе въ отпускъ являлось пріятнымъ развлеченіемъ, но у многихъ кадетъ не было въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и они ходили лишь по праздникамъ «въ городъ» на нѣсколько часовъ.

Благодаря отпускамъ, въ нашу однородную военную семью, врывалась иногда струя чуждая общему настроенію. То были попытки нѣкоторыхъ просвѣтителей подойти къ кадетамъ и вовлечь ихъ въ кружковщину.

Въ отпуску кадеты встрѣчались съ разными людьми и съ «красной» молодежью. И хотя въ глазахъ студентовъ и вообще невоеннаго общества кадетъ считали способными только къ шагистикѣ, танцамъ и ухаживаніямъ, тѣмъ не менѣе съ нами всетаки общались и не-военные люди.

Будучи въ пятомъ классѣ, одинъ изъ нашихъ одноклассниковъ, котораго я назову Z., подружился въ отпуску съ нѣсколькими молодыми людьми безъ опредѣленныхъ занятій. Они собирались лѣтомъ въ какой-то полуразрушенной банѣ и

читали тамъ запрещенныя книжки. **Z.** разсказывалъ объ этомъ намъ иногда по секрету, но выходило какъ-то неясно, что они тамъ дѣлаютъ и для чего. Мы стали замѣчать нѣкоторую перемѣну въ нашемъ товарищѣ. Намъ казалось, что онъ дѣлаетъ что-то нехорошее, опасное, и мы инстинктивно стали безпокоиться за него. Его же мы очень любили, т. к. онъ былъ очень хорошій товарищъ, отлично учился и многимъ помогалъ заниматься, и мы стали предостерегать его отъ его городскихъ товарищей и стали уговаривать бросить ихъ. Z. былъ вовлеченъ въ какой то кружокъ, но какъ юноша вдумчивый и сильнаго характера, не далъ сбить себя съ толку, перейдя же въ военное училище, онъ совсѣмъ оставилъ конспирацію, хорошо учился, вышелъ въ гвардію и сдѣлался хорошимъ офицеромъ.

Хуже было съ кадетомъ А., который былъ старше насъ, но въ седьмомъ классѣ мы догнали его. А. воспитывался въ Ярославской военной прогимназіи и за отличное ученье былъ переведенъ въ нашъ корпусъ. Сперва онъ продолжалъ хорошо учиться и ему разрѣшили ходить въ отпускъ къ родителямъ одного изъ нашихъ же кадетъ.

Умный, интересный, сильный и хорошій музыкантъ, А. пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и его приглашали въ городѣ на расхватъ. Вскорѣ познакомился онъ съ одной польской семьей, гдѣ была дочь — петербургская курсистка-фельдшерица и сынъ студентъ. Семья считалась передовой. Началось ухаживаніе, и параллельно занятія по самообразованію — совмѣстныя чтенія сперва легальныхъ, а затѣмъ и запрещенныхъ книгъ. Ученье у А. пошло скверно, съ товарищами онъ сталъ разговаривать немного свысока и какъ бы снисходительно. Съ особой таинственностью и важностью говорилъ онъ о Герценѣ и Лавровѣ, имена которыхъ не представляли для насъ въ то время никакого интереса, и какъ то разъ сталъ восхищаться Маркомъ Волоховымъ изъ гончаровскаго «Обрыва».

Этотъ романъ мы всѣ знали хорошо, Волохова мы считали просто мерзавцемъ и подлецомъ за то, что онъ обезчестилъ дѣвушку, и мы сцѣпились съ А. въ жаркомъ спорѣ. Съ того момента и самъ А. и его городская компанія низко упали въ нашихъ глазахъ. А. замкнулся отъ насъ, мы не интересовались его дѣлами и такъ разъѣхались по училищамъ.

Въ Петербргѣ А. учился еще хуже, насилу пробрался въ офицеры, но скоро ушелъ изъ полка и, совершенно сбитый съ толку, женился на какой то революціонеркѣ. Онъ принималъ участіе въ событіяхъ 1905 года, затѣмъ сдѣлался нелегальнымъ, бѣжалъ, болтался эмигрантомъ по Швейцаріи и наконецъ пропалъ съ житейскаго горизонта. Примѣръ одного изъ тѣхъ несчастныхъ сбитыхъ съ пути революціонерами военныхъ, которые измѣняли честнымъ военнымъ завѣтамъ, перекрашивались въ революціонеровъ всякихъ партій, а затѣмъ... измѣняли и имъ. Измѣна предѣловъ не имѣетъ.

Кадеты очень любили праздники. Съ большой торжественностью праздновались дни именинъ и рожденія Государя Императора и другіе царскіе дни. Молебствія послѣ обѣдни, парадъ, десертъ за обѣдомъ, шеколадъ во время полдника и всеобщій отпускъ въ городъ даже штрафованныхъ, все это замѣтно отличало эти дни отъ другихъ праздниковъ. И если кадеты старшихъ классовъ въ эти дни болѣе сознательно чѣмъ когда либо обращались мысленно туда, гдѣ имѣлъ пребываніе Верховный Вождь, то малыши кадеты, поѣдая въ тотъ день сласти, ласковѣе чѣмъ всегда посматривали на красовавшіеся въ ротѣ Царскіе портреты.

Весело проходило Рождество. Въ классахъ устраивались елки, къ которымъ каждый классъ готовился задолго, стараясь поразить другихъ искусствомъ украшенія елки и убранствомъ класса. Кадетамъ раздавались подарки, конфеты. На

Рождествѣ чаще ходили въ театры, концерты и на вечера. Тогда же устраивался цѣлый годъ ожидаемый балъ въ женскомъ институтѣ, и нѣкоторыхъ изъ кадетъ водили туда; попасть въ число избранныхъ было мечтою очень многихъ.

Особенно торжественно встрѣчалась въ корпусѣ Святая Пасха. Весь Великій постъ носилъ характеръ, требуемый церковью. По средамъ и пятницамъ, всю первую, четвертую, седьмую и недѣлю говѣнья, кадеты постились; отпуски были рѣже, увеселеній никакихъ. Постъ являлся дѣйствительно лишеніемъ, и тѣмъ радостнѣе было Свѣтлое Христово Воскресенье.

Въ Великую Субботу кадетъ уводили въ спальни въ 7 часовъ вечера. Окна наглухо завѣшивались одѣялами.

Въ 11 часовъ ночи, корпусный военный оркестръ начиналъ играть въ спальнѣ первой роты «Зарю съ церемоніей», послѣ чего съ громовымъ маршемъ обходилъ всѣ спальни и возвращался въ старшую роту.

Въ новыхъ мундирахъ, нарядные, съ блестящими инструментами, торжественно, важно проходили музыканты. Гремѣлъ впереди турецкій барабанъ, рѣзали трубы, звенѣли мѣдныя тарелки... Врывалось нечто радостное, красивое, неописуемое. Вскакивали заспавшіеся, ничего не понимавшіе спросонья кадеты; бѣжали за оркестромъ уже вставшіе. Всѣмъ было весело; необычайный восторгъ охватывалъ всѣхъ. Скорѣе, чѣмъ всегда, одѣвались кадеты, строились роты, и корпусъ шелъ на заутреню.

Церковь блестѣла огнями, кругомъ горѣли плошки, на площади пылали смоляныя бочки.

Призывный колокольный гулъ несся съ кафедральнаго собора, ему вторилъ весь городъ. И вскорѣ радостное «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ» объединяло всѣхъ насъ въ высокомъ порывѣ подъ сѣнью колыхавшихся хоругвей и склонявшихся со стѣнъ церкви старыхъ Николаевскихъ знаменъ корпуса.

Но самымъ большимъ днемъ въ жизни корпуса являлся корпусный праздникъ, справлявшійся 18-го марта. То было сочетаніе праздниковъ семейнаго, церковнаго и царскаго; день, когда кадеты, молясь своему патрону за преуспѣяніе родного корпуса и за свои нужды, молились и за своего Верховнаго Вождя.

Въ тотъ день, особою телеграммою, корпусъ повергалъ Его Величеству чувства горячей любви и преданности и готовился служить вѣрою и правдой Ему — Государю и Родинѣ. То была какъ бы ежегодная присяга Монарху отъ его малолѣтнихъ военно-подданныхъ.

Утромъ обѣдня, молебенъ, парадъ, а вечеромъ — балъ. Балъ, о которомъ мечтали цѣлый годъ не только кадеты, но и многія хорошенькія головки внѣ стѣнъ корпуса...

Балъ являлся единственнымъ днемъ, когда кадеты въ качествѣ хозяевъ могли отплатить радушіемъ и гостепріимствомъ всѣмъ тѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ, вниманіемъ которыхъ они пользовались бывая въ отпуску. Сколько бутоньерокъ съ цвѣтами и наивныхъ котильонныхъ подарковъ приберегалось тогда заботливо для своихъ симпатій... Сколько переживаній до, во-время и послѣ бала... Про то знали только кадеты, «она», да иногда не въ мѣру внимательная ея мамаша...

Въ тотъ день со всѣхъ сторонъ необъятной Россіи летѣли въ корпусъ поздравительныя телеграммы старыхъ Аракчеевцевъ. Служившіе въ Нижнемъ проводили тотъ день среди кадетъ. И нерѣдко можно было видѣть тогда, какъ дружно бесѣдовалъ убѣленный сѣдинами глубокій старикъ Аракчеевецъ съ маленькимъ кадетикомъ; блестѣла слеза на глазахъ старика, вспоминавшаго счастливые годы, а малышъ тянулся, стараясь быть особенно молодцеватымъ.

Наступилъ 1890-1891 учебный годъ. Мы въ старшемъ выпускномъ классѣ. Появились новыя обязанности: дежурства по ротѣ, по кухнѣ, прислуживаніе священнику въ церкви во время Богослуженія, чтеніе за обѣдней псалтыря.

Отношеніе къ намъ начальства стало болѣе серьезнымъ, со стороны младшихъ кадетъ — почтительное. Назначеніе вице-фельдфебеля и производство въ унтеръ-офицеры, что давалось за хорошее поведеніе и ученье, выдѣлили изъ нашей среды группу товарищей — начальниковъ. Деликатное среди товарищей неравенство.

Въ числѣ другихъ, получилъ золотой галунъ на погоны и я; меня произвели въ вице-унтеръ-офицеры. На меня, игравшаго уже въ оркестрахъ четыре года, было возложено также завѣдываніе музыкальнымъ классомъ; въ отсутствіе капельмейстера приходилось дирижировать оркестромъ и разучивать съ музыкантами пьесы.

Серьезнѣе сдѣлалось наше отношеніе къ занятіямъ, серьезнѣе велись разговоры о будущемъ. Въ свободное время все чаще и чаще бесѣдовали мы, кто въ какое училище выйдетъ. Въ разговорахъ выявлялось, кто къ какому роду войскъ имѣетъ больше склонности и симпатіи. Трое лучшихъ учениковъ могли быть приняты въ инженерное и артиллерійское училища, о чемъ они и мечтали; одинъ богатый кадетъ, сынъ кавалериста, выходилъ въ Николаевское Кавалерійское, всѣ остальные обсуждали пѣхотныя. Одинъ кадетъ, неудовлетворявшій по здоровью условіямъ военной службы, переходилъ въ Лѣсной институтъ.

О каждомъ училищѣ имѣлись свои подробныя свѣдѣнія. Александровское Училище въ Москвѣ — не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягиваютъ, смотрятъ на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошіе балы. Изъ двухъ пѣхотныхъ Петербургскихъ — Константиновское много легче Павловскаго. Отношеніе офицеровъ хорошее, похожее на корпусное; расположено около Обуховскаго моста; прозвище — Обуховскія институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина. Требуютъ строй и гимнастику. Зовутъ — Павлоны - солдафоны. Первая рота шефская — Рота Его Величества.

Десять человѣкъ, въ томъ числѣ и я, записались въ Павловское училище. Мы стали старательнѣй заниматься фронтомъ и гимнастикой.

Подошли выпускные экзамены и прошли благополучно, всѣ окончили корпусъ хорошо. Къ тому времени извѣстная въ Нижнемъ фотографія Дмитріева уже изготовила намъ группы и карточки. Мы обмѣнивались ими, подносили ихъ воспитателямъ и любимымъ учителямъ, дарили въ городѣ.

По традиціи окончаніе корпуса надо было справить попойкой. Зная это, отецъ кадета нашего выпуска Кулябки, добрый и хорошій старикъ, знавшій жизнь, любившій и понимавшій молодежь, уговорилъ насъ справить выпускъ не на сторонѣ гдѣ либо, а у него въ квартирѣ. Благодаря такой предусмотрительности добраго Кулябки, начальство не узнало о попойкѣ и она не имѣла для насъ никакихъ нежелательныхъ послѣдствій, за что мы были благодарны и нашему товарищу, и его отцу.

Вскорѣ послѣ этого, знаменательнаго дня, кадеты стали разъѣзжаться на каникулы, не уѣхавшіе же выступили въ лагерь, расположенный за городомъ, на высокомъ берегу Оки.

Грустно было остающимся кадетамъ смотрѣть на разъѣзжающихся товарищей. Въ эти моменты наши офицеры воспитатели, сами переживавшіе когда-то подобное же душевное настроеніе, становились къ намъ ближе, ласковѣй, и это сглаживало нашу грусть и примиряло насъ съ нашимъ положеніемъ.

Вскорѣ различныя лѣтнія развлеченія: купанья, экскурсіи, вечернія прогулки по рѣкѣ съ пѣснями на большихъ корпусныхъ лодкахъ, захватывали кадетъ. Каде-

ты хорошо гребли, хорошо и пѣли. Родная каждому русскому — «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью»..., да меланхоличная: — «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижняго Новгорода снаряженъ стружекъ какъ стрѣла летитъ»... — были нашими любимыми пѣснями.

Быстро промелькнуло послѣднее лѣто, и незамѣтно подкрался холодный августъ. Перебрались въ корпусъ кадеты изъ лагеря, возвратились отпускные, прiѣхалъ и нашъ классъ, чтобы окончить послѣднiе расчеты съ корпусомъ и разъѣхаться по училищамъ.

Сдано казенное имущество, окончены визиты и прощанiя въ городѣ, распрощались съ остающимися кадетами. Вотъ и послѣднiй день. Послѣднiе сборы, укладка. Отслуженъ напутственный молебенъ, попрощались съ начальствомъ. Смутное чувство на душѣ... Больно разставаться, но заманчиво впереди.

Мы спѣшимъ на вокзалъ, и вскорѣ поѣздъ уноситъ насъ къ давно жданнымъ, для большинства невиданнымъ еще столицамъ.

Прощай корпусъ, прощай Нижнiй, прощайте милыя институтки!

Устроившись въ вагонѣ, мы — Павловцы, тихо бесѣдуемъ о томъ, что ждетъ насъ въ училищѣ. У одного изъ насъ въ Петербургѣ замужняя сестра; мы будемъ ходить къ ней въ отпускъ... Но разговоръ не вяжется; хочется къ тѣмъ, съ кѣмъ растаемся. Идемъ къ нимъ. Увидимся ли и когда? Сговариваемся писать, не забывать другъ друга...

Утромъ въ Москвѣ мы разстались съ товарищами, вышедшими въ Александровское Училище, а слѣдующее туманное Петербургское утро разлучило и всѣхъ остальныхъ насъ, разбросавъ по разнымъ училищамъ столицы.

Кадетская семья распалась, но корпусная спайка крѣпка на вѣкъ, и гдѣ бы послѣ не встрѣчались два Аракчеевца, одного и того же класса и отдѣленiя, ихъ тѣсно связываетъ общее имя, родное «ты» и старое товарищество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1891 — 1893 годы. — Павловское Военное Училище — Первые дни. — Присяга. — Рѣчь ротнаго командира. — Предупрежденiе относительно революцiонеровъ. — Военное обученiе и образованiе. — Увлеченiе военнымъ дѣломъ. — Капитанъ Герцигъ. — Общеобразовательныя науки. — Профессура. — Профессоръ Петровъ. — Комичный полковникъ. — Полковникъ Язвинъ. — Капитанъ Кондратьевъ. — Внутренняя жизнь. — Чайная. — Взаимоотношенiя юнкеровъ. — Красносельскiе лагери. — Высочайшiя Особы. — На старшемъ курсѣ. — На Царскомъ парадѣ. — Высочайшiй смотръ. — Послѣднiе лагери. — Прелестная дѣвушка. — Разборка вакансiй. — Производство въ офицеры.

Павловское Военное Училище помѣщалось въ Петербургѣ въ огромномъ зданiи на Большой Спасской улицѣ на Петербургской сторонѣ. — Напротивъ черезъ улицу былъ училищный манежъ, внутри же зданiя большой учебный плацъ.

Въ военномъ отношенiи училище составляло четырехротный батальонъ со знаменемъ, обучавшiйся по воинскимъ уставамъ; въ учебномъ же отношенiи, каждая рота дѣлилась на два курса, проходившiе отдѣльно свои программы общаго и военно-теоретическаго образованiя. Курсъ училища былъ двухгодичный.

Атмосфера серьезности, дѣловитости, военщины въ лучшемъ смыслѣ слова, охватывала входившаго въ училище. Тамъ все было построено на мысли: выработать въ теченiе двухъ лѣтъ изъ бывшаго кадета образованнаго хорошаго пѣхотнаго офицера. Отсюда вытекалъ и весь режимъ училища съ его системой обученiя и воспитанiя.

Съ перваго же дня бывшихъ кадетъ выстраивали на плацу и начинали безпощадно гонять маршировкой подъ оркестръ музыки неимовѣрно большимъ и скорымъ шагомъ. Мы изнемогали отъ непривычки, особенно малые ростомъ, но на это не обращали вниманія. Тогда же учили отданію чести. То была первая муштровка, посредствомъ которой новымъ юнкерамъ сразу придавали военную выправку и молодцеватый видъ, что не трудно было сдѣлать съ кадетами и безъ чего училище не выпускало въ городъ своихъ юнкеровъ.

Насъ разбили на роты, причемъ я и еще два Аракчеевца попали въ первую роту, которая называлась ротой Его Величества.

Черезъ нѣсколько дней насъ привели къ присягѣ. На плацу построилось училище съ хоромъ музыки. Цвѣтникъ дамъ въ сторонѣ. Передъ строемъ аналой и знамя. Служатъ молебенъ. Стройно поетъ хоръ юнкеровъ. Странно намъ слышать въ новой обстановкѣ провозглашаемое дьякономъ Царское многолѣтіе. Вѣдь онъ — Государь, теперь недалеко отъ насъ, тамъ за Невой.

Наконецъ, наступаетъ торжественная минута: поднявъ руки мы повторяемъ за священникомъ слова присяги, а затѣмъ цѣлуемъ евангеліе, крестъ и знамя, скрѣпляя тѣмъ свою клятву служить вѣрой и правдой Государю и Родинѣ. Отнынѣ мы на дѣйствительной службѣ.

Въ тотъ же день нашъ ротный командиръ, поздравивъ насъ съ присягой, объявилъ намъ слѣдующее: — «Теперь, господа, когда Вы стали юнкерами, когда Вы приняли присягу, я долженъ сказать Вамъ нѣсколько словъ. Забудьте корпусъ, вы уже не дѣти, вы нижніе чины дѣйствительной службы, я же вашъ начальникъ ротный командиръ. Наши взаимныя отношенія опредѣляются воинскими уставами, что выданы Вамъ на руки. Учите ихъ, слѣдуйте имъ, и между нами не будетъ никакихъ недоразумѣній».

Это отношеніе къ намъ, какъ взрослымъ людямъ, очень льстило и нравилось намъ. Мы какъ бы выросли сразу, какъ бы сразу перестали быть дѣтьми.

Въ тотъ же день мы получили первое предупрежденіе относительно революціонеровъ. Каждому изъ насъ выдали памятную книжку Павловца, въ которой былъ помѣщенъ старый приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, касающійся революціонной пропаганды среди военныхъ.

Въ 80-хъ годахъ тогдашнимъ соціалистамъ революціонерамъ удалось проникнуть въ военную среду и сорганизовать въ Петербургѣ нѣсколько военныхъ кружковъ, куда были вовлечены и нѣсколько юнкеровъ Павловскаго училища. Дознаніе раскрыло всю организацію. Государь милостиво отнесся къ юнкерамъ и наказанія, которыя они заслужили, были значительно смягчены. Къ этому печальному для военныхъ эпизоду и относился приказъ, предостерегавшій юнкеровъ отъ революціонеровъ. Мы очень заинтересовались имъ и не разъ бесѣдовали затѣмъ о революціонерахъ и ихъ подходахъ къ военнымъ.

Для многихъ юнкеровъ это предостереженіе сослужило хорошую службу въ столицѣ, гдѣ неопытная молодежь часто наталкивалась на разнаго рода просвѣтителей и пропагандистовъ, для которыхъ военная среда была всегда очень заманчива.

Военное обученіе и образованіе были поставлены въ училищѣ образцово. Офицеры, хорошіе строевики, учили юнкеровъ основательно; про многихъ изъ нихъ ходили легенды, что они, ложась спать, кладутъ уставы подъ подушки. Требованія, предъявлявшіяся къ юнкерамъ были строги до педантизма: дисциплина и воинскій распорядокъ были доведены до совершенства. Военнымъ образованіемъ руководилъ

командиръ баталіона полковникъ Никоновъ, надъ всѣмъ же царилъ строгій взглядъ начальника училища генерала Клембовскаго.

Военно-теоретическіе предметы, какъ военная исторія, тактика и другіе, осмысливали строевое образованіе юнкеровъ, освѣщая примѣрами военной исторіи и искусства, сколь велико для арміи значеніе дисциплины и толковаго военнаго обученія.

Юнкерамъ внушалось, что главный методъ воспитанія нижнихъ чиновъ заключается въ гуманности и непріемлемости побоевъ, въ предпочтеніи показа разсказу.

Въ результатѣ мы увлекались военнымъ дѣломъ со всѣмъ пыломъ молодости. Мы старались довести строй, ружейные пріемы и гимнастику до щегольства. Многіе передъ сномъ продѣлывали ружейные пріемы и гимнастическія упражненія передъ громадными зеркалами, и это считалось вполнѣ нормальнымъ. Знаніе воинскихъ уставовъ на-зубокъ считалось шикомъ и доходило даже до ненужныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые знали, какой вѣсъ по закону должна имѣть офицерская перчатка или офицерскій нейзильберовый свистокъ.

Быть по одеждѣ, по выправкѣ и строю лучше другихъ училищъ, быть по стрѣльбѣ «выше отличнаго», ходить быстрѣй стрѣлковъ — считалось идеаломъ.

Параллельно шло ознакомленіе со всѣми новыми военными теченіями по литературѣ; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовскаго. Его «Воспитаніе и обученіе современнаго солдата» было настольной книжкой многихъ юнкеровъ старшаго курса; его «Наши солдаты» — читалась всѣми. По нимъ знакомились мы съ психологіей будущихъ подчиненныхъ, мы старательно готовились быть хорошими офицерами.

Примѣры блестящихъ строевыхъ офицеровъ были у насъ передъ глазами — это наши училищные офицеры. Два брата Герцигъ, Лелонгъ и Крашенинниковъ особенно цѣнились юнкерами. Позже, одинъ изъ братьевъ Герцигъ командовалъ полкомъ въ Феодосіи въ 1905 году, въ то время, когда туда пришелъ бродившій по Черному морю, подъ начальствомъ одного изъ одесскихъ товарищей, взбунтовавшійся «Потемкинъ Таврическій». Городъ былъ въ паникѣ. Отцы города готовы были выполнить всѣ требованія бунтовщиковъ, но Герцигъ разсыпалъ одну изъ своихъ ротъ по берегу моря и, когда къ городу приблизилось высланное броненосцемъ судно, Герцигъ далъ по нему нѣсколько залповъ. Нѣсколько человѣкъ перекувырнулось въ море, и этого было достаточно: подошедшіе повернули обратно, и броненосецъ ушелъ, какъ оказалось позже, къ берегамъ Румыніи.

Общеобразовательныя науки преподавались лекціонно. Каждый курсъ былъ разбитъ на зачеты, сдававшіеся періодически. Эта система такъ не похожа на поурочную кадетскую и очень нравилась юнкерамъ. Профессора были хорошіе, читали увлекательно, учиться было не трудно. Были между ними и очень интересныя личности. Такъ, симпатичный и обаятельный профессоръ Петровъ читалъ исторію русской литературы. Онъ былъ впослѣдствіи преподавателемъ русскаго языка у Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Всегда ровный, спокойный, красиво, но просто говорившій, онъ умѣлъ увлекать насъ красотами своего предмета.

Комиченъ былъ старый полковникъ Н — въ, читавшій механику. Онъ былъ помѣшанъ на сокращеніяхъ словъ при разговорѣ. По его произношенію функція была фія, уравненіе — уріе, треугольникъ — трикъ и т. д. Подобное произношеніе онъ требовалъ и отъ юнкеровъ. Приходилось много работать, чтобы привыкнуть къ этому тарабарскому языку, но ученый артиллеристъ былъ неумолимъ.

Знаменитостью являлся помощникъ инспектора классовъ, окончившій академію Генеральнаго Штаба, полковникъ Язвинъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ

командиромъ роты Его Величества, гроза юнкеровъ. Красавецъ брюнетъ высокаго роста, съ орлинымъ взглядомъ, блестящій гвардеецъ, побѣдитель сердецъ, строевикъ, какихъ мало.

Про его командованіе ротою ходили легенды. Говорили, что когда онъ, сбходя строй, останавливался передъ какимъ либо юнкеромъ и, пронизывая его взглядомъ, начиналъ пристально смотрѣть въ упоръ — юнкеръ конфузился, терялся и краснѣлъ. Этого было достаточно.

— «Не юнкеръ, а красная дѣвица» — гремѣлъ Язвинъ и продолжалъ: — «Маршъ подъ арестъ».

Одинъ юнкеръ настолько панически боялся Язвина, что при одномъ слухѣ о приближеніи его къ помѣщенію роты, удиралъ въ уборную, лишь бы не попастся ему на глаза.

При Язвинѣ, разсказывали, рота Его Величества маршировала такъ, какъ никогда ни до, ни послѣ. Язвинъ преподавалъ топографію. Онъ никогда не ставилъ за ситуацію 12 балловъ, говоря, что «на 12 балловъ знаютъ только Богъ и Язвинъ».

Хороши были лекціи по военной исторіи капитана генеральнаго Штаба Кондратьева. Средняго роста, крѣпкій и сухощавый, съ бритымъ солдатскимъ лицомъ, съ большими усами, стриженый подъ гребенку, онъ начиналъ свою первую лекцію обыкновенно такъ:

«Вы собраны сюда не для того, чтобы казенными шароварами протирать казенныя скамейки. Надо заниматься. Трудомъ можно достигнуть всего. Когда я былъ въ училищѣ портупей-юнкеромъ, мой отецъ былъ фельдфебелемъ въ Лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку... и т. д.».

Онъ завлекательно читалъ свой предметъ. Картины прошлаго русской арміи съ ея побѣдами красиво изображались лекторомъ, характеристики участниковъ событій были выпуклы, разборы кратки и убѣдительны. Все это волновало насъ и заставляло увлекаться прошлымъ нашей арміи, любить ее, видѣть въ ней залогъ благополучія нашей родины.

Наша внутренняя жизнь шла по новому. Мы были взрослые, надъ нами не было опеки. Наши права и обязанности ясны изъ уставовъ, правилъ и приказовъ, и это очень нравилось. Мы ходили въ отпускъ, имѣли право курить, бриться, имѣли свой клубъ — чайную, съ буфетомъ и лавочкой.

Чайная была общей для всѣхъ ротъ, и въ ней юнкера группировались по корпусамъ, имѣя каждый свой столъ. За тѣми столами, съ парою чайниковъ, поддерживалась старая кадетская дружба. Тамъ за стаканомъ чая съ обязательнымъ лимономъ и тарелкой классическаго печенія, въ клубахъ папироснаго дыма, шли безконечныя воспоминанія о родныхъ корпусахъ; тамъ обмѣнивались полученными оттуда новостями, передавались извѣстія про однокашниковъ изъ другихъ училищъ. Тамъ обсуждались всѣ отпускныя похожденія, разрабатывались проекты, что дѣлать въ слѣдующій отпускъ и т. д.

Мы «макарьевцы», какъ называли насъ Аракчеевцевъ, по нашей Нижегородской ярмаркѣ, очень любили нашу чайную съ нашимъ столомъ и съ нашимъ погребцомъ, гдѣ хранилась посуда. Сколько связано съ ней воспоминаній!

Эта группировка по корпусамъ въ чайной военнаго училища укрѣпляла еще болѣе старую корпусную спайку и связывала училище еще болѣе съ корпусомъ въ единое цѣлое.

Отношенія младшаго курса со старшимъ отличались полной нормальностью и корректностью. Никакихъ обычаевъ, бившихъ по самолюбію младшихъ, не существовало.

Портупей-юнкера и фельдфебеля являлись начальниками, хотя и изъ своей среды, и пользовались всѣми правами согласно устава. Не разъ бывало, что взводный портупей-юнкеръ налагалъ на юнкера взысканіе за неуборку во-время полотенца или за какую либо иную провинность, и это считалось въ порядкѣ вещей. Но тутъ происходило иногда слѣдующее. Ротный командиръ, узнавъ о такомъ взысканіи, просилъ портупей-юнкера отмѣнить его и уже самъ наказывалъ юнкера за тотъ самый проступокъ много строже, объясняя, что приказанія начальства изъ своей среды надо выполнять лучше и щепетильнѣй, чѣмъ какія либо другія. Пять сутокъ карцера въ такихъ случаяхъ были какъ бы таксой.

Вѣнцомъ военнаго образованія юнкеровъ являлись лагери. Училище отбывало ихъ подъ Краснымъ Селомъ, входя въ составъ авангарднаго лагеря войскъ красносельскаго лагернаго сбора, главную часть котораго составляла Гвардія.

Юнкера видѣли тогда себя фактически въ составѣ Русской Арміи, въ однихъ рядахъ съ ея лучшими частями. Одна и та же служба, одно и тоже военное поле, общее стрѣльбище, тѣ же караулы, общіе маневры и парады, а главное — одинъ и тотъ же строгій лагерный солдатскій режимъ — все это ставило юнкеровъ вполнѣ на одну доску съ нижними чинами той арміи, офицерами которой они стремились сдѣлаться. Лагери сближали юнкеровъ съ солдатами, сближали будущихъ армейскихъ офицеровъ съ гвардіей и знакомили ихъ въ дѣловой обстановкѣ съ Великими Князьями.

Мы не разъ видѣли Великаго Князя Владиміра Александровича, командовавшаго войсками гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, на лагерномъ полѣ за его безконечными смотрами. Мы видѣли на немъ со своими частями Великаго Князя Николая Николаевича и много слышали про него, какъ про знатока кавалерійскаго дѣла; знали мы что Великій Князь Дмитрій Константиновичъ былъ образцовый командиръ полка и строевикъ, что принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій былъ строгъ и требователенъ до педантизма и вообще большой службистъ. Намъ было извѣстно, наконецъ, что Наслѣдникъ Николай Александровичъ проходитъ послѣдовательно службу во всѣхъ родахъ войскъ.

Мы видѣли воочію, что Царская семья — семья военная, любящая военное дѣло, что Великіе Князья не только веселяться, какъ часто мы слышали о томъ въ городѣ, но и работаютъ, какъ всѣ офицеры и генералы, и не только не уступаютъ имъ въ аккуратности и исполнительности, но зачастую превосходятъ ихъ.

Иногда во время ученія на военномъ полѣ появлялась гарцовавшая Великая Княгиня Марія Павловна. Присутствіе ея вносило потку поэзіи въ лагерную строевщину. Маленькіе Великіе Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи — жившіе лѣтомъ въ Красномъ селѣ, своимъ внезапнымъ появленіемъ передъ гауптвахтой, не разъ заставляли вызывать имъ караулъ въ ружье, что имъ видимо очень нравилось. Дѣти — они были для насъ не ими. Это присутствіе въ лагеряхъ членовъ Императорскаго Дома, придавало лагерному сбору какой то особенный праздничный парадный характеръ.

Тяжелая будничная лагерная жизнь прерывалась различными лагерными событіями и торжествами. Тревога, съ ея спортомъ, какая часть придетъ скорѣе къ царскому валику; маневры съ заключительной атакой на живописныхъ Кавелахтскихъ высотахъ; съемки въ долинахъ Дудергофа, гдѣ жило много интересныхъ дачницъ, гдѣ юнкеровъ такъ гостепріимно поили чаемъ на верандахъ и куда пріѣзжалъ къ своимъ знакомымъ на тройкѣ даже самъ Наслѣдникъ; смотры, парады, нарядные спектакли въ Красносельскомъ театрѣ, наконецъ Высочайшій объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей, описать которыя можетъ только поэтъ — все это создавало

ту прелесть, ту поэзію Красносельскаго лагернаго сбора, которая покрывала все будничное, тяжелое и заставляла помнить только одно свѣтлое, пріятное и красивое.

Красное село — это чудная заря нашей военной службы, наша военная романтика, наша первая любовь къ великой Русской арміи.

Незамѣтно прошелъ первый годъ училища и промелькнулъ второй. Мы были на старшемъ курсѣ. Нѣкоторые изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, были произведены въ портупей-юнкера. Какъ портупей-юнкеръ роты Его Величества, я долженъ былъ христосоваться на Пасхѣ съ Государемъ. Мы ждали той Пасхи съ нетерпѣніемъ, но Государь уѣхалъ изъ Петербурга. Мы были въ горѣ. Не пріѣзжалъ Государь за наши два года и въ училище, и намъ посчастливилось его видѣть близко всего лишь два раза.

Первый разъ то было зимою въ 1891 году на парадѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Спозаранку приготавлялись мы къ параду, обматывали ноги газетной бумагой, начищали сапоги, пуговицы и бляхи.

Наконецъ, мы на площади. Училище стоитъ на правомъ флангѣ парада, правымъ плечомъ ко дворцу, тыломъ къ Штабу гвардіи. Играютъ встрѣчу. Къ намъ приближается блестящая группа. Впереди могучая фигура Императора. Онъ какъ бы вросъ въ богатырскаго коня. Вотъ она мощь Россіи; вотъ она сама великая могучая Россія...

Царь въ нѣсколькихъ шагахъ. Его лучистый свѣтлый взглядъ смотритъ прямо въ глаза, даря неоцѣнимой лаской. Голова кружится отъ счастья. Мы слышимъ: — «Здравствуйте юнкера»!

Мы восторженно отвѣчаемъ и заливаемся раскатистымъ ура... несется — Боже Царя Храни... мы кричимъ, кричимъ въ дико восторженномъ экстазѣ, до потери голоса. Наше ура подхватывается слѣдующими частями и перекатывается волнами по всей площади. Звуки гимна несутся со всѣхъ сторонъ, все сливается въ одинъ сплошной могучій радостный гулъ... Неописуемый порывъ овладѣваетъ нами, мы готовы на все и прикажи намъ тогда Государь, что угодно, хотя бы броситься въ Неву — каждый исполнилъ бы то не задумавшись.

Второй разъ мы близко видѣли Государя въ Красномъ селѣ. Государь подъѣхалъ къ училищу во время батальоннаго ученія на военномъ полѣ. Могучій, въ сюртукѣ при шарфѣ, въ фуражкѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и въ аксельбантахъ, онъ медленно двигался на насъ. Баталіонъ замеръ...

Поздоровавшись, Его Величество произвелъ смотръ ученію, послѣ чего, поблагодаривъ баталіонъ и подъѣхавъ къ нашей ротѣ, спросилъ: — «Гдѣ мой фельдфебель»?

Стрѣлой вылетѣлъ изъ-за роты фельдфебель роты Его Величества и, какъ вкопанный, застылъ передъ Государемъ. Государь поздоровался съ нимъ, спросилъ, есть ли у него родные, гдѣ живутъ, въ какой полкъ онъ выходитъ, и пожелалъ счастливой службы.

Это происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я впивался въ Государя глазами. Помню какъ сейчасъ тотъ шарфъ Государя. Онъ какъ бы врѣзался, ушелъ въ здоровые бока Императора, которые выпирало изъ подъ него. Казалось, вотъ здоровье непочатое, вотъ силища богатырская...

Отъѣхавъ послѣ разговора съ фельдфебелемъ, Государь пожелалъ пропустить училище мимо себя съ пѣснями, и черезъ минуту батальонъ лихо маршировалъ передъ Его Величествомъ подъ красивую пѣсню:

«Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ

Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ»...

Дрожало поле, какъ печаталъ батальонъ, проходя мимо Царя.

— «Спасибо, Павловцы!» — раздалось въ слѣдъ нашей ротѣ. Пѣсня вдругъ оборвалась, и восторженное: — «Рады стараться Ваше Императорское Величество» — понеслось къ Царю и раскатилось за предѣлы военнаго поля...

И снова грянула, еще болѣе восторженно, прерванная пѣсня:

— «За горами за долами
Ужъ гремѣлъ о нихъ разсказъ»...

Счастливѣе насъ Павловцевъ навѣрное въ тотъ день не было никого въ Красносельскомъ лагерѣ.

Послѣдніе лагери проходили въ какомъ то угарѣ. Мы, выпускные ѣздили въ Петербургъ примѣрять изготовлявшуюся форму. Намъ отпускали на обмундированіе 225 рублей, и на нихъ надо было пріобрѣсти все, что слѣдовало имѣть офицеру до револьвера включительно. Своихъ средствъ у меня не было. Отецъ присылалъ мнѣ въ училище три рубля въ мѣсяцъ, т. к. больше онъ не могъ. Чтобы имѣть кое что, на отпускѣ приходилось заниматься чертежами, чѣмъ вырабатывалось ежемѣсячно до 25 рублей. Хлопотъ было съ шитьемъ формы много. Къ тому же мы съ товарищемъ К. переживали увлеченіе очаровательной, славной красавицей дѣвушкой К. Р.

Въ концѣ лагеря происходила разборка вакансій въ пѣхоту, въ артиллерію. Это былъ важный для насъ день, опредѣлявшій для многихъ всю ихъ дальнѣйшую судьбу.

Въ тотъ годъ я потерялъ отца, который умеръ въ Вильнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего производства, не увидѣвъ своего старшаго сына офицеромъ, о чемъ такъ долго мечталъ. Мнѣ не удалось быть и на его похоронахъ. Матушка съ двумя сестрами остались въ Вильнѣ, я рѣшилъ быть съ ними, и это опредѣлило мнѣ выборъ вакансій. Старшій портупей-юнкеръ, я выбралъ скромную вакансію въ квартировавшій въ Вильнѣ 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. Въ тотъ же городъ вышелъ и Кулябко, рѣшившій не разстаться со мною.

4-го августа 1893 года въ Красномъ селѣ у Царскаго валика мы были произведены въ офицеры. Чудный, незабвенный день. Желанный приказъ за погономъ. Накрапывалъ дождь, но намъ все кажется такимъ свѣтлымъ и радостнымъ. Батальонъ училища идетъ отъ валика въ лагерь. Черезъ два часа мы уже мчимся поѣздомъ въ Петербургъ, относимъ знамя и бросаемся переодѣваться въ офицерское платье. Въ головѣ стучитъ, на душѣ какой то сумбуръ восторга и счастья.

Впрочемъ, мы, вновь произведенные Аракчеевцы всѣхъ училищъ, обѣдаемъ у Донона. Большой отдѣльный кабинетъ. Столы ломятся отъ закусокъ и винъ. Пьемъ много, зря и быстро съ непривычки пьянѣемъ. Послѣ обѣда всей компаніей ѣдемъ въ какой то садъ, изъ него въ другой, третій и, наконецъ, попадаемъ въ Зоологію. Тамъ цѣлый содомъ отъ вновь произведенныхъ всѣхъ училищъ. Идетъ разливное море. Кто-то изъ молодыхъ офицеровъ лѣзетъ на сцену и дирижируетъ оркестромъ, другой жаритъ въ турецкій барабанъ; кто то атаковалъ статскаго и пытается надвинуть ему на глаза котелокъ. Вмѣшивается плацъ-адъютантъ и совѣтуетъ намъ уѣхать въ другое мѣсто. Наша компанія порѣдѣла: нѣкоторые нашли хорошенькихъ спутницъ, одинъ присталъ къ танцовщицѣ француженкѣ, насъ уже только трое...

Подъ утро мы очутились почему то съ Сѣверной гостиницѣ, потребовали опять вина и пришли въ себя лишь къ вечеру. Въ головѣ шумѣло, но на душѣ было легко: — мы офицеры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1893 — 1899 г. г. — Вильна. — 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. — Служба въ полку. — Отношеніе къ солдатамъ. — Польскій вопросъ. — Литовцы. — Еврейскій вопросъ. — Общество офицеровъ. — Пріѣздъ Вел. Кн. Николая Николаевича и его разносъ. — Уходъ офицеровъ изъ полка. — Желаніе перевестись въ жандармы. — Условія перевода. — Предварительное испытаніе. — Тема: вліяніе реформы всесословной воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ. — Легенды о корпусѣ жандармовъ. — Вызовъ на жандармскіе курсы.

Оренбургскій пѣхотный полкъ стоялъ въ Вильнѣ. Вильно того времени — красивый оживленный городъ, военно-административный центръ Сѣверо-западнаго края, мѣстопребываніе генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, мало походилъ на обычную провинцію. Неселеніе составляли русскіе, евреи, литовцы и поляки.

Нашъ полкъ, какъ и всѣ войска Виленскаго Военнаго Округа, учился серьезно. Округъ былъ пограничный съ Германіей, и близость врага давала отпечатокъ всей системѣ обученія и воспитанія войскъ округа.

Гарнизонъ города состоялъ изъ 27 пѣхотной дивизіи, въ которую входилъ первымъ нашъ полкъ, 4 саперныхъ батальона лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества Императрицы Маріи Федоровны полка и большое число вспомогательныхъ войскъ.

Въ полку, отъ командира до младшаго ефрейтора, всѣ работали надъ своими подчиненными и особенно ротные командиры. Эти труженики, прослужившіе въ полку по 15—25 лѣтъ, не знали иной жизни кромѣ роты. Ихъ идеаломъ было получить въ концѣ тридцатилѣтней лямки батальонъ. Они отдавались службѣ всецѣло, подавая примѣръ подчиненнымъ и требуя того же отъ младшихъ офицеровъ, которые работали очень добросовѣстно.

Отношеніе къ солдатамъ было не только хорошее, но даже сердечное. Никакой розни между солдатами и офицерами не существовало. Офицеры являлись не только начальниками и инструкторами, но и близкими совѣтниками солдатъ. Писаніе младшими офицерами писемъ на родину подъ диктовку солдатъ являлось обычнымъ явленіемъ.

Солдатъ повѣрялъ офицеру свои нужды и часто секреты. Офицеръ зналъ каждаго подчиненнаго ему солдата настолько хорошо, что могъ дать не только его характеристику, но и разсказать его семейное положеніе, достатокъ семьи въ деревнѣ, всѣ злободневныя событія его жизни: урожаи, падежи скота, недоимки и т. д. Таковы были требованія начальства и они выполнялись строго.

Помимо обязательныхъ занятій офицеры много возились съ солдатами въ свободное время: читали имъ, показывали туманныя картины, пѣли, устраивали иногда спектакли.

Битья, какъ системы, не существовало. Были отдѣльные офицеры, которые по вспыльчивости прибѣгали иногда къ побоямъ, но это было настолько рѣдко и необычайно, что объ этомъ говорилъ весь полкъ. Чаще всего это случалось съ молодыми офицерами, которые скоро оставляли затѣмъ эти замашки. Битье солдатъ начальниками изъ нижнихъ чиновъ строго преслѣдовалось начальствомъ.

Вопросъ національностей по отношенію солдатъ не существовалъ: офицеры относились одинаково ко всѣмъ безъ различія вѣроисповѣданій, и занятіе привилегированныхъ мѣстъ ротныхъ писарей евреями являлось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Вообще же національный вопросъ въ Вильнѣ былъ злободневнымъ явленіемъ. Главнымъ являлся польскій вопросъ. У насъ въ полку запрещалось говорить по польски; въ дивизіи преслѣдовались польскія бородки. Существовало процентное отношеніе офицеровъ поляковъ къ общему числу. Офицеры не принимались польскимъ обществомъ, за что отплачивали недружелюбіемъ къ полякамъ вообще.

Взаимная антипатія между русскими и поляками была очень сильна. Она выявилась съ особой силой тогда при постановкѣ и открытіи памятника усмирителю въ Литвѣ польскаго бунта генералу графу Муравьеву. Послѣдній, какъ извѣстно, принявшись за усмиреніе серьезно, покончилъ съ нимъ быстро и съ меньшими на Литвѣ жертвами, чѣмъ того достигъ въ Привислинскомъ краѣ болѣе гуманный, какъ говорили, графъ Бергъ.

Постановка памятника подняла старые споры. По городу ходили слухи, что поляки взорвутъ памятникъ. Однако, все обошлось благополучно. Правительство, щадя самолюбіе офицеровъ поляковъ распорядилось тогда не привлекать ихъ на торжество открытія, что и было исполнено.

Литовскаго вопроса въ то время какъ-бы не существовало. Всѣ литовцы съ нѣкоторой гордостью называли себя поляками, поляки-же Привислинскаго края не признавали за поляковъ не только литовцевъ, но и Виленскихъ поляковъ, говоря про нихъ: — «То какой онъ полякъ, онъ Виленскій!»

Польско-русская вражда не отражалась однако на отношеніяхъ офицеровъ къ офицерамъ полякамъ у себя въ полку: съ ними мы дружили отлично, служили они образцово и товарищами были хорошими.

Еврейскій вопросъ стоялъ во весь свой колоссальный ростъ, но не былъ такъ болѣзненъ, какъ польскій. Офицеры были окружены евреями: портной еврей, сапожникъ еврей, подрядчики и поставщики евреи, факторъ еврей, деньги въ долгъ даетъ еврей, всюду евреи, евреи и евреи, и многіе весьма симпатичные. И по отношенію ихъ офицеры были настроены доброжелательно.

Религіозная рознь существовала несомнѣнно, но тогда она не обострялась. Но передъ каждой Пасхой шли разговоры о томъ, что опять какая-то еврейка, гдѣ-то скрала, или пыталась скрасть, какого-то христіанскаго мальчика для надобностей своей Пасхи. Кто, гдѣ, что и какъ, никто не зналъ. И почти въ каждой офицерской семьѣ, гдѣ былъ ребенокъ мальчикъ, передъ Пасхой предупреждали денщика, чтобы онъ лучше смотрѣлъ за ребенкомъ и одного его за ворота не выпускалъ; дѣтей воруютъ. Такъ говорили, такова была людская молва. Кѣмъ и чѣмъ она питалась, насъ тогда не интересовало; городское населеніе этому вѣрило, вѣрили и мы офицеры, вѣрили и солдаты.

Общество офицеровъ въ полку было хорошее, дружное и товарищеское. Полковая библіотека съ читальней, завѣдываніе которой было возложено офицерами на меня, служила для нихъ мѣстомъ сбора, какъ-бы маленькимъ клубомъ. Читали много и съ толкомъ, особенно молодежь.

Полкъ былъ хорошо принятъ въ обществѣ; молодежь много танцевала, каталась на конькахъ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ. Одинъ изъ офицеровъ весело заправлялъ балами въ общемъ офицерскомъ собраніи, что ставилось въ плюсъ опять-таки полку.

Полкъ имѣлъ боевое прошлое: сформированный передъ войной 12-го года, онъ за Севастопольскую войну получилъ Георгіевское знамя, носилъ на шапкахъ отличіе, имѣлъ и товарищескія традиціи. Надъ входомъ въ полковое лагерное собраніе значились слова: «Да будутъ всѣ — едины». И офицерство было вѣрно имъ.

Въ городѣ имѣлось и общее офицерское собраніе для всего гарнизона, помѣщавшееся въ зданіи бывшаго іезуитскаго монастыря, передѣланнаго въ Преображенскія казармы, гдѣ помѣщался и нашъ полкъ.

Это собраніе съ прелестными залами, столовой, билліардной, читальней и отличной библіотекой было лучшимъ клубомъ въ городѣ, куда стягивалось все офицерство и русское общество, и только драгуны тяготѣли къ польско-русскому дворянскому клубу, гдѣ разъ въ годъ устраивался балъ-маскарадъ.

Жизнь гарнизона протекала между службой, городскими знакомствами и удовольствіями. Но два событія, связанныя съ царствующей династіей, взволновали тогда особенно эту жизнь.

20-го октября 1894 года телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Ливадіи о кончинѣ Императора Александра III-го. Трудно передать чувство, охватившее офицеровъ при этомъ извѣстіи: его надо пережить.

Какъ, не стало Его. А какъ-же Россія? Россія безъ Александра III-го. Онъ — богатырь и воистину русскій человѣкъ былъ именно олицетвореніемъ Россіи, ея силы, ея могущества. Его не стало...

Всѣ плакали; и плакали на панихидѣ офицеры и солдаты; плакали въ ротахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ.

На слѣдующій день полкъ принесъ присягу на вѣрность службы Государю Императору Николаю II Александровичу.

Началось новое царствованіе, полное внутреннихъ волненій, принесшее Россіи большія войны и кончившееся столь внезапно ужасной катастрофой.

Второе событіе связано съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Великій князь нагрянулъ однажды въ Вильну неожиданно съ цѣлью проинспектировать лейбъ-драгунскій Псковскій полкъ, которымъ командовалъ бывшій кавалергардъ полковникъ Николаевъ, человѣкъ съ большими связями и, какъ говорили, «любимецъ» государыни Маріи Федоровны.

Блестящій по внѣшности полкъ тотъ занимался довольно поверхностно. Начальство боялось подступиться къ нему изъ-за командира, командиръ-же любилъ пожить, былъ холостъ, блестящъ, шикаренъ, — за нимъ конечно шло и офицерство. Походка а-ля Николаевъ: немного впередъ, съ сигарой во рту, со стэкомъ въ рукахъ — обычный видъ всегда щегольски одѣтаго Псковича.

Чудное, розоватаго цвѣта сукно на околышахъ, воротникахъ и петлицахъ — составляло гордость полка. Сукно то ежегодно дарила Императрица Марія Федоровна.

Пріѣздъ Великаго Князя явился необычайнымъ явленіемъ. Николаевъ счелъ за лучшее сказаться больнымъ. Полкъ былъ представленъ старшимъ штабъ-офицеромъ. Великій Князь, проинспектировавъ, разнесъ полкъ въ пухъ и прахъ. Мѣстныя кумушки раскрасили то, что случилось на смотру, и по городу кричали, что Великій Князь прогналъ полкъ съ военнаго поля галопомъ.

Военные въ городѣ были довольны. Наконецъ-то добрались и до нихъ — шикарей. Молва о необыкновенной строгости, молодцоватости и лихости Великаго Князя пошла гулять по городу. «Вотъ-бы его къ намъ, — говорили въ полкахъ, — онъ-бы подтянулъ, навелъ порядки...».

На карьерѣ Николаева этотъ инцидентъ не отразился. Онъ командовалъ впослѣдствіи кавалергардскимъ полкомъ, былъ въ Свитѣ Его Величества и умеръ любимый всѣми, кто его зналъ, въ званіи генералъ-адъютанта.

Но полковая служба не удовлетворяла молодежь. Впереди была монотонная тяжелая лямка съ полученіемъ чина подполковника въ лучшемъ случаѣ. О командирѣ полка нельзя было и мечтать. Для полученія его надо было окончить академію.

Естественно, что все болѣе живое, энергичное, не успѣвшее завязнуть въ мѣстныхъ интересахъ, стремилось уйти изъ полка. Уходили въ различныя академіи, въ кадетскіе корпуса, военныя и юнкерскія училища, переводились въ гвардію, въ пограничную стражу, въ корпусъ жандармовъ.

Думалъ объ уходѣ и я. Переводъ въ гвардію у меня не состоялся, т. к. командиръ полка, обѣщавшій взять меня къ себѣ въ полкъ, поссорился съ тѣмъ, кто хлопоталъ за меня. Приходилось расчитывать на себя.

Слѣдуя общей среди молодежи модѣ, я сталъ готовиться въ Академію, выбравъ военно-юридическую, но въ то же время подумывалъ о переводѣ въ Корпусъ жандармовъ. О службѣ жандармовъ я много говорилъ съ однимъ изъ моихъ товарищей. Мы не понимали тогда конечно всей серьезности службы этого корпуса, не знали его организаціи и всѣхъ его обязанностей, но въ общемъ она казалось намъ очень важной. Мы знали смутно, что жандармы борются съ тѣми, кто бунтуетъ студентовъ, крестьянъ, рабочихъ, вообще, какъ считали мы, съ соціалистами. Эти послѣдніе, въ глазахъ многихъ изъ насъ, отождествлялись со студентами и казались намъ революціонерами. Понятіе о революціонерахъ у насъ было примитивное. Мы считали, что они всѣ нигилисты и представляли мы ихъ себѣ въ лицѣ Волоховыхъ, Базаровыхъ и вообще какъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Мы слыхали о нихъ по сдержаннымъ разсказамъ объ убійствѣ ими Царя-Освободителя; мы слышали, что убилъ какой-то Рысаковъ, а раньше стрѣлялъ какой-то Каракозовъ. Кто они, мы хорошо не знали; говорить о нихъ считалось вообще неловкимъ и неудобнымъ, т. к. это было изъ запрещеннаго міра.

За послѣдніе годы, около 1-го Мая, мы всегда слышали, что рабочіе вновь хотятъ что-то устроить, гдѣ-то будутъ собранія и надо будетъ ихъ разгонять, для чего отъ полка посылались наряды. Получала нарядъ и моя рота. Лежишь бывало съ полуротой въ лощинѣ, за городомъ около «Новаго Свѣта» и ждешь этого сборища. Лежишь часъ, другой, третій, никто не собирается; ждать надоѣло, лежишь и ругаешься въ душѣ на бунтовщиковъ, что зря изъ-за нихъ треплешься и попусту теряешь время. Мы знали, что въ Ярославлѣ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, здорово проучилъ бунтовщиковъ при какихъ-то безпорядкахъ, и Государь объявилъ имъ свою благодарность. Видно, дѣйствительно молодцами работали.

По простой военной терминологіи, всѣ эти господа назывались у насъ общимъ именемъ — «внутренними врагами государства». Въ ротахъ у насъ учили, что «солдатъ есть слуга Царя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ». На вопросъ-же о томъ: кто такой врагъ внутренній, отвѣчали такъ: — «Это воры, мошенники, убійцы, шпіоны, соціалисты и вообще всѣ, кто идутъ противъ Государя и внутренняго порядка въ странѣ».

Мы знали, что главную борьбу съ ними ведутъ жандармы, и это не могло намъ не нравиться, т. к. это была та же защита нашей родины, та же война, но лишь внутренняя. Но вся служба жандармеріи была окутана для насъ какой-то тайной. Сами жандармскіе офицеры своею сдержанностью и какой-то особой корректностью уси-

ливали это впечатлѣніе и заставляли смотрѣть на нихъ съ нѣкоторой осторожностью. Въ нихъ не было офицерской простоты, они не были на-распашку и даже внушали къ себѣ какой-то непонятный страхъ. Почему и отчего — это было неясно.

Въ полку у насъ на корпусъ смотрѣли очень хорошо. Нѣсколько нашихъ офицеровъ уже служили тамъ, занимали хорошія должности и были предметомъ нашей зависти. Въ Вильнѣ жандармерія была представлена блестяще. Генералы фонъ-Эксе и Черкасовъ пользовались уваженіемъ русскаго общества, первый-же былъ принятъ и въ польскихъ кругахъ и принадлежалъ къ мѣстной аристократіи. Оба они были очень солидны и парядны.

Я лично въ жандармахъ ничего нехорошаго не видѣлъ. Еще съ дѣтства я помню, что жандармы были хорошо приняты, бывали они и у насъ въ домѣ. Даже женихомъ одной изъ моихъ сестеръ былъ жандармскій ротмистръ, но бракъ не состоялся вслѣдствіе его внезапной смерти. Мы дѣти ихъ не боялись, а вотъ кухарка наша очень боялась. Она разговаривала какъ-то на кухнѣ съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и сказала: «Ну это было при царѣ-горохѣ», а тотъ ей въ отвѣтъ: — «Ну ты, смотри, вотъ я доложу ротмистру, что ты царя горохомъ называешь, такъ онъ тебѣ задастъ!». Авдотья наша плакала затѣмъ со страху цѣлый день и послѣ этого очень боялась жандармовъ.

Уже въ полку, читая много по исторіи, прочелъ я какъ-то въ одномъ изъ историческихъ журналовъ «Записки голубого жандарма» изъ эпохи 60-хъ годовъ. Онѣ произвели на меня большое впечатлѣніе тѣмъ, сколь много добра сдѣлалъ тотъ жандармскій штабъ-офицеръ, состоя въ Вильнѣ при графѣ Муравьевѣ во время усмиренія польскаго бунта. То была литература, а жизнь какъ-бы нарочно дала и иллюстрацію къ ней. У одной изъ моихъ сестеръ не удалась семейная жизнь, и она стала разводиться. Но денегъ на разводъ у нея не было, процедура эта въ то время была весьма сложна и непріятна, мужъ же хотѣлъ отнять у нея ребенка и т. д. Мы жили тогда всей семьей, т. е. матушка, сестры и я вмѣстѣ въ Вильнѣ. Не зная какъ быть, гдѣ искать правды и защиты, сестра обратилась къ единственному надежному источнику для всѣхъ несчастныхъ — съ прошеніемъ на Высочайшее имя.

Въ комиссіи-же по принятію прошеній, на Высочайшее имя подаваемыхъ, всѣ эти щекотливыя дѣла поручались состоявшему при нихъ жандармскому штабъ-офицеру и, далѣе, одному изъ мѣстныхъ жандармскихъ-же офицеровъ.

Благодаря такому вмѣшательству въ дѣло жандармовъ, сестра моя смогла удержать при себѣ своего ребенка; мужу, оказавшемуся весьма неважнымъ человѣкомъ, не позволили отнять его у матери, а сестрѣ выдали даже отдѣльный видъ на жительство, что въ тѣ годы было очень много. Эта защита, которую моя бѣдная больная чахоткой сестра нашла въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, заставила всю нашу семью смотрѣть на жандармовъ съ глубокой благодарностью, какъ на людей, благодаря которымъ удалось добиться справедливости, тѣмъ болѣе, что мужъ моей сестры занималъ солидное положеніе, онъ былъ полковникомъ, командиромъ одного изъ отдѣловъ пограничной стражи. На меня этотъ случай произвелъ большое впечатлѣніе. Этотъ житейскій примѣръ такъ сходился съ тѣмъ, что писалъ про свою службу «Голубой жандармъ».

Матушка моя не разъ говорила мнѣ затѣмъ, что она хотѣла-бы видѣть меня или артиллеристомъ, или жандармомъ, сестры-же уже прямо убѣждали меня итти въ жандармерію. Воспитанныя въ Архангельской провинціальной глуши, далекія отъ всякой политики, онѣ были чужды обычныхъ интеллигентскихъ предразсудковъ противъ синяго мундира и смотрѣли на жандармскаго офицера просто: — офицеръ, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая, чего-же еще

нужно для брата. А что ругаютъ — такъ за глаза и царя ругаютъ! Все это въ общей сложности создало у меня желаніе поступить въ Корпусъ жандармовъ, и я, подчитывая для военно-юридической академіи, въ тоже время не упускалъ изъ виду какъ-бы найти протекцію для перевода въ корпусъ.

Но многіе въ обществѣ не любили жандармовъ, службу ихъ бранили и говорили про нихъ, что они всѣ доносчики. Это непріязненное отношеніе къ жандармамъ я встрѣтилъ тогда-же въ семьѣ почтеннаго присяжнаго повѣреннаго, на дочери котораго я хотѣлъ жениться. Русскій человѣкъ, сынъ генерала, Севастопольскаго героя, мой будущій тесть не хотѣлъ и слышать, чтобы его зять былъ жандармомъ. Онъ предлагалъ намъ съ дочерью матеріальную помощь и предлагалъ устроить меня куда либо на гражданскую службу, которая-бы обезпечивала меня лучше, чѣмъ полкъ, лишь-бы я не шелъ въ жандармы. Я упорствовалъ, доказывая ему, что служба корпуса жандармовъ идейная и полезная для государства. Не имѣя ничего мнѣ возразить по существу, онъ всетаки былъ противъ нея. Мы долго спорили, и каждый остался при своемъ мнѣніи. Я не покидалъ намѣренія поступить въ корпусъ, но не отказывался отъ мысли жениться на его дочери.

Но перевестись въ Корпусъ жандармовъ было очень трудно. Для поступленія въ корпусъ отъ офицеровъ требовались прежде всего слѣдующія условія: потомственное дворянство; окончаніе военнаго или юнкерскаго училища по первому разряду; не быть католикомъ; не имѣть долговъ и пробыть въ строю не менѣе шести лѣтъ. Удовлетворявшій этимъ требованіямъ долженъ былъ выдержать предварительныя испытанія при штабѣ корпуса жандармовъ для занесенія въ кандидатскій списокъ и затѣмъ, когда подойдетъ очередь, прослушать четырехмѣсячные курсы въ Петербургѣ и выдержать выпускной экзаменъ. Офицеръ, выдержавшій этотъ второй экзаменъ, переводился Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ.

Всѣмъ формальнымъ условіямъ я удовлетворялъ, но у меня не было протекціи; отборъ-же офицеровъ былъ настолько строгъ, желающихъ было такъ много, что безъ протекціи попасть на жандармскіе курсы было невозможно.

Скоро, однако, случай помогъ мнѣ. Виленскій губернаторъ генералъ Фрезе, который зналъ меня по городу и у котораго я не разъ танцевалъ на вечерахъ, былъ назначенъ командиромъ Корпуса жандармовъ. Я обратился къ нему съ просьбой и получилъ обѣщаніе быть вызваннымъ на предварительное испытаніе.

Приходилось спѣшно готовиться къ этому первому экзамену, что являлось труднымъ потому, что программы для него не существовало. Экзаменаціонная комиссія знакомилась съ общимъ развитіемъ офицера, предлагая ему вопросы по исторіи, администраціи, законовѣдѣнію, о газетахъ и журналахъ, не сообразуясь ни съ какими рамками. Объ этомъ экзаменѣ среди офицеровъ ходили самые невѣроятные разсказы. Такъ говорили, что кого-то спросили: что написано на игральной картѣ бубновый тузъ; сколько лошадей запряжено въ колесницу, что надъ аркой Главнаго Штаба; сколько ступеней на парадной лѣстницѣ въ Штабѣ Корпуса Жандармовъ и т. п. глупости. Будто все это для провѣрки вниманія и наблюдательности.

Я началъ повторять соотвѣтствующіе курсы, сталъ усиленно читать газеты и журналы, и мои занятія для юридической академіи очень тогда мнѣ пригодились.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ меня вызвали въ Петербургъ, я подалъ докладную записку: о желаніи «продолжать службу Его Императорскому Величеству въ Отдѣльномъ Корпусѣ Жандармовъ» и получилъ приглашеніе на предварительныя испытанія.

На испытаніе явилось около 40 офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Не безъ тре-

пета входилъ я въ комнаты штаба Корпуса жандармовъ, помѣщавшагося въ знаменитомъ домѣ «У Цѣпного моста» противъ церкви Святого Пантелеймона. Все казалось тамъ страшно таинственнымъ и важнымъ. Единственно доступный и любезный человѣкъ — это швейцаръ. Все остальное заморожено холодомъ. Видимо, то же испытывали и другіе офицеры.

Въ ожиданіи экзаменаторовъ мы перешептывались о нихъ. Оказалось, что экзаменаціонная комиссія состояла изъ старшихъ адъютантовъ штаба корпуса при участіи представителя Департамента Полиціи Тайнаго Совѣтника Янкуліо. Этотъ худощавый старикъ, напоминавшій наружностью Побѣдоносцева, внушалъ намъ особый страхъ, но почему, мы сами не знали.

Въ первый день держали устный экзаменъ. Меня спросили, читалъ-ли я фельетонъ «Новаго Времени» о брошюрѣ Льва Тихомирова: «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мнѣ извѣстна, и мой отвѣтъ удовлетворилъ комиссію. Предложивъ затѣмъ мнѣ перечислить реформы Александра II-го и поставивъ еще нѣсколько вопросовъ по исторіи и администраціи и выслушавъ отвѣты, предсѣдатель комиссіи объявилъ, что устный экзаменъ мною выдержанъ и что мнѣ надлежитъ явиться на слѣдующій день держать письменный.

На завтра мы уже собрались въ меньшемъ числѣ и болѣе смѣлыми. Письменный экзаменъ заключался въ томъ, что каждому давалось сочиненіе на отдѣльную тему. Мнѣ попалась тема: «Вліяніе реформы всесословной воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ». Тема благодарная. Каждая рота и батарея, каждый эскадронъ милліонной русской арміи имѣли свою школу грамотности для молодыхъ солдатъ съ годичнымъ курсомъ. Въ каждой такой школѣ ежегодно выучивались читать, писать, четыремъ правиламъ арифметики и началамъ Закона Божія, официально до 20 человѣкъ, неофиціально-же около школъ обучались всѣ неграмотные. Помножьте это число на количество указанныхъ боевыхъ единицъ и получится то колоссальное число простолюдиновъ, которые ежегодно выучивались грамотѣ офицерами. А все дальнѣйшее образованіе и развитіе, которое получалъ крестьянинъ во время пребыванія его въ войскахъ, которое онъ уносилъ затѣмъ въ родную деревню. А образованіе, получавшееся въ учебныхъ командахъ полковъ и т. д. Надо было видѣть какого либо неграмотнаго головотяпа Ивана Безроднаго, когда онъ являлся на службу, не умѣя связать двухъ словъ, не зная, которая рука правая и которая лѣвая, надо было видѣть и говорить съ нимъ тогда и взглянуть на него спустя три года, когда онъ грамотный, развитой и бойкій уходилъ изъ войсковой части домой, въ запасъ арміи, чтобы понять, что было достигнуто за истекшіе три года, сколь много дѣлалъ для народа тотъ офицеръ, надъ которымъ такъ часто подсмѣивались наши интеллигенты, говоря, что офицеры умѣютъ только пить, веселиться и звякать шпорами.

Взявъ за основаніе только-что приведенное, развивъ и дополнивъ эти мысли другими соображеніями и доводами, я сдѣлалъ соотвѣтствующіе выводы.

Экзамены я выдержалъ. Меня внесли въ кандидатскій списокъ, и я долженъ былъ ждать вызова для слушанія лекцій. Выдерживали экзамены далеко не всѣ, и вотъ срѣзавшіеся то офицеры, принужденные по возвращеніи въ свои части объяснить какъ либо свою неудачу, они-то и распускали всякіе невѣроятные слухи о таинственномъ экзаменѣ и вообще о корпусѣ. Такъ появилась легенда о какой-то особой присягѣ, приносившейся жандармами, которые клялись не щадить ни отца, ни мать. На это особенно налегали всѣ противники жандармеріи. Но никогда никакой присяги жандармскіе офицеры не приносили. Они были связаны уже присягой, при-

несенной ими при поступленіи на военную службу, и это считалось конечно вполнѣ достаточнымъ.

Подобнымъ-же образомъ получилась легенда о бубновомъ тузѣ, о лошадяхъ и ступеняхъ на лѣстницѣ и много другихъ. Онѣ пускались и подхватывались или заблуждавшимися, или лгунами, или врагами корпуса, которыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Правительство, обставлявшее корпусъ совершенно ненужной таинственностью, вмѣсто того, чтобы широко освѣтить его права и обязанности, много способствовало распространенію этихъ небылицъ.

Выдержавъ испытаніе, я вернулся въ Вильну и сталъ ждать вызова, а въ это время, Виленская жандармерія собирала обо мнѣ наиподробнѣйшія свѣдѣнія. Политическая благонадежность и денежное состояніе подвергались наибольшей провѣркѣ. Первое объяснять не приходится, второе-же преслѣдовало цѣль, чтобы въ корпусъ не проникали офицеры, запутавшіеся денежно, зависящіе отъ кого либо въ матеріальномъ отношеніи. Жандармъ долженъ былъ быть независимъ.

Между тѣмъ, генерала Фрезе назначили на Кавказъ, и вызовъ меня на курсы затянулся. Прошло почти два года, я уже успѣлъ жениться на дочери присяжнаго повѣреннаго Бялаго, выдержавъ съ нимъ не одинъ большой бой, пока онъ, наконецъ, благословилъ насъ и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Лѣтомъ 1899 года, я выдержалъ при Штабѣ Виленскаго Округа предварительный экзаменъ въ военно-юридическую академію и отправился осенью въ Петербургъ держать экзамены при академіи. Пріѣхавъ туда, я совершенно неожиданно получилъ вызовъ на жандармскіе курсы. Я бросилъ экзамены въ академію, вернулся въ Вильну, устроилъ дѣла съ полкомъ и, забравъ жену, уѣхалъ въ Петербургъ для слушанія лекцій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основаніе Корпуса жандармовъ при Императорѣ Николаѣ I-мъ. — Обязанности жандармовъ при послѣдующихъ царствованіяхъ. — Корпусъ жандармовъ при Императорѣ Николаѣ II-мъ. — Организація и обязанности. — На жандармскихъ курсахъ. — Недостатки курсовъ. — Дефекты Корпуса жандармовъ. — Переводъ въ жандармы. — Разставаніе съ полкомъ. — Проводы. — Пріѣздъ въ Москву. — Московское охранное отдѣленіе. — Первыя впечатлѣнія. — Зубатовъ и Мѣдниковъ. — Вечеръ въ Кремлѣ. — Тревожная ночь.

Въ концѣ Января 1826 года генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, подалъ Императору Николаю I-му записку, въ которой излагалъ слѣдующее:

«Событія 14-го Декабря и ужасные заговоры, которые въ теченіе болѣе 10 лѣтъ подготовляли этотъ взрывъ, достаточно доказываютъ, какъ ничтожность имперской полиціи, такъ и неизбѣжную необходимость организаціи таковой согласно искусно скомбинированному и дѣятельно выполненному плану...»

«Для того, чтобы полиція была хороша и охватывала все пространство имперіи, она должна имѣть одинъ извѣстный центръ и развѣтвленія, проникающія во всѣ пункты; нужно, чтобы ея боялись и уважали за моральныя качества ея начальника. Онъ долженъ называться министромъ полиціи и инспекторомъ жандармовъ. Только этотъ титулъ дастъ ему расположеніе всѣхъ честныхъ людей, которые хотѣли-бы предупредить правительство о нѣкоторыхъ заговорахъ, или сообщить ему интересныя новости. Мошенники, интриганы и глупцы, обратившіеся отъ ихъ заблужденій или ищущіе искупить свои ошибки доносами, будутъ знать куда обратиться. Этотъ титулъ объединилъ-бы всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разбросанныхъ по всѣмъ городамъ Россіи и по всѣмъ дивизіямъ арміи, далъ-бы средство поставить туда людей интеллигентныхъ и использовать людей чистыхъ...»

«Чины, ордена, благодарность поощряютъ офицера болѣе, чѣмъ денежныя суммы поощряютъ людей, секретно используемыхъ, которые часто играютъ двойственную роль: шпіонятъ для и противъ правительства...»

«Эта полиція должна употреблять всѣ свои усилія, чтобы завоевать моральную силу, которая въ каждомъ дѣлѣ есть главная гарантія успѣха...»

Записка эта подвергалась изученію Государя и обсужденію нѣсколькихъ избранныхъ Императоромъ лицъ и 25-го Іюля 1826 года, въ день рожденія Императора Николая I-го, появился приказъ объ учрежденіи Корпуса жандармовъ, о назначеніи генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорской главной квартирой. 3-го-же Іюля состоялся указъ о преобразованіи особой канцеляріи министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Третье Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи. Во исполненіе этого указа, начальники губерній по всѣмъ дѣламъ подвѣдомственнымъ Третьему Отдѣленію должны были доносить прямо Его Императорскому Величеству.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ о той реформѣ слѣдующее:

«Всю Имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее-же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта.»

«Учрежденіе въ то-же время Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей, секретной полиціи, которая въ лицѣ тайныхъ агентовъ должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ» (Шильдеръ. Императоръ Николай I).

Такъ появился Корпусъ жандармовъ.

Если вспомнить, что въ теченіе всего предшествовавшаго тому вѣка, главными участниками всѣхъ политическихъ заговоровъ являлись военные; что военными были совершены цареубійства Петра II-го и Павла I-го, а во главѣ заговора противъ отца Николая Павловича стоялъ главный начальникъ государевой охраны генералъ-адъютантъ графъ Паленъ; что и въ дѣлѣ Декабристовъ, проекты которыхъ восходили до убійства Императора Александра I-го и всѣхъ членовъ царствовавшей династіи, всѣ участники, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, были военные, — принявши все это во вниманіе, легко понять, почему въ дѣлѣ сформированія Корпуса жандармовъ Государь Николай Павловичъ принялъ ближайшее участіе, почему корпусу дана была организація восходившая до Собственной Его Величества Канцеляріи и почему вниманіе новой высшей полиціи было такъ сильно направлено на военную среду.

Борьба съ злоупотребленіями во всѣхъ частяхъ управленія, во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ; наблюденіе за сохраненіемъ государственнаго порядка и спокойствія; наблюденіе за нравственностью учащейся молодежи; обнаруженіе бѣдныхъ и сирыхъ, нуждающихся въ матеріальной помощи — вотъ обязанности Корпуса жандармовъ согласно инструкціи, преподанной имъ ихъ первымъ шефомъ.

Корпусъ жандармовъ — глаза и уши Императора, говорили тогда. Общественное благо — его цѣль. Бѣлый платокъ для утиранія слезъ — эмблема его обязанностей.

Какая же среда могла тогда дать соотвѣтствующій контингентъ лицъ для выполненія такой высокой задачи? Только русская армія, въ массѣ своей всегда служившая вѣрой и правдой своимъ государямъ, создававшая имъ славу, ковавшая ве-

личіе и могущество Россіи. Она и выдѣлила изъ себя и весь составъ вновь образованной жандарменіи.

«По мысли Государя — говорилъ историкъ Шильдеръ — лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла».

Въ царствованіе Александра II-го, на офицеровъ Корпуса жандармовъ было возложено производство дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, на правахъ слѣдователей подъ наблюденіемъ прокуратуры, согласно новыхъ судебныхъ уставовъ.

Всесильный диктаторъ, «волчьи зубы, лисій хвостъ», графъ Лорисъ-Меликовъ добился уничтоженія независимости Корпуса жандармовъ. Въ февралѣ 1880 года, шефъ жандармовъ былъ уволенъ отъ должности, Третье же Отдѣленіе и Корпусъ жандармовъ были подчинены Лорисъ-Меликову. Высочайшимъ же указомъ 6-го августа того же года, Корпусъ жандармовъ былъ подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ, тому же Лорисъ-Меликову, по званію шефа жандармовъ, Третье Отдѣленіе было уничтожено, и вмѣсто него былъ образованъ Департаментъ Государственной полиціи.

Подчинивъ себѣ Корпусъ, Лорисъ-Меликовъ не сумѣлъ однако цѣлесообразно использовать его силы въ то тяжелое время. Охрана Государя была поставлена преступно небрежно. Ею вѣдали чиновники секретнаго отдѣленія канцеляріи оберъ-полицмейстера.

Въ упоеніи собственной славы, Лорисъ-Меликовъ, въ одномъ изъ своихъ Всеподданнѣйшихъ докладовъ, красиво изобразилъ Государю то успокоеніе и благополучіе, котораго онъ достигъ яко бы въ имперіи своими либеральными мѣрами, смѣшавъ непозволительно для государственнаго человѣка въ одну кучу народъ, либеральное общество, политикановъ и революціонеровъ. За тотъ знаменитый докладъ, образчикъ безграничнаго самомнѣнія, легкомыслія и политическаго невѣжества со стороны министра Внутреннихъ дѣлъ, Россія заплатила, спустя немного времени, жизнью своего Царя - Освободителя.

Послѣ убійства Александра II-го, было создано Петербургское охранное отдѣленіе, съ чинами Корпуса жандармовъ. Предупрежденіе покушенія на жизнь Александра III-го въ мартѣ 1887 года, арестомъ «Террористической фракціи Народной Воли» съ бомбами, на пути предполагаемаго проѣзда Государя, явилось блестящимъ актомъ дѣятельности корпуса за то время. Чины корпуса разгромили по всей Россіи терроризовавшую прежнее правительство «Народную Волю» и, согласно Высочайше утвержденному въ Августѣ 1881 года «Положенію объ усиленной охранѣ, приняли къ исполненію новую обязанность — производство разслѣдованія безъ участія прокурорскаго надзора. Совокупностью энергично принятыхъ мѣръ достигнуто было успокоеніе.

Новое царствованіе Императора Николая Александровича принесло съ собою общественное оживленіе; властно выдвинулся новый соціальный факторъ — рабочій вопросъ. Корпусу предстояла новая сложная работа.

Въ 1899 году, когда я былъ вызванъ на жандармскіе курсы, организація и обязанности корпуса были въ общемъ таковы. Корпусъ состоялъ изъ генераловъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Одна часть корпуса была сведена въ губернскія жандармскія управленія, которыя осуществляли по старому наблюденія, кое - гдѣ вели политическій розыскъ, а также производили дознанія и разслѣдованія. Къ этой категоріи относились и офицеры резерва, спеціализировавшіеся на производствѣ дознаній.

Вторая часть корпуса была сведена въ желѣзно-дорожныя полицейскія управленія и несла службу исключительно въ полосѣ отчужденія желѣзныхъ дорогъ, исполняя функціи и общей, и политической полиціи.

Въ вѣдѣніи офицеровъ корпуса были также охранныя отдѣленія въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, входившія въ составъ градоначальства и оберъ-полицеймейстерствъ и занимавшіяся политическимъ розыскомъ. Въ крѣпостяхъ же были крѣпостныя жандармскія команды, наблюдавшія въ крѣпостныхъ районахъ. Кромѣ того въ составъ корпуса входили Петербургскій, Московскій и Варшавскій дивизіоны, несшіе наружно-полицейскую службу и бывшіе жандармами только по формѣ.

Главнымъ начальникомъ жандармовъ являлся министръ внутреннихъ дѣлъ по званію шефа жандармовъ, во главѣ корпуса стоялъ его командиръ, строевою частью вѣдалъ штабъ, всей-же розыскной и наблюдательной — Департаментъ полиціи, куда поступала также и вся отчетность по производству дознаній и разслѣдованій.

Желѣзнодорожные жандармы зависѣли почти исключительно отъ штаба, губернскіе же отъ Департамента полиціи. Двойственность подчиненія корпуса отражалась на всей его службѣ. Назначеніе же начальниковъ управленій не Высочайшими приказами, а командиромъ корпуса, вносило въ корпусную жизнь произволъ, протекціонизмъ и лишало его высшій персоналъ независимости и самостоятельности, столь необходимыхъ для органа такого важнаго государственнаго значенія, какое имѣлъ корпусъ въ царской Россіи.

* * *

Въ большой высокой комнатѣ, за громаднымъ покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ сидѣли мы, слушая лекторовъ, стараясь постичь новое, таинственное, такъ интересовавшее насъ дѣло. Намъ читали уголовное право, производство дознаній и разслѣдованій и желѣзнодорожный уставъ. Мы отлично усвоили всѣ права и обязанности желѣзнодорожной жандарменіи и познакомились съ формальной стороной дознаній, но и только. О самомъ же главномъ для насъ, объ общественныхъ и революціонныхъ движеніяхъ и о методахъ борьбы съ революціей, намъ тогда ничего на курсахъ не говорили. Прозанимавшись четыре мѣсяца и сдавъ отлично экзамены, мы знали объ этомъ только то, что сумѣли почерпнуть собственными усиліями и благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ.

Между тѣмъ большинство изъ насъ горѣло желаніемъ отдаться всецѣло борьбѣ съ революціонерами. Какъ ни далеко стояла тогда армія отъ политики, кое-что о начинающемся рабочемъ движеніи доходило и до насъ; о подпольной работѣ соціалистовъ мы слыхали, знали мы и то, что Царя-Освободителя убили именно они. На курсахъ же намъ было выдано для ознакомленія съ порядкомъ производства дознаній нѣсколько томовъ дѣла о покушеніи на Александра III-го. Но только намъ не давали никакихъ разъясненій по этому дѣлу, которое одно могло бы составить рядъ поучительныхъ для жандармскаго офицера лекцій по исторіи революціоннаго движенія и по розыску.

На подготовку будущихъ жандармовъ не обращали вниманія; и въ то время, какъ государство имѣло всевозможныя академіи для военныхъ, оно не обладало соотвѣтствующей школой для подготовки личнаго состава учрежденія, которое играло въ государственной жизни царской Россіи столь выдающуюся роль, неся обязанности административныя и судебно слѣдственныя, по охранѣ государственнаго порядка и верховной власти. Пробѣлъ былъ вопіющій, и мы были поражены.

Подобная ненормальность объясняется прежде всего несоотвѣтствіемъ своему назначенію командировъ корпусовъ. Можетъ быть, и хорошіе военные, они были посторонними для корпуса и зачастую не понимали всей государственной важности

института, во главѣ котораго становились. Они очень часто смотрѣли на него какъ на войсковую часть только, или какъ на ступень для дальнѣйшей карьеры, ступень широкую, удобную, покрытую шикарнымъ бархатнымъ ковромъ.

Былъ одинъ командиръ, который въ первые дни послѣ своего назначенія спросилъ, а что такое въ сущности вообще полиція. Онъ же отдалъ затѣмъ приказъ, чтобы жандармскихъ унтеръ-офицеровъ обучали рубкѣ шашкой по лозѣ и по глинѣ. Бѣдный генералъ, глядя на жандарскія шпоры и лядунку, считалъ, что жандармерія это — строевая кавалерійская часть. И начали желѣзнодорожные жандармы, вмѣсто своего прямого дѣла, учиться рубкѣ по глинѣ. Это не анекдотъ, а дѣйствительный фактъ.

Но этотъ военный командиръ корпуса, боявшійся панически адреснаго листка на архивной дугѣ, считая что тамъ-то и есть вся тайна розыска, по крайней мѣрѣ не ломалъ того дѣла, котораго не понималъ, а бывали и такіе реформаторы. Уже много позже одинъ генералъ, не разбираясь въ службѣ корпуса и недолюбливая ея въ душѣ, умѣя вообще лишь быть пріятнымъ, додумался до уничтоженія розыска и успѣлъ свою легкомысленную затѣю осуществить частично. Онъ же, какъ увидимъ ниже, сознательно провалилъ цѣннѣйшаго освѣдомителя Департамента полиціи, искренно думая, что совершаетъ замѣчательное общественное дѣло. Печальные факты, за которые Россія заплатила очень дорого. Бывали конечно исключенія, но очень и очень рѣдко.

Ненормально было и назначеніе начальника штаба корпуса. Разъ есть слово штабъ, то мѣсто, конечно, считалось за Генеральнымъ Штабомъ и должность принималъ и начиналъ вершать дѣла по корпусу при непонимающемъ его командирѣ, такой-же непонимающій корпуса и чуждый ему по духу офицеръ генеральнаго штаба. Если онъ, какъ честный и разумный человѣкъ, не вредилъ корпусу, то и пользы ему и дѣлу не приносилъ. И нуженъ былъ, напримѣръ, весь трагизмъ первой русской революціи съ ея желѣзнодорожной забастовкой, чтобы начальникъ штаба корпуса понялъ, наконецъ, что желѣзнодорожная жандармерія обязана быть освѣдомленной въ своемъ районѣ, т. е. обязана вести розыскъ. Штабъ же вообще былъ противникъ розыска, который, по его мнѣнію, являлся дѣломъ грязнымъ, а желѣзнодорожная жандармерія считалась выше его.

Какъ уже было упомянуто, двойственное подчиненіе корпуса очень вредило ему и отражалось на дѣлѣ. Штабъ всегда былъ въ войнѣ съ департаментомъ, что и сказывалось на офицерахъ. Департаментъ требовалъ розыскной работы и продвигалъ офицеровъ, успѣвавшихъ въ ней; штабъ же былъ врагъ розыска и потому розыскные офицеры у него были не въ милости. Зависимые и отъ департамента, и отъ штаба, офицеры должны были дипломатничать и лавировать, чтобы, служа одному учрежденію, не провалиться у другого. Только тѣ, кто посвящалъ себя навсегда желѣзнодорожному дѣлу, могли не считаться, напримѣръ съ департаментомъ, да и то относительно.

Не получая, чего слѣдуетъ, отъ своего военнаго центра, корпусъ не находилъ его и въ гражданскомъ центрѣ. Для многихъ директоровъ Департамента полиціи, а зачастую и для министра внутреннихъ дѣлъ, корпусъ казался лишь «офицерствомъ», если не «бурбонствомъ». Обычныя противопоставленія штатскаго начала военному. Что они тамъ могутъ понимать! А между тѣмъ, сами то директора Департамента полиціи, за весьма немногими исключеніями, зачастую мало что понимали въ политическомъ розыскѣ, хотя смѣло и смаху хватались за него.

На несчастье корпуса не являлось человѣка, который, понимая его, приспособилъ бы окончательно этотъ сложный и хорошій по составу аппаратъ къ требованію

современнаго государства. Мысль же о томъ бродила и надъ ней задумывались, но тѣ, кто могъ ее реализировать, сдѣлать того не успѣвали, тѣ же, кто брался за это, не имѣли достаточно ни знаній, ни таланта, ни любви къ дѣлу, за перестройку котораго принимались. Критиковали и ругали корпусъ многіе, а чтобы указать, какъ исправить недостатки — того не было. А возможность имѣлась полная, такъ какъ со стороны верховной власти, ко всѣму тому, что вело къ пользѣ для государства, сочувствіе и поддержка всегда были на лицо. Корпусу жандармовъ послѣдняго царствованія не хватало своего современнаго графа Бенкендорфа.

Въ концѣ декабря 1899 года, мы выдержали выпускной экзаменъ и были переведены Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ. Намъ дали въ штабѣ листъ со свободными вакансіями, причемъ адъютантъ по строевой части, подполковникъ Чернявскій, съ особеннымъ пренебреженіемъ швырнулъ намъ отдѣльный листокъ съ вакансіями охранныхъ отдѣленій, и мы разобрали вакансіи согласно желанію въ порядкѣ успѣховъ сдачи выпускного экзамена. Одни пошли на желѣзныя дороги, часть въ губернскіе, четверо же, и въ томъ числѣ я, рѣшили окунуться въ самую гущу и взяли вакансіи въ охранныя отдѣленія. Чернявскій смотрѣлъ на насъ съ нескрываемой враждебностью и буквально фыркалъ, а не говорилъ, когда мы обращались къ нему за какими либо справками.

Я вышелъ въ Московское охранное отдѣленіе, пугавшее всѣхъ тѣмъ, что начальникомъ его былъ статскій Зубатовъ.

Въ синемъ уже мундирѣ съ бѣлыми аксельбантами вернулся я черезъ нѣсколько дней въ Вильну попрощаться съ роднымъ полкомъ. Офицеры устроили мнѣ проводы, обѣдъ, въ томъ самомъ общемъ собраніи, гдѣ такъ много было пережито хорошихъ минутъ за шесть лѣтъ безпечной офицерской службы. Мнѣ поднесли полковой жетонъ, получить который было тѣмъ болѣе лестно, что подносили его не обязательно, а каждый разъ по рѣшенію общества офицеровъ. Произносились конечно тосты, говорились пожеланія, отмѣтили и то, что я сдѣлалъ кое что по составленію исторіи полка. Собранные мною памятки съ полковыми реликвіями имѣлись въ каждой ротѣ на стѣнѣ. Разстались дружески. Кончился первый періодъ сознательной жизни, жизни сравнительно беззаботной, началась новая полоса.

Въ полку мнѣ больше не пришлось бывать, но жизнь его конечно меня интересовала. Вѣренъ себѣ остался полкъ и въ послѣднюю войну. Перейдя 3-го августа 1914 года границу Пруссіи въ составѣ арміи генерала Ренненкампфа, полкъ 4-го августа принялъ подъ Дюпененомъ первый бой съ нѣмцами, въ которомъ потерялъ убитыми 16 офицеровъ и комнадира полка полковника Комарова.

Въ томъ бою нашъ старый товарищъ капитанъ И. С. Карповъ велъ роту въ атаку на два тяжелыхъ орудія, имѣя рядомъ своего 16-ти лѣтняго сына гимназиста Отецъ и сынъ пали вмѣстѣ, не дойдя до батареи.

Въ томъ же бою капитанъ Н. П. Кузнецовъ, будучи окруженъ нѣмцами и видя безвыходное положеніе, собралъ горсточку оставшихся солдатъ и, сказавъ: — «Братцы, дѣлайте, какъ знаете, а русскій офицеръ не сдается» — застрѣлился.

Укомплектованный на слѣдующій же день, полкъ 7-го Августа выигралъ блестящій бой подъ Эдлишками, нагородивъ груды непріятельскихъ труповъ. Къ концу войны въ полку оставалось лишь пять кадровыхъ офицеровъ. А потомъ? А потомъ, послѣ революціи, по заведенному Керенскимъ и Гучковымъ порядку, полкъ избралъ себѣ командира, сперва изъ негодящихъ писарей, а потомъ алкоголика изъ подъпрапорщиковъ, съ которымъ и ринулся во всеобщую разруху, во славу «великой и безкровной».

Ясный морозный Январскій день. Много снѣгу. Московскій Ванька рѣзво катитъ меня съ чемоданомъ съ вокзала на Большую Дмитровку, гдѣ у сестры меня ждетъ жена.

Черезъ часъ, переодѣвшись въ мундиръ, ѣду въ Гнѣздниковскій переулокъ, являться въ охранное отдѣленіе.

Двухъэтажное зданіе зеленоватаго цвѣта окнами на переулокъ. Вхожу въ небольшую правую дверь. Темный входъ; довольно большая полунизкая передняя, изъ которой нѣсколько маленькихъ дверей въ крошечныя пріемныя. Въ дальнемъ правомъ углу странная витая лѣстница наверхъ. Изъ того же угла теряется въ темнотѣ узкій коридорчикъ.

Нѣкто въ штатскомъ спрашиваетъ меня, что мнѣ угодно и, узнавъ, что я новый офицеръ и пріѣхалъ на службу, схватился снимать пальто и, попросивъ подождать, полетѣлъ по витой лѣстницѣ.

Вошелъ полицейскій надзиратель и любезно раскланялся. Постоявъ немного, онъ заглянулъ въ каждую дверь и плотно прикрылъ ихъ — очевидно дежурный. Изъ темнаго коридорчика появился служитель съ огромнымъ подносомъ, полнымъ стакановъ чая, и осторожно сталъ подниматься по винтовой лѣстницѣ.

Вскорѣ, скатившійся съ нея докладчикъ попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Поднимаюсь: чистый широкій коридоръ. Прохожу большую свѣтлую комнату; много столовъ, за ними чиновники — пишутъ; стучатъ машинки; груды дѣлъ. Дальше — небольшая комнатка, полная дугъ съ листками, что похоже на адресный столъ. Проходимъ черезъ маленькую темную переднюю и входимъ въ небольшой въ два окна кабинетъ. Американскій столъ-конторка, диванъ, нѣсколько стульевъ.

На встрѣчу поднимается упитанный, средняго роста статскій, полное здоровое румяное лицо, бородка, усики, длинные русые волосы назадъ, голубые спокойные глаза. Представляюсь. Онъ отвѣчаетъ: — «Мѣдниковъ, старшій чиновникъ для порученій» и, улыбаясь, проситъ садиться.

— «А мы Васъ ждемъ, очень радъ-съ, скоро прійдетъ и начальникъ». Говоръ спокойный, пѣвучій, немного простоватый. Сидитъ, откинувшись на спинку, поглаживая себя по ляжкамъ, изрѣдка отбрасываетъ волосы рукой назадъ.

Обмѣниваемся ничего не значащими фразами о погодѣ и морозѣ. Смотрю на портреты на стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ женскій, какъ узналъ потомъ, революціонерки Курпатовской, на другомъ же красивый мужчина. Увидѣвъ, что смотрю на него, Мѣдниковъ говоритъ: — «Это Судейкинъ».

Почему Курнатовская украшала тотъ кабинетъ, для меня осталось невыясненнымъ навсегда. Никогда она никакого отношенія къ службѣ отдѣленія не имѣла, если не считать того, что бывала обыскиваема и арестована.

Немного спустя, Мѣдниковъ стучитъ въ дверь, что въ углу комнаты, и приглашаетъ меня жестомъ за собой. Вхожу въ большой нарядный не казенный кабинетъ. На стѣнѣ прелестный, тоже не казенный царскій портретъ. Посреди комнаты, средняго роста человѣкъ въ очкахъ, безцвѣтный, волосы назадъ, усы, бородка, типичный интеллигентъ — это знаменитый Зубатовъ.

Представляюсь, называя его «господинъ начальникъ». Онъ принимаетъ мой рапортъ стоя, по военному, опустивъ руки и, давъ договорить, здоровается и предлагаетъ папиросу. Отказываюсь, говоря, что не курю. Удивляется.

— «Можетъ быть и не пьете?»

— «И не пью».

Начальникъ смѣется и, обращаясь къ Мѣдникову, говоритъ: — «Евстратій, и не пьетъ!»... Евстратій сидитъ плотно, гладитъ себя по ляжкамъ, ухмыляется и говоритъ: — «Что же, это хорошо»...

Спросивъ, женатъ ли я, какъ думаю устроиться, и предложивъ еще нѣсколько вопросовъ, Зубатовъ сказалъ, чтобы я шелъ являться оберъ-полицмейстеру, и мы распрощались.

Домъ оберъ-полицмейстера помѣщался на томъ же дворѣ, но фасадомъ и подъѣздомъ выходилъ на Тверской бульваръ. Оберъ-полицмейстеръ полковникъ Дмитрій Федоровичъ Треповъ, бывшій конногвардеецъ, высокій, красивый и представительный мужчина, встрѣтилъ меня сурово-вѣжливо, предложилъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ комплиментъ по адресу отдѣленія и его начальника и, пожелавъ успѣха въ службѣ, распрощался.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько визитовъ, я вернулся въ отдѣленіе, гдѣ перезнакомился со служащими. Помощникомъ начальника былъ жандармскій подполковникъ Сазоновъ, которому Зубатовъ и передалъ меня для выучки. Были въ отдѣленіи еще два жандармскихъ офицера — Петерсенъ и Герарди, но они находились въ командировкахъ. Поручикъ Б. А. Герарди велъ тогда разслѣдованіе о хищеніяхъ въ разныхъ войсковыхъ частяхъ оружія и о переправѣ его черезъ Кавказъ въ Персію. Въ двухъ мѣстахъ были скрадены даже артиллерійскія орудія. Военное министерство само просило, чтобы разслѣдованіе произвелъ жандармскій офицеръ. Герарди блестяще справился съ порученіемъ и былъ награжденъ Владиміромъ 4-й степени, что тогда являлось рѣдкой наградой и, потому, Герарди былъ тогда героемъ дня въ корпусѣ. Позже онъ до самой революціи состоялъ начальникомъ дворцовой полиціи, а при большевикахъ былъ разстрѣлянъ. Это былъ выдающійся офицеръ.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ сидѣлъ сумрачный въ очкахъ блондинъ, бывшій когда то революціонеромъ, Л. П. Меньщиковъ. Въ комнатѣ рядомъ, сидѣли дѣлопроизводитель, отъ котораго почти всегда отдавало букетомъ, и чиновникъ для порученій А. И. Войлошниковъ, симпатичный, привѣтливый, хорошій человѣкъ. Въ 1905 году при Московскомъ возстаніи, Войлошниковъ былъ разстрѣлянъ на Прѣснѣ дружиной соціалистовъ-революціонеровъ на глазахъ жены и маленькихъ дѣтей. Тогда это произвело на всѣхъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ было какъ-то не по себѣ въ этой необычной для военнаго обстановкѣ.

Скоро затѣмъ Сазоновъ взялъ меня къ себѣ въ свой громадный кабинетъ, съ двумя письменными столами, съ портретами по стѣнамъ и съ зерцаломъ на угловомъ столикѣ, и далъ краткое, но толковое объясненіе о томъ, что такое охранное отдѣленіе и какія его права и обязанности. По товарищески же далъ и нѣсколько совѣтовъ, къ кому и какъ относиться и съ кѣмъ какъ держаться. О Зубатовѣ и Мѣдниковѣ онъ говорилъ особенно серьезно, упирая на то, что они отлично знаютъ свое дѣло. Совѣтовалъ онъ мнѣ не допытываться очень гдѣ, что и какъ, объясняя, что со временемъ само все прійдетъ и что такъ будетъ лучше, такъ какъ очень любопытныхъ не любятъ... Предупредилъ онъ и о томъ, что по отношенію посторонних надо быть сдержаннымъ на словахъ, быть осторожнымъ, конспиративнымъ, какъ выразился онъ, т. е. ничего о служебныхъ дѣлахъ не разсказывать; не разсказывать ничего и домашнимъ.

Въ шесть часовъ Сазоновъ сказалъ мнѣ: — «Ну теперь пойдемъ прощаться къ начальству, таковъ у насъ порядокъ».

Мы прошли въ кабинетъ Мѣдникова, гдѣ кромѣ него былъ и Зубатовъ, и Войлошниковъ. Поглаживая бородку стоялъ Меньщиковъ.

— «Ну что же, господа, пора и по домамъ» — сказалъ намъ Зубатовъ и, пожавъ руку каждому и пожелавъ всего хорошаго, ушелъ въ свой кабинетъ. Мѣдниковъ съ грохотомъ закрылъ свою конторку, привѣтливо распрощался съ каждымъ изъ насъ, и всѣ разошлись.

Только къ 7-ми часамъ вечера, когда было уже совсѣмъ темно, вернулся я домой, гдѣ жена и сестра съ мужемъ забросали меня вопросами. Я же былъ какъ въ туманѣ. Все, что я видѣлъ и слышалъ, было такъ ново, странно и таинственно. Совѣтъ Сазонова о конспиративности звучалъ въ ушахъ... Я кое какъ разъяснился, говоря, что всѣ были очень вѣжливы, привѣтливы и конспиративны. Это слово очень сразу понравилось.

Въ Москву я попалъ въ первый разъ. Мнѣ такъ хотѣлось посмотрѣть городъ, хотѣлось на воздухъ, я одѣлся и поѣхалъ въ Кремль. Помолившись у Иверской и поставивъ свѣчку, я прошелъ на Красную площадь. Чудный зимній вечеръ. Луна обдаетъ блѣднымъ свѣтомъ бѣлый покровъ площади. Справа Кремль съ убѣгающей въ даль стѣной, слѣва грандіозные Красные ряды. Въ глубинѣ, на звѣздномъ небѣ, причудливо вырисовывается силуэтъ Василія Блаженнаго.

Иду направо въ Никольскія ворота. Мерцаетъ лампада передъ образомъ Николая Чудотворца. Я снимаю шапку и прохожу въ Кремль.

Высится Успенскій Соборъ, уходитъ въ небо Иванъ Великій, а вотъ и Царь-колоколъ и Царь-пушка. Какъ знакомы они по картинамъ съ дѣтства! Смотрю на Чудовъ монастырь, направляюсь къ памятнику Александра II и останавливаюсь пораженный...

Внизу застывшая Москва-рѣка, за ней — Замоскворѣчье. Тысячи огней. Снѣжная пелена отливаетъ голубоватымъ отцвѣтомъ... и повсюду церкви, церкви, сорокъ-сороковъ...

Обернулся я — блеститъ Иванъ Великій, блестятъ купола соборные, монастырскіе, а издали смотритъ всѣми окнами, красивый какъ въ сказкѣ, застывшій на морозѣ Царскій Дворецъ — колыбель Царя - Освободителя.

Пораженный дивнымъ видѣніемъ, стою какъ зачарованный...

Тихо прохожу я затѣмъ въ Спасскія ворота и я снова на Красной площади. Лобное мѣсто. Молніеносно проносится въ воображеніи Іоаннъ Грозный и казни стрѣльцовъ при Петрѣ. Миную Пожарскаго съ Мининымъ и, въ раздумьи, подавленный величіемъ видѣннаго, возвращаюсь къ себѣ домой и бросаюсь въ постель.

Вотъ она, бѣлокаменная, вотъ она — сердце Россіи. При какой странной обстановкѣ я тебя вижу впервые. Я любуюсь тобой поздно вечеромъ, пріѣхавъ рано утромъ... Какъ все это странно... Что за странная новая служба... Какіе странные люди... Зубатовъ, Мѣдниковъ... А тотъ, что возится внизу въ коридорчикѣ, несуразный, въ большой шляпѣ и съ пледомъ на плечахъ... И помѣщеніе странное... Желѣзная витая лѣстница... и я заснулъ подъ думы о своемъ новомъ положеніи. Тревожный то былъ сонъ, какъ тревожна была и вся дальнѣйшая моя служба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстность Московскаго охраннаго отдѣленія и причины того. — Внутренняя агентура. — Что такое сотрудникъ. — Два крайнихъ типа сотрудниковъ: Жученко и провокаторъ Азефъ. — С. В. Зубатовъ. — Вербовка сотрудниковъ. — Зубатовъ и Гершуни. — Взглядъ Зубатова на сотрудниковъ. — Сложность вопроса сотрудничества. — Е. П. Мѣдниковъ. — Наружное наблюденіе. — На пріемѣ филеровъ. — Летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи. — Значеніе Мѣдникова. — Другіе служащіе. — Л. П. Меньщиковъ, его служба и измѣна правительству. — Перлюстрація и ея прошлое. — Перлюстрація при послѣднемъ царствованіи.

Московское охранное отдѣленіе того времени занимало исключительное положеніе среди розыскныхъ органовъ Россіи и дѣятельность его распространилась далеко за предѣлы Москвы и ея губерніи. Отдѣленіе уже вычистило къ тому времени Москву и раскрыло нѣсколько революціонныхъ организацій внѣ ея.

Такъ, въ 1895 году отдѣленіе арестовало въ Москвѣ кружокъ студента Распутина, имѣвшій намѣреніе подготовить покушеніе на молодого Государя и дѣлавшій для того нѣкоторыя приготовленія. Оно разгромило передъ тѣмъ складывавшуюся благодаря Натансону партію: «Народнаго Права», арестовавъ по разнымъ городамъ ея главарей и взявъ въ Смоленскѣ ея типографію. Оно проникло своимъ розыскомъ даже въ Петербургъ и арестовало въ 1896 году на Лахтѣ типографію «Группы Народовольцевъ».

Ко времени моего пріѣзда отдѣленіе работало по Сѣверо-Западному краю, гдѣ въ Минскѣ, какъ разъ весною 1900 года, оно произвело большіе аресты соціалистовъ-революціонеровъ, во главѣ съ Е. Гальперипомъ, Л. Клячко и Г. Гершуни, гдѣ работала и «бабушка» Е. Брешковская, ускользнувшая тогда отъ ареста.

Та организація называлась «Рабочей Партіей политическаго освобожденія Россіи», имѣла свою типографію, гдѣ была напечатана ярко-террористическаго характера брошюра «Свобода», надѣлавшая тогда много шума. Типографія та была арестована отдѣленіемъ.

Все это, а также и другіе успѣхи по преслѣдованію революціонеровъ были достигнуты отдѣленіемъ съ помощью внутренней агентуры, т. е. черезъ тѣхъ членовъ революціонныхъ организацій, которые по тѣмъ или инымъ побужденіямъ давали политической полиціи свѣдѣнія о дѣятельности своихъ организацій и ихъ отдѣльныхъ членовъ.

Они выдавали своихъ близкихъ жандармеріи, служа для нея шпіонами, и назывались у политической полиціи «сотрудниками», у своихъ же шли подъ именемъ «провокаторовъ».

Сотрудникъ не считался на службѣ у отдѣленія, онъ не былъ его чиномъ, не значился по вѣдомостямъ, поступавшимъ въ Государственный Контроль; онъ былъ для отдѣленія человѣкомъ другого враждебнаго лагеря, помогавшимъ лишь правительству въ его борьбѣ съ революціонерами, откуда и самое названіе — сотрудникъ.

Не жандармерія дѣлала Азефовъ и Малиновскихъ, имъ же имя легіонъ, вводя ихъ какъ своихъ агентовъ въ революціонную среду; нѣтъ, жандармерія выбирала лишь ихъ изъ революціонной среды. Ихъ создавала сама революціонная среда. Прежде всего они были членами своихъ революціонныхъ организацій, а уже затѣмъ шли шпіонить про своихъ друзей и близкихъ органамъ политической полиціи.

Чины охраннаго отдѣленія или жандармскаго управленія, отъ начальника до младшаго филера, никогда въ революціонные ряды не становились.

Умѣньемъ привлекать изъ революціонныхъ и общественныхъ круговъ лицъ, которыя освѣщали бы ихъ дѣятельность, тогда славилось именно Московское охранное отдѣленіе. Наличностью этихъ сотрудниковъ изъ соціалистовъ и общественниковъ и объяснялись успѣхи Московскаго отдѣленія и его популярность.

Въ числѣ такихъ сотрудниковъ отдѣленія уже тогда состояли двое, изъ которыхъ одинъ, убѣжденный врагъ соціализма и революціонеровъ, являлся образчикомъ самаго лучшаго, идейнаго, преданнаго правительству сотрудника, какихъ вообще бывало немного, другой же, наоборотъ, далъ впослѣдствіи примѣръ типа отрицательнаго и нежелательнаго — сотрудника провокатора. Первымъ была Зинаида Гернгроссъ, вторымъ — Ев. Азефъ.

Зинаида Феодоровна Гернгроссъ стала сотрудничать на Московское охранное отдѣленіе въ 1895 г. и раскрыла властямъ Московскій террористическій кружокъ Распутина, подготовлявшій покушеніе на Императора Николая II-го, которое предполагалось совершить при въѣздѣ Государя въ Москву на коронаціонныя торжества 1896 года.

Дѣло было разрѣшено въ административномъ порядкѣ, и сама Гернгроссъ, какъ замѣшанная въ немъ, была выслана на 5 лѣтъ въ Кутаисъ, гдѣ вышла замужъ за врача Жученко, а затѣмъ скоро переѣхала въ Юрьевъ и выѣхала за-границу.

Будучи убѣжденной монархисткой и ненавидя революціонныя партіи съ ихъ подпольной грязью всей душей, Жученко рѣшила бороться съ ними жесточайшимъ образомъ, не преслѣдуя при томъ никакой корыстной цѣли. Она вновь стала сотрудничать па Департаментъ полиціи и оказала ему рядъ цѣннѣйшихъ услугъ по раскрытію дѣятельности партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и, благодаря ей, въ руки правосудія были преданы многіе серьезные революціонные дѣятели и предупреждены грандіозныя террористическія покушенія.

Въ 1909 году, благодаря измѣнѣ Меньщикова, Жученко была разоблачена Бурцевымъ, и въ Августѣ того же года центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ объявилъ ее провокаторомъ.

Въ томъ же году къ Жученко, жившей съ сыномъ въ Шарлотенбургѣ, заявился добровольный шефъ революціоннаго розыска соціалистъ В. Л. Бурцевъ, средства розыска котораго, кстати сказать, были тѣ же, что и у ненавистнаго ему Департамента полиціи, т. е. внутренняя агентура, которую онъ вербовалъ среди чиновниковъ правительства, и филерство, которое осуществлялось въ нужныхъ случаяхъ членами революціонныхъ партій. То, что считалось преступнымъ и подлымъ со стороны правительства, признавалось необходимымъ и хорошимъ въ своихъ собственныхъ рукахъ: такова этика революціонеровъ.

При двухъ свиданіяхъ съ Бурцевымъ, Жученко честно, открыто, съ полнымъ достоинствомъ и мужествомъ и въ гордомъ сознаніи той государственной пользы, которую она приносила родинѣ, раскрывая работу подтачивающихъ ее революціонныхъ партій, высказала свои взгляды па сотрудничество.

— «Да, я служила, — говорила она Бурцеву, — къ сожалѣнію, не пятнадцать лѣтъ, а только три, но служила, и я съ удовольствіемъ вспоминаю о своей работѣ, потому что служила не за страхъ, а по убѣжденію. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, и я буду отвѣчать. Но помните: я не открою Вамъ ничего, что повредило бы намъ, служащимъ въ Департаментѣ полиціи... Я служила идеѣ... помните, что я честный сотрудникъ Департамента полиціи въ его борьбѣ съ революціонерами... Сотрудничество — одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ революціей... Я не одна; у меня много единомышленниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Мнѣ дано высшее счастье остаться вѣрной до конца своимъ убѣжденіямъ, не проявить шкурнаго страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда»... (Павловъ. «Агенты, жандармы, палачи». Стр. 33 - 37 - 38).

Честный фанатикъ, революціонеръ Бурцевъ столкнулся съ не менѣе честнымъ фанатикомъ - сотрудникомъ Жученко. И моральная побѣда въ этомъ столкновеніи правительства съ революціей, осталась всецѣло на сторонѣ правительства — на сторонѣ Жученко. Фанатикъ революціонеръ долженъ былъ признать моральную силу убѣжденаго сотрудника, и Бурцевъ пожалъ на прощанье руку Жученко со словами: «Какъ человѣку честному, жму Вашу руку». (Стр. 41).

И передъ этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ: Жученко не мстили, ея не тронули.

Прямою противоположностью является, въ то время скромный еще сотрудникъ, но впослѣдствіи сдѣлавшійся знаменитостью, какъ провокаторъ, — Азефъ.

Азефъ это безпринципный и корыстолюбивый эгоистъ, работавшій на пользу иногда правительства, иногда революціи; измѣнявшій и одной, и другой сторонѣ, въ

зависимости отъ момента и личной пользы; дѣйствовавшій не только какъ освѣдомитель правительства, но и какъ провокаторъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, т. е. самолично учинявшій преступленія и выдававшій ихъ затѣмъ частично правительству, корысти ради.

Между этими двумя крайностями, располагался рядъ иныхъ сотрудниковъ, молодыхъ и пожилыхъ, всякихъ сословій, профессій и категорій. Единственная среда, которая не давала «сотрудниковъ» — было офицерство. Предательство и спекуляція на товариществѣ были чужды офицерству Царской Россіи.

Мастеромъ по пріобрѣтенію сотрудниковъ считался самъ начальникъ отдѣленія — Зубатовъ.

Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ учился въ одной изъ Московскихъ гимназій и, будучи въ старшихъ классахъ, принималъ участіе въ ученической кружковщинѣ, гдѣ сталкивался, между прочимъ, съ однимъ изъ основателей партіи соціалистовъ-революціонеровъ Михаиломъ Гоцомъ.

Послѣ гимназіи онъ не пошелъ въ университетъ, а поступилъ чиновникомъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ дослужился до помощника начальника, а затѣмъ, какъ знатокъ разыскного дѣла, внѣ правилъ, т. к. не былъ жандармскимъ офицеромъ, былъ назначенъ и начальникомъ.

Начитанный, хорошо знакомый съ исторіей, интересовавшійся всѣми соціальными вопросами, Зубатовъ былъ убѣжденный монархистъ. Онъ считалъ, что Царская власть, давшая Россіи величіе, прогрессъ и цивилизацію — есть единственная, свойственная ей, форма правленія.

Безъ Царя не можетъ быть Россіи, говорилъ онъ намъ не разъ; счастье и величіе Россіи въ ея Государяхъ и ихъ работѣ. Возьмите исторію... И доказательства сыпались какъ изъ рога изобилія.

«Такъ будетъ и дальше. Тѣ, кто идутъ противъ монархіи въ Россіи — идутъ противъ Россіи, съ ними надо бороться, не на жизнь, а на смерть».

И онъ боролся всѣми законными, имѣвшимися въ его распоряженіи средствами и училъ и насъ, офицеровъ, тому же.

Пройдя въ молодости революціонныя увлеченія, зная отлично революціонную среду съ ея вождями, изъ которыхъ многіе получали отъ него субсидіи за освѣщеніе работы своихъ же сотоварищей, онъ зналъ цѣну всякимъ «идейностямъ», зналъ и то, какимъ оружіемъ надо бить этихъ спасителей Россіи всякихъ видовъ и оттѣнковъ.

Для успѣха борьбы нужно было освѣдомленіе черезъ сотрудниковъ, и Зубатовъ искалъ ихъ. Послѣ каждыхъ групповыхъ арестовъ или ликвидацій, Зубатовъ подолгу бесѣдовалъ съ тѣми изъ арестованныхъ, кто казался ему интереснымъ. Это не были допросы, это были бесѣды за стаканомъ чая о неправильности путей, которыми идутъ революціонеры, о вредѣ, который они наносятъ государству. Во время этихъ разговоровъ, со стороны Зубатова дѣлались предложенія помогать правительству въ борьбѣ съ революціонными организаціями. Нѣкоторые шли на эти предложенія, многіе же, если и не шли, то все таки сбивались бесѣдами Зубатова съ своей линіи, уклонялись отъ нея, другіе же совсѣмъ оставляли революціонную дѣятельность.

Однимъ изъ такихъ сбитыхъ временно съ его революціоннаго пути оказался и знаменитый по послѣдующей работѣ Гершуни. По заарестованіи въ Минскѣ, Гершуни содержался подъ стражей въ Москвѣ. У Зубатова были, конечно, свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ Гершуни въ Минскѣ, какъ формировалъ онъ тамъ летучія библіотечки, фабриковалъ небольшія типографіи и разсылалъ ихъ съ Брешко-Брешков-

ской по разнымъ городамъ. Зналъ онъ и о взглядахъ Гершуни на терроръ, какъ на необходимый способъ борьбы съ правительствомъ. Данныхъ, хотя и агентурныхъ, было достаточно, чтобы послать Гершуни административнымъ порядкомъ въ далекую Сибирь, но Зубатовъ этого не сдѣлалъ. Онъ хотѣлъ переломить Гершуни идейно. Онъ не разъ вызывалъ Гершуни на допросы. Долгія бесѣды вели два противника и, въ результатѣ, Гершуни далъ подробное показаніе и тѣмъ купилъ себѣ свободу, избавилъ себя отъ ссылки. Онъ былъ освобожденъ и вернулся въ Минскъ. Моральная побѣда Зубатова была велика, но ненадолго.

Зубатовъ не понялъ тогда достаточно хорошо Гершуни, не разглядѣлъ въ немъ уже готоваго, убѣжденнаго террориста, слишкомъ довѣрчиво отнесся къ нему, повѣрилъ ему. Очутившись на свободѣ, Гершуни оправился отъ вліянія Зубатова и отомстилъ правительству, какъ видно будетъ дальше, жестоко.

Зубатовъ не смотрѣлъ на сотрудничество какъ на простую куплю и продажу, а видѣлъ въ немъ дѣло идейное, что старался внушить и офицерамъ. Училъ онъ также относиться къ сотрудникамъ бережно.

«Вы, господа, говорилъ онъ, должны смотрѣть на сотрудника какъ на любимую женщину, съ которой Вы находитесь въ нелегальной связи. Берегите ее, какъ зеницу ока. Одинъ неосторожный вашъ шагъ, и Вы ее опозорите. Помните: провалъ сотрудника для васъ лишь нѣкоторый ущербъ по службѣ; для него-же это смерть гражданская, а часто и физическая. Проникнитесь этимъ, поймете это, относитесь къ этимъ людямъ такъ, какъ я вамъ совѣтую, и они поймутъ васъ, довѣрятся вамъ и будутъ работать съ Вами честно и самоотверженно. Штучниковъ гоните прочь, это не работники, это... продажныя шкуры. Съ ними нельзя работать... Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилію и помните только по псевдониму».

«Помните, что въ работѣ сотрудника, какъ-бы онъ ни былъ Вамъ преданъ и какъ-бы онъ честно ни работалъ, всегда, рано или поздно, наступитъ моментъ психологическаго перелома... Не прозѣвайте этого момента. Это моментъ, когда Вы должны разстаться съ Вашимъ сотрудникомъ. Онъ больше не можетъ работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Разставайтесь съ нимъ. Выведите его осторожно изъ революціоннаго круга, устройте его на легальное мѣсто, исхлопочите ему пенсію, сдѣлайте все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы отблагодарить его и распрощаться съ нимъ по хорошему».

«Помните, что переставъ работать въ революціонной средѣ, сдѣлавшись мирнымъ членомъ общества, онъ будетъ полезенъ и дальше для государства, хотя и не сотрудникомъ; будетъ полезенъ уже въ новомъ положеніи. Вы лишаетесь сотрудника, но Вы пріобрѣтаете въ обществѣ друга для правительства, полезнаго человѣка для государства».

Благодаря такимъ взглядамъ Зубатова, работа по розыску пріобрѣтала интересный характеръ. Проводя ихъ въ жизнь, Зубатовъ сумѣлъ поставить внутреннюю агентуру на рѣдкую высоту. Освѣдомленность отдѣленія была изумительна. Его имя сдѣлалось нарицательнымъ и ненавистнымъ въ революціонныхъ кругахъ. Москву считали гнѣздомъ «провокаціи». Заниматься въ Москвѣ революціонной работой считалось безнадежнымъ дѣломъ.

Красиво и убѣдительно говорилъ Зубатовъ, подготовляя изъ насъ будущихъ руководителей политическаго розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрѣнія на внутреннюю агентуру было трудно. Мы принимали какъ безспорные всѣ совѣты относительно сотрудниковъ и всетаки они въ нашихъ глазахъ были предателями по отношенію своихъ товарищей. Мы понимали, что безъ шпіоновъ

нельзя знать, что дѣлается во вражескомъ лагерѣ; мы сознавали, что сотрудниковъ надо имѣть такъ же, какъ надо имѣть военныхъ шпіоновъ, чтобы получать необходимыя свѣдѣнія про непріятельскія армію и флотъ, про ихъ мобилизаціонные планы и т. д., и т. д. Все это мы понимали хорошо, но намъ офицерамъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ товарищества и вѣрности дружбѣ, стать сразу на точку холоднаго разума и начать убѣждать человѣка, чтобы онъ, ради пользы дѣла, забылъ все самое интимно-дорогое и шелъ на измѣну, было тяжело и трудно. Нашъ не военный начальникъ не могъ этого понять. Да мы и не говорили много съ нимъ объ этомъ. Но между собою мы, офицеры, подолгу бесѣдовали на эту тему. Въ насъ шла борьба.

Въ результатѣ государственная точка зрѣнія побѣдила. Мы сдѣлались сознательными офицерами розыска, смотрѣвшими на него, какъ на очень тяжелое, непріятное, щепетильное, но необходимое для государства дѣло. Впрочемъ, жизнь, какъ увидѣли мы позже, очень упрощала нашу задачу. Переубѣждать и уговаривать приходилось рѣдко: предложенія услугъ было больше, чѣмъ спросу...

Послѣ революціи, одинъ очень почтенный старикъ революціонеръ, работавшій по разборкѣ дѣлъ Департамента полиціи, разсказывалъ мнѣ, что правительство Керенскаго имѣло намѣреніе опубликовать списки всѣхъ сотрудниковъ департамента. Но когда стали подготовлять работу, то число ихъ, за все время существованія департамента (число лишь зарегистрированныхъ у департамента), дошло до цифры десять тысячъ. Мысль объ опубликованіи оставили. Я не думаю, чтобы разсказчикъ говорилъ неправду. Не въ его интересахъ было обзывать такое количество революціонеровъ и общественниковъ, какъ онъ выражался, провокаторами...

Правой рукой Зубатова былъ Евстратій Павловичъ Мѣдниковъ, человѣкъ въ то время лѣтъ 50-ти. Онъ завѣдовалъ агентами наружнаго наблюденія или филерами, которые, наблюдая на улицахъ за данными имъ лицами, выясняли наружно, что тѣ дѣлали, съ кѣмъ встрѣчались и какія мѣста посѣщали. Наружное наблюденіе развивало данныя внутренней агентуры.

Мѣдниковъ былъ простой, малограмотный человѣкъ, старообрядецъ, служившій раньше полицейскимъ надзирателемъ. Природный умъ, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Онъ понялъ филерство какъ подрядъ на работу, прошелъ его горбомъ и скоро сдѣлался нарядчикомъ, инструкторомъ и контролеромъ. Онъ создалъ въ этомъ дѣлѣ свою школу — Мѣдниковскую, или, какъ говорили тогда, «Евстраткину» школу. Свой для филеровъ, которые въ большинствѣ были изъ солдатъ уже и тогда, онъ зналъ и понималъ ихъ хорошо, умѣлъ разговаривать, ладить и управляться съ ними.

Двѣнадцать часовъ ночи. Огромная низкая комната съ большимъ дубовымъ столомъ по-серединѣ полна филеровъ. Молодые, пожилые и старые, съ обвѣтренными лицами, они стоятъ кругомъ по стѣнамъ въ обычной позѣ — разставивъ ноги и заложивъ руки назадъ.

Каждый по очереди докладываетъ Мѣдникову данныя наблюденія и подаетъ затѣмъ записку, гдѣ все сказанное отмѣчено по часамъ и минутамъ, съ помѣткой израсходованныхъ по службѣ денегъ

— «А что-же Волкъ?» — спрашиваетъ Мѣдниковъ одного изъ филеровъ.

— «Волкъ, Евстратій Павловичъ, — отвѣчаетъ тотъ, — очень остороженъ. Выходъ провѣряетъ, заходя куда либо, также провѣрку дѣлаетъ и опять-таки и на поворотахъ и за углами, тоже иногда. Тертый.»

— «Заклепка, — докладываетъ другой, — какъ заяцъ бѣгаетъ, ничего не видитъ, никакой конспираціи, совсѣмъ глупый...»

Мѣдниковъ внимательно выслушиваетъ доклады про всѣхъ этихъ Заклепокъ, Волковъ, Умныхъ, Быстрыхъ и Галокъ, такъ по кличкамъ назывались всѣ проходившіе по наблюденію. Онъ дѣлаетъ заключенія, то одобрительно киваетъ головой, то выказываетъ недовольство.

Но вотъ онъ подошелъ къ филеру, любящему, повидимому, выпить. Видъ у того сконфуженный; молчитъ, точно чувствуетъ, что провинился.

— «Ну что-же, докладывай!» — говоритъ иронически Мѣдниковъ.

Путаясь и заикаясь, начинаетъ филеръ объяснять, какъ онъ наблюдалъ съ другимъ филеромъ Аксеновымъ за «Куликомъ», какъ Куликъ зашелъ на Козихинскій пер., домъ № 3, да такъ и не вышелъ оттуда, не дождались его.

— «Такъ таки и не вышелъ», — продолжаетъ иронизировать Мѣдниковъ, — «Не вышелъ, Евстратій Павловичъ». — «А долго ты ждалъ его?». — «Долго, Евстратій Павловичъ». — «А до какихъ поръ?» — «До 11-ти, Евстратій Павловичъ».

Тутъ Мѣдниковъ уже не выдерживаетъ больше. Онъ уже знаетъ отъ старшаго, что филеры ушли съ поста въ пивную около 7-ми часовъ, не дождавшись выхода наблюдаемаго, почему онъ и не былъ проведенъ дальше. А у Кулика должно было состояться вечеромъ интересное свиданіе съ «пріѣзжимъ» въ Москву революціонеромъ, котораго надо было установить. Теперь этотъ неизвѣстный «пріѣзжій» упущенъ.

Побагровѣвъ, Мѣдниковъ сгребаетъ рукой физіономію филера и начинаетъ спокойно давать зуботычины. Тотъ только мычитъ и, высвободившись, наконецъ, головой, всхлипываетъ: — «Евстратій Павловичъ, простите, виноватъ». — «Виноватъ, мерзавецъ, такъ и говори, что виноватъ, говори прямо, а не ври! Молодъ ты, чтобъ мнѣ врать. Понялъ: мо - лодъ ты», — съ разстановкой отчеканилъ Мѣдниковъ. — «Дуррракъ!» — и ткнувъ еще разъ, больше для виду. Мѣдниковъ, уже овладѣвшій собою, говоритъ спокойно: — «По пятеркѣ штрафу обоимъ. А на слѣдующій разъ вонъ; прямо вонъ, не ври! На нашей службѣ врать нельзя. Не додѣлалъ — винись, кайся, а не ври, дуррракъ! . . »

Эта расправа по-свойски; своя Евстраткина система. То, что происходило въ филерской, знали только филеры да Мѣдниковъ. Тамъ и награды, и наказанія, и прибавки жалованья, и штрафы, тамъ и расходныя, т. е. уплата того, что израсходовано по службѣ, что трудно учесть и что всецѣло зависитъ отъ Мѣдникова.

Просмотрѣвъ расходъ, Мѣдниковъ произносилъ обычно: — «Ладно, хорошо». Найдя-же въ счетѣ преувеличенія, говорилъ спокойно: — «Скидай полтинникъ; больно дорого платишь извощику, скидай!». И филеръ «скидалъ», зная, что, во первыхъ, Евстратій Павловичъ правъ, а во вторыхъ, все равно всякіе споры безполезны.

Кромѣ своихъ филеровъ, при Московскомъ отдѣленіи былъ еще летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи, которымъ также вѣдалъ Мѣдниковъ. Этотъ отрядъ разъѣзжалъ по Россіи, разрабатывая агентурныя свѣдѣнія Зубатова или департамента, работая, какъ-бы подъ фирмой послѣдняго. По дѣловитости, опытности и серьезности филеровъ, которые въ большинствѣ брались изъ московскихъ филеровъ, летучій отрядъ былъ отличнымъ наблюдательнымъ аппаратомъ, не уступавшимъ по умѣнію приспособляться къ обстоятельствамъ, по подвижности и конспираціи, профессіональнымъ революціонерамъ.

То была старая Мѣдниковская школа. Лучше его филеровъ не было, хотя выпивали они здорово, и для всякаго посторонняго взгляда казались недисциплинированными и непріятными. Они признавали только Мѣдникова. Мѣдниковскій фи-

леръ могъ пролежать въ бакѣ надъ ванной, какъ понадобилось однажды, цѣлый вечеръ; онъ могъ долгими часами выжидать на жуткомъ морозѣ наблюдаемаго съ тѣмъ, чтобы провести его затѣмъ домой и установить, гдѣ онъ живетъ; онъ могъ безъ багажа вскочить въ поѣздъ за наблюдаемымъ и уѣхать внезапно, часто безъ денегъ, за тысячи верстъ; онъ попадалъ и за-границу, не зная языковъ, и умѣлъ вывертываться.

Его филеръ стоялъ извощикомъ такъ, что самый опытный профессіональный революціонеръ не могъ-бы признать въ немъ агента. Умѣлъ онъ изображать изъ себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности могъ прикинуться онъ и дурачкомъ и поговорить съ наблюдаемымъ, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда-же служба требовала, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ продолжалъ наблюденіе даже за боевикомъ, зная, что рискуетъ при провалѣ получить на окраинѣ города пулю браунинга или ударъ ножа, что и случалось.

Единственно, чего не было у Мѣдниковскаго филера, это сознанія собственнаго профессіональнаго достоинства. Онъ былъ отличный спеціалистъ ремесленникъ, но не былъ проникнутъ тѣмъ, что въ его профессіи не было ничего зазорнаго. Этого Мѣдниковъ имъ привить не могъ, его не хватало на это. Въ этомъ отношеніи провинціальные жандармскіе унтеръ-офицеры, ходившіе въ штатскомъ и исполнявшіе обязанности филеровъ, стояли много выше, понимая свое дѣло какъ государственную службу. Позже и штатскіе филеры, подчиненные жандармскимъ офицерамъ, воспитывались именно въ этомъ новомъ направленіи, что облагораживало ихъ службу и много помогало дѣлу.

Во всѣхъ раскрытіяхъ отдѣленія, роль наружнаго наблюденія была очень велика, благодаря чему, главнымъ образомъ, Мѣдниковъ и слѣлался самымъ близкимъ довѣреннымъ лицомъ Зубатова. У близкой Мѣдникову женщины была главная конспиративная квартира Зубатова, гдѣ жилъ и самъ Мѣдниковъ, гдѣ происходили и свиданія съ нѣкоторыми сотрудниками и съ другими лицами по дѣламъ розыска. Зналъ онъ и оберегалъ и другія мѣста, гдѣ происходили свиданія Зубатова и другихъ чиновъ отдѣленія, если они допускались къ этому дѣлу. Допускался же далеко не каждый, т. к. агентура, эта святая святыхъ отдѣленія, бережно охранялась отъ всякаго не только посторонняго, но и своего отдѣленскаго взгляда.

Въ вѣдѣніи Мѣдникова находился и извощичій филерскій дворъ, гдѣ было нѣсколько выѣздовъ, ничѣмъ не отличавшихся наружно отъ обыкновенныхъ Ванекъ. Комбинація коннаго наблюденія съ пѣшимъ приносила большую пользу при наблюденіи.

У Мѣдникова на рукахъ была и касса. Зубатовъ былъ безсребренникомъ въ полномъ смыслѣ слова, то былъ идеалистъ своего дѣла; Мѣдниковъ-же — сама реальность, сама жизнь. Всѣ расчеты у него. Работая за десятерыхъ и проводя нерѣдко ночь въ отдѣленіи на кожаномъ диванѣ, онъ въ то же время не упускалъ своихъ частныхъ интересовъ. Подъ Москвой у него было «имѣньице съ бычками, коровками и уточками, былъ и домикъ», было все. Рабочія руки были даровыя, дѣлай, что хочешь, свой человѣкъ — жена, хорошая простая женщина, вела хозяйство.

Пріѣхавши въ Москву, я засталъ Мѣдникова уже старшимъ чиновникомъ для порученій, съ Владиміромъ въ петлицѣ, который въ то время давалъ права потомственнаго дворянства. Онъ уже выправилъ тогда всѣ документы на дворянство, имѣлъ грамоту и занимался составленіемъ себѣ герба; на немъ фигурировала пчела, какъ символъ трудолюбія, были и снопы.

Эти два человѣка, Зубатовъ и Мѣдниковъ, составляли нѣчто единое, самую суть московскаго отдѣленія, его главный рычагъ.

Были въ отдѣленіи три жандармскихъ офицера, были чиновники и полицейскіе надзиратели. Всѣ служили, работали, и результаты ихъ работы, какими-бы они путями ни восходили къ начальству, обязательно попадали сперва къ Мѣдникову и получали отъ него оцѣнку, а въ зависимости отъ того и направленіе.

Имѣлся въ отдѣленіи свой хорошій фотографъ и расшифровщикъ секретныхъ писемъ, а также и свой ученый еврей, который зналъ все по еврейству, что являлось при работѣ въ чертѣ осѣдлости большимъ подспорьемъ.

Была, наконецъ, и еще одна фигура, прогремѣвшая позже въ революціонномъ мірѣ, чиновникъ для порученій Л. П. Меньщиковъ, когда-то, какъ говорили, участникъ одной изъ революціонныхъ организацій, попавшій затѣмъ въ отдѣленіе и сдѣлавшій въ немъ, а послѣ и въ Департаментѣ полиціи большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно вѣжливый, солидный блондинъ въ золотыхъ очкахъ и съ маленькой бородкой, Меньщиковъ былъ рѣдкій работникъ. Онъ держался особнякомъ. Онъ часто бывалъ въ командировкахъ, будучи-же дома «сидѣлъ на перлюстраціи», т. е. писалъ въ Департаментъ полиціи отвѣты на его бумаги по выясненіямъ различныхъ перлюстрованныхъ писемъ. Писалъ также и вообще доклады департаменту по даннымъ внутренней агентуры.

Это считалось очень секретной частью, тѣсно примыкавшей къ агентурѣ, и насъ, офицеровъ, къ ней не подпускали, оставляя ее въ рукахъ чиновниковъ. Меньщиковское бюро краснаго дерева внушало намъ особое къ нему почтеніе. И когда однажды, очевидно по приказанію начальства, Меньщиковъ, очень хорошо относившійся ко мнѣ, уѣзжая въ командировку, передалъ мнѣ ключъ отъ своего бюро и нѣсколько бумагъ для отвѣтовъ департаменту, это произвело въ отдѣленіи нѣкоторую сенсацію. Меня стали поздравлять.

Меньщиковъ зналъ революціонную среду, и его сводки про революціонныхъ дѣятелей являлись исчерпывающими. За нимъ числилось одно большое дѣло. Говорили, что въ тѣ годы департаментъ овладѣлъ разъ явками и всѣми данными, съ которыми нѣкій заграничный представитель одной изъ революціонныхъ организацій долженъ былъ объѣхать рядъ городовъ и дать своимъ группамъ соотвѣтствующія указанія. Меньщикову были даны добытыя свѣдѣнія и, вооружившись ими, онъ въ качествѣ делегата объѣхалъ по явкамъ всѣ нужные пункты, повидался съ представителями мѣстныхъ группъ и произвелъ начальническую ревизію. Иными словами успѣшно разыгралъ революціоннаго Хлестакова, и въ результатѣ вся организація подверглась разгрому.

Меньщиковъ получилъ за то внѣ очереди хорошій орденъ. Позже, взятый въ Петербургъ, въ департаментъ, прослужившій много лѣтъ на государственной службѣ, принесшій несомнѣнно большую пользу правительству, онъ былъ уволенъ со службы директоромъ Департамента полиціи Трусевичемъ. Тогда Меньщиковъ вновь сталъ на сторону революціи и, находясь за границей, началъ опубликовывать тѣ секреты, которые зналъ. Вотъ результатъ быстрыхъ мѣропріятій шустраго директора.

Пріемъ въ разыскныя учрежденія лицъ, состоявшихъ ранѣе въ революціонныхъ организаціяхъ, являлся конечно недопустимымъ. Слишкомъ развращающе дѣйствовала подпольная революціонная среда на своихъ членовъ своею безпринципностью, бездѣльемъ, болтовнею и узко-партійностью, чтобы изъ нея могъ выйти порядочный чиновникъ. Онъ являлся или сквернымъ работникомъ, или предателемъ интересовъ государства во имя партійности и революціи. Были конечно исключенія, но они являлись именно исключеніями.

Но разъ правительство это допускало, то исправленіе ошибки такимъ хирургическимъ способомъ, къ которому прибѣгалъ Трусевичъ, приносило лишь новый вредъ тому же правительству.

Перлюстрація писемъ членовъ революціонныхъ организацій была однимъ изъ источниковъ освѣдомленія о томъ, что въ ихъ средѣ дѣлается.

Перлюстрація практикуется издавна въ правительствахъ всего міра. Издавна прибѣгали къ ней и въ Россіи. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ, лѣтомъ 1744 года, тогдашній канцлеръ Бестужевъ, желая раскрыть императрицѣ глаза на интриговавшаго при нашемъ дворѣ французскаго посла маркиза Де-ля-Шетарди, доложилъ государынѣ рядъ перлюстрованныхъ донесеній маркиза, въ которыхъ тотъ сообщалъ въ Версаль разныя сплетни и дѣйствовалъ безусловно во вредъ Россіи.

Императрица вознегодовала, и 12-го Іюня маркизу были предъявлены его перлюстрированныя депеши и онъ былъ высланъ изъ Москвы фактически въ 24 часа и, въ сопровожденіи офицера и галоппировавшаго вокругъ экипажа отряда драгунъ, былъ выпровоженъ за предѣлы Имперіи.

По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ поданной Государю запискѣ объ образованіи Корпуса жандармовъ, графъ Бенкендорфъ называетъ перлюстрацію «контръ-полиціей» и говоритъ о ней слѣдующее:

«Перлюстрація корреспонденціи уже есть контръ-полиція и наилучшая по своимъ несомнѣнымъ средствамъ, которыя охватываютъ все пространство Имперіи. Для этого надо имѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ начальниковъ почтовыхъ бюро испытанной честности и усердія: какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Волынѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Тобольскѣ».

Послѣ убійства Царя-Освободителя состоялось Высочайшее повеленіе Императора Александра III-го, данное министру внутреннихъ дѣлъ особымъ указомъ о разрѣшеніи ему, въ цѣляхъ высшей государственной охраны, вскрывать частную корреспонденцію помимо порядка, установленнаго Судебными Уставами.

Такъ какъ почта и телеграфъ были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, то на центральной станціи въ Петербургѣ и была организована перлюстрація нѣкоторой корреспонденціи, или, какъ говорила публика — черный кабинетъ.

До самой революціи 1917 года перлюстраціей вѣдалъ одинъ и тотъ же чиновникъ, состарившійся на своемъ дѣлѣ и дошедшій до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его знали лишь министръ, директоръ Департамента полиціи и очень немногіе близкія имъ лица.

Въ послѣдніе годы бывало такъ. Какъ только назначался новый министръ внутреннихъ дѣлъ, въ тотъ же день къ нему являлся старичокъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Мардаріевъ и, представившись, подавалъ министру съ таинственнымъ видомъ большой съ тремя печатями пакетъ съ надписью «совершенно секретно», прося вскрыть.

Министръ вскрывалъ. То былъ Высочайшій указъ Александра III-го на право перлюстраціи. Происходилъ краткій обмѣнъ мыслей. Чиновникъ почтительно просилъ вновь запечатать пакетъ. Министръ вкладывалъ указъ въ тотъ же пакетъ, запечатывалъ поданнымъ ему чиновникомъ сургучомъ и печатью и возвращалъ старичку. Старичокъ почтительно раскланивался и тихо удалялся. Онъ продолжалъ хранить пакетъ въ глубочайшей тайнѣ до новаго министра, къ которому являлся съ той же процедурой. Такъ дожилъ онъ до революціи...

Въ черномъ кабинетѣ письма вскрывались по адресамъ, или по наружнымъ признакамъ, а частью на ощупь, какъ, напримѣръ, письма, присланныя изъ за границы съ нелегальной литературой.

Скопированныя, а нѣкоторыя въ подлинномъ видѣ, письма отсылались министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ часть ихъ поступала въ его личное распоряженіе, какъ напримѣръ письма сановниковъ и лицъ, окружающихъ Государя, часть же передавалась въ Департаментъ полиціи. Тамъ вѣдалъ перлюстрацiей спеціализировавшійся на томъ особый чиновникъ.

Письма участниковъ революціоннаго движенія подвергались дѣйствіямъ различныхъ кислотъ въ цѣляхъ проявленія секретнаго текста, расшифровывались, копировались и отсылались мѣстнымъ розыскнымъ органамъ для выясненія и дальнѣйшихъ по нимъ мѣропріятій. Данныя перлюстраціи служили только для розыска, какъ добытыя «негласнымъ путемъ», и использованію на дознаніяхъ не подвергались.

Въ послѣдніе годы распоряженіями министровъ внутреннихъ дѣлъ перлюстрація была заведена и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ имперіи, чѣмъ также вѣдали чины почтоваго вѣдомства. Корпусъ жандармовъ перлюстраціей никогда не занимался; эта обязанность на немъ не лежала, если же гдѣ либо въ провинціи это дѣлалось, то лишь по собственной инціативѣ и скрытно отъ начальства.

Агентурныя свѣдѣнія, данныя наружнаго наблюденія и перлюстрація являлись тремя главными источниками освѣдомленія политической полиціи. Послѣ обысковъ и арестовъ свѣдѣнія эти пополнялись ихъ результатами и показаніями арестованныхъ. Путемъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, путемъ дополнительныхъ установокъ и выясненій, воспроизводилась полная картина работы отдѣльныхъ революціонныхъ дѣятелей и ихъ организацій.

Этой работой въ отдѣленіи занимались мы, офицеры, бывшіе тамъ на роляхъ слѣдователей и производившіе разслѣдованія въ порядкѣ охраны, безъ участія прокурорскаго надзора, которыя и разрѣшались административнымъ порядкомъ. Дѣла, по которымъ можно было приступить къ формальнымъ дознаніямъ, передавались въ губернское жандармское управленіе со всѣми арестованными.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Арестъ Толстовцевъ. — Неприкосновенность Льва Толстого. — Его непопулярность. — Толстой и Синодъ. — Письмо Толстого: „Къ Царю и его помощникамъ.“ — Борьба съ соціалъ-демократами по западнымъ губерніямъ. — Успѣхи соціалъ-демократическаго движенія. — Борьба съ соціалистами-революціонерами. — Томская типографія и ея арестъ. — Командировка въ Томскъ. — Конфликтъ съ прокуратурой. — Дознаніе и разслѣдованіе по охранѣ. — Обвиняемые и ихъ манера держаться. — Откровенное показаніе. — Обратный путь въ Москву. — Конецъ дознанія. — Судьба привлеченныхъ. — Образованіе партіи соціалистовъ-революціонеровъ. — Бездѣйствіе Департамента полиціи.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда отдѣленіе арестовало группу интеллигентовъ, занимавшихся печатаніемъ на гектографѣ и распространеніемъ запрещенныхъ цензурою произведеній Льва Толстого. Производство разслѣдованія поручили мнѣ. Ознакомившись съ найденными при обыскѣ вещественными доказательствами, я началъ допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшіеся ученіемъ Толстого. Общее впечатлѣніе было то, что они очень хорошіе всѣ люди. Занимались они печатаніемъ нѣкоторыхъ главъ «Воскресенья» и «Евангелія».

Съ перваго же допроса привлеченные стали было отказываться давать какія либо показанія, какъ это поучали, но сами мало выполняли, представители революціонныхъ партій. Пришлось спорить. Какіе же Вы толстовцы и гдѣ же Ваше непро-

тивленіе злу, гдѣ же Ваша идейность, если при первомъ же столкновеніи съ ненавистной для Васъ властью, Вы прячетесь и боитесь исповѣдывать Вашу вѣру? Спорили мы немного. Всѣ привлеченные толстовцы дали полное и откровенное показаніе, и картина получилась поучительная.

Группа толстовцевъ, увлекающаяся своимъ учителемъ и его твореніями, убиваетъ все свободное время на перепечатываніе его запрещенныхъ произведеній и думаетъ распространять ихъ среди такихъ же поклонниковъ геніальнаго писателя. Работаютъ съ рискомъ ареста и дѣйствительно попадаютъ въ тюрьму. Но гдѣ же источникъ того, за что они терпятъ кару? Источникъ, какъ выясняется разслѣдованіемъ, самъ графъ Толстой и его Ясная Поляна. Туда ѣздилъ одинъ изъ арестованныхъ и тамъ получалъ онъ запрещенныя изданія, причемъ бралъ ихъ, не скрывая, что будетъ перепечатывать, и Левъ Толстой то зналъ. Логика и законъ требовали возбужденія дознанія противъ самого Толстого и привлеченія его, какъ главнаго виновника по настоящему дѣлу, но на Толстомъ былъ запретъ и его трогать было нельзя никому. Всѣ мы въ отдѣленіи слышали не разъ, что существуетъ Высочайшее повелѣніе, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни въ коемъ случаѣ. Левъ Толстой находился подъ защитой Его Величества.

Я сталъ доказывать начальству, что при данномъ положеніи, дѣло слѣдуетъ прекратить, т. к. преслѣдовать арестованныхъ при непривлеченіи главнаго виновника является абсурднымъ и несправедливымъ. Въ городѣ уже шли хлопоты передъ оберъ-полицмейстеромъ объ арестованныхъ, и скоро ихъ разрѣшили освободить, но они все таки понесли наказаніе въ административномъ порядкѣ.

Надо сказать, что въ Москвѣ мы не замѣчали видимаго вреда отъ ученія Льва Толстого. У него, конечно, были поклонники, но масса не шла за нимъ. За три весьма интересныхъ по начавшемуся общественному подъему года службы въ Москвѣ, присутствіе Толстого совершенно не безпокоило отдѣленіе, что являлось лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ тогда безвреденъ политически.

Посланіе Синода объ отлученіи Толстого въ 1901 году пришло въ Москву во время уличныхъ безпорядковъ, и 25-го Февраля самъ Толстой попалъ случайно въ толпу безпорядочниковъ на Лубянской площади. Казалось бы, вотъ моментъ выразить пострадавшему писателю сочувствіе, симпатію и использовать удобный моментъ противъ правительства. Однако, этого не случилось. Настроеніе толпы было столь двойственно, что если нѣкоторые и выражали свою симпатію Толстому, то другіе не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспѣшилъ сѣсть со своимъ спутникомъ на извозчика и уѣхалъ.

Позже въ своемъ отвѣтѣ Синоду онъ упомянулъ о томъ случаѣ въ слѣдующихъ словахъ: — «Самый день 25 Февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: «Вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка — и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили». Такъ говоритъ самъ Толстой.

Вообще толпа относилась къ нему отрицательно, онъ не былъ ея вождемъ, имъ увлекались только отдѣльныя лица и группы изъ интеллигенціи. Не увлекалась имъ въ массѣ и молодежь. Ея кумиромъ былъ тогда босяцкій пѣвецъ Максимъ Горькій, восхищавшій всѣхъ своимъ «Дномъ» и его «Героями».

И потому посланіе Синода объ отлученіи Толстого многихъ удивило. Его не понимали. Зачѣмъ это было сдѣлано? Изъ писателя философа, котораго въ массѣ больше порицали, чѣмъ хвалили, сдѣлали жертву. Толстому стали присылать сочувственныя письма, телеграммы и адреса, и паломничество къ нему возросло въ значительной степени.

Отлученіе побудило Толстого послать отвѣтъ на него, въ которомъ онъ, признавъ, что отрекся отъ православной церкви, что отвергаетъ Святую Троицу и всѣ Таинства, говоритъ:

— «Бога же Духа, Бога — любовь, единаго Бога — Начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи». Быстро попалъ этотъ отвѣтъ, конечно, и въ отдѣленіе.

Вскорѣ появилось второе новое произведеніе Толстого: его письмо «Къ Царю и его помощникамъ», написанное по поводу происходившихъ тогда (1901 г.) безпорядковъ, виновниками которыхъ Толстой считалъ «правителей», не хотѣвшихъ, по его мнѣнію, видѣть ничего кромѣ своего спокойствія въ настоящую минуту. Онъ писалъ между прочимъ:

«..... Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на Васъ, такъ мало нужно... сдѣлать нужно только слѣдующее: во 1-хъ уравнять крестьянъ во всѣхъ ихъ правахъ съ другими гражданами... во 2-хъ — нужно перестать примѣнять такъ называемыя правила усиленной охраны... въ 3-хъ, нужно уничтожить всѣ преграды къ образованію, воспитанію и преподаванію. Наконецъ, въ 4-хъ, и самое важное, нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы ...

Развивши каждое изъ этихъ требованій, Толстой обращался къ Царю и всѣмъ имѣющимъ власть съ такими словами: — «Помогите же улучшить положеніе этого большинства и въ самомъ главномъ: въ его свободѣ и просвѣщеніи. Только тогда и Ваше положеніе будетъ спокойно и истинно хорошо. Писалъ это Левъ Толстой и писавши старался изложить не свое мнѣніе, а мнѣніе лучшихъ многихъ, безкорыстныхъ, разумныхъ и добрыхъ людей, желающихъ того же».

Обращеніе это прошло въ публикѣ незамѣченнымъ. Не разрекламируй въ то время Толстого Святѣйшій Синодъ, Толстой, какъ учитель жизни, продолжалъ бы оставаться спокойно въ сторонѣ и въ тѣни, что конечно не относится къ нему какъ къ геніальному писателю - художнику, гордости Россіи.

Дознаніе о Толстовцахъ дало основаніе начальству считать, что я могу успѣшно производить разслѣдованія и получать откровенныя показанія, что считалось весьма существеннымъ, и меня стали посылать въ командировки по тѣмъ пунктамъ, гдѣ работало отдѣленіе. Работа же его велась въ то время по городамъ Сѣверо-Западнаго края, а также въ Минскѣ, Екатеринославѣ, Тамбовѣ и еще по нѣсколькимъ пунктамъ.

Съ Запада шла волна сорганизованнаго соціалъ-демократическаго движенія. Такъ въ Литвѣ, въ 1897 году, возникъ «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», или «Бундъ», объединившій всѣ еврейскія соціалъ-демократическія группы. То была крѣпкая, хорошо законспирированная революціонная организація, спаянная еврейскимъ фанатизмомъ, жаргономъ и ненавистью къ русскому правительству. Ея центральный органъ «Арбейтерштимме» издавался на жаргонѣ, и на жаргонѣ же выходила вся агитаціонная литература. Оттуда шла и новая тактика «агитаціи» для всей русской соціалъ-демократіи, обоснованная въ брошюрѣ Цедербаума и открывшая новый періодъ въ исторіи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи. Тамъ же въ Минскѣ, въ 1898 году состоялся съѣздъ, на которомъ была образована «Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія».

Было ясно, что Департаментъ полиціи прозѣвалъ новое революціонное дви-

женіе. Департаментъ схватился за московское отдѣленіе съ его летучимъ отрядомъ, и оно начало работать по западнымъ губерніямъ. По нѣкоторымъ агентурнымъ даннымъ началась работа филеровъ по Ковно, Гродно, Минску, Бѣлостоку и нѣкоторымъ еще пунктамъ. По результатамъ наблюденій начались массовые аресты, для производства которыхъ посылались офицеры и чиновники изъ Москвы, осуществлявшіе ихъ вмѣстѣ съ мѣстными жандармскими управленіями. Цѣлыми вагонами возили арестованныхъ въ Москву, гдѣ и производились разслѣдованія. Шли допросы и по нимъ производились новые аресты. Результаты обысковъ, въ общемъ, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно. Рѣдко, рѣдко находили одну нелегальную брошюру или прокламацію; найти какую либо рукопись, письмо, замѣтку конспиративнаго характера было почти невозможно. Но, правда, въ Вильнѣ арестовали типографію, взяли и большой транспортъ литературы, а кое гдѣ взяли и небольшія библіотечки.

Держались бундовцы на допросахъ, съ революціонной точки зрѣнія, хорошо, говорили мало, но далеко не всѣ: — были и словоохотливые. При допросахъ шло привлеченіе сотрудниковъ, которыхъ такъ недоставало по западу, и агентура была навербована. Многіе сотрудники были переданы мѣстнымъ жандармамъ, болѣе же серьезные остались за Зубатовымъ.

Все болѣе значительное и серьезное по работѣ было сослано административнымъ порядкомъ въ Сибирь, часть же была освобождена по невинности или для надобностей агентуры, или чтобы замаскировать нѣкоторыя освобожденія послѣдней категоріи. Много арестованныхъ, если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированы Зубатовымъ, оторваны отъ соціалъ-демократіи, ушли изъ ея рядовъ и рѣшили посвятить себя легальной работѣ среди еврейства и бороться съ «Бундомъ». Такъ была создана организація минскихъ «независимыхъ», очень взволновавшая революціонные круги. Тогда выдвинулась энергичная поборница несоціалистическаго рабочаго движенія, еврейка Вильбушевичъ, очерненная соціалистами. Она никогда не была сотрудницей ни отдѣленія, ни Зубатова. Тогда же отошла отъ «Бунда» и пошла въ легализацію группа молодыхъ еврейскихъ писателей, во главѣ съ Волинымъ, изъ которыхъ вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатовъ внесъ тогда большой расколъ въ еврейское соціалъ-демократическое движеніе, но задушить работу «Бунда» изъ Москвы не удалось.

Увлеченіе марксизмомъ было въ то время повальною болѣзнью русской интеллигенціи, развившейся еще въ 90-хъ годахъ. Профессура, пресса, молодежь — все поклонялось модному богу — Марксу. Марксизмъ съ его соціалъ-демократіей считался тѣмъ, что избавитъ не только Россію, но и весь міръ отъ всѣхъ золъ и несправедливостей и принесетъ царство правды, мира, счастья и довольства. Марксомъ зачитывались всѣ, хотя не всѣ понимали его. Студенческія комнатки и углы украшались портретами «великаго учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

Само правительство еще такъ недавно покровительствовало марксизму, давая субсидіи черезъ своего сотрудника на изданіе марксистскаго журнала. Оно видѣло въ немъ противовѣсъ страшному терроромъ народовольчеству. Грамотные люди, читая про диктатуру пролетаріата Маркса, не видѣли въ ней террора и упускали изъ виду, что диктатура невозможна безъ террора, что терроръ цѣлаго класса неизмѣримо ужаснѣе террора группы бомбистовъ. Читали и не понимали, или не хотѣли понимать того, что значилось чернымъ по бѣлому.

А легальный марксизмъ питалъ идейно подпольную работу соціалъ-демократовъ «Бунда» и «Россійской» партіи и очень облегчалъ имъ ихъ задачу пропаганды и стало быть содѣйствовалъ ихъ успѣху.

Непониманіе нарождающагося врага во всемъ его значеніи со стороны центральнаго правительства не могло не отразиться и на мѣстахъ. Жандармскія управленія не знали новаго движенія, а слѣдовательно, не могли и бороться съ нимъ, да къ тому же они и не имѣли на то средствъ. Кредитъ того времени на розыскъ, или на т. н. агентурные расходы, былъ малъ до смѣшного.

При такихъ обстоятельствахъ Московскому охранному отдѣленію было трудно справиться одному, и оно, нанеся «Бунду» большой вредъ, работы его всетаки не прекратило. Но польза тогдашняго похода Москвы на Западъ всетаки была громадна. Она заключалась въ томъ, что Департаменту полиціи было воочію доказано полнѣйшее отсутствіе освѣдомленности о новомъ движеніи у мѣстныхъ органовъ и полнѣйшая неприспособленность ихъ къ борьбѣ съ нимъ.

Между тѣмъ въ Декабрѣ 1900 года появился первый номеръ «Искры», центральнаго органа соціалъ-демократіи. Однимъ изъ основателей его былъ Ульяновъ-Ленинъ, а деньги на изданіе первыхъ номеровъ далъ сынъ члена Государственнаго Совѣта камеръ-юнкеръ Сабуровъ. Трогательное единеніе побывавшаго въ Сибири эмигранта - демагога съ украшеннымъ придворнымъ мундиромъ современнымъ политическимъ Митрофанушкой.

Слухи о томъ, что деньги даны кѣмъ то изъ служилаго сословія, породили сплетню, что ихъ далъ Витте, будущій графъ. И многіе тому вѣрили, т. к. Витте уже и тогда считали способнымъ на разные эксперименты.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партіи — писала «Искра» въ № 1-мъ — должно быть ниспроверженіе Самодержавія, завоеваніе политической свободы... Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача» («Насущныя задачи»).

Появленіе «Искры» и ея полныя революціоннаго огня и задора статьи какъ бы открыли глаза правительству, и оно прозрѣло наконецъ весь вредъ марксизма, сѣявшаго классовую рознь и гражданскую войну, пропагандировавшаго царство хама и босяка подъ именемъ диктатуры пролетаріата. И правительство начало борьбу съ соціалъ-демократами болѣе рѣшительными мѣрами. Но въ этой борьбѣ русское общество ему не помогало. Русская профессура, за малымъ исключеніемъ, и русская пресса, и вообще русская интеллигенція или продолжали низко кланяться своему идолу, или молчали. Изобличеніе безнравственности марксизма, какъ теоріи, доказательствомъ вреда и непріемлемости коммунизма къ государственной жизни страны никто не занимался. Между тѣмъ всѣ извѣстные нынѣ тезисы коммунизма были уже и тогда налицо и были переведены на русскій языкъ. Ничего новаго въ дальнѣйшіе годы ни Ленинъ, ни его сторонники не сказали. Вся идеологія большевизма, захлестнувшаго спустя двадцать лѣтъ Россію кровавой волной, была налицо и въ то время. Передовое общество не только не боролось съ нею, но и преклонялось передъ ней.

* * *

Широко пошло организаціонное строительство въ тѣ годы и у соціалистовъ-революціонеровъ. «Рабочая Партія политическаго освобожденія Россіи», о которой упоминалось уже, объединяла изъ Минска свои еврейскія группы въ Бѣлостокѣ, Екатеринославѣ, Житомірѣ, имѣла сторонниковъ въ Двинскѣ, Бердичевѣ и Петербургѣ. Члены этой организаціи, разгромленные въ 1900 году по Минску, уцѣлѣли по многимъ пунктамъ. Надъ ними царилъ Гершуни, сѣя сѣмена террора.

Работавшіе по южной Россіи соціалисты-революціонеры послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ къ объединенію соединились наконецъ лѣтомъ 1900 года на Харьковскомъ Съѣздѣ въ такъ называемую южную «Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ» и выпустили программный манифестъ.

На сѣверѣ работалъ «Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ» во главѣ съ Андреемъ Аргуновымъ.

Союзъ образовался въ 1896 году въ Саратовѣ, но на слѣдующій-же годъ руководители его перебрались въ Москву, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ Союзъ заводилъ иногороднія и заграничныя связи и налаживалъ дѣло. Союзъ издалъ на гектографѣ нѣсколько прокламацій и брошюръ и отпечаталъ вновь свою программу «Наши Задачи».

Осенью 1899 года съ дѣятелями Союза познакомился пріѣхавшій изъ-за границы Азефъ. Онъ явился съ хорошими рекомендаціями отъ заграничной организаціи Житловскаго и былъ принятъ хорошо, какъ человѣкъ, сочувствующій соціалистамъ-революціонерамъ и ихъ дѣлу.

Живя заграницей, Азефъ уже въ то время давалъ кое-какія свѣдѣнія завѣдывавшему заграничной агентурой Департамента Полиціи П. И. Рачковскому. Тогда это былъ еще маленькій сотрудникъ. Попавъ въ Москву, онъ, съ согласія Рачковскаго, сталъ сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія и Зубатову, продолжая числиться за Рачковскимъ.

Въ то время руководители Союза мечтали имѣть свою типографію и издавать свою газету, къ чему и предпринимали нѣкоторые шаги. Они завязали переговоры съ представителями группы народниковъ «Русскаго Богатства», Пѣшехоновымъ и Мякотинымъ. Тѣ дали согласіе на сотрудничество въ журналѣ.

Весною 1900 года Союзъ поставилъ въ Сибири небольшую типографію, но вскорѣ переправилъ ее въ Финляндію, въ Куокалу. Печатня была небольшая, плохо оборудованная, работники неопытные, незнающіе дѣла. Работали трое. Въ Январѣ 1901 года появился первый номеръ отпечатаннаго ими журнала «Революціонная Россія», въ которомъ были между прочимъ: статья Мякотина «Разгромъ Финляндіи» и Пѣшехонова — «Хроника нашихъ дней».

Въ кругахъ Департамента полиціи появленіе журнала произвело сильное впечатлѣніе. Филеры московскаго отдѣленія уже вели въ Финляндіи наружное наблюденіе за типографіей, но арестовывать ее было нельзя, т. к. то было на территоріи Финляндіи.

Вскорѣ появился «Летучій листокъ» въ память 1-го Марта 1881 г., а въ концѣ Мая 1901 года вышелъ и номеръ второй «Революціонной Россіи», призывавшій къ борьбѣ и террору. Статья Пѣшехонова «Выстрѣлъ Карповича» заканчивалась цитатой изъ Некрасова:

«За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даромъ. Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь ...»

Лѣтомъ были отпечатаны еще два номера «Летучихъ листковъ». Все это производило сильное впечатлѣніе. Смѣлыя мысли о террорѣ въ печати являлись новостью.

Дѣла Союза шли успѣшно: приходъ кассы увеличивался, связи разрастались, стали поступать корреспонденціи изъ разныхъ городовъ. Такъ, Гершуни прислалъ статью «О Зубатовцахъ». Въ Петербургѣ началъ работать постоянный редакціонный коллективъ съ руководителями «Русскаго Богатства».

Зная кое-что, благодаря Азефу, и имѣя еще кое какія агентурныя свѣдѣнія объ этой работѣ, Зубатовъ обдумывалъ, какъ нанести ударъ столь успѣшно развивавшейся организаціи. Департаментъ полагался на него. Арестовывать типографію въ Финляндіи и наносить ударъ по Союзу въ Петербургѣ признавалось неудобнымъ по многимъ соображеніямъ. Надо было придумать такую комбинацію, которая дала-бы возможность свободно дѣйствовать и розыскному органу да и прикрывала-бы слѣды агентурныхъ источниковъ. Предстоящій провалъ надо было свалить на наружное наблюденіе.

Такъ или иначе, но руководители организаціи стали думать о выборѣ новаго мѣста для типографіи и рѣшили перебраться въ Сибирь и тамъ поставить большую типографію. Мѣстомъ для нея облюбовали Томскій переселенческій пунктъ, куда въ качествѣ служащихъ поступилъ работавшій въ Куокалѣ Барыковъ и еще нѣсколько женщинъ, членовъ организаціи. Туда надо было перевезти изъ разныхъ мѣстъ типографскія принадлежности, надо было также объѣхать нѣкоторые города и сорганизовать доставку корреспонденціи и разныхъ матеріаловъ.

Все это надо было не упустить, видѣть и знать московскому отдѣленію. За финляндской дачей филерское наблюденіе было усилено, соціалисты-революціонеры А. Аргуновъ, Марія Селюкъ, С. Барыковъ и еще нѣкоторые были обставлены наблюденіемъ опытныхъ филеровъ. Лѣтомъ Барыковъ поѣхалъ на югъ, поѣхали за нимъ и филеры. Онъ посѣтилъ рядъ городовъ, побывалъ на Кавказѣ, гдѣ особенное вниманіе удѣлилъ Баку, и наконецъ проѣхалъ въ Томскъ, куда отвезъ тяжелый багажъ — то были части новой типографіи.

Другіе филеры проводили въ Томскъ нѣкую госпожу Вербицкую, везшую также нѣкоторыя типографскія части. Установило наружное наблюденіе и то, что какія-то вещи привозились на Томскій пунктъ изъ Омска, что при проѣздѣ изъ Россіи Барыковъ и Вербицкая имѣли на нѣкоторыхъ станціяхъ Сибирской дороги конспиративныя свиданія.

Скоро по всѣмъ даннымъ наружнаго наблюденія стало ясно, что соціалисты-революціонеры сгруппировались на Томскомъ переселенческомъ пунктѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ лѣсу и что тамъ очевидно была поставлена типографія. Работавшіе на пунктѣ не посѣщали города, всѣ-же сношенія съ Томскомъ велъ врачъ Павловъ и его жена.

Зубатовъ рѣшилъ не давать соціалистамъ-революціонерамъ отпечатать что-либо на новомъ мѣстѣ и произвести аресты всѣхъ причастныхъ лицъ при первой возможности. Аресты въ Томскѣ не были опасны для внутренней агентуры, но на всякій случай, для производства ликвидаціи и дознанія по этому дѣлу, было рѣшено послать своего офицера. Выборъ палъ на меня, что было утверждено и Департаментомъ, и министромъ.

Я уже нѣсколько времени и до того по приказанію Зубатова знакомился въ отдѣленіи со всѣми данными наружнаго наблюденія и съ нѣкоторыми агентурными свѣдѣніями по этому дѣлу, теперь же сталъ заниматься этимъ еще внимательнѣе. Въ половинѣ Сентября я получилъ предписаніе выѣхать экстренно въ Томскъ для производства ликвидаціи и дальнѣйшаго по нему дознанія. Посылка офицера изъ Москвы мотивировалась главнымъ образомъ необходимостью прикрыть при производствѣ дознанія источники внутренней агентуры, т. е. не дать революціонерамъ повода думать, что въ раскрытіи организаціи играло роль шпіонство съ ихъ стороны.

Быстро мчалъ меня поѣздъ въ Сибирь, но т. к. филерское наблюденіе установило, что на пунктъ провезли изъ Омска кипы бумаги, то Москва рѣшила поспѣ-

шить съ ликвидацiей и распорядилась произвести обыски до моего прiѣзда въ Томскъ.

23-го Сентября мѣстная Томская жандармерiя въ сопровожденiи наряда полицiи и филеровъ нагрянула на переселенческiй пунктъ, гдѣ въ домикѣ администрацiи была обнаружена на полномъ ходу типографiя соцiалистовъ-революцiонеровъ. Въ ней были застигнуты Барыковъ, Вербицкая и Севастьянова и, кажется, еще фельдшерица Мутныхъ. Отпечатанные частично экземпляры 3-го номера «Революцiонной Россiи» сушились развѣшенными по всѣмъ комнаткамъ. Былъ обнаруженъ архивъ журнала съ богатымъ рукописнымъ матерiаломъ въ видѣ подлинныхъ писемъ изъ разныхъ городовъ. Кромѣ работавшаго станка нашли также и части прежней печати. Работою руководилъ Барыковъ, фельдшерицы-же исполняли роль наборщицъ. Медицинскiе щипчики служили для захвата буквъ. Въ ту же ночь были арестованы въ Томскѣ врачъ Павловъ съ женой, а также были произведены аресты и по другимъ пунктамъ Сибири.

Я узналъ объ арестѣ типографiи въ пути. Однажды вечеромъ, на участкѣ между Омскомъ и Томскомъ, пассажиры нашего поѣзда были встревожены необычной остановкой его на разъѣздѣ среди степи. Завывала мятель. Остановился и встрѣчный поѣздъ. Поднялась суета, бѣгала поѣздная прислуга. Оказывается искали меня и, найдя въ салон-вагонѣ, гдѣ мы мирно играли въ шахматы, попросили во встрѣчный поѣздъ. Тамъ находился прокуроръ Омской судебной палаты Ераковъ, возвращавшiйся въ Омскъ изъ Томска, гдѣ онъ ознакомился съ результатами обыска. Онъ хотѣлъ познакомиться со мною.

Поздоровавшись, прокуроръ палаты сразу огорошилъ меня вопросомъ: — «Какiя Вы имѣете агентурныя свѣдѣнiя по этому дѣлу?». Какъ ни неожиданъ былъ вопросъ, я отвѣтилъ, что агентурныхъ свѣдѣнiй у меня нѣтъ никакихъ.

— «Зачѣмъ-же Васъ тогда прислали и почему не могутъ производить дознанiе мѣстные офицеры?» Прокуроръ палаты закидывалъ меня вопросами, былъ видимо недоволенъ и удивленъ присылкой посторонняго офицера и не скрывалъ своего недоумѣнiя. Какъ могъ, я старался разъяснить, что это желанiе министра внутреннихъ дѣлъ въ виду той связи, которая должна установиться по дѣлу съ Европейской Россiей, что дознанiе вѣроятно прiйдется перенести въ одну изъ столицъ и т. д.

Прокуроръ палаты слушалъ. Онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ результаты обыска и прибавилъ, что далъ уже указанiя, кого слѣдуетъ освободить послѣ моего прiѣзда. Ну, подумалъ я, и господа. Не разобрались еще въ дѣлѣ, ничего еще не знаютъ, а ужъ безпокоятся объ освобожденiяхъ. Это добра не предвѣщало. Мы разстались вѣжливо-холодно, видимо не удовлетворенные другъ другомъ.

Прiѣхавъ въ Томскъ, познакомившись съ властями и принявъ дѣло, я былъ пораженъ даннымъ ему направленiемъ. Виновные были привлечены по статьямъ за устройство типографiи безъ надлежащаго разрѣшенiя, какъ будто это касалось самой легальной типографiи. О сообществѣ, преслѣдовавшемъ измѣненiе существующаго политическаго строя, не было и въ поминѣ. Мѣстный прокуроръ сразу-же поспѣшилъ объявить мнѣ, кто долженъ быть освобожденъ, и просилъ сдѣлать то поскорѣе. Я отвѣтилъ категорически, что пока не разберусь въ дѣлѣ, никто освобожденъ не будетъ, что дѣло важнѣе, чѣмъ думаютъ, и что къ нему надо отнестись весьма серьезно, а не съ палету.

Получалась самая обычная въ то время вещь. Въ политическихъ дѣлахъ прокуратура въ большинствѣ случаевъ прежде всего схватывалась за освобожденiе и прежде всего принимала на себя роль адвокатовъ арестованныхъ, забывая, для чего она существуетъ. Столицы, конечно, не въ счетъ; тамъ прокуратура была на своемъ

мѣстѣ, но бывали конечно въ этомъ отношеніи исключенія и въ провинціи, гдѣ также находились иногда прокуроры даже еще болѣе жесткіе, чѣмъ жандармскіе офицеры.

Въ качествѣ наблюдающаго за производствомъ дознанія мнѣ дали молоденькаго, симпатичнаго, совершенно неопытнаго товарища прокурора, для котораго выше прокурора палаты ничего на свѣтѣ не существовало.

Побывавъ на мѣстѣ обнаруженія типографіи, я убѣдился въ недостаточной тщательности произведеннаго обыска. На одномъ изъ шкафовъ я нашелъ экземпляръ «Колокола» Герцена со свѣжими рукописными помѣтками, сдѣланными, какъ оказалось потомъ, Евгеніемъ Колосовымъ, и это подорвало у меня довѣріе къ тому, что было сдѣлано. Оплошность была большая. Наличность книги Колосова въ типографіи устанавливала формальную его причастность къ ней. Онъ и былъ къ ней причастенъ, онъ покупалъ въ Омскѣ для типографіи бумагу и привозилъ ее. Не занесенная въ протоколъ обыска его книга теряла значеніе улики.

Началъ я допросы, прокуратура торопила съ освобожденіями, я протестовалъ. Отношенія усложнялись. Видя, что при неопытности мѣстной прокуратуры въ политическихъ дѣлахъ и при отдаленности прокурора палаты, дѣло можетъ быть скомкано и испорчено съ первыхъ-же шаговъ, я далъ телеграмму въ Петербургъ, прося разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ виду важности настоящего дѣла, производить одновременно съ формальнымъ дознаніемъ о типографіи, также и разслѣдованіе о соціалистахъ-революціонерахъ въ порядкѣ Положенія о государственной охранѣ. Такъ какъ разслѣдованіе велось безъ участія прокуратуры, то я получалъ большую свободу дѣйствій.

Вскорѣ я получилъ телеграфное распоряженіе министра Сипягина производить также и разслѣдованіе. Прокуратура была очень недовольна и прокуроръ палаты поѣхалъ въ Петербургъ. О жандармскомъ офицерѣ, не согласившемся съ прокурорскимъ надзоромъ, говорили въ министерствѣ юстиціи. Произошелъ нѣкоторый конфликтъ между двумя министрами, но Сипягинъ твердо стоялъ за меня и отданное имъ распоряженіе осталось въ силѣ: — я продолжалъ производить и дознаніе, и разслѣдованіе. Кого нельзя было сразу привлечь формально къ дознанію, тотъ привлекался къ разслѣдованію и по мѣрѣ возможности переводился на дознаніе; кого прокуратура настаивала освобождать по дознанію, тотъ содержался подъ стражей въ порядкѣ охраны по разслѣдованію.

Уже два мѣсяца бился я съ дознаніемъ, работая до позднихъ вечеровъ; были установлены связи по Петербургу, Москвѣ, Ярославлю, Нижнему Новгороду и Чернигову; нѣкоторые арестованные признали себя членами союза соціалистовъ-революціонеровъ, но полнаго откровеннаго показанія получено еще не было. Барыковъ, главный обвиняемый, серьезный, симпатичный мужчина, говорилъ только то, что нельзя было не говорить, и держался вообще весьма осторожно. Въ Томскѣ онъ являлся центральной фигурой. Его губили найденныя при немъ письма, да подводила и невѣста, продолжавшая писать изъ Саратова, не зная объ арестѣ жениха. По этой перепискѣ она тоже была арестована.

Дамы держались проще, но была среди нихъ одна пренесимпатичная барыня. Привезутъ ее бывало въ 40°-ый морозъ на допросъ, бранится посинѣвшая во всю. Предложишь ей погрѣться около распаленной печки, предложишь чаю — начинаетъ успокаиваться. Сниметъ ботинки, грѣетъ ноги и становится по-спокойнѣе, но показанія даетъ скупо, нѣтъ, нѣтъ да и фыркнетъ: — Вы, молъ, жандармы... Другія женщины были очень симпатичныя, простыя, безъ революціонной напускной учености и важности.

Говорили привлеченныя въ общемъ всѣ по-немногу. Соціалисты-революціонеры были въ этомъ отношеніи лучше соціалъ-демократовъ. На послѣднихъ ужъ очень отражалось вліяніе «Бунда» и его техники. Здѣсь-же все было больше по русски, на-распашку, и разговаривать съ эсъ-эрами было гораздо пріятнѣе.

Изъ сопоставленія различныхъ показаній и данныхъ обысковъ, получалось нѣчто весьма существенное: наличность Союза и его цѣли устанавливались формально, но полной картины все-таки не было. Товарищъ прокурора удивлялся, чего я добиваюсь и почему я не доволенъ дознаніемъ. Между тѣмъ, зная многое по агентурнымъ и филерскимъ даннымъ, я естественно хотѣлъ получить тѣ свѣдѣнія, но уже какъ показанія самихъ привлеченныхъ. Только въ переводѣ на протоколы допросовъ, эти свѣдѣнія пріобрѣтали формальныя значенія уликъ, и получить ихъ было задачей моей работы. И конечно я старался получить эти откровенныя показанія.

Наконецъ, однажды вечеромъ, въ началѣ Декабря, одна изъ арестованныхъ, попавшая въ революціонную среду, видимо, по недоразумѣнію, начала давать откровенныя показанія. То завѣтное, что хранилось у меня въ моихъ личныхъ папкахъ и не показывалось никому, даже своимъ сослуживцамъ по корпусу, стало воплощаться въ официальное показаніе. Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ... начало работы... члены организаци... необходимость переправы типографіи... перевозка валика, перевозка другихъ частей, работа, печатаніе...

Кто былъ слѣдователемъ, тотъ пойметъ, что переживалъ я, получая показаніе. Товарищъ прокурора, обычно дремавшій, сразу проснулся и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами. Слѣдующій день былъ настоящимъ праздникомъ. Мои сотоварищи офицеры радовались не меньше меня, довольна была и прокуратура. Многое въ моемъ упорствѣ и нежеланіи освобождать нѣкоторыхъ дѣлалось понятнымъ. Въ Петербургъ полетѣла подробная телеграмма, прокуратура освѣдомила Омскъ. Живѣе пошли допросы другихъ арестованныхъ, получались подтвержденія частностей, создавалась формальная картина всего дѣла.

Я съѣздилъ въ Омскъ, установилъ, гдѣ Колосовъ покупалъ бумагу для типографіи и какъ доставлялась она въ Томскъ. Какъ жалѣлъ я въ это время, что не могъ использовать противъ него какъ улику его «Колокола» съ его собственноручными замѣтками!

По разнымъ городамъ Россіи были посланы требованія о производствѣ дополнительныхъ формальныхъ обысковъ и, въ числѣ ихъ, требованіе въ Москву объ арестѣ А. Аргунова, работавшаго тогда, кажется, въ Ярославлѣ. Въ числѣ привлеченныхъ была и жена, и сестра послѣдняго и кто-то изъ свойственниковъ.

Во второй половинѣ Декабря получилось распоряженіе о переносѣ всего дознанія въ Москву со всѣми арестованными, что должно было выполнить жандармское управленіе. Забравъ слѣдственное производство и распрощавшись съ Томскомъ, я не замедлилъ выѣхать въ обратный путь, напутствуемый добрыми пожеланіями новыхъ друзей, искренно завидовавшихъ человѣку, покидавшему Сибирь и возвращавшемуся въ столицу.

Въ рождественскій сочельникъ я вернулся въ Москву. Начальство поздравило меня съ успѣшнымъ выполненіемъ порученія. Я допросилъ еще нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ А. Аргунова, который держался очень неспокойно, и передалъ дѣло въ Московское жандармское управленіе, которое должно было раздвинуть рамки дознанія и охватить весь Союзъ.

По окончаніи дѣла, изъ числа привлеченныхъ къ нему соціалистовъ-революціонеровъ, двѣнадцать человѣкъ были сосланы въ Сибирь на сроки отъ 3-хъ до 8-ми лѣтъ, которые были позднѣе сокращены. Многіе изъ нихъ приняли затѣмъ вновь видное участіе въ революціонной работѣ. Такъ, Севастьянова бросила бомбу въ Московскаго генералъ-губернатора Гершельмана, Н. Куликовскій убилъ графа Шувалова, С. Барыковъ и Н. Чернова участвовали въ подготовкѣ убійства генерала Трепова, а Аргуновъ игралъ большую роль въ центральномъ комитетѣ и т. д.

Тотъ ударъ по соціалистамъ-революціонерамъ былъ очень силенъ и очень перебилъ ихъ работу по Россіи, но все таки Департаментъ полиціи не додѣлалъ тогда своего дѣла. Арестъ Томской типографіи и причастныхъ къ ней лицъ по Сибири не сопровождался одновременнымъ, въ Сентябрѣ-же мѣсяцѣ, заарестованіемъ всѣхъ извѣстныхъ членовъ Союза по разнымъ городамъ Европейской Россіи. Съ этими арестами запоздали мѣсяца на три, а въ это время много работали и Аргуновъ, и Селюкъ, и поддерживавшій тѣсную связь съ ними Гершуни.

И вскорѣ послѣ ареста типографіи, за границу выѣхала Селюкъ, которую Аргуновъ снабдилъ всѣми нужными матеріалами для выпуска за границей арестованнаго въ Томскѣ № 3 «Революціонной Россіи».

Въ концѣ-же года за границу выѣхалъ и Азефъ, которому еще незаарестованные руководители Союза передали всѣ связи, явки, пароли и посылали его за границу какъ своего довѣреннаго представителя на ряду съ Маріей Селюкъ. — «Азефу мы вручили все, какъ умирающій на смертномъ одрѣ» — говорилъ позже Аргуновъ.

Все это зналъ Департаментъ полиціи и онъ тому не воспрепятствовалъ. Выѣхалъ туда и Гершуни съ полномочіями отъ Саратовскихъ и Южныхъ организацій, и ему не помѣшали.

За границей-же начались переговоры объ объединеніи, въ результатѣ чего въ Январѣ 1902 года офиціально образовалась Партія Соціалистовъ Революціонеровъ съ Центральнымъ Комитетомъ во главѣ, съ Центральнымъ Органомъ «Революціонная Россія» и съ девизомъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Народилась партія, которая принесла Россіи такъ много непоправимаго вреда. Ближайшая задача партіи — сверженіе самодержавія, конечная цѣль — переустройство Россіи на соціалистическихъ началахъ. Средства борьбы — пропаганда, агитація и терроръ. Партія приступала къ работѣ среди рабочихъ и интеллигенціи и, гдѣ можно, среди крестьянъ.

Партія являлась идейной послѣдовательницей Бакунина, Герцена и Лаврова. Ея идеологомъ въ легальной печати былъ столь популярный Михайловскій, принимавшій, правда робко, нѣкоторое участіе и въ подпольной работѣ. Партія являлась представительницей своеобразнаго русскаго соціализма, съ основной эфемерной мечтой русской интеллигенціи, что наша крестьянская община можетъ быть легко использована какъ ступень къ переходу на соціалистическій строй, что нашъ крестьянинъ природный соціалистъ. Въ революціонныхъ рядахъ Партія явилась прямой послѣдовательницей Партіи Народной Воли съ ея тактическимъ девизомъ: «Цѣль оправдываетъ средства».

По ироніи судьбы и по неизмѣнному закону для всѣхъ россійскихъ революціонныхъ партій второй половины прошлаго столѣтія, главнѣйшими заправилами этой «народнической» русской партіи оказались: — Гоцъ, Миноръ, Гершуни, Рубановичъ, Натансонъ, Азефъ... говорить тутъ о любви къ Россіи и о заботахъ о русскомъ народѣ не приходится. Среди нихъ сверкали русскія имена вродѣ будущаго селянскаго министра и нѣмецкаго шпіона Виктора Чернова.

Департаментъ полиціи не сумѣлъ тогда помѣшать сплоченію Партіи, хотя и имѣлъ къ тому полную возможность. Не сумѣлъ, хотя имѣлъ около центра своего освѣдомителя Азефа, хотя объединеніе происходило за границей, гдѣ находился весьма талантливый его чиновникъ Петръ Ивановичъ Рачковскій, получавшій свѣдѣнія непосредственно отъ Азефа. Центральный и руководящій по розыску правительственный органъ не былъ на высотѣ положенія. Тамъ чванились знаніемъ розыскнаго дѣла, но промахи дѣлали непоправимые. Не даромъ-же его особымъ отдѣломъ въ то время завѣдывалъ красивый, свѣтскій Донъ-Жуанъ, любитель-театралъ Леонидъ Александровичъ Ратаевъ, слывшій въ Петербургѣ подъ кличкой «Корнета Отлетаева».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Студенческіе безпорядки 1899—1901 годовъ. — Безпорядки въ Москвѣ. — Безпорядки 1902 года. — Осада Университета. — Заарестованіе безпорядочниковъ. — Манежъ. — Бутырская тюрьма. — Случай въ тюрьмѣ. — Инциндентъ съ профессоромъ Герье. — Иллюминація. — Конецъ безпорядковъ. — Наказаніе. — Покушеніе Аллартъ на оберъ-полицмейстера Трепова — Покушеніе на него-же Михалевича и соціалистовъ-революціонеровъ.

Пришлось мнѣ въ тѣ годы познакомиться хорошо и со студенческими безпорядками. Студенческіе безпорядки 1899—1902 годовъ послужили началомъ того общественнаго движенія, которое, нарастая затѣмъ постепенно, захватывало все новые и новые слои населенія, слилось съ революціоннымъ и вылилось въ первую 1905 г. революцію, принесшую Россіи хотя и несовершенную, но все-таки конституцію.

8-го Февраля 1899 года, во время годичнаго акта въ Петербургскомъ Университетѣ, студенты, недовольные ректоромъ Сергѣевичемъ за сдѣланное имъ предупрежденіе о нарушеніи уличнаго порядка, освистали его. Послѣ акта, при выходѣ изъ университета, у студентовъ произошло столкновеніе съ полиціей, во время котораго толпа была разсѣяна съ примѣненіемъ нагаекъ. Студенты объявили забастовку, которая и перекинулась на всѣ другія высшія учебныя заведенія столицы, а затѣмъ и по другимъ городамъ.

Оппозиціонные круги общества приняли сторону молодежи и для выясненія причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ безпорядки, по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ Ванновскій, по результатамъ работъ котораго были приняты мѣры къ упорядоченію академической жизни студентовъ и въ числѣ ихъ были утверждены, 29 Іюля 1899 г., «Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ».

Это было одно изъ самыхъ ошибочныхъ мѣропріятій царскаго правительства. Въ армію вливали самыхъ недисциплинированныхъ, распропагандированныхъ молодыхъ людей. Тамъ они въ большинствѣ случаевъ сразу-же попадали въ привилегированное положеніе, что меньше всего походило на отбываніе наказанія, которое выдумало для нихъ правительство. Между тѣмъ, всѣ оппозиціонные и революціонные круги приняли новое мѣропріятіе какъ отправку молодежи на исправленіе какъ-бы въ дисциплинарные батальоны. Поднялась агитація противъ правительства. Въ результатѣ — вредъ для арміи, вредъ для правительства и никакой пользы и толку для молодежи.

Осенью 1900 года, безпорядки начались въ Кіевскомъ Университетѣ и, когда къ участникамъ примѣнили временныя правила, волненія перекинулись и на другіе университетскіе города.

Въ обществѣ ходили чудовищные разсказы о томъ суровомъ режимѣ, которому будто-бы подвергаются въ войскахъ студенты. Распространялись ложные слухи, что нѣсколько студентовъ были даже разстрѣляны. Молодежь волновалась, волновалось и общество. Создавалось крайне враждебное отношеніе къ правительству и главнымъ образомъ къ министру народнаго просвѣщнеія Боголѣпову и, наконецъ, 14-го февраля 1901 года прибывшій изъ-за границы соціалистъ-революціонеръ, бывшій студентъ Карповичъ, смертельно ранилъ послѣдняго. Нѣкоторые круги интеллигенціи высказали сочувствіе случившемуся, что еще больше подняло настроеніе молодежи.

19-го февраля произошли безпорядки въ Петербургѣ и Харьковѣ, а 23-го начались они и у насъ въ Москвѣ. Въ тотъ день студенты собрались на университетскомъ дворѣ, когда-же пришла полиція, то студенты взломали двери въ актовый залъ, гдѣ и продолжали сходку. Университетское начальство обратилось къ оберъ-полицмейстеру, по распоряженію котораго выходившихъ со сходки стали задерживать и направлять въ манежъ на Моховой.

Слухъ о начавшихся безпорядкахъ распространился по городу. Группы учащихся, вмѣстѣ съ праздношатающейся молодежью и подростками, появлялись то въ одной, то въ другой части города и нарушали обычный порядокъ жизни. Все тянулось къ манежу. Иногда толпы начинали пѣть студенческія пѣсни.

Вызывались усиленныя наряды полиціи, жандармскіе эскадроны и казаки, при приближеніи которыхъ молодежь шикала, свистала и разбѣгалась, чтобы собраться въ другомъ мѣстѣ. Наряды направлялись туда, туда скакали жандармы, и безпорядочники вновь разбѣгались, и такъ до безконечности. Происходила какая-то своеобразная игра въ кошку и мышку.

Съ непривычки полиція дѣйствовала неумѣло, неразумно, что только подбодряло демонстрантовъ и увеличивало общую сумятицу и безпорядокъ. Больше всего ерунды было въ манежѣ, куда направляли со всѣхъ сторонъ арестованныхъ.

Огромный манежъ былъ полонъ народу. Студенты, вольные, курсистки, полиція и нѣсколько эскадроновъ жандармовъ. Крики, пѣсни и ржанье лошадей. Надъ всѣмъ повисъ густой паръ и запахъ навоза. Порядку никакого. Нѣсколько сотенъ задержанной публики дѣлали, что хотѣли. На кучѣ песку, около одной изъ стѣнъ манежа организовалась сходка. Взобравшійся наверхъ студентъ, предсѣдатель, неистово звонитъ колокольчикомъ и начинаетъ затѣмъ говорить. Галдежъ и рѣчи. Въ другомъ концѣ импровизованный хоръ что-то поетъ. Въ лѣвомъ углу отъ входа большая группа молодежи устроила живую стѣну-кругъ, за которой любители предаются свободной любви съ попавшими въ манежъ проститутками. Оберегающіе происходящее дѣйство студенты хохочутъ. Фактъ былъ зарегистрованъ и тогда-же доведенъ до свѣдѣнія товарища прокурора Золотарева, впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Власть бездѣйствовала. Распоряжавшійся всѣмъ полицмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Свѣшниковъ, «бѣлая шапка», какъ прозвали его студенты, предпочиталъ разговаривать и ничего рѣшительнаго не предпринимать, т. к. считалъ, что безпорядки носятъ академическій характеръ. Нѣкоторые полицейскіе офицеры безпомощно метались отъ одной группы къ другой, убѣждали не пѣть, прекратить сходку, просили уговорить товарищей не безобразничать съ дамами и т. д.

Тамъ же и помощникъ начальника охраннаго отдѣленія Сазоновъ. Женатый на москвичкѣ, бывшей курсисткѣ, онъ—поклонникъ гуманныхъ мѣръ, много разговариваетъ, резонерствуетъ, но что либо приказать по собственной иниціативѣ воздерживается.

Подобный же безпорядокъ замѣчается всюду и на улицѣ. Толпа видитъ безтолочь, и это ее веселитъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, подростки мальчишки начинаютъ бить фонари.

Офицеры охраннаго отдѣленія, посланные наблюдать за тѣмъ, что и какъ дѣлается, докладываютъ своему начальнику о творящемся безобразіи съ обѣихъ сторонъ; Зубатовъ докладываетъ Трепову, послѣдній рветъ и мечетъ и распекаетъ свою полицію. Общая полиція негодуетъ на насъ.

На наше счастье въ тотъ годъ безпорядки въ Москвѣ не носили политическаго характера. Студенческій исполнительный комитетъ даже выпустилъ прокламацію, приглашая студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ. Все шло оффиціально подъ флагомъ академической борьбы.

На 4-е Марта въ Москвѣ была назначена большая демонстрація, но ее не допустили, собравшихся же нѣсколько десятковъ человѣкъ арестовали, на чемъ наши безпорядки и кончились. Задержанныхъ подержали нѣкоторое время въ Бутырской тюрьмѣ и поудаляли затѣмъ изъ Москвы на время, кто куда хотѣлъ. Удаленіе это носило опереточный характеръ: кто жилъ далеко, уѣзжалъ обычно въ Рязань или Тамбовъ, а то и ближе.

Въ другихъ городахъ студенческіе безпорядки того года носили болѣе острый характеръ. Такъ въ Петербургѣ 4-го марта у Казанскаго собора произошло настоящее побоище между демонстрантами съ одной стороны и полиціей съ войсковымъ нарядомъ — съ другой. Демонстранты дѣйствовали палками, желѣзными прутьями и даже стрѣляли. Наряды употребили въ дѣло холодное оружіе и нагайки. За демонстрантовъ вступился генералъ князь Вяземскій, членъ Государственнаго Совѣта, но получилъ соотвѣтствующій отпоръ отъ градоначальника, а затѣмъ и должное возмездіе, дабы не совался не въ свое дѣло и не мѣшалъ дѣйствіямъ полиціи. Оппозиціонные круги не замедлили съ протестами. Среди повышеннаго настроенія земскій статистикъ Лаговскій стрѣляетъ съ тротуара въ кабинетъ оберъ-прокурора Побѣдоносцева.

11-го марта произошла внушительная демонстрація въ Кіевѣ съ участіемъ рабочихъ и разночинной интеллигенціи, причемъ былъ выкинутъ флагъ «за политическую свободу». Происходили безпорядки и въ другихъ городахъ. Въ общемъ, всѣ эти студенческіе безпорядки, конечно, являлись отраженіемъ политическаго настроенія нѣкоторыхъ слоевъ общества, но про нихъ все таки говорили тогда, что они носили не политическій, а академическій характеръ. Это было спокойнѣе, но не совсѣмъ вѣрно.

Студенческіе безпорядки 1902 года носили уже повсюду оффиціально признанный политическій характеръ. Заправилы студенческаго движенія не безъ подталкиванія революціонныхъ организацій собрались въ началѣ того года на Всероссійскій студенческій съѣздъ. Съѣздъ подвелъ, какъ писали тогда, «итоги академической борьбѣ» и призывалъ студентовъ выступить открыто на путь политической революціонной борьбы, считая то вѣрнымъ и твердымъ шагомъ, который долженъ привести къ желанной цѣли въ борьбѣ съ правительствомъ.

Захватило новое движеніе и Москву. Въ концѣ Января началось у насъ глухое броженіе среди студентовъ университета, вылившееся наконецъ въ большую сходку въ актовомъ залѣ. Сходка носила политическій характеръ. Кромѣ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній, на ней были курсистки и, правда, немного постороннихъ лицъ. Была принята политическая резолюція и изъ окна былъ выкинутъ флагъ съ революціонной надписью. Жгли какой то научный кабинетъ, жгли документы и раздавали прокламаціи.

Въ виду такого характера событій, рѣшено было дѣйствовать энергично и не въ примѣръ прошлому году. И какъ только университетская администрація увѣдомила оберъ-полицмейстера о характерѣ происходящей сходки и попросила о принятіи мѣръ къ водворенію порядка, университетъ былъ окруженъ войсками. Въ манежъ были высланы войсковые и полицейскіе наряды. Выходившихъ изъ университета арестовывали. Отъ нихъ узнали, что сходочники дебоширничаютъ, произносятъ революціонныя рѣчи, печатаютъ на гектографѣ прокламаціи. Въ манежъ были командированы офицеры охраннаго отдѣленія, прибыли туда на дежурство и чины прокурорскаго надзора.

Вечеромъ, часовъ около 10-ти, явившійся въ манежъ оберъ-полицмейстеръ Треповъ приказалъ мнѣ:

— «Я поручаю Вамъ манежъ. Въ Вашемъ распоряженіи полурота пѣхоты и находящаяся здѣсь полиція. Сюда прибудутъ арестованные изъ университета. Ихъ надо принять и сдѣлать, что нужно. Надѣюсь, что все будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ».

Я попросилъ у генерала еще взводъ казаковъ, и на его вопросъ для чего, отвѣтилъ, что казаки успокоительнѣй всего дѣйствуютъ на толпу. Казаки были мнѣ даны.

Оберъ-полицмейстеръ ушелъ съ нарядами къ университету. Огромный манежъ опустѣлъ. Полурота пѣхоты, нѣсколько полицейскихъ офицеровъ, десятка два городовыхъ и взводъ конныхъ казаковъ терялись въ немъ. Переговоривъ съ офицерами, я сдѣлалъ слѣдующія приготовленія. Отъ главныхъ дверей манежа, вдоль его, были растянуты шпалерами двѣ шеренги пѣхоты, сомкнувшіяся въ дальнемъ концѣ, благодаря чему получился длинный коридоръ-тупикъ, шириною сажени въ четыре. Коридоръ былъ подѣленъ на пять частей, причемъ при началѣ каждаго дѣленія, стояло по два казака. Остальные казаки выстроены были внутри манежа по обѣ стороны входныхъ дверей. Тамъ же была и вся полиція.

Планъ былъ таковъ. Когда толпа хлынетъ въ манежъ, она устремится по нашему живому коридору. По моей командѣ два казака отъ входа отрѣжутъ и замкнутъ уже вошедшую въ коридоръ толпу и слѣдуютъ за ней, пока она не упрется въ тупикъ. Когда толпа упрется въ тупикъ, первая часть коридора замыкаетъ кольцо и отходитъ съ окруженными людьми въ сторону. Въ тотъ же моментъ укороченный уже коридоръ смыкается въ новый тупикъ, автоматически наполняется напирающей извнѣ толпой, образуется второе кольцо и такъ далѣе, всѣ пять. При каждомъ кольцѣ казаки поддерживаютъ порядокъ.

Нѣсколько полицейскихъ офицеровъ встрѣчаютъ толпу при входѣ, вырываютъ изъ рукъ палки и бросаютъ ихъ въ правый уголъ манежа. Нѣсколько другихъ офицеровъ энергично отдѣляютъ женщинъ и передаютъ ихъ городовымъ въ лѣвый уголъ, въ особое кольцо. При немъ также казаки. Въ манежѣ должна быть полная тишина. Шумѣть и пѣть не разрѣшается. При попыткахъ къ тому, казаки грозятъ нагайками. Грозятъ, но не бьютъ. Слушаться только моихъ распоряженій.

Построивъ нарядъ и убѣдившись, что всѣ поняли, что намъ надлежитъ выполнить, я вышелъ за двери манежа. Темно. Пылаютъ факелы пожарныхъ. Отъ манежа къ университету протянулись войска. Зловѣщая тишина. Стало непріятно. Мнѣ доложили, что въ университетѣ до тысячи человѣкъ, что есть боевая дружина и готовится покушеніе на Трепова. На него бросится кто-то изъ кавказцевъ.

Около полуночи, послѣ безрезультатныхъ переговоровъ съ осажденными въ Университетѣ, пожарные взломали двери, казаки и городовые проникли въ университетъ, окружили всѣхъ бывшихъ тамъ на сходкѣ и погнали изъ зданія. Все хлынуло на улицу и, подпираемое нарядомъ, двинулось къ манежу.

Густая тьма, фантастически освѣщаемая вспыхивающими факелами; неподвижныя шпалеры войскъ и медленно двигающаяся среди нихъ, замыкаемая казаками толпа, поющая какую-то революціонную пѣсню. Все это производило необычайное, жуткое впечатлѣніе.

Я поспѣшилъ въ манежъ, захлопнулъ двери и приказалъ открыть ихъ только при самомъ приближеніи толпы. На душѣ было неспокойно. Толпой надо сразу овладѣть, захватить, взять въ руки. Иначе — не справиться, и будетъ безпорядокъ. Удастся ли?

Издали доносился шумъ и пѣніе. Все ближе, ближе. Вдругъ распахнулись двери... Скрестившись локтями, въ заломленныхъ назадъ папахахъ, съ палками въ рукахъ двигаются впереди что то горланя, повидимому, кавказцы, вперемежку съ женщинами. Глаза горятъ, лица взволнованы.

— «Казаки, нагайки вверхъ! Молчать, перестать пѣть!»... — раздалась команда. Яркій свѣтъ манежа, казаки съ поднятыми нагайками, сильный властный окрикъ и полнѣйшая неожиданность происшедшаго какъ бы ошеломили толпу. Пѣніе смолкло. Передніе ряды оторопѣли, попятились назадъ, но подпираемые массой уже нерѣшительно продвигались впередъ.

Моментъ былъ выигранъ. Полиція выхватила женщинъ, отбрасывала палки, кистени; казаки раздѣляли толпу, пѣхота смыкала кольца. Все шло, какъ нужно.

Черезъ нѣсколько минутъ въ разныхъ сторонахъ манежа оказалось пять окруженныхъ пѣхотою большихъ группъ арестованныхъ. Около нихъ разъѣзжали казаки. Отдѣльно въ углу женскій кругъ. Всюду тишина. Женщины на всѣхъ безпорядкахъ самый зажигательный для толпы элементъ. Изолированіе ихъ понижаетъ настроеніе мужчинъ. Безъ женщинъ мужчины менѣе воинственны.

За арестованными появился Треповъ въ сопровожденіи полиціи, офицеровъ, чиновниковъ и прокуратуры. Онъ видимо былъ удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ. Подойдя ко мнѣ, генералъ сказалъ:

— «Я обѣщалъ Великому Князю освободить манежъ для занятій войскъ къ 6-ти часамъ. Перепишите арестованныхъ и переправьте въ Бутырскую тюрьму. Тамъ приготовленъ ужинъ. Вся полиція въ Вашемъ распоряженіи. Я Вамъ не мѣшаю. Дѣлайте, что нужно».

Передача полиціи въ мое распоряженіе въ то время какъ на мѣстѣ находились полицмейстеры въ генеральскихъ чинахъ — былъ фактъ знаменательный, что и учли конечно въ мою пользу.

Отдавъ приказаніе, генералъ направился въ сторону, сѣлъ на поданный ему стулъ и закурилъ сигару.

Теперь уже было легко. Начали регистрацію задержанныхъ. Время отъ времени меня звали то къ одному, то къ другому кругу. Суденты требобали ѣсть, спрашивали, для чего казаки, что будутъ дѣлать съ арестованными. Я объяснилъ, что ѣда ожидаетъ въ Бутыркахъ, что въ нашихъ общихъ интересахъ скорѣе кончить регистрацію, что казаки необходимы для порядка. Съ молодежью можно было говорить; ей только не надо было лгать.

Въ одномъ кругу попытались было начать пѣть, но казаки внушительно пригрозили нагайками и водворилась тишина. Ко мнѣ подошелъ товарищъ прокурора и началъ говорить о неумѣстности угрозъ казаковъ. Я отвѣтилъ, что казаки исполняютъ мои приказанія, относительно же умѣстности и правильности ихъ я отвѣтственъ передъ моимъ начальствомъ. Отдавъ затѣмъ честь рукою, я пошелъ дѣлать свое дѣло. Больше ко мнѣ прокуратура не подходила.

Часа черезъ три началась отправка задержанныхъ въ Бутырки. Для женщинъ были поданы фургоны, но онѣ гордо отказались отъ нихъ и пошли пѣшкомъ. Это имъ досталось не легко. До тюрьмы было нѣсколько верстъ, и многія изъ нихъ жалѣли потомъ о своей горячности, но было поздно.

Къ шести часамъ манежъ былъ свободенъ, и я доложилъ о томъ Трепову. Генералъ, ни разу не вмѣшавшійся въ мои распоряженія и только наблюдавшій за тѣмъ, что и какъ дѣлается, поблагодарилъ меня, пожалъ крѣпко руку и сказалъ улыбаясь: «будете представлены къ наградѣ».

Всѣ разошлись. Вернувшись домой, я трясся какъ въ лихорадкѣ. Пришлось выпить вина. Но, слава Богу, все сошло хорошо. Ни одного удара, ни одного скандала, ни одной жалобы на дѣйствія войскъ или полиціи.

Эта ночь предопредѣлила мою позднѣйшую службу въ Царскомъ Селѣ. Въ лицѣ Дмитрія Федоровича Трепова я пріобрѣлъ солидную служебную протекцію.

Въ слѣдующіе дни мнѣ приходилось имѣть дѣло въ Бутырской тюрьмѣ. Администрація университета начала свое дознаніе, студенты отказывались разговаривать съ нею, и мнѣ поручили убѣдить ихъ заполнить анкетные листы.

Когда я явился въ тюрьму, то начальникъ тюрьмы, проведя меня въ общій коридоръ, куда выходило нѣсколько огромныхъ пересыльныхъ камеръ съ нѣсколькими сотнями арестованныхъ, закрылъ за мною желѣзную дверь, и я остался одинъ среди заключенныхъ. Пройдя въ одну изъ палатъ, я сталъ въ простѣнокъ между окнами, чтобы видѣть всю толпу и не имѣть никого позади себя, и началъ говорить. Я убѣждалъ студентовъ принять анкетные листы, предложилъ имъ отъ имени Трепова газеты и обѣщалъ ускореніе дѣла. Настроеніе складывалось въ мою пользу: взяли листы, взяли газеты. Вдругъ съ галерки послышался выкрикъ:

— «Да что съ нимъ разговаривать, товарищи, жандармъ вѣдь, вонъ его!»... Выкрики повторялись, толпа зашумѣла, стало какъ то нехорошо. Въ это время одинъ изъ студентовъ пріоткрылъ мой портфель и заглянулъ въ него. Я вспылилъ: — «Что Вы дѣлаете, студентъ. Я довѣрчиво разговариваю съ Вами, а Вы забираетесь ко мнѣ въ карманъ, развѣ это можно!»

Этотъ глупѣйшій инцидентъ выручилъ меня. Стоявшіе около меня студенты начали шикать на своего товарища. Кто-то кричалъ: «Коллега, стыдно, оставьте, нельзя»...

Воспользовавшись моментомъ, я двинулся впередъ, дѣлая жестъ рукой, толпа расступилась. Какъ я вышелъ цѣлымъ изъ камеры, какъ я прошелъ по коридору и очутился за огромной желѣзной дверью, гдѣ меня встрѣтилъ начальникъ тюрьмы, я не понимаю. Наговоривъ любезностей начальнику тюрьмы за оставленіе меня одного среди арестованныхъ, я уѣхалъ. Я чувствовалъ себя избитымъ. Въ отдѣленіи говорили, что на мнѣ не было лица.

Послѣ этого случая Бутырки сдѣлались какъ бы моей монополіей. То и дѣло приходилось ѣздить и разговаривать съ арестованными.

Случилось тогда такое обстоятельство. Профессоръ Герье, десятка два слушательницъ котораго были среди арестованныхъ, попросилъ разрѣшенія у оберъ-полицмейстера переговорить со своими слушательницами. Свиданіе было разрѣшено, но въ присутствіи жандармскаго офицера, и выборъ палъ на меня.

Въ тюремномъ классѣ были собраны арестованныя слушательницы курсовъ Герье. Поздоровавшись съ ними, профессоръ занялъ учительское мѣсто, всѣ разсѣлись по партамъ, а я сѣлъ сзади. Профессоръ обратился къ курсисткамъ съ рѣчью, въ которой высказалъ слѣдующее:

— «М. Г. Вы знаете, что я профессоръ. Вы учитесь у меня, слушаете меня, признаете мой авторитетъ въ наукѣ и никому изъ Васъ не приходитъ въ голову

спорить со мною и говорить, что Вы знаете науку лучше меня. Вамъ не приходитъ въ голову учить меня, даже спорить со мною по моему предмету. Отчего же Вы думаете, что наука управлять государствомъ менѣе сложна. Отчего въ дѣлѣ политики Вы, молодыя, неопытныя, только что вступающія въ жизнь дѣвушки, считаете себя компетентными спорить съ властью. Считаете возможнымъ доказывать ей, что она не права, что Вы лучше ея знаете, что надо дѣлать, и требуете тѣхъ или иныхъ политическихъ реформъ»...

Почтенный сѣдой профессоръ долго развивалъ свои мысли, говорилъ талантливо и горячо, но успѣха не имѣлъ. Ему отвѣчала растрепанная дѣвица: тутъ было все. Нѣсколько курсистокъ наговорили ему затѣмъ много нехорошаго, нетактичнаго и даже дерзкаго. Мнѣ пришлось приблизиться и стать около профессора.

Удивленный, взволнованный и растроганный профессоръ покинулъ классъ и вышелъ со мною. При проходѣ черезъ большое помѣщеніе, гдѣ происходило свиданіе арестованныхъ съ родственниками, студенты узнали профессора, начались шиканья и свистки. Я довелъ профессора до выхода, распрощался съ нимъ и вернулся въ пріемную. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошли два студента и отъ имени всѣхъ остальныхъ просили удалиться, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ они не ручаются за послѣдствія. Я отвѣтилъ, что въ насиліе толпы студентовъ противъ одного не вѣрю, что нахожусь среди нихъ не ради удовольствія, а по службѣ. Если же они сами вѣрятъ въ то, что говорятъ, то я, во первыхъ, немедленно прекращу всѣ свиданія и удалю родныхъ и знакомыхъ, а во вторыхъ, попрошу начальника тюрьмы вызвать караулъ и принять соотвѣтствующія мѣры. Отвѣтъ подѣйствовалъ успокоительно. Мнѣ пришлось нарочно пробыть въ пересыльной лишнихъ четверть часа.

Въ тотъ день вечеромъ арестованные устроили въ видѣ протеста иллюминацію: жгли соломенники и подушки, высовывая ихъ въ окна, что заставило вызвать пожарную команду.

Финаломъ московскихъ студенческихъ безпорядковъ того года явились: высылка многихъ въ Сибирь, увольненіе многихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и удаленіе остальныхъ на разные сроки изъ Москвы.

Наказаніе первой категоріи являлось очень строгимъ и не соотвѣтствовало винѣ безпорядочниковъ въ массѣ. Къ примѣненію ссылки не было достаточныхъ формальныхъ данныхъ. Основаніемъ для этого тяжкаго наказанія служили большей частью, хотя и солидныя, но всетаки агентурныя свѣдѣнія, исходившія отъ той же молодежи. Самое же заключеніе о персональной виновности каждаго арестованнаго, дѣлалось на-спѣхъ и безъ строгой провѣрки выставленныхъ уликъ. Отсюда частая несправедливость наказанія.

Студенческіе безпорядки очень отражались на настроеніи города вообще. Повсюду чувствовалась особая нервозность и приподнятость.

Однажды въ тѣ дни, 9-го Февраля, пришедшая къ оберъ-полицмейстеру на пріемъ курсистка Аллартъ выстрѣлила въ генерала въ упоръ, но револьверъ далъ осѣчку. Покушеніе à la Вѣра Засуличъ не удалось. Аллартъ схватили, обезоружили и привели въ охранное отдѣленіе. Маленькая, черненькая, нервная дѣвица, она очень была взволнована и не могла толкомъ разъяснить, почему и за что она стрѣляла. Если бы не чиновникъ Войлошниковъ, она была бы избита во дворѣ городовыми, которые очень любили генерала. Аллартъ опросили и передали въ жандармское управленіе.

Въ тѣ же дни, какъ то вечеромъ нѣкій, кажется, акцизный чиновникъ, Михалевичъ, пытался проникнуть къ генералу съ намѣреніемъ убить его ножомъ. Его во время замѣтили и арестовали, а ножъ отобрали. Михалевичъ производилъ впечатлѣніе какого то страннаго человѣка и на допросѣ признался, что хотѣлъ убить оберъ-полицмейстера.

Этимъ покушенія на генерала Трепова не кончились. Послѣ Декабрьской 1904 г. демонстраціи, Московскій комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ издалъ прокламацію, въ которой заявилъ, что онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы «казнить» Великаго Князя и Трепова.

Убійство Великаго Князя комитетъ уступилъ Савинкову, а для убійства Трепова воспользовался предложеніемъ молодого человѣка Полторацкаго, котораго и снабдилъ револьверомъ. Вскорѣ револьверъ однако отобрали, сказавъ, что выдадутъ, когда будетъ нужно. Въ комитетѣ въ то время видную роль игралъ Зензиновъ.

1-го Января 1905 г. Полторацкій узналъ, что на слѣдующій день Треповъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, и сейчасъ-же сообщилъ о томъ въ комитетъ, прося указаній, причемъ предупредилъ, что если ему не дадутъ револьвера, то онъ управится своими средствами, но возлагаетъ отвѣтственность за то на партію. Не получивъ отвѣта, Полторацкій отправился 2-го Января на вокзалъ и произвелъ въ проходившаго въ вагонъ генерала два выстрѣла, но промахнулся. Соціалисты-революціонеры, конечно, отреклись отъ этого покушенія, заявивъ въ «Революціонной Россіи», что Партія ничего общаго съ нимъ не имѣетъ. Такъ пишется исторія.

Весною того-же 1905 года, уже въ бытность Трепова Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, боевая группа соціалистовъ-революціонеровъ, съ Барыковымъ во главѣ, сдѣлала настоящую облаву на генерала на Большой Морской улицѣ, но вся организація была выслѣжена и арестована охраннымъ отдѣленіемъ.

Годъ спустя, лѣтомъ 1906 года, соціалисты-революціонеры вновь пытались убить генерала. Въ Петергофскій паркъ былъ посланъ убійца, который и убилъ тамъ какъ-то вечеромъ нѣкоего генерала Козлова, думая, что стрѣлялъ въ Трепова. Произошла «маленькая» ошибка. Все равно царскій генералъ. Такимъ-же образомъ въ Пензѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Прозоровскаго, убили пѣхотнаго генерала Лиссовскаго; въ Кіевѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Новицкаго, ударили въ Купеческомъ Саду ножомъ одного изъ отставныхъ армейскихъ генераловъ, а въ Швейцаріи, вмѣсто министра Дурново, отправили на тотъ свѣтъ нѣмецкаго купца Мюллера. Все это «маленькія» ошибки нашихъ соціалистовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ. — Рабочій вопросъ и невниманіе къ нему Витте и его министерства. — Зубатовъ — легализаторъ. — Зубатовскія организаціи въ Москвѣ. — Манифестація рабочихъ въ 1902 году и вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя. — Гнѣвъ Витте. — Мечты Зубатова. — Легализація въ Минскѣ. — Легализація въ Одессѣ и ея провалъ. — Причины провала Зубатовскаго движенія. — Отвѣтственность Витте по рабочему вопросу. — Ссылка Зубатова и его самоубійство. — Моя болѣзнь. — Убійство Сипягина. — Поѣздка на Кавказъ. — Харьковско-Полтавскіе безпорядки. — Назначеніе В. К. Плеве и А. А. Лопухина. — Реформа розыска и открытіе провинціальныхъ охранныхъ отдѣленій. — Назначеніе меня въ Крымъ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ выдвинули для правительства на очередь рабочій вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, понимая всю государственную важность этого вопроса и заинтересованное въ немъ также и съ точки зрѣнія поддержанія общественнаго порядка въ странѣ, первое пошло въ этотъ періодъ по пути правильнаго его разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ.

Далеко не таково было отношеніе къ рабочему вопросу министерства финансовъ съ его фабричной инспекціей и во главѣ съ Витте, на обязанности котораго по существу лежалъ рабочій вопросъ во всемъ его объемѣ въ то время. Витте ревниво оберегалъ подчиненную ему сферу, но простиралъ свои заботы только на капиталистовъ и не обращалъ должнаго вниманія на рабочихъ и ихъ нужды. И когда, подъ вліяніемъ забастовокъ, по Высочайшему повеленію былъ образованъ при Департаментѣ торговли и мануфактуръ комитетъ для составленія проекта закона о нормировкѣ рабочаго времени въ фабрично-заводской промышленности, то при работахъ его различіе во взглядахъ двухъ министерствъ выявилось въ полной мѣрѣ.

На засѣданіяхъ комитета на защиту интересовъ рабочаго класса выступили тогда не чины министерства Витте съ предсѣдателемъ Ковалевскимъ, что явилось-бы вполнѣ естественнымъ, а представители министерства внутреннихъ дѣлъ: — вице-директоръ Департамента полиціи Семякинъ и хозяйственнаго департамента С. Щегловитовъ.

Почти во всѣхъ пунктахъ законопроекта представителямъ министерства внутреннихъ дѣлъ приходилось бороться съ Ковалевскимъ и другими чинами министерства финансовъ, отстаивавшими интересы фабрикантовъ. Слухи объ этой борьбѣ двухъ министерствъ проникли въ общество и были отмѣчены печатью.

Результатомъ тогдашнихъ работъ явился законъ 2-го Іюня 1897 года, который Витте разъяснилъ затѣмъ своей инструкціей чинамъ фабричной инспекціи и циркулярами опять-таки во многомъ не въ пользу рабочихъ.

Между тѣмъ рабочее движеніе было въ то время на перепутьи, и отъ правительства въ значительной степени зависѣло дать ему то или иное направленіе. Рабочіе являлись той силой, къ которой жадно тянулись революціонные организаціи и особенно соціалъ-демократическія. Соціалъ-демократы старались уже тогда завладѣть пролетаріатомъ и направить его не только на борьбу съ существующимъ политическимъ строемъ, но и противъ всего соціальнаго уклада жизни. Соціальная революція и диктатура пролетаріата уже были провозглашены тогда конечною цѣлью борьбы. Конечно, все это казалось бреднями... Увы!!

То былъ моментъ, когда правительству надлежало овладѣть рабочимъ движеніемъ и направить его по руслу мирнаго профессіональнаго движенія. Витте и его министерство этимъ вопросомъ отъ сердца не интересовались. Изъ двухъ силъ, правильнымъ взаимоотношеніемъ которыхъ въ значительной мѣрѣ разрѣшается рабочій вопросъ — капиталистъ и рабочій — Витте смотрѣлъ только на перваго. Не связанный ни происхожденіемъ, ни духовно со старымъ дворянствомъ и его родовитой аристократіей, онъ, очень заискивая въ нихъ свѣтски, сердцемъ тянулся къ новой знати — финансовой. Ее онъ и защищалъ и весьма часто въ ущербъ рабочаго класса.

Между тѣмъ властямъ на мѣстахъ приходилось сталкиваться и считаться съ проявленіями рабочаго движенія. Надо было такъ или иначе дѣйствовать. Въ такомъ положеніи была и Москва. Зубатовъ, какъ развитой, вдумчивый, много читавшій человѣкъ, видѣлъ нарастающее движеніе въ должномъ свѣтѣ и хорошо понималъ значеніе рабочаго вопроса и его роль въ судьбахъ Россіи. Онъ понималъ, что съ рабочими нельзя бороться одними полицейскими мѣрами, что надо дѣлать что то иное, и рѣшилъ дѣйствовать въ Москвѣ, какъ находилъ правильнымъ, хотя-бы то былъ и не обычный путь.

Онъ рѣшилъ не отдавать московскія рабочія массы въ руки соціалистовъ, а дать имъ направленіе полезное и для нихъ, и для государства. Отсюда вытекла легализація рабочаго движенія, прозванная «Зубатовщиной». Зубатовъ занялся дѣ-

ломъ, которое не входило въ кругъ его обязанностей, что лежало на Витте и его агентахъ, но не выполнялось ими.

Основная идея Зубатова была та, что при русскомъ самодержавіи, когда Царь надпартіенъ и не заинтересованъ по преимуществу ни въ одномъ сословіи, рабочіе могутъ получить все, что имъ нужно черезъ Царя и его правительство. Освобожденіе крестьянъ лучшее тому доказательство.

Рабочее движеніе должно быть профессіональнымъ, а не революціонно соціалъ-демократическимъ и его надо направить на этотъ первый путь. И хотя у самихъ соціалъ-демократовъ увлеченіе экономизмомъ почти проходитъ, но все-таки это направленіе надо использовать. Правительство уже сдѣлало ошибку, прозѣвавъ его, но что-же дѣлать, лучше поздно, чѣмъ никогда. Путемъ собесѣдованія Зубатовъ сталъ подготовлять изъ рабочихъ пропагандистовъ его идей. Въ отдѣленіи была заведена библіотека съ соотвѣтствующимъ подборомъ книгъ. Ввэбъ, Геркнеръ, Прокоповичъ, Зомбартъ, новый трудъ Бердяева — поворотъ къ идеализму, все было пущено въ ходъ, дабы переубѣдить сторонниковъ революціоннаго марксизма и направить ихъ въ сторону профессіональнаго движенія. Зубатовъ заставлялъ насъ основательно знакомиться со всѣми этими трудами, руководилъ этими занятіями и давалъ указанія: что и какъ говорить съ арестованными интеллигентами и съ рабочими. Арестованнымъ соціалъ-демократамъ давали читать только книги нужнаго намъ для дѣла экономическаго направленія, остальное дорабатывалось при собесѣдованіяхъ на допросахъ. Мы вели въ открытую своеобразную контръ-пропаганду. Левъ Тихоміровъ давалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нужнаго направленія статьи, т. к. сочувствовалъ вполнѣ проекту Зубатова.

Черезъ своихъ первыхъ развитыхъ и энергичныхъ рабочихъ, среди которыхъ выдѣлялся Слѣповъ, Зубатовъ приступилъ къ образованію въ разныхъ частяхъ города рабочихъ кружковъ, въ которыхъ и начались занятія. Эти кружки были враждебно настроены къ революціи и ея вождямъ. Марксъ былъ для нихъ врагомъ, какъ заядлый ненавистникъ Россіи, какъ одинъ изъ вреднѣйшихъ міровыхъ соціалистовъ.

Рабочіе собирались въ свои клубы, и не только занимались, но и толковали о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, и развлекались. Ихъ представители по указанію Зубатова обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, и начались правильныя занятія, лекціи и рефераты. Все проводилось официально черезъ оберъ-полицмейстера и генералъ-губернатора. Рабочіе сами ходили всюду съ ходатайствами добиться того или другого. Зубатовъ былъ душа всего дѣла, главный рычагъ, но держался для постороннихъ въ сторонѣ.

Въ то-же время, зная все, что дѣлается на фабрикахъ и заводахъ, Охранное Отдѣленіе своевременно приходило на помощь рабочимъ въ случаѣ какихъ либо несправедливыхъ или неправильныхъ дѣйствій хозяевъ или заводской администраціи. Въ этихъ видахъ по воскреснымъ днямъ въ охранномъ отдѣленіи офицеры и чиновники принимали заявленія и жалобы отъ рабочихъ по всѣмъ вопросамъ. Рабочимъ давали разъясненія, справки, а заявленіямъ должное направленіе и поддержку въ дальнѣйшемъ въ пользу рабочихъ.

Такимъ путемъ въ рабочихъ внѣдрялось сознаніе, что они могутъ добиваться своихъ желаній безъ соціалистовъ, мирнымъ путемъ и что власть не только не мѣшаетъ, но и помогаетъ имъ.

Движеніе разрасталось. Успѣхъ былъ очевиденъ. Рабочіе довѣрчиво подходили къ власти и сторонились революціонеровъ.

Мѣстные революціонные дѣятели всполошились, но обставленные надзоромъ были безсильны. Пошли сплетни и клевета среди разночинной интеллигенціи. Въ старой Россіи было такъ: разъ гдѣ либо видна рука правительства, значитъ то плохо; сдѣлай то-же самое кто либо иной — хорошо.

Дошло до Петербурга. Тамошнія соціалъ-демократическія организаціи стали присылать своихъ делегатовъ познакомиться, что такое дѣлается въ Москвѣ. Зубатовъ, зная о пріѣздѣ этихъ ораторовъ, устраивалъ обыкновенно такъ, что гость допускался на собраніе, ему разрѣшали говорить, но противъ него выступалъ заранѣе подготовленный болѣе сильный, горячій, талантливый ораторъ-москвичъ. Онъ побивалъ пріѣзжаго на диспутѣ и пріѣзжій проваливался въ глазахъ рабочихъ; революціонеръ пасовалъ передъ реформистомъ. Послѣ-же диспута, на обратномъ пути въ Петербургъ депутатовъ нерѣдко арестовывали, что было большою тактической ошибкой, очень повредившей дѣлу легализаціи. Правда, благодаря этимъ арестамъ нежелательные наѣзды въ Москву прекратились; но зато и Москву стали называть гнѣздомъ провокаціи, причемъ въ это понятіе входило уже всякое дѣйствіе, связанное такъ или иначе съ охраннымъ отдѣленіемъ, и словомъ провокація было окрещено и все новое движеніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ рабочіе жили новою, болѣе осмысленною, общественною, но не революціонною жизнью. Они жадно слушали профессоровъ, занимались самообразованіемъ, изучали экономическіе вопросы, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣлами руководилъ самъ Зубатовъ и пока участіе въ дѣлѣ легализаціи охраннаго отдѣленія не стало достояніемъ широкихъ слоевъ общества.

1902-й годъ былъ апогеемъ зубатовскихъ организацій въ Москвѣ. 14-го же Февраля того года былъ утвержденъ уставъ: «Московскаго Общества вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ».

22-го Февраля зубатовскими организаціями была устроена грандіозная манифестація въ Кремлѣ. До 45.000 рабочихъ собрались къ памятнику Царя-Освободителя. Полиція отсутствовала. Порядокъ поддерживался самими рабочими. Была отслужена панихида по Александру II-му и возложенъ вѣнокъ. На панихидѣ присутствовалъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Смотрѣлъ на происходящее съ удивленіемъ П. И. Рачковскій, командированный нарочито изъ Петербурга. Впечатлѣніе отъ происходящаго было большое. Манифестація рабочихъ происходила всего лишь нѣсколько дней спустя послѣ студенческихъ безпорядковъ.

Въ тотъ-же день рабочіе отправили въ Петербургъ депутацію, которая возложила серебряный вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя въ усыпальницѣ Петропавловской крѣпости. Зубатовъ легализаторъ былъ на верху своей славы. Довѣріе къ нему со стороны Трепова и Великаго Князя было полное.

Но Витте рвалъ и металъ. Московскіе капиталисты не разъ обращались къ нему съ жалобами, что полиція вмѣшивается въ ихъ взаимоотношенія съ рабочими; жаловалась и фабричная инспекція. Онъ пытался препятствовать этому, но успѣха не имѣлъ. Министерство-же внутреннихъ дѣлъ, видя благоволеніе къ работѣ Зубатова Великаго Князя и видя также и результаты въ смыслѣ вліянія на рабочихъ въ то время, когда вездѣ уже бурлило, стало покровительствовать новатору.

Зубатовъ-же, видя успѣхъ въ Москвѣ, уже мечталъ поставить дѣло и по другимъ пунктамъ, мечталъ развить его въ государственномъ масштабѣ, въ каковомъ направленіи и дѣйствовали на министра внутреннихъ дѣлъ.

Съ разрѣшенія Сипягина работа была начата и въ Минскѣ. Во главѣ ея стала большая поклонница Зубатова нѣкая М. Вильбушевичъ. Зубатовъ руководилъ ею изъ Москвы, на мѣстѣ-же наблюдалъ начальникъ Минскаго Жандармскаго Управ-

ленія полковникъ Васильевъ. Движеніе въ Минскѣ имѣло полный успѣхъ и забило работу революціонеровъ. Революціонеры негодовали, и не было той грязи и клеветы, которую не выливали-бы на Зубатова и его послѣдователей. Сотрудниковъ умышленно смѣшивали съ легализаторами и всѣхъ ихъ выдавали за провокаторовъ. Я забѣгу теперь немного впередъ, чтобы покончить съ легализаціей именно Зубатова.

По назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, послѣдній, повидавшись и побесѣдовавъ съ Зубатовымъ, очень заинтересовался его проектами по рабочему вопросу, призналъ его начинанія полезными для государства и далъ согласіе на ихъ продолженіе и развитіе. Зубатовъ не упустилъ, конечно, изъ виду развить передъ новымъ министромъ идею, насколько неправъ Витте, игнорирующій рабочій вопросъ, и сколь было-бы полезно для постановки новаго дѣла черезъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть институтъ фабричной инспекціи въ подчиненіи у этого послѣдняго. Передъ Плеве рисовался цѣлый планъ широчайшей реформы. И какъ только Зубатовъ былъ переведенъ въ Петербургъ, о чемъ будетъ сказано ниже, ему было разрѣшено не только опекать уже созданное московское движеніе, но и продолжать таковое-же въ Минскѣ и ставить его въ Одессѣ, Кіевѣ и, самое главное, въ Петербургѣ.

Конецъ 1902 года и начало 1903 прошли для Зубатова въ подготовительныхъ по Петербургу работахъ. На квартирѣ Зубатова шли совѣщанія съ лицами, увлекавшимися идеей поставить рабочее профессіональное движеніе въ Россіи и шедшими на совмѣстную работу съ Зубатовымъ, за которымъ оставалась однако скрытая закулисная роль негласнаго руководителя. На совѣщаніяхъ участвовали уже занимавшаяся легализаціей въ Минскѣ Вильбушевичъ, предназначенный для постановки дѣла въ Одессѣ нѣкій Шаевичъ, прежній сотрудникъ, а въ то время чиновникъ департамента, Гуровичъ, профессора Скворцовъ и Орнацкій и еще нѣсколько видныхъ Петербургскихъ дѣятелей, а также оканчивавшій въ томъ году Духовную Академію священникъ Гапонъ, который долженъ былъ начать работу среди рабочихъ въ Петербургѣ.

Но эти большія собранія въ сущности лишь утверждали тѣ основныя начала организаціи, которыя вырабатывались въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ на конспиративной квартирѣ Мѣдникова на Преображенской улицѣ, между Зубатовымъ, Вильбушевичъ, Шаевичемъ и Гапономъ, т. е. между непосредственными работниками. Раза два былъ на этихъ бесѣдахъ и я. Неподдѣльной искренностью дышало то, что говорила Вильбушевичъ, искреннимъ казался и Гапонъ, глаза котораго горѣли какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, но Шаевичъ оставилъ по себѣ странное, неопредѣленное впечатлѣніе: не то революціонеръ, не то легальный дѣятель, ни рыба, ни мясо. Онъ мнѣ не понравился, хотя Зубатовъ былъ имъ очень доволенъ, но онъ очень иногда увлекался и ошибался въ своихъ симпатіяхъ.

Въ результатѣ предпринятыхъ Зубатовымъ шаговъ, въ началѣ 1903 года въ Петербургѣ было основано «Общество петербургскихъ рабочихъ», торжественное открытіе котораго состоялось при участіи ректора Петербургской Духовной Академіи. Но, понимая невозможность широкой работы въ предпринятомъ направленіи при враждебномъ отношеніи къ нему министра финансовъ, Зубатовъ тогда же предпринялъ нѣкоторые шаги для привлеченія его къ этому дѣлу, и къ Витте была отправлена депутація рабочихъ съ просьбой о содѣйствіи, но тотъ отнесся къ ней крайне неблагопріятно, и депутація ушла отъ него ни съ чѣмъ. Начатое въ Петербургѣ дѣло стало понемногу развиваться.

Въ тотъ же періодъ времени Зубатовъ началъ легализацію и въ Одессѣ, куда былъ посланъ Шаевичъ, присматривать же за нимъ долженъ былъ начальникъ

Одесскаго охраннаго отдѣленія Васильевъ, который былъ вызванъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мною и которому даны были соотвѣтствующія по этому поводу указанія и инструкціи. Градоначальнику Шувалову отъ имени Плеве было послано письмо о поддержкѣ новаго движенія съ указаніемъ лицъ туда командируемыхъ. Съ этими лицами былъ познакомленъ начальникъ личной охраны Плеве, Александръ Спиридоновичъ Скандраковъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ министра. Плеве зналъ Скандракова еще со временъ своего директорства, когда тотъ былъ сперва жандармскимъ офицеромъ у генерала Новицкаго въ Кіевѣ, а затѣмъ начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія. Онъ былъ другъ Судейкина. Черезъ Скандракова Плеве былъ въ курсѣ и всей петербургской легализаціи, черезъ него же онъ зналъ и все то, что хотѣлъ знать своимъ личнымъ путемъ. Скандраковъ вѣдалъ у него перлюстраціей, предназначавшейся только для министра. Въ лицѣ Скандракова была своя личная не только физическая охрана, но и сверхъ-полиція, наблюдавшая путемъ перлюстраціи не только за нѣкоторыми частными лицами, но и за министрами, за нѣкоторыми сановниками и даже за самимъ директоромъ Департамента полиціи.

Работа въ Одессѣ началась и стала расширяться. Но занятый своимъ прямымъ дѣломъ, Васильевъ не справился съ порученной его надзору легализаціей, Шаевичъ ускользнулъ у него изъ рукъ, сыгралъ въ лѣвизну, и одесская работа закончилась лѣтомъ 1903 года большой забастовкой, въ которой приняли главное участіе именно сорганизованные Шаевичемъ рабочіе.

Теперь все сразу обрушилось на Зубатова. Всѣ враги Зубатова какъ бы объединились противъ него и рѣшили использовать благопріятный моментъ для его паденія. Про Зубатова кричали, что онъ самъ устроилъ забастовку, что онъ самъ революціонеръ. Обвиненіе въ революціонизмѣ было конечно нелѣпо, но оно шло изъ круговъ чиновничества и его конечно подхватили въ пику правительству. Въ дѣло вмѣшался Великій Князь Александръ Михайловичъ, доложившій Государю, что забастовку въ Одессѣ устроилъ самъ Зубатовъ. Директоръ Лопухинъ въ это время былъ за-границей. Плеве взвѣсилъ всѣ обстоятельства и рѣшилъ пожертвовать Зубатовымъ и покончить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ узналъ, что Зубатовъ ведетъ противъ него интригу вмѣстѣ съ Витте и княземъ Мещерскимъ, изъ которыхъ послѣдній старается повліять на Государя, дабы убрать его, Плеве, и назначить на его постъ Витте.

Послѣдній долженъ былъ начать нѣкоторыя либеральныя реформы и въ частности реформу по рабочему вопросу въ духѣ идей Зубатова.

Взбѣшенный раскрытою интригою, недовольный Одесскими событіями и натравливаемый на Зубатова со всѣхъ сторонъ, Плеве доложилъ Государю о томъ, что главнымъ виновникомъ Одесской забастовки является Зубатовъ, дѣйствовавшій самовольно и безъ всякаго вѣдома министра. Доложилъ государю Плеве и о раскрытіи имъ интриги и объ участіи въ ней Зубатова и высказалъ мнѣніе о необходимости увольненія Зубатова, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Зубатовъ былъ уволенъ. Мстительный Плеве придалъ увольненію скандально-оскорбительный характеръ. Плеве вызвалъ Зубатова и въ присутствіи командира Корпуса жандармовъ, генерала фонъ-Валля, наговорилъ ему много рѣзкаго вообще и въ частности за одесскую забастовку. Никогда не бывшій по существу чиновникомъ, Зубатовъ отвѣтилъ Плеве не менѣе рѣзко, указавъ ему, что опыты по легализаціи въ Одессѣ дѣлались съ разрѣшенія его, министра, и въ заключеніе быстро вышелъ изъ кабинета и такъ хлопнулъ дверьми, что, какъ потомъ разсказывалъ мнѣ Скандраковъ, чуть стекла не посыпались. «Орелъ былъ очень взбѣшенъ» — говорилъ Скандраковъ.

Генералу фонъ-Валль было приказано наблюсти за немедленной сдачей Зубатовымъ должности его бывшему по Москвѣ помощнику, полковнику Сазонову. Произвели какъ бы обыскъ въ его письменномъ столѣ. Зубатовъ былъ арестованъ и высланъ во Владиміръ на Клязьмѣ, Шаевичъ же былъ сосланъ въ Вологду.

Съ увольненіемъ Зубатова рушилась въ сущности его легализація, т. к. продолженіе ея не шло уже такъ, какъ понималъ и велъ ее онъ, ея творецъ и вдохновитель. Рушился любопытный опытъ Зубатовскаго разрѣшенія рабочаго вопроса на мѣстахъ. Идея Зубатова была вѣрна и не нова, но проведеніе ея въ жизнь было уродливо и неправильно. Оно явилось казеннымъ, полицейско-кустарническимъ и шло, какъ говорится, не по принадлежности. Для профессіональнаго русскаго рабочаго движенія не нашлось въ нужный моментъ національнаго, свободнаго, общественнаго вождя. Не выдѣлило такого реформатора изъ своихъ рядовъ и правительство. У Витте, какъ министра финансовъ, не оказалось глубокаго знанія и пониманія рабочаго вопроса, ни государственнаго чутья къ нему, ни интереса. Его собственныя записки лучшее тому доказательство. Не нашлось около Витте и человѣка, который бы зажегъ его интересомъ къ рабочему вопросу и направилъ бы его на разрѣшеніе этого вопроса государственнымъ размахомъ, какъ то было у Витте въ другихъ сферахъ его дѣятельности. Графъ Витте бранится въ своихъ запискахъ на все и на вся и только мать свою родную онъ, кажется, не обругалъ, но за его политику по рабочему вопросу будущій историкъ Россіи его самого навѣрное не похвалитъ.

Что же сталось съ Зубатовымъ? Ненавидимый революціонерами, непонятый обществомъ, отвергнутый правительствомъ и заподозрѣнный нѣкоторыми въ революціонности, Зубатовъ уѣхалъ въ ссылку. Но опала и ссылка, гдѣ мнѣ удалось побывать у него въ гостяхъ лѣтомъ 1904 года, удалось и долго и хорошо побесѣдовать, не повліяли на его политическія убѣжденія. И во Владимірѣ и послѣ, живя въ Москвѣ, Зубатовъ продолжалъ оставаться честнымъ человѣкомъ и идейнымъ, и стойкимъ монархистомъ.

И когда, спустя четырнадцать лѣтъ, Зубатовъ, сидя за обѣдомъ съ своей семьей въ Замоскворѣчьи, узналъ, что Царь отрекся, что въ Россіи революція, — онъ молча выслушалъ страшную вѣсть, понялъ весь ужасъ происшедшаго и вышелъ въ сосѣднюю комнату....

Раздался выстрѣлъ. Зубатова не стало.

Полная нервнаго напряженія работа по студенческимъ безпорядкамъ 1902 года свалила меня. Меня лихорадило и душилъ кашель. Врачи признали туберкулезъ и требовали выѣзда въ Абастуманъ. Средствъ не было. Стали списываться съ Петербургомъ.

Какъ разъ въ это время, 2-го Апрѣля днемъ, намъ въ отдѣленіе протелефонировали изъ Петербурга, что тамъ только что убитъ министръ Сипягинъ. Убійца, бывшій кіевскій студентъ безпорядочникъ Балмашовъ былъ одѣтъ въ адъютантскую форму и отрекомендовался министру какъ прибывшій изъ Москвы съ пакетомъ отъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича.

Новость непріятная. Всѣ были взволнованы. На другой день появилась прокламація, разъяснявшая мотивы убійства и озаглавленная: «Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Она имѣла подзаголовокъ: «По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ».

Въ ту же ночь, въ отдѣленіе пришла телеграмма отъ начальника Саратовскаго жандармскаго управленія, сообщавшая, что находившійся тамъ подъ наблюденіемъ московскихъ филеровъ нѣкій Мельниковъ, несшій при себѣ какой-то свертокъ и старавшійся скрыться отъ наблюденія, напалъ на одного изъ филеровъ, нанесъ ему нѣсколько ножевыхъ ранъ и скрылся. Убѣгая Мельниковъ обронилъ свертокъ, въ которомъ оказался типографскій шрифтъ и прокламація Боевой Организаціи объ убійствѣ Сипягина, датированная 2-е Апрѣля. Въ отдѣленіи растерялись. На лицо была связь съ убійствомъ министра. Растерялся и Департаментъ полиціи. Свалилась какъ снѣгъ на-голову Боевая Организація. Откуда это, кто во главѣ ея? Что же дѣлаетъ за-границей Рачковскій, вѣдь тамъ центральный комитетъ!

Телеграмма изъ Саратова указывала, что наружное наблюденіе гдѣ-то соприкасается съ Боевой организаціей. Мѣдниковъ волновался и ходилъ въ красныхъ пятнахъ. Просматривались сводки загородняго филерскаго наблюденія.

Въ тѣ дни изъ департамента пришло распоряженіе, чтобы я немедленно отправился въ Тифлисъ для ознакомленія съ положеніемъ революціоннаго дѣла на Кавказѣ, чѣмъ мнѣ предоставили возможность ѣхать лѣчиться. Забравъ жену и дочурку Ксенію, которую она подарила мнѣ въ 1901 году, я не замедлилъ выѣхать, провожаемый съ завистью сослуживцами, которымъ предстояло много хлопотъ.

Служить въ Москвѣ мнѣ больше уже не пришлось. Я уѣзжалъ отсюда, унося новый служебный опытъ, маленькій крестикъ Станислава 3-й степени, какъ поощреніе къ работѣ, и первый Высочайшій подарокъ—золотые карманные часы съ государственнымъ гербомъ, пожалованные за Высочайшій пріѣздъ въ тѣ годы въ Москву Государя Императора. Много я послѣ получалъ болѣе цѣнныхъ и красивыхъ подарковъ, но тотъ скромный оберъ-офицерскій мнѣ былъ дороже всѣхъ. Хранилъ я его бережно подъ ключомъ и сталъ носить только послѣ большевицкой революціи, пока, однажды, въ свѣтлый Іюльскій петербургскій вечеръ, герои «чернаго автомобиля» не напали на насъ съ женою и не освободили насъ отъ всего того, что было въ карманахъ. Погибъ и дорогой подарокъ.

Въ Тифлисѣ я узналъ о Харьковско-Полтавскихъ крестьянскихъ безпорядкахъ и о томъ, что они были быстро прекращены Харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, прибѣгнувшимъ къ поркѣ. На томъ и кончилась энергія князя. Позднѣе, послѣ покушенія на него Кочуры, онъ сдалъ въ Финляндіи по всѣмъ статьямъ.

Въ описаніи этихъ крестьянскихъ разгромовъ, соціалисты-революціонеры доходили до крайняго цинизма. Одна изъ ихнихъ прокламацій сообщала въ тѣ годы на поученіе своей молодежи, что крестьяне «буйствъ и безчинствъ никакихъ не дѣлали, никого не били и не убивали, только если помѣщикъ не соглашался отдать добромъ, такъ отбирали насильно... не чужое, не помѣщичье добро брали они, а только возвращали себѣ свое, потомъ - кровью добытое, несправедливо присвоенное помѣщиками. Какіе же они грабители»....

Такъ писала тогда добрая «бабушка» Брешко-Брешковская и будущій селянскій министръ Черновъ. Они очень любили крестьянъ. Первая даже платочкомъ повязалась тогда и «Катериной» подписываться стала, что не помѣшало однако ей позже, при первой же къ тому возможности, въѣхать на жительство въ Царскіе хоромы, въ Зимній Дворецъ.

Въ Тифлисѣ же узналъ я о назначеніи министромъ Плеве и директоромъ Департамента полиціи Лопухина. Вскорѣ послѣдній вызвалъ меня изъ командировки, т. к. находилъ ее неправильной и далъ мнѣ отпускъ въ Абастуманъ. Лѣчась въ горахъ, я рвался на Сѣверъ. Тамъ, въ связи съ происшедшими событіями шла боль-

шая работа по реорганизаціи политическаго розыска. Убійство Сипягина, официальное заявленіе о своемъ существованіи со стороны Боевой организаціи, крестьянскіе безпорядки, участіе въ которыхъ соціалистовъ-революціонеровъ было несомнѣнно, стрѣльба Кочуры въ князя Оболенскаго за усмиреніе безпорядковъ — все это ясно указывало новому министру на плохую постановку розыска на мѣстахъ и въ центрѣ. Прошедшій школу Директора департамента полиціи въ 80-хъ годахъ, помня «Народную Волю», Плеве приступилъ къ реорганизаціи розыска. Но только Плеве не понималъ того объекта, противъ котораго онъ сталъ перестраивать розыскной аппаратъ. На происходящее въ Россіи революціонное движеніе того времени Плеве продолжалъ смотрѣть глазами 80-хъ годовъ. Онъ не понималъ его широкаго общественнаго характера и видѣлъ въ немъ, какъ нѣкогда, въ эпоху «Народной Воли», лишь проявленіе злой воли кучки энергичныхъ революціонеровъ. Онъ думалъ, что достаточно только изъять ихъ изъ обращенія и революція будетъ побѣждена.

Плеве пригласилъ на постъ директора Департамента полиціи популярнаго въ то время прокурора Харьковской Судебной Палаты, слывшаго за либерала Алексѣя Александровича Лопухина, назначеніемъ котораго онъ мирилъ себя съ либеральными кругами.

Завѣдующимъ Особылъ отдѣломъ Департамента полиціи былъ назначенъ Зубатовъ, хотя официально, сперва завѣдовалъ имъ нѣкто Зибертъ. Съ Зубатовымъ Плеве долго бесѣдовалъ сейчасъ же послѣ своего назначенія министромъ, по дорогѣ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, которую онъ счелъ нужнымъ посѣтить, приступая къ тяжелой и отвѣтственной работѣ. Летучій отрядъ во главѣ съ Мѣдниковымъ былъ взятъ изъ Москвы въ Департаментъ.

Былъ разработанъ проектъ учрежденія по главнымъ городамъ Россіи охранныхъ отдѣленій подъ именемъ розыскныхъ пунктовъ. Государь утвердилъ положеніе объ нихъ, и новые органы начали дѣйствовать. Они были независимы на мѣстахъ и подчинялись Департаменту полиціи. Начальники ихъ въ строевомъ отношеніи прикомандировывались къ мѣстнымъ жандармскимъ управленіямъ, но это подчиненіе было лишь формальное, зависѣли они только отъ директора, на мѣстахъ же ближе всего стояли къ губернатору.

Внутренняя агентура черезъ сотрудниковъ и филерское наблюденіе черезъ особо нанятыхъ для того людей были заведены повсюду. Руководящія директивы по розыску шли по Зубатову, филерская же служба практиковалась по Мѣдникову. Изъ его Летучаго отряда были назначены завѣдующіе наружнымъ наблюденіемъ во всѣ вновь открытыя отдѣленія. Подчиняясь начальникамъ, эти старшіе филеры сохраняли самую тѣсную связь со своимъ Евстратій Павловичемъ и писали ему подробныя письма о всемъ, что дѣлалось въ отдѣленіяхъ. Начальники послѣднихъ фактически подпадали подъ самый бдительный надзоръ и контроль Мѣдникова. Они должны были писать ему обо всемъ частными письмами. Докладъ директору — письмо Мѣдникову, а кто зналъ хорошо Зубатова, то писалъ еще и ему. Своеобразно, по впервые Департаментъ полиціи взялъ въ свои руки всѣ нити политическаго розыска въ странѣ и сталъ фактически и дѣловито руководить имъ.

Реформа розыска была встрѣчена крайне недружелюбно въ Корпусѣ жандармовъ и его штабѣ. Была довольна молодежь, т. к. ей давали ходъ по интересной работѣ, но старые начальники управленій, считавшіе себя богами, были обижены. Они официально отходили отъ розыска, хотя фактически они имъ серьезно и не занимались. Ихъ значеніе умалялось въ глазахъ мѣстной администраціи, полиціи и обывателя. Къ тому же и кредиты, спускавшіеся имъ на агентурные расходы переходили къ новымъ органамъ.

Штабъ корпуса видѣлъ въ реформѣ усиливающееся вліяніе Департамента полиціи. Часть офицеровъ уходила изъ подъ его власти, и въ корпусъ вливалось статское начало, т. к. весь укладъ службы и обихода охранныхъ отдѣленій рѣзко отличался отъ жандармскихъ управленій. Появилась новая кличка для части офицеровъ — «департаментскіе» или «охранники».

Губернаторы же въ городахъ, гдѣ открывались охранныя отдѣленія, были довольны. Новые органы становились ближе къ нимъ, чѣмъ вполнѣ независимые жандармскія управленія, и во главѣ ихъ были молодые офицеры, на которыхъ, казалось, можно больше влiять. Офицеры эти, зачастую, сами искали опоры въ губернаторахъ. Самое же главное было то, что губернаторъ и начальникъ охраннаго отдѣленія являлись одинаково заинтересованными въ поддержаніи спокойствія въ губерніи и имѣли общее прямое начальство.

Съ новой реформой всѣ служившіе при Зубатовѣ въ Москвѣ офицеры получили отвѣтственныя назначенія: подполковникъ Сазоновъ былъ назначенъ начальникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, ротмистръ Ратко — Московскаго, ротмистръ Петерсенъ — Варшавскаго, ротмистръ Герарди взятъ въ Петербургъ и позже назначенъ начальникомъ дворцовой полиціи. Нѣсколько чиновниковъ и въ томъ числѣ Меньщиковъ были переведены въ Департаментъ въ особый отдѣлъ.

Меня, самаго молодого, назначили начальникомъ Таврическаго охраннаго отдѣленія, которое создавалось въ виду нахожденія въ томъ раіонѣ Императорской Ливадіи. Мнѣ дали о томъ телеграмму въ Абастуманъ и потребовали немедленнаго вступленія въ должность, ввиду предполагавшейся поѣздки въ Ливадію Ихъ Величествъ. Я выѣхалъ въ Крымъ. Для меня началась самостоятельная отвѣтственная служба.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Служба въ Крыму. — Поиски Мельникова. — Севастопольскіе эсъ-эры. — Отъѣздъ Государя изъ Крыма. — Переводъ меня въ Кіевъ. — Отъѣздъ изъ Симферополя. — Петербургъ. — Значеніе Кіева. — Назначеніе меня начальниковъ Кіевскаго Охраннаго отдѣленія. — Пріѣздъ въ Кіевъ. — Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ. — Прокуроръ Палаты С. А. Лопухинъ. — Генералъ-губернаторъ Драгомировъ. — Пріемъ отдѣленія. — Генералъ В. Д. Новицкій. — Арестъ Мельникова. — Гершъ-Исааковъ-Ицковъ, онъ-же Григорій Андреевичъ Гершуни. — Розыски Гершуни и его арестъ. — Скандалъ съ Новицкимъ и его уходъ. — Клевета Новицкаго на Плеве.

Пріѣхавъ въ Симферополь, я засталъ администрацію въ волненіи въ виду ожидавшагося Высочайшаго пріѣзда. Вскорѣ Ихъ Величества пріѣхали и прослѣдовали въ Ливадію.

Таврическимъ губернаторомъ въ то время былъ только-что назначенъ Владиміръ Федоровичъ Треповъ, братъ Московскаго. Мнѣ это было очень пріятно. Но городъ былъ еще полонъ воспоминаній о старомъ губернаторѣ Лазаревѣ и его женѣ, при которыхъ жизнь кипѣла весельемъ. Новый губернаторъ требовалъ дѣла.

Знакомиться съ обстановкой Крыма и ставить розыскъ мнѣ приходилось при наличіи Державныхъ Хозяевъ, что было очень трудно. Вскорѣ пріѣхалъ Плеве и проѣхалъ въ Ялту. Впервые я представился тогда ему, и онъ говорилъ со мной какъ съ молодымъ, неопытнымъ, но недурнымъ ученикомъ. Департаментъ-же полиціи въ это время засыпалъ меня телеграммами о розыскѣ и арестѣ утеряннаго наблюденіемъ въ Саратовѣ террориста Мельникова, который направился въ Крымъ, что очень безпокоило Петербугъ. Мнѣ прислали знавшихъ его въ лицо филеровъ. Всѣ поѣзда между Симферополемъ и Севастополемъ сопровождались филерами и жан-

дармами, на почтовыхъ-же станціяхъ были учреждены дежурства. Автомобилей тогда еще не было. Я метался между главными пунктами. Въ самомъ Севастополѣ эсъ-эровская группа съ докторомъ Никоновымъ и его друзьями наблюдалась очень хорошо. Мы знали все, что дѣлалось у нихъ. Знали, какъ ѣздятъ они въ одинъ изъ пригородныхъ хуторовъ и мастерятъ тамъ на гектографѣ прокламаціи. Въ городѣ-же, получая корреспонденцію, читаютъ ее всегда передъ каминомъ: чуть подозрительный шорохъ — жандармы — все летитъ въ пламя. Знали кое что и другое. Но Мельникова все таки не находили, что Петербургу не нравилось.

Въ началѣ Декабря Государь съ семьей возвратился изъ Ливадіи въ Севастополь, чтобы слѣдовать на Сѣверъ. Былъ ясный осенній день. Красавецъ «Штандартъ» подъ брейдъ-вымпеломъ Его Величества гордо величественно подходитъ къ Царской Пристани. Онъ точно сознаетъ, кого имѣетъ на борту. Государь съ семьей на палубѣ. Флигель-Адъютантъ полковникъ Мосоловъ держитъ на рукахъ одну изъ Великихъ Княженъ. — «Какой счастливецъ» — говорятъ на пристани. Играютъ гимнъ. Салютуетъ почетный караулъ. Съ рейда, съ горы, со всѣхъ сторонъ несется «ура»...

Все промелькнуло быстро, какъ хорошій сонъ. «Они» уѣхали, и стало какъ-то особенно буднично и сѣро.

Не прошло и нѣсколько дней послѣ того, не успѣли мы съ женой налюбоваться пожалованными мнѣ прелестными дамскими часиками съ бриллiантовымъ орломъ, какъ я получилъ телеграмму о назначеніи меня начальникомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія съ требованіемъ ликвидировать дѣла и прибыть въ Петербургъ. Я только что сталъ привыкать къ мѣсту, мы только что распаковали вещи и—опять укладываться, опять переѣзжать... Жена плакала. Откажись. Мнѣ жалко покидать Крымъ, но ничего не подѣлаешь. Стали спѣшно собираться и, спустя немного, я уже ѣхалъ въ Петербугъ.

Начальство приняло меня въ Петербургѣ очень внимательно. Кіевомъ тогда очень интересовались. Послѣдніе террористическіе акты были связаны съ Кіевомъ. По даннымъ департаментской агентуры, глава Боевой организаціи Гершуни тяготѣлъ къ Кіеву, и тамъ гдѣ-то витала и Брешко-Брешковская. Перлюстрація указывала, что на Кіевъ идетъ изъ-заграницы переписка по Боевой организаціи. Она шла даже и открытками. То получится изображеніе красной вѣдьмы, то всадникъ, взявшій барьеръ — понимай, что кто-то перемахнулъ границу. Сгустившуюся около Кіева конспирацію надо было распутать и ликвидировать, а главное надо было изловить Гершуни.

Кромѣ того, изъ Кіева-же соціалъ-демократы распространяли въ большомъ количествѣ по всему Югу прокламаціи, отпечатанныя косымъ шрифтомъ. Надо было отыскать и эту типографію.

Начальство было недовольно начальникомъ Кіевскаго управленія генераломъ Новицкимъ. Управленіе ничего не знало. Плохо былъ освѣдомленъ и порекомендованный Новицкимъ первый начальникъ охраннаго отдѣленія, почему туда и рѣшили назначить розыскного офицера, прошедшаго охранное отдѣленіе. А. А. Лопухинъ далъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ житейскихъ совѣтовъ. Одному въ жизни не прожить, говорилъ онъ мнѣ, между прочимъ, надо имѣть поддержку, и онъ совѣтовалъ мнѣ найти ее въ прокуратурѣ. Прокуроромъ-же палаты въ Кіевѣ былъ его дядя.

Зубатовъ хотѣлъ начать тогда и въ Кіевѣ легализацію рабочаго движенія и говорилъ со мной на эту тему. Это было одновременно съ началомъ Одесской лега-

лизаціи. Плеве благословлялъ на работу. Я упрашивалъ Зубатова не начинать пока легализацію въ Кіевѣ, а дать мнѣ сначала время и возможность заняться только революціей, а тамъ видно будетъ. Онъ уступилъ, и легализація миновала Кіевъ.

Въ началѣ Января 1903 года, я пріѣхалъ въ Кіевъ и прежде всего явился генералу Новицкому. Принялъ онъ меня холодно. Онъ ненавидѣлъ Зубатова, и это перекладывалось на меня и къ тому-же меня назначили смѣнить его любимаго офицера, котораго признали несоотвѣтствующимъ должности начальника охраннаго отдѣленія, хотя вообще онъ былъ хорошій офицеръ.

Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ, генералъ, братъ двухъ Треповыхъ, съ которыми мнѣ уже приходилось служить, принялъ меня хорошо. Онъ былъ на уходѣ. Плеве былъ недоволенъ имъ за демонстрацію 1902 г., которая прошла въ Кіевѣ съ большой помпой, чѣмъ революціонеры очень гордились и хвастались, и поэтому Плеве считалъ Трепова слишкомъ мягкимъ.

Прокуроръ палаты Лопухинъ производилъ впечатлѣніе хорошаго стараго московскаго барина. Спокойный, онъ смотрѣлъ на меня покровительственно свысока. Говорилъ онъ слегка картавя, а слово филеръ произносилъ на французскій манеръ, что имѣло какой-то особый шармъ. Чувствовалось, что въ немъ можно найти благожелателя.

Съ трепетомъ ѣхалъ я являться генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Драгомирову, который былъ и командующимъ войсками округа. Про него ходило много легендъ и анекдотовъ. Въ Петербургѣ меня предупреждали, что онъ либералъ, что онъ не любитъ жандармовъ и въ очень плохихъ отношеніяхъ съ Новицкимъ. Разсказывали, что когда-то, когда Драгомировъ былъ помоложе и любилъ выпить, онъ какъ-то закутилъ и веселился дня три. И будто-бы тогда Новицкій написалъ на него докладъ въ Петербургъ. Узнавъ о томъ, Драгомировъ послалъ телеграмму Государю Александру III-му такого содержанія: «Третій день пью здоровье Вашего Императорскаго Величества». И будто-бы получилъ въ отвѣтъ: «Пора-бы и перестать».

Драгомировъ возненавидѣлъ Новицкаго и, при первой-же послѣ этого встрѣчѣ съ нимъ, повернулся къ Новицкому спиной, низко нагнулся и, раздвинувъ фалды сюртука, сказалъ: — «Виноватъ, Ваше Превосходительство, сѣките, виноватъ!» Анекдотъ этотъ былъ очень распространенъ. Все это не предвѣщало ничего хорошаго, и я естественно волновался.

Въ большой пріемной дома командующаго войсками выстроилось человѣкъ двадцать разнаго званія и положенія. Вышелъ Драгомировъ. Крупный, въ сѣрой казачьей черкескѣ съ кинжаломъ, съ Георгіемъ на шеѣ, болѣзненный на видъ, онъ обходилъ по очереди всѣхъ представлявшихся. Дошелъ до меня; я представился. Внимательно всматриваясь въ меня и спросивъ, въ чемъ будетъ заключаться моя служба и кому я буду подчиняться, Драгомировъ признесъ съ разстановкой: — «Такъ, такъ... ну дай Богъ, дай Богъ» и ухмыляясь подалъ мнѣ руку.

Когда же я одѣвался уже въ швейцарской, сверху вдругъ послышался голосъ Драгомирова: — «Ротмистръ, ротмистръ!»

Я сталъ сбрасывать пальто и подбѣжалъ къ лѣстницѣ, а Драгомировъ продолжалъ кричать сверху: — «Ротмистръ, Вы мнѣ артиллеристиковъ то моихъ раздѣлайте, хорошенько раздѣлайте, прощайте!»

Я уходилъ ободренный. Пріемъ генералъ-губернатора мнѣ понравился. Его фраза объ артиллеристахъ была знаменательна: это своего рода картъ-бляншъ относительно военныхъ.

Я представился затѣмъ его помощнику генералу Сухомлинову, который отвѣтилъ мнѣ визитомъ въ тотъ же день и поздравилъ меня съ успѣхомъ у генералъ-

губернатора. Я сталъ принимать отдѣленіе. Въ качествѣ сотрудниковъ мнѣ были представлены два студента, изъ которыхъ ни одинъ никакихъ партійныхъ связей не имѣлъ, да одинъ рабочій желѣзнодорожникъ, это было все. Канцелярію составляли три человѣка, которые были въ ссорѣ и другъ съ другомъ не разговаривали.

На своей квартирѣ предшественникъ передалъ мнѣ двѣ увѣсистыхъ кипы записокъ Департамента полиціи съ копіями перлюстрированныхъ писемъ. Перевязавъ кипы веревкой, я увезъ ихъ къ себѣ въ гостиницу. Начавъ резбираться, я увидѣлъ, что бумаги тѣ были нечитаны, а если и читаны, то исполненія по нимъ не дѣлалось никакого. Между тѣмъ въ письмахъ былъ цѣннѣйшій матеріалъ по эсъ-эрамъ. Недовольство Кіевомъ мнѣ стало понятно. Принявъ филеровъ и денежный ящикъ, я донесъ о вступленіи въ должность и приступилъ къ работѣ. Но работа эта вначалѣ сильно осложнялась ненормальнымъ отношеніемъ съ генераломъ Новицкимъ.

Генералъ Новицкій въ жандармско-революціонномъ мірѣ являлся знаменитостью. Онъ 25 лѣтъ состоялъ начальникомъ одного и того же Кіевскаго жандармскаго управленія и прослужилъ ихъ довольно талантливо и громко. Боролся онъ нѣкогда съ народовольцами и съ успѣхомъ. Былъ въ молодости красивъ и представителенъ. Но это было все.

Когда я встрѣтился съ Новицкимъ, это былъ тучный генералъ съ короткой шеей, бритый, съ энергичной сѣдой головой, съ черными нафабренными усами и бровями, съ живыми глазами. Говорилъ громко. Одѣвался отлично. Дома ходилъ по старинному въ бѣломъ жилетѣ съ Владиміромъ на шеѣ и въ разстегнутомъ сюртукѣ.

Онъ весь былъ въ прошломъ и любилъ разсказывать про былые дни и дѣла. Новаго революціоннаго движенія онъ зналъ. Агентуры настоящей не имѣлъ. Отъ Витте, послѣ открытія Кіевскаго Политехническаго Института, онъ получалъ на спеціальную по нему агентуру десять тысячъ въ годъ, но это было ихъ обоихъ частное дѣло. Во всѣхъ городскихъ сплетняхъ и передрягахъ былъ отлично освѣдомленъ. Играя каждый день въ карты въ клубѣ съ мѣстными тузами, между которыми были и евреи, считалъ, что получаетъ отъ нихъ богатѣйшій освѣдомительный матеріалъ...

Полиція, чиновники, мирное населеніе его боялись очень, активные же революціонеры надъ нимъ подсмѣивались. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, зная о предстоящемъ 25-ти лѣтнемъ юбилеѣ генерала по должности начальника управленія, мѣстный комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб партіи выпустилъ посвященную ему крайне ядовитую прокламацію - адресъ, отпечатанную во множествѣ экземпляровъ «косымъ» шрифтомъ.

Окинувъ прошлую службу генерала и указавъ на преслѣдованія, которымъ подвергались отъ него разныя мѣстныя организаціи, комитетъ благодарилъ генерала за исключительно снисходительное къ нему отношеніе, благодаря чему комитетъ, де, могъ работать спокойно и его типографія успѣла «стереть» свой косой шрифтъ. И вотъ, мѣняя послѣдній на другой, комитетъ считаетъ своимъ долгомъ поблагодарить юбиляра. Прокламація била не въ бровь, а въ глазъ и доставила генералу много непріятныхъ минутъ.

Открытіе охраннаго отдѣленія въ городѣ Новицкій считалъ какъ бы личнымъ оскорбленіемъ, а меня своимъ личнымъ врагомъ. Такое отношеніе вліяло и на офицеровъ. Все это далеко не облегчало и безъ того не легкую работу. Приходилось разсчитывать только на себя. Скоро счастливый случай подбодрилъ и меня, и моихъ подчиненныхъ.

Однажды въ концѣ Января 1903 года филеры встрѣтили неожиданно на улицѣ боевика Мельникова, котораго мы такъ тщетно искали въ Крыму, но Мельниковъ сумѣлъ удрать. Я былъ внѣ себя. Не окончивъ Горнаго Института, Мельниковъ сдѣ-

лался профессіональнымъ революціонеромъ, перешелъ на нелегальное положеніе и являлся какъ бы помощникомъ Гершуни по Боевой Организаціи. Онъ принималъ большое участіе въ подготовкѣ убійства Сипягина, стоялъ близко къ одной изъ эсъ-эровскихъ типографій и исполнялъ роль разъѣздного агента. Неудача съ Мельниковымъ являлась большою оплошностью Я разнесъ филеровъ. Были приняты всѣ возможныя мѣры и на другой же день филеры арестовали его. Наткнувшись на филеровъ, Мельниковъ бросился бѣжать, юркнулъ въ одинъ изъ дворовъ и закупорился въ уборной. Взломали дверь и взяли его.

Онъ жилъ подъ фамиліей Завадскаго и, какъ оказалось, пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма, уѣхавъ оттуда передъ пріѣздомъ Царя. На квартирѣ у него былъ найденъ большой складъ новой эсъ-эровской литературы и въ томъ числѣ манифестъ «южной» партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Арестомъ Мельникова начальство было очень довольно, и потому мы всѣ получили награды, и это насъ очень ободрило. Еще больше, чѣмъ раньше, всѣ мысли и старанія были направлены теперь на Гершуни, роль и значеніе котораго были уже совершенно ясны.

Шавельскій мѣщанинъ, провизоръ Гершъ Исааковъ Ицковъ, онъ же Григорій Андреевичъ Гершуни, Гершунъ или Гершунинъ, являлся создателемъ и диктаторомъ Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Онъ организовалъ убійство Сипягина и покушеніе на Оболенскаго, подготовлялъ убійство Побѣдоносцева и Клейгельса. Азефъ былъ знакомъ съ нимъ, зналъ про эти его предпріятія, но свѣдѣнія о нихъ Департаменту не давалъ, сообщая лишь о Гершуни въ общихъ чертахъ.

Убѣжденный террористъ, умный, хитрый, съ желѣзной волей, Гершуни обладалъ исключительной способностью овладѣвать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая въ революціонный круговоротъ, сталкивалась съ нимъ. Его гипнотизирующій взглядъ и вкрадчивая убѣдительная рѣчь покоряли ему собесѣдниковъ и дѣлали изъ нихъ его горячихъ поклонниковъ. Человѣкъ, надъ которымъ начиналъ работать Гершуни, вскорѣ подчинялся ему всецѣло и дѣлался безпрекословнымъ исполнителемъ его велѣній. Ему особенно поклонялись революціонныя дѣвицы. Въ Кіевѣ былъ цѣлый кружокъ такихъ восторженныхъ революціонерокъ, изъ которыхъ выработалось нѣсколько террористокъ.

Частью лично, частью черезъ своихъ сподручныхъ Гершуни подыскивалъ подходящихъ для террора людей и начиналъ работать надъ ними. Такъ распропагандировалъ онъ и направилъ на убійство слабовольнаго Балмашева. Онъ давилъ на него своимъ вліяніемъ до послѣдняго дня. Дѣйствуя на Балмашева, онъ въ то же время обрабатывалъ слабохарактернаго артиллерійскаго поручика Григорьева и его будущую жену Юрковскую, которая одно время была восторженной поклонницей Гершуни, чѣмъ, конечно, тотъ и пользовался. Онъ систематически подталкивалъ ихъ на убійство Побѣдоносцева и Клейгельса и, добившись согласія, въ теченіе нѣсколькихъ дней навѣщалъ ихъ, чтобы поддерживать въ нихъ революціонный пылъ и рѣшимость. И въ день похоронъ Сипягина они пошли стрѣлять въ намѣченныя жертвы, но оставшись одни, безъ своего злого генія, они оказались сами собою и совершить убійства не рѣшились.

Они постарались затѣмъ совсѣмъ отойти отъ Гершуни и его террора, но это было не такъ то легко. Запутавъ ихъ уже въ конспирацію, заставивъ ихъ уже сдѣлать кое-что преступное и тѣмъ скомпрометировать себя, Гершуни не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Уѣхавъ изъ Петербурга, онъ посылалъ къ нимъ то Мельникова, то Ремян-

никову, и тѣ, выполняя его порученія, старались склонить ихъ на преступленіе. Они напоминали имъ данныя ими обѣщанія, Ремянникова же даже угрожала. Такъ фабриковались «идейные» террористы.

Тупого хохла столяра Кочуру сперва натаскивалъ сподручный Гершуни — Аронъ Вейценфельдъ, а затѣмъ за него взялся самъ Гершуни. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней гуляетъ съ нимъ въ окрестностяхъ Кіева, уговаривая на «подвигъ», расписывая ему, какимъ онъ окажется «героемъ». И когда тотъ согласился, наконецъ, убить Оболенскаго, Гершуни держитъ его въ рукахъ до самаго момента стрѣльбы въ Харьковскомъ саду Тиволи. Въ ожиданіи выхода Оболенскаго они сидятъ на скамейкѣ. Кочура хочетъ закурить, но Гершуни выхватываетъ портсигаръ — не смѣй развлекаться. Выходитъ Оболенскій и Гершуни толкаетъ Кочуру — иди, стрѣляй, и самъ исчезаетъ...

Самъ Гершуни остороженъ до крайности. Онъ только внушаетъ, натаскиваетъ и толкаетъ на дѣло. Дѣйствуютъ-же другіе. Нужны, напримѣръ, револьверы и патроны — онъ даетъ деньги Григорьеву и Кочурѣ, и первый покупаетъ по его велѣнію патроны для Балмашева, второй же для себя. Правда Гершуни самъ отравляетъ пули стрихниномъ, но на то онъ и провизоръ. Нужно написать послѣ убійства Сипягина письма за-границу, онъ ихъ составляетъ, но пишетъ не онъ самъ. Одно письмо пишетъ по его указанію Ремянникова, другое-же подъ его диктовку пишетъ Юрковская.

У Гершуни все продумано и на послѣ убійства. Мстить Оболенскому онъ посылаетъ русскаго Кочуру, хотя на стрѣльбу вызывался еврей. Важно, чтобы потомъ узнали, что за крестьянъ мстилъ крестьянинъ. Посылая на убійство Балмашева, Кочуру и Григорьева, онъ заставляетъ ихъ писать свои біографіи и письма къ товарищамъ. Надо, чтобы это осталось для потомства. Прійдя за этимъ къ Кочурѣ въ гостиничный номеръ, онъ предупредительно вынулъ изъ кармана перо, бумагу и чернила. И тотъ пишетъ. Если-же литература не выходитъ, Гершуни говоритъ, что напишетъ и поправитъ самъ. Сколько такихъ писемъ и рѣчей казненныхъ революціонеровъ, которыхъ они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинныя благодаря Гершуни и ему подобнымъ дѣятелямъ.

Рядомъ продуманныхъ дѣйствій, постепенно, но вѣрно втягивалъ Гершуни въ терроръ намѣченныхъ ему лицъ, и тѣмъ не оставалось ничего иного, какъ исполнить его велѣнія. Есть что то сатанинское въ этомъ давленіи и вліяніи Гершуни на свои жертвы. Кочура дрожалъ передъ нимъ. Онъ началъ давать о немъ показанія въ тюрьмѣ только тогда, когда увидѣлъ его фотографію, на которой тотъ былъ снятъ въ арестантскомъ халатѣ и въ кандалахъ.

«Федоръ Петровичъ» для однихъ, Брентовъ и Кауфманъ для другихъ, всегда снабженный нѣсколькими подложными паспортами, Гершуни казался неуловимымъ. Плеве сердился. Однажды онъ призвалъ къ себѣ Зубатова и, указавъ ему на стоявшую на письменномъ столѣ фотографію Гершуни, сказалъ, что карточка эта будетъ украшать его столъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не будетъ арестованъ. И департаментъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы арестовать Гершуни. Фотографіи и примѣты Гершуни были разосланы по всѣмъ розыскнымъ учрежденіямъ и пограничнымъ пунктамъ. Былъ пущенъ слухъ, что за его арестъ дадутъ премію — пятнадцать тысячъ. Начальники отдѣленій то и дѣло получали циркуляры, напоминанія, письма. То тамъ, то здѣсь брали по ошибкѣ лицъ, похожихъ на Гершуни. Была такая ошибка сдѣлана желѣзнодорожниками жандармами и въ Кіевѣ. Задержали пассажира перваго класса, очень походившаго на Гершуни, и продержали его часа два, пока не удалось установить его самоличность.

Въ Кіевѣ я старался попасть на слѣдъ Гершуни агентурой. Мало по малу у меня начались освѣщенія эсъ-эровской среды. Удалось установить, куда поступаютъ письма, получавшіяся изъ-за границы по дѣламъ Боевой организаціи и присылавшіяся въ Кіевъ на адресъ учительницы англійскаго языка Алисы Лойдъ. Она передавала ихъ одной изъ своихъ ученицъ барышнѣ Рейнботъ, а та своей матери, которая состояла въ нелегальномъ красномъ крестѣ. Будучи женой члена С-П-Бургскаго Окружного Суда, имѣя нѣкоторыя связи, эта почтенная пособница революціи думала, что она внѣ всякихъ подозрѣній и опасностей. Она и передавала письма одному изъ комптетчиковъ. Въ квартирѣ ея скрывались иногда и нелегальные.

Удалось подойти и къ конспиративной квартирѣ мѣстнаго комитета, въ качествѣ которой служила одна лѣчебница на Бессарабскомъ базарѣ, гдѣ проживала фельдшерица Роза Рабиновичъ, черезъ которую многое дѣлалось. Въ той лѣчебницѣ, говорили, скрывалась какъ-то «бабушка» подъ видомъ простолюдинки съ платочкомъ на головѣ. Были и еще кое-какіе подходы. Указанныя агентурой мѣста и лица наблюдались филерами, но слуховъ о Гершуни не было.

Въ ночь съ 5-го на 6-ое Мая 1903 г. я узналъ, что въ комитетѣ идутъ разговоры о томъ, что завтра 6-го Мая будетъ убитъ въ Уфѣ губернаторъ. Я телеграфировалъ въ Уфу и въ департаментъ, и на другой день получилъ телеграмму изъ Уфы, что губернаторъ убитъ. Очевидно телеграмма наша запоздала. Мы насторожились и усилили наблюденіе за конспиративной квартирой. Снявъ номеръ въ гостиницѣ окнами на лѣчебницу, черезъ площадь, мы вели оттуда наблюденіе день и ночь. Агентура была предупреждена быть вообще повнимательнѣе. Повидался я тогда съ однимъ господиномъ, у котораго до моего пріѣзда останавливался иногда Гершуни, но тотъ господинъ выказалъ такой страхъ передъ Гершуни, что за его квартирой я поставилъ наблюденіе, думая, что Гершуни можетъ заявиться туда, и онъ его укроетъ и дастъ ему пріютъ. Это былъ сотрудникъ — трусъ.

13-го Мая утромъ явился ко мнѣ на квартиру совершенно необычно одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, по имени «Конекъ», и сообщилъ, что въ мѣстномъ комитетѣ получена телеграмма, которая очень всѣхъ взволновала. Что, видимо, долженъ пріѣхать кто-то очень важный. Чувствовалось, что Конекъ что-то не договариваетъ. Какъ ни старался я узнать что либо еще — не выходило, а по глазамъ видно, что знаетъ больше, но что сказать боится. Гершуни — подумалъ я. Я перевелъ разговоръ на другую тему и попрощался съ нимъ, какъ бы не придавъ услышанному большого значенія.

Разставшись съ Конькомъ, я послалъ первую въ тотъ день телеграмму директору о полученныхъ свѣдѣніяхъ, прибавивъ, что по моему предположенію они касаются Гершуни. Очень ужъ волновались въ лѣчебницѣ.

Забравъ затѣмъ интересные эсъ-эровскіе адреса, я поѣхалъ къ начальнику почтово-телеграфнаго округа, прося установить, не получались ли на кого-либо изъ нихъ депеши вчера или сегодня. Вскорѣ онъ мнѣ сказалъ, что была депеша на имя Рабиновичъ по адресу лѣчебницы. Я попросилъ копію депеши, но она была принята по аппарату Юза, а въ такихъ случаяхъ лента наклеивается на бланкъ и въ бюро слѣда не остается. Волнуясь, я сталъ просить добыть копію и симпатичный старикъ обѣщался затребовать служебное повтореніе.

Распрощавшись съ нимъ, я поѣхалъ домой, приказалъ снять наблюденіе съ эсъ-дэковъ и собрать всѣхъ освободившихся людей въ отдѣленіе. Въ канцеляріи скрытое волненіе. Моя нервность передается служащимъ.

Часа черезъ два томительнаго ожиданія послышался звонокъ по телефону отъ начальника округа: просятъ пріѣхать. Спѣшу. Начальникъ округа подалъ мнѣ синій бланкъ. Едва скрывая волненіе читаю:

«Папа прiѣдетъ завтра. Хочетъ повидать Федора. Дарницiенко». Перечитываю депешу нѣсколько разъ, не вѣря своимъ глазамъ. Все ясно. Я поблагодарилъ горячо начальника округа и помчался домой. Конечно, все ясно, думалось мнѣ. Папа — это Гершуни; Федоръ — одно изъ наблюдаемыхъ лицъ; Дарницiенко — мѣсто назначеннаго свиданiя — станцiя Дарницы. Иначе не можетъ быть! И въ головѣ стучитъ, что и какъ надо сдѣлать.

Прiѣхавъ домой, въ отдѣленiе, я позвалъ завѣдующаго наружнымъ наблюденiемъ. Мы обсудили съ нимъ положенiе дѣлъ. Онъ согласился съ моими заключенiями. Мы сдѣлали наряды на желѣзнодорожныя станцiи: Кiевъ—первый, Кiевъ—второй, Дарница и Боярка и оставшимися людьми усилили наблюденiе за эсъ-эрами. Я приказалъ собрать филеровъ, чтобы сказать нѣсколько словъ. Говорить съ ними было легко. Всѣ они были запасные унтеръ-офицеры изъ войскъ. Я предупредилъ ихъ, что по полученнымъ свѣдѣнiямъ къ намъ долженъ прiѣхать Гершуни, и что его надо арестовать во что бы то ни стало, что все, что зависѣло отъ меня, какъ начальника розыска, я сдѣлалъ и что теперь уже дѣло наружнаго наблюденiя. Я требовалъ быть внимательнѣе, дѣйствовать умно и рѣшительно и приказалъ провѣрить, заряжены ли у всѣхъ браунинги. Люди были наэлектризованы. Отвѣтомъ мнѣ было военное: — «постараемся, господинъ начальникъ».

Наряды ушли. Въ наблюденiе отправлены всѣ, даже канцеляристы. Остались лишь дежурные. Я отправилъ директору вторую телеграмму, указавъ, какъ я понялъ добытую съ телеграфа депешу и какiя припяты окончательныя мѣры для заарестованiя ожидаемаго Гершуни.

Между тѣмъ Гершуни, подавъ послѣ Воронежа со станцiи Нижнедѣвицкъ телеграмму, спокойно продолжалъ свой путь. Совершивъ удачно убiйство Богдановича, онъ предполагалъ побывать въ Кiевѣ, проѣхать въ Смоленскъ по дѣламъ и затѣмъ перебраться за-границу. Осторожный ко всему, онъ внимательно посматривалъ на проходившихъ иногда кондукторовъ, стараясь закрываться при появленiи ихъ газетой, какъ будто читая ее.

Около 6-ти часовъ вечера дежурившiе на станцiи Кiевъ—второй филеры встрѣтили шедшiй въ Кiевъ пассажирскiй поѣздъ. Когда поѣздъ остановился, изъ вагона вышелъ хорошо одѣтый мужчина въ фуражкѣ инженера съ портфелемъ въ рукахъ. Оглянувшись разсѣянно, инженеръ пошелъ медленно вдоль поѣзда, посматривая на колеса и буфера вагоновъ. Вглядываясь въ него, наши люди не двигались. Поѣздъ свистнулъ и ушелъ. Инженеръ остался. Какъ будто бы «онъ», думали филеры, но сходства съ карточкой нѣтъ! Вдругъ инженеръ остановился, нагнулся, сталъ поправлять шнурки на ботинкахъ и вскинулъ глазами вкось на стоявшихъ поодаль филеровъ. Этотъ маневръ погубилъ его. Взгляды встрѣтились. «Нашъ» — сказалъ старшiй филеръ; — «глаза его, съ косиной, онъ».

Филеры стали еще осторожнѣе. Каждый дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были одѣты по разному, двое богомольцами. Близко была Лавра.

Оправившись, Гершуни пошелъ вдоль полотна и направился къ городу. Пошли и филеры. Арестовывать его было нельзя: мѣсто неудобное, городъ далеко, можетъ уйти. Стали подходить къ конечной станцiи конки, что шла по Большой Васильковской улицѣ отъ станцiи «Лыбедь», до самой лѣчебницы Рабиновичъ. Гершуни подошелъ къ ларьку минеральныхъ водъ и спросилъ лимонаду. Онъ очень волновался: рука дрожала, стаканъ ходилъ. Выпивъ кое-какъ лимонадъ и расплатившись, онъ

направился къ вагону. Двое филеровъ опередили его и заняли площадку. Гершуни блѣдный какъ полотно зашатался. Задніе филеры схватили его: «Вы арестованы!»...

Появились извозчики, городовой.

Задержаннаго усадили съ двумя конвоирами на передняго извощика, остальные усѣлись на заднемъ и всѣ поѣхали въ Старокіевскій участокъ. Было уже темно. Гершуни старался улыбаться, говорилъ, что агенты, очевидно, ошиблись, что онъ ничего дурного не сдѣлалъ, что, очевидно, это недоразумѣніе. Филеры соглашались, что можетъ быть это и такъ, и что въ Старокіевскомъ разберутъ.

Это, видимо, успокоило задержаннаго. Ему разрѣшили закурить. Такъ доѣхали до участка. Послали за мной.

Я въ тотъ моментъ былъ на свиданіи въ конспиративной квартирѣ. Услыхавъ отъ прибѣжавшаго нарочнаго, что «шляпа» арестованъ, я полетѣлъ съ нимъ въ Старокіевскій участокъ. Встрѣтивъ по дорогѣ товарища прокурора палаты Корсака, я схватилъ его на радостяхъ, расцѣловавъ и, сказавъ, что случилось, помчался дальше.

На лѣстницѣ участка перевожу духъ, стараюсь казаться спокойнымъ, вхожу.

Большая комната полна народу: филеры, чиновники, полиція. Лица возбужденныя. Спрашиваю — «гдѣ онъ?» Показываютъ. Никакого сходства съ фотографіей.

— «Кто Вы такой, какъ ваша фамилія?» — обращаюсь я къ задержанному.

— «Нѣтъ, Вы кто такой! — закричалъ на меня Гершуни. «Какое право имѣли эти люди задержать меня? Я — Родъ, вотъ мой паспортъ, выданный Кіевскимъ Губернаторомъ. Я буду жаловаться!»

— «Ну и нахалъ же» — подумалъ я.

Назвавъ себя, я продолжалъ:

— «Что же касается васъ, то вы не господинъ Родъ, а Григорій Андреевичъ Гершуни. Я Васъ знаю по Москвѣ, гдѣ вы были арестованы».

Гершуни сразу какъ бы осѣлъ.

— «Я не желаю давать никакихъ объясненій», проговорилъ онъ рѣзко.

— «Это ваше дѣло» — отвѣтилъ я и приказалъ произвести личный осмотръ.

Изъ задняго кармана вынули браунингъ, заряженный на всѣ семь. Въ карманѣ былъ еще восьмой патронъ. Въ стволѣ налетъ отъ выстрѣла. При немъ оказалось 600 слишкомъ рублей и 500 франковъ, записная книжка съ шифрованными помѣтками, пузырекъ съ безцвѣтной жидкостью и два паспорта на имя Родъ, изъ которыхъ одинъ заграничный, фальшивый.

Въ портфелѣ же, который составлялъ весь его багажъ, была чистая смѣна бѣлья и нѣсколько мелко исписанныхъ листковъ. Оказалось, что то были: черновикъ прокламаціи объ усмиреніи рабочихъ въ Златоустѣ, черновикъ прокламаціи Боевой организаціи объ убійствѣ Богдановича и двѣ статьи о томъ же убійствѣ. По прочтеніи ихъ не оставалось сомнѣнія, что Гершуни ѣхалъ прямо съ убійства Богдановича, что онъ являлся авторомъ и приговоровъ объ убійствахъ, печатавшихся отъ имени Боевой организаціи и отчетовъ объ убійствахъ, а также авторомъ и хвалебныхъ гимновъ о Боевой организаціи и ея работѣ, т. е. о самомъ себѣ!!

Во все время производства обыска и писанія протокола Гершуни угрюмо молчалъ, вскидывая иногда глазами на кого либо изъ присутствующихъ.

Только при чтеніи протокола, замѣтивъ дату 13-е Мая, онъ сказалъ, саркастически улыбаясь:

— «Жандармамъ и тринадцать везетъ!»

Послѣ составленія протокола Гершуни поступилъ въ распоряженіе жандармскаго управленія и былъ заключенъ въ камеру при Старокіевскомъ участкѣ. Роль охраннаго отдѣленія была окончена. Мы наше дѣло сдѣлали.

Вернувшись домой и выслушавъ доклады филеровъ, арестовавшихъ Гершуни, я горячо поблагодарилъ ихъ и послалъ третью телеграмму директору, уже объ арестѣ, въ которой просилъ разрѣшенія не производить въ цѣляхъ сохраненія отъ провала агентуры никакихъ партійныхъ арестовъ.

Сдѣлавъ все это, я поѣхалъ къ генералъ-губернатору. Выслушавъ докладъ, генералъ Драгомировъ взялъ меня за плечи, поцѣловалъ и сказалъ: — «Молодчина, и везетъ же Вамъ, молодчина!»

Я насилу сдерживался. Горло сжимало. Нервы гуляли.

Вернувшись домой, я продолжалъ нервничать: какъ бы не убѣжалъ. Всю ночь, какъ говорила потомъ жена, я вскакивалъ, бредилъ, кричалъ. Мнѣ все мерещился побѣгъ...

На слѣдующій день насъ многіе поздравляли. Всѣ спрашивали, конечно, какъ это удалось, на что мы неизмѣнно отвѣчали: случайно, по фотографіи.

Получили мы, наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіяся телеграммы изъ Петербурга, въ отвѣтъ на депешу объ арестѣ.

Начальство и друзья горячо поздравляли и радовались успѣху. Отъ Мѣдникова пришло поздравленіе изъ Уфы. Оказывается, опъ работалъ тамъ съ Летучимъ отрядомъ. Очевидно, Азефъ, не предупредивъ Ратаева, который замѣнилъ Рачковскаго, о готовящемся покушеніи на Богдановича, заднимъ числомъ направлялъ теперь вниманіе Департамента къ Уфѣ. Туда и командировали самого Мѣдникова.

Въ тотъ же день, по телеграммѣ изъ Петербурга, Гершуни заковали въ кандалы. Кандалы до суда, широко практикуемые въ Европѣ, у насъ почти не примѣнялись. Въ данномъ случаѣ они были болѣе, чѣмъ умѣстны. Гершуни театрально поцѣловалъ желѣзо. Вечеромъ его увезли въ Петербургъ подъ сильнымъ конвоемъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

Арестъ Гершуни встрѣтилъ у высшаго начальства въ Петербургѣ полное удовлетвореніе. Охранное отдѣленіе было хорошо награждено. Всѣмъ моимъ подчиненнымъ дали денежныя награды, завѣдывавшему наружнымъ наблюденіемъ еще и орденъ, мнѣ же былъ Высочайше пожалованъ чинъ подполковника. На такую высокую награду я не имѣлъ даже права разсчитывать. Шелъ всего лишь десятый годъ моей офицерской службы и шестой мѣсяцъ въ чинѣ ротмистра.

Участіе «Конька» въ арестѣ было скрыто для постороннихъ хорошо, но черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря Департаменту, онъ былъ разоблаченъ и его обвинили въ выдачѣ Гершуни. Это несправедливо. Гершуни онъ не выдавалъ и имени его не называлъ.

13-го Мая, генералъ Новицкій не былъ въ Кіевѣ, а находился въ Петербургѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ съ нимъ произошло большое столкновеніе. Я уже говорилъ, что съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Кіевѣ генералъ Новицкій не взлюбилъ меня. Онъ видѣлъ во мнѣ то новое начало въ Корпусѣ жандармовъ, что пришло на смѣну жандармскимъ ветеранамъ, хотя и много послужившимъ государству, но устарѣвшимъ. Онъ органически не могъ мириться съ этимъ, и началась борьба. Съ первыхъ же дней генералъ старался подчинить меня себѣ, но это у него не вышло. По инструкціи я былъ совершенно самостоятеленъ, въ дѣловомъ отношеніи. При первомъ же случаѣ моей поѣздки къ Драгомирову съ докладомъ, генералъ сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ вмѣстѣ. Пришлось согласиться. Поѣхали мы вмѣстѣ и вмѣстѣ вошли въ кабинетъ генералъ-губернатора. Драгомировъ попросилъ насъ сѣсть и, обратившись къ генералу, просилъ его доложить, что есть у него.

Тотъ доложилъ. Помолчавъ немного, хитрый Драгомировъ спросилъ, нѣтъ ли еще чего, и когда услышалъ, что нѣтъ, всталъ и, обращаясь къ генералу Новицкому, сказалъ: — «Благодарю Васъ, Ваше Превосходительство, я Васъ больше задерживать не буду». Генералу пришлось откланяться и уйти, я же остался въ кабинетѣ генералъ-губернатора. Это и много другихъ мелочей дѣлали все болѣе и болѣе наши отношенія натянутыми. Чувствовалось, что это ненормальное положеніе должно чѣмъ нибудь разрѣшиться. Скоро подошелъ и поводъ.

Закончивъ какъ-то розыскъ большой группы эсъ-дековъ, я послалъ генералу докладъ, которымъ, ссылаясь на параграфъ инструкціи, просилъ генерала о производствѣ обысковъ и арестовъ. Генералъ пришелъ въ ярость: — «Какъ онъ, мальчишка, смѣетъ учить меня, что я долженъ дѣлать!»

Онъ приказалъ вызвать меня въ управленіе. Явившись, я засталъ генерала торжественно засѣдавшимъ за громаднымъ столомъ и окруженнымъ всѣми офицерами управленія и товарищами прокурора. Парадъ былъ спеціально приготовленъ для меня.

Едва я успѣлъ поклониться, какъ генералъ, держа въ рукахъ мой докладъ, началъ кричать:

— «Какое право имѣете Вы, ротмистръ, отдавать мнѣ подобныя распоряженія! Какъ смѣете Вы писать мнѣ подобныя предписанія!»

Взявъ себя въ руки, я отвѣтилъ:

— «Вашему Превосходительству я предписаній не давалъ. Я только просилъ Васъ согласно утвержденной министромъ инструкціи о производствѣ обысковъ и арестовъ по законченному мною розыску».

Генералъ совершенно вышелъ изъ себя и, ударивъ кулакомъ по столу, еще громче закричалъ:

— «Вы, ротмистръ, и просить меня объ этомъ не имѣете права. Я Вамъ докажу, ротмистръ, докажу; я . . . »

Тогда уже я, перебивъ генерала, рѣзко, но спокойно отчеканилъ ему:

— «Просить Ваше Превосходительство я имѣю полное право о чемъ угодно и въ данномъ случаѣ я долженъ это дѣлать и сдѣлалъ. А какъ Ваше превосходительство отнесетесь къ моей просьбѣ, это дѣло Ваше!»

Сказавъ это, я повернулся круто кругомъ по военному, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ въ отдѣленіе. Дома я тотчасъ же телеграфировалъ о происшедшемъ въ Петербургъ, прося перевести меня куда либо въ другое мѣсто ввиду невозможности совмѣстной службы съ генераломъ Новицкимъ. Не успѣлъ я окончить телеграммы, какъ ко мнѣ пріѣхалъ бывшій свидѣтелемъ всего происшедшаго товарищъ прокурора Палаты Корсакъ, дружившій съ генераломъ. Онъ обнялъ меня, выразилъ мнѣ сочувствіе по поводу случившагося, выразилъ удивленіе моей выдержанности на рѣзкости генерала, старался меня успокоить и какъ нибудь уладить происшедшее недоразумѣніе. Я отвѣтилъ ему, что работать въ подобной обстановкѣ я не могу, что не я утверждалъ иструкцію, не я назначалъ себя и въ Кіевъ. Я подчиняюсь генералу въ дисциплинарномъ отношеніи, но по дѣлу я самостоятеленъ и останусь таковымъ. Мнѣ надоѣли эти постоянные уколы, интриги. Вся вина моя въ томъ, что я слишкомъ молодъ по сравненію съ генераломъ. Очевидно, вмѣстѣ мы служить не можемъ; такъ пусть же разберется начальство, кто правъ, кто виноватъ, кто нуженъ, а кто нѣтъ!

Черезъ нѣсколько дней генералъ Новицкій былъ вызванъ въ Петербургъ. Плеве предложилъ ему быть членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, но онъ отказался и подалъ въ отставку. Такъ кончилась борьба новаго теченія со старымъ въ

средѣ жандармеріи у насъ въ Кіевѣ. Въ другихъ мѣстахъ она такого обостреннаго характера не носила. Старики ворчали, но уступали позиціи молодежи.

По возвращеніи генерала въ Кіевъ, я согласно устава, представился ему по случаю полученія Высочайшей награды, надѣвъ впервые оффиціально густые штабъ-офицерскіе эполеты.

Генералъ жестоко отомстилъ Плеве за свой уходъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ соціалистами-революціонерами еще при царскомъ режимѣ, если только записки дѣйствительно писаны имъ. Онъ обвинилъ Плеве въ попустительствѣ убійству Уфимскаго губернатора Богдановича изъ-за соперничества на романической почвѣ. То была клевета, не имѣвшая, конечно, никакого основанія. Но оппозиціонная печать, конечно подхватила и эту сплетню: въ борьбѣ съ правительствомъ всѣ средства считались позволительными. Наклеветалъ въ тѣхъ запискахъ Новицкій и на меня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Методы борьбы съ революціей. — Борьба съ эсъ-эрами. — Террористка Фрума Фрумкина. — Покушеніе на Новицкаго. — Товарищъ Александръ. — Работа эсъ-дековъ. — Демонстрація на Прорѣзной. — Комиссія Рафальскаго. — Драгомировъ и что такое филеръ. — Забастовка 1903 года. — Стрѣльба по рабочимъ. — Вице-губернаторъ Штакельбергъ и Драгомировъ. — 1904 годъ. Война. — Обыскъ у богача еврея. — Арестъ эсъ-дековской типографіи. — Первое Мая. — Азефъ глава Боевой организаціи. — Убійство Плеве. — М. И. Гуровичъ и его усердіе. — Работа Азефа. — Драгомировъ и его отъѣздъ изъ Кіева.

Практиковались тогда два метода борьбы съ революціонными организаціями на мѣстахъ. Первый состоялъ въ томъ, что организаціи давали сплотиться и затѣмъ ликвидировали ее, чтобы дать прокуратурѣ сообщество съ бóльшими по возможности доказательствами виновности. Второй же заключался въ систематическихъ ударахъ по революціоннымъ дѣятелямъ, дабы мѣшать работѣ, не позволять сорганизоваться, проваливать ихъ въ глазахъ ихъ же товарищей, какъ дѣятелей не конспиративныхъ, что влечетъ удаленіе отъ работы, и т. д., иными словами, дѣйствовать системой предупрежденія преступленія, а не только пресѣченіемъ. Первый былъ болѣе эффектенъ по результатамъ, второй болѣе правиленъ по существу. Я былъ сторонникомъ второго метода. Мы наносили мѣстнымъ эсъ-эрамъ ударъ за ударомъ, мѣшая имъ. Вскорѣ послѣ ареста Гершуни мы порознь арестовали наиболѣе активныхъ работниковъ. Эсъ-эры массой тогда не владѣли. Партія только-что складывалась. Ихъ кіевскій комитетъ состоялъ изъ евреевъ. Сторонниками партіи въ Кіевѣ была еврейская интеллигентная молодежь, преимущественно дѣвицы. Вліяніе Гершуни сказалось въ томъ, что всѣ онѣ бредили терроромъ.

Какъ то стало мнѣ извѣстно, что въ организаціи ждутъ съ нетерпѣніемъ нѣкую повивальную бабку, убѣжденную террористку. Она устроитъ типографію. Имѣть типографію было мечтой каждой революціонной организаціи. То была Фрума Фрумкина изъ Минска. Нанявъ комнату, она стала оборудовать типографію. Скоро наружное наблюденіе показало, что къ ней принесли деревянную раму, пронесли осторожно, провѣряя, нѣтъ ли наблюденія. На другой же день къ ней нагрянули съ обыскомъ.

Фрумкина была до крайности нехороша собой, даже страшна. Смуглая, черная, съ длиннымъ очень лицомъ, большими непріятными глазами, къ тому же еще хромала. Занимала она небольшую комнатку. Встрѣтила полицію зло, съ руготней, а когда явился я провѣрить обыскъ, она схватила съ окна ножъ и сдѣлала быстрое

движеніе ко мнѣ. Ее схватили и посадили на кровать съ двумя городовыми по бокамъ. Такъ она и просидѣла до конца обыска и злилась ужасно. Послѣ она говорила, что хотѣла всадить въ меня ножъ, но рѣшила, что такою мелочью какъ я не стоитъ заниматься. Еще до того случая, въ Минскѣ, она хотѣла убить жандармскаго полковника Васильева, но ее отговорили. Передъ арестомъ же она хотѣла ѣхать въ Одессу и покончить тамъ съ градоначальникомъ.

Станокъ для печатанія былъ искусно вдѣланъ и замаскированъ въ кухонномъ по виду столѣ. Касса для шрифта была устроена изъ спичечныхъ коробокъ. Было порядочно шрифту. Станокъ еще не начиналъ работать. Фрумкину посадили въ тюрьму. Сидя тамъ, она рѣшила убить генерала Новицкаго. Тотъ еще не успѣлъ сдать управленія. Фрумкина раздобыла въ тюрьмѣ хорошо отточенный ножикъ и подала заявленіе о желаніи дать откровенное показаніе, но только лично генералу Новицкому. Тотъ поддался на удочку и вызвалъ ее на допросъ, хотя уже очень давно никого не допрашивалъ.

Въ маленькомъ кабинетѣ Новицкій и Фрумкина были одинъ на одинъ. Фрумкина наговорила генералу много комплиментовъ и что-то разсказала ему про мѣстныя дѣла. Генералъ былъ доволенъ и сталъ записывать показанія. Этого только Фрумкиной и нужно было. Улучивъ моментъ, она, сидѣвшая немного сбоку генерала, бросилась къ нему и схвативъ лѣвой рукой за голову, правой хотѣла перерѣзать сонную артерію.

Генералъ отмахнулся правой рукой и, какъ человѣкъ сильный, этимъ жестомъ отбросилъ Фрумкину къ стѣнѣ и крикнулъ жандарма.

Стоявшій за дверью жандармъ вбѣжалъ и схватилъ Фрумкину. Вбѣжалъ и я съ однимъ офицеромъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы поджидали конца допроса. Взволнованный генералъ прикладывалъ къ шеѣ платокъ, виднѣлась кровь. Какъ фурія ужасная вырывалась изъ рукъ жандармовъ Фрумкина. Ей связали руки веревками. Ее судили и сослали на каторгу. Черезъ нѣсколько лѣтъ она уже въ Москвѣ, состоя въ одной изъ боевыхъ организацій, явилась въ театръ съ цѣлью убить градоначальника, была арестована и повѣшена.

Неудачная постановка типографіи заставила эсъ-эровъ удовольствоваться гектографомъ. Пріѣхавшій нелегальный Федоръ, помѣстившись въ четвертомъ этажѣ, неподалеку отъ лѣчебницы, открылъ у себя цѣлую фабрикацію прокламацій. А такъ какъ обыски производились обычно ночью, то Федоръ занимался печатаніемъ днемъ. Къ вечеру-же онъ такъ очищалъ свою квартирку, что въ ней ничего даже подозрительнаго, не только что предосудительнаго, не оставалось. Ночевалъ-же онъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Явились мы къ нему около 4-хъ часовъ дня. Онъ только что приготовилъ гектографскую массу и снималъ первыя прокламаціи. Въ рубашкѣ, засучивъ рукава, съ перемазанными синими пальцами, онъ былъ застигнутъ за работой. Податься было некуда. Федоръ, еврей, назвать себя отказался и предъявилъ фальшивый паспортъ. Это былъ интересный типъ идейнаго, профессіональнаго странствующаго революціонера. То былъ фанатикъ своего дѣла. Такихъ работниковъ давала только еврейская среда. Впрочемъ, Мельниковъ немного походилъ на него, но его натаскалъ Гершуни.

Кружковъ у эсъ-эровъ было мало. Рабочіе тяготѣли или къ Бунду, или къ русскимъ соціалъ-демократамъ. Но вотъ какъ-то пошелъ шумъ, что пріѣхалъ изъ-за границы нѣкій агитаторъ «интеллигентъ» Александръ, работаетъ отлично, говоритъ хорошо, споритъ на дискуссіяхъ съ эсъ-деками умѣло. Нѣсколько недѣль искали мы его и наконецъ взяли какъ-то большую рабочую сходку съ интеллигентомъ. Онъ оказался нелегальнымъ. Послѣ переписи онъ пожелалъ видѣть меня. Привели его

въ отдѣленіе ночью. Небольшого роста рыжеватый еврей, видъ полуинтеллигентный, шустрый.

— «Я — говоритъ, — Александръ, хочу съ Вами работать. Я не вѣрю въ революціонное движеніе, не вѣрю въ руководителей. Все ложь. Я имѣю хорошія связи, меня знаетъ даже «бабушка». Она благословила меня передъ отъѣздомъ сюда, поцѣловала».

Я былъ пораженъ. Какъ, Александръ, о которомъ такъ много говорили, попался внезапно и предлагалъ себя въ сотрудники. Но фактъ на лицо.

Мы долго бесѣдовали съ нимъ. Онъ былъ присланъ изъ-за границы, отъ центра, ставить пропаганду по нашему краю. Я пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ принести большую пользу по освѣщенію эсъ-эровскаго центра за-границей, но это уже было внѣ моей компетенціи, а дѣло департамента.

Я подробно описалъ все департаменту и къ удивленію моему получилъ отвѣтъ, что департаментъ въ центральной агентурѣ не нуждается. Я былъ удивленъ и вновь предпринялъ нѣкоторые шаги, чтобы договориться съ особымъ отдѣломъ, но напрасно. Что думаю за странность. Оставаться Александру въ Кіевѣ было неудобно и онъ выѣхалъ за-границу. Писалъ онъ мнѣ оттуда письма и удивлялся, что никто съ нимъ не работаетъ. Письма тѣ попадали департаменту въ перлюстрацію и присылались мнѣ для установокъ.

Дошло до меня наконецъ, что Александръ арестованъ гдѣ-то на границѣ съ транспортомъ и объявленъ провокаторомъ. Все это было очень странно и неясно. Надо полагать, что Азефъ, которому въ департаментѣ по всему вѣроятію открыли Александра, боясь конкуренціи за-границей, не пропустилъ его туда какъ новаго департаментскаго освѣдомителя, а затѣмъ и провалилъ его, какъ сдѣлалъ позже съ Татаровымъ. Отсутствіе перекрестной около Азефа агентуры и дало ему возможность лгать департаменту, какъ онъ хотѣлъ. Провѣрки надъ нимъ не было.

Нѣсколько иной характеръ носила работа у соціалъ-демократовъ. У нихъ въ Кіевѣ было больше кружковъ. Кружки дѣлились на кружки Росс.-Соц.-Дем.-Рабочей Партіи и Бундовскіе. Комитетъ первой состоялъ частью изъ русскихъ, частью изъ евреевъ и былъ хорошо законспирированъ. Его типографія отлично работала. Въ кружкахъ шли правильныя занятія. Часто устраивались сходки. Сходки происходили обычно на квартирахъ, но съ наступленіемъ теплаго времени устраивались массовки. За городомъ, гдѣ либо въ лѣсу, собирались какъ на прогулку сорганизованные рабочіе. Выступали ораторы. Раздавались призывы къ пролетаріату: бороться съ буржуазіей; побѣда надъ капиталомъ, диктатура пролетаріата — вотъ цѣль борьбы. Великій Марксъ сказалъ... и т. д.

Первыя массовки удавались, но потомъ мы научились предупреждать ихъ безъ особаго шуму. Разъѣздъ, другой казаковъ, и при видѣ ихъ массовка разбѣгается ураганомъ.

Происходили сходки и на Днѣпрѣ. Подъ вечеръ, въ тихихъ затонахъ Труханова острова, сцѣпивши бортами нѣсколько лодокъ, руководители устраивали настоящую плавучую аудиторію. На всякій случай взято пиво, хлѣбъ, селедки. Какъ будто-бы прогулка. Кстати, есть и барышни. Справляться съ этими сходками было легко. На приготовленномъ своевременно катерѣ мой лихой жандармскій изъ казаковъ поручикъ Ереминъ, атаковывалъ обычно эту флотилію и тащилъ ее на буксирѣ въ городъ, а тамъ уже всѣ арестованные шли по обязательному постановленію отбывать за сходку административныя взысканія. Отъ этихъ сходокъ отучили быстро. На Днѣпрѣ не разбѣжишься, это не въ лѣсу.

Труднѣе было совладать съ такъ называемыми «биржами». На Подолѣ, гдѣ жила главная масса евреевъ, эсъ-деки выбирали какую либо улицу, и тамъ въ опредѣленный часъ собиралась партійная публика. Агитаціи, «дискуссіи» шли въ открытую. Жаргонъ слышался повсюду, русской рѣчи не было. При появленіи полиціи все смолкало, на тротуарѣ мирное гулянье. Брать было не за что. Посылали патрули, при видѣ которыхъ молодежь разбѣгалась, но и это не помогало, биржи продолжались.

Весь молодой еврейскій Подолъ былъ въ сущности сорганизованъ по разнымъ партіямъ. Эсъ-эры, эсъ-деки партійные, бундовцы, пайолэйціонъ, анархисты — все что угодно. Все это ширилось, росло, вздымалось.

Старое небогатое еврейство съ безпокойствомъ посматривало на эту соціалистическую молодежь, которая съ 9 - 10 лѣтъ уже попадала въ кружки, читала прокламаціи, разбрасывала ихъ, выполняла разныя революціонныя порученія. Она считала себя сознательной, сорганизованной, смѣялась надъ стариками и въ большинствѣ не признавала синагоги. Вѣтхозавѣтные старики качали головами. Богатое-же еврейство, ослѣпленное блескомъ золота, вѣря только въ свое всемогущество, не замѣчало, какой врагъ, единый по вѣрѣ и крови, нарождался у него. А онъ росъ и множился, отчасти на его же деньги.

Мы-же съ нимъ боролись только полицейскими мѣрами. Конечно, этого было недостаточно.

Къ 1-му Мая эсъ-деки стали энергично готовиться. Предполагалась демонстрація, которая должна была начаться на Прорѣзной улицѣ и направиться на Крещатикъ. Я плохо еще тогда вошелъ къ нимъ агентурою; свѣдѣній о комитетѣ не было. У нихъ было больше сплоченности и меньше измѣны, чѣмъ у ихъ соперниковъ эсъ-эровъ. У послѣднихъ все выходило больше на распашку. Въ данномъ случаѣ, на эсъ-декахъ болѣе отражалось вліяніе родственнаго имъ по теоріямъ крѣпко сорганизованнаго Бунда.

Къ недопущенію демонстраціи были приняты необходимыя мѣры. Назначена она была на 3 часа. Къ тому времени толпы гулявшей публики заполнили Крещатикъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, что будетъ. Но ожиданія были напрасны. Выскочившіе въ 3 часа на середину Прорѣзной улицы соціалъ-демократы и растрепанныя дѣвицы съ краснымъ флагомъ были въ тотъ-же моментъ перехвачены появившимися изъ воротъ городовыми и гулявшими въ публикѣ на тротуарахъ филерами. Нѣкоторые демонстранты бросились было внизъ къ Крещатику, крича «ура», но были также схвачены. Все кончилось молніеносно, и только валявшіеся то тамъ, то здѣсь по Прорѣзной улицѣ галоши, палки и другіе предметы обихода, указывали, что тамъ происходило только-что что-то необычайное.

Генералъ Драгомировъ въ то время демонстративно проѣзжалъ по Крещатику въ коляскѣ, безъ всякой охраны. Эффектъ былъ полный.

— «Что-же Вы — говорилъ онъ мнѣ потомъ смѣясь — обѣщали демонстрацію, я поѣхалъ и ничего не видѣлъ!»

Дабы не повадно было, нѣсколько десятковъ арестованныхъ на Прорѣзной улицѣ прошли затѣмъ черезъ особую комиссію для наложенія взысканій, согласно обязательному постановленію, воспрещавшему уличныя сборища. Въ этой комиссіи разыгрался любопытный инцидентъ. Секретаремъ и докладчикомъ въ этой комиссіи оказался нѣкій Рафальскій, курьезный типъ чиновника съ лѣвизной, мѣтившаго въ губернаторы, а потому заигрывавшаго съ публикой и корчившаго изъ себя либерала.

Онъ былъ чѣмъ-то вродѣ непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Въ приготовленномъ имъ отъ комиссіи для генералъ-губернатора докладѣ указывалось участіе каждаго изъ арестованныхъ въ демонстраціи лицъ, согласно моихъ и полицейскихъ данныхъ, причемъ очень часто была такая формулировка: «Такой-то по показанію задержавшаго его филера кричалъ «ура» или — «находился въ группѣ лицъ, окружавшихъ флагоносца» и т. д., но всегда со ссылкой, «по показанію филера такого-то».

Когда комиссія, въ которую входилъ и я, окончивъ работу, была приглашена генералъ-губернаторомъ, который долженъ былъ опредѣлить каждому наказаніе, Драгомировъ пригласилъ всѣхъ сѣсть и предложилъ Рафальскому доложить списокъ арестованныхъ, вину каждаго и спроектированное наказаніе. Рафальскій сталъ читать докладъ и какъ-только доходилъ до словъ — по указанію филера —, то читалъ ихъ съ легкой насмѣшкой, и продолжалъ: проектируется одинъ, два или три мѣсяца заключенія. Подчеркнулъ онъ разъ непріятныя ему слова, подчеркнулъ два. Меня это задѣло. Ясна была извѣстная, старая либеральная манера мѣшать съ грязью все, что относилось къ жандармеріи, хотя-бы сами купались въ грязи по уши. Драгомировъ, еще не знавшій хорошо меня, слушалъ внимательно, но ни одного наказанія не утверждалъ и только говорилъ иногда:—«Дальше, дальше», и чуть чуть улыбаясь, посматривалъ на меня.

Рафальскій, одобренный молчаніемъ Драгомирова, въ третій разъ и уже болѣе замѣтно подчеркнулъ — по указанію филеровъ. Я не выдержалъ, всталъ и обратился къ генералъ-губернатору за разрѣшеніемъ доложить, что такое филеръ охраннаго отдѣленія, на которыхъ такъ часто дѣлаются ссылки.

— «Доложите, доложите» — сказалъ генералъ.

Рафальскій съ удивленіемъ косилъ на меня изъ подъ очковъ, смотрѣли внимательно и члены комиссіи.

— «Ваше Высокопревосходительство, — началъ я, — филеръ это агентъ наружнаго наблюденія, находящійся на службѣ и получающій жалованье по вѣдомостямъ, которыя идутъ въ контроль. Согласно инструкціи директора Департамента полиціи, филеры набираются изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ арміи, гвардіи и флота, по предъявленіи ими отличныхъ рекомендацій и аттестатовъ отъ ихъ войскового начальства».

— «Вотъ какъ, — протянулъ Драгомировъ, — а я и не зналъ. Такъ, такъ... хорошо, что сказали» — и, обратившись затѣмъ къ Рафальскому, проговорилъ:

— «Такъ что тамъ, прочитайте сначала, что тамъ намѣчено?»

Рафальскій началъ снова читать и какъ только дошелъ до словъ «по указанію филера», Драгомировъ перебилъ его:

— «Сколько тамъ назначено?»

— «Два мѣсяца, Ваше Высок-во.»

— «Такъ... согласенъ, — утвердилъ генералъ губернаторъ, и при дальнѣйшемъ чтеніи все, что имѣло ссылку на показаніе филера, генералъ губернаторъ или утверждалъ, или усиливалъ. И только когда кончилось все чтеніе, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой:

— «Ну, а этимъ... (тутъ онъ употребилъ нелестное словечко) — дѣвицамъ, скостимъ немного, дадимъ имъ по мѣсяцу вмѣсто трехъ. Ну ихъ...»

Финалъ доклада оказался неожиданнымъ для Рафальскаго, и онъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ. Мы разстались врагами.

Въ то лѣто съ Юга шла стихійная забастовка рабочихъ, которая захватила и Кіевъ. Бороться съ нею было невозможно, и мы старались только, чтобы она не вылилась въ уличные безпорядки. На Подолѣ, у Лавры, на Житнемъ базарѣ собирались рабочіе; имъ мѣшали, ихъ разгоняли, но движеніе шло на подъемъ. Въ городѣ было неспокойно. Зловѣще завывали заводскіе гудки. То тамъ, то здѣсь проѣзжали казаки. Центромъ движенія скоро сдѣлались желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ неумѣлыя дѣйствія Начальника дорогъ Немѣшаева только подливали масла въ огонь.

Немѣшаевъ былъ большой баринъ, любилъ пожить, благоволилъ къ женскому персоналу своихъ служащихъ, отлично держалъ внѣшнюю сторону сѣти своихъ дорогъ и конечно лѣвилъ. Объ его похожденіяхъ ходили легенды и ихъ отмѣчали даже революціонныя прокламаціи. На рабочихъ онъ должнаго вниманія не обращалъ, и въ разразившуюся забастовку вмѣшался, какъ говориться, слегка присвистывая. Вмѣшался и только обострилъ дѣло.

Чувствовалось, что сгущавшаяся атмосфера должна разрядиться чѣмъ-то большимъ. Ввиду требованія большихъ войсковыхъ нарядовъ, собрали засѣданіе съ военными чинами подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора барона Штакельберга, дабы выяснить, какъ должны дѣйствовать войска. Военные стояли за опредѣленныя рѣшительныя мѣры, гражданская-же власть требовала войскъ и въ то-же время хотѣла, чтобы они дѣйствовали какъ классныя дамы — уговорами. Когда всѣ наговорились, Штакельбергъ спросилъ мое мнѣніе. Я сказалъ, что стрѣльба по сборищамъ не должна быть примѣняема и что лучше всего разсѣивать ихъ казаками, прибѣгая, при надобности, къ нагайкамъ. Дѣйствуетъ-же за-границей полиція резиновыми палками и дѣйствуетъ жестоко, и средство это считается законнымъ и вполнѣ достигаетъ цѣли. Стрѣлять не приходится. У насъ резиновыхъ палокъ еще нѣтъ, но нагайки вполнѣ могутъ ихъ замѣнить и употребленіе ихъ будетъ вполнѣ отвѣчать тѣмъ желѣзнымъ прутьямъ, пружинамъ, кистенямъ, цѣпочкамъ и веревкамъ съ гайками на концахъ, которыми вооружены рабочіе.

Не успѣлъ я докончить доклада, какъ съ вокзала дали знать по телефону, что рабочіе залили локомотивы въ депо и что около двухъ тысячъ ихъ собирается у товарной станціи на путяхъ. Засѣданіе было прервано, и мы съ барономъ Штакельбергомъ поѣхали на вокзалъ.

На путяхъ стояла плотная масса рабочихъ. Противъ нихъ пѣхота и казаки. Командиръ сотни доложилъ, что на путяхъ, межъ рельсъ, его казаки дѣйствовать не могутъ.

Баронъ Штакельбергъ лично обратился къ рабочимъ, предлагая разойтись и предупреждая, что въ противномъ случаѣ будетъ трижды данъ сигналъ горниста, послѣ чего войска начнутъ дѣйствовать оружіемъ.

Рабочіе не расходились. Впереди появились женщины съ дѣтьми. Стали садиться на землю. Проигралъ трижды рожокъ, раздалась команда, и ближайшая рота пошла на рабочихъ стѣной въ рукопашную...

На мгновеніе, все какъ-бы смолкло. Толпа попятилась назадъ. Какъ молоты посыпались тупые удары прикладовъ. Шелъ хрустъ... Толпа обратилась въ паническое бѣгство... По сторонамъ подгоняли казаки... Минута, двѣ — все было кончено, толпа разсѣяна.

Уже дѣйствовавшая рота собралась. Раненыхъ не было; кого помяли, убѣжали. Офицеры и мы со Штакельбергомъ разговаривали о происшедшемъ. Вдругъ справа раздался залпъ, за нимъ второй и третій.

Что, почему, кто приказалъ стрѣлять? Бросились въ сторону залповъ. Тамъ

рота, сдѣлавъ послѣдній залпъ по направленію горы Соломенки, стояла еще «на изготовку», первая полу-рота съ колѣна.

— «Кто приказалъ стрѣлять?» — обратился къ ротному командиру подбѣжавшій Штакельбергъ. Тотъ доложилъ спокойно, что группа рабочихъ изъ разбѣжавшихся стала бросать въ роту камнями, что былъ раненъ солдатъ, офицеръ и сбитъ съ ногъ помощникъ исправника, которому камень угодилъ въ колѣнную чашку, и что онъ, ротный командиръ, согласно приказа по Округу, долженъ былъ въ виду такого дѣйствія рабочихъ противъ его роты, отвѣтить имъ огнемъ, что и выполнилъ.

Офицеръ былъ правъ. Но было что-то непріятное, щемящее... Всѣ мы видѣли, какъ двое изъ убѣгавшихъ въ гору перекувыркнулись послѣ второго залпа и остались лежать, какъ двое другихъ споткнулись, упали и, вставъ, неловко пытались бѣжать дальше, но не скоро... Чувствовалось, какъ-будто сдѣлали что-то нехорошее...

Штакельбергъ волновался. Онъ просилъ меня поѣхать съ нимъ къ Драгомирову. По дорогѣ онъ повѣдалъ мнѣ, что какъ бывшій чиновникъ для порученій, онъ не пользуется у генерала вѣсомъ. Мнѣ жаль было его. Пожилой человѣкъ, онъ никогда не боялся идти въ гущу происходящаго, былъ хорошій человѣкъ и честный. Я далъ слово, что войду къ генералъ-губернатору вмѣстѣ съ нимъ.

О насъ доложили и сейчасъ-же попросили въ кабинетъ. Драгомировъ вышелъ какъ туча. Путаясь, Штакельбергъ сталъ докладывать ему о трехъ залпахъ и о четырехъ раненыхъ. Выходило, что войска дѣйствовали глупо, стрѣлять не умѣютъ.

Драгомировъ вспылилъ: — «Какъ такъ, какой полкъ? Отчислить отъ командованія ротой!» И пошелъ...

Штакельбергъ окончательно растерялся. Вижу насталъ мой чередъ.

— «Ваше Высок-во, разрѣшите доложить», — обратился я къ Командующему.

— «Что еще? Докладывайте», — проговорилъ онъ.

— «Ваше Высок-во, на тысячную толпу рабочихъ послѣ трехъ сигналовъ была пущена рота пѣхоты. Въ двѣ минуты, работая прикладами, рота разсѣяла толпу въ чистую.»

— «Значитъ рота дѣйствовала хорошо?»

— «Отлично, Ваше Высок-тво».

— «А стрѣльба?»

— «То другая рота стрѣляла по рабочимъ, которые бросали въ нее камнями и ранили нѣсколько человѣкъ.»

— «Такъ, понимаю, — съ разстановкой говорилъ генералъ, — значитъ войска, разгонявшія толпу, дѣйствовали хорошо?»

— «Только трескъ шелъ отъ прикладовъ, Ваше Выс-тво. Отлично работали».

Настроеніе генерала сразу измѣнилось. Онъ спросилъ, какой тамъ былъ баталіонъ, и просилъ Штакельберга поблагодарить его командира, сказавъ, что отдастъ въ приказѣ. Приказалъ затѣмъ позаботиться о семьяхъ убитыхъ, если они окажутся, и распрощавшись отпустилъ насъ.

Мы ушли, Штакельбергъ благодарилъ меня за выручку. Стали совѣщаться, что предпринять, чтобы не произошло новыхъ безпорядковъ изъ-за убитыхъ. Стрѣльба дѣйствительно была глупая, хотя ротный командиръ и былъ формально правъ.

Но залпы разрядили грозу. Съ того момента движеніе какъ-то сразу пошло на убыль. Настроеніе рабочихъ упало и скоро все вошло въ норму. Случай со стрѣльбой почти не нашелъ отзвука въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Даже сами рабочіе считали, что войска дѣйствовали правильно. Революціонные комитеты не сумѣли использовать такого хорошаго для агитаціи противъ правительства повода, и о стрѣльбѣ на вокзалѣ скоро забыли.

1904-й годъ принесъ съ собой войну, а съ ней въ первые мѣсяцы и нѣкоторую пріостановку въ массовой революціонной работѣ. Кружки почти прекратились. Рабочіе, боясь военныхъ судовъ, которые въ умахъ массы были обязательны во время войны, боялись собираться на сходки. Къ тому-же призывы по мобилизаціи выхватывали то одного, то другого партійнаго дѣятеля.

Продолжала хорошо работать лишь типографія мѣстнаго комитета эсъ-дэковъ. Ее надо было раскрыть во что бы то ни стало. Становилось уже совѣстно, что мы не можемъ до нея добраться. Между тѣмъ подойти къ ней можно было только путемъ наружнаго наблюденія, такъ какъ имѣть въ типографіи внутреннюю агентуру значило бы самому участвовать въ ея работѣ, иными словами, дать классическій примѣръ провокаціи.

Постепенно подходя къ типографіи, дошли мы до распространителей ея литературы. Нѣтъ, нѣтъ, да и приведутъ молодца, обложеннаго подъ рубашкой стопками свѣже-отпечатанныхъ прокламацій. Нѣкоторые изъ такихъ разносчиковъ, взятые съ поличнымъ, ночью, становились «сотрудниками». Стала отпечатанная типографіей литература вмѣсто кружковъ и улицъ попадать къ намъ «агентурнымъ путемъ». Пудами отправляло такую литературу отдѣленіе въ Департаментъ полиціи. Дошло до того, что изъ отпечатанной вновь партіи въ 2000 экземпляровъ къ намъ попадало три четверти. Съ удивленіемъ смотрѣлъ иногда заходившій въ отдѣленіе товарищъ прокурора на кипы этихъ листковъ, на которыхъ краска еще размазывалась, настолько они бывали свѣжи. Да ужъ не сами ли печатаютъ, навѣрно думалъ про насъ онъ.

Отъ распространителей мы дошли до центра распространенія, оставалось установить посредника между этимъ центромъ и самой типографіей. А это было самое трудное. Чѣмъ ближе къ типографіи, тѣмъ строже конспирація.

Въ это время Драгомировъ, во время однаго изъ докладовъ, сказалъ мнѣ, смѣясь, что до него дошли слухи, будто бы я не арестую типографію потому, что она помѣщается у какого-то знатнаго богатаго человѣка.

— «Такъ Вы вотъ что сдѣлайте, говорилъ онъ мнѣ, Вы обыщите меня самого! Обыщите и весь мой домъ и ужъ разъ меня обыщите, генералъ-губернатора, то на Васъ никто не будетъ обижаться, если Вы къ нему пожалуете съ обыскомъ».

Намекъ былъ ясенъ. Довольно зло. Я доложилъ, что къ сожалѣнію мы еще не подошли къ типографіи, но что скоро надѣемся успѣть и въ этомъ, и разсказалъ ему, какъ технически обстоитъ дѣло съ ея розыскомъ. Генералъ-губернаторъ очень заинтересовался моимъ разсказомъ, и разстались мы хорошо.

Какъ разъ на другой день я получилъ указаніе, что къ сыновьямъ одного богатаго еврея, жившаго на Институтской улицѣ, привезли большой транспортъ свѣжей литературы, и я направилъ туда нарядъ полиціи, отправился и самъ. Богатый домъ, огромная квартира. Взволнованный отецъ молодыхъ людей, господинъ Г., ходитъ по красному ковру роскошной гостиной. Онъ хочетъ поговорить по телефону, но приходится ему въ этомъ отказать. У сыновей нашли и два тюка транспорта, и еще кое какую литературу, а главное гектографъ со свѣже отпечатанными прокламаціями. Дѣти богача работали на пролетаріевъ. Помощникъ пристава, изъ бывшихъ офицеровъ, такъ обрадовался результатамъ обыска, что рѣшилъ, что въ домѣ гдѣ либо и спрятана самая типографія. Это былъ на рѣдкость энергичный полицейскій чинъ. Онъ перерылъ весь домъ и даже забрался въ садъ. Войдя туда, я засталъ его въ бесѣдкѣ. Раскраснѣвшись, онъ въ остервенѣніи долбилъ топоромъ дубовый полъ бесѣдки, рѣшивъ, что подъ нимъ обязательно спрятана типографія.

— «Господинъ полковникъ, Вы разрѣшите, я ее отыщу, она навѣрное здѣсь!»

Насилу успокоилъ я его, сказавъ, что все, что надо, найдено уже, что онъ отлично произвелъ обыскъ и что я доложу о томъ губернатору. Онъ былъ счастливъ и все таки продолжалъ просить:

— «Господинъ полковникъ, разрѣшите полъ въ бесѣдкѣ все таки вскрыть, для вѣрности!»

Обыскъ у мѣстнаго богача надѣлалъ много шуму въ городѣ. Были арестованы его два сына. Самъ Г., прійдя въ тотъ или на слѣдующій день въ клубъ, сказалъ неосторожно, что онъ не безпокоится за сыновей, что за деньги все возможно и онъ добьется быстраго освобожденія дѣтей у жандармскаго управленія. Эти слова были доведены мною оффиціально до свѣдѣнія департамента, прокуратуры и жандармскаго управленія, гдѣ производилось дознаніе. Въ результатѣ каждый боялся поднять вопросъ объ освобожденіи братьевъ Г., и они просидѣли благодаря отцу много больше, чѣмъ могли бы просидѣть. Красавица мать очень страдала.

Вскорѣ послѣ этого обыска агентура указала мнѣ, что завтра вечеромъ, часовъ около десяти, у моста, что ведетъ въ крѣпость на Печерскѣ, должно состояться свиданіе одного изъ комитетчиковъ съ человѣкомъ изъ типографіи и что комитетчикъ тотъ и есть посредникъ между центромъ и типографіей. Онъ долженъ на томъ свиданіи передать для типографіи черновикъ первомайской прокламаціи. Было это за нѣсколько дней до перваго мая. Всѣ уже нервничали въ ожиданіи этого дня. Комитеты подготовляли демонстрацію, мы же готовились нанести своевременно хорошій ударъ и сорвать всѣ ихъ планы.

Мой завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ посмотрѣлъ мѣсто, гдѣ должно было состояться свиданіе, и установилъ самое осторожное наблюденіе кругомъ. Мѣсто было скверное: глушь, ни одного человѣка.

Въ назначенный день и часъ плохенькій извозчикъ и женщина изъ шатающихся, то были филеры, дѣйствительно замѣтили по виду интеллигентнаго человѣка, который подойдя къ мосту встрѣтился съ молодымъ, какъ будто, рабочимъ. Было темно. Поговоривъ съ минуту, встрѣтившіеся разошлись. Въ сторону интеллигента пошла женщина, за рабочимъ же поплелся извощикъ. Вскорѣ ихъ приняли поджидавшіе въ сосѣднихъ улицахъ другіе филеры, которые и продолжали уже наблюденіе. Интеллигентъ долго крутилъ и въ концѣ концовъ ушелъ отъ филеровъ, его утеряли. «Щуплый» же, такъ прозвали филеры рабочаго, былъ проведенъ въ одинъ изъ домовъ на улицѣ, на которую выходили зады съ Бульварно-Кудрявской. Выходилъ и садъ нашего дома. Зашелъ туда «Щуплый» осторожно, предварительно умно провѣривъ свой заходъ. Вотъ эта-то провѣрка, оглядываніе, чаще всего и проваливала революціонеровъ.

Дальнѣйшее наблюденіе за тѣмъ домомъ показало, что онъ почти никѣмъ не посѣщается. Тамъ царила тишина. Только подъ вечеръ выходилъ, какъ будто, рабочій къ воротамъ, стоялъ, курилъ и уходилъ обратно. Онъ наблюдалъ, конечно, за тѣмъ, что дѣлается около.

Совокупность всѣхъ данныхъ розыска привела насъ къ заключенію, что мы напали на типографію, а потому произведя передъ первымъ мая аресты, я направилъ нарядъ и въ подозрительный домъ. Результатъ превзошелъ наши ожиданія. Въ верхнемъ этажѣ небольшого двухъэтажнаго дома, въ квартирѣ изъ трехъ комнатъ съ кухней, была обнаружена большая хорошо оборудованная типографія. Жила тамъ соціалъ-демократка Севастьянова, скромная по виду, довольно симпатичная, типа народной учительницы женщина. Она была привлечена уже по какому-то дознанію при управленіи и бывала тамъ на допросахъ. Бывать въ жандармскомъ управленіи и въ то же время завѣдывать типографіей было довольно смѣло.

Всѣ комнаты и кухня были запачканы типографской краской. Въ кухонныхъ ведрахъ — черная вода. Во второй комнатѣ на спеціальноме столѣ находился печатный станокъ, на которомъ уже было отработано нѣсколько тысячъ первомайскихъ прокламацій. Кипы чистой бумаги, кучи обрѣзковъ и старыя прокламаціи валялись повсюду. Уборная была сплошь завалена бумажными остатками. Въ одной изъ комнатъ находился большой сундукъ. Тамъ оказался аккуратно сложенный въ пачкахъ знаменитый стершійся косой шрифтъ. Обнаруженіе его доставило намъ несказанное удовольствіе. Севастьянова даже пошутила надъ тѣмъ, какое мы сдѣлали открытіе. Въ томъ же сундукѣ былъ весь архивъ мѣстнаго комитета съ массой рукописей. Оказалось, что типографія помѣщалась здѣсь нѣсколько лѣтъ. Работала сама Севастьянова, ей помогали еще два человѣка, которыхъ мы не обнаружили. Всю черную работу по кухнѣ выполнялъ дворникъ, который, очевидно, былъ посвященъ въ тайну квартиры, былъ изъ «сознательныхъ». Его тоже арестовали.

Не оказалось въ типографіи только второго маленькаго станка, который передъ первымъ мая изъ осторожности, перенесли на квартиру одного небольшого партійнаго работника. Тотъ такъ былъ гордъ этимъ обстоятельствомъ, что подѣлился секретомъ съ товарищемъ, товарищъ сказалъ женѣ, жена сболтнула кому-то, дошло до насъ и станокъ былъ также арестованъ.

Въ ту же ночь были большіе аресты. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда въ городѣ уже появились прокламаціи съ призывомъ на демонстрацію, я, опираясь на наличность призыва, спроектировалъ произвести въ предупрежденіе демонстраціи аресты наиболѣе активныхъ партійныхъ работниковъ. Я побывалъ у прокурора палаты, посвятилъ его въ свой планъ, и онъ согласился съ его правильностью. Аресты производились административнымъ порядкомъ, отъ имени губернатора. Взяли человѣкъ сто пятьдесятъ и всѣмъ объявили, конечно, причину ареста. Празднованіе перваго мая было сорвано и, если администрація и особенно мы были довольны, то не менѣе въ душѣ радовались и рядовые партійные работники, что были заарестованы. Всѣхъ ихъ освободили черезъ нѣсколько дней послѣ перваго мая и для нихъ, конечно, было лучше просидѣть ихъ въ заключеніи, чѣмъ демонстрировать во время войны со всѣми затѣмъ послѣдствіями. Были довольны и заправилы: хотѣли-де устроить, да не удалось, полиція помѣшала. Лучше отдѣлаться пятью днями въ «предупрежденіе», чѣмъ сидѣть три мѣсяца «за демонстрацію».

Наступило лѣто. Въ городѣ было настолько спокойно, что мнѣ разрѣшили отпускъ, который начинался 15-го Іюля. Но въ тотъ день въ Петербургѣ Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ, во главѣ которой стоялъ тогда Азефъ, убила министра Внутреннихъ дѣлъ Плеве.

Эвно Азефъ — здоровый мужчина съ толстымъ скуластымъ лицомъ, типа преступника, прежде всего былъ крайне антипатиченъ по наружности и производилъ сразу весьма непріятное и даже отталкивающее впечатлѣніе. Обладая выдающимся умомъ, математической аккуратностью, спокойный, разсудительный, холодный и осторожный до крайности, онъ былъ какъ бы рожденъ для крупныхъ организаторскихъ дѣлъ. Рѣдкій эгоистъ, онъ преслѣдовалъ прежде всего свои личные интересы, для достиженія которыхъ считалъ пригодными всѣ средства до убійства и предательства включительно.

Властный и не терпѣвшій возраженій тонъ, смѣлость, граничащая съ наглостью, необычайная хитрость и лживость, развивавшаяся до виртуозности въ его всегдашней двойной крайне опасной игрѣ, создали изъ него въ русскомъ революціонномъ мірѣ единственный въ своемъ родѣ типъ-монстръ.

И ко всему этому Азефъ былъ нѣжнымъ мужемъ и отцомъ, очаровательнымъ въ интимной семейной обстановкѣ и среди близкихъ друзей.

Въ немъ было какое-то почти необъяснимое страшное сочетаніе добра со зломъ, любви и ласки съ ненавистью и жестокостью, товарищеской дружбы съ измѣной и предательствомъ. Только варьируя этими разнообразнѣйшими, богатѣйшими свойствами своей натуры, Азефъ могъ, вращаясь въ одно и то же время среди далеко не глупыхъ представителей двухъ противоположныхъ борющихся лагерей — правительствомъ и соціалистами-революціонерами — заслужить рѣдкое довѣріе какъ одной, такъ и другой стороны. И впослѣдствіи, когда онъ былъ уже разоблаченъ въ его двойной игрѣ, его съ жаромъ защищалъ съ трибуны Государственной Думы, какъ честнаго сотрудника — самъ Столыпинъ и въ то же время, за его революціонную честность, бились съ пѣной у рта такіе столпы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ Гершуни, Черновъ, Савинковъ и другіе.

И несмотря на всю позднѣйшую доказанность предательства Азефа, несмотря на всю выясненную статистику повѣшенныхъ и сосланныхъ изъ-за его предательства, главари партіи соціалистовъ-революціонеровъ все таки дали возможность Азефу безнаказанно скрыться. Таково было обаяніе и такова была тонкость игры этого страшнаго человѣка.

При разслѣдованіи обстоятельствъ его предательства, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей партіи далъ про него такія показанія:

— «.... Въ глазахъ правящихъ сферъ партіи, Азефъ выросъ въ человѣка незамѣнимаго, провиденціальнаго, который одинъ только и можетъ осуществить терроръ...... отношеніе руководящихъ сферъ къ Азефу носило характеръ своего рода коллективнаго гипноза, выросшаго на почвѣ той идеи, что террористическая борьба должна быть не только неотъемлемой, но и господствующей отраслью въ партійной дѣятельности». (Заключеніе Суд. Слѣд. Комиссіи по дѣлу Азефа. Стр. 47—54).

Одинъ же изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, Е. Колосовъ, бывшій въ свое время боевикомъ и знавшій Азефа отлично не только по его революціонной работѣ, но и въ семейной жизни, бывшій другомъ его семьи, послѣ полнаго раскрытія измѣны, всетаки говорилъ про него лично мнѣ: — «И всетаки «Иванъ Николаевичъ» былъ недурной человѣкъ!»

Человѣкъ же изъ рядовъ правительства, имѣвшій нѣкогда сношенія съ Азефомъ по службѣ, человѣкъ далеко не глупый и умѣющій разбираться въ людяхъ, который самого Азефа держалъ въ рукахъ не одинъ годъ и такъ держалъ, что тотъ не имѣлъ возможности провоцировать, этотъ человѣкъ — генералъ Герасимовъ, — говорилъ затѣмъ про него: — «Не понимаю, совсѣмъ не понимаю, какъ могъ онъ участвовать въ убійствѣ Плеве и другихъ, онъ, бывшій по своимъ политическимъ взглядамъ скорѣе кадетомъ!»

Таковъ былъ непонятый въ свое время ни кѣмъ: ни правительствомъ, ни революціонерами, ни единственнымъ его другомъ — его женою — Эвно Азефъ, членъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, шефъ ея Боевой организаціи, сотрудникъ Департамента полиціи и въ то же время провокаторъ, въ настоящемъ значеніи этого слова.

Начавъ свою работу на правительство, Азефъ въ теченіе первыхъ лѣтъ этого ремесла былъ только освѣдомителемъ, шпіономъ — «сотрудникомъ». Онъ только давалъ

свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ тѣхъ революціонныхъ кругахъ, съ которыми онъ соприкасается. Но положеніе его въ партіи понемногу росло, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся характеръ его работы.

Послѣ убійства Сипягина, Департаментъ полиціи вызвалъ Азефа изъ-за границы для освѣщенія положенія дѣла въ Россіи, и Азефъ задержался въ Петербургѣ. Не посвящая, конечно, тѣхъ лицъ изъ Департамента полиціи, передъ которыми онъ отчитывался, Азефъ началъ энергично работать въ интересахъ партіи. Такъ, онъ сорганизовалъ Петербургскій комитетъ, наладилъ транспортъ литературы, начавъ такимъ образомъ уже и «провоцировать» и выдавалъ своему начальству въ нѣкоторыхъ случаяхъ результаты своей работы. Въ то время онъ сблизился съ Гершуни настолько, что послѣдній посвятилъ его въ нѣкоторые изъ своихъ предпріятій, про которыя Азефъ Департаменту, однако, не говорилъ. Гершуни настолько сошелся съ нимъ, что будучи незадолго передъ своимъ арестомъ за-границей, сказалъ Михаилу Гоцу, «что на случай своего ареста онъ поручилъ Азефу взять въ свои руки дѣло Боевой организаціи и реорганизовать путемъ кооптаціи центральный комитетъ». (Заключеніе, стр. 24).

Въ тотъ же періодъ времени Азефъ вошелъ членомъ въ центральный комитетъ партіи. Надо полагать, что и это свое новое положеніе Азефъ скрылъ отъ своего департаментскаго начальства, такъ какъ совмѣстительство ролей члена центральнаго комитета и сотрудника давало явную провокацію. Взгляды же тогдашняго Директора департамента полиціи Лопухина и Зубатова были настолько строги и щепетильны въ отношеніи агентуры, что намъ категорически воспрещалось имѣть сотрудниковъ на роляхъ активныхъ дѣятелей вообще и въ частности членами какихъ либо центровъ. Сотрудники, какъ указывали намъ, могли быть около нихъ, но не въ нихъ. Въ то время не было еще писаныхъ инструкцій по агентурѣ для завѣдующихъ розыскомъ, но руководящія указанія, предостерегавшія отъ провокаціи, даже неумышленной, были неимовѣрно строги.

Сдѣлавшись послѣ ареста Гершуни шефомъ Боевой организаціи, Азефъ въ Іюлѣ 1903 года поѣхалъ за-границу и тою же осенью принялся за организацію порученнаго ему центральнымъ комитетомъ убійства Плеве. Въ это время Зубатова уволили отъ службы, и Азефъ въ Парижѣ имѣлъ дѣло съ Ратаевымъ, а наѣзжая въ Петербургъ, видался съ Мѣдниковымъ.

За-границей Азефъ составилъ Боевую организацію, въ которую кромѣ его и Гоца, какъ высшихъ представителей, вошло семь молодыхъ людей, изъ которыхъ четверо русскихъ, два поляка и одинъ еврей. Былъ выработанъ планъ убійства, и отрядъ направился въ Россію.

18-го Марта 1904 года, въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, около Департамента полиціи должно было состояться первое покушеніе Боевой организаціи на Плеве, путь проѣзда котораго былъ обставленъ боевиками съ бомбами. Но Азефу почему-то убійство въ тотъ день было не выгодно, и онъ заблаговременно предупредилъ директора Лопухина, объяснивъ, однако, что тамъ готовится покушеніе именно на Лопухипа, и кстати выпросилъ себѣ прибавку жалованья. Охрана на Фонтанкѣ была усилепа, она спугнула боевиковъ, и покушеніе на Плеве не состоялось. Всей охраной и всѣмъ наблюденіемъ тамъ вѣдалъ исключительно состоявшій при министрѣ Скандраковъ, не допускавшій къ этому раіону чиновъ Департамента полиціи.

25-го Марта часть боевиковъ вновь выходила съ бомбами на путь проѣзда министра, но его не встрѣтила. Тогда Азефъ принялся болѣе энергично за организацію покушенія и установилъ черезъ группу боевиковъ во главѣ съ Савинковымъ настоящую облаву на министра, и ко второй половинѣ іюля все было готово для совершенія

убійства. Убѣдившись въ этой готовности, Азефъ покинулъ Петербургъ и, дабы отвести вниманіе департамента полиціи отъ министра, написалъ Ратаеву письмо, что во главѣ Боевой организаціи стоятъ проживающіе въ Одессѣ Геккеръ и Сухомлинъ, что мысль объ убійствѣ министра пока оставлена, а что на очередь для поднятія престижа Боевой организаціи поставлено убійство Иркутсткаго генералъ-губернатора Кутайсова.

Усыпивъ такимъ образомъ черезъ Ратаева Департаментъ полиціи, наговоривъ успокоительныхъ вещей и Мѣдникову, Азефъ назначилъ покушеніе на Плеве на 8-е іюля, но изъ за недоразумѣнія при раздачѣ снарядовъ, оно состояться опять таки не могло и было перенесено на 15-е Іюля.

Рѣзво несли въ то утро кони карету съ министромъ по Измайловскому проспекту по направленію къ вокзалу. Онъ ѣхалъ въ Петергофъ съ Всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю. Сзади насилу поспѣвала одиночка съ чинами охраны. Сбоку катили велосипедисты охранки. Вытягивалась полиція, шарахались извозчики, оглядывалась публика.

А навстрѣчу министру, одинъ за другимъ, съ интервалами спокойно шли съ бомбами направленные Савинковымъ трое боевиковъ. Не доѣзжая до моста черезъ Обводный каналъ, на перерѣзъ каретѣ свернулъ съ тротуара нѣкто въ желѣзно-дорожной формѣ со сверткомъ подъ мышкой. Онъ у кареты. Онъ видитъ пристальный угадывающій судьбу взглядъ министра. Взмахъ рукъ — свертокъ летитъ въ карету, раздается взрывъ.

Министръ убитъ. Убитъ и кучеръ, и лошади. Блиндированная карета разнесена въ щепы. Бросившій бомбу Егоръ Сазоновъ сбитъ съ ногъ охранникомъ-велосипедистомъ и раненъ взрывомъ.

Сазоновъ, которому было тогда 25 лѣтъ, сынъ богатаго купца, окончилъ Уфимскую гимназію и въ 1901 году былъ исключенъ за безпорядки изъ Московскаго университета. Въ 1902 году онъ былъ привлеченъ къ дознанію за участіе въ революціонной организаціи въ Уфѣ и сосланъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область, откуда скрылся за-границу, гдѣ и вошелъ въ Боевую организацію. За убійство министра онъ былъ сосланъ на каторгу, гдѣ покончилъ самоубійствомъ.

Получивъ телеграмму объ убійствѣ министра, я задержался съ отъѣздомъ. Я повидался съ сотрудниками и убѣдился, что Кіевъ къ убійству не причастенъ. Пославъ телеграмму о томъ въ Департаментъ, я уѣхалъ въ отпускъ. Но не прошло и недѣли, какъ меня вернули съ Волги телеграммой, которая говорила о причастности къ убійству Плеве именно Кіева.

Оставивъ жену, я помчался къ мѣсту службы. Оказалось слѣдующее. Послѣ увольненія Зубатова, въ Департаментѣ полиціи вошелъ въ большую моду прежній сотрудникъ марксистъ, потомъ чиновникъ, Михаилъ Ивановичъ Гуровичъ, изъ евреевъ. Журнальный міръ зналъ его по «Началу». Для конспираціи онъ надѣлъ темныя очки и изъ рыжаго перекрасился въ жгучаго брюнета, что подало поводъ дружившему съ нимъ ротмистру Комисарову спросить его однажды въ гостинницѣ, гдѣ тотъ жилъ: — «А что, Михаилъ Ивановичъ, Вы и голову свою выставляете для чистки ежедневно за дверь съ сапогами?» Они поссорились и долго не разговаривали.

Гуровичъ былъ болтливъ, считалъ себя знатокомъ по всѣмъ соціальнымъ вопросамъ, но опредѣленнаго мнѣнія не имѣлъ ни по одному изъ нихъ. Въ портфелѣ у него всегда было на готовѣ нѣсколько докладовъ на злободневыя темы и за, и противъ. Какого взгляда держится начальство, тотъ докладъ и подается. Такъ говорили. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Валь очень благоволилъ къ нему и считалъ его серьезной величиной.

Вотъ этотъ то Гуровичъ послѣ убійства Плеве принялъ какое то участіе въ розыскѣ около раненаго Сазонова. Онъ слушалъ бредъ Сазонова, сидя около его кровати. Въ бреду онъ разобралъ нѣкое имя и рѣшилъ, что то былъ нѣкій господинъ Х. изъ Кіева. Кіевлянина того арестовали и въ кандалахъ доставили въ столицу. Но вышелъ конфузъ. Кіевлянинъ тотъ, хотя и принималъ участіе въ работѣ, но доказалъ полную невиновность въ дѣлѣ Плеве и былъ освобожденъ. Таково было усердіе Гуровича.

Но въ то время, какъ власти метались, разыскивая главныхъ виновниковъ убійства въ Петербургѣ, главный его организаторъ Азефъ справлялъ свой тріумфъ въ Швейцаріи. Въ день убійства онъ находился въ Варшавѣ, ожидая телеграмму о результатахъ покушенія. Узнавъ про убійство, онъ въ тотъ-же вечеръ выѣхалъ въ Вѣну, откуда и послалъ Ратаеву какую-то пустую телеграмму, устанавливающую, однако, его алиби.

Изъ Вѣны Азефъ проѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ подъ Женевой происходилъ въ то время съѣздъ заграничной организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Азефъ былъ встрѣченъ какъ тріумфаторъ. Сама «бабушка» русской революціи, ругавшая его за-глава «жидовской мордой», поклонилась ему по-русски до земли! Бывшіе же на съѣздѣ эсъ-эры справили убійство Плеве такой попойкой, что дѣло не обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Въ это-же лѣто ушелъ на покой вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кіевскій генералъ-губернаторъ Драгомировъ. Мнѣ его было искренно жаль. При немъ въ городѣ чувствовалась рука, которая, правда, лежала спокойно, но, если, поднявшись, опускалась на кого либо, то давала себя чувствовать. Онъ хорошо относился ко мнѣ. Не разъ во время войны, поздно вечеромъ, у себя въ кабинетѣ, выслушавъ докладъ мой за тарелкой простокваши, онъ дѣлился со мной мыслями. Большія карты висѣли отъ него справа на стѣнѣ.

— «Что Куропаткинъ!» — сказалъ онъ мнѣ однажды ухмыляясь и махнувъ безнадежно рукой, а затѣмъ продолжалъ: — «Есть тамъ на Востокѣ старый солдатъ Линевичъ. Вотъ ему и надо приказать и сдѣлаетъ все, что надо, а этотъ...» и опять тотъ-же краснорѣчивый безнадежный жестъ. «Я уже старый, больной человѣкъ, меня тамъ не слушаютъ... а Вамъ, молодому это надо знать».

Я жадно слушалъ его и мнѣ казалось — вотъ большой, большой человѣкъ.

Когда генералъ уже совсѣмъ больной лежалъ въ кровати, въ комнатѣ около кабинета, онъ принималъ по службѣ только своихъ близкихъ военныхъ и тогда я все-таки удостаивался пріемовъ у кровати. Больной иногда даже шутилъ. Въ тѣ дни я однажды принесъ ему поздравленіе съ Монаршей Милостью. Онъ получилъ Высочайшій рескриптъ и еще какую то большую награду. Растроганный, слабымъ голосомъ, съ перерывами разсказывалъ мнѣ больной, какого вниманія удостоилъ его Государь, и слезы блестѣли на его рѣсницахъ. И то былъ Драгомировъ. . . . .
. . . .

Вечеръ. Поѣздъ съ салонъ-вагономъ Драгомирова готовъ къ отправленію. Больного генерала везутъ въ его имѣніе въ Конотопъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я протискиваюсь черезъ большую толпу провожающихъ у вагона и прошу доложить о желаніи попрощаться. Черезъ минуту меня просятъ въ вагонъ. Въ большомъ креслѣ сидитъ Драгомировъ. Около него жена, генералы, дамы. Я кланяюсь и говорю пожеланія.

— «Ну, батенька, — смѣется генералъ — не удалось намъ съ Вами поработать дольше, такъ расхлебывайте сами теперь, какъ знаете!»

И хорошо, дружелюбно смѣясь, онъ жметъ мнѣ руку и желаетъ успѣха въ работѣ. Я кланяюсь и цѣлую ручки супруги, у которой случалось и мнѣ ѣсть знаменитую гречневую кашу и пироги. Показывала она мнѣ однажды и свою кухню. Было чѣмъ похвастать. Настоящая образцовая войсковая часть. Все блеститъ, какъ золото! А ея поваренная книга, съ знаменитымъ введеніемъ? Недаромъ-же говорили, что введеніе то написано было самимъ генераломъ, настолько оно было характерно и лаконично.

Уже изъ Конотопа получилъ я отъ Драгомирова его фотографію и гордился ею. Драгомировъ — это эпоха въ Кіевѣ и славная страница въ исторіи русской военной силы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. — Курсъ князя Святополкъ-Мирскаго. — „Весна" зимою. — Отношеніе къ веснѣ Кіевскихъ властей. — Порядокъ групповыхъ арестовъ. — Григорій Гапонъ и 9-е Января 1905 года. — Работа Боевой организаціи подъ начальствомъ Азефа. — Подготовка покушенія на генерала Клейгельса. [— Убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича. — Поѣздка въ Петербургъ. — У генерала Трепова. — Возвращеніе въ Кіевъ.

Осенью 1904 года въ Кіевъ пріѣхалъ новый генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Клейгельсъ, занимавшій до того постъ Петербургскаго Градоначальника. Генералъ Клейгельсъ былъ выдающійся градоначальникъ въ смыслѣ полицейскомъ. Онъ любилъ полицейское дѣло, интересовался имъ, умѣлъ подбирать исполнительныхъ офицеровъ и умѣлъ использовать ихъ таланты. Другихъ его качествъ я не касаюсь. Послѣ знаменитыхъ оберъ-полицмейстеровъ Трепова и Грессера, это былъ единственный градоначальникъ, въ которомъ столичная полиція видѣла своего по духу человѣка.

Поводомъ къ его уходу изъ Петербурга послужило слѣдующее. Сынъ его давнишняго пріятеля, блестящій гвардейскій кавалеристъ X. тратилъ большія суммы на очаровывавшую весь кутящій Петербургъ француженку М. Отецъ офицера, обезпокоенный за состояніе своего сына, просилъ Клейгельса помочь ему, и тотъ потребовалъ выѣзда М. изъ Петербурга. Но М. была очень популярна и имѣла хорошихъ защитниковъ. Кавалеристъ пожаловался командиру полка, тотъ доложилъ выше и такъ дошло до командующаго войсками гвардіи Великаго Князя Владиміра Александровича, который вступился за офицера и при первой-же встрѣчѣ съ Клейгельсомъ наговорилъ ему много рѣзкаго и не хорошаго. Престижъ градоначальника былъ подорванъ, оставаться въ Петербургѣ ему было неудобно, и какъ выходъ изъ положенія генералу Клейгельсу было предложено Кіевское генералъ-губернаторство.

Я представился новому генералъ-губернатору еще въ Петербургѣ, будучи тамъ въ первые дни послѣ его назначенія. Это былъ бравый величественный генералъ, цвѣтущаго здоровья, съ бородой по скобелевски. Онъ говорилъ важно и высокопарно и при этомъ часто подбоченивался одной рукой, а другой молодцевато разбрасывалъ бороду-баки. Въ громадномъ Петербургскомъ кабинетѣ, съ массой гипсовыхъ моделей разныхъ монументовъ, онъ былъ великолѣпенъ.

Тогда онъ сразу-же спросилъ меня, знакомъ-ли я съ его «литературными трудами», какъ выразился онъ, и узнавъ, что нѣтъ, предложилъ мнѣ обратиться въ градоначальство. Я обратился, и мнѣ прислали съ десятокъ разнаго формата инструкцій для общей полиціи и большой томъ «Основы полицейской службы». Почти на всѣхъ инструкціяхъ красовалась надпись: «по распоряженію Санктъ-Петербургскаго Градо-

начальника Свиты Его Величества генералъ-маіора Клейгельса, составилъ капитанъ Галле».

Директоръ Лопухинъ тогда же далъ мнѣ о немъ исчерпывающую характеристику, и я вспомнилъ лишній разъ, что и на солнцѣ бываютъ пятна.

Новый генералъ-губернаторъ своими широкими взглядами и сдержанными поступками какъ бы старался заставить забыть, что онъ служилъ раньше по полиціи, и показывалъ себя просвѣщеннымъ администраторомъ. Онъ очень внимательно занимался разрѣшеніями на покупку земель въ краѣ и давалъ ихъ на великолѣпной бумагѣ. Весь полъ, диваны, кресла его обширнаго кіевскаго кабинета бывали иногда покрыты этими аккуратно разложенными разрѣшеніями. То подсыхала свѣжая подпись генералъ-губернатора, дабы сохранился блескъ чернилъ.

Конкретныхъ указаній генералъ Клейгельсъ вообще не любилъ давать и предоставлялъ каждому широту дѣйствій. Такъ однажды, когда я согласно его приказанія, протелефонировалъ ему около 11 часовъ вечера, что на банкетномъ обѣдѣ судебнаго вѣдомства произносятся рѣчи о конституціи, генералъ, выслушавъ меня, сказалъ внушительно: «Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно; завтра Вы доложите мнѣ подробно» — и повѣсилъ трубку. Я подумалъ, подумалъ и легъ спать.

Генералъ Клейгельсъ не жаловалъ нашего губернатора П. С. Саввича. Послѣдній былъ очень хорошій и здравый человѣкъ, честный службистъ, разумно понимавшій свою роль и положеніе. Ихъ взгляды не сходились. Дошло до того, что при безпорядкахъ, когда требовалось иногда получить категорическія указанія генералъ-губернатора, генералъ Саввичъ бралъ меня съ собою. При третьемъ разговаривать оказывалось удобнѣе.

При подобныхъ взаимоотношеніяхъ высшаго мѣстнаго начальства мое положеніе было довольно щекотливо. Но къ намъ генералъ-губернаторъ относился хорошо, хотя его отношенія съ нашимъ начальникомъ А. А. Лопухинымъ были не важны. Онъ вообще не ладилъ съ министерствомъ юстиціи еще съ Петербурга, а Лопухинъ вышелъ изъ него.

Съ новымъ начальствомъ у насъ совпала и новая полоса во внутренней политикѣ въ Россіи. Убійство Плеве, въ которомъ широкіе и бюрократическіе круги общества, и ближайшіе сотрудники убитаго министра видѣли главное препятствіе къ широкимъ реформамъ, нужда въ коихъ назрѣла до очевидности, было встрѣчена не только дикою радостью революціонныхъ партій, но и нескрывавшимся сочувствіемъ всей оппозиціи. Государь, склонный уже въ то время къ измѣненію курса внутренней политики, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго.

Человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, милый и воспитанный, какъ говорили про него поляки въ Вильнѣ — «бардзо цивилизованный члóвѣкъ», — князь Святополкъ-Мирскій по уму и по характеру совершенно не былъ пригоденъ къ должности,на которую онъ былъ призванъ. Либералъ по мышленію, онъ, вступивъ въ половинѣ Сентября мѣсяца въ должность, измѣнилъ съ Высочайшаго одобренія курсъ внутренней политики въ сторону либерализма, заявивъ на всю Россію, что отнынѣ таковая будетъ базироваться на довѣріи власти къ обществу. Была объявлена политическая «весна».

Это измѣненіе политики дало возможность развиться широкому общественному противоправительственному движенію, которое слилось затѣмъ съ революціоннымъ.

Образовавшійся еще осенью 1903 года и окончательно сорганизовавшійся въ Январѣ 1904 года тайный «Союзъ Освобожденія», въ который входили представители профессіональной и разночинной интеллигенціи и лѣвое крыло земцевъ конституціо-

налистовъ, призналъ наступившій моментъ удобнымъ для открытія дружной кампаніи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ въ цѣляхъ сверженія самодержавія.

Въ Сентябрѣ 1904 года въ Парижѣ состоялась «Конференція оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійской Имперіи» съ участіемъ представителей Союза Освобожденія и партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Рѣшено было добиваться уничтоженія самодержавія, причемъ «Формы, методы, средства, тактика оставались своеобразными для каждой партіи». Такъ писала «Революціонная Россія». Не взявъ бомбы въ руки, наши либералы признали ее у своихъ союзниковъ допустимымъ средствомъ борьбы противъ правительства.

Съ этого момента Союзъ Освобожденія руководитъ всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ Россіи, направляетъ дѣйствія земцевъ и всей оппозиціонной интеллигенціи и толкаетъ ихъ опредѣленно на революцію. Оставаясь для правительства въ подпольѣ, онъ проводитъ земскую и судебно-банкетную кампаніи, проводитъ резолюціи о требованіи конституціи, вынесенныя на ноябрьскихъ земскихъ съѣздахъ, разноситъ ихъ широко по Россіи и тѣмъ окончательно поднимаетъ всѣ интеллигентные круги и профессіи. Революціонныя партіи, застигнутыя какъ бы врасплохъ, идутъ поневолѣ за созданнымъ Союзомъ движеніемъ, помогая ему терроромъ, рабочими, крестьянскими и солдатскими безпорядками.

Такъ расцвѣтала объявленная Святополкомъ-Мирскимъ «весна», сперва при осенней слякоти, затѣмъ при заморозкахъ и морозахъ и создала естественный хаосъ. На мѣстахъ все было сбито съ толку, до представителей властей включительно. Даже чины судебнаго вѣдомства, блюстители закона, отклонились отъ него и поддались вѣянію министерской «весны».

Трудно было тогда служить и въ Кіевѣ. У генералъ-губернатора поддержки никакой. Онъ только пышнѣе и звонче сталъ говорить. Кругомъ всѣ бредили свободами, не отдавая себѣ яснаго отчета, чего хотятъ. Только губернаторъ Саввичъ, какъ всегда спокойный и ровный, рѣшилъ не поддаваться никакимъ вѣяніямъ и дѣйствовать строго по закону и по существующимъ циркулярамъ и инструкціямъ, пока они не будутъ отмѣнены или измѣнены формально центральною властью. А министерство, дѣлая революцію сверху, продолжало хранить молчаніе относительно какихъ либо руководящихъ указаній.

Спокоенъ былъ у насъ и прокуроръ палаты, держась существующаго закона, но нѣкоторые маленькіе товарищи прокурора бѣгали какъ угорѣлые. Одинъ все приставалъ ко мнѣ, на какомъ я основаніи дѣлаю то или другое, и такъ надоѣлъ, что однажды я сказалъ ему: «Да, развѣ Вы не знаете, что есть такое учрежденіе въ Кіевѣ на Бульварно-Кудрявской, гдѣ все и всегда дѣлается безъ всякихъ основаній. Если не знаете, то знайте». Онъ обидѣлся, но больше уже не приставалъ.

Но это далеко не было такъ. Прокурорское око смотрѣло зорко, и мы очень считались съ нимъ. Арестъ каждаго лица, даже по охранѣ, долженъ былъ быть обоснованъ серьезно. И если еще арестъ какого либо рабочаго не обращалъ вниманія прокурора, то арестъ интеллигентнаго человѣка и въ частности студента всегда влекъ за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему.

Передъ каждой групповой ликвидаціей я отправлялся къ прокурору палаты и по наглядной схемѣ выяснялъ ему положеніе розыска по данной организаціи, указывалъ сношенія отдѣльныхъ лицъ и выяснялъ сплетеніе наружнаго наблюденія съ агентурой. Я указывалъ дома, гдѣ жили наиболѣе интересные въ смыслѣ революціонномъ люди и гдѣ по нашему предположенію можетъ быть найдено что либо предо-

судительное. Благодаря такому докладу, прокуроръ палаты видѣлъ, что мы разбираемся, а не бросаемся зря хватать праваго и виноватаго.

Самый порядокъ ликвидаціи былъ установленъ слѣдующій. Начальникъ управленія назначалъ офицера, который долженъ былъ начать дознаніе по тѣмъ арестамъ, которые будутъ произведены. Назначался и товарищъ прокурора для наблюденія за будущимъ дознаніемъ. Оба они приходили въ отдѣленіе часовъ въ 11 вечера того дня, когда производилась ликвидація. Отпустивъ наряды на обыски, я разсказывалъ имъ всѣ происходящіе уже обыски и аресты. Когда являлись съ обыска, мы сообща просматривали вещественныя доказательства. Тутъ же дѣлались дополнительныя указанія и всяческія разъясненія. Въ результатѣ, за ночь, и будущій производящій дознаніе, и товарищъ прокурора были введены въ свое дѣло, а на утро, отдѣленіе посылало телеграмму о результатахъ ликвидаціи въ Департаментъ полиціи, а товарищъ прокурора докладывалъ своему начальству. Такъ производились аресты даже «по охранѣ», которые по закону мы могли производить безъ всякаго

10-го или 11-го Января 1905 года, въ Кіевъ вернулся изъ Петербурга генералъ-губернаторъ Клейгельсъ и прямо съ вокзала попросилъ къ себѣ нѣсколькихъ лицъ, губернатора и меня. Всѣ были приглашены занять мѣста за большимъ зеленымъ столомъ въ особой пріемной.

— «Я человѣкъ опредѣленныхъ формъ» — началъ какъ всегда генералъ-губернаторъ и затѣмъ встревоженно важно разсказалъ намъ о происшедшемъ въ Петербургѣ Гапоновскомъ движеніи. Онъ раскритиковалъ Гапона и удивлялся дѣйствію властей. Поговоривъ съ полъ-часа, онъ отпустилъ насъ. Для большинства было не ясно, что въ сущности онъ хотѣлъ и для чего собиралъ насъ, но разгадка была въ томъ, что въ прошломъ Гапонъ былъ до нѣкоторой степени связанъ съ Клейгельсомъ.

Григорій Гапонъ—изъ полтавскихъ малороссовъ, сынъ крестьянина, учился въ семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ 1902 году въ СПБ Духовную Академію.

Нервный, экспансивный, честолюбивый, съ горящими черными глазами аскета, Гапонъ былъ безпокойная мятущаяся натура. Онъ любилъ Царя безотчетно и считалъ, что черезъ него можно достигнуть всего, что только нужно народу. Романтикъ въ душѣ, онъ очень интересовался обездоленными и бѣдными и носился съ разными проектами, какъ улучшить их положеніе.

Еще будучи въ академіи, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ два дѣтскихъ пріюта и скоро выдѣлился своими собесѣдованіями. Онъ посѣщалъ ночлежные дома, петербургскіе притоны, рабочіе кварталы и любилъ, и умѣлъ разговаривать съ ихъ обитателями. Ряса священника, своебразная рѣчь и задушевный тонъ помогали ему. Скоро незаурядный священникъ-провинціалъ заинтересовалъ собою и академическое начальство, и нѣкоторые салоны петербургскаго аристократическаго общества. Онъ началъ входить въ моду. Открылись для него и двери гостиной статсъ-дамы Ея Величества Е. Н. Нарышкиной. По ея проникнутымъ любовью къ царской семьѣ теплымъ разсказамъ про Государя и его доброту и любовь къ народу, про его дивную семейную жизнь, Гапонъ уже болѣе сознательно началъ любить Государя и проникаться вѣрою, что при немъ рабочій людъ дѣйствительно можетъ добиться всего, что нужно ему для его благополучія. Фантазія Гапона направлялась въ сторону широкихъ соціальныхъ реформъ.

Будучи на второмъ курсѣ академіи, онъ разработалъ проектъ о кооперативѣ безработныхъ и о предоставленіи имъ подрядовъ общественныхъ работъ, о рефор-

мѣ рабочихъ домовъ, о земледѣльческихъ исправительныхъ колоніяхъ для дѣтей и подалъ свои проекты генералу Клейгельсу и причастнымъ къ дѣламъ пріютовъ генералъ-адъютанту Максимовичу и Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріи Танѣеву, и былъ обнадеженъ однимъ изъ нихъ, что его проекты будутъ разсматриваться подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы Александры Феодоровны. Голова полтавскаго малоросса шла кругомъ.

На четвертомъ курсѣ Гапона уволили изъ академіи изъ-за какого то недоразумѣнія, но затѣмъ вновь приняли не безъ протекціи со стороны охраннаго отдѣленія, которое уже знало тогда Гапона и покровительствовало его работѣ среди бѣднаго люда, находя его собесѣдованія полезными.

Весною 1903 года Гапонъ окончилъ академію и, привлеченный Зубатовымъ къ работѣ въ основанномъ послѣднимъ Обществѣ Рабочихъ, съ жаромъ отдался новой организаціонной дѣятельности. Но онъ, однако, не во всемъ сходился съ Зубатовымъ. Онъ былъ противъ полицейской опеки надъ движеніемъ и стоялъ за его большую самостоятельность, но это не мѣшало, однако, ему быть съ Зубатовымъ и съ Мѣдниковымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, бывать часто у нихъ на Преображенской улицѣ и принимать отъ Зубатова денежную помощь.

Послѣ увольненія Зубатова, Гапонъ сталъ какъ бы оффиціально во главѣ Петербургской легализаціи. Къ концу 1903 года въ Петербургѣ существовало уже 17 отдѣловъ на разныхъ окраинахъ столицы. Въ отдѣлахъ происходили собесѣдованія и чтенія, начинавшіяся обычно молебствіемъ. На поддержку отдѣловъ Гапонъ получалъ иногда деньги и отъ Департамента полиціи, и отъ градоначальника Клейгельса. Къ этому времени Гапонъ былъ назначенъ священникомъ въ центральную тюрьму.

Съ назначеніемъ градоначальникомъ генерала Фуллона, движеніе разрастается еще шире, начинаютъ устраиваться уже общія собранія для рабочихъ и ихъ семей, даже съ танцами, и это движеніе уже перестаетъ удовлетворять Гапона. Ему мало Петербурга, ему хочется перебросить его и на другіе города. Его взоры обращаются на Москву и Малороссію.

Гапонъ поѣхалъ какъ то въ Москву и выступилъ тамъ на одномъ изъ рабочихъ собраній и началъ критиковать московскія организаціи, выставляя въ замѣнъ ихъ свои. Дошло до градоначальника Трепова. Тотъ приказалъ арестовать Гапона и выслать въ Петербургъ, министру же Плеве отъ Великаго Князя было послано письмо, съ указаніемъ, чтобы Гапонъ больше въ Москву не являлся. Плеве извинился, и Гапону было указано, что онъ можетъ работать только въ Петербургѣ. Пытался Гапонъ работать и по провинціи, былъ онъ съ этой цѣлью въ Харьковѣ, а зимой 1904 года пріѣхалъ и къ намъ въ Кіевъ и заявился прямо ко мнѣ. Встрѣтились мы какъ старые знакомые. Сказавши, что дѣйствуетъ по полномочію директора Лопухина, Гапонъ разъяснилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ просить Клейгельса разрѣшить ему начать въ Кіевѣ организацію рабочихъ на подобіе Петербурга и, прежде чѣмъ быть у него, заѣхалъ переговорить со мною и просить поддержки. Мы переговорили, причемъ я разъяснилъ, что все зависитъ отъ генералъ-губернатора, въ душѣ же я считалъ, что время для легализаціи у насъ совсѣмъ не подходящее и что всѣ усилія надо направлять лишь на борьбу съ разрастающейся революціей. Исходя изъ этого положенія, я тотчасъ же послѣ ухода Гапона поспѣшилъ къ генералу Клейгельсу, доложилъ ему о пріѣздѣ Гапона и высказалъ свой взглядъ на полную непріемлемость для Кіева его проекта! Клейгельсъ обѣщался отклонить просьбу Гапона, но я не очень довѣрялъ его обѣщаніямъ и потому поѣхалъ еще и къ губернатору и нашелъ у него горячую поддержку. Онъ обѣщалъ мнѣ воспротивиться какой бы то ни было легализаціи.

Однако, обезпокоенный тѣмъ, что я продѣлалъ все это вопреки желанію директора, на котораго сослался Гапонъ, я срочно выѣхалъ въ Петербургъ и подробно доложилъ обо всемъ Лопухину. Послѣдній возмутился нахальствомъ и ложью Гапона. Онъ позвонилъ секретаря и приказалъ принести дѣло о Гапонѣ и разсказалъ мнѣ его инцидентъ въ Москвѣ, объяснилъ, въ какія онъ взятъ рамки въ Петербургѣ, и показалъ нѣкоторые документы изъ дѣла, а въ томъ числѣ и письмо Великаго Князя и резолюцію Плеве. Директоръ нашелъ мои дѣйствія правильными.

Но разрѣшивъ Гапону широко работать въ Петербургѣ, власти какъ бы забыли, что тамъ не было человѣка, который бы присматривалъ за нимъ, руководилъ бы имъ, держалъ бы все движеніе въ рукахъ, какъ то дѣлалъ Зубатовъ. Формально это какъ бы лежало на генералѣ Фулонѣ.

Между тѣмъ Гаппоновскія организаціи увеличивались числомъ и, къ концу 1904 года, созданое имъ движеніе по рабочимъ кварталамъ Петербурга приняло невиданные размѣры. Число сорганизованныхъ рабочихъ доходило до двадцати тысячъ. Ничего подобнаго въ Петербургѣ никогда еще не бывало. Настроеніе ихъ повсюду было настолько лойальное, что при открытіи Коломенскаго отдѣла, на которомъ присутствовалъ и градоначальникъ Фулонъ, многіе рабочіе, приложившись послѣ молебна къ кресту, цѣловали затѣмъ руку градоначальника и просили его сняться съ ними на общей фотографіи.

Въ самомъ концѣ года на Путиловскомъ заводѣ, изъ за увольненія нѣсколькихъ рабочихъ со службы, вспыхнула забастовка, перебросившаяся затѣмъ на всѣ заводы. Гапоновскіе рабочіе приняли въ ней горячее участіе. Самъ Гапонъ съ сердцемъ схватился за своихъ рабочихъ и, не видя нигдѣ помощи и поддержки для бѣдняка въ его борьбѣ съ богатымъ, въ своемъ врожденномъ романтизмѣ обратился къ столь сродному душѣ простолюдина средству — бить челомъ Царю. И Гапонъ бросилъ въ массу мысль идти всѣмъ народомъ съ челобитной къ Государю и просить Его о своихъ нуждахъ. Мысль эта съ восторгомъ была подхвачена рабочими, понравилась она и Фулону, но лишь скользнула по немъ.

У честолюбиваго же романтика Гапона кружилась голова. Онъ ведетъ народъ къ Царю и находитъ у него защиту. Рабочіе не ошиблись, они добились высшей справедливости и добились ея отъ Царя-Батюшки. Царь поднятъ въ глазахъ народа на недосягаемую высоту, и все это сдѣлалъ онъ — вышедшій изъ народа же Гапонъ! Роль красивая, великая, и Гапонъ кипѣлъ въ агитаціи. Среди рабочихъ царило необыкновенное воодушевленіе. Все горѣло желаніемъ: къ Царю, къ Царю!

На окраинахъ были расклеены о томъ воззванія, ихъ никто не срывалъ, про нихъ знала полиція, и весьма естественно, что они считались разрѣшенными.

Среди этого, охватившаго всѣхъ экстаза, представители работавшихъ въ Петербургѣ революціонныхъ организацій заинтересовались невиданнымъ еще явленіемъ и вмѣшались въ движеніе. Главнымъ образомъ то были соціалъ-демократы. Они скоро сумѣли поддѣлаться подъ лозунги рабочихъ, которые сперва не хотѣли имѣть ничего общаго съ ними, и скоро стали какъ бы руководить рабочими. Отдѣльные революціонеры стали дѣйствовать на Гапона. Энергично работалъ около него соціалистъ-революціонеръ Рутенбергъ и представители эсъ-дэковской центральной группы. Его агитировали на революцію. Онъ вождь народный, но ему не достаетъ правильныхъ революціонныхъ лозунговъ; его программа не идейна, не обоснована. Пріими онъ революціонные тезисы — онъ сдѣлаетъ большое народное дѣло, онъ войдетъ въ исторію.

Экзальтированный, ускользнувшій уже отъ опеки градоначальства, Гапонъ увлекается еще болѣе своей случайной ролью, теряетъ равновѣсіе и рѣзко поддается влѣ-

во. Подстрекаемый революціонерами, онъ какъ бы забываетъ своихъ покровителей изъ администраціи. Онъ сначала уклоняется отъ нихъ, а затѣмъ прячется. Первоначальная мысль о просьбѣ къ Царю извращается у него въ мысль о требованіи; возможное неисполненіе просьбы подаетъ сумбурную, подсказанную революціонерами же мысль о какомъ то бунтѣ.

— «Я выйду на площадь, — говоритъ Гапонъ, — если царь принялъ нашу просьбу, махну бѣлымъ платкомъ, если же нѣтъ, махну краснымъ платкомъ и начнется народный бунтъ».

Какой бунтъ? Кто же подготовленъ къ нему? Съ чѣмъ будутъ бунтовать — съ голыми руками? Никто не могъ бы тогда толкомъ отвѣтить на эти вопросы и менѣе всего Гапонъ, но о бунтѣ говорилось.

Увлекшись окончательно своею ролью, окончательно сбитый съ толку и толкаемый господами Рутенбергами и К° на безумный, но столь нужный для ихъ революціоннаго успѣха поступокъ, Гапонъ начинаетъ дѣйствовать какъ заправскій революціонеръ и при томъ революціонеръ-провокаторъ.

Онъ участвуетъ со своими ближайшими учениками въ совѣщаніяхъ съ соціалъ-демократами и принимаетъ ихъ тезисы для петиціи. Поднявъ рабочую массу вѣрою въ Царя и въ его справедливость на челобитную, онъ потихоньку отъ рабочихъ, по сговору съ революціонерами, рѣшаетъ вести ихъ къ Царю, но не съ той челобитною, про которую думаютъ рабочіе, а съ требованіями во имя революціи. Онъ, зная представителей власти и самъ состоя на правительственной службѣ, понимаетъ хорошо, что этого шествія десятковъ тысячъ рабочихъ власти не допустятъ. Онъ зналъ это и все таки рѣшилъ, что поведетъ рабочихъ. Онъ поведетъ ихъ съ цѣлью вызвать столкновеніе съ властью, съ полиціей, съ войсками и тѣмъ дискредитируетъ въ глазахъ наивнаго люда Царя, возбудитъ противъ Царя рабочихъ. Таковъ былъ по истинѣ дьявольскій и предательскій планъ, выработанный революціонными дѣятелями и воспринятый Гапономъ. Гапонъ поддался революціонному психозу.

8-го Января Гапонъ явился къ министру юстиціи Муравьеву для переговоровъ о завтрашнемъ днѣ и для передачи єму заготовленной петиціи, но Муравьевъ уклонился отъ обсужденія вопроса по существу и направилъ Гапона къ князю Святополкъ-Мирскому.

Князь Мирскій не принялъ его совсѣмъ и, какъ объяснилъ послѣ одному изъ своихъ подчиненныхъ, не принялъ потому, что не умѣетъ разговаривать «съ ними». Министръ приказалъ направить его къ директору Департамента полиціи Лопухину, но Гапонъ отказался идти къ послѣднему, заявивъ, что онъ боится говорить съ нимъ и что онъ будетъ теперь дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Когда Лопухинъ узналъ отъ Мирскаго, что послѣдній уклонился принять Гапона, онъ понялъ, какую громадную ошибку сдѣлалъ министръ и предпринялъ шаги, чтобы исправить ее. Онъ обратился къ митрополиту, думая черезъ него раздобыть Гапона и поговорить съ нимъ, но Гапонъ не пошелъ на призывы митрополита. Онъ, только что искавшій случая переговорить съ представителями власти, теперь упорно уклоняется отъ нихъ. Все это было очень двойственно и неясно. Гапонъ, какъ зарвавшійся азартный игрокъ, шелъ, что называется, очертя голову.

Была еще одна сила, принимавшая какое то не совсѣмъ ясное, какъ будто бы покровительствовавшее Гапону участіе въ подготовкѣ событій 9-го Января — это, такъ называемая, Петербургская общественность, группировавшаяся около вольно-экономическаго общества и имѣвшая сношенія съ Гапономъ. Эта общественность выбрала въ концѣ концовъ изъ своей среды депутацію изъ девяти человѣкъ (Н. Анненскій, К. Арсеньевъ, Е. Кедринъ, Н. Карѣевъ, І. Гессенъ, М. Горькій, Мякотинъ, Се-

мевскій и А. Пѣшехоновъ), которые съ рабочимъ Кузинымъ и посѣтили 8-го числа предсѣдателя Комитета министровъ Витте и просили его «принять мѣры, чтобы Государь явился къ рабочимъ и принялъ ихъ петицію, иначе произойдутъ кровопролитія». (Записки Витте, Томъ II; стр. 308). Но Витте уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло и ограничился тѣмъ, что только протелефонировалъ о томъ князю Мирскому. Депутація пыталась повидать князя Мирскаго, но ее не приняли и направили къ товарищу министра Рыдзевскому, который ничего существеннаго имъ не сказалъ. Такъ и кончилось ихъ хожденіе по администраціи ни въ чью. Попытокъ же повліять на Гапона и на приладившихся къ нему соціалистовъ, въ смыслѣ отмѣны шествія, эта группа не дѣлала.

Что же думали всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ и градоначальникъ? Какъ эти два почтенныхъ генерала, носившіе вензеля Государя на погонахъ, прозѣвали столь лестное для престижа Монарха народное движеніе, какъ выпустили его изъ своихъ рукъ и дали провести себя кучкѣ авантюристовъ?

На несчастье Россіи ни одинъ изъ нихъ не понималъ совершавшагося на глазахъ движенія. Не использовавъ Гапона въ тѣ дни, когда онъ дѣйствовалъ еще лишь какъ увлекающійся ролью вождя священникъ, они, узнавъ объ его уклоненіи влѣво и о принятіи имъ революціонныхъ тезисовъ, они — представители «сильной» власти, совершенно растерялись и окрасили мысленно революціонизмомъ всѣ поднятыя Гапономъ массы. А окрестивъ ихъ огуломъ революціонерами и бунтовщиками, они и средства противъ нихъ избрали соотвѣтствующія. За десятками подлинныхъ революціонеровъ, власти проглядѣли десятки тысячъ вѣрноподданныхъ рабочихъ.

Наступилъ скверный, нехорошій вечеръ 8-го Января. Въ городѣ была полная тьма — результатъ всеобщей забастовки. Чувствовалось что то жуткое и тревожное.

Въ 8½ часовъ вечера министръ внутреннихъ дѣлъ собралъ у себя совѣщаніе, на которое пригласилъ: министра финансовъ Коковцева, министра юстиціи Муравьева, своихъ товарищей Дурново и Рыдзевскаго, Тимирязева, начальника штаба войскъ гвардіи Мешетича. Присутствовалъ также, не принимая участія въ совѣщаніи, директоръ Департамента полиціи Лопухинъ.

Князь Святополкъ-Мирскій въ немногихъ словахъ посвятилъ присутствующихъ въ происходящія событія. Градоначальникъ Фулонъ доказывалъ невозможность допустить рабочихъ до Зимняго Дворца, причемъ напомнилъ Ходынскую катастрофу. Товарищъ министра Дурново поднялъ было вопросъ о томъ, извѣстно ли властямъ, что рабочіе вооружены, но этотъ весьма важный по существу вопросъ, даже самый кардинальный вопросъ, лишь скользнулъ по собранію и какъ то затушевался. Растерявшійся градоначальникъ ничего толкомъ не зналъ и ничего разъяснить не могъ. Было рѣшено, наконецъ: рабочихъ ко дворцу не допускать, при неповиновеніи дѣйствовать оружіемъ, Гапона же арестовать. На послѣднее постановленіе Фулонъ отвѣтилъ, что едва ли это представится возможнымъ сдѣлать. Онъ зналъ, что говорилъ: онъ за нѣсколько дней передъ этимъ далъ Гапону свое «солдатское» слово, что онъ его не арестуетъ, и генералъ Фулонъ сдержалъ свое слово, хотя и вопреки приказанію своего высшаго начальника министра внутреннихъ дѣлъ. Фактъ вопіющій!

Послѣ совѣщанія министръ внутреннихъ дѣлъ поѣхалъ съ докладомъ къ Его Величеству, пригласивъ съ собою и директора деп. пол. Лопухина для доклада Государю на случай, если бы возникъ вопросъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. Министръ не считалъ себя достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ. Вопросъ этотъ однако не возбуждался.

Вотъ что записалъ послѣ этого доклада Государь въ своемъ дневникѣ:

«Со вчерашняго дня въ Петербургѣ забастовали всѣ заводы и фабрики. Изъ окрестностей вызваны войска для усиленія гарнизона. Рабочіе до сихъ поръ вели себя спокойно. Количество ихъ опредѣляется въ сто двадцать тысячъ. Во главѣ союза какой то священникъ соціалистъ Гапонъ. Мирскій пріѣзжалъ вечеромъ съ докладомъ о принятыхъ мѣрахъ».

Очевидно, Государю не доложили правды, надо полагать потому, что и самъ министръ не уяснилъ ее себѣ, не зналъ ея.

Съ утра 9-го Января со всѣхъ окраинъ города двинулись къ Зимнему Дворцу толпы рабочихъ, предшествуемыя хоругвями, иконами и царскими портретами, а между ними шли агитаторы съ револьверами и кое-гдѣ съ красными флагами. Самъ Гапонъ, имѣя сбоку Рутенберга, велъ толпу изъ за Нарвской заставы. Поютъ «Спаси Господи люди твоя... побѣды благовѣрному Императору»... Впереди приставъ расчищаетъ путь крестному ходу.

Войска встрѣтили рабочія толпы залпами и разогнали ихъ. Были убитые и раненые. Гапонъ былъ спасенъ Рутенбергомъ, спрятанъ у Максима Горькаго и затѣмъ переправленъ за-границу. Рабочая масса негодовала на правительство и на Царя. Во всѣхъ кругахъ общества недовольство, недоумѣніе и возмущеніе. Происшедшее было настолько непонятно, что объясненіемъ его въ глазахъ враждебно настроенной къ правительству публики была только — провокація. Но чья? Ну, конечно, со стороны правительства. И волна негодованія прокатилась повсюду, по всей Россіи. То тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ забастовки, сыплются протесты. Поднялась какъ бы вся страна.

Изъ за границы же шли полныя огня прокламаціи. Руководители Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, петербургскіе товарищи которыхъ сдѣлали все возможное, чтобы спровоцировать 9-е Января, выпустили прокламацію съ призывомъ къ борьбѣ, въ которой писали, между прочимъ, что 9-го Января:

— «Гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря»: ....; что въ тотъ день — «офицеры хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа». Они гордо заявляли, что: — «На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы Россійскій пролетаріатъ». Имена Плеханова, П. Аксельрода, Н. Второва, Вѣры Засуличъ и Л. Дейча блистали подъ этими перлами революціоннаго краснорѣчія.

Лидеръ же нашихъ либераловъ П. Струве разразился въ «Освобожденіи» статьей, направленной противъ Государя и озаглавленной «Палачъ народа».

«Царь Николай — позволилъ написать себѣ неосвѣдомленный господинъ Струве — сталъ открыто врагомъ и палачомъ народа... Сегодня у Русскаго освободительнаго движенія должны быть единое тѣло и единъ духъ, одна двуединая мысль: возмездіе и свобода во что бы то ни стало... Ни о чемъ другомъ кромѣ возмездія и свободы ни думать, ни писать нельзя. Возмездіемъ мы освободимся, свободою мы отомстимъ»...

Такъ совершилось величайшее по своей трагичности и послѣдствіямъ событіе, прозванное революціонерами «Кровавымъ воскресеньемъ». Провокація революціонныхъ дѣятелей и Гапона, глупость и бездѣйствіе подлежащихъ властей и вѣра народная въ Царя — были тому причиною.

То было Воскресенье, убившее въ Петербургскихъ рабочихъ эту вѣру, давшее противъ Государя жгучій, обидный осадокъ обманутой, разбитой надежды. Печальная, грустная, позорная для правительства, запачканная провокаторствомъ революціонныхъ партій, страница Русской исторіи послѣдняго царствованія.

Государь Императоръ уволилъ отъ должности министра Святополкъ-Мирскаго, уволилъ и градоначальника Фулона и для объединенія дѣйствія властей назначилъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ генерала Трепова, ушедшаго незадолго передъ тѣмъ по собственному желанію изъ Москвы послѣ ухода съ поста Московскаго генералъ-губернатора В. К. Сергѣя Александровича.

И то, что не пришло своевременно въ голову общепризнанному за гуманнаго и либеральнаго князю Святополкъ-Мирскому, ясно предстало новому генералъ-губернатору, котораго политическіе враги называли всякими нелестными эпитетами.

Именно ему, генералу Трепову, принадлежала иниціатива представить Его Величеству депутацію отъ Петербургскихъ рабочихъ разныхъ фабрикъ и заводовъ. Выслушавъ мысль Трепова, Государь посовѣтовался съ министромъ финансовъ Коковцевымъ, который высказался по этому поводу утвердительно, прибавивъ, что, по его мнѣнію, чѣмъ больше народу видитъ Государь и чѣмъ больше и чаще говоритъ онъ съ его представителями, тѣмъ лучше.

И вотъ 19-го Января, въ Царскосельскомъ Дворцѣ, Государь принялъ депутацію Петербургскихъ рабочихъ. Государь внимательно выслушивалъ пожеланія рабочихъ и говорилъ съ ними удивительно просто. Когда державшій отъ рабочихъ рѣчь высказалъ желаніе, чтобы хозяева дѣлились съ ними частью прибыли, Государь разъяснилъ имъ, что приказать этого онъ не можетъ, какъ не можетъ приказать и рабочимъ брать меньшую заработную плату; не можетъ приказать работать или не работать и т. д. Что это дѣло частнаго соглашенія двухъ сторонъ. Рабочіе согласились съ доводами Государя, высказали Государю, что они понимаютъ это хорошо. Вся бесѣда была проникнута довѣріемъ со стороны рабочихъ и необыкновенно чарующей простотою и добротою со стороны Государя.

Государь сказалъ между прочимъ рабочимъ:

— «Знаю, что не легка жизнь рабочихъ, многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мнѣ о своихъ нуждахъ преступно... Я вѣрю въ честное чувство рабочихъ людей и непоколебимую преданность ихъ мнѣ и потому прощаю ихъ вину имъ».

Но къ сожалѣнію это все было уже поздно. Если бы тотъ пріемъ представители власти испросили у Его Величества десятью днями раньше!..

Въ охватившей послѣ 9-го Января всю страну революціонной горячкѣ то тамъ, то здѣсь совершались террористическіе акты противъ представителей власти. Стрѣляли члены разныхъ революціонныхъ партій. Говорили и у насъ въ Кіевѣ, что надо бы подстрѣлить кого нибудь, надо бы бросить куда либо бомбу. Чаще всего называли имя барона Штакельберга. Получилъ я, наконецъ, совершенно опредѣленныя свѣдѣнія отъ одного изъ сотрудниковъ, что у насъ готовится покушеніе на генерала Клейгельса, что изъ за границы нашему комитету предложили заняться именно этимъ вопросомъ. То было дѣло рукъ Азефа.

Послѣ убійства Плеве, въ Женевѣ, подъ предсѣдательствомъ Азефа, окончательно сконструировалась Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Былъ выработанъ ея уставъ, Азефъ былъ назначенъ ея главою или членомъ распорядителемъ, а Савинковъ его помощникомъ. Они же двое и Швейцеръ составили верховный органъ организаціи или ея комитетъ.

На состоявшемся затѣмъ въ Парижѣ совѣщаніи этого комитета, было рѣшено организовать убійства: В. К. Сергѣя Александровича въ Москвѣ, В. К. Владиміра Александровича въ Петербургѣ и нашего генералъ-губернатора Клейгельса. Первое дѣло поручили Савинкову, второе Швейцеру, а Кіевское нѣкоему Барышанскому.

Пріѣхавъ въ концѣ 1904 года въ Кіевъ, Барышанскій и началъ постепенно подготовлять порученное ему дѣло и, такъ какъ онъ обратился по поводу его къ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, то дошло это и до меня. Надо было разстроить предпріятіе и уберечь генералъ-губернатора. Начали дѣйствовать. Въ комитетъ была брошена мысль, что убійство генерала Клейгельса явится абсурдомъ. Поведеніе генералъ-губернатора въ Кіевѣ не подаетъ никакого повода къ такому выступленію противъ него. Приводились доказательства. Эта контръ-агитація была пущена и въ комитетъ и на тѣхъ, кого Барышанскій могъ привлечь въ качествѣ исполнителей.

Въ то же время мы приняли мѣры наружной охраны генералъ-губернатора. Наше наблюденіе установило, что съ Печерска за генераломъ ведется прослѣдка двумя рабочими. Прослѣдку эту мы демонстративно спугнули, показавъ тѣмъ усиленную охрану генералъ-губернатора.

Все это я донесъ Департаменту полиціи и сообщилъ ему, что если только въ подготовкѣ покушенія будетъ участвовать мѣстная организація, то я гарантирую его предупрежденіе, если-же за осуществленіе возьмется центръ и будетъ дѣйствовать безъ участія мѣстныхъ силъ, то тогда моя агентура окажется въ сторонѣ и покушеніе можетъ легко совершится. Въ послѣднемъ случаѣ мѣрой предупрежденія можетъ служить лишь учрежденіе личной охраны генералъ-губернатора, на которую у отдѣленія нѣтъ кредита.

Я просилъ объ отпускѣ необходимыхъ денегъ, но Департаментъ полиціи отнесся къ моему докладу отрицательно, въ средствахъ на охрану отказалъ и порекомендовалъ лишь усилить агентурное освѣщеніе, разъяснивъ, что въ немъ вся сила. Господинъ Макаровъ вторично открылъ Америку. Но на наше счастье, Барышанскій дѣйствовалъ очень неосторожно. Какъ уже было сказано, онъ обратился къ мѣстнымъ силамъ и наша агитація противъ убійства и филерство на Печерскѣ сдѣлали свое дѣло. Тѣ, кого подговаривалъ Барышанскій, не согласились идти на убійство, отказался отъ него и самъ Барышанскій. У насъ планъ Азефа потерпѣлъ неудачу.

Иначе сложилось дѣло въ Москвѣ, куда для организаціи покушенія на Великаго Князя былъ посланъ Савинковъ. Во избѣжаніе провала Савинковъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, помимо мѣстной организаціи и тѣмъ спасся отъ сотрудниковъ охраннаго отдѣленія. Но кое что, благодаря первымъ шагамъ Савинкова и благодаря его переговорамъ съ однимъ изъ представителей мѣстнаго комитета партіи, а также и съ однимъ изъ либераловъ, дошло до отдѣленія, и оно, предугадывая покушеніе, просило черезъ градоначальника Трепова у Департамента полиціи отпустить кредитъ на спеціальную охрану Великаго Князя. Департаментъ отказалъ. Тогда въ Москвѣ произошло то, чего мы боялись въ Кіевѣ. Работая самостоятельно, Савинковъ сумѣлъ подготовить покушеніе, и Великій князь былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ числѣ боевиковъ, входившихъ въ составъ отряда Савинкова былъ и его товарищъ по гимназіи, сынъ околоточнаго надзирателя, исключенный за безпорядки изъ Петербургскаго университета, И. Каляевъ, 28 лѣтъ. Высланный въ 1899 году въ Екатеринославъ, Каляевъ вступилъ тамъ въ соціалъ-демократическую организацію и послѣ безпорядковъ 1901 года намѣревался убить губернатора графа Келлера, но почему-то своего намѣренія не выполнилъ. Въ 1902 году онъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ по его собственнымъ словамъ онъ окончательно «опредѣлился» какъ террористъ. Лѣ-

томъ того-же года, онъ былъ арестованъ на границѣ съ транспортомъ нелегальной литературы, сидѣлъ въ Варшавской крѣпости и былъ высланъ въ Ярославль, откуда осенью 1903 года пробрался за-границу, гдѣ благодаря Савинкову и вступилъ въ Боевую организацію. Въ Москвѣ онъ былъ предназначенъ какъ одинъ изъ бомбометателей.

4-го февраля В. К. Сергѣй Александровичъ, не желавшій, несмотря на неоднократныя просьбы приближенныхъ къ нему лицъ, мѣнять часы и маршруты своихъ выѣздовъ, выѣхалъ въ каретѣ, какъ всегда, въ 2 часа 30 минутъ изъ Николаевскаго въ Кремлѣ дворца по направленію къ Никольскимъ воротамъ. Карета не доѣхала шаговъ 65-ти до воротъ, когда ее встрѣтилъ Каляевъ, получившій незадолго передъ тѣмъ отъ Савинкова бомбу, которую изготовила Дора Бриллiантъ. Каляевъ былъ одѣтъ въ поддевку, былъ въ барашковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ и несъ бомбу узелкомъ въ платкѣ.

Давъ каретѣ приблизиться, Каляевъ съ разбѣгу бросилъ въ нее бомбу. Великій князь былъ разорванъ, кучеръ смертельно раненъ, Каляевъ-же раненъ и арестованъ.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, оставшаяся во Дворцѣ, услышавъ взрывъ воскликнула: — «Это Сергѣй» — и въ чемъ была, бросилась на площадь. Добѣжавъ до мѣста взрыва, она, рыдая, пала на колѣни и стала собирать окровавленные останки мужа....

Въ это время Каляева везли въ тюрьму, и онъ кричалъ: — «Долой царя, долой правительство», Савинковъ — съ Дорой Бриллiантъ спѣшили въ Кремль, убѣдиться въ успѣхѣ своего предпріятія, душа же всего дѣла Азефъ гдѣ-то злостно смѣялся надъ своимъ начальствомъ, составляя ему новое краснорѣчивое донесеніе.

Въ день этого убійства я былъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ для объясненій съ завѣдующимъ Особымъ отдѣломъ Макаровымъ. Онъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе полнымъ непониманіемъ розыска и равнодушіемъ къ мѣстнымъ нуждамъ. Онъ бросилъ мнѣ между прочимъ упрекъ, что у насъ мало раскрыто нелегальныхъ типографій. Я отвѣтилъ, что тѣ типографіи, которыя работали, мы арестовали, сами-же мы ихъ не ставимъ, а потому и не можемъ арестовывать по двадцати типографій въ годъ. Я намекалъ на одинъ изъ городовъ, гдѣ было арестовано очень много типографій, что ставилось намъ въ примѣръ и надъ чѣмъ мы подсмѣивались.

Настроенный Марковымъ, недоволенъ былъ мною и директоръ и между прочимъ на то, что у насъ въ Кіевѣ пряталась будто-бы тогда не разъ упоминавшаяся уже Марія Селюкъ. Я увѣрялъ, что ея нѣтъ у насъ въ Кіевѣ, и случай поддержалъ меня. На второй или третій день послѣ этого разговора, Лопухинъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ самой Селюкъ, которая писала ему, что ей надоѣли преслѣдованія филеровъ, сопровождавшихъ ее всюду, куда-бы она ни пошла. И даже, когда она моется въ банѣ, филеръ наблюдаетъ за ней съ полки. А потому она сообщаетъ свой адресъ и проситъ ее арестовать. Письмо было настолько странное, что его приняли за шутку, но все таки послали нарядъ по указанному адресу и дѣйствительно нашли Селюкъ. Оказалось, что она заболѣла маніей преслѣдованія. По разсмотрѣнію у нея визъ на паспортѣ, убѣдились, что она въ тотъ періодъ въ Кіевѣ не жила.

Не найдя въ департаментѣ прежней поддержки, не видя дѣла и недовольный невниманіемъ Макарова, я рѣшилъ уйти изъ охраннаго отдѣленія. Я отправился къ генералъ-губернатору Трепову и просилъ его взять меня къ себѣ. Треповъ встрѣтилъ меня хорошо и просилъ зайти къ нему дня черезъ три. Этотъ срокъ падалъ на 5-ое или 6-ое февраля. Трепова я засталъ очень разстроеннымъ. Онъ рвалъ и металъ на Департаментъ полиціи изъ-за убійства Великаго Князя. Онъ обвинялъ директора

въ томъ, что тотъ отказалъ въ кредитѣ на охрану Великаго Князя и потому считалъ его отвѣтственнымъ за происшедшее въ Москвѣ.

Треповъ сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ, продолжалъ-бы служить и ждалъ-бы его распоряженія. Я задержался еще, кажется, на день и былъ на вокзалѣ, когда вернулся изъ Москвы ѣздившій туда разобраться въ обстановкѣ убійства Лопухинъ. Съ нимъ вернулся и ѣздившій вмѣстѣ Мѣдниковъ. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что въ отношеніи Московскаго охраннаго отдѣленія все обстоитъ хорошо, что отдѣленіе хорошо работаетъ и что начальнику надо испросить орденъ Владиміра. Но отъ другого лица, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы, я узналъ, что охранное отдѣленіе сдѣлало тамъ большую оплошность. Наблюденіе напало на слѣды боевиковъ, но кого-то утеряли, за кѣмъ-то не поставили во время наблюденіе, что-то просмотрѣли. Такъ говорили краснорѣчивыя рапортички филеровъ, что конечно не могло укрыться и отъ зоркаго глаза Мѣдникова. Въ Московскомъ отдѣленіи не было въ то время фактически начальника: старый ушелъ, но не успѣлъ уѣхать изъ Москвы, а новый еще не пріѣхалъ.

Я ничего не понималъ. Походило на сумасшедшій домъ. Въ тотъ-же вечеръ я уѣхалъ въ Кіевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Акты 18-го Февраля 1905 года. — Настроеніе въ Кіевѣ. — Вооруженное сопротивленіе „нелегальнаго". — Арестъ лабораторій разрывныхъ снарядовъ у Скляренко. — Случай съ сотрудникомъ Руденко на конспиративномъ свиданіи. — Психологія сотрудника. — Покушеніе на меня въ маѣ 1905 года. — Пропаганда среди военныхъ. — Конецъ розыскной службы. — Отъѣздъ изъ Кіева. — Виновникъ покушенія. — Искупительныя жертвы.

Предуказавъ назначеніемъ князя Святополкъ-Мирскаго въ Сентябрѣ прошлаго года уклонъ къ либерализму, будучи даже склоненъ въ Ноябрѣ на созывъ народныхъ представителей, и отвернувшись затѣмъ въ Декабрѣ рѣшительно отъ этого намѣренія, Государь послѣ 9-го Января вновь сталъ думать о немъ.

Ввиду такого новаго поворота во мнѣніи Государя, 3-го Февраля у Его Величества состоялся Совѣтъ Министровъ, обсуждавшій вопросъ о привлеченіи народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности, причемъ всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, высказались за эту реформу. Этотъ одинъ, горячо возражавшій противъ введенія въ Россіи народнаго представительства, былъ Сергѣй Юльевичъ Витте.

Слѣдующій день, 4-го Февраля, унесъ главнаго противника либеральныхъ реформъ В. К. Сергѣя Александровича; желаніе Государя крѣпло и, какъ результатъ такого Его направленія , 18-го Февраля былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, въ которомъ заявлялось намѣреніе привлекать избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительныхъ разработкахъ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Въ тотъ-же день былъ опубликованъ манифестъ, призывавшій общество къ борьбѣ съ крамолой, и указъ Сенату, возлагавшій на Совѣтъ Министровъ разсмотрѣніе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій заявленій и ходатайствъ, касающихся усовершенствованій государственнаго благоустройства и улучшенія благосостоянія.

Опубликованные акты, призывавшіе страну къ реформаторской работѣ, дали новый толчокъ общественному движенію. Земскія собранія, городскія думы,

профессіональная интеллигенція, образовавшійся явочнымъ порядкомъ рядъ всевозможныхъ союзовъ, отдѣльныя лица — всѣ обсуждали вопросы о народномъ представительствѣ и объ отношеніи къ работѣ Булыгинскаго «совѣщанія». Составлялись резолюціи, петиціи, адреса, записки, проекты о государственныхъ преобразованіяхъ. Все крѣпло и бурлило еще сильнѣе, чѣмъ раньше. Окрыленныя-же успѣхомъ убійства дяди Государя революціонныя партіи еще больше муссировали всеобщее возбужденіе.

Убійство Плеве, принесшее измѣненіе внутренней политики, и убійство Великаго Князя, за которымъ послѣдовали акты 18-го Февраля, какъ-бы служили лучшимъ доказательствомъ правильности революціонныхъ способовъ борьбы и необходимости террора, какъ средства противъ правительства. А успѣшные террористическіе акты всегда побуждали къ подражанію, и терроръ сталъ проявляться все чаще и чаще.

Неспокойно было и у насъ въ Кіевѣ, хотя отсутствіе земства лишало интеллигенцію главной оппозиціонной спайки и объединенія.

Скоро случилось событіе, которое еще больше приподняло революціонное настроеніе у насъ. Были какъ то назначены обыски у соціалистовъ-революціонеровъ, которые вопреки обыкновенію, чтобы застать всѣхъ врасплохъ, производились днемъ. На одной изъ спокойныхъ окраинныхъ улицъ, въ сторону Житняго базара, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, обнаружили большой складъ свѣжей литературы, гектографъ, на которомъ происходило печатаніе, и кассу организаціи. Черезъ улицу же, въ такомъ же одноэтажномъ домикѣ во дворѣ, шелъ также очень интересный обыскъ. Я поѣхалъ на провѣрку и, побывавъ въ первомъ мѣстѣ, направился во второе.

Обыскиваемая квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и кухни. Когда я пріѣхалъ туда, производившій обыскъ приставъ обыскалъ только первую комнату и, арестовавъ двухъ молодыхъ людей, занимался уже писаніемъ протокола. Спросивъ, обыскана ли вся квартира, и получивъ отрицательный отвѣтъ, я сдѣлалъ замѣчаніе приставу, сбросивъ пальто и толкнувъ ногою дверь въ сосѣднюю комнату, быстро прошелъ въ нее. Заглянувъ подъ диванъ, я прошелъ изъ нея въ маленькую кухоньку и, говоря на ходу приставу, чтобы онъ произвелъ самый тщательный обыскъ и въ комнаткѣ и въ кухнѣ, я вышелъ изъ кухни черезъ черный ходъ на дворъ.

Только что я сталъ выслушивать докладъ старшаго филера, что домикъ этотъ ему кажется подозрительнымъ, что въ немъ въ кухнѣ при подходѣ полиціи задвинулась занавѣска, на что приставъ не хотѣлъ обратить вниманіе, какъ послышался рядъ выстрѣловъ. Инстинктивно мы бросились къ чистому входу и, подбѣгая, увидѣли выскочившаго изъ окна молодого человѣка въ студенческой курткѣ и безъ шапки. Давъ по мнѣ на-бѣгу два выстрѣла, онъ какъ ураганъ понесся къ воротамъ и дальше по улицѣ. Остолбенѣвъ сначала отъ неожиданности, я невольно схватился за карманъ, думая найти револьверъ, но онъ остался въ снятомъ мною пальто. Ошибка весьма часто повторявшаяся на обыскахъ и объясняющаяся тѣмъ, что мы меньше всего думали, что намъ прійдется прибѣгать къ оружію. Мы погнались за убѣгавшимъ, но тотъ несся какъ молнія и скрылся въ переулкахъ и садахъ. Городовые въ ихъ длинныхъ шинеляхъ, съ путавшимися межъ ногами при бѣгѣ шашками, конечно, не могли угнаться за молодымъ человѣкомъ.

Положеніе наше было глупое. Вернувшись въ домикъ, я спросилъ, въ чемъ дѣло и кто это стрѣлявшій и убѣжавшій студентъ. Мнѣ доложили, что какъ только я вышелъ изъ кухни, съ русской печки загремѣли выстрѣлы. Приставъ невольно заслонился за печку, а просунувшаяся съ печки изъ за дровъ рука, палила въ него разъ за разомъ, но къ счастью, пули рикошетировали отъ печки въ уголъ. Затѣмъ съ печ-

ки спрыгнулъ кто-то, пронесся черезъ обѣ комнаты и выпрыгнулъ въ окно. Все произошло съ такой быстротой, что полиція только смотрѣла. На печкѣ нашли фальшивый паспортъ, разорванныя на мелкіе клочки бумаги и записную книжку. Кто былъ стрѣлявшій, осталось неизвѣстнымъ, но много позже, мнѣ говорили въ департаментѣ, будто бы то былъ боевикъ Степанъ Слетовъ. Года черезъ два меня даже допрашивалъ по поводу случившагося судебный слѣдователь и предъявлялъ мнѣ фотографію Слетова для опознанія, но я не могъ признать въ немъ стрѣлявшаго по мнѣ неизвѣстнаго.

Это глупѣйшее происшествіе взволновало не только эсъ-эровскіе, но и вообще наши кіевскіе революціонные кружки. Первый разъ за наше въ Кіевѣ время побѣда была на ихъ сторонѣ. Это сейчасъ же стало отражаться и на общемъ положеніи и сразу же высказалось на сотрудникахъ. Они были всегда какъ бы термометромъ настроенія: беретъ верхъ правительство — они энергичны и рѣшительны, чуть начинаетъ одолѣвать революція — они ни то, ни се, говорятъ неопредѣленно, думаютъ объ отъѣздахъ, вообще начинаютъ «шататься». Почувствовалось, что многіе изъ моихъ освѣдомителей зашатались. Смѣлѣе стали вести себя по отношенію филеровъ и наблюдаемыя лица. Это тоже былъ нехорошій показатель. Все шло тогда влѣво. Конституція какъ бы оффиціально носилась въ воздухѣ. Идейно самодержавіе уже было похоронено нашей интеллигенціей.

Въ это то непріятное время вызвалъ меня разъ на свиданіе нѣкій интеллигентный господинъ. Принявъ мѣры предосторожности, я пошелъ повидаться съ нимъ. Господинъ тотъ, довольно пожилой, предложилъ мнѣ вопросъ: желаю ли я арестовать лабораторію соціалистовъ-революціонеровъ, гдѣ готовятся бомбы для срочнаго покушенія, и если да, то на какое вознагражденіе онъ можетъ разсчитывать за указаніе нѣкоторыхъ данныхъ, по которымъ можно раскрыть лабораторію. Я, конечно, сказалъ: желаю, но относительно вознагражденія просилъ высказаться его самого. Подумавъ, господинъ сказалъ: — «Вы мнѣ дадите 500 рублей, но только немедленно, покушеніе предполагается на Клейгельса и на охранное отдѣленіе».

Я отвѣтилъ собесѣднику, что охотно уплачу пятьсотъ рублей, но только послѣ ареста лабораторіи, что раньше я не имѣю права дать деньги, и сталъ доказывать безсмысленность террора, но чувствовалъ, что говорю неубѣдительно и что самъ себѣ не вѣрю. Интеллигентный господинъ принялъ условіе и далъ мнѣ нѣкоторыя данныя, послѣ чего мы разстались, условившись повидаться черезъ нѣсколько дней еще разъ.

Свиданіе то происходило въ Царскомъ саду. Былъ тихій весенній вечеръ. Садъ благоухалъ сиренью. Съ высокаго откоса открывался чарующій видъ на широко разлившій свои воды Днѣпръ-могучій. Вдали серебрились затопленныя поля. Суетились пароходики, сновали лодки. Безконечная даль разстилалась за рѣкой.

Какъ чуденъ и обширенъ Божій міръ — думалось мнѣ, а людямъ все тѣсно... опять бомбы, предательство, аресты. Неужели нельзя безъ этого? Ну, что же, будемъ бороться...

Я поспѣшилъ въ отдѣленіе, гдѣ меня уже ждали.

Поставленное наблюденіе скоро взяло въ прослѣдку студента-политехника. Была установлена его квартира, за которой тоже учредили наблюденіе. По даннымъ уже другой агентуры выходило, что въ одной изъ лабораторій Политехническаго Института потихоньку приготовляется для чего то гремучая ртуть. Невольно приходила мысль о связи этихъ двухъ обстоятельствъ.

Доклады наблюденія по этому дѣлу я принималъ лично, сейчасъ же обсуждалъ ихъ съ завѣдующимъ наблюденія и вмѣстѣ рѣшали, что дѣлать. Дѣло было серьезное и щекотливое. Рано пойдешь съ обыскомъ — ничего не достигнешь и только провалишься. Прозѣваешь моментъ — выйдетъ, какъ въ Москвѣ, катастрофа. Поставили въ курсъ дѣла филеровъ, чтобы работали осмысленнѣй. Тѣ насторожились.

Однажды вечеромъ пришедшіе съ наблюденія филеры доложили, что въ квартиру наблюдаемаго политехника проведенъ былъ съ какимъ то сверткомъ, повидимому, студентъ, котораго затѣмъ потеряли, что самъ политехникъ много ходилъ по городу и, зайдя подъ вечеръ въ одинъ изъ аптекарскихъ магазиновъ, вынесъ оттуда довольно большой пакетъ чего то. Съ нимъ онъ отправился домой, прокрутивъ предварительно по улицамъ, гдѣ ему совершенно не надо было идти. Пакетъ онъ несъ свободно, точно сахаръ. Въ ворота къ себѣ онъ зашелъ, не оглядываясь, но минутъ черезъ пять вышелъ безъ шапки и долго стоялъ куря, видимо провѣряя. Уйдя затѣмъ къ себѣ, политехникъ снова вышелъ и снова провѣрилъ, нѣтъ-ли чего подозрительнаго. Но кромѣ дремавшаго извозчика да лотошника со спичками и папиросами, никого видно не было... Ихъ то онъ и не узналъ.

Эти данныя были очень серьезны, политехникъ конспирировалъ больше, чѣмъ когда либо. Онъ очень нервничалъ. Его покупка въ аптекѣ и усиленное замѣтаніе затѣмъ слѣда наводили на размышленіе. Затѣмъ онъ два раза выходилъ провѣрять. Значитъ, онъ боится чего то, значитъ, у него происходитъ что-то особенно важное, не какъ всегда. Переспросили филеровъ и они признали, что есть что то особенно «дѣловое» въ поведеніи политехника. Извозчикъ, который водилъ его цѣлый день, особенно настаивалъ на этомъ.

Стали думать, не обыскать ли. Какъ бы не пропустить момента, какъ бы не вышло Москвы. Какой то внутренній голосъ подсказывалъ, что пора. Мы рѣшили произвести обыскъ немедленно. Наскоро намѣтили для замаскировки еще нѣсколько обысковъ у извѣстныхъ эсъ-эровъ. Я съѣздилъ къ прокурору, къ губернатору, взялъ ордера. Приготовили наряды, приготовленъ и слесарь, можетъ пригодиться.

Часа черезъ два, нарядъ полиціи съ нашимъ офицеромъ, безшумно проникъ во дворъ, гдѣ жилъ политехникъ. Офицеръ запутался нѣсколько во входахъ, такъ что пришлось обратиться къ дворнику. Заняли выходы. Офицеръ стучится въ дверь политехника — молчаніе. Стукъ повторяется — опять молчатъ. Отдается приказъ работать слесарю. Разъ, два, здоровый напоръ и дверь вскрыта мгновенно. Нарядъ быстро проникаетъ въ комнату.

Кинувшійся навстрѣчу съ парабеллюмомъ въ рукѣ бѣлокурый студентъ безъ пиджака сбитъ съ ногъ бросившимся ему въ ноги филеромъ. Онъ обезоруженъ, его держатъ. Два заряженныхъ парабеллюма переданы офицеру. Начался обыскъ.

Въ комнатѣ настоящая лабораторія. На столѣ горитъ спиртовка, на ней разогрѣвается парафинъ. Лежатъ стеклянныя трубочки, пробирки, склянки съ какими то жидкостями. Пузырекъ изъ подъ духовъ и въ немъ залитая водою гремучая ртуть; аптечные вѣсы. Тутъ же желѣзныя, правильной формы коробки двухъ величинъ и деревянныя болванки для штамповки ихъ. Чертежи снарядовъ. Офицеръ осторожно потушилъ спиртовку. Рядомъ на кровати аккуратно разложены тремя кучками: желтый порошокъ пикриновой кислоты, желѣзныя стружки, гвозди и еще какое-то сыпучее вещество.

При тщательномъ осмотрѣ, подтвержденномъ затѣмъ вызваннымъ изъ Петербурга экспертомъ Военно-артиллерійской Академіи, оказалось, что у политехника было обнаружено все необходимое для сборки трехъ разрывныхъ снарядовъ очень большой мощности. Каждый снарядъ состоялъ изъ двухъ жестяныхъ, вкладывавших-

ся одна въ другую коробокъ, между которыми оставался зазоръ въ полъ-дюйма. Коробки закрывались задвижными крышечками. Внутренняя коробка наполнялась порошкомъ пикриновой кислоты съ прибавкой еще чего то. Въ нее вставляли детонаторъ ввидѣ стеклянной трубочки, наполненный кислотой. На трубочку надѣвался грузикъ — желѣзная гайка. Свободное мѣсто между стѣнками коробокъ заполнялось желѣзными стружками и гвоздями. Снаружи снарядъ представляетъ плоскую коробку, объемомъ въ фунта полтора-два чаю.

При ударѣ снаряда обо что либо, грузикъ ломалъ трубочку, и находившаяся въ ней кислота, дѣйствуя на гремучую ртуть и начинку малой коробки, давала взрывъ. Желѣзныя стружки и гвозди дѣйствовали какъ картечь.

Политехникъ былъ застигнутъ за сборкой снаряда; онъ уже успѣлъ залить парафиномъ два детонатора и работалъ надъ третьимъ. Пикриновая кислота оказалась тѣмъ препаратомъ, который онъ купилъ вечеромъ въ аптечномъ складѣ.

Не явись мы на обыскъ тою ночью, снаряды были бы заряжены и вынесены изъ лабораторіи. Судьба..

Хозяиномъ лабораторіи оказался студентъ Кіевскаго Политехническаго Института мѣстной организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ Скляренко.

Система снарядовъ, ихъ составъ, все содержимое лабораторіи, указывало на серьезную постановку предпріятія. Ясно было, что это не является дѣломъ мѣстнаго комитета. И какъ только департаментъ полиціи получилъ нашу телеграмму объ арестѣ лабораторіи, онъ немедленно прислалъ къ намъ Мѣдникова. Зная хорошо послѣдняго, я былъ удивленъ той тревогѣ, съ которой онъ разсматривалъ все найденное по обыску. Онъ былъ какой то странный, очень сдержанно относился къ нашему успѣху и какъ будто чего то боялся и чего то не договаривалъ.

Та лабораторія была поставлена въ Кіевѣ не безъ участія Азефа. Дѣло это было поставлено на судъ, и Скляренко былъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ.

Намъ, можно сказать, везло. Кругомъ терроръ, у насъ же никого еще не убили. Пока мы счастливо предупреждаемъ всѣ козни революціонеровъ, но чувствуемъ себя какъ на вулканѣ. Нервы напряжены до крайности. Со всѣхъ сторонъ тревожныя свѣдѣнія. Относительно себя уже просто надоѣло получать угрожающія или предупреждающія объ опасности письма. Еще не такъ давно я получилъ подобное письмо отъ Гуровича. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ повидаться со своимъ новымъ департаментскимъ сотрудникомъ. Заведеніе департаментомъ сотрудниковъ въ провинціи при наличности мѣстныхъ розыскныхъ органовъ и потихоньку отъ нихъ было большою ошибкою, до извѣстной степени политическимъ развратомъ, и способствовало только провокаціи сотрудниковъ на манеръ Азефа. Этотъ порядокъ, при которомъ Департаментъ изъ начальствующаго органа самъ нисходилъ на степень исполнителя, могъ привиться только при невѣжествѣ Макарова.

Уѣзжая, Гуровичъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что Кіевскій эсъ-эровскій комитетъ, ввиду разнесшагося слуха о моемъ переводѣ въ Москву, рѣшилъ не выпускать меня живымъ изъ Кіева. Эту фразу Гуровичъ дважды подчеркнулъ въ письмѣ и совѣтовалъ мнѣ быть осторожнѣе.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ по городской почтѣ письмо, подписанное Карпенко, въ которомъ авторъ совѣтовалъ мнѣ уѣхать скорѣе изъ Кіева ввиду готовящагося на меня покушенія. А немного спустя, произошло затѣмъ и слѣдующее.

Былъ я однажды ночью на свиданiи на конспиративной квартирѣ. Сижу я въ креслѣ, а напротивъ сотрудникъ изъ рабочихъ — Руденко. Насъ раздѣляетъ маленькiй столикъ, на немъ два стакана чаю.

Вскорѣ послѣ моего прiѣзда въ Кiевъ, Руденко былъ привлеченъ къ дознанiю при жандармскомъ управленiи, далъ откровенное показанiе и пожелалъ сотрудничать. Его прислали ко мнѣ, и онъ вновь сдѣлалъ то же самое предложенiе. Я принялъ это предложенiе, и когда управленiе освободило его, онъ сталъ давать кое-какiя свѣдѣнiя. Между тѣмъ рабочiе узнали объ откровенномъ показанiи Руденко, узнали, что онъ выдалъ нѣсколько человѣкъ, и рѣшили убить его. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и со слезами просилъ спасти его.

Переговоривши кое съ кѣмъ, удалось добиться, что Руденко былъ совершенно реабилитированъ въ организацiи и продолжалъ работать. Однимъ словомъ, отдѣленiе его спасло, не будь насъ, онъ былъ бы убитъ. Съ выдававшими на дознанiяхъ на Югѣ раздѣлывались просто.

Прошло съ тѣхъ поръ полтора года. Руденко время отъ времени давалъ свѣдѣнiя и теперь уже третiй разъ вызывалъ меня на свиданiе. Онъ въ большевицкой организацiи. Тамъ формируются боевыя группы, какiя по пятерки, началось обученiе стрѣльбѣ изъ револьверовъ. Недѣлю тому назадъ онъ звалъ меня поѣхать съ нимъ къ одному оврагу на Лукьяновкѣ, гдѣ было назначено свиданiе боевой группы. Но мнѣ что то не понравилось въ его предложенiи, и я отвѣтилъ, что мы поѣдемъ въ другой разъ. Посланные для провѣрки филеры никакихъ рабочихъ не видѣли.

Уже съ полъ-часа мы бесѣдовали съ Руденко, хотѣлось спать, но все таки я дѣлалъ какiя то замѣтки въ книжку. Вдругъ вижу мой собесѣдникъ вынулъ откуда то браунингъ и навелъ его на меня въ упоръ. У меня какъ то сразу отяжелѣли и похолодѣли ноги. Инстинктивно я протянулъ руку, сжалъ револьверъ и, отведя его въ сторону, выдавилъ изъ рукъ Руденко. Теперь меня бросило въ жаръ. Руденко смотрѣлъ смущенно, пытался улыбаться, но это выходило криво. Спрашиваю: «Что это?» — Отвѣчаетъ, что это ему выдано изъ боевой организацiи для практики. Разсматриваю пистолетъ — щеки отвинчены, номера спилены, выгравирована какая то надпись, все какъ слѣдуетъ, когда идутъ на убiйство. Въ мозгу сверлитъ — по мою душу.

Мы молчали. Я посмотрѣлъ на него внимательно, онъ опустилъ глаза. Неловко. Я позвонилъ, вошелъ мой служащiй.

— «Проводите сотрудника и больше его сюда не пускайте» — сказалъ я ему.

— «А Вы, Руденко, забудьте, что мы были знакомы, забудьте и дорогу сюда. Это будетъ лучше для Васъ».

Онъ вышелъ, опустивъ голову. Я остался одинъ; я чувствовалъ себя точно меня избили. Ну, слава Богу, на этотъ разъ миновало, подумалъ я и перекрестился.

Закрывши за Руденко дверь, чиновникъ вернулся. Я показалъ ему пистолетъ. Посмотрѣвъ на отвинченныя щеки и на надпись, онъ понялъ все. Подождавъ минутъ пять, мы вышли. Онъ проводилъ меня до дому. Мы всю дорогу молчали.

Сотрудничество явленiе сложное; причины, толкающiя людей на предательство своихъ близкихъ знакомыхъ, часто друзей — различны. Онѣ должны быть или очень низменны, или, наоборотъ, очень высоки. Чаще всего будущiе сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и даже очень частые, когда предложенiя дѣлались со стороны послѣднихъ. Такъ или ина-

че, но изъ за чего же шли въ сотрудники дѣятели различныхъ революціонныхъ организацій? Чаще всего, конечно, изъ за денегъ. Получать нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ за сообщеніе раза два въ недѣлю какихъ либо свѣдѣній про свою организацію — дѣло не трудное... если совѣсть позволяетъ. А у многихъ ли партійныхъ дѣятелей она была въ порядкѣ, если тактика партіи позволяла имъ и убійства, и грабежъ, и предательство, и всякіе другіе, менѣе сильные, но не этичные пріемы.

Среди рабочихъ часто играла роль и месть. Повздоритъ съ товарищами въ кружкѣ, обидится на что либо и идетъ къ жандармскому офицеру. Одинъ такой сознательный бундистъ явился разъ ко мнѣ, притащилъ кипу прокламацій и разсказалъ въ концѣ концовъ, что онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ разноситъ по раіонамъ литературу, что ему обѣщали купить галоши, но не купили. Пусть же знаютъ теперь. Обозленность его на обманъ съ галошами была такъ велика, что я прежде всего подарилъ ему именно резиновыя галоши. И проваливалъ же онъ потомъ своихъ сотоварищей, проваливалъ съ какимъ то остервенѣніемъ. Вотъ что надѣлали галоши!

Но бывали сотрудники и въ полномъ смыслѣ идейные, для которыхъ деньги отходили на задній планъ. Приходитъ разъ ко мнѣ начальникъ сыскной полиціи и проситъ разрѣшенія представить дѣвушку, которая желаетъ служить въ охранномъ отдѣленіи. Принимаю, разговорились. Хочетъ бороться съ революціонерами и только. Стараюсь понять причины — оказывается, что знаетъ она ихъ очень мало, но ненавидитъ всей душей, считая, что они дѣлаютъ большое зло, сбиваютъ съ пути молодежь, рабочихъ и крестьянъ. Она особенно налегала на послѣднихъ и приводила примѣръ, какъ эсъ-эры агитировали въ Полтавской губерніи и что изъ этого вышло. Старуху «бабушку» она просто ненавидѣла, хотя знала ее только по наслышкѣ.

Я выяснилъ дѣвушкѣ всю трудность работы, всю ея щекотливость, но она твердо стояла на своемъ и сдѣлалась освѣдомителемъ. Работала она отлично, осторожно и умно. Она любила розыскъ какъ дѣло и года два спустя пошла въ открытую противъ революціи, выступивъ въ печати и разсказавъ все, какъ она боролась съ нею въ Кіевѣ. Къ чести эсъ-эровъ надо сказать, что они тогда ее не тронули. Впрочемъ, она въ партіи оффиціально не состояла. Такіе сотрудники являлись, конечно, исключеніемъ.

Но изъ за чего бы ни работалъ обычный рядовой сотрудникъ, у него, въ концѣ концовъ, наступалъ кризисъ. Видя жандармскаго офицера и бесѣдуя съ нимъ разъ, два въ недѣлю, по нѣсколько минутъ, онъ все остальное время былъ въ средѣ инако-мыслящихъ. Жилъ онъ общею жизнью своихъ товарищей и близкихъ. Постепенная выдача одного, другого, непріятныя послѣдствія этой выдачи, какъ тюрьма, высылка, ссылка — не могли не отражаться на немъ. Нервы были и у него. А рядомъ постоянная агитація противъ власти и обвиненія правительства во всѣхъ злодѣяніяхъ до погромовъ включительно. Все это мало по малу дѣйствовало на сотрудника, нервировало его и приводило къ сознанію своего предательства, къ сознанію вины передъ товарищами, къ желанію покаяться и искупить свою вину.

Въ этотъ-то критическій психологическій моментъ и начиналось шатаніе сотрудника. Это былъ моментъ очень опасный для завѣдующаго розыскомъ. Здѣсь у сотрудника зараждалась мысль отомстить ему за свое паденіе, хотя въ большинствѣ случаевъ, послѣдній не былъ въ томъ повиненъ. Этотъ моментъ неминуемо наступалъ у каждаго сотрудника, исключая дѣйствительно идейныхъ. Его надо было не пропустить, подмѣтить, надо было или поддержать сотрудника морально или вывести его изъ революціонной среды, устроить вдали отъ политики — заставить забыть ее. Если офицеръ не успѣвалъ этого сдѣлать, все очень часто оканчивалось катастрофой для него самого.

Такъ былъ заманенъ предательски въ засаду и убитъ Дегаевымъ съ народовольцами подполковникъ Судейкинъ. Такъ стрѣляли въ полковника фонъ-Котенъ, такъ предательски были убиты ротмистръ Грешнеръ въ Н.-Новгородѣ и полковникъ Карповъ въ Петербургѣ. Всѣхъ не пересчитаешь. Многіе погибли, выполняя свой служебный долгъ. Розыскные офицеры знали эту опасность и шли на нее сознательно. Революціонному фанатизму корпусъ жандармовъ противоставлялъ фанатизмъ долга и службы. Корпусъ жандармовъ грудью защищалъ государственный порядокъ Царской Россіи, и не одинъ десятокъ его офицеровъ и нижнихъ чиновъ палъ въ этой борьбѣ съ революціей при Царскомъ режимѣ, не отставая отъ исполнителей своего долга шефовъ корпуса: Сипягина, Плеве, Столыпина. Корпусъ помнилъ долгъ передъ родиной и послѣ, когда случилось исторически неизбѣжное. Въ рядахъ большевицкаго правительства нѣтъ ни одного извѣстнаго жандармскаго имени. Ихъ нѣтъ тамъ, хотя тамъ находятся представители всѣхъ сословій, службъ, профессій, степеней, ранговъ и чиновъ прежней Россіи. Бывшій жандармскій полковникъ Комиссаровъ, покинувшій ряды корпуса еще при Царскомъ режимѣ — единственное исключеніе. Но на то онъ и Комиссаровъ.

Противъ же большевиковъ они боролись всюду: въ организаціи Локкарта въ Москвѣ, на Украинѣ Гетмана, на Дону у Краснова, у графа Келлера, у Колчака, у Врангеля, даже у Савинкова на Волгѣ. Ихъ брали на службу, и они боролись за русскую государственность. И только генералъ Деникинъ съ его окруженіемъ не жаловалъ ихъ, но зато нигдѣ такъ хорошо и не была поставлена большевицкая развѣдка и большевицкая работа, какъ въ арміи Деникина и его Освагѣ.

Но я отклонился въ сторону. Такъ вотъ, это то критическое душевное состояніе «шатанія» и переживалъ, очевидно, Руденко. Я понималъ его хорошо. Странно было только то, что онъ забылъ, что все таки же мы (отдѣленіе) спасли ему жизнь. Я не чувствовалъ къ нему недоброжелательности за его поступокъ. Думалось только, что кто-нибудь стоитъ за нимъ, что надо быть осторожнымъ.

Случай съ Руденко произошелъ передъ арестомъ лабораторіи. Наблюденіе за Скляренко, арестъ его все какъ то заставило забыть о немъ. У насъ въ Кіевѣ въ то время уже года полтора какъ былъ новый начальникъ жандармскаго управленія. Столь извѣстный кіевлянамъ Старокіевскій участокъ, гдѣ четверть вѣка провелъ гроза революціи Новицкій, былъ забытъ. Его замѣнило обширное, удобное помѣщеніе управленія на Львовской улицѣ. У насъ установились самыя добрыя дѣловыя отношенія.

Однажды въ началѣ Мая мнѣ дали знать изъ управленія, что въ Бердичевѣ жандармскій унтеръ-офицеръ убилъ двухъ сослуживцевъ и своего начальника ротмистра, а потому просятъ на панихиду. Я пошелъ туда часовъ въ 11 утра въ статскомъ. Разговоры о томъ, какъ произошло убійство, и самая панихида разстроили меня. Не помню, какъ вышелъ я изъ управленія. Было около часу дня. Очень жарко. Я шелъ, задумавшись, и ничего не замѣчая, прошелъ по Львовской и по небольшой уличкѣ, около больной пожарной команды, вышелъ на Бульварно-Кудрявскую. Я былъ почти у дома. Вдругъ слышу: тра, та, та, та, та...

Стрѣляютъ справа; пять, — пронеслось у меня, — а сердце слѣва, слава Богу... Что то кольнуло, зашумѣло въ ушахъ все потемнѣло... Кто то подхватилъ меня.

Какой кошмаръ, какой тяжелый сонъ... Слышны голоса жены, служащихъ... Если бы это былъ сонъ... Я дѣлаю усиліе проснуться и открываю глаза. Кто то брызжетъ водой въ лицо. Нѣтъ не сонъ, я дѣйствительно раненъ; кругомъ всѣ спрашиваютъ, гдѣ болитъ.

Меня внесли внизу же въ отдѣленіе и уложили на купленную только наканунѣ для дежурнаго чиновника кровать-шкафъ. Снявши пальто и сюртукъ, увидѣли кровь. Прострѣлены грудь и правая нога. Изъ жилетки выпала пуля; кто то говоритъ — распилена.

Я все вижу, все слышу, но какъ то смутно и не могу пошевельнуться. Пріѣхала карета скорой помощи, хотѣли увезти меня, но я прошу оставить дома. Сдѣлали перевязку, было очень больно. Много знакомыхъ лицъ... темнѣетъ въ глазахъ... я вновь въ забытьи . . . .

. . . .

Произошло это такъ. Стоявшая у окна съ дочуркой и съ сынишкой на рукахъ жена поджидала меня къ завтраку. Она видѣла, какъ я шелъ въ раздумьи и какъ началъ переходить улицу, направляясь къ нашей калиткѣ. Въ это время какой то молодой человѣкъ, по виду рабочій, встрѣтившись со мною, пропустилъ меня и затѣмъ сталъ стрѣлять, шагахъ въ десяти, въ спину. Я схватился за ногу. Стоявшая около тротуара подвода понесла и раздѣлила насъ. Стрѣлявшій побѣжалъ по улицѣ, за нимъ погнались. Держась за ногу, я, пошатываясь и хромая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ падать. Меня успѣлъ подхватить дворникъ. Вотъ что видѣла моя жена.

Меня перенесли наверхъ въ мою квартиру, одну изъ комнатъ которой обратили въ палату. Командующій войсками Сухомлиновъ прислалъ фельдшера на все время болѣзни; генералъ губернаторъ Клейгельсъ прислалъ женѣ денегъ, прося не стѣсняться въ отношеніи докторовъ. Хотѣли пріѣхать сами, но я упросилъ не дѣлать этого, боясь какъ бы ихъ не подстрѣлили.

Одна изъ пуль пробила правую ногу, не задѣвъ кости, другая вошла въ спину между ребрами и вышла черезъ грудь также между ребрами, не задѣвъ ихъ. Судьба. Пулю нашли въ жилеткѣ, она была отъ браунинга и была распилена на-крестъ. Лежа съ закрытыми глазами я слышалъ, какъ профессора спорили надо мной, надо или нѣтъ дѣлать операцію. Одинъ настаивалъ, что надо, другой говорилъ, что не зачѣмъ мучить, все равно пуля отравлена, будетъ зараженіе крови, черезъ сутки все кончится.

— «Какая гадость» — мелькало въ головѣ, завтра все кончено...

Я просилъ объ операціи. Ее сдѣлалъ къ вечеру профессоръ Волковичъ. Мнѣ сильно взрѣзали грудь, безъ хлороформа, было больно. Державшій голову не выдержалъ, ему сдѣлалось дурно. Ночь я не спалъ, сверлила мысль — неужели завтра всему конецъ. Къ чему же было жить, суетиться? Что я видѣлъ въ жизни? Развѣ я жилъ для себя, для семьи?.. и вотъ конецъ. Какъ все это глупо...

Никогда не забуду я эти сутки, кошмарныя сутки сознательнаго ожиданія: останешься завтра жить, или все безполезно, отойдешь къ праотцамъ.

Операція Волковича меня спасла, а докторъ Козловскій и близкіе меня выходили. На это никто не надѣялся. Много помогло создавшееся вокругъ меня настроеніе. Офицеры, администрація, не говоря про знакомыхъ и друзей, отнеслись удивительно сочувственно къ моему раненію. Телеграммы, письма, карточки со всѣхъ сторонъ. Но то, что больше всего придало мнѣ силъ, что подѣйствовало какъ живая цѣлебная вода, то пришло изъ Петербурга. Дня черезъ два послѣ покушенія мнѣ прочитали полученную отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Трепова депешу, въ

которой онъ сообщалъ, что на сдѣланномъ имъ Государю Императору всеподданнѣйшемъ докладѣ о моемъ раненіи, Его Величеству благоугодно было начертать: — «Желаю Спиридовичу скораго и полнаго выздоровленія».

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ, самъ Государь знаетъ обо мнѣ и о моей службѣ! Самъ Государь пожелалъ мнѣ здоровья... Я былъ полонъ безмѣрнаго восторга. Не будучи въ состояніи двинуться на кровати, я чувствовалъ себя здоровымъ и счастливымъ какъ никогда. Мнѣ хотѣлось плакать, смѣяться, хотѣлось быть тамъ около Него, возлѣ.

Вотъ если бы спросилъ меня Государь, думалось мнѣ тогда какъ въ дѣтствѣ, — «чего ты хочешь больше всего, Спиридовичъ?» — я бы отвѣтилъ: — «Служить въ охранѣ Вашего Императорскаго Величества!» Но это мнѣ, провинціальному офицеру безъ протекціи и не-гвардейцу, казалось несбыточной мечтой... Но я мечталъ о томъ.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ новая радость: губернаторъ сообщилъ о пожалованіи мнѣ за арестъ лабораторіи бомбъ у Скляренко ордена Владиміра 4-й степени. Тогда это былъ самый почетный орденъ мирнаго времени и получить его не за выслугу лѣтъ, а за отличіе, было мечтой каждаго офицера. Мнѣ принесли его. Я любовался имъ какъ дорогой игрушкой и не разставался съ нимъ. Онъ лежалъ около меня на столикѣ рядомъ съ дорогой телеграммою.

Первые дни послѣ раненія я порывался продолжать руководить отдѣленіемъ, но врачи, видя, какое производитъ на меня впечатлѣніе эта работа, категорически воспретили ее. Розыскомъ сталъ вѣдать мой помощникъ Кулябко, назначенный еще при Плеве; мнѣ же, уступая моимъ просьбамъ, сообщали лишь нѣкоторыя особенно интересныя вещи. Такъ я узналъ, что въ день моего раненія, въ народномъ домѣ, какой то молодой соціалъ-демократъ пришелъ вечеромъ въ такой дикій восторгъ, что я «убитъ», что на радостяхъ выстрѣлилъ тамъ же въ затылокъ дежурному околоточному надзирателю!

Сообщили мнѣ и то, какъ отдѣленію удалось предупредить бунтъ въ одномъ изъ саперныхъ баталіоновъ. Военная среда всегда очень манила къ себѣ революціонеровъ. Имъ всегда очень хотѣлось войти туда съ пропагандой, но офицерство было недоступно и потому они старались подходить хотя бы къ солдатамъ. То въ одной, то въ другой части появлялись иногда въ ротахъ прокламаціи. Начальство безпомощно металось въ поискахъ виновныхъ и чаще всего, не желая выносить сору изъ избы, прикрывало эти происшествія и загоняло ядъ внутрь. Мы знали эту систему, и когда начальникомъ Штаба Округа сдѣлался генералъ Мавринъ, я много бесѣдовалъ съ нимъ на эту тему, доказывая весь вредъ такого пріема. Военное начальство тогда благоволило ко мнѣ потому, что намъ удалось помочь ему получить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно австрійской мобилизаціи, и по войскамъ гарнизона было отдано распоряженіе, что замѣтивъ распространеніе прокламацій или вообще что либо въ смыслѣ проникновенія въ части политической пропаганды, командиръ части прежде всего долженъ освѣдомить о томъ лично меня и затѣмъ уже дѣйствовать по нашему взаимному соглашенію.

Распоряженіе это принесло безусловно хорошіе результаты тамъ, гдѣ его выполняли; выполняли же его всѣ, кромѣ саперныхъ частей.

Однажды пріѣхалъ ко мнѣ командиръ одного изъ мѣстныхъ пѣхотныхъ полковъ, полковникъ Толмачевъ, и сообщилъ, что у него завелся кружокъ солдатъ, которые уже одинъ разъ собирались гдѣ то въ городѣ, и что скоро они опять будутъ на собраніи уже со студентомъ. Доложилъ объ этомъ ротному командиру одинъ ун-

теръ-офицеръ, также приглашенный на сходку. Мы сговорились, что унтеръ-офицеръ долженъ идти на сходку, но адресъ ея онъ заблаговременно долженъ сообщить ротному командиру, тотъ командиру полка, а послѣдній мнѣ.

Сходка собралась, Толмачевъ пріѣхалъ ко мнѣ и, забравъ нарядъ, мы поѣхали арестовывать сходку. Распахнувъ дверь комнаты, гдѣ происходило занятіе, мы увидѣли человѣкъ восемь солдатъ, которые сидѣли на двухъ кроватяхъ, слушая лектора. Сидѣли такъ, какъ сидятъ обычно въ ротахъ на «словесности»: спина прямо, голова въ сторону учителя, руки на колѣняхъ, пальцы вытянуты, лица напряженныя. За столикомъ студентъ что то разъясняетъ, передъ нимъ прокламаціи, брошюры.

Я скомандовалъ: — «Встать, смирно!» Какъ одинъ вскочили солдаты и замерли на-вытяжку съ обалдѣвшими лицами: передъ ними самъ командиръ полка. Я скомандовалъ затѣмъ: — «Налѣво, шагомъ маршъ», и «сознательные», топоча ногами, замаршировали изъ комнаты, а полиція занялась учителемъ.

Военное начальство не сдѣлало никакой непріятности полковому командиру; честь полкового мундира не пострадала, и скоро въ полкахъ перестали бояться разговаривать съ охраннымъ отдѣленіемъ. Результатъ былъ тотъ, что пропагандисты стали бояться подступаться къ солдатамъ, а при попыткахъ подхода, солдаты арестовывали ихъ и тащили по начальству, и такимъ образомъ мы скоро отучили ихъ соваться къ войскамъ.

Исключеніе составляли, какъ уже я замѣтилъ, саперы. Тамъ умничалъ командиръ бригады. Онъ рѣшилъ справиться съ пропагандой, которая стала замѣчаться въ его частяхъ, своими средствами. Онъ приказалъ провести звонки отъ входныхъ воротъ въ дежурныя комнаты и роты, съ тѣмъ, чтобы какъ только войдетъ посторонній человѣкъ въ казарму, дневальный звонилъ въ роту и дежурную комнату и по этому звонку за прибывшимъ постороннимъ должно было начаться наблюденіе.

Звонки звонили, за приходящими въ казарму посторонними лицами смотрѣли, а прокламаціи появлялись какимъ то чудомъ то въ одной, то въ другой ротѣ. Отъ насъ все это скрывали — берегли честь мундира. Наконецъ, генералъ не выдержалъ и пріѣхалъ посовѣтоваться къ губернатору, а тотъ пригласилъ меня. Саперный генералъ сталъ мнѣ разъяснять его систему борьбы; это было его изобрѣтеніе и конекъ. Въ заключеніе генералъ просилъ дать ему въ каждую роту по агенту, которыхъ онъ предполагалъ переодѣть въ саперную форму, и ввести ихъ такимъ образомъ въ роты съ тѣмъ, чтобы они раскрыли ему всѣхъ революціонеровъ въ батальонѣ.

Губернаторъ, слушая этотъ проектъ, смотрѣлъ на меня, улыбаясь глазами, я же думалъ: «Вѣдь выдумалъ же человѣкъ этакую штуку, а еще генералъ и инженерныхъ войскъ!» На сколько можно мягко, я старался разъяснить непригодность генеральскаго плана; говорилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ поступать такъ, какъ требуетъ штабъ Округа, что положеніе дѣлъ въ ротахъ слѣдуетъ выяснять черезъ ихъ же солдатъ и т. д.

Генералъ началъ горячиться и сталъ упрекать меня, что я не желаю помочь и не хочу дать ему агентовъ. Я сталъ повторять свои доводы, старался разъяснить получше, какъ надо приступить къ дѣлу, но генералъ сталъ еще больше горячиться, сталъ критиковать нашу систему борьбы и даже сказалъ, что то провокація, къ которой будто бы я хочу прибѣгнуть, не понимая очевидно и смысла слова «провокація». Услышавъ послѣднее, я всталъ и, сказавъ, что въ такомъ случаѣ мое присутствіе излишне, сталъ раскланиваться. Губернаторъ, видя происшедшую неловкость, вступился за меня, сталъ говорить генералу, что тотъ неправъ, что онъ не знаетъ нашей работы, но это дѣла въ сущности не поправило, и я распрощался, сказавъ на всякій случай генералу свой адресъ, и уѣхалъ въ отдѣленіе.

Генералъ остался при своихъ звонкахъ, къ намъ въ отдѣленіе не обращались и, что дѣлалось въ саперныхъ казармахъ, отъ насъ скрывали. Но вотъ, однажды, во время лагернаго сбора, когда я лежалъ уже подстрѣленный, явился въ отдѣленіе нижній чинъ одного изъ саперныхъ баталіоновъ и очень толково и подробно разсказалъ о томъ, что въ батальонѣ есть военно-революціонная организація и что тамъ на дняхъ долженъ вспыхнуть бунтъ, который пріуроченъ къ молебну передъ выступленіемъ на войну. Саперъ раскрылъ всю военную организацію по фамиліямъ, разсказалъ, когда были собранія, что на нихъ было рѣшено и какъ онъ и еще одинъ солдатъ докладывали о томъ одному изъ младшихъ офицеровъ, но начальство почему то не принимаетъ никакихъ мѣръ. Между тѣмъ революціонный комитетъ уже отдалъ послѣднія распоряженія, какъ и когда начинать бунтъ. Было предположено, что батальонъ перебьетъ офицеровъ и откажется выступить на войну.

Явившійся саперъ былъ допрошенъ оффиціально, показаніе его было занесено въ протоколъ, и мой замѣститель немедленно доложилъ о томъ Командующему Войсками Округа генералу Сухомлинову. Сухомлиновъ въ тотъ же день собралъ у себя высшихъ начальствующихъ лицъ гарнизона и предложилъ присутствующимъ доложить ему по-очереди о настроеніи въ частяхъ. Вездѣ все оказалось въ порядкѣ, особенно же было хорошо настроеніе по докладу уже знакомаго намъ генерала въ подчиненныхъ ему частяхъ.

Выслушавъ собравшихся, генералъ Сухомлиновъ огласилъ показаніе нижняго чина о готовящемся бунтѣ. Получился конфузъ и нѣкоторое недоразумѣніе при дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній съ сапернымъ генераломъ.

На томъ же самомъ совѣщаніи были выработаны необходимыя предупредительныя мѣры, которыя затѣмъ благодаря генералу Сухомлинову и были проведены военнымъ начальствомъ быстро и рѣшительно. Всѣ виновные въ заговорѣ были арестованы, бунтъ былъ предупрежденъ, а батальонъ былъ посаженъ въ вагоны съ особыми предосторожностями.

Надо было быть тогда на той загородней платформѣ, гдѣ происходила посадка и слышать всю ту ругань, что неслась изъ вагоновъ по адресу строевого начальства части, чтобы понять, какъ была развращена та часть, благодаря бездѣйствію такъ любившаго звонки генерала и подчиненныхъ ему лицъ.

О поведеніи эшелона жандармской желѣзнодорожной полиціей былъ тогда же составленъ соотвѣтствующій протоколъ.

Но за всю мою службу въ Кіевѣ это былъ единственный случай революціоннаго проявленія въ войскахъ. Въ общемъ же, войска округа не были затронуты революціонной пропагандой. Настроеніе по поводу войны было самое крѣпкое, хотя война, какъ происходившая очень далеко, была непопулярна и непонятна. Шли на войну безъ энтузіазма, но съ полнымъ спокойствіемъ и съ готовностью жертвовать собою за интересы родины. Такое спокойное, но крѣпкое настроеніе видѣлъ я воочію у частей Кіевскаго Округа, собранныхъ зимою, близъ станціи Жмеринка для полученія благословенія отъ Государя Императора.

Я получилъ телеграмму отъ Директора принять всѣ необходимыя мѣры охраны ввиду предстоящаго пріѣзда туда Государя, но условія мѣстности были таковы, что принимать почти ничего не пришлось, т. к. смотръ войскамъ долженъ былъ произойти въ сторонѣ отъ населеннаго пункта, на полѣ.

Стоялъ вѣтреный морозный день. На полѣ построились уходившія на войну части. По пути слѣдованія Государя небольшая пестрая толпа евреевъ — старыхъ, молодыхъ и ребятишекъ. Вотъ подошелъ Императорскій поѣздъ, и Государь, сѣвъ на коня, прослѣдовалъ къ войскамъ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила

Александровича, Военнаго Министра, Командующаго Войсками Округа и свиты. Холодъ былъ настолько нестерпимъ, что съ Великимъ Княземъ сдѣлалось дурно.

Объѣхавъ войска, Государь сталъ бесѣдовать съ каждой частью и благословлять каждую часть образомъ. Простое, но сильное по смыслу напутственное слово Государя, видимо, очень дѣйствовало на солдатъ и трогало ихъ. Пропустивъ затѣмъ части мимо себя, Государь отбылъ, провожаемый восторженнымъ «ура» войскъ. Кричала и толпа захолустнаго еврейскаго мѣстечка, текли слезы у старыхъ ветхозавѣтныхъ въ длинныхъ одеждахъ евреевъ, порывалась бѣжать за Государемъ завернутая въ платки дѣтвора, но застывала отъ грознаго взгляда урядника.

Государь долго и какъ всегда милостиво бесѣдовалъ на перонѣ съ командующимъ войсками Сухомлиновымъ, котораго онъ очень любилъ, считая его однимъ изъ выдающихся нашихъ военныхъ стратеговъ. А немного позже нашъ генералъ-губернаторъ Клейгельсъ, приглашенный въ поѣздъ къ завтраку, разсмѣшилъ Его Величество разсказомъ про необыкновенныя по величинѣ груши, культуры которыхъ онъ добился у себя въ имѣнiи, что генералъ Сахаровъ сравнилъ съ классической развѣсистой клюквой. Въ общемъ всѣ наши мѣстные остались, какъ всегда, очарованы Государемъ и вспоминали затѣмъ каждое его слово, ласковый взглядъ и добрую, слегка ироническую улыбку.

Вскорѣ послѣ саперной исторiи, въ виду тяжелаго состоянiя моего здоровья, меня освободили отъ должности начальника охраннаго отдѣленiя, и я разстался съ розыскомъ навсегда. Генералъ Треповъ прислалъ изъ Петербурга своего штабъ-офицера сказать, чтобы я не безпокоился о будущемъ, что онъ меня устроитъ. Офицеры Кiевскаго управленiя поднесли мнѣ на память о совмѣстной службѣ свой жетонъ, мое же родное отдѣленiе благословило меня образомъ. Къ осени я сталъ кое-какъ вставать и, наконецъ, настолько оправился, что меня смогли увезти въ Швейцарiю, откуда мы съ женой проѣхали въ Ментону, гдѣ я уже и долечился окончательно.

Кто же въ меня стрѣлялъ? Стрѣлялъ все тотъ же Руденко. Снабженный Кiевской большевицкой группой всѣми средствами, онъ выполнилъ порученное ему дѣло и скрылся изъ города. Три дня пьянствовалъ онъ на Трухановомъ островѣ, послѣ покушенiя, пропилъ выданныя ему деньги и черезъ мѣсяцъ былъ арестованъ отдѣленiемъ въ Бѣлой Церкви на вокзалѣ.

На первомъ же допросѣ онъ показалъ, что долженъ былъ убить меня еще раньше, на томъ свиданiи, про которое я разсказалъ уже, но не хватило духу. Не хватило духу стрѣлять и напрямки, когда встрѣтился со мною въ послѣднiй разъ, почему и билъ въ спину. Позже, наканунѣ суда, въ тюрьмѣ у Руденко обнаружили бомбу. Онъ заявилъ, что долженъ былъ бросить ее во время засѣданiя суда. Его сослали на шесть лѣтъ въ каторжныя работы.

Но были и еще лица, которыя пострадали отъ того кроваваго эпизода, пострадали жестоко, хотя и являлись совершенно неповинными въ немъ. То была моя жена и наши дѣти. Онѣмѣвшая отъ ужаса смотрѣла она, окруженная дѣтьми, на происходившую за окномъ драму. Пережитое ею тогда потрясенiе было такъ велико и ужасно, что она заболѣла тяжкой психической болѣзнью, отъ которой ей не суждено было оправиться. Она явилась искупительной жертвой въ борьбѣ закона съ демагогiей. А дѣти? А дѣти сперва имѣли около себя больную «маму», не понимая ея странныхъ поступковъ, а затѣмъ и совсѣмъ утратили ее. Потеряли самое лучшее, самое дорогое, что есть на свѣтѣ, чего никто и никогда не можетъ замѣнить — потеряли мать.

ДНЕВНИКИ

Дневникъ и воспоминанія кіевской студентки

I

Дневникъ

1919 г.

6-го февраля. Сегодня вступили въ городъ большевики. 3 дня у насъ было безвластіе, такъ какъ украинцы уже заблаговременно отступили. Слава Богу, что обошлось безъ прошлогоднихъ боевъ. Надѣюсь, что прекратится вѣчная стрѣльба по ночамъ и вообще не будетъ отвратительной украинской анархіи. Н. П. совершенно права: ужъ лучше одинъ чортъ, но, чтобы сидѣлъ крѣпко. Большевики такъ большевики. Вѣчныя перемѣны власти могутъ съ ума свести. Которое это у насъ правительство, начиная съ 1-го января 1917 г.? Царское, временное, рада, большевики, рада, гетманъ, директорія, теперь снова большевики. Большая часть знакомыхъ бѣжала. Я была противъ бѣгства. Что могутъ сдѣлать тихимъ, смирнымъ людямъ, которые никого не трогаютъ и политикой не занимаются. Понятно, что «Протофисъ» и «Суозифъ», а также члены украинскаго п-ства не могли остаться. Но у остальныхъ это просто паника.

7-го февраля. Новая власть рьяно принялась за дѣла. Лучшія квартиры отводятъ для постоевъ богунцевъ и еще какого-то полка; хозяева должны кормить солдатъ, которые ведутъ себя болѣе чѣмъ грубо, самовольно дѣлаютъ обыски, требуютъ бѣлья, одежды. Въ домъ Гинзбурга, что на Институтской, вселили такимъ образомъ 400 солдатъ. Въ теченіе 3-хъ—4-хъ часовъ, они превратили домъ въ какой-то хлѣвъ. Они снуютъ по лѣстницѣ, звонятъ поминутно въ квартиры и все время носятъ на спинѣ заряженную винтовку. Одинъ изъ нихъ при неосторожномъ движеніи убилъ тутъ же въ домѣ своего товарища.

Глядя на ихъ тупыя, безсмысленныя лица, слушая ихъ убогія рѣчи, я начинаю сомнѣваться въ пользѣ и смыслѣ всеобщаго избирательнаго права. Встрѣтила Б. на улицѣ. Она разсказывала ужасы о Липкахъ. Всѣхъ выбрасываютъ изъ особняковъ, не позволяя ничего забирать съ собой. Частные дома занимаютъ подъ казармы и учрежденія.

12-го февраля. На городъ наложили контрибуцію, очевидно для того, чтобы запугать «буржуевъ» и заставить ихъ платить; началась серія арестовъ. Почти всѣхъ купцовъ и домовладѣльцевъ посадили въ тюрьму. Насъ пока не трогаютъ.

16-го февраля. Къ намъ вселили 2-хъ красноармейцевъ. Они — крестьяне харьковской губ. Пребываніе ихъ мало пріятно; ихъ надо кормить, они потребовали себѣ бѣлья, къ нимъ постоянно приходятъ гости, но, въ общемъ, это два тихихъ, крайне тупыхъ парня. Постой нашей сосѣдки ведетъ себя хуже: въ пять часовъ утра солдаты играли на рояли и пѣли.

18-го февраля. Отвратительная ночь. Началось съ того, что часовъ въ 10 веч. нашихъ солдатъ повели дѣлать обыски въ сосѣднихъ домахъ. Это, конечно, раззадорило ихъ аппетитъ, и, вернувшись къ намъ, они рѣшили въ 3 ч. ночи поискать и тутъ. Во время обыска они потребовали чаю. Пришлось встать и грѣть имъ воду, такъ какъ прислуга,

явно стоящая на ихъ сторонѣ, все таки отказалась работать въ такое неурочное время. На этой почвѣ уже началось столкновеніе между красноармейцемъ и кухаркой.

Обыскъ на этотъ разъ кончился благополучно: исчезло только полфунта колбасы.

Арестованныхъ заложниковъ мало-по-малу выпускаютъ. Очень плохо приходится семьямъ бѣжавшихъ: арестуютъ ихъ женъ, дѣтей, громятъ квартиры, націонализируютъ имущество. На каждомъ шагу встрѣчаются подводы, нагруженныя реквизированной мебелью. Въ учрежденія свозятъ стильную мебель, ковры, зеркала.

23-го февраля, Нашу гостиную реквизировалъ сов. служащій — секретарь комиссара по иностраннымъ дѣламъ. Это 18-лѣтній юнецъ очень глупый и невѣроятный лгунъ. Лжетъ онъ такъ нагло, что не знаешь сердиться или смѣяться. Понимая, что его очень молодая внѣшность никому не внушаетъ уваженія, онъ передѣлалъ свой возрастъ въ паспортѣ, такъ что ему оффиціально 28 лѣтъ.

Онъ — москвичъ, и отецъ его бѣжалъ въ Кіевъ при гетманѣ. Онъ не успѣлъ даже кончить гимназіи, но разсказываетъ, что кончилъ 2 факультета.

Всетаки это ничтожество пользуется извѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ, когда Ш былъ арестованъ ч.-к., по доносу дворника, ему очень скоро удалось освободить его.

Красноармейцы ведутъ себя довольно спокойно. Въ другихъ домахъ они страшно буянятъ. Интересно то, что отъ этихъ постоевъ страдаютъ и бѣдные люди, напр. бѣженцы Г.: они живутъ въ 3-хъ комнатахъ (ихъ семеро); къ нимъ поставили еще 10 красноармейцевъ, которые заставляютъ дочерей ставить для нихъ ночью самоваръ и т. п. Еще хуже тамъ, гдѣ поселились офицеры, то бишь красные командиры съ женами. Между этими дамами нѣтъ ни одной приличной женщины, и поведеніе ихъ соотвѣтствуетъ ихъ общественному положенію.

Буржуазія въ ужасномъ настроеніи, но мнѣ кажется, что не надо относиться такъ враждебно и зло къ ошибкамъ. Мы должны помнить, что реквизиціи помѣщеній начались еще во время войны, экономическое разстройство страны также внесено не большевиками. Вообще, идетъ еще гражданская война! Меня возмущаютъ, въ особенности, тѣ евреи, которые вздыхаютъ по царѣ. Неужели нѣкоторыя имущественныя потери могутъ сравниться съ тѣми униженіями, которымъ насъ ежечасно подвергалъ царскій режимъ?

*1-го марта.** Здѣсь все ждутъ французовъ. Мнѣ почему-то кажется, что они не прійдутъ. Примѣръ ихъ собственной революціи вѣдь долженъ былъ бы имъ показать всю безсмысленность иноземнаго вмѣшательства. Самое лучшее и для Россіи и для ея сосѣдей — это нормальное развитіе событій. Большевизмъ — явленіе болѣзненное и, какъ таковое, долго существовать не можетъ. Конечно, это не вопросъ мѣсяцевъ, какъ думали москвичи и петербуржцы, когда они пріѣзжали къ намъ, а нѣсколькихъ лѣтъ. Но иноземное вмѣшательство только задерживаетъ событія и ставитъ имъ ненужныя препятствія.

Одна изъ самыхъ дикихъ сторонъ большевизма — отсутствіе свободной печати. То-есть я неправильно выразилась: печать вообще исчезла. Есть только оффиціальные органы коммунистической партіи, въ которыхъ работаютъ какіе-то садисты и полуграмотные экстерны. Таковы наши кіевскія изданія; московскія газеты значительно лучше. Тамъ пишутъ грамотно.

3-го марта. Лгунишка-комиссаръ арестованъ. — Ему грозитъ разстрѣлъ. Кажется, онъ надѣлалъ какія-то глупости — не то поддѣлалъ подпись Мазуренко, не то рекомендовалъ на службу завѣдомаго контръ-революціонера. Неужели его разстрѣляетъ та же власть, которая допустила на отвѣтственный постъ недоучившагося дурачка?

10-го марта. Уничтожаются частныя библіотеки. Частнымъ лицамъ нельзя имѣть никакихъ коллекцій. Мнѣ предложили мѣсто «эмиссара» въ библіотечномъ отдѣлѣ для осмотра частныхъ библіотекъ. Я отправилась съ Л. въ какую-то канцелярію въ гостинницѣ Гладынюка, но тамъ мнѣ заявили, что женщинъ на эту должность не принимаютъ. Хорошо равноправіе!

---

* Даты марта и апрѣля, вслѣдствіе утери нѣсколькихъ страницъ, возстановлены частью по памяти; возможны ошибки.

Л. приняли и онъ побродилъ нѣсколько дней по раззоренным квартирамъ и наложилъ печати на библіотечные шкафы. Можетъ быть, можно будетъ хоть такимъ путемъ спасти тѣ книги, которыя солдаты еще не успѣли разорвать и сжечь.

На одномъ изъ засѣданій по библіотечному вопросу встрѣтила Н. Онъ — бундовецъ и не долженъ былъ бы служить у большевиковъ, хотя при ихъ системѣ надо или эмигрировать, или поступить къ нимъ на службу. Иначе, при все растущей дороговизнѣ можно будетъ умереть съ голоду.

12-го марта. Вчера насъ хотѣли выселить изъ квартиры. Только протекція бывшаго репетитора Ѳ. П., который завѣдуетъ жилищнымъ отдѣломъ, спасла насъ. Вмѣсто нашей взяли въ томъ же домѣ другую квартиру, владѣльцы которой уѣхали. Въ нее вселили какого-то доктора, выселеннаго изъ дома Миркина. Этотъ домъ національзованъ, такъ какъ владѣлецъ бѣжалъ. Поэтому страдаютъ жильцы: ихъ выдворяютъ, запрещая выносить мебель. Такое выселеніе настоящее раззореніе. Можно себѣ представить во что превратятъ квартиры и мебель красноармейцы и «сотрудники» совѣтскихъ учрежденій.

20-го марта. Кіевскія улицы очень измѣнились за послѣднее время. Онѣ всегда были очень оживлены, а при гетманѣ на Крещатикѣ нельзя было протолкаться. И публика была гораздо элегантнѣе, чѣмъ раньше. Теперь наоборотъ, все уменьшается число элегантныхъ и даже опрятно одѣтыхъ прохожихъ, особенно мужчинъ. Большинство ходитъ въ солдатскихъ шинеляхъ или въ кожаныхъ курткахъ и въ черныхъ картузахъ. Многія дамы не носятъ шляпъ. Всѣ стараются придать себѣ «демократическій видъ».

Наши солдаты, слава Богу, ушли, предварительно надѣлавъ намъ еще непріятностей.

Они стрѣляли изъ винтовокъ у себя въ комнатѣ; не говоря о томъ, что такая игра могла кончиться печально и для кого-нибудь изъ насъ, эта стрѣльба чуть было не завершилась «тщательнымъ» обыскомъ, такъ какъ остальные красноармейцы увѣряли, что стрѣляли мы и хотѣли искать у насъ оружіе. А для чего производятъ у буржуевъ тщательные обыски, мы хорошо знаемъ по разсказамъ потерпѣвшихъ знакомыхъ.

Оказывается, что работать въ совѣтскихъ учрежденіяхъ не легко.

Есть нѣсколько учрежденій нейтральныхъ, напр. совнархозъ, губстатбюро. Туда идутъ буржуи, нуждающіеся или надѣющіеся хоть что-нибудь спасти. Р. будто бы пошелъ на совѣтскую службу по послѣднимъ мотивамъ, но онъ жалуется, что ему жить не даетъ коммунистическая ячейка, вмѣшивающаяся въ его дѣловыя распоряженія, все провѣряющая, все подозрѣвающая, и недовольная тѣмъ, что онъ не коммунистъ.

По его словамъ, члены этихъ ячеекъ наихудшій сбродъ даже между коммунистами.

25-го марта. Вездѣ комиссары, которые все портятъ и во все вмѣшиваются. Я удивляюсь, какъ наши профессора выдерживаютъ, когда ими командуетъ недоучившійся студентикъ. Кстати о послѣднихъ: они теперь имѣютъ важное значеніе, ихъ назначаютъ на высокіе посты. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи большевики только идутъ вслѣдъ за своими предшественниками — украинцами: Голубовичъ вѣдь тоже попалъ въ премьеры съ 4-го курса.

Куда-то они всѣ дѣлись? и какимъ это кажется далекимъ!

Какимъ пріятнымъ былъ украинскій фарсъ въ сравненіи съ коммунистической трагедіей. У насъ все грустнѣй и грустнѣй; жизнь дорожаетъ, притѣсненія увеличиваются, всѣ ходятъ какіе-то напуганные.

Нельзя даже развлечься. Театры и кинематографы національзованы, играютъ тенденціозныя пьесы и показываютъ фильмы, въ которыхъ (довольно тупо) острятъ надъ буржуазіей.

1-го апрѣля. Что ни день, то не легче. Уже не говоря о мученіяхъ, которымъ подвергаются знакомые, за что ихъ жалѣешь, начинаешь сама вѣчно чего-то опасаться.

Каждый звонокъ приводитъ въ ужасъ, боишься выйти на часъ изъ дому, чтобы за время отсутствія не произошло чего-нибудь. А насъ еще пока Богъ миловалъ.

Вчера заходилъ Б. У бѣдняги была большая непріятность: какъ всѣ кіевляне, наученные горькимъ опытомъ москвичей и петроградцевъ, онъ вынулъ, при Директоріи, все наиболѣе цѣнное изъ сейфа. Это было очень умно, потому что сейфы теперь опечата-

ны и ихъ будутъ осматривать. Но затѣмъ онъ уже сдѣлалъ глупость, спрятавъ свертокъ съ цѣнностями на печку. Это мѣсто знаетъ, кажется, каждый ребенокъ, не то, что чекистъ. Когда же къ нему прислали постой, онъ забылъ или не успѣлъ принять свертокъ, который исчезъ вмѣстѣ съ красноармейцами. Въ этомъ случаѣ есть двѣ интересныя стороны: во-первыхъ, пострадавшій совершенно не имѣетъ права жаловаться на воровъ властямъ, такъ какъ самый фактъ владѣнія цѣнностями является преступленіемъ, чѣмъ-то вродѣ сохраненія краденаго при буржуазномъ строѣ. Обокраденный не только не получитъ помощи отъ власти, но будетъ подвергаться обыскамъ, будетъ обложенъ контрибуціей на томъ основаніи, что у него могли еще остаться цѣнности или, что онъ когда-то владѣлъ ими.

Во-вторыхъ, пострадалъ отъ соціальнаго переворота, имѣющаго цѣлью уничтожить бѣдность, бѣдный человѣкъ. То, что украли у Б., было плодомъ долголѣтнихъ трудовъ; онъ давалъ уроки будучи гимназистомъ, всю жизнь былъ заводскимъ врачемъ, лѣчилъ тѣхъ же крестьянъ и рабочихъ, которые его теперь ограбили.

Между прочимъ, Б. страшно радовался революціи, а теперь онъ ее проклинаетъ, и призываетъ тѣнь Побѣдоносцева.

Мы отдѣлались отъ нашихъ красноармейцевъ легко — маленькой кражей постельнаго бѣлья и добровольной данью носильнаго.

10-го апрѣля. На этой недѣлѣ было нѣсколько тяжелыхъ дней. Я не думала, что такъ тяжело присутствовать при томъ, какъ забираютъ вашу собственность. Когда перенесшіе это разсказывали о пережитомъ со скрежетомъ зубовъ, я пожимала плечами и удивлялась такой привязанности къ вещамъ. Жить вѣдь можно и безъ стильныхъ гостинныхъ и персидскихъ ковровъ.

Теперь я поняла, что дѣло совсѣмъ не въ вещахъ и не въ ихъ цѣнности, а въ томъ, что кто-то смѣетъ забирать мое, мою собственность, то, что принадлежитъ мнѣ.

Какое это униженіе! Кто-то къ вамъ врывается и крадетъ на основаніи «закона», несмотря на ваши просьбы, протесты.

Боже мой! конечно, смѣшно жаловаться на такой пустякъ, когда гибнетъ цѣлая страна, и теперь только я вижу, какъ гибнетъ. Что человѣкъ (а можетъ быть, только я) за животное, когда онъ обо всемъ судитъ только въ отношеніи къ самому себѣ!

Одно воспоминаніе о происходившемъ у насъ въ квартирѣ на этой недѣлѣ заставляетъ меня до сихъ поръ вздрагивать. Вытаскивали изъ квартиры мебель, серебро, ковры и еще кричали при этомъ, что все дѣлается для народа, который спасаютъ изъ нашихъ «обагренныхъ кровью» рукъ.

И униженія, просьбы родителей, сопровождавшія эту сцену . . . Ужъ лучше стоять и молчать!

Больнѣе всего то, что вся эта конфискація, или попросту кража, произошла по доносу тетиной горничной, которая уже 4 мѣсяца сидитъ у насъ на шеѣ, ничего не дѣлаетъ и беретъ жалованье, такъ какъ мамѣ было жаль ее разсчитать послѣ реквизиціи квартиры. Въ видѣ благодарности, она постаралась, чтобы у насъ забрали серебро, а одинъ жилецъ — подборщикъ — сказалъ чекистамъ, что у насъ хорошая мебель. Никто изъ насъ его никогда не обидѣлъ, такъ что его поступокъ даже не месть, а просто искусство для искусства. Одинъ изъ реквизировавшихъ серебро отрекомендовался студентомъ московскаго университета.

Правда, Б. говорила еще лѣтомъ, что, когда былъ изданъ декретъ о томъ, что, для поступленія въ университетъ, не нуженъ аттестатъ зрѣлости, ея петербургскій дворникъ сейчасъ же записался въ студенты, чтобы не пойти въ красную армію.

14-го апрѣля. Снова хотѣли реквизировать квартиру для какого-то украинскаго коммунистическаго клуба. Ворвались во-время сейдера *.

15-го апрѣля. Два красноармейца пришли реквизировать мѣдный котелъ для выварки бѣлья. Насилу ихъ умолили оставить его, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ противно варить для людей.

---

* Вечеръ наканунѣ праздника Пасхи.

Куда бѣжать изъ этого ада? Ужъ нѣтъ больше терпѣнія!

Каждый день кого-нибудь арестовываютъ или разоряютъ. Угрожаютъ всѣхъ выселить изъ буржуазныхъ домовъ и вселить въ нихъ — бѣдноту. Недавно снова получили письмо изъ Москвы. Родные пишутъ, что они страшно мучались всю зиму. Не было топлива и холодъ въ домахъ былъ невѣроятный? У всѣхъ отморожены руки и ноги.

23-го апрѣля. Пишу поздно ночью. Сегодня насъ хотѣли снова выбросить уже всѣмъ домомъ, чтобы размѣстить штабъ какой-то дивизіи. Комендантъ дома уже назначенъ.

Все чаще и чаще вспоминаются «Бѣсы». Чего собственно хотятъ эти люди? Зачѣмъ все это дѣлается? Я могу объяснить себѣ многое: терроръ — это самозащита правительства, онъ страшенъ, но къ нему прибѣгала всякая власть и, при малѣйшемъ упрекѣ, большевики могутъ указать на всю исторію человѣчества. Правда, мы, ихъ оппоненты, можемъ имъ напомнить, что они же, при временномъ правительствѣ, вопили противъ смертной казни, а теперь кровь льется рѣкой?

Я могу понять отчужденія и конфискаціи недвижимости, могу объяснить контрибуціи — своего рода единовременный налогъ на богатыхъ, но дальнѣйшее? Что измѣнится въ соціальномъ строѣ, если у X. и Y. заберутъ серебро, бѣлье, одежду? Каждый ребенокъ понимаетъ, что все это разойдется по рукамъ другихъ частныхъ лицъ. И это еще въ лучшемъ случаѣ, потому что большинство вещей просто гибнетъ: изъ портьеръ, изъ мебельной обивки дѣлаютъ портянки, куртки, часовые сидятъ передъ чека на дорогой мебели.

Большевистская система способствуетъ развитію самыхъ подлыхъ и низкихъ наклонностей.

Сегодня, напр., была такая сценка: надо замѣтить, что, при реквизиціи дома, выселяемымъ жильцамъ почти ничего не позволяютъ забирать съ собой, поэтому нашъ комендантъ далъ соотвѣтствующее распоряженіе швейцару; послѣдній — приличный человѣкъ и не обращалъ вниманія на то, что многіе жильцы по-тихоньку спасали свое имущество. За такое нерадѣніе ему сдѣлалъ замѣчаніе живущій въ домѣ подборщикъ. Онъ не коммунистъ, но, вѣроятно, надѣется поживиться не одной вещью въ опустѣвшихъ квартирахъ, которыя сплошь и рядомъ пустуютъ, такъ какъ некому ихъ занять.

24-го апрѣля. Есть надежда, что комендантъ за мзду освободитъ нашъ домъ. Онъ — бывшій учитель гимназіи въ Москвѣ, горькій пьяница. Но, конечно, о немъ и о милліонахъ ему подобныхъ русскіе не вспомнятъ. Они будутъ безъ конца перечислять коммунистовъ — евреевъ и указывать на еврейскихъ подонковъ, принимавшихъ участіе въ большевизмѣ. Но о нашемъ коммунистѣ Лебедевѣ, о Собиновѣ, Шаляпинѣ и всѣхъ тѣхъ офицерахъ, чиновникахъ и другихъ русскихъ, которые работали во славу коммунизма, они не вспомнятъ или найдутъ для нихъ смягчающія обстоятельства: они, бѣдные, были выбиты изъ колеи войной, умирали отъ голоду, большевики ихъ принудили силой, угрозами.

25-го апрѣля. За старый чемоданъ и нѣсколько бутылокъ водки коммунистъ Лебедевъ сжалился надъ нами. Кажется, впрочемъ, что значеніе имѣла протекція члена исполкома Алгасова, съ которымъ знакомъ кто-то изъ жильцовъ. Оригинальная власть! Одинъ изъ ея высшихъ представителей не стѣсняется дѣйствовать по знакомству наперекоръ ей.

Вообще, большевики довели до абсурда всѣ недостатки, которыми отличаются плохія правительства. У нихъ безъ протекціи, безъ знакомства нельзя сдѣлать шагу, нельзя вообще существовать. Затѣмъ, бюрократія развилась до безпредѣльности: вездѣ и для всего канцеляріи, 5 чиновниковъ исполняютъ то, что въ прежнее время дѣлалъ одинъ. Бумажки, бумажки безъ конца.

Интересно, что то же происходило во время французской революціи, когда министры должны были издавать распоряженія о бережливомъ отношеніи къ бумагѣ.

Къ сожалѣнію, ряды этихъ чиновниковъ и чиновницъ пополняются, главнымъ образомъ, буржуазной молодежью, преимущественно еврейской.

Конечно, это легко объяснить: большевики уничтожили всѣ частныя предпріятія — часть они національзировали, часть же (страховыя общества, банки) уничтожили, какъ уродливыя явленія буржуазнаго строя. Лица, служившія въ этихъ учрежденіяхъ, должны имѣть какой-нибудь заработокъ, такъ какъ даже лица, имѣющія крупныя суммы въ банкахъ не знаютъ откуда брать средства на непомѣрную дороговизну, ибо съ текущихъ счетовъ выдаютъ на человѣка 1000 руб. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, совѣтская служба будто бы даетъ паекъ, который никто никогда не получаетъ, и кое-какія привилегіи, напр. тѣ дома, гдѣ живетъ много совѣтскихъ служащихъ, не реквизируются.

27-го апрѣля. Кажется, «коммунистъ» и «идіотъ» — значеніе этихъ двухъ словъ равносильно.

Вышелъ декретъ о количествѣ мебели, которое полагается на семью. Въ сущности стоитъ ли запоминать его содержаніе? Одна мысль о такомъ узаконеніи вызываетъ сомнѣніе въ здравомъ умѣ законодателя. Это похоже на сатиру. Такъ описывалъ соціалистическую республику Евг. Рихтеръ, книгой котораго всѣ теперь зачитываются.

Неужели онъ былъ правъ? Неужели прекрасная мечта о благоденствіи всего человѣчества должна принять въ дѣйствительности такія уродливыя формы? Почему? вѣдь все таки это прекрасная мечта и осуществить ее можно было бы совсѣмъ иначе. Можетъ быть, она попала на слишкомъ неподготовленную почву?

Словомъ, «der langen Rede kurzer Sinn» — въ декретѣ сказано, что на семью полагается шкафъ (1), столъ (1), столько кроватей и стульевъ, сколько членовъ семьи, плюсъ 2 стула для гостей. И все. Умывальники, комоды, этажерки, ночные столики и т. п. считаются, очевидно, излишними предметами роскоши, которые, разумѣется, въ случаѣ нахожденія, будутъ реквизированы.

1-го мая. Сегодня большое торжество. 1-ое мая рабочій праздникъ, а у большевиковъ это офиціальное торжество. Къ нему приготовлялись задолго. Всѣ кіевскіе художники рисовали и писали плакаты большевистскаго содержанія. Правительство покровительствуетъ крайнимъ теченіямъ въ искусствѣ и поэтому понять содержаніе этихъ «картинъ» довольно трудно.

Мы пошли компаніей въ Купеческій садъ, гдѣ должны были выступать Мордкинъ и Собиновъ, но начался спектакль длинной, бездарной рѣчью на тему «о качествахъ пролетаріата и подлости буржуазной сволочи». Болтливый «товарищъ» говорилъ такъ много и долго, что я не выдержала и удрала.

Утромъ былъ такого же рода спектакль для дѣтей — воспитанниковъ народныхъ школъ, пріютовъ и т. п. учебныхъ заведеній. Вообще, къ дѣтямъ большевики относятся очень хорошо. Они ихъ даже чрезмѣрно балуютъ, даютъ имъ совершенно нелѣпое воспитаніе. Очень легко покорить дѣтскія сердца еженедѣльными спектаклями, грудами конфетъ и бездѣльемъ. Такъ большевики приготовляютъ себѣ кадры новыхъ сторонниковъ.

Вообще ихъ педагогическія теоріи: трудовая школа (слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ), надзоръ учениковъ за учителями и т. п. пользуются успѣхомъ не только у гимназистовъ и гимназистокъ, но даже среди молодыхъ учителей.

Чѣмъ дольше у насъ большевики, тѣмъ больше я вижу, что часть русской интеллигенціи (и довольно большая часть), я не скажу сочувствуетъ имъ, но не находитъ въ ихъ дѣйствіяхъ безумія и преступности. Когда имъ говорятъ, что большевики — грабители, разрушающіе частное благополучіе и такимъ образомъ подрывающіе благосостояніе всей страны, они отвѣчаютъ: «Что за несчастіе, если заберутъ землю, или домъ, или мебель у Бродскаго, у Терещенка? Вѣдь не трудомъ праведнымъ нажили они свои палаты каменныя. Да кромѣ того у такихъ богачей всегда что-нибудь останется». Очевидно, ихъ не возмущаетъ фактъ грабежа самъ по себѣ. Что же они думаютъ, что чекистъ, обкрадывающій Терещенко, правильно распредѣляетъ богатство.

Не носили ли русскіе всегда въ себѣ зародышей большевизма? А если часть ихъ теперь имъ недовольна, то, кажется, главнымъ образомъ за то, что въ немъ такое значеніе имѣютъ евреи. Они бы помирились съ Троцкимъ, если бы онъ былъ урожденный не Бронштейнъ, а Ивановъ или Петровъ.

На этой почвѣ у И. непрекращающаяся вражда съ нѣкоторыми одноклассницами. Эти дѣвочки загрызали ее раньше на смерть, а теперь онѣ восторгаются совѣтскими педагогическими мѣрами.

5-го мая. Вчера въ 8 ч. веч. (по совѣтскому времени) позвонили къ намъ Б. Ихъ вторично выбрасываютъ изъ дому и они просили насъ спасти имъ немного бѣлья и фотографіи, такъ какъ имъ заявили, что ничего почти не позволятъ съ собой вынести. Сегодня они сообщили, что волненіе было излишне. Домъ рѣшили пока только уплотнить, такъ какъ тамъ живетъ много служащихъ гор-и губпродкомовъ, и за нихъ вступился Шлихтеръ.

Говорятъ, что на Кіевъ идутъ банды какого-то Григорьева.

8-го мая. Снова 3 дня подрядъ врываются въ квартиру и хотятъ ее реквизировать то цѣликомъ, то частью. Каждый разъ тотъ же торгъ, упрашиванія, мольбы. Невыносимо! А еще противнѣе отношеніе домового комитета. Всякій разъ, когда приходятъ съ ордеромъ, предсѣдатель бѣжитъ къ намъ и отдаетъ нашу квартиру на разореніе. Доходило даже до безобразныхъ сценъ. Вѣдь, эти жильцы такіе же «буржуи», какъ мы, а, можетъ, и большіе; почему же вмѣсто сочувствія, какой-нибудь организаціи для самозащиты отъ того ужаса, который надвинулся на насъ всѣхъ, наши же собратья по классу, по культурному уровню, поддерживаютъ политику большевиковъ.

Живетъ ли въ каждомъ человѣкѣ большевикъ или только въ россійскомъ гражданинѣ? А можетъ быть, это лишь результатъ большевизма; вѣчныя волненія, матеріальныя лишенія, постоянная угроза жизни разбудили въ самыхъ кроткихъ людяхъ звѣря. Кажется, постоянное страданіе не дѣлаетъ человѣка лучшимъ.

16-го мая. Какая это была страшная недѣля. Страшнѣе обстрѣла 18-го года. Онъ совсѣмъ померкъ передъ ней. Слава Богу, все кончилось благополучно.

Послѣдніе дни въ городѣ было довольно тревожно. На Кіевъ шелъ Григорьевъ; разсказываютъ, что его банды вырѣзываютъ цѣлыя еврейскія мѣстечки. Возникъ ли въ связи съ этимъ движеніемъ въ Кіевѣ какой-нибудь заговоръ — не знаю, но произошли массовые аресты русскихъ купцовъ и членовъ союза русскаго народа. Разстрѣляли нѣсколько десятковъ человѣкъ. Нѣкоторыхъ освободили, вѣроятно, за большія деньги. Въ то же время увеличили контрибуцію, такъ что теперь городъ долженъ выплатить 200 милл.

Я бы ихъ всѣхъ очень жалѣла, если бы не мысль о томъ, жалѣли ли бы они меня? Конечно, нѣтъ. Теперь мы страдаемъ вмѣстѣ, но когда-нибудь имъ будутъ пѣть «Вѣчная память», будутъ ставить памятники, а намъ устроятъ пару погромовъ за то, что въ ночь на 12-ое мая арестовали 50 евреевъ — заложниковъ буржуазіи. Къ намъ позвонили въ 3 ч. ночи. Обыска не сдѣлали. Предъявили только ордеръ на имя уѣхавшаго папинаго брата, а когда обратили ихъ вниманіе на это, и они позвонили въ чека, оттуда отвѣтили, что можно взять брата за брата.

Мы боялись, чтобы они не убили папу по дорогѣ, какъ бывало не разъ, и мама съ Н. пошли слѣдомъ за ними, хотя одинъ изъ конвойныхъ грозилъ ей револьверомъ. Они пошли даже вторично, отнести папѣ ѣду и одѣяло, такъ какъ онъ провелъ остальную часть ночи и почти весь послѣдующій день въ сосѣднемъ районѣ.

Въ 6 ч. утра мы всѣ были на ногахъ; началась бѣготня къ друзьямъ и сильнымъ міра сего. Въ общемъ всѣ относились доброжелательно, но никто не хотѣлъ очень стараться: никто не хочетъ компрометировать себя защитой арестованнаго буржуя и всякій прячетъ протекціи для себя.

Телефонируя къ знакомымъ, я два раза попала довольно неудачно: въ мартѣ была арестована Б., мама тогда за нее хлопотала, и я рѣшила обратиться къ ней за какими-нибудь указаніями. Въ 8 час. утра я къ ней позвонила и разсказала о папиномъ арестѣ. Она меня удивила сухимъ отвѣтомъ: «Да, теперь всѣхъ арестовываютъ», и повѣсила трубку. Полчаса спустя я ее увидѣла въ районѣ. Оказалось, что въ ту минуту, когда я хотѣла съ ней говорить, ее арестовали и уводили вмѣсто больного мужа. Ей за шестьдесятъ лѣтъ. Позже, днемъ, я вспомнила объ одномъ знакомомъ врачѣ — человѣкѣ со связями. Долго мнѣ не отвѣчали изъ его квартиры, наконецъ, чей-то голосъ сообщилъ, что и онъ арестованъ.

Къ 4 ч. дня районъ былъ биткомъ набитъ купцами, домовладѣльцами, все евреями. Въ 5 ч. ихъ повели въ чека. Ихъ вели по мостовой; каждый, даже бѣдная Б. съ растрепавшимися сѣдыми косами тащила узлы. Прохожіе смотрѣли на нихъ съ жалостью . . . потому что кому-то пришло въ голову, что это ведутъ арестованныхъ поляковъ. Я подумала, какъ бы измѣнилось отношеніе толпы, если бы они присмотрѣлись и увидѣли, что среди арестованныхъ нѣтъ ни одного арійца. Навѣрное, сказали бы, что подѣломъ, такъ жидамъ и надо.

Въ чека свиданій нѣтъ. Можно лишь 2 раза въ недѣлю приносить пищу. На слѣдующій же день И. побѣжала съ провизіей. Чека находится теперь въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который отгороженъ съ обѣихъ сторонъ, такъ что нельзя мимо него пройти. Канцеляріи находятся въ маленькомъ домѣ на углу Садовой и Институтской. Тамъ была длинная очередь — все родственницы, съ которыми чекисты обращались страшно грубо. Но, несмотря на это, какая-то неунывающая толстая дама затѣяла тутъ же разговоръ о великомъ значеніи большевизма.

Такъ прошло 4 дня. На 5-ый день большинство арестованныхъ выпустили, въ томъ числѣ и папу.

5 дней въ чека это ничего, глупости. Есть люди, которые сидятъ тамъ по 6 недѣль.

Не знаю, кому хуже, семьѣ или арестованному? Пугаетъ полная неизвѣстность. Не знаешь, за что арестовываютъ, въ чемъ обвиняютъ.

Папа сидѣлъ въ одной камерѣ съ Флоринскимъ и другими, разстрѣлянными на этой недѣлѣ. При немъ же ихъ вывели пьяные солдаты. Поздно ночью они ворвались въ камеру и стали вызывать жертвы, сопровождая каждую фамилію непечатной бранью.

На фронтѣ большевикамъ хуже. На Крещатикѣ, около кинематографа «Экспрессъ», расположился «Бупъ», сирѣчь «Бюро Украинской печати»; оно ежедневно вывѣшиваетъ главныя телеграммы, сводки, извѣстія о революціяхъ и забастовкахъ въ Европѣ. И сводки эти гласятъ, что красная армія «отступаетъ на заранѣе приготовленныя позиціи».

Уже не заходятъ такъ далеко на югъ красныя линіи на огромныхъ картахъ, разставленныхъ во всѣхъ скверахъ.

20-го мая. Какъ долго можно жить въ такой атмосферѣ злобы и ненависти? Какъ долго можно разносить остатки столоваго серебра, бѣлье и деньги по знакомымъ? Что это за каторга? Со времени папинаго ареста, я не сплю по ночамъ. Оставляю окно нарочно открытымъ, просыпаюсь каждые часъ, полтора и прислушиваюсь. Такъ спятъ всѣ наши, и я думаю, что такъ спитъ большая часть кіевлянъ. Не имѣю даже своего угла. Пришлось уступить мою комнату Б. Бѣдняжекъ окончательно выбросили изъ дому. Но мы благодаримъ Бога за то, что живутъ у насъ онѣ, а не жена ротнаго командира, которая реквизировала у насъ двѣ лучшія комнаты, во время папинаго ареста. И въ этомъ случаѣ секретарь домового комитета проявилъ себя во всей своей нравственной красѣ. Въ первый же день папинаго ареста, они ворвались къ намъ. Ни просьбы, ни уговоры — ничего не помогало. Даже болѣе того, когда командирша уже удовлетворилась одной комнатой, секретарь уговорилъ ее взять двѣ. Зато онъ былъ наказанъ: наша обстановка этой дамѣ не понравилась, мы должны были все вынести и размѣстить въ сосѣднихъ комнатахъ, а она, съ помощью своего адъютанта, молоденькаго офицерика, выбрала во всемъ домѣ, что было получше и приказала военнымъ шофферамъ, занявшимъ другую квартиру, снести все выбранное ею къ намъ. И секретарь поплатился какими-то креслами. Въ благодарность за услуги, офицерикъ отдалъ одну изъ нашихъ кроватей въ распоряженіе шофферовъ.

Такимъ образомъ, командирша съ адъютантомъ (командиръ все время на фронтѣ) будутъ жить въ 2-хъ комнатахъ, а мы — семья изъ шести человѣкъ — въ 3-хъ.

Только вечеромъ удалось уломать командиршу. Она вспомнила, что видѣла лучшую квартиру гдѣ-то на Костельной и пошла туда терзать людей.

Теперь въ нашей 7-ми комнатной квартирѣ, не считая прислуги, живетъ десять человѣкъ. Это еще по-божески, хотя для меня уже не хватило кровати.

У Ш. въ квартирѣ изъ 8-ми комнатъ живетъ 15 человѣкъ и, что хуже всего, комиссаръ съ женой, то-есть съ женами, такъ какъ каждую недѣлю у него живетъ другая дама.

5-го іюня. Жизнь все ужаснѣе. Уже почти мѣсяцъ я сплю полуодѣтая. Можетъ быть, это глупые страхи, но каждую ночь арестуютъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Многіе скрываются, но развѣ можно долго такъ жить? Что вышло изъ скрыванія несчастной Х. Она почему то не уѣхала съ мужемъ, хотя, какъ родственница гетмана, не должна была оставаться. Но, какъ только большевики вошли, она стала прятаться. Квартиру ея, конечно, сейчасъ же разгромили. Можетъ быть, ея страхи были преувеличены, но она никогда не спала 2-хъ ночей въ томъ же домѣ. Послѣ 4-хъ мѣсяцевъ такой жизни, она простудилась и умерла послѣ очень недолгой болѣзни. Ее даже хоронили подъ чужимъ именемъ.

Все таки нѣсколько знакомыхъ и нѣкоторые пріюты были на похоронахъ. Кстати, о пріютахъ: всѣхъ дамъ, которыя ихъ создали, отставили, потребовали сдать счета, просто прогнали. И все пошло прахомъ. Не только пріюты, но, что хуже, больницы, школы, все, что создала буржуазія въ Кіевѣ въ этой области, а создала она, особенно еврейская, не мало.

И только ли это? А наши фабрики, которыя стоятъ, наши пустующіе магазины и склады, образцовыя фермы Ханенко, разграбленные музеи и библіотеки — все погибло или гибнетъ.

Мы, можетъ быть, были жестоки, жадны, полны предразсудковъ, но мы творили, а они разрушаютъ. Какое право я имѣю говорить «мы»? Не «мы», а они — наши предки. Мы — наслѣдники сами виноваты въ томъ, что происходитъ. Мало ли было среди насъ соціалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ? И теперь мы должны присутствовать со связанными руками при томъ, какъ уничтожаютъ наше наслѣдство.

Недавно былъ декретъ — воззваніе предсѣдателя чека Лациса. Онъ поощряетъ доносы, требуетъ ихъ и обѣщаетъ доносчикамъ тайну и безопасность.

10-го іюня. Сегодня новая очередная непріятность. Уже 4 мѣсяца мы прячемъ и прячемъ наше имущество, раздаемъ по знакомымъ, словомъ — честные люди живутъ жизнью воровъ, прячутъ свое честно пріобрѣтенное имущество, какъ воръ — краденое.

Недавно кому-то пришло въ голову спрятать пакетъ процентныхъ бумагъ въ погребѣ въ пескѣ подъ какой-то доской. Послѣ 2-хъ, 3-хъ недѣль мама заглянула подъ доску. Часть бумагъ была порядочно обгрызана крысами. Новое несчастіе! теперь мы боимся, что при новой контрибуціи или, вообще, когда нужны будутъ деньги на жизнь, нельзя будетъ пострадавшія бумаги продать.

Хотя трудно вѣрить, чтобы русскія бумаги, вообще, имѣли какую-нибудь цѣнность. Вѣдь большинство ихъ, вѣроятно, конфисковано въ сейфахъ и въ банкахъ, то-есть попросту украдено комиссарами и перепродано спекулянтамъ, а будущее буржуазное правительство, если оно не захочетъ санкціонировать кражу, должно будетъ какъ-нибудь разъяснить вопросъ объ этихъ цѣнностяхъ. Есть люди, особенно бѣженцы изъ столицъ, которые тамъ ничего не успѣли спасти, превратившись изъ милліонеровъ въ нищихъ. Напр. Н. Онъ тяжко боленъ и его жена продаетъ послѣднее для покупки лѣкарствъ, которыя неимовѣрно дороги и начинаютъ не хватать.

Продаютъ, положимъ, не только они, продаемъ мы всѣ. Всѣ магазины превратились было въ комиссіонныя конторы. Шурумъ-бурумы богатѣютъ. Точь въ точь то же было въ Петроградѣ, но и тутъ конецъ былъ тотъ же, что тамъ. Большевики спохватились, что у нихъ изъ-подъ носа исчезаетъ много хорошихъ вещей; они заперли всѣ комиссіонныя конторы, находящіяся въ нихъ вещи свезли въ городской ломбардъ, серебро и золото конфисковали, остальныя вещи будто бы будутъ возвращать. У насъ очень много вещей такимъ путемъ пропало.

К. въ отчаяніи. Она открыла такую контору; теперь осталась при однихъ расходахъ. Средствъ у нея и такъ, вѣроятно, немного, такъ какъ ихъ домъ совершенно разграбили.

Она только и думаетъ объ отъѣздѣ, по мнѣ кажется, что все таки еще можно потерпѣть. На фронтѣ большевикамъ неважно. Авось, они до зимы сгинутъ. А положеніе эмигрантовъ такъ ужасно!

15-го іюня. По декрету о бѣльевой повинности, на гражданина У. С. С. Р. полагается не больше 6-ти смѣнъ бѣлья. Буржуи, раздѣленные на категоріи, должны дать

по нѣсколько смѣнъ бѣлья для собеза. Такъ какъ никто своего хорошаго бѣлья дать не хочетъ, то на всей исторіи зарабатываютъ старьевщики.

26-го іюня. Каждую ночь оставляю окно открытымъ для того, чтобы слышать не подходятъ ли къ дому. Сегодня подъ утро, уже было свѣтло, меня разбудилъ шумъ шаговъ на улицѣ. Я подбѣжала къ окну. Нѣсколько человѣкъ подходило къ нашему дому. Я рѣшила, что идутъ обыскивать или арестовывать и стала одѣваться. Б. и И. послѣдовали моему примѣру. Къ счастью тревога оказалась ложной. Эти люди постучали въ наши парадныя двери, имъ не сразу открыли, они ругали швейцара, о чемъ-то спрашивали его, потомъ пошли стучать въ домъ, что напротивъ насъ. Пронесло, слава Тебѣ, Господи!

Долго ли мы будемъ такъ мучаться? Деникинъ наступаетъ, но Колчака бьютъ. Изъ чего мы всѣ сдѣланы? Развѣ мы, жертвы, не можемъ соединиться и уничтожить этихъ палачей? Я чувствую себя, какъ затравленный звѣрь. Не спать и ожидать чекистовъ! Это вѣдь тѣ же драгонады!

27-го іюня. Сегодня снова стучали подъ утро къ намъ. Оказалось, пришли съ обыскомъ къ часовому мастеру, но каждый думаетъ, дрожа отъ страха, что къ нему и за нимъ.

28-го іюня. Сегодня снова забирали мебель. У насъ взяли мало, но у секретаря взяли весь кабинетъ. Въ городѣ снова серія обысковъ. Я замѣтила, что это происходитъ всякій разъ, когда войсковыя части отправляются на фронтъ. Вѣроятно, только такимъ путемъ коммунисты могутъ возбудить въ своихъ войскахъ жажду воинскихъ подвиговъ.

Подъ вліяніемъ этой ужасной жизни у меня исчезли всякіе интересы. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдала послѣдній экзаменъ, мнѣ даже не хочется читать, не то, что работать. Весь день проходитъ въ бѣготнѣ по разнымъ комамъ, въ прятаньи, въ продажѣ. Напр., на дняхъ пришелъ предсѣдатель домкома и сказалъ, что есть декретъ о предѣльныхъ запасахъ муки, сахара и т. п. Всѣ испугались, начали прятать, пересыпать, переносить.

Я даже не полюбопытствовала увидѣть и услышать Троцкаго.

Говорятъ, что онъ здѣсь не имѣлъ никакого успѣха и уѣхалъ, заявивъ, что Украйна похожа на редиску: внутри бѣлая, снаружи красная.

Прозѣвавъ Т., я рѣшила вознаградить себя хоть лицезрѣніемъ иностранныхъ коммунистовъ. Они имѣютъ здѣсь свою газету и засѣдаютъ въ домѣ Апштейна, на углу Лютеранской и Банковой.

Была на 2-хъ собраніяхъ. Публики было довольно много; большинство ея составляли француженки и англичанки.

Во главѣ этихъ коммунистовъ стоитъ бельгійка — уже немолодая женщина — нѣкая m-me Costa, бывшая гувернантка у однихъ мѣстныхъ сахарозаводчиковъ. Теперь она реквизировала ихъ квартиру въ свою пользу. Надо сознаться, что помѣщеніе, занимаемое иностранцами, не имѣетъ того заплеваннаго и ободраннаго вида, который приняли всѣ дома, гдѣ хозяйничаютъ соотечественники.

Больше всего говорили, во время собраній, два какихъ-то французскихъ матроса. Говорили безсвязно, главное содержаніе рѣчей была брань противъ офицеровъ. По ихъ словамъ, они бѣжали съ французскихъ военныхъ судовъ, которыя стояли не то въ Одессѣ, не то въ Крыму. Былъ, оказывается, бунтъ французскихъ моряковъ; они обливали водой своихъ офицеровъ, сошли всѣ на берегъ. Поэтому французы должны были покинуть Одессу.

Описанію возстанія было посвящено первое собраніе. На второмъ m-me Costa ораторствовала противъ колоніальной политики европейскихъ державъ.

Всѣ рѣчи были малоубѣдительны. Когда начались пренія, многія скромныя маленькія гувернантки очень остроумно оппонировали и, такъ какъ запасъ аргументовъ у этихъ коммунистовъ не великъ, то они въ концѣ концовъ запретили пренія. Надо сознаться, что внѣшне они не производятъ такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ наши коммунисты. Даже тѣ русскіе коммунисты, которые побывали на Западѣ, не такъ выглядятъ, какъ чисто домашнее производство. У Р. живетъ такой реэмигрантъ изъ Америки. Онъ

чисто одѣтъ, безупречно ведетъ себя, не шумитъ, ничего не требуетъ. Онъ даже не соглашается съ наиболѣе крутыми мѣрами.

Мнѣ кажется, что Т. правъ: Украина безусловно не сочувствуетъ большевикамъ. Но, кто имъ сочувствуетъ? чѣмъ они держатся? На словахъ, всѣ ихъ ненавидятъ. Подъ «всѣми» я понимаю тѣхъ, кто не принадлежитъ къ коммунистической партіи, потому что только у явнаго большевика можно встрѣтить открыто-сочувственное отношеніе къ совѣтской власти.

Оплотъ ихъ, безъ сомнѣнія, Великороссія, хотя пріѣзжающіе оттуда это отрицаютъ. А когда спрашиваешь, откуда ихъ сила, тѣ же люди не даютъ отвѣта. Но не можетъ же власть держаться около 2-хъ лѣтъ, если народъ ее искренно ненавидитъ. Значитъ, чѣмъ-то она кому-то нравится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять большевизмъ одной пропагандой на нѣмецкія деньги (если таковыя вообще были) или ненавистью евреевъ къ Россіи. Судя по тому, что мы — кіевская еврейская буржуазія перенесли отъ большевиковъ, даже самая сильная вражда къ Россіи не могла бы насъ побудить такъ разрушить страну, что мы сами гибнемъ подъ ея развалинами. И, вообще, хотя русскій народъ очень темный, но не такое же это стадо, чтобы 100 милліонами русскихъ вертѣло 4 милліона евреевъ.

Нечего сваливать и на латышей и на китайцевъ. Большевизмъ что-то специфически русское, и, если онъ проявляется у другихъ народностей, населяющихъ Россію, то потому, что онѣ заразились у русскихъ, а не наоборотъ.

1-го іюля. Жизнь подтверждаетъ мое мнѣніе. Послѣдніе дни я посѣщаю библіотечные курсы. Это учрежденіе создано большевиками, но при немъ пристроились «безпартійные» интеллигенты. Все русскіе. И отъ ихъ безпартійности сильно пахнетъ большевизмомъ. Уже одно то, что слушатели должны были заполнить анкетный листъ, въ которомъ есть вопросъ: «Ваше отношеніе къ совѣтской власти?» — показываетъ какія требованія были предъявлены лекторамъ. Они имъ подчинились. Подчиняемся мы всѣ. Я тоже написала въ анкетѣ, что мое отношеніе къ совѣтской власти «лояльное». Одинъ лишь Р. осмѣлился написать, что его отношеніе «дѣловое» и, кажется, ему за это сдѣлали выговоръ.

Тонъ лекторовъ странный. Противно слушать, когда они начинаютъ вилять, не рѣшаясь открыто высказаться ни за, ни противъ уничтоженія частныхъ библіотекъ. Рядомъ трескучихъ фразъ напоминаютъ, что мысль одному лицу принадлежать не можетъ, а потому мысли Пушкина, Толстого и др. не могутъ быть заперты въ шкафу у одного богача. И т. д., и т. д.

На-дняхъ было въ Купеческомъ общее собраніе кіевскихъ учителей. Предсѣдательствовала Луначарская. Почему-то учительскій союзъ считается контръ-революціоннымъ. За что его такъ обижаютъ, не знаю. Послѣднее собраніе носило вполнѣ большевистскій характеръ. Въ теченіе двухъ часовъ истерически-безтолково не говорилъ, а кричалъ тов. Эпштейнъ изъ недоучившихся экстерновъ. Чего онъ хотѣлъ, онъ, вѣроятно, самъ не зналъ, а слушатели и подавно. Ровно два года назадъ, въ томъ же залѣ я слышала рѣчь Шульгина. Въ сущности она отличалась той же безтолковостью, той же безсодержательностью, такъ же не давала ничего конкретнаго.

3-го іюля. Сегодня насъ разбудилъ шумъ на лѣстницѣ. Я вскочила, опасаясь, что это чека и, можетъ быть, къ намъ. Но оказалось, что это была лишь милиція, уводившая 75-лѣтняго Т. на принудительныя работы.

Б. страшно возмущался поведеніемъ своего коллеги — д-ра Быка, который совѣтуетъ, въ одной изъ своихъ статей, коммунистамъ не только доносить на контръ-революціонеровъ, но дежурить у «Бупа», присматриваться къ лицамъ читающихъ телеграммы, прислушиваться къ ихъ разговорамъ, то-есть попросту шпіонить.

Б. внѣ себя отъ паденія нравственности. Бѣдняга, вообще, никакъ не можетъ сообразить, что вокругъ него дѣлается. Между прочимъ, мама должна была ходить къ Быку на поклонъ, когда папа былъ арестованъ. Онъ занимаетъ постъ не только въ наркомздравѣ, но и въ пропагандѣ.

6-го іюля. Сегодня приходили шофферы, хотѣли «реквизировать» шахматный столикъ, но Н. нашелся и сказалъ имъ, что они, вѣроятно, ошиблись. Они были милостивы и не настаивали. Послѣднія нѣсколько недѣль намъ какъ-то везетъ, чтобы не сглазить. Даже судъ со швейцаромъ кончился сравнительно хорошо. Онъ тянется со времени прихода большевиковъ. Въ прошломъ году онъ добровольно ушелъ, никто его не разсчитывалъ, жилъ даже еще нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ. Зимой, не имѣя видно заработковъ, предъявилъ въ профессіональный союзъ на насъ жалобу и искъ. Судились мы долго. Дошло до революц. трибунала, гдѣ бывшіе юристы были съ нами корректнѣе, чѣмъ «товарищи» въ проф. союзахъ. Тамъ, несмотря на заступничество секретаря и юрисконсульта (меньшевики), доходило до невѣроятныхъ грубостей; папу чуть ли не обвинили въ кражѣ самовара. Хотя въ револ. трибуналѣ судья былъ на нашей сторонѣ, онъ не рѣшился открыто оправдать буржуевъ и приговорилъ насъ къ уплатѣ 1000 рублей, что на совѣтскія деньги небольшая сумма, такъ какъ все дорожаетъ не по днямъ, а по часамъ.

Р. разсказывалъ, что въ Москвѣ небольшой семьѣ, чтобы прокормиться, нужно истратить 120 тысячъ въ мѣсяцъ. А главное, тамъ не хватаетъ продовольствія, тогда какъ у насъ все есть. Письма М. полны жалобъ, а помочь ему ничѣмъ нельзя. Посылали ему нѣсколько разъ сахаръ, но онъ его ни разу не получилъ. Возившіе посылки всегда разсказывали, что у нихъ съѣдобное конфисковали, но одинъ откровенно сознался, что счелъ за лучшее взять сахаръ себѣ и предложилъ намъ заплатить за него.

10-го іюля. Сегодня утромъ снова брали Т. на принудительныя работы.

18-го іюля. Я, кажется, сглазила нашу спокойную жизнь; осматривали нашъ сейфъ; забрали почти все, несмотря на то, что за старое семейное серебро вступились даже знакомые банковскіе чиновники, но комиссары остались непреклонны. Мама упрекала себя за то, что оставила серебро въ сейфѣ, но вѣдь столовое серебро забрали изъ дому, такъ что конецъ одинъ.

Нѣкоторымъ ловкимъ людямъ удается спасать содержимое сейфовъ. Одна знакомая Р. — генеральская дочка — пошла къ главному комиссару надъ банками, просила, плакала и добилась своего: ей позволили вынуть драгоцѣнности матери изъ сейфа.

Когда они съ Р. были въ банкѣ, взламывали сейфъ наслѣдниковъ граф. Х. Оттуда вынули, между прочимъ, связки дорогихъ, старинныхъ кружевъ. Большевики не знали имѣютъ ли они цѣнность или нѣтъ и подошли справиться объ этомъ у Р. и этой барышни. Надѣясь спасти кружева, они сказали, что они не имѣютъ никакой цѣны.

На этой недѣлѣ выѣхали изъ дому m-me Файнштейнъ и Подольскій, реквизировавшіе наше серебро. Они не побрезгали и меньшей добычей, взяли, на память, тюлевыя занавѣски, тюфякъ, постельное бѣлье, даже мебельные чехлы. Но это считается такой мелкой кражей, что не стоитъ о ней говорить. Грязь они завели страшную, но, пожалуй, не большую, чѣмъ семья доктора, занявшая квартиру А. Какъ можно соединить высшее образованіе съ такой нечистоплотностью. Они никогда не убираютъ квартиру, сушатъ бѣлье въ гостиной и на фасадномъ балконѣ, катаютъ тѣсто, рубятъ котлеты на дубовыхъ буфетахъ, никогда не выносятъ ведра съ помоями, ходятъ въ грязныхъ капотахъ цѣлыми днями.

Какая у нихъ связь съ университетомъ? какое онъ имѣлъ вліяніе на нихъ? Иногда я спрашиваю себя не виной ли всей нашей трагедіи — они — эти представители низовъ, прикоснувшіеся къ культурѣ. Они ея не поняли. Что у нихъ общаго съ наслѣдіемъ долгихъ вѣковъ, выработаннымъ безъ ихъ участія. И, чувствуя себя чужими, видя, что наши требованія, вкусы, нравы не для нихъ, они рѣшили все снести. Отсюда большевизмъ съ его хамствомъ, уничтоженіемъ всей старой культуры и дикими декретами.

Дѣйствительно, зачѣмъ имъ отдѣльные умывальники? можно мыться подъ краномъ. Зачѣмъ шкафы? можно повѣсить платья на стѣнѣ и завѣсить простыней. Зачѣмъ столовое бѣлье? можно ѣсть на клеенкѣ.

Они не имѣютъ культурныхъ потребностей, какъ не имѣютъ ихъ эскимосы; и они хотятъ уподобить насъ себѣ.

До сихъ поръ это имъ блестяще удается: мы уже спимъ по-трое, по-четверо въ одной комнатѣ, все рѣже мѣняемъ бѣлье (мыло дорого), не купаемся (въ водопроводѣ никогда нѣтъ воды).

22-го іюля. Старика Т. снова уводили сегодня утромъ. Каждый разъ онъ откупается, но его снова и снова берутъ. Очевидно, комиссарамъ нравится такой легкій заработокъ. Къ тому же пріятно помучить старика. А мучить окружающихъ — это любимое занятіе коммунистовъ. Напр. поселить опасно больного почками въ сырой квартирѣ, какъ сдѣлали съ К., несмотря на то, что онъ врачъ и какъ таковой пользуется привилегіями, а именно: его не имѣютъ права выселять, онъ не вноситъ бѣльевой повинности. Несмотря на это и на то, что К. лѣчилъ жену коменданта дома, его выселили въ полуподвалъ, а его квартира стоитъ пустая; изрѣдка туда заходитъ какая-нибудь дѣвица постучать на машинѣ.

Я была у него, и онъ сказалъ, что когда-то сочувствовалъ соціалистамъ, надѣялся, что съ ихъ приходомъ къ власти исчезнутъ всѣ несправедливости, а теперь ему кажутся процентная норма и черта осѣдлости дивнымъ сномъ.

Тогда громили только разъ въ пять, шесть лѣтъ, устраивали ритуальный процессъ только каждыя нѣсколько десятилѣтій, наконецъ, тогда былъ открытъ весь міръ, можно было покинуть негостепріимную родину; а теперь громятъ безпрерывно, оплевываютъ.

И это долгожданный соціализмъ — эта эра хамства и преступности, когда разнузданы самые дикіе инстинкты!

25-го іюля. Сегодня снова было письмо изъ Варшавы. Привезъ его какой-то полякъ. Онъ разсказывалъ, что пробраться въ Польшу трудно, нечего и думать брать съ собой вещи, деньги. Онъ самъ совершаетъ это путешествіе уже вторично для спекуляціи. Напр. теперь онъ провезъ какъ-то 20 золотыхъ монетъ.

Послѣдній разъ онъ былъ въ Кіевѣ 2 мѣс. тому назадъ и находитъ, что въ теченіе этого короткаго времени все измѣнилось къ худшему.

За границей, какъ видно изъ письма, не имѣютъ представленія о томъ, что мы переживаемъ. Вѣроятно, въ Вѣнѣ скоро узнаютъ, такъ какъ въ серединѣ іюня отсюда уѣхалъ, случайно застрявшій, вѣнецъ. Этотъ господинъ имѣетъ здѣсь брата, который хотѣлъ бѣжать при Директоріи, но любознательный европеецъ убѣдилъ его остаться. Онъ хотѣлъ увидѣть революцію. Двѣ недѣли послѣ прихода большевиковъ, онъ началъ бѣгать по всѣмъ комамъ и консульствамъ «um aus dieser Hölle herauszukommen». Но полякъ правъ, здѣсь все хуже и хуже. Магазины исчезаютъ. Ихъ или національзируютъ или «кооперируютъ», то-есть самъ владѣлецъ превращаетъ свое дѣло въ фиктивный кооперативъ и такимъ путемъ спасаетъ остатки запасовъ. Магазины галантереи и мануфактуры почти совсѣмъ исчезли.

Магазины Цинделя и магазинъ Альшванга превращены въ совѣтскіе книжные склады; то же въ магазинѣ Жирардовскихъ фабрикъ. Въ чайномъ магазинѣ Перлова совѣтская цвѣточная торговля, гдѣ покупать могутъ только коммунисты и совѣтскіе служащіе. Въ первой ювелирной артели продаютъ овощи. Аптеки національзованы. Надъ ними висятъ черныя доски съ кроваво-красными надписями: «первая совѣтская аптека», «вторая . . .» и т. п.

Несмотря на обиліе книжныхъ магазиновъ, въ нихъ нельзя простому смертному купить книгу. Для этого надо имѣть ордеръ изъ наркомпроса, а получить ордеръ можно только доказавши, что книга необходима какому-нибудь учрежденію. Странный способъ распространенія просвѣщенія. Впрочемъ, просвѣщаютъ совѣтскія изданія плохо: и старые и новые магазины завалены только біографіями Ленина, его рѣчами, дешевыми, но отвратительными исторіями октябрьскаго переворота, теоріями «пролетарскаго искусства».

Хорошія книги можно купить на улицѣ. На каждомъ углу стоитъ ларь или кіоскъ биткомъ набитые прекрасными изданіями. Почему-то уличная свободная торговля позволена, и эти букинисты дѣлаютъ прекрасныя дѣла.

Больно смотрѣть на эти книги Почти всѣ онѣ съ иниціалами, многія съ надписями.

Часть ихъ разграблена въ помѣщичьихъ усадьбахъ, другія въ «буржуйскихъ» квартирахъ, третьи, наконецъ, добровольно проданы разоренными владѣльцами.

Встрѣчаются между ними рѣдкіе труды, интересующіе только спеціалистовъ, напр. «Военная исторія Крымской кампаніи» и т. п.

Мнѣ безумно жаль владѣльцевъ. Изъ всѣхъ гибнущихъ вещей, больше всего жаль книгъ. Онѣ покупались и хранились съ наибольшей любовью.

27-го іюля. Я на службѣ у большевиковъ. Мнѣ стыдно, но любопытство превозмогло: я до сихъ поръ видѣла только отрицательную сторону большевизма, ихъ разрушительную дѣятельность. Хочу увидѣть ихъ творчество, то, чѣмъ они держатся. Вѣдь чѣмъ-нибудь они все-таки держатся. Выбрала для этого нейтральное учрежденіе — губернское статистическое бюро — губстатбюро. (Большевики довели сокращенность названій до какой-то маніи: совнаркомъ, совнархозъ, собезъ, наркомпросъ; сама Россія у нихъ только Р. С. Ф. С. Р.).

Это учрежденіе считаютъ, какъ и совнархозъ, убѣжищемъ буржуевъ и «всякой бѣлогвардейской сволочи», но я рѣшила, что разъ имъ управляетъ коммунистъ, то характеръ его достаточно совѣтскій.

Завѣдующій губстатбюро Хургинъ; его товарищи (не-коммунисты) Волковъ и Бискъ.

Моя должность болѣе чѣмъ скромная: я собираю по телефону свѣдѣнія для ежедневнаго статистическаго бюллетеня. Для этого не стоило кончать университетъ. Правда, мой непосредственный начальникъ — «редакторъ» бюллетеня, — старый инженеръ, а въ сосѣдней комнатѣ сидятъ бывшій членъ суда и бывшій прис. повѣр. и исполняютъ приблизительно такую-же работу. Они же единственные благовоспитанные люди въ этомъ учрежденіи, составъ котораго очень непріятенъ. На 1500 чиновниковъ рѣдко, рѣдко мелькнетъ интеллигентное лицо.

30-го іюля. Т. снова водили на принудительныя работы. А у насъ новыя хлопоты: бѣготня по ломбардамъ для полученія вещей, бывшихъ въ комиссіонныхъ магазинахъ.

Постановили возвращать вещи только членамъ профессіональныхъ союзовъ. Такъ какъ Н. въ союзѣ, она взяла на себя заботу о полученіи всего изъ ломбарда. Она ходитъ въ ломбардъ почти мѣсяцъ, и нѣкоторыя вещи ей выдали, но чего только она при этомъ не наслушалась.

Выдача происходитъ въ опредѣленные дни, и тогда ломбардъ биткомъ набитъ людьми; завѣдующій выдачей и его помощники грубы, вороваты, пристрастны. Н. говоритъ, что при малѣйшей жалобѣ или при протестѣ, они грозятъ окончательной конфискаціей, арестомъ въ чека.

Ждать тамъ приходится часами. Положимъ къ этому мы уже привыкли: мы вѣчно ждемъ — въ очередяхъ, въ прихожихъ коммунистовъ; ждемъ избавленія отъ послѣднихъ. Прійдетъ ли оно? Меня уже давно удивляетъ одно: раньше я не могла сидѣть въ бездѣйствіи, ждать минуту; меня возмущало, когда заставляли ожидать даже прислугу въ передней, кучера у воротъ, а теперь я и всѣ окружающіе, мы часами терпѣливо ждемъ — бездѣйствуемъ. На нашихъ лицахъ я вижу то же тупое, безсмысленное выраженіе, какъ у посыльныхъ, у заждавшейся прислуги.

3-го августа. Полтава пала — значитъ помощь близка, а то нѣтъ уже силъ. Нѣтъ силъ выносить это хамство.

Неужели будетъ время, когда не будутъ видны эти безсмысленныя, звѣрскія рожи, когда грубость и грязь не будутъ засѣдать на почетныхъ мѣстахъ.

Есть счастливцы, которымъ удается и теперь освободиться: они бросаютъ все и уѣзжаютъ, хотя бы въ Польшу. Недѣли 2 тому назадъ удрали такъ двое — Л. и З.

7-го августа. Вчера нашъ почти 3-хъ-мѣсячный отдыхъ былъ прерванъ. Дѣйствительно, съ 18-го мая, (когда папа вернулся изъ чека) мы лично не страдали. Зато вчерашній вечеръ былъ бурный.

Часовъ въ 7 веч. къ намъ позвонили, но такъ спокойно, что я даже не обратила вниманія. (Обыкновенно можно сразу отличить по силѣ коммунистическій звонокъ). Папа самъ отворилъ двери. Въ переднюю ворвалось трое военныхъ и, угрожая револь-

верами, они потребовали ключъ отъ виннаго погреба. Папа повиновался и, конечно, нѣсколько сотъ бутылокъ вина пропало. Но, такъ какъ декрета о реквизиціи частныхъ винныхъ погребовъ нѣтъ и они опасались, что мы обратимся къ кому-нибудь за помощью (къ кому?), то они разыграли такую комедію: одинъ изъ нихъ все время стоялъ около папы и кричалъ: «За это укрывательство есть одно наказаніе — разстрѣлъ!» Другіе были заняты подсчетомъ бутылокъ. Наконецъ, они рѣшили, что такое преступленіе не можетъ закончиться одной реквизиціей вина; нужно сдѣлать обыскъ. Съ этимъ они ушли за особымъ отдѣломъ 12-ой арміи. Мы воспользовались ихъ уходомъ и отдали знакомымъ самое цѣнное. Но обыскъ прошелъ болѣе, чѣмъ благополучно. Намъ даже оставили на память 3 бутылки водки. Кажется, благотворно повліялъ, производившій обыскъ офицеръ — армянинъ, до того приличный, что, когда онъ нашелъ въ письменномъ столѣ какую-то кадетскую повѣстку, то только покачалъ головой и разорвалъ ее, а затѣмъ далъ себя уговорить ограничиться обыскомъ безъ ареста.

Обыскали очень корректно. Все настаивали, чтобы кто-нибудь стоялъ при обыскивающемъ во избѣжаніи недоразумѣній и подозрѣній. Одинъ изъ нихъ шепнулъ И.: «Я — рабочій, и если бы вы знали, какъ мнѣ все это противно!» Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? кто его заставляетъ? партійная дисциплина? зачѣмъ же онъ вступилъ и остается въ этой партіи? Это просто русское фразерство. Если бы «они» этого не хотѣли, если бы имъ это не нравилось, то большевизма давно бы не было. Потомъ, на прощаніе надо было жать имъ руки.

Я впервые видѣла обыскъ настоящій, тщательный обыскъ. Это безконечно унизительно! когда просматриваютъ письма, книги, такое чувство будто раздѣваютъ публично.

И хуже всего это униженіе и безсиліе. Боязнь сказать что-нибудь — не то, что сдѣлать. За мой протестъ можетъ пострадать кто-нибудь изъ близкихъ. А я бы такъ хотѣла мстить, мстить этимъ хамамъ, которые насъ оплевываютъ. И за эти чувства, которыя они возбудили во мнѣ, я ихъ еще больше ненавижу. Они все разрушили, все — чему я вѣрила, на что надѣялась, для чего жила. Я чувствую, что становлюсь такимъ же звѣремъ, какъ они. Мнѣ совсѣмъ не жаль теперь человѣческой жизни.

10-го августа. Деникинцы приближаются и большевики, безъ сомнѣнія, эвакуируются. На Прорѣзной находится военнаркомъ и по ночамъ слышно, какъ изъ него что-то выносятъ. Даже днемъ около него стоятъ вагоны трамвая, которые нагружаютъ полными мѣшками.

Но въ городѣ все еще по-старому; развѣ увеличилось количество безобразныхъ футуристическихъ плакатовъ. Несмотря на ихъ яркія краски, улицы все грустнѣй и пустыннѣй. Площади и скверы обезображены уродливыми бюстами совѣтскихъ дѣятелей. На Софіевской площади красуются Ленинъ и Троцкій. Передъ входомъ на площадь со стороны Владимирской улицы возвышаются огромныя тріумфальныя ворота. Такія же ворота построены на Крещатикѣ, недалеко отъ почты. Передъ памятникомъ Богдана Хмѣльницкаго стоитъ трибуна. Такихъ трибунъ въ Кіевѣ нѣсколько. Съ нихъ произносятъ рѣчи во время офиціальныхъ празднествъ. Кстати, объ этихъ празднествахъ. Л. разсказывалъ мнѣ, что 1-го мая, когда по городу носили бюсты и портреты К. Маркса, какой-то рабочій съ недоумѣніемъ разспрашивалъ его и другихъ сосѣдей о томъ, кто такой Карлъ Марксъ?

Городской театръ называется театромъ Либкнехта, а драматическій — Ленина. Кажется, ни тотъ, ни другой со сценическимъ искусствомъ ничего общаго не имѣютъ.

Названія улицъ также измѣнены, такъ что старожилы совершенно не могутъ оріентироваться, ибо большевики строго придерживаются своихъ названій.

Изъ всѣхъ перемѣнъ я запомнила только одну, вѣроятно, вслѣдствіе рѣзкости контраста: Столыпинская называется теперь улицей Гершуни.

Вообще, большевики такъ дѣйствуютъ, какъ будто они хотятъ вычеркнуть изъ народной памяти все былое.

Передъ городской думой, на пьедесталѣ столыпинскаго памятника, возвышается какая-то гипсовая неразбериха, долженствующая олицетворять Всевобучъ, то-есть, Всеобщее военное обученіе.

Скамейки въ садахъ почти исчезли. Уже въ первый годъ революціи ихъ ломали митингующіе солдаты. Многія старыя деревья въ Царскомъ саду срублены. Что то будетъ этой зимой, когда при хозяйствѣ совнархоза совсѣмъ не сдѣлано запасовъ дровъ?

Маріинскій садъ превратился въ кладбище. Въ 18 г. лѣтомъ воздухъ во всѣхъ Липкахъ былъ зараженъ благодаря этому саду Теперь часть могилъ приведена въ порядокъ. Большевики и теперь хоронятъ тамъ нѣкоторыхъ военныхъ. Но могила, находящаяся внѣ сада, со стороны дворца, поросла сорной травой, заброшена.

Липки — пустынны Большая часть домовъ раззорены. Мимо чека никто охотно не проходитъ. Тамъ даже нельзя ходить, такъ какъ Екатерининская отгорожена со стороны Липскаго переулка.

На каждомъ углу сидятъ торговки хлѣбомъ. Цѣна его достигла 50 руб.

Есть еще боковыя улицы за университетомъ, гдѣ нѣтъ пока слѣдовъ большевизма. Онѣ очень красивы лѣтомъ, полны садовъ. Туда мы ходимъ отдыхать и мечтать объ избавленіи.

13-го августа. Эвакуація явно продолжается, но у насъ въ учрежденіи все спокойно.

Сегодня были дома новыя непріятности: насъ шантажируетъ плотникъ, когда-то работавшій для насъ. Онъ прислалъ черезъ профессіональный союзъ требованіе заплатить ему несуществующій долгъ. Въ случаѣ неуплаты, онъ грозитъ революціоннымъ трибуналомъ. У всѣхъ тѣ же непріятности со служащими и прислугой. П. говорила мнѣ, что кухарка обвиняла ея тетку въ кражѣ гребня.

15-го августа. Большевики стремглавъ бѣгутъ. Если не случится чего-нибудь ужаснаго, добровольцы возьмутъ Кіевъ. Появилась даже нелегальная добровольческая газета съ воззваніемъ Деникина. Онъ обращается ко всѣмъ слоямъ населенія. Тонъ очень приличный, кромѣ абзаца, относящагося къ евреямъ: совѣтуетъ выдѣлить изъ своей среды вредные элементы и т. п. Старые напѣвы! Круговая порука. При царѣ *всѣ* евреи предатели, а при Деникинѣ *всѣ* они — большевики. А *всѣ* русскіе, они всегда что?

Но не надо раздражаться. Можетъ быть, моя еврейская обидчивость все преувеличиваетъ, хотя безусловно христіане видятъ въ нашихъ глазахъ щепки, а у себя бревенъ не примѣчаютъ.

18-го августа. Цѣны очень быстро подымаются, вѣроятно, изъ за недовѣрія къ совѣтскимъ деньгамъ, такъ какъ подвозъ совершенно свободенъ.

Эвакуація во всемъ разгарѣ. Сегодня мы сошли къ гавани, такъ какъ все вывозится по Днѣпру, а мы хотѣли насладиться зрѣлищемъ большевистскаго бѣгства. У берега стоятъ десятки баржъ, ихъ грузятъ кіевскимъ добромъ: мебелью, автомобилями, экипажами, полными ящиками.

Видъ такой, какъ бы эвакуировался непріятель, желающій нанести возможно большій матеріальный ущербъ покидаемому городу, а не правительство, отступающее передъ бунтовщиками. Вѣдь, въ сущности, таковымъ должно быть отношеніе большевиковъ къ добровольцамъ. Пора первымъ уходить, а то всѣ станутъ ворами, какъ напр., нашъ плотникъ. Мы съ нимъ помирились, такъ какъ оказалось, что его шантажируютъ его рабочіе; онъ денегъ не имѣетъ, боится ихъ и рѣшилъ выместить все на насъ, какъ болѣе состоятельныхъ.

Борьба за существованіе! Соціалисты всегда возмущались ею, но оказывается, что ихъ режимъ увеличилъ ее до ужаса. Всякій старается утопить другого лишь бы спастись самому.

22-го августа. Хлѣбъ уже стоитъ 90 руб. фунтъ. Р. разсказывалъ, что жена одного изъ курьеровъ совнархоза, торгующая хлѣбомъ, имѣетъ мѣсячный оборотъ въ 400 тысячъ рублей. Ея мужъ поэтому потребовалъ увеличенія жалованія, не желая быть на содержаніи у жены.

На прощаніе большевики дѣлаютъ страшные повальные обыски, приводятъ будто бы женщинъ, для того, чтобы обыскивать буржуекъ. Нашъ домъ пока избѣжалъ повальнаго обыска, ограничились одной квартирой.

З., живущій въ 21 № по Прорѣзной, разсказывалъ, что у нихъ уже нѣсколько разъ дѣлалось что-то страшное: искали въ рамахъ картинъ, въ резервуарахъ, въ котлахъ, въ вентиляторахъ. Кажется, ничего особеннаго не нашли, но, мимоходомъ, порядочно ограбили жильцовъ; вывозили груды бѣлья и платьевъ.

Угроза болѣе страшная, чѣмъ обыски — это аресты заложниковъ. Уже чека полна заложниковъ, которыхъ разстрѣляютъ или, въ лучшемъ случаѣ, увезутъ въ Москву.

Многіе не ночуютъ дома. Иные совсѣмъ не приходятъ домой. Я., возвращаясь домой, слѣзаетъ съ извозчика за угломъ, потомъ, озираясь, подходитъ къ собственнымъ дверямъ: онъ все боится засады. Конечно, христіане будутъ говорить, какъ М., что евреямъ ничто не грозитъ, но Л., Г., Л-мъ и М. сидятъ въ чека, ожидая высылки въ Москву, уже не говоря о менѣе крупныхъ.

Кромѣ того, многіе заключены въ концентраціонный лагерь, какъ саботажники или безработные буржуи.

Недавно сюда прибылъ Петерсъ. Ему приписываютъ славу спасенія Петрограда отъ Юденича и, вѣроятно, надѣются, что онъ спасетъ Кіевъ отъ Деникина.

А вдругъ дѣйствительно спасетъ? Мы были увѣрены, что Ю. возьметъ Петроградъ, и сами питерцы въ это вѣрили. Получались письма съ сообщеніями, что «дядя» близко. Онъ былъ, кажется, въ 10 верстахъ и . . . не дошелъ.

Колчаку тоже все хуже и хуже. Бѣдный Р., весной такъ надѣялся на него! Сначала доморощенные стратеги объясняли его отступленіе причинами высшаго стратегическаго порядка, но онъ, видно, отступаетъ, потому что не можетъ бороться.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что разрабатывается декретъ о переселеніи буржуевъ на Трухановъ островъ.

На этой почвѣ у насъ былъ слѣдующій инцидентъ: одну комнату у насъ реквизировалъ докторъ (заурядъ-врачъ). Онъ часто возвращается навеселѣ, и сегодня въ 2 ч. ночи вздумалъ телефонировать къ своей пріятельницѣ. Когда мама вышла изъ спальни и сдѣлала ему замѣчаніе, онъ закричалъ: «Молчать, а то завтра будете на Трухановомъ островѣ!»

24-го августа. Хотя газеты храбрятся и заявляютъ, что «на подступахъ къ Кіеву Деникинъ найдетъ свою смерть», изъ всего видно, что освобожденіе Кіева неминуемо. У насъ въ учрежденіи вдругъ заплатили служащимъ ликвидаціонныя. Уже нѣсколько дней нельзя говорить по телефону, а мы кіевляне — люди опытные и знаемъ, что запрещеніе говорить по телефону и рытье окоповъ означаютъ близость непріятеля — побѣдителя. Кажется, уже гонятъ на окопы около Дарницы; при чемъ гонятъ исключительно буржуевъ.

На-дняхъ стала выходить новая газета — органъ чрезвычайки — «Красный Мечъ». Она выходитъ по воскресеньямъ, очевидно, чтобы усладить отдыхъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.. Это новое, цѣнное изобрѣтеніе пролетарскаго строя. До сихъ поръ застѣнки не имѣли своихъ органовъ печати. Я сохранила одинъ номеръ. Къ сожалѣнію, я ничего почти не сохранила на память о революціи, но думаю, что одинъ экземпляръ этой газеты замѣнитъ цѣлый архивъ *.

Это такой звѣрскій цинизмъ, что нельзя даже понять откровенности авторовъ. Они открыто высказываютъ самыя страшныя, самыя низменныя мысли, которыя человѣкъ обыкновенно прячетъ глубоко въ себѣ.

И все таки есть большевики, которые продолжаютъ носиться съ мыслью облагодѣтельствованія человѣчества. Они до сихъ поръ громятъ «капиталистическія» войны. Я помню остроумныя, интересныя статьи Троцкаго въ «Кіевской Мысли», когда онъ описывалъ сербское отступленіе 1915 г. Казалось, что онъ плачетъ надъ бѣдными сербскими солдатами. Очевидно, онъ всю свою жалость отдалъ имъ, оставивъ намъ только звѣрство.

Это звѣрство Горькій громилъ еще въ «Лѣтописи». А теперь онъ очень хорошо уживается съ нимъ. Говорятъ, что его квартира въ Москвѣ настоящій музей — все продаваемые буржуями предметы искусства.

---

* Къ сожалѣнію, и этотъ номеръ пропалъ

25-го августа. Сегодня подъ вечеръ въ домъ ворвалось трое солдатъ. Они вызвали предсѣдателя домкома и съ нимъ стали обходить всѣ квартиры, требуя одѣялъ и матрацовъ для арміи. Они не только требовали, а рылись въ постеляхъ и сами забирали то, что имъ нравилось. Я всегда при такихъ сценахъ каменѣю и, молча, уступаю. Ужъ очень унизительно просить о чемъ бы то ни было этихъ хамовъ. Поэтому вещи, порученныя моей опекѣ, очень быстро идутъ на народную пользу.

Но другіе жильцы пробовали защищать свое имущество, поэтому на лѣстницѣ поднялся невѣроятный шумъ, давшій мало положительныхъ результатовъ.

Собравъ достаточную дань, между прочимъ, бѣлое шелковое одѣяло у Д. (для арміи!), красноармейцы тутъ же въ нашемъ дворѣ стали продавать краденое.

Такъ, по-маленьку, мы останемся безъ рубахи (что не «конфискуютъ», то прійдется продать — хлѣбъ уже дороже 100 р. фунтъ). Вчера одна изъ сослуживицъ (нѣкая Гринштейнъ) сказала мнѣ, что ея семью выселеніемъ изъ квартиры совершенно раззорили. А сколько такихъ семействъ? Все, что люди собирали поколѣніями, здѣсь въ Кіевѣ, за полгода, пошло прахомъ.

26-го августа. Сегодня снова врывались солдаты и снова рылись въ постеляхъ. Охъ! эти морды, эти «коммунистическіе» локоны изъ жирныхъ волосъ, вылѣзающіе изъподъ засаленныхъ, сдвинутыхъ, по-пьяному, на затылокъ фуражекъ; этотъ стукъ винтовокъ о полъ, рѣзкіе звонки, брань, и испуганныя, измученныя лица буржуевъ.

Нѣкоторые люди, напр. старикъ Б., мѣсяцами не выходятъ изъ дому. Но въ томъ то бѣда, что «они» приходятъ въ домъ, «они» не хотятъ, чтобы кто-нибудь хоть одну минуту жилъ и дышалъ спокойно.

Но это уже предсмертныя конвульсіи. Въ статистическомъ бюро сняты телефоны и мнѣ приходится ходить по учрежденіямъ собирать свѣдѣнія. Это гораздо интереснѣе, чѣмъ сидѣть въ телефонной будкѣ. Я была даже въ одной изъ канцелярій чека, правда, въ очень скромной, той, которая выдаетъ пропуски на выѣздъ. Она находится въ хорошенькомъ одноэтажномъ домѣ на Екатерининской. Передъ ней стоитъ огромная очередь, жаждущихъ получить пропускъ. Бываю на биржѣ труда, въ больничныхъ кассахъ — все меньшевистскія учрежденія, члены которыхъ имѣютъ иногда недоразумѣнія съ властями.

Владѣлецъ типографіи, въ которой печатается нашъ бюллетень, разъ робко спросилъ меня, каковы политическія новости? По его глазамъ было видно, что онъ хотѣлъ услышать такой отвѣтъ: «Мое учрежденіе эвакуируется». Я отвѣтила уклончиво: «Кажется, на фронтѣ неважно!»

За эту недѣлю я видѣла немало учрежденій, и у меня сложилось такое впечатлѣніе: сидятъ тысячи людей, получаютъ жалованіе, считаютъ, пишутъ и, въ сущности, ничего не дѣлаютъ. Никому ихъ работа не нужна, ни странѣ, ни частнымъ лицамъ. Да это и не работа, а переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Трудъ дворника, дровосѣка болѣе полезенъ для нихъ же, чѣмъ ихъ семичасовое высиживаніе въ грязныхъ, неподметенныхъ комнатахъ.

И они сами это отлично чувствуютъ; большую часть дня болтаютъ, уходятъ со службы, никто не скрываетъ своего халатнаго отношенія.

27-го августа. Сегодня приходили забирать швейную машину, но двери открыла Б. и заявила, что она квартирантка, ничего не знаетъ, а хозяевъ нѣтъ. Комиссаръ не настаивалъ и ушелъ, указавъ только, гдѣ надо зарегистрировать машину.

Прямо копія изъ сатиры Рихтера: рояль мы уже зарегистрировали, пишущую машину тоже, теперь очередь за швейной.

Къ чему имъ частныя машины и музыкальные инструменты? Конечно, только, чтобы шиканировать буржуевъ, потому что И. говоритъ, что, когда она пошла по адресу, оставленному комиссаромъ, регистрировать машину, она видѣла, что въ книгахъ, рядомъ съ номеромъ машины отмѣчали кто ея владѣлецъ: «буржуй», «трудящійся», «докторъ».

У первыхъ, конечно, машины заберутъ въ національныя швальни, въ которыхъ отвратительно шьютъ. Р. заказалъ себѣ въ такой швальнѣ косоворотку; ее шили очень долго, наконецъ, выдали безъ пуговицъ и криво скроенную.

У него десять костюмовъ, но онъ долженъ былъ заказать себѣ эту сатинетовую рубаху, потому что ему сдѣлали внушеніе за то, что онъ слишкомъ элегантенъ.

Теперь я понимаю, почему всѣ мои сослуживцы имѣютъ такой неопрятный видъ.

28-го августа. Хлѣбъ стоитъ отъ 120—140 р. фунтъ. Вѣроятно, для многихъ онъ недостижимъ. Я уже нѣсколько разъ покупала для Т. Несчастная старуха не хочетъ прикасаться къ своимъ сбереженіямъ и отказываетъ себѣ въ кускѣ хлѣба. Въ тѣ дни, когда она ѣстъ у насъ, она счастлива, потому что она должна себѣ варить на керосинкѣ, которую она разогрѣваетъ кусочками дерева (керосина давно нельзя достать); дымъ ей выѣдаетъ глаза, разъ она чуть не угорѣла. Всю зиму она собирала щепки на улицахъ. При распредѣленіи кіевлянъ по категоріямъ, она какимъ-то образомъ попала въ 3-ью и ничего не получаетъ. Положимъ, нашъ горпродкомъ такъ работаетъ, что никто почти ничего не получаетъ по карточкамъ.

Судя по сводкамъ, большевикамъ все хуже, но они, видно, рѣшили защищать Кіевъ серьезно, потому что съ каждаго дома взяли людей на окопныя работы. Вчера въ 4 ч. утра потащили въ районъ и 60-лѣтняго К., но онъ доказалъ, что онъ французскій гражданинъ и его освободили.

30-го августа, 7 ч. веч.

Уходятъ! уходятъ! уходятъ!

Въ теченіе недѣли я переходила отъ надежды къ отчаянію, но теперь видно, что они уходятъ.

Городъ имѣетъ страшный видъ. Все мертво, заколочено, только солдаты бѣгутъ по улицамъ и стрѣляютъ въ воздухъ.

Еще утромъ мы не думали, что освобожденіе такъ близко. Утро было ужасно: въ газетѣ списокъ 67 разстрѣлянныхъ въ прошлую ночь. Есть знакомыя фамиліи.

Но на службѣ уже говорили, что Хургинъ уѣзжаетъ и, что всю ночь жгли бумаги; разсказывали, что всю перепись потопили въ Днѣпрѣ. Очень жалко! это была ихъ единственная осмысленная работа.

Къ 3-мъ час. все стало ясно. Р., который никогда не передаетъ слуховъ, вернувшись изъ совнархоза, сказалъ Н.: «Сегодня они уходятъ, «знатные» большевики уже уѣхали.» Теперь онъ жжетъ какіе-то документы. Онъ, кажется, свободно вздохнулъ и потому что ушли большевики, и потому что приходятъ добровольцы, а не Петлюра: онъ почему-то очень боится Петлюры.

Я знаю многихъ русскихъ (даже монархистовъ), которые такъ ненавидятъ украинцевъ, что предпочитаютъ имъ большевиковъ. П. еще лѣтомъ убѣждала меня, что и евреямъ лучше будетъ при добровольцахъ, чѣмъ при Петлюрѣ. Дѣйствительно, несмотря на то, что они имѣютъ министра по еврейскимъ дѣламъ, украинцы вырѣзываютъ цѣлыя мѣстечки. Но въ этомъ отношеніи, я и на добровольцевъ большихъ надеждъ не возлагаю. Я только думаю, что при нихъ легче будетъ уѣхать.

Часовъ въ 5 веч. я вышла полюбоваться эвакуаціей. Уже было мало людей на улицахъ. По Владимирской и Фундуклеевской тянулись обозы, напоминающіе большевистское отступленіе 1918 г. Уже полтора года! А послѣ октябрьскаго переворота «Русскія Вѣдомости» писали, что власть дана большевикамъ только на недѣли. Ужъ очень длинны эти недѣли!

Въ Николаевскомъ паркѣ я взвѣсилась. Хотѣла знать, какъ отразился большевизмъ на моемъ здоровьи. Видно, нехорошо, такъ какъ мой вѣсъ неприличенъ: 2 п. 38 ф. Неудивительно! мы все хуже и хуже питаемся. На 9 взрослыхъ человѣкъ уходитъ въ день только 2 фунта мяса.

31-го августа. Не хорошо, такъ не хорошо на душѣ. Уѣхать! только уѣхать изъ этой страны злобы и ненависти! Какъ я могла одну минуту надѣяться, обманывать себя? Мнѣ казалось, что, если мы страдали вмѣстѣ, то и радоваться можно такъ же. Какъ радужно начался и, какъ грустно кончился день входа добровольцевъ въ Кіевъ!

Ночь была плохая. По своему обыкновенію, большевики, уходя, выместили свою неудачу на мирномъ населеніи, и часовъ отъ 10 веч. до 1 ч. ночи безжалостно обстрѣливали Кіевъ съ Днѣпра. Повреждено не мало домовъ. Они могли отступать только по

Днѣпру къ Чернигову, такъ какъ по шоссе шли добровольцы, а отъ Фастова галичане.

Ночью въ городѣ не было власти. Когда обстрѣлъ прекратился, мы прилегли, но въ 7 ч. насъ разбудили новые выстрѣлы. Слышно было жужжаніе снарядовъ. Мы опасались, что повторятся Муравьевскіе дни и, подъ конецъ, большевики снова завладѣютъ Кіевомъ. Но страхи были напрасны. Стрѣльба вскорѣ прекратилась. Въ городъ вступали галичане и первые разъѣзды добровольцевъ.

Все христіанское населеніе высыпало на улицу. Евреевъ было сравнительно мало; видно, они уже чуяли вражду. До полудня настроеніе было мирное, радужное. Добровольцы и галичане привѣтствовали другъ друга, слово «жидъ» еще не жужжало. У всѣхъ были веселыя лица. Какой-то полякъ подбѣжалъ къ знакомому, крѣпко пожалъ ему руку, говоря: «Неправда ли, какое счастіе, что мы дожили до такого дня!» Словомъ выглядѣло немного такъ, какъ въ первые дни «улыбающейся» революціи.

На Крещатикѣ, тамъ гдѣ висѣли телеграммы Бупа, висѣло уже воззваніе временнаго комитета при городской управѣ.

Но къ полудню картина измѣнилась. На улицахъ появились представители и представительницы тѣхъ слоевъ общества, которые любятъ смотрѣть на всякое зрѣлище (даже на разстрѣлы офицеровъ, какъ было въ 18 г.) и даже принимать въ нихъ участіе. Это было большей частью мелкое мѣщанство, прислуга. Толпа стала съ какимъ-то звѣрскимъ воемъ и хохотомъ срывать большевистскіе плакаты, разбивать бюсты, ломать деревянныя сооруженія. Потомъ разсказывали, что какія-то расходившіяся бабы превратили голову бюста Троцкаго въ извѣстный сосудъ.

Послѣ 2-хъ часовъ стали возникать манифестаціи. Огромная толпа двигалась по Крещатику къ думѣ. Вдругъ выстрѣлъ, крики. Къ счастью кончилось избіеніемъ одного лишь господина — русскаго, такъ какъ его принялъ за еврея какой-то субъектъ, которому онъ нечаянно отдавилъ мозоль. Оказывается, что по городу распространился слухъ, что евреи будутъ стрѣлять изъ оконъ въ добровольцевъ; выстрѣлъ былъ провокаторскій, но погрома вызвать не удалось. Я вторично вышла на улицу и пошла въ Липки. По Крещатику проходила украинская манифестація, довольно жалкая.

Въ Липкахъ всѣ помѣщенія чрезвычаекъ были открыты. Ихъ облегали огромныя толпы. Женщины висѣли на заборахъ, жадно заглядывая въ щели. Дѣйствительно, говорятъ, что внутри чека было ужасно. Рядъ наиболѣе красивыхъ домовъ превращенъ въ застѣнки, въ которыхъ происходили оргіи, полы покрыты грудами разорванныхъ бумагъ, разбитыхъ бутылокъ, поломанныхъ столовъ и стульевъ. Ужаснѣе всего въ домѣ № 5 по Садовой; тамъ въ саду были разстрѣляны и тутъ же закопаны послѣднія 67 жертвъ. Каретный сарай или конюшня въ этой усадьбѣ уже давно служили застѣнкомъ, тамъ былъ устроенъ даже стокъ для крови. Трупы разстрѣлянныхъ совершенно наги.

Когда мы отходили отъ этой усадьбы, къ ней приближался церковный ходъ съ хоругвями и иконами. На лицахъ шествующихъ было видно больше злобы и ненависти, чѣмъ радости и благодарности. Можно было читать въ глазахъ этихъ людей желаніе мстить, посчитаться съ личными врагами, подъ предлогомъ преслѣдованія коммунистовъ.

Въ толпѣ кто-то разсказывалъ, что растерзали коммунистку-еврейку. Какая-то женщина визгливымъ, истерическимъ голосомъ проклинала евреевъ. Была та же ненависть, то же звѣрство, что при большевикахъ.

Только уѣхать, уѣхать отъ этихъ звѣрей. Вечеромъ гроза, висѣвшая надъ городомъ, разразилась. Заработали пулеметы. Продолжалось это недолго, но результатомъ было бѣгство галичанъ изъ Кіева. У думы произошло столкновеніе между украинцами и великороссами. Кто-то сорвалъ чей-то флагъ, завязалась драка, началась стрѣльба.

Только что освободили одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ и уже внесли раздоръ и ненависть. Потомъ русскіе будутъ возмущаться еврейскимъ коммунизмомъ и украинскимъ сепаратизмомъ. Сегодня же вышла первая не-большевистская газета «Вечерніе Огни». Она сообщаетъ, что Днѣпровская флотилія нарочно бомбардировала церкви. Это камень въ еврейскій огородъ, но не совсѣмъ удачно. Всѣ матросы флотиліи, конечно русскіе, комендантъ ея Полупановъ.

Можетъ быть, онъ нарочно обстрѣливалъ свои русскія церкви; убили же лаврскіе послушники своего митрополита въ 1918 г., но объ этомъ говорили гораздо меньше, чѣмъ о самомъ незначительномъ коммунистѣ-евреѣ.

Теперь, черезъ минуту, я уже стыжусь тѣхъ строкъ, которыя мнѣ диктовала злоба. Когда хочу приписать особую злобу или подлость русскимъ, сейчасъ же вспоминаю, что точно такія преступленія совершали въ такіе же моменты и другіе народы.

1-го сентября. Трудно прощать при такихъ условіяхъ. Власть, конечно, нарочно оставляетъ чека открытыми для всѣхъ; она такъ же смотритъ сквозь пальцы на дикія, уличныя сцены, когда толпы, преимущественно женщинъ, набрасываются на евреевъ и евреекъ и избиваютъ ихъ до смерти, подъ предлогомъ, что это коммунисты. Конечно, всѣ эти жертвы ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣютъ, но, кажется, такія выступленія были заранѣе подготовлены, такъ какъ я еще вчера замѣтила, что многія брюнетки носятъ нашейные крестики поверхъ одежды. Христіане знали о томъ, что будетъ дѣлаться на улицахъ. Есть между ними рѣдкія исключенія: Р. вернулся возмущенный избіеніемъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Сегодня же я испытала, впервые въ жизни, лично, что такое травля евреевъ. До сихъ поръ я страдала отъ «еврейскаго вопроса» только пассивно. Во мнѣ почему-то не узнаютъ еврейку и меня не оскорбляютъ. Правда, зато я не разъ должна слышать изліянія о «жидахъ». Обыкновенно я прерываю собесѣдника заявленіемъ, что и я — еврейка; тогда онъ краснѣетъ, заикается, мнется и спѣшитъ заявить, что «вы такъ не похожи, извините, . . . я не говорилъ объ интеллигентныхъ евреяхъ» . . . и т. д., и т. д.

Но сегодня мы шли съ обѣими К. по Фундуклеевской. Шли мирно. Сначала мимо насъ проѣхалъ автомобиль съ военными, за которымъ бѣжала съ восторженными криками толпа. Автомобиль проѣхалъ. Его замѣнила густая толпа, несущаяся въ противоположномъ направленіи. Тащили съ воемъ и криками «Бошъ» въ контръ-развѣдку. Въ дѣйствительности это была невинная еврейка, которую контръ-развѣдка сейчасъ же отпустила.

Мы шли дальше, не останавливаясь; вдругъ, мы услышали чью-то брань по нашему адресу. Какая-то старуха кричала, что жиды убили ея сына, что мы, навѣрное, чекистки, съ которыми пора расправиться.

К. испуганно молчали, но я не выдержала и крикнула старухѣ, чтобы она отстала. Брань и крики увеличились. На наше счастіе толпа исчезла за угломъ, не обративъ на насъ вниманія. Своеобразное участіе приняла въ насъ одна русская дѣвица, которая посовѣтовала мнѣ не волноваться и не ходить гулять въ такіе дни въ виду возбужденности населенія. Старухѣ она ничего не сказала.

Мой начальникъ разсказывалъ мнѣ, что евреямъ, жалующимся на ограбленіе, деникинскіе офицеры отвѣчаютъ: «Разъ ты жидъ, такъ тебѣ и надо». Я боюсь, чтобы это дикое отношеніе не толкнуло евреевъ окончательно въ сторону большевиковъ. Пока, мелкая еврейская буржуазія антибольшевистски настроена, но такая травля возбуждаетъ желаніе мстить. Каждый еврей скажетъ: если русскій можетъ быть погромщикомъ, то я могу быть большевикомъ.

5-го сентября. Добровольцы идутъ церемоніальнымъ маршемъ. Если такъ пойдетъ дальше, то къ Рождеству они будутъ въ Москвѣ. Дай Богъ! можетъ быть, тогда все измѣнится. У власти станутъ другіе люди, а не генералы въ родѣ Бредова и Драгомирова. Все таки уже 5 ночей мы спимъ спокойно; вѣдь послѣдніе 3 мѣсяца я спала полуодѣтая, въ вѣчномъ ожиданіи обысковъ и арестовъ. И этотъ паническій страхъ изнуряетъ, измучиваетъ больше всего

Безусловно все дикое звѣрство внесъ большевизмъ и чѣмъ дольше онъ держится, тѣмъ больше всѣ звѣрѣютъ. Б. разсказывала мнѣ, что на-дняхъ какая-то простая женщина сказала ей: «Я знаю, что напрасно все на евреевъ сваливаютъ. И вамъ плохо, и намъ нехорошо. Со злости и съ горя другъ на друга бросаемся». Но много ли такихъ людей, которые отдаютъ себѣ отчетъ? Большинство, какъ Шульгинъ, подражаютъ «Красному Мечу». Все таки на улицахъ видны снова веселыя лица. Люди возятъ и носятъ свои, найденныя вещи, возвращаются въ собственныя квартиры

На почвѣ «нахожденія» и «возвращенія» вещей происходятъ недоразумѣнія. Многіе разносили бѣлье, платья, драгоцѣнности по знакомымъ. Теперь возвращаютъ не полностью, сваливая исчезновенія на кражи при обыскахъ или же на прислугу. Это бывало и раньше. Во время обыска М. дала сосѣдкѣ свои серьги. Та въ теченіе получаса ухитрилась ихъ «потерять».

8-го сентября. Евреевъ выбрасываютъ изъ поѣздовъ и убиваютъ на станціяхъ. Солдаты на какой-то станціи, между Кіевомъ и Харьковомъ, хотѣли разстрѣлять Э. Его спасло вмѣшательство 2-хъ солдатъ-евреевъ, и онъ отдѣлался избіеніемъ. Въ Кіевѣ боятся погрома. Несмотря на воззваніе властей, еврейскіе магазины стали открываться только послѣдніе 2—3 дня.

Я умоляю нашихъ уѣхать. Въ такой атмосферѣ жить невозможно. Семь мѣсяцевъ насъ травилъ одинъ хамъ, теперь другой.

Большевики все стоятъ на Ирпенѣ, въ 20 в. отъ Кіева. На Бибиковскомъ бульварѣ и на Нижне-Владимирской слышны орудійные выстрѣлы. А что значатъ слова Р.: «Господа, это передышка, воспользуйтесь ею, уѣзжайте въ портовый городъ». Онъ имѣетъ связи и потому можетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Самъ онъ ѣдетъ въ Ростовъ. Большевики вѣдь не сложили оружіе. Тотъ же Р. видѣлъ двухъ коммунистовъ въ Купеческомъ. Они были превосходно одѣты, ѣли мороженое и ухаживали за дамами. Вѣроятно, они по своимъ талантамъ пропагандистовъ равны тому своему товарищу, который недавно увѣрялъ Р., что «за три недѣли любую дивизію распропагандируетъ».

Кіевляне пока, съ помощью контръ-развѣдки, сводятъ счеты. Служащіе этого учрежденія шантажируютъ людей (и не только евреевъ, а даже христіанъ), которыхъ они обвиняютъ въ коммунизмѣ, требуя денегъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

15-го сентября. Только теперь видно, какъ большевики все разрушили. Цвѣтущая Украина, богатый Кіевъ — нищіе. Въ магазинахъ ничего нѣтъ. Хлѣбъ, правда, значительно подешевѣлъ, но матеріи и др. вещи еще очень дороги и ихъ попросту нѣтъ. Комиссіонные магазины попрежнему великолѣпно работаютъ. А ровно годъ тому назадъ въ Кіевѣ было все, чего душа желала.

Кто можетъ, тотъ уѣзжаетъ въ Одессу, въ Ростовъ; организуются польскіе, чешскіе и т. под. поѣзда. Всѣ какъ-будто чувствуютъ, что въ Россіи нельзя оставаться.

20-го сентября. Читать гнусныя, глупыя статьи Шульгина и отчеты о звѣрствахъ добровольцевъ въ Фастовѣ — это хорошій отдыхъ для нервовъ послѣ большевиковъ.

Авторы отчетовъ о погромахъ считаютъ, что на Украинѣ погибло не менѣе 100 тысячъ евреевъ. Даже, если бы евреи были отцами большевизма и чрезвычаекъ, то такая месть больше, чѣмъ «око за око», «зубъ за зубъ». Сколько бы ни погибло русскихъ, но ихъ 100 милліоновъ, а евреевъ въ предѣлахъ теперешней Россіи не больше 4-хъ.

Всѣхъ евреевъ-офицеровъ (Керенскаго производства) не принимаютъ въ армію, а заставляютъ подавать въ отставку. Я знаю многихъ, которымъ такъ отказали, вѣроятно, чтобы потомъ, съ цыфрами въ рукахъ, доказать, какъ много было евреевъ-коммунистовъ, какъ мало — добровольцевъ. Жена Шульгина пишетъ подъ псевдонимомъ Vendetta. Это слово — символъ добровольческаго движенія. Они пришли мстить, не возстанавливать попранныя большевиками человѣческія права, а только мстить. Ихъ возмущаетъ не терроръ самъ по себѣ, не ограниченія въ правахъ лучшей части населенія — буржуазіи, а то, что это направлено противъ нихъ — русскихъ дворянъ и чиновниковъ. Когда погромы устраивались только евреямъ, когда были облавы только на евреевъ, когда русскій дворникъ имѣлъ больше правъ, чѣмъ еврей съ университетскимъ образованіемъ, тогда все было въ порядкѣ, но, когда еврейскій хамъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ тѣхъ обидахъ, которыя наносилъ русскій хамъ своимъ бывшимъ господамъ, тогда послѣдніе рѣшили мстить всѣмъ евреямъ.

Я уже не разъ себя спрашивала, не примирились бы русскіе съ большевизмомъ, если бы нѣсколько сотъ комиссаровъ-евреевъ исчезли? Ихъ возмущаетъ одна мысль о томъ, что большевики не преслѣдуютъ спеціально евреевъ, какъ дѣлали до сихъ поръ другія правительства

Они такъ же нелѣпы въ своемъ желанiи все вернуть вспять, какъ большевики, желавшiе все старое разрушить. Единственное осмысленное распоряженiе послѣднихъ, о введенiи грегорiанскаго календаря, — отмѣнено.

1-го октября. Послѣ двухдневнаго хожденiя по Липкамъ, я отыскала часть нашей мебели. Поиски эти были довольно непрiятны, но зато я хорошо ознакомилась съ совѣтскимъ домашнимъ хозяйствомъ.

Самая красивая и богатая часть города совершенно уничтожена. На одинъ ремонтъ надо будетъ потратить годы и миллiоны. Нѣтъ ни одного, самаго скромнаго домика, котораго не постарались бы загрязнить, ограбить. Я ходила нѣсколько часовъ по всѣмъ улицамъ, по особнякамъ и большимъ домамъ, еврейскимъ и христiанскимъ. Вездѣ та же картина, даже въ школахъ: мебель, относившаяся къ данному дому, непремѣнно вывезена въ другой, гдѣ ее нарочно поломали и загрязнили, обои оборваны. стекла выбиты, полы затоптаны и заплеваны. Въ нѣкоторыхъ квартирахъ,вернувшiеся жильцы приводятъ все въ порядокъ, въ другихъ, люди равнодушно живутъ среди чужихъ обломковъ, вѣроятно, полагая, что не стоитъ возиться и безпокоиться еще неизвѣстно для кого.

Большинство домовъ взято вновь подъ добровольческiя учрежденiя, но, при опознанiи мебели, ковровъ владѣльцами, они сейчасъ же выдаются

Сегодня я, продолжая поиски, зашла въ чека, въ домѣ генералъ-губернатора. Это огромный двухэтажный домъ. Нижнiй этажъ былъ превращенъ въ тюрьму. Я пожалѣла, что зашла для такой неважной вещи, туда, гдѣ мучались сотни людей. Нижнiй этажъ совершенно не прибранъ. Тамъ и сямъ валяются клоки соломы, безногiе стулья и столы. Комнаты низкiя и темныя, но въ нѣкоторыхъ были сдѣланы клѣтки для заключенныхъ, вѣроятно, чтобы ихъ не видѣли извнѣ. На стѣнахъ много надписей и датъ.

Верхнiй этажъ приводили въ порядокъ. Группа бабъ отдыхала около ведеръ и тряпокъ. Я уловила отрывокъ изъ разговора: онѣ возмущались чека и ругали палачей-жидовъ. Я должна была молча слушать это въ томъ домѣ, гдѣ сидѣли въ вонючихъ клѣткахъ мой отецъ и десятки знакомыхъ и, когда я пришла туда, чтобы найти хотя бы часть нашего имущества. За эти 2 дня я видѣла больше 50 домовъ. Строили ихъ долго: десятилѣтiями создавались эти красивыя улицы, выростали тѣнистые сады. За семь мѣсяцевъ все безвозвратно исчезло. И роскошь, и уютъ, и даже гигiена (нѣтъ дома, гдѣ бы, послѣ самаго короткаго пребыванiя красноармейцевъ, канализацiя осталась бы въ порядкѣ).

5-го октября. Каждый день приноситъ извѣстiя о погромѣ въ томъ или другомъ мѣстечкѣ, о безконечныхъ убiйствахъ. Страдаютъ отъ добровольцевъ и христiане. М. разсказывала мамѣ, какъ ее съ семьей ограбили на какомъ-то хуторѣ. Когда М. сталъ уговаривать ихъ, доказывая, что онъ профессоръ, они поняли это такъ, что онъ членъ профессiональнаго союза, то-есть большевикъ и потому еще больше разошлись. Но теперь эти убiйства и погромы никого не трогаютъ. Мы совершенно стали равнодушны къ чужой жизни; каждый хочетъ только спасти себя какой угодно цѣной. Кажется, въ Россiи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ на совѣсти чужой жизни, въ лучшемъ случаѣ чужого имущества.

Правыхъ и виноватыхъ больше нѣтъ. То-есть всѣ виноваты. Нельзя войти въ магазинъ, сѣсть въ вагонъ трамвая, чтобы не нарваться на грубость — такъ всѣ одичали. Всякiй видитъ въ другомъ врага. А выбраться отсюда почти невозможно. Приходится ѣхать съ солдатами, которые глумятся надъ евреями, грабятъ ихъ. Сомнительное утѣшенiе приноситъ то воспоминанiе, что евреи — красноармейцы такъ же грубы съ частными лицами, какъ ихъ коллеги — добровольцы.

14-го октября. Большевики снова въ Кiевѣ. Уже вчера положенiе было грозное. вѣчные выстрѣлы звучали ближе; на рынкахъ было мало продуктовъ. Ворвались они сегодня около часу дня. Съ утра улицы были запружены толпами бѣгущихъ. Но, что за смыслъ въ такомъ бѣгствѣ? куда бѣжать?

Неужели мы окончательно погибли. Постоянно раздаются орудiйные выстрѣлы. Можетъ быть, все таки добровольцы вернутся?

15-го октября. Добровольцы вернулись, но городъ мертвъ. Только иногда слышно, какъ бьютъ витрины въ магазинахъ. Это солдаты грабятъ паштетныя и другіе магазины.

17-го октября. Нѣтъ хлѣба и идетъ погромъ. Евреи отданы на разграбленіе войскамъ, спасшимъ Кіевъ. Въ безконечныхъ очередяхъ, стоящихъ около булочныхъ, избиваютъ евреевъ, выталкиваютъ ихъ изъ очереди, распространяютъ бредни о томъ, что евреи обливаютъ отступающихъ добровольцевъ кислотой.

Э. стояла въ такой очереди на Жилянской или М.-Благовѣщенской. Вдругъ, къ сосѣднему дому подъѣхали военные верхомъ. Они стали стучать въ двери; имъ не отворяли, тогда они стали стрѣлять, выламывать двери. Наконецъ, они ворвались въ домъ, изъ котораго понеслись крики и стоны. Толпа христіанъ ликовала, а Э. убѣжала безъ хлѣба, но она не могла молча выносить это зрѣлище.

25-го октября. Одинъ изъ моихъ родственниковъ бѣгалъ въ началѣ революціи смотрѣть на каждую демонстрацію, чтобы потомъ не сожалѣть о томъ, что онъ проспалъ великую русскую революцію. Теперь онъ припѣваючи живетъ за границей. Зато я могу сказать, что русскую революцію я изучила досконально. Чего я не видѣла, даже погромъ (не царскій) и какой еще! 500 убитыхъ. Сотни ограбленныхъ квартиръ. И радость, дикую радость христіанъ.

Къ намъ пришли 18-го октября, въ субботу. Но введеніе и заключеніе сдѣлала наша собственная прислуга.

Съ утра мама, И. и я, мы остались однѣ съ прислугой. Во время уборки горничная, очень тихая, смирная дѣвушка, подошла къ мамѣ и сказала съ яростью: «А вашъ братъ, небось, жалѣетъ, что коммунистовъ разбили?» Мама оторопѣла и вмѣсто того, чтобы сейчасъ же разсчитать ее, только вышла изъ комнаты. Эта дѣвушка видѣла не разъ, какъ большевики насъ грабили, защищала даже насъ отъ нихъ, но пропаганда въ очередяхъ сдѣлала свое дѣло.

Немного позже позвонили и И. открыла двери. Въ квартиру ворвалось трое деникинцевъ — офицеръ и рядовые. Они потребовали папу. Если бы онъ былъ, то кончилось бы убійствомъ, какъ съ Либерманомъ. На шумъ ихъ голосовъ, я выбѣжала въ переднюю и услышала: «Гдѣ твой мужъ? Я долженъ убить его. Жиды зарѣзали мою мать, и я долженъ за это убить твоего мужа. Давай его!» Они не повѣрили нашимъ увѣреніямъ, что отца нѣтъ, и проникли въ остальныя комнаты, все время угрожая револьверами. Я побѣжала къ сосѣдямъ за помощью; по дорогѣ я встрѣтила горничную, которая сказала мнѣ, что уже просила о помощи. Но никто не пришелъ: евреи боялись и попрятались, христіанъ я не хотѣла просить. Тѣмъ временемъ у насъ къ деникинцамъ присоединились обѣ прислуги. Онѣ кричали: «Убейте ихъ, онѣ прятали коммунистовъ, лили сѣрную кислоту на деникинцевъ!» Кухарка ударила И. Одинъ изъ деникинцевъ замахнулся бутылкой на мою мать. Все время въ квартирѣ хозяйничало двое, а третій сторожилъ парадную дверь, чтобы никто не пришелъ на помощь. Когда постучала сосѣдка — христіанка, онъ черезъ щель сказалъ ей: «Чего лѣзете? здѣсь съ жидами расправляются». Наконецъ, они удовлетворились 2-мя тысячами рублей, золотыми часами и еще нѣсколькими бездѣлушками, но, уходя, обѣщали явиться на слѣдующій день и приказали приготовить для нихъ кольцо съ «большимъ» брилліантомъ.

Мы боялись, что они сдержатъ слово и повторятъ посѣщеніе, поэтому Н. стала на углу, въ ожиданіи отца, чтобы предупредить его и направить къ знакомымъ. Дѣйствительно, этимъ не кончилось.

Мы рѣшили во что бы то ни стало избавиться отъ нашей прислуги, но онѣ не хотѣли уйти, продолжали кричать и грубить. Все таки мы ихъ выдворили изъ кухни и варили сами. Богъ знаетъ, что мы ѣли. Мама говоритъ, что по количеству съѣденнаго эта недѣля можетъ конкурировать только съ той, когда отецъ сидѣлъ въ чека.

Ночевать я пошла къ Б. У нихъ немного успокоилась и рано утромъ въ воскресеніе пошла домой. Весь вечеръ мы у Б. читали Гете, и я какъ-то, на время, забыла о томъ, что творится кругомъ.

Когда я вышла на улицу не было еще восьми часовъ, но на каждомъ второмъ домѣ былъ наклеенъ № «Кіевлянина», со статьей, описывающей еврейскія гнусности и преда-

тельства, указывались адреса и фамиліи, между прочимъ, одного врача, будто бы стрѣлявшаго въ добровольцевъ. Какъ потомъ оказалось, все было ложью.

Къ чему эта безсмысленная ложь христіанъ? Никто никогда не отрицалъ огромной роли евреевъ въ коммунизмѣ, но почему то ихъ обвиненія почти всегда лживы, а ужъ страдаютъ отъ нихъ *всегда* невинные.

Дома за ночь ничего не измѣнилось. Прислуга все еще жила у насъ. Мы отправились въ профессіональный союзъ, просить освободить насъ отъ вредныхъ сожительницъ, такъ какъ обращеніе въ милицію не возымѣло значенія

Въ союзѣ сказали, что сначала должны разобрать дѣло и послали прислугѣ повѣстку.

Но онѣ, побывавъ въ союзѣ и убѣдившись, что дѣло не въ ихъ пользу, пошли во вторникъ въ контръ-развѣдку, гдѣ заявили, что отецъ пряталъ коммунистовъ и передъ приходомъ добровольцевъ сжегъ бумаги. (Бумаги то жегъ, но не отецъ, а Р. — знакомый Шульгина.)

Вмѣшательство контръ-развѣдки могло имѣть очень печальный результатъ, но облегчила наше положеніе болтливость обѣихъ женщинъ: онѣ хвастали своею ловкостью и умомъ передъ швейцаромъ, который предупредилъ насъ.

Мы начали снова бѣгать по знакомымъ со связями (точь въ точь, какъ въ маѣ, только тогда не было такого чувства униженія, не чувствовали себя такими паріями)

Въ среду (меня не было дома и я знаю объ этомъ только по разсказамъ) съ утра позвонили. Дверь открыла (на цѣпочку) мама. Звонилъ офицеръ изъ контръ-развѣдки. Онъ началъ сейчасъ же грубить. Когда увидѣлъ Н., закричалъ: «Подойдите, молодой человѣкъ, поближе, я вамъ пущу пулю въ лобъ! Если бы я зналъ, что здѣсь есть еврейскіе студенты, я бы одинъ не пришелъ!»

Узнавши, что отца нѣтъ дома, онъ хотѣлъ арестовать мать, но кто-то догадался пойти за предсѣдателемъ дом. комитета и тотъ вступился за нее. Оставшись наединѣ съ мамой офицеръ назвалъ ее «еврейской фуріей».

Послѣ его ухода, по совѣту д-ра Б. мы рѣшили пойти простымъ путемъ. Родители пошли въ контръ-развѣдку и тамъ говорили съ самимъ начальникомъ.

Оказалось, что приходившій офицеръ превысилъ полномочія: ему было приказано навести справки, а онъ самъ написалъ ордеръ на арестъ. Когда же мама сказала, что она знаетъ, что все дѣло затѣяли по доносу прислуги, начальникъ контръ-развѣдки смутился и обѣщалъ окончательно оставить папу въ покоѣ.

На прислугу такой результатъ доноса и приговоръ професс. суда о томъ, чтобы онѣ насъ покинули, подѣйствовалъ. Въ четвергъ мы отъ нихъ освободились. Правда, по Соломонову суду професс. союза, мы должны были тѣмъ служащимъ, которыя хотѣли насъ ограбить и убить, заплатить около 3-хъ тысячъ, для того, чтобы отъ нихъ освободиться. Есть еще и третій актъ.

Разставаясь съ папой, начальникъ контръ-развѣдки сказалъ отцу, что, для окончательной ликвидаціи дѣла, онъ можетъ доставить нѣсколько поручительствъ знакомыхъ.

Конечно, это была мелочь, но отцу пришло на мысль сослаться на офицера-поляка Г. Тотъ пригласилъ для этого своихъ двухъ друзей изъ контръ-развѣдки и они потребовали за свои подписи 20 тысячъ «на добровольческую армію». Ясно было, что это шантажъ, но отступать было неудобно. Поторговавшись, сошлись на 5 тысячахъ.

Надѣюсь, что этимъ кончилось и, что отецъ, подъ вліяніемъ такихъ переживаній, согласится выѣхать. Вчера Б. говорилъ мнѣ, что былъ составленъ списокъ богатыхъ евреевъ, которыхъ хотѣли обвинить въ коммунизмѣ и шантажировать. Онъ предлагалъ мнѣ въ нашемъ дѣлѣ услуги офицера изъ приличной дворянской семьи, мужа оперной артистки, который бы все уладилъ за нѣсколько тысячъ.

28-го октября. Тѣло Л. лежало 24 ч. на углу Терещенковской и Бибиковскаго бульвара. Онъ жилъ у чужихъ людей и, когда къ нему ворвались погромщики, то они, вѣроятно, не рѣшились рисковать собой и дали его увести. Передъ тѣмъ онъ сидѣлъ 6 недѣль въ чека, его домъ разграбили, его нѣсколько разъ шантажировали, а теперь добровольцы вознаградили потерпѣвшаго буржуя.

Убили и Ѳ. при нападеніи на домъ раввина. Тѣло его до сихъ поръ не найдено.

«Вечерніе Огни» игривымъ тономъ сообщаютъ, что на Андреевской улицѣ нерѣдко видны собаки, грызущія головы, покрытыя черными волосами, то-есть еврейскія.

Даже крещенье не спасало. Убили молодого Кранца, котораго родители крестили еще въ дѣтствѣ.

А Шульгинъ написалъ статью «Пытка страхомъ», въ которой онъ откровенно выражаетъ свою радость, за «урокъ», который даютъ евреямъ. Урокъ чего? Того, что русскій народъ подлъ, что доказываютъ его вожди и справа, и слѣва?

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ квартирахъ, откуда вынесли рѣшительно все, грабители французили. Значитъ это были офицеры изъ «хорошей» сферы. Въ иныхъ случаяхъ къ дому подъѣзжалъ цѣлый отрядъ съ площадками (такъ было у дома Гинзбурга на Институтской), и со спискомъ жильцовъ-евреевъ въ рукахъ, ходили изъ квартиры въ квартиру. Иногда жертвъ спасали квартиранты-офицеры. Д-ръ Г. разсказывалъ, что онъ узналъ въ одномъ изъ грабителей своего сослуживца по японской войнѣ. Онъ окликнулъ его, назвалъ себя. Тотъ, сейчасъ же, заявилъ своимъ товарищамъ, что квартира доктора неприкосновенна.

П. ограбили до чиста. Мы должны были одолжить имъ одѣяло. Къ ихъ дому тоже подъѣхали съ возами и вывезли, что могли, а, такъ какъ передъ тѣмъ въ потолокъ столовой попалъ снарядъ, то они не могутъ вернуться къ себѣ.

Изъ знакомыхъ болѣе всего пострадали Ш. У нихъ видно какіе-то враги въ домѣ, потому что и при большевикахъ, и теперь они пострадали болѣе другихъ.

При большевикахъ у нихъ постоянно реквизировали комнаты комиссары, которые по ночамъ устраивали у нихъ настоящія оргіи, не обращая вниманія на то, что въ сосѣдней комнатѣ умиралъ Н. Послѣ прихода деникинцевъ, С., по доносу пріятеля, съ которымъ онъ поссорился, арестовали и при этомъ избили. Ш. стоило не мало денегъ освобожденіе сына. Теперь же, на второй или третій день погрома, къ нимъ ворвалась цѣлая банда. Младшаго сына поставили къ стѣнкѣ; онъ откупился сапогами. Громилы вынесли все, что могли, даже вещи экономки и жилицы. Они возвращались нѣсколько разъ и имѣли столько времени, что выкололи глаза всѣмъ портретамъ. Предсѣдатель домового комитета — крещеный еврей — отказалъ въ помощи. Когда погромщики ушли въ первый разъ, спохватились, что самъ Ш. исчезъ. Нашли его только черезъ 24 ч. Оказалось, что онъ прыгнулъ со второго этажа, съ балкона. Не понимаю, какъ онъ не убился на мѣстѣ. Въ іюнѣ 1918 г. одинъ изъ сыновей Ш. погибъ въ отрядѣ полк. Дроздовскаго въ бою съ большевиками.

1-го ноября. Формируются польскіе поѣзда. Масса уроженцевъ Польши, Бѣлоруссіи, Литвы пользуется ими. Мы не успѣемъ, но обѣщаютъ другой поѣздъ.

Ш. не единственный, прыгавшій съ балкона. Такіе же ужасы творились въ домѣ Демченка, на Ольгинской; тамъ люди со страху порывались выброситься изъ оконъ. Грабилъ домъ отдѣлъ осетинъ. Добровольцы пользуются этими полудикими кавказцами для сверженія большевиковъ, такъ же, какъ большевики пользуются китайцами. Осетинъ такъ же интересуетъ борьба съ коммунизмомъ, какъ китайцевъ — борьба съ капиталистическимъ строемъ, но за этотъ годъ имъ разъяснили, что евреевъ можно грабить и убивать безнаказанно. Они совершенно не знаютъ кто такіе евреи. Одного старика съ пейсами (Г.) они спросили, еврей ли онъ? Г. отвѣтилъ отрицательно и они его оставили въ покоѣ. Въ домѣ Демченка, они, по ошибкѣ, врывались и къ христіанамъ.

Для того, чтобы распознавать евреевъ, они заставляютъ прохожихъ произносить букву «р». Б. говорилъ мнѣ, что мелькающія въ сводкахъ сообщенія о томъ, что еврейское населеніе стрѣляетъ въ добровольцевъ, что еврейскіе коммунисты особенно отчаянно борются, — результатъ опредѣленной политики. Командованіе знаетъ, что большая часть солдатъ сочувствуетъ большевизму и потому послѣдній представляютъ, какъ произведеніе евреевъ, надѣясь, что такимъ путемъ солдатъ доведутъ до Москвы. А потомъ надѣются удержать власть, даже если армія распадется. Брату Б. очень тяжело. Онъ еще при большевикахъ бѣжалъ изъ Кіева, записался въ добровольческую армію, а теперь долженъ слышать и видѣть все это юдофобство.

Холода наступили въ этомъ году рано, а большевистское хозяйничанье даетъ себя чувствовать. За лѣто совнархозъ не запасся дровами и теперь дровъ мало; пудъ стоитъ 70 рублей (угля, конечно, нѣтъ и въ поминѣ).

Въ большинствѣ домовъ центральное отопленіе не будетъ дѣйствовать, потому что при минимальной топкѣ оно будетъ стоить не менѣе 20—30 тысячъ отъ квартиры, а теперь мало кто располагаетъ деньгами. Рѣшили поставить желѣзныя печи и пустить трубы въ вентиляторы. Въ квартирахъ уже такъ холодно, что у меня болятъ руки и ноги.

3-го ноября. Во время погрома добровольцы напали на еврейскую больницу, убили нѣсколькихъ больныхъ и ограбили то немногое имущество, что оставалось, а оставалось очень мало, такъ какъ всѣ кіевскія больницы въ страшномъ состояніи. Среди убитыхъ были раненые, спасшіеся отъ фастовскаго погрома. Кажется, нападеніе на больницу неслыханная вещь въ исторіи погромовъ. Сегодня видѣла впервые С. Б. Она еще очень плохо выглядитъ. Она пролежала больше 2-хъ недѣль. На третій или четвертый день погрома, она проходила вечеромъ мимо Золотоворскаго сада. Навстрѣчу ей шелъ офицеръ. Ее поразилъ злобный взглядъ, брошенный имъ на нее, и, поровнявшись съ нимъ, она прибавила шагу. Вдругъ, она почувствовала страшный ударъ въ затылокъ. Она очнулась уже въ саду. Кто-то сжалился надъ ней и поднялъ ее съ тротуара. Деньги были при ней, слѣдовательно, офицеромъ руководила только ненависть; онъ узналъ въ ней еврейку и ударилъ ее по злобѣ.

До чего дошелъ этотъ человѣкъ, чтобы ударить беззащитную женщину? Вся Россія — это клѣтка, а населеніе ея — дикіе звѣри.

Я могу себѣ представить, какъ подѣйствовали погромы и волна дикой ненависти на массу еврейскихъ ремесленниковъ и мелкаго мѣщанства, которымъ большевизмъ не вредилъ. Эти люди, если они до сихъ поръ были равнодушны, станутъ теперь большевиками.

Съ какой стати за грѣхи русскихъ правительствъ и русскаго народа отвѣчаютъ евреи? Я вижу, какъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, со времени изгнаній и преслѣдованій въ Польшѣ, евреи все болѣе и болѣе деморализируются. Если раньше морально евреи стояли выше окружающихъ ихъ народностей, то теперь они такъ же низко пали. Исчезла даже старая національная связь: еврей — коммунистъ также грабитъ своихъ собратьевъ некоммунистовъ, какъ и христіане.

Западная Европа кажется мнѣ далекимъ, недосягаемымъ раемъ. Тамъ есть наука, искусство, тамъ человѣкъ не видитъ въ сосѣдѣ врага, тамъ не дрожишь за жизнь близкихъ. Вѣдь уже почти годъ, какъ насъ травятъ безпрерывно.

10-го ноября. Добровольцы продолжаютъ отступать. Неужели большевики прійдутъ въ Кіевъ? Тогда нельзя будетъ даже бѣжать. По временамъ (по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю) въ городѣ подымается дикая паника. Я живу одной мыслью о выѣздѣ. Все равно мы всѣ и здѣсь раззорены. Лучше заметать улицы въ буржуазной странѣ, чѣмъ жить на развалинахъ бывшихъ богатствъ въ этой странѣ смерти. Мы продолжаемъ жить продажей нашего имущества. Покупаютъ крестьяне, офицеры и ихъ дамы, койкакіе спекулянты. Цѣны ниже, чѣмъ при большевикахъ, но зато и жизнь дешевле.

Уже 2 года большевики у власти. Видно, они не скоро падутъ и, можетъ быть, было бы лучше, чтобы прекратилась гражданская война, которая только увеличиваетъ раззореніе и озвѣрѣніе. Большевики держатся, главнымъ образомъ, арміей. Когда всѣ красноармейцы, которымъ позволяютъ, даже предписываютъ грабить, будутъ отпущены по домамъ и должны будутъ работать, а плоды ихъ трудовъ будутъ націонализированы, тогда, можетъ быть, наступитъ конецъ большевизму.

Но ожидать этого невозможно, тѣмъ болѣе, что физическія условія жизни невыносимы: водопроводъ у насъ дѣйствуетъ лишь изрѣдка, такъ что мы должны таскать воду ведрами изъ ближайшихъ колодцевъ; дрова стоятъ 100 рублей пудъ, ихъ пилятъ студенты (они же разносятъ газеты по домамъ), а такъ какъ желѣзныя печи очень малы, то во всѣхъ семьяхъ мужчины заняты рубкой дровъ на мелкіе куски. Почти никто не держитъ прислуги, а варка теперь пытка. Такъ какъ плиты поглощаютъ

слишкомъ много топлива, то варятъ на маленькихъ желѣзныхъ плиткахъ, на которыхъ помѣщаются самое большее 2 кастрюли; поэтому варка длится вдвое дольше.

Для поддержанія тепла въ нѣкоторыхъ семьяхъ варятъ въ столовой. Тогда запущенная квартира становится еще грязнѣе.

14-го ноября. Большевики все ближе. Махно хозяйничаетъ въ Екатеринославѣ, на Кубани тренія, у насъ на Украинѣ гуляютъ банды. Проснулся воинственный духъ въ потомкахъ гайдамаковъ. Разсказываютъ о нападеніяхъ на поѣзда. Очевидно, крестьяне не признаютъ никакого правительства. Тѣ же банды, что буйствовали при большевикахъ теперь идутъ на добровольцевъ.

Про Махно — анархиста-индивидуалиста — разсказываютъ, что онъ бывшій народный учитель.

Мы, наконецъ, дѣлаемъ попытки уѣхать. Я возненавидѣла этотъ прекрасный Кіевъ. Какой это былъ еще недавно красивый городъ, а теперь — развалины. По нѣкоторымъ улицамъ трудно ходить, въ такомъ видѣ тротуары. Я часто хожу по улицамъ и думаю съ тоской: если бы я васъ видѣла въ послѣдній разъ. Чего здѣсь можно ожидать? Большевиковъ и погромовъ. Погромовъ и большевиковъ.

20-го ноября. Въ моей комнатѣ 7° тепла. Мы спимъ вчетверомъ въ кабинетѣ. Такъ теплѣй. Желѣзныя печи дымятъ и чадятъ. Плитка въ кухнѣ дымитъ и нельзя найти ни печника, ни трубочиста. Я уже нѣсколько разъ видѣла, какъ прохожіе задерживали очень грязныхъ людей, спрашивая ихъ не трубочисты ли они, и съ грустью выслушивали отрицательные отвѣты. Неужели всѣ трубочисты стали комиссарами? Имъ эта перемѣна занятій только выгодна, но у насъ въ кухнѣ слезятся глаза, мы кашляемъ.

Отъ вѣчной копоти въ квартирѣ грязно, а убирать трудно, такъ какъ руки отъ холода пухнутъ, невыносимо болятъ и синѣютъ. Я сажусь на нихъ и такимъ способомъ только могу ихъ отогрѣть.

Послѣ уборки иду продавать старыя вещи въ аукціонный залъ. Милое занятіе старьевщицы! Я мечтала о другого рода дѣятельности, но, такъ уже идутъ пути исторіи, что возвращается каждый къ національному занятію: русскіе бѣгутъ въ деревню, къ землѣ, евреи вновь дѣлаются старьевщиками.

Первый разъ мнѣ было стыдно пойти туда, но, когда я увидѣла, что среди темныхъ личностей, сидятъ приличные люди, старушки, барышни, то успокоилась.

Когда ожиданіе продолжается очень долго, завязывается знакомство и я слышу всегда одно и то же: «Мы продаемъ все и уѣзжаемъ». Куда? одни на родину, другіе бѣгутъ съ добровольцами, третьи ѣдутъ въ деревню, гдѣ легче прокормиться, но всѣ покидаютъ этотъ страшный Кіевъ.

27-го ноября. На-дняхъ снова была паника, но, къ счастью, безпричинная. Одно ясно: если не будетъ чуда, то большевики будутъ здѣсь. Всѣ это знаютъ. Добровольческая армія превратилась въ банды. Конечно, большевистскія войска не лучше. Они не могли измѣниться въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Дѣло въ томъ, что народная масса на сторонѣ большевиковъ. Добровольцы дѣлаютъ еще ту ошибку, что принимаютъ въ свои ряды плѣнныхъ, которые нерѣдко сдаются въ плѣнъ со спеціальной цѣлью разложить армію врага.

Есть же и такіе любители наживы и сильныхъ ощущеній, которые перебывали во всѣхъ арміяхъ и во всѣхъ бандахъ. Отношеніе къ евреямъ все то же. Въ теченіе послѣднихъ недѣль рядъ лицъ убито въ поѣздахъ. К. разсказывала, что 14-го октября она, спасаясь отъ большевиковъ, побѣжала со своими на вокзалъ. Трое сутокъ они сидѣли въ вагонѣ, къ которому то и дѣло подходили военные и спрашивали, нѣтъ ли тутъ евреевъ? Нѣсколько разъ ихъ попутчики-христіане отвѣчали отрицательно, наконецъ, опасаясь за себя, они заставили ихъ высадиться.

На-дняхъ мы съ Б. обходили Институтскую, собирая пожертвованія для разгромленныхъ. И на этой улицѣ почти всѣ еврейскія квартиры (о магазинахъ нечего и говорить) пострадали въ октябрѣ. Сосѣдка нотаріуса Цытовича разсказывала, что онъ, несмотря на ея мольбы, не пустилъ къ себѣ ея дѣтей, когда грабили ея квартиру. Ее огра-

били офицеры и нѣсколько дней спустя, ея мужъ встрѣтилъ одного изъ грабителей, гуляющаго по Крещатику.

Въ другомъ случаѣ сосѣди-христiане привели чернымъ ходомъ погромщиковъ, которые не могли проникнуть парадньмъ.

Въ каждой изъ такихъ разгромленныхъ квартиръ ютятся, кромѣ хозяевъ, родственники — бѣженцы изъ разгромленныхъ мѣстечекъ.

Въ одномъ и томъ же домѣ живутъ двѣ семьи — еврейская и русская. У русскихъ убили отца въ чека, у евреевъ — сына въ поѣздѣ. Но ненависть уже такъ велика, что, перенесшiе одно и то же горе, люди другъ другу не сочувствуютъ, а злорадствуютъ.

У одного домовладѣльца, на той же Институтской, большевики сдѣлали *16* обысковъ. И каждый разъ они уходили не съ пустыми руками.

30-го ноября. Появился новый герой — Шиллингъ. Кiевляне молятся за него и на него. Говорятъ, что его армiя состоитъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые сумѣютъ справиться съ большевиками. Если онъ не прорвется — мы погибли. Большевики спокойно и увѣренно идутъ на Кiевъ. Но, надѣюсь, когда они войдутъ, мы будемъ далеко. Организуется новый польскiй поѣздъ. Вчера я дежурила съ Ц. на парадномъ ходѣ и онъ развлекалъ меня анекдотами изъ современной жизни: Шла по Круглой Университетской компанiя молодежи. Ихъ остановили солдаты, просмотрѣли документы, и одного гимназиста отвели въ сторону, заявивъ, что онъ арестованъ. Такъ какъ всю ночь онъ не возвращался, то утромъ его пошли искать, и нашли тѣло недалеко отъ того мѣста, гдѣ ихъ задержали. Сестра пошла съ жалобой къ Бредову. Сначала онъ отнесся съ участiемъ, но, когда прочелъ въ прошенiи еврейскую фамилiю, бросилъ его и отошелъ.

20-го декабря. Уже 5 дней, какъ большевики снова въ Кiевѣ. Мы не успѣли уѣхать. Въ послѣднюю минуту предпрiятiе съ поѣздомъ разстроилось.

Теперь мы навсегда отрѣзаны отъ свѣта Божiя. Надо собраться съ силами и ждать паденiя большевизма. А если этого никогда не будетъ? Бывало же такъ, что огромныя, довольно культурныя государства погибали, чтобы никогда больше не возродиться. Первые годы революцiи Россiя казалась мнѣ огромнымъ тѣломъ, сотрясаемымъ судорогами, теперь мнѣ кажется, что это темная, жутко-спокойная могила.

Агонiя Кiева длилась 5 дней. Уже съ первыхъ дней декабря населенiемъ овладѣла безумная паника, никто не вѣрилъ бойкимъ приказамъ и воззванiямъ генераловъ. Артиллерiйская стрѣльба со стороны Ирпеня не прекращалась, но въ четвергъ 11-го, около часу дня раздались выстрѣлы изъ за Днѣпра. Сначала кто-то распространилъ слухъ, что это только ломаютъ ледъ бомбами, но пять минутъ спустя весь городъ зналъ, что большевики на Слободкѣ. Еще черезъ пять минутъ люди съ котомками и саквояжами неслись къ вокзалу. Немногiе офицеры бѣжали къ Днѣпру; всѣ, кто могъ двигаться, удиралъ отъ врага. Такъ продолжалось до вторника. Городъ не обстрѣливали, но мы слышали трескотню пулеметовъ и пальбу бронепоѣздовъ «Доблесть Витязя» и «Красный Боецъ». Газеты выходили до послѣдняго дня.

Бѣженцы сидѣли до вторника на вокзалѣ въ вагонахъ безъ локомотивовъ или безъ машинистовъ. Наконецъ, какой-то машинистъ сжалился надъ послѣднимъ поѣздомъ и повезъ его. Люди ѣхали на тормазахъ, на площадкахъ

Уѣхали почти всѣ знакомые. Остались или тѣ, которые имѣютъ маленькихъ дѣтей, старыхъ родителей, или тѣ, которые примирились съ большевизмомъ, какъ примиряются со смертью: отъ нея вѣдь не убѣжишь

Я знаю только одно: попытка контръ-революцiи была неудачна, паденiе Кiева и Харькова (въ одинъ день), паническое бѣгство деникинцевъ показываютъ, что на нихъ надѣяться нельзя. Старое погибло безвозвратно. Пришло новое — теперь коммунизмъ, потомъ та сила, которая, возможно, когда-нибудь его свергнетъ. Но людямъ со старымъ мiросозерцанiемъ (будь они даже молоды годами) въ этомъ новомъ нѣтъ мѣста.

25-го декабря. Какъ долго можно такъ жить? Встаемъ мы очень поздно, чтобы не такъ долго дрожать отъ холода. Потомъ женщины убираютъ квартиру (неимовѣрно грязную отъ копоти), мужчины рубятъ дрова, топятъ печи. Потомъ идемъ на рынокъ, въ существующiя еще лавки. На рынкѣ возобновилась съ новой силой мѣновая тор-

говля. Но крестьяне становятся все капризнѣе: всего охотнѣе они берутъ матерію, серебряныя и золотыя вещи. Дороговизна сразу стала огромная и мы все больше испытываемъ чувство голода. Даже нельзя это назвать опредѣленно голодомъ, потому что многіе еще имѣютъ достаточно пищи, но чувствуется недостатокъ въ жирахъ.

Подъ вечеръ приходятъ старьевщицы. Комиссіонные магазины закрыты (въ нихъ теперь продаютъ провизію) и продавать вещи приходится частнымъ способомъ. Этимъ дѣломъ занялись многія обѣднѣвшія женщины изъ мелкой буржуазіи.

Вечеромъ, такъ какъ выходить въ темнотѣ боятся, жильцы того же дома ходятъ другъ къ другу въ гости. Такъ же ходили другъ къ другу въ 18-омъ г., когда Муравьевъ обстрѣливалъ и взялъ Кіевъ, но тогда не было еще этого чувства обреченности и безсильной злобы.

На-дняхъ споръ съ Ж. А. По ней можно видѣть, какъ молодежь обольшевистилась. Она даже вѣритъ въ большевиковъ, уже думаетъ, «что они, вѣроятно, что-нибудь сдѣлаютъ». А, когда я ее спросила, что сдѣлали до сихъ поръ большевики и, вообще, соціалисты, по сравненію съ созданнымъ буржуазіей, то-есть ея же предками, она мнѣ отвѣтила, что и предки были честными людьми, но не буржуями.

30-го декабря. Встрѣтила Л. П. Ея семья бѣжала. Отецъ и мать къ украинцамъ, мужъ и братъ съ деникинцами. Она осталась одна съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ За двѣ недѣли своего пребыванія въ Кіевѣ большевики успѣли сдѣлать у ея дяди нѣсколько обысковъ, арестовать его съ женой; у ея свекрови реквизировали муку, по доносу жильцовъ, такъ какъ она — это несчастное существо — домовладѣлица. Сама Л. живетъ то здѣсь, то тамъ, опасаясь вернуться въ домъ родителей.

Н. П. бѣжала съ деникинцами, оставивъ больную сыпнымъ тифомъ мать.

1920 г.

1-го января. Какой страшный Новый Годъ! Праздновали его, вѣроятно, одни комиссары. Въ прошломъ году собрались у насъ еще знакомые, а теперь никто никого не приглашалъ; да и кому хочется поздравлять съ Новымъ Годомъ? Чего можно желать? Чтобы не забрали послѣдняго и не убили.

5-го января. Каторга лучше этой жизни. На меня находитъ такое отчаяніе, что я громко плачу у себя въ комнатѣ и бьюсь головой о стѣнку.

Что мнѣ дѣлать? Снова пойти къ нимъ на службу? Я бы могла имѣть протекцію по наркомпросу, но, какъ туда пойти? Еще лѣтомъ носились съ планомъ удаленія старыхъ учителей, некоммунистовъ. Значитъ, новые должны быть коммунистами или, по меньшей мѣрѣ, сочувствующими.

По ночамъ я все припоминаю, какъ долго длилась французская и англійская революціи, и сравниваю ходъ развитія русской революціи съ ними. А если у насъ и конца не будетъ?

Кіевъ снова пострадалъ. Со времени возвращенія большевиковъ сгорѣло нѣсколько домовъ, между прочимъ, домъ на углу Крещатика и Фундуклеевской, гдѣ Брабецъ. Онъ горѣлъ три дня, сгорѣлъ до тла и еще долго дымился. Остались отъ него лишь каменныя стѣны. Вещи жильцовъ лежатъ въ грязи и снѣгу на улицѣ.

Людей видно совсѣмъ мало.

7-го января. Чѣмъ мы будемъ жить? Какъ долго можно продавать бѣлье, посуду, картины? Да успѣемъ ли мы ихъ продать? Не сегодня, завтра прійдутъ забрать.

Передъ биржей труда снова безконечныя очереди. А я, по собственному опыту прошлаго лѣта, отлично знаю, что и это ложь. Прямо черезъ биржу очень трудно получить мѣсто. Только заручившись мѣстомъ, надо пойти записаться съ какой-нибудь особой примѣтой, напр. знаніемъ опредѣленнаго языка. Тогда на слѣдующій день тебя требуютъ внѣ очереди.

10-го января. Люди бѣгутъ массами. Кто только имѣетъ какую-нибудь связь съ бывшими окраинами Россіи, бѣжитъ съ этого кладбища. Говорятъ, что не такъ трудно переѣхать черезъ границу.

Мы всѣ живемъ одной надеждой, что весной тутъ будутъ поляки. Еврейская буржуазія должна у поляковъ искать защиты отъ еврейскихъ коммунистовъ.

20-го января. Есть надежда ѣхать. Насъ устраиваетъ въ своемъ вагонѣ комиссаръ — знакомый Н.

На-дняхъ разстрѣляли 10 человѣкъ за «спекуляцію» валютой. 9 евреевъ и 1 русскаго. На огромныхъ плакатахъ, развѣшанныхъ по Крещатику, были написаны ихъ имена, и толпа, читая ихъ, радостно гоготала: «Наконецъ-то, и до своихъ добрались, жужжали христіане. Теперь громко евреевъ не оскорбляютъ, въ лавкахъ не отказываютъ продавать имъ, но любимое ругательство попрежнему: «жидовская морда»; оно употребляется и по адресу русскихъ, имѣетъ, вѣроятно, тотъ же оттѣнокъ, что с . . . с . . ., то-есть сравненіе съ какимъ нибудь мерзкимъ существомъ.

За что мы такъ страдаемъ? Русскимъ было и будетъ хорошо, а евреямъ было, есть и будетъ плохо. Малѣйшая контръ-революція, реставрація вернетъ хоть часть имущественныхъ потерь русскимъ, ихъ прежнее положеніе въ обществѣ, а евреямъ ничего не вернутъ, не будетъ протекцій при дворѣ, у министровъ.

А деникинцы катятся все дальше и дальше. Уже Таганрогъ въ рукахъ большевиковъ. «Ихъ банды бьютъ наши банды», какъ говорилъ еще осенью одинъ деникинецъ.

17-го была у О. Н. Были только мы съ Л. Она насъ не ждала. Квартира выглядитъ, какъ у всѣхъ теперь: грязная, запущенная, хозяйка въ рваныхъ платьяхъ, на столѣ битая посуда, рваная скатерть. О. Н. жаловалась на бѣдность. Она — домовладѣлица и потому внѣ закона. Въ ея домѣ живетъ одинъ изъ многочисленныхъ, быстро смѣняющихся, комендантовъ города. Она должна его кормить, снабжать бѣльемъ, постелью. Разумѣется, все переходитъ въ его частную собственность; требованія сопровождаются бранью, угрозами.

О. Н. разсказывала, что ея сестра и племянницы устроили кооперативное хозяйство: онѣ сошлись съ жителями сосѣднихъ домовъ, наняли повара, взяли на себя завѣдываніе хозяйствомъ и кормятъ, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ семействъ. Можетъ быть, это рѣшеніе женскаго вопроса, уничтоженіе отдѣльнаго хозяйства? Можетъ быть, и изъ этого хаоса и ужаса что-нибудь выраститъ? Развѣ можно надѣяться? Неужели я еще не научена горькимъ опытомъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для надежды. Черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней прійдетъ «ячейка» и національзируетъ это «частное предпріятіе». Будетъ вмѣсто него «совѣтская столовая» съ вонючей ѣдой и «сотрудниками», которые будутъ всѣхъ и все обкрадывать.

Кстати о словѣ «сотрудникъ», почему то приказчики, alias служащіе библіотеки Идз. стыдятся употреблять два послѣднихъ термина. Они величаютъ другъ друга сотрудниками.

25-го января. Теперь мы должны ѣхать во что бы то ни стало. Дѣло идетъ о папиной жизни. Былъ уже изданъ обычный декретъ о томъ, что укрывающіе цѣнныя бумаги будутъ разстрѣляны, а наши послѣднія бумаги нашли при обыскѣ у знакомыхъ. Отецъ семьи бѣжалъ съ деникинцами; за это разгромили всю квартиру и забрали у двухъ оставшихся старухъ все, рѣшительно все, что онѣ имѣли. Забрали и наше.

Я хожу, какъ сумасшедшая. Въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ звонкѣ мнѣ чудится приходъ чекистовъ.

Р. 6-го февраля. Слава Богу! мы далеко отъ Кіева и, надѣюсь, черезъ недѣлю будемъ въ Польшѣ. Пока сидимъ въ комиссарскомъ вагонѣ, который мнѣ кажется раемъ въ сравненіи съ нашей кіевской квартирой: здѣсь всегда тепло, дровъ кругомъ сколько хочешь, а у насъ послѣдніе дни былъ 1°, 2° тепла.

Но какъ трудно было выбраться изъ этого ада! Я до сихъ поръ поражаюсь, какъ намъ повезло, что насъ нигдѣ не задержали — ни дома, ни на вокзалѣ.

Чтобы не доводить отца до полнаго отчаянія, мы ничего не сказали ему о пропажѣ бумагъ, но только убѣдили его не ночевать дома. Мѣра неумная, но, что было дѣлать?

3 дня комиссаръ насъ обманывалъ, все откладывая отъѣздъ. Послѣдніе 2 дня мы не имѣли на чемъ спать, изъ чего ѣсть.

Все цѣнное спрятали въ чуланъ, двери заклеили, приставили къ нимъ большой шкафъ, но у меня нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы хоть что-нибудь сохранилось. Какъ только узнаютъ о нашемъ отъѣздѣ (можетъ быть, въ эту минуту), квартиру реквизируютъ и все погибнетъ, какъ и у другихъ.

Кто-нибудь уже постарается донести. З. замуровали свое серебро, зналъ точно мѣсто лишь одинъ управляющій, но кто-то, изъ мести, донесъ на него, какъ на укрывающаго буржуйское имущество. Пришли матросы изъ чека, грозили старику револьверами; онъ указалъ тайникъ.

Наконецъ, въ прошлое воскресеніе мы вышли изъ дому. Вышли, какъ воры, ни съ кѣмъ не попрощавшись. Каждый пошелъ отдѣльно, чтобы не обращать вниманія. Уже полгода я мечтала объ этой минутѣ отъѣзда, а тогда мнѣ было безконечно жаль покидать родной домъ. Можетъ быть, я никогда его не увижу. Неужели я никогда больше не буду ходить по кіевскимъ улицамъ и садамъ?

Мы долго сидѣли въ квартирѣ комиссара. И онъ, и его семья антипатичны. Не исполняютъ обѣщаннаго, ко всему относятся халатно. Чувствуется глухая вражда къ намъ. Кого они въ насъ ненавидятъ? буржуевъ? евреевъ? Комиссаръ — бѣлоруссъ; жена его полька.

Вечеромъ мы пошли пѣшкомъ на вокзалъ. Послѣднее время я никогда не выходила въ сумерки и меня поразилъ вечерній видъ Кіева. Городъ казался совершенно вымершимъ. Такія улицы, какъ Фундуклеевская, Владимирская, кишѣвшія въ былые годы прохожими, были почти пустынны. Трамваи давно уже не ходятъ, рѣдко мелькаютъ извозчики. Чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ болѣе жутко. Вокзалъ теменъ и пустъ. Нѣсколько человѣкъ, съ мѣшками на спинѣ, мелькаютъ тамъ и сямъ. Если бы не боязнь разныхъ особыхъ отдѣловъ, чека и проч., и проч., можно было бы свободно ходить по путямъ, на которыхъ нѣтъ никакого движенія. Съ большимъ трудомъ отыскали нашъ вагонъ. Мы ѣхали по-царски; такъ какъ комиссаръ перевозитъ семью со всей рухлядью на новое мѣсто службы, то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 2 вагона: одинъ товарный — для багажа, другой — 4-го кл. для насъ всѣхъ.

Въ этомъ то вагонѣ мы живемъ (15 чел.) уже недѣлю. Здѣсь спимъ (мужчины и женщины рядомъ), варимъ, моемся, играемъ въ карты. Кромѣ насъ и семьи комиссара, ѣдутъ 3 поляка (офицеръ съ женой и докторъ).

Стояли мы въ Кіевѣ на вокзалѣ 2 дня. То не было паровоза, то не хватало дровъ. Было очень опасно, такъ какъ каждую минуту могла ворваться желѣзнодорожная чека и подвергнуть обыску.

Отношеніе къ намъ продолжало быть враждебнымъ. Въ первый же вечеръ комиссаръ произнесъ длинную рѣчь на тему о порокахъ и недостаткахъ буржуазіи. Докторъ, не смотря на то, что жестоко пострадалъ отъ большевиковъ и навѣрное не симпатизировалъ имъ (его брали заложникомъ въ Москву), поддакивалъ комиссару. Семейныя отношенія послѣдняго оригинальны: у него 4 дѣтей (3 сына и дочь), но дѣвочка называетъ комиссара — отцомъ, а комиссаршу — теткой. Когда она замѣтила мое недоумѣніе, она покраснѣла и сказала: «Моя мама — сестра Казиміры Казиміровны (комиссарши); она теперь въ Сибири». Объ отцѣ она не упомянула.

(Въ началѣ войны у насъ была кухарка, которая обманывала мужа съ его роднымъ братомъ.)

Старшій сынъ комиссара тоже коммунистъ. Самъ комиссаръ (Л. С.) вступилъ въ партію еще въ 1917 г. и считается «старымъ» коммунистомъ въ противоположность новымъ такъ называемымъ «майскимъ». Кажется, послѣдняя кличка произошла оттого, что 1-го мая партія гостепріимно раскрываетъ для всѣхъ свои объятья. Л. С. не злой человѣкъ; онъ часто оказываетъ услуги совершенно безвозмездно, напр. въ Кіевѣ номинально реквизировалъ квартиру вдовы одного извѣстнаго монархиста, для того, чтобы ее не выбросили оттуда.

По его же разсказамъ онъ спасъ жизнь нѣкоторымъ военнымъ въ январѣ 1918 г. Мнѣ кажется, что онъ скорѣй карьеристъ, чѣмъ искренній коммунистъ.

13-го февраля. Кажется, комиссаръ насъ водитъ за носъ. Цѣлую недѣлю мы жили въ вагонѣ, теперь вагонъ у него забрали, и мы должны были переѣхать въ отведенный ему домикъ.

Жизнь здѣсь ужасна. Насъ шестеро, и мы ютимся въ 2-хъ маленькихъ комнатахъ. Есть только одна поломанная кровать въ нашемъ распоряженіи. На ней спятъ двое. Остальные лежатъ на полу, на завшивленныхъ комиссарскихъ овчинахъ. Изъ широкихъ щелей деревяннаго домика дуетъ. Трубу нашей крошечной плитки надо чистить каждые два дня, иначе проходъ заполняется сажей и дымъ валитъ въ комнату.

Условія жизни комиссара и остальныхъ путешественниковъ не лучшія. Каждый второй день ходимъ на рынокъ, въ городъ. Приходится ходить полями 5 верстъ въ 12° и 15° мороза. На рынкѣ ничего нѣтъ. Мяса въ свободной торговлѣ нѣтъ; изъ подъ полы фунтъ стоитъ 300—350 рублей. Бѣлаго хлѣба почти нѣтъ. Житній стоитъ 160 рублей фунтъ (дороже, чѣмъ въ Кіевѣ), притомъ онъ часто бываетъ съ пескомъ, съ соломой.

Поддерживаетъ насъ одна мысль о близости фронта (80 верстъ).

17-го февраля. Докторъ уѣхалъ. Теперь очередь за нами. Томительно скучно! Комиссаръ, опасаясь за себя и за насъ, умоляетъ ни съ кѣмъ не знакомиться. Онъ, пожалуй, правъ; хотя Р. — уѣздный городъ, но люди здѣсь такъ любопытны, какъ въ мѣстечкахъ. Въ каждой лавочкѣ, при каждомъ ларѣ съ любопытствомъ спрашиваютъ: кто вы? откуда вы? зачѣмъ вы сюда пріѣхали? и т. д. и т. д. Каждое новое лицо сейчасъ же замѣчаютъ.

Городокъ поражаетъ своей бѣдностью. Кирпичныхъ построекъ почти нѣтъ; деревянные дома бѣдные, грязные, покосившіеся. На улицахъ непролазная грязь, но мѣстные жители увѣряютъ, что это ничто въ сравненіи съ весной, когда улицы — сплошныя лужи. Кое-гдѣ есть тротуары изъ досокъ, кажется, положенные нѣмцами.

Населеніе почти исключительно еврейское; рѣдко мелькаетъ польская физіономія. По-русски и евреи, и крестьяне говорятъ плохо, уснащая рѣчь полонизмами.

25-го февраля. Мы все еще на томъ же мѣстѣ. Къ тому же К. К. больна; возможно, что она заразилась сыпнымъ тифомъ. Только этого намъ не хватаетъ. Денегъ намъ тоже, кажется, не хватитъ, если засидимся, и не знаю, можно ли здѣсь продавать вещи. По всей вѣроятности можно; чтобы дѣлали иначе мѣстная буржуазія и помѣщики? Но, можетъ быть, имъ нечего продавать; все было сразу забрано.

По вечерамъ, вернувшись со службы, комиссаръ развлекаетъ насъ анекдотами изъ мѣстной партійной и обывательской жизни. Мы слушаемъ его въ темнотѣ, такъ какъ жаль свѣчъ, а другого освѣщенія нѣтъ.

Судя по его разсказамъ, да и по тому что мы видимъ, большевизмъ здѣсь разрушилъ и уничтожилъ все еще больше, чѣмъ на Украйнѣ. Онъ здѣсь также плотнѣе утвердился.

Когда-то (года два тому назадъ) Р., какъ Днѣпровская пристань была богатымъ городкомъ и успѣшно развивалась. Какой-то предприниматель носился съ мыслью соединить городъ со станціей и съ пристанью трамваемъ. Теперь все это пошло прахомъ. Главная торговля — лѣсомъ — уничтожена. Она перешла въ руки комовъ, которые добились того, что самимъ р.-намъ трудно купить дрова, хотя они окружены лѣсами. Мы живемъ подъ молодымъ лѣсомъ, въ которомъ безпорядочно вырублены тонкія, молодыя деревья. Нашъ комиссаръ рубитъ новыя желѣзнодорожныя вагонетки, разбираетъ сараи, построенные еще нѣмцами.

Тифъ здѣсь страшно свирѣпствуетъ, а лѣкарствъ нѣтъ. Самому комиссару съ трудомъ удалось достать аспиринъ для жены. Смертность поэтому большая, а гробовъ тоже нѣтъ. Недавно на этой почвѣ было такое происшествіе: у красноармейца умерли въ больницѣ жена и ребенокъ. Онъ почему-то повздорилъ изъ за похоронъ съ милиціонеромъ. Тотъ его смертельно ранилъ. Убитому и его семьѣ устроили торжественныя похороны; гробы были обиты красной матеріей. Послѣ похоронъ пришла милиція разрыла могилу и выбросила покойниковъ изъ гробовъ, которые забрала.

Насколько я могла замѣтить, здѣсь царитъ страшная національная ненависть, даже между коммунистами.

Опредѣленныя вѣдомства находятся всецѣло или въ христіанскихъ, или въ еврейскихъ рукахъ. Положимъ, то же явленіе можно было наблюдать и въ Кіевѣ.

Здѣсь въ железкомѣ (желѣзнодорожный лѣсной комитетъ) работаютъ только христіане. Всѣ они не спеціалисты по лѣсному дѣлу, а бывшіе сапожники, мастеровые, выколеенные войной и революціей.

Малѣйшая попытка контръ-революціи (здѣсь была такая въ прошломъ году) принимаетъ сейчасъ же характеръ еврейскаго погрома. И потому еврейское мѣщанство, въ конецъ раззоренное большевиками, принимаетъ ихъ все таки, какъ меньшее зло.

Таково отношеніе стариковъ. Молодежь, и христіанская, и еврейская, обольшевистилась. Дѣвушки и молодые люди отъ 15 лѣтъ записываются въ партію. Они очень неинтеллигентны и, кажется, больше поддаются духу времени, чѣмъ разбираются въ соціальныхъ ученіяхъ.

1-го марта. У комиссарши сыпной тифъ. Въ этой грязи мы обречены на зараженіе. Грязь невыносимая. Это неудивительно, такъ какъ хозяйствомъ завѣдуетъ 13-лѣтняя дѣвочка. Она первая встаетъ, топитъ печи, приготовляетъ завтракъ, варитъ обѣдъ, стираетъ, носитъ воду. Женщины шьютъ, вымѣниваютъ вещи и для этого ѣздятъ иногда въ далекія деревни за 30, 40 верстъ.

Младшій сынъ комиссара ничего не дѣлаетъ цѣлыми днями, развѣ изрѣдка напилитъ дровъ.

Дѣятельность его отца немногимъ бо̀льшая: онъ ѣдетъ утромъ на службу, въ 4 ч. возвращается и ложится на кровать, гдѣ принимаетъ визиты своихъ сослуживцевъ.

Вся семья комиссара держится женскимъ трудомъ. Онъ всю жизнь занимался спекуляціями, если имѣлъ вѣрную службу, то терялъ ее не столько изъ за нечестности, сколько изъ за халатности. И женины начинанія онъ всегда губилъ, хотя надо признать, что онъ, по-своему, ее любитъ.

4-го марта. Намъ страшно не везетъ. Человѣкъ, перевезшій доктора, поѣхалъ было за нами, но по дорогѣ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Намъ всегда что-нибудь должно помѣшать. Точно кто-то не хочетъ, чтобы мы освободились. Неужели не удастся покинуть эту проклятую Богомъ страну? Я ее ненавижу. Я не могу даже читать русскія книги. Вездѣ, въ самыхъ бездарныхъ разсказахъ, видны это умничанье, недовольство, пустая болтовня, такъ напоминающія нашего комиссара. А рядомъ прелестные переводныя повѣсти, полныя жизни, энергіи.

6-го марта. Послѣ завтра двинемся.

7-го марта. Вѣроятно, не надо будетъ двигаться; поляки наступаютъ. Въ городѣ переполохъ. Вокзалъ заваленъ вещами коммунистовъ. Идетъ эвакуація

8-го марта. Поляковъ еще нѣтъ, но передаютъ, что они показались въ 10 верстахъ отсюда.

Вчера большевики панически удирали. Сегодня начинаютъ по-маленьку возвращаться.

Мы живемъ недалеко отъ станціи, такъ что могли изъ нашихъ оконъ любоваться ихъ бѣгствомъ. Очевидно, послѣ полудня были получены удручающія извѣстія, потому что «отступленіе» приняло паническій характеръ. Изъ Гомеля прибыло нѣсколько спеціальныхъ поѣздовъ. Ихъ поспѣшно нагрузили. Въ послѣднихъ двухъ поѣздахъ люди сидѣли на паровозѣ, на тормазахъ, на крышахъ вагоновъ.

Группа солдатъ, не нашедшая мѣстъ въ поѣздѣ, отошла нѣсколько сотъ шаговъ отъ станціи и скрылась за насыпью. Когда поѣздъ подошелъ, солдаты выскочили, угрожая машинисту винтовками, остановили поѣздъ и втиснулись въ вагоны. Когда мимо насъ проходилъ послѣдній поѣздъ, его нагнало двое верховыхъ; они бросили лошадей у насыпи и на ходу вскочили въ вагонъ. М. хотѣлъ было присвоить себѣ лошадей, но какой-то мужикъ предупредилъ его намѣреніе.

Нашъ комиссаръ остался. Не вѣритъ ли онъ польскому наступленію? поручила ли ему партія остаться для пропаганды, такъ какъ его жена — полька можетъ служить ему защитой? надоѣлъ ли ему большевизмъ?

10-го марта. Поляковъ все нѣтъ. Вѣроятно, это былъ лишь налетъ, но большевики испугались даже въ Гомелѣ, гдѣ, говорятъ, выбрасывали кипы бумагъ изъ оконъ учрежденій на подводы, такъ торопились бѣжать.

Уже вчера утромъ прибылъ первый поѣздъ изъ Гомеля: паровозъ и пара вагоновъ. Онъ шелъ съ опаской, поминутно останавливаясь, очевидно, опасаясь ловушки. Увы! ея не было. Все чаще и чаще приходятъ поѣзда, нагруженные солдатами и трехдюймовками.

13-го марта. Большевики окончательно вернулись и новыя войсковыя части такъ разграбили рынокъ и крестьянъ, что всякій подвозъ и торговля прекратились. Уже 5 дней мы сидимъ безъ хлѣба. Питаемся исключительно картофелемъ, печемъ картофельные блины — спеціальное бѣлорусское кушаніе, которое часто замѣняетъ въ этой бѣдной странѣ хлѣбъ.

Мы бы можетъ и достали муки у евреевъ, но къ несчастью никто изъ насъ не говоритъ по-еврейски, насъ принимаютъ за чужихъ и не хотятъ помочь намъ. Отношенія здѣсь натянуты до крайности. Евреи ненавидятъ христіанъ, христіане ненавидятъ евреевъ, бѣлоруссы ненавидятъ поляковъ и т. д.

Въ поискахъ провизіи я проникала во многіе р—скіе «intérieurs» и до сихъ поръ не видѣла ни одной чистой, уютной комнаты, ничего похожаго на дома нѣмецкихъ, бельгійскихъ крестьянъ и рабочихъ. Я видѣла большую чистоту въ комнаткѣ бѣднаго норвежскаго крестьянина.

Здѣшнія женщины, кажется, причесываются не ежедневно.

Я впервые вижу провинцію и, присматриваясь къ ней и къ домашнему быту нашего комиссара, я лучше понимаю, откуда пришелъ большевизмъ и почему онъ появился въ Россіи, а не въ Западной Европѣ.

Здѣсь нѣтъ почти крашенныхъ заборовъ, совершенно нѣтъ утрамбованныхъ дворовъ, нѣтъ даже колодца въ каждомъ дворѣ, единственныя приличныя уборныя выстроены нѣмцами, но зато въ каждой семьѣ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ коммунистъ.

17-го марта. К. К. лучше, но со вчерашняго дня у И. жаръ. Что будетъ, если окажется, что и у нея тифъ? Лучше не думать объ этомъ. Видно, намъ суждено здѣсь погибнуть.

Выбраться отсюда мы не можемъ; одна надежда, что прійдутъ поляки; со вчерашняго дня сильный артиллерійскій бой.

Хлѣба все нѣтъ. Купили фунтъ гречневаго у красноармейца, но онъ оказался несъѣдобнымъ. Неужели солдаты, которыхъ кормятъ такой гадостью, будутъ драться?

Гарнизонъ быстро увеличивается. Большинство солдатъ плохо одѣто. Имѣютъ болѣе приличный видъ китайцы и матросы, главные защитники совѣтской власти. Вездѣ постои. Солдаты ведутъ себя грубо, крадутъ, что могутъ. У насъ тоже постой: ветеринары съ чесоточными лошадьми, заболѣвшими отъ плохого питанія. Благодаря солдатамъ, мы имѣемъ воду изъ нашего колодца, а раньше намъ приходилось носить ее за полверсты. По буржуйской неловкости мы разливали воду, и зимой она леденѣла на насъ.

У комиссара два сторожа, но ни одинъ изъ нихъ ничего не хочетъ дѣлать. Въ началѣ нашего пребыванія, они даже уѣхали въ Полтавскую губ. за мукой, но вернулись съ пустыми руками: заградительные отряды все у нихъ отняли. Это случается сплошь да рядомъ. Наша сосѣдка, будочница, собрала послѣднія деньги, продала, что могла и снарядила сына въ богатыя губерніи. У него тоже по дорогѣ все забрали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и будочница, и сторожа продолжаютъ сочувствовать большевикамъ. Всѣ они — бѣженцы, живутъ въ землянкахъ съ семьями и хотятъ вернуться на родину въ мѣстности, занятыя поляками. Я еще въ Кіевѣ замѣтила, что бѣженцы дали очень много сторонниковъ большевизма. Это понятно. Они уже давно лишились всего, ихъ оторвали отъ родины, обращались съ ними, какъ со скотомъ. Если бы Николай Николаевичъ зналъ, что онъ своими приказами о выселеніи евреевъ изъ Царства Польскаго и о переселеніи польскихъ и литовскихъ крестьянъ увеличитъ кадры коммунистовъ!

II

ВОСПОМИНАНІЯ

1.

22-го марта р—ская милиція (замѣнившая уѣздную чека) обратила на насъ вниманіе, и съ тѣхъ поръ началась почти двухмѣсячная пытка. Вотъ какъ было дѣло: денегъ у насъ не хватало, такъ какъ мы не разсчитывали на столь долгую задержку и не приготовили большихъ суммъ. Кто-то, чуть ли не самъ комиссаръ, указалъ намъ на мѣстнаго ювелира, которому можно было продавать деньги и цѣнныя вещи. Еще въ февралѣ мы продали ему какую-то мелочь, но уже тогда меня встревожила неосторожность Д.: увидѣвъ меня у ювелира, она вбѣжала въ магазинъ и обратилась ко мнѣ по-польски, возбудивъ этимъ подозрѣнія ювелира, который сейчасъ же началъ допытываться о томъ, кто мы и отнесся скептически къ моимъ увѣреніямъ, что мы не поляки.

21-го марта я снова продала ювелиру нѣсколько тысячъ думскихъ. (Тогда давали за думскую тысячу — 4 тысячи и 4.500 совѣтскихъ рублей, но часто думскія деньги браковали.)

22-го марта моему примѣру послѣдовали Д. и С. На ихъ бѣду у ювелира сидѣлъ, во время ихъ посѣщенія, нѣкій Лившицъ, — сынъ владѣльца гостиницы. Вся семья — преступники. О нихъ даже многіе коммунисты говорили съ презрѣніемъ. Лившицы служили при всѣхъ властяхъ въ сыскѣ; у большевиковъ они состояли при чека. Не одно раззореніе въ Р. и Гомелѣ — ихъ дѣло. Молодой Л. замѣтилъ въ рукахъ С. золотыя вещи. Онъ сейчасъ же побѣжалъ въ милицію, и, когда С. вышла отъ ювелира, не сойдясь съ нимъ въ цѣнѣ, ее задержалъ милиціонеръ и потребовалъ отъ нея золотыя вещи, которыми она, вопреки закону, торговала. Пошли въ милицію; тамъ С., чтобы замять дѣло, все отдала. Ее отпустили, и она уже надѣялась, что тѣмъ дѣло и кончится. Однако, за ней слѣдили. Дома она намъ ничего не сказала, а предупредила лишь комиссара; тотъ сказалъ по обыкновенію: «ничего!» и не принялъ никакихъ мѣръ. Не прошло и четверти часа, какъ явились два «сотрудника» милиціи съ милиціонерами. Начался обыскъ. Сначала все шло хорошо; чекисты были вѣжливы, предъявили ордеръ. Одинъ былъ русскій — Новиковъ — бывшій матросъ днѣпровской флотиліи, другой — еврей — Крупецкій — бывшій торговецъ краденымъ. У нихъ разгорѣлись глаза при видѣ содержимаго нашихъ чемодановъ, но при первомъ обыскѣ ничего не взяли.

Послѣ ихъ ухода, мы начали прятать наиболѣе цѣнныя вещи и бумаги. Больше всего мы боялись, чтобы большевикамъ не попали въ руки компрометирующіе документы, то-есть польскіе паспорта. Комиссаръ убѣдилъ насъ, что паспорта будутъ у него въ большей сохранности. Онъ ихъ всунулъ въ мѣшокъ съ серебромъ С. и послалъ сына спрятать все на чердакѣ. Было уже темно и мальчикъ взялъ съ собой свѣчу; она то его выдала. Крупецкій и Новиковъ слѣдили за нами. Въ ту минуту, какъ М. поднялся на чердакъ, они вошли въ домъ, боковыми дверьми, угрожая револьверами. Сопротивляться никто не посмѣлъ. Достали мѣшокъ съ чердака, нашли серебро, паспорты. Потомъ оба чекиста ощупали всѣхъ, даже женщинъ; при малѣйшемъ протестѣ, они угрожали наганами.

Эту сцену освѣщала лучина; въ сосѣдней комнатѣ лежала въ жару комиссарша и подъ нее, я, почти на глазахъ чекистовъ, спрятала нѣсколько драгоцѣнностей. Теперь было, положимъ, не до нихъ. Польскіе паспорты грозили намъ разстрѣломъ, насъ могли обвинить въ шпіонствѣ. И вотъ одинъ разъ въ жизни спасло насъ отъ смерти еврейское происхожденіе: ни русскій, ни еврей не признали въ насъ поляковъ, они пользовались лишь находкой паспортовъ, какъ угрозой, для того, чтобы запугать насъ и такимъ путемъ удобнѣе ограбить, но, при враждебности польско-еврейскихъ отношеній, ни они, ни другіе представители совѣтскихъ властей не вѣрили въ привязанность евреевъ къ Польшѣ, даже если они были родомъ оттуда.

Наконецъ, среди ночи, отца увели, не смотря на наши просьбы обождать до утра: мы боялись, что они убьютъ его по дорогѣ. Видя наше отчаяніе, комиссаръ было вызвался пойти съ ними, но, по обыкновенію, не сдержалъ слова и вернулся отъ калитки.

Лишь только они ушли съ отцомъ, кто-то постучалъ къ намъ. На вопросъ, стучавшіе отвѣтили, что они — санитары, сбившіеся съ пути и просятъ позволить имъ переночевать. Ихъ впустили и они легли въ одной комнатѣ съ дѣтьми комиссара. Потомъ мы узнали, что и они были чекистами, спеціально подосланными для слѣжки за нами. Рано утромъ часть семьи пошла въ городъ, другіе остались дома дожидаться дальнѣйшаго.

Послѣ ухода моей матери Д. пришла и настаивала, чтобы дать ей спрятать оставшіяся цѣнности. Я ей отказала, но К. схватила довольно большую денежную сумму и отдали ей.

Часамъ къ десяти пріѣхали на извозчикѣ К. и Н., въ сопровожденіи 3-хъ милиціонеровъ. Они точно по приказу пошли къ тому мѣсту, гдѣ Д. спрятала деньги и сейчасъ же нашли ихъ. Потомъ вернулись въ комнаты и снова стали рыться въ вещахъ С. и нашихъ. Обыскъ продолжался часа три. Закончился онъ распоряженіемъ конфисковать все, что у насъ было, и арестовать всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ и комиссара. Никакого ордера не предъявили, да и никто изъ насъ не подумалъ спросить о немъ. Было ясно, что хотятъ грабить; уже во время обыска исчезали вещи, даже комиссарскія. Новиковъ, уходя, откровенно сказалъ: «Давайте чемоданъ, въ которомъ я вчера видѣлъ шелковую матерію». Потомъ извозчикъ, возившій ихъ, разсказывалъ намъ, что они вытягивали лучшія вещи изъ сундуковъ уже по дорогѣ, опасаясь, что въ милиціи имъ придется дѣлиться съ товарищами.

Послѣ ихъ ухода, я нашла на столѣ черновикъ телеграммы, посланной въ Гомель. Она гласила: «У комиссара С. нашли контръ-революціонеровъ . . .»; затѣмъ слѣдовало требованіе разслѣдовать дѣло и удалить С. со службы.

Мы рѣшили, что жизни мужчинъ грозитъ такая опасность, что не стоитъ заботиться объ украденномъ добрѣ.

Милиція только этого и добивалась. Но она еще не достигла своей цѣли: — не добралась до нашихъ драгоцѣнностей. Чтобы найти ихъ, насъ еще пять разъ обыскивали, то день за днемъ, то черезъ день. Милиціонеры давали совѣты отрывать полы (этого не сдѣлали, но, кажется, только этого), рыться въ золѣ, въ мусорѣ. Милиціонерами были солдаты мѣстнаго гарнизона, они всѣ относились къ намъ враждебно. Только одинъ изъ нихъ, молоденькій мальчикъ еврей, самъ помогъ спрятать послѣдній узелъ, который хотѣлъ забрать Н.

Мужчины, тѣмъ временемъ, сидѣли въ уѣздномъ арестномъ домѣ, гдѣ было невыносимо грязно и вся пища арестантовъ состояла въ полуфунтѣ гречневаго хлѣба въ день.

Но мы могли имъ приносить пищу и видѣться съ ними. Два раза въ день мы носили имъ судки съ ѣдой; приходилось ходить по свѣже-вспаханнымъ полямъ. Часто во время этихъ прогулокъ, мы слышали отдаленные артиллерійскіе выстрѣлы. При каждомъ выстрѣлѣ молили о внезапномъ польскомъ налетѣ; въ такомъ случаѣ могла быть надежда, что арестантовъ выпустятъ или забудутъ увезти. Дома насъ ждали обыски. Послѣдній былъ самый страшный. Оба чекиста озвѣрѣли отъ неудачныхъ попытокъ найти драгоцѣнности. Они пришли къ намъ, когда дома были лишь мы съ Н. Вещей совсѣмъ почти не осталось, но они снова открывали всѣ коробки, перетряхивали постель, щупали подкладки, муфты, шляпы. У насъ работалъ Н. К-ій тѣмъ временемъ ухаживалъ за С. и Д. Наконецъ, Н-овъ заявилъ, что сдѣлаетъ намъ натѣльный, то-есть личный обыскъ. Но это возмутило даже К-го; онъ рѣшительно запротестовалъ и Н. долженъ былъ ограничиться ощупываніемъ.

Не найдя ничего, они стали полушепотомъ совѣщаться о томъ, какъ задержать на улицѣ и обыскать мою мать и И. Передъ уходомъ они заявили намъ, что скоро прибудутъ изъ Гомеля ищейки, которыя узнаютъ гдѣ что закопано.

Тогда (слишкомъ поздно) мы рѣшили искать защиты, хотя бы у самихъ большевиковъ.

Кто-то слышалъ, что вслѣдствіе большихъ «злоупотребленій», происшедшихъ при конфискаціи нашего имущества, разслѣдованіе дѣла было поручено госконтролю.

На слѣдующій же день мы пошли туда. Какъ мы обрадовались! Оказалось, что мѣстный государственный контроль является убѣжищемъ буржуевъ; бывшіе купцы, юристы, чиновники пошли туда, чтобы считаться на совѣтской службѣ. Послѣ двухмѣсячнаго общенія съ коммунистами, мы снова увидѣли своихъ. Они были милы, любезны, сочувствовали намъ, но помочь были безсильны. Посовѣтовали обратиться къ товарищамъ Василевецкому и Можейкѣ — вліятельнымъ членамъ исполкома.

Пошли въ исполкомъ. Онъ находился въ особнякѣ, сохранившемъ слѣды былого великолѣпія. Пришлось ждать довольно долго, пока товарищъ В., наговорившись до сыта по телефону, обратился къ намъ. И онъ уже зналъ о нашемъ дѣлѣ, но не могъ ничѣмъ помочь буржуямъ, «у которыхъ было найдено нѣсколько дюжинъ чулокъ и перчатокъ и столько носильнаго и постельнаго бѣлья». Все это должно было быть конфисковано. На наши робкіе протесты, онъ заявилъ: «Больше двухъ смѣнъ бѣлья на человѣка не полагается. Я самъ имѣю 2 рубахи и ношу каждую по 2, 3 недѣли».

Съ этимъ гигіеническимъ предписаніемъ, мы ушли. В. производилъ впечатлѣніе честнаго, но глупаго малаго, почерпнувшаго все свое міровоззрѣніе въ полудюжинѣ брошюръ.

На слѣдующій день моя мать и И. пошли ко второму нотаблю — Можейкѣ. Это былъ полякъ-реэмигрантъ изъ Америки, имѣвшей на него хорошее вліяніе, хотя бы въ отношеніи манеръ.

Въ Р. было довольно много такихъ реэмигрантовъ, такъ какъ Можейко говорилъ по-англійски съ нѣсколькими своими товарищами.

Его видно тронули наши жалобы, такъ какъ онъ сказалъ, что это «чортъ знаетъ, что такое» и «что эти безобразія надо прекратить».

Тѣмъ временемъ слухи о насъ распространялись и, въ изукрашенномъ видѣ, докатились до Брянска. Тамъ, какъ намъ передавали, разсказывали, что была раскрыта шайка контръ-революціонеровъ и польскихъ шпіоновъ, у которыхъ нашли пудъ золота (золотыя серьги С., предметъ вожделѣній Лившица и причина всѣхъ нашихъ несчастій). Всполошились и въ Гомелѣ, гдѣ чека, вѣроятно, позавидовала добычѣ своихъ р-скихъ коллегъ. Поэтому, желая поскорѣй замять дѣло, насъ судила р-ская «тройка» — Вас—ій, М—о и Симановскій, тоже «сотрудникъ» уѣздной милиціи, бывшій ломовикъ, извѣстный на весь уѣздъ воръ.

Они были чрезвычайно милостивы; постановили часть вещей намъ вернуть и мужчинъ, за отсутствіемъ состава преступленія, освободить. Но они опоздали. Въ дѣло вмѣшались Гомель и мѣстная желѣзнодорожная чека; мы жили на землѣ, принадлежащей желѣзной дорогѣ и потому входили въ ея вѣдѣніе. Два желѣзнодорожныхъ чекиста пришли къ намъ справиться объ обидахъ, нанесенныхъ намъ милиціей, но начали они съ того, что тщательно перерыли весь домъ. Впрочемъ, были вѣжливы, пили чай и разспрашивали о деникинцахъ, съ интересомъ разсматривали деникинскія деньги.

Наконецъ, двухъ мужчинъ выпустили; остались въ тюрьмѣ комиссаръ и отецъ.

Мы попрежнему носили имъ два раза въ день пищу, такъ какъ никому нельзя было ее довѣрить: М. разъ взялся отнести нѣсколько котлетъ и съѣлъ всѣ самъ по дорогѣ.

Въ тюрьмѣ отношенія были идиллическія; насъ пускали въ камеру, гдѣ всегда сидѣло человѣкъ пятнадцать (иногда и больше). Дѣло въ томъ, что заключеніе въ тюрьму теперь замѣнило у большевиковъ такія мѣры, какъ выговоръ, замѣчаніе.

Сидѣли поэтому офицеры, напр. начхозъ мѣстной дивизіи (57-ой); сидѣли солдаты-дезертиры; сидѣлъ богатый мужикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ усадебъ въ Р. Онъ отказалъ стоявшимъ у него красноармейцамъ въ провизіи, и тѣ донесли на него, какъ на «кулака». Послѣ рѣшенія суда намъ вещи вернули, но по выбору милиціи. С—ій самъ отбиралъ ихъ, старательно отдѣляя все старое для насъ, а новое для собеза. Возвращали все, согласно декрета, по числу членовъ семьи, при чемъ рѣшили, что мужчины въ простыняхъ не нуждаются. Впослѣдствіи, уже при полякахъ, я видѣла на дѣвочкѣ платьице изъ нашей полотняной скатерти въ цвѣтныхъ разводахъ, а въ наробразѣ слышала разсказъ какой-то фребелички, какъ на ея глазахъ рѣзали бѣлье на куски.

Мы не знали, какъ доставить домой возвращенные чемоданы Пришлось еще просить начальника милиціи о письменномъ разрѣшеніи, такъ какъ во всей Россіи нельзя перевозить по улицѣ частнаго имущества; затѣмъ трудно было сговориться о цѣнѣ (у насъ совсѣмъ почти не было денегъ) за перевозку, но тотъ самый старичокъ-извозчикъ, который увезъ наши вещи, изъ жалости, задаромъ доставилъ ихъ обратно.

Намъ обѣщали на слѣдующій день освободить отца и комиссара, но прибылъ изъ Гомеля чекистъ съ приказомъ доставить ихъ туда. Мать и сестра рѣшили поѣхать вмѣстѣ съ ними, но имъ не выдавали пропусковъ. Мѣстный комендантъ, бывшій царскій офицеръ, кричалъ, топалъ ногами и на всѣ мольбы отвѣчалъ, что не позволитъ буржуямъ разъѣзжать Хуже всего было то, что мы во время обысковъ лишились всѣхъ документовъ и не рѣшались ѣхать и безъ паспортовъ и безъ пропусковъ, опасаясь новыхъ арестовъ. Видно было, что р—скія власти боялись нашихъ жалобъ въ Гомелѣ и не хотѣли насъ выпустить. При мнѣ помощникъ начальника милиціи кричалъ по телефону коменданту: «Вы не смѣете давать пропускъ N.!»

Наконецъ, сжалился самъ начальникъ милиціи и выдалъ временный видъ на жительство. И комендантъ переложилъ гнѣвъ на милость, обѣщалъ пропускъ на завтра.

Отца и комиссара увезли вечеромъ того же дня. Къ нимъ присоединили, по неизвѣстной причинѣ, Н., пришедшаго провѣдать ихъ на вокзалѣ. Когда мы принесли отцу чистое бѣлье и одежду, одинъ изъ солдатъ, караулившихъ его, сталъ уговаривать насъ, не давать ему ничего съ собой. Было страшно тяжело, такъ какъ мысли этого доброжелателя были ясны: онъ опасался, чтобы хорошій костюмъ не былъ причиной разстрѣла. Дѣйствительно, при отцѣ въ Гомелѣ, разстрѣляли безъ всякаго суда молодого поляка, и сейчасъ же послѣ разстрѣла чекисты появились въ его одеждѣ, а у одного блестѣло на пальцѣ кольцо разстрѣляннаго.

На слѣдующій день поѣхали мать съ сестрой. Благодаря протекціи коменданта станціи, онѣ поѣхали подъ охраной солдата, но въ товарномъ вагонѣ. Пассажирскихъ вагоновъ на этой линіи совершенно не было. Только разъ одинъ изъ комиссаровъ проѣхалъ въ трехъ вагонахъ перваго класса на него одного.

Послѣ отъѣзда родителей, мы ожидали извѣстія о наихудшемъ, но черезъ четыре дня, какъ разъ въ первый день христіанской Пасхи, всѣ вернулись.

Какъ удалось отцу и комиссару освободиться, намъ до сихъ поръ непонятно. Кто за нихъ вступился? почему ихъ не преслѣдовали? Мы объ этомъ и не разспрашивали. Моя мать была у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, (не-коммунистовъ, такъ какъ таковыхъ мы не знали), но на врядъ ли эти люди, сами вѣчно напуганные могли чѣмъ-нибудь помочь.

Всѣмъ Гомелемъ трясли тогда два брата Нахамкины — сыновья извѣстнаго всему городу вора. Ихъ отецъ умеръ незадолго до того. Послѣдніе мѣсяцы жизни, онъ былъ въ большомъ почетѣ. Его лѣчили лучшіе врачи, весь городъ о немъ заботился. Хоронили его торжественно; на похоронахъ были делегаціи отъ всѣхъ учрежденій.

Одинъ гомелецъ разсказывалъ, что секретаремъ ревкома былъ его бывшій полуграмотный кучеръ, который при встрѣчахъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ мялся и иногда величалъ его бариномъ.

Гомельская чека была куда хуже р—ской тюрьмы. Сыпнотифозные лежали въ одной камерѣ со здоровыми. Арестованныхъ, даже женщинъ, избивали до потери сознанія. Пищи совсѣмъ не выдавали. Освободили отца и комиссара подъ расписку: они обязались не покидать Р., такъ что теперь надо было бросить всякую мысль о выѣздѣ.

Они такъ спѣшили домой, что не взяли пропуска и изъ за этого чуть не были снова арестованы гомельской желѣзнодорожной чека.

По дорогѣ въ поѣздѣ, они завязали знакомство съ красноармейцами, недавно вернувшимися изъ Франціи. Это были солдаты изъ тѣхъ двухъ корпусовъ, которые еще при царскомъ режимѣ были посланы во Францію. Всѣ были ярыми коммунистами и ненавидѣли французовъ.

Когда до нихъ дошло извѣстіе о русской революціи, они взбунтовались и убили многихъ своихъ офицеровъ. Тогда французское правительство выслало ихъ въ колоніи, гдѣ

употребляло для тяжелыхъ работъ. Они жаловались на тамошнія условія жизни и на эксплуатацію, которой ихъ подвергали французы. Въ 19 г. ихъ выслали обратно въ Россію. Французы, зная ихъ настроеніе, хотѣли ихъ передать прямо большевикамъ, но, по настоянію Деникина, привезли ихъ на югъ. Тамъ ихъ присоединили къ добровольческой арміи, и, теперь, они хвастали, что немало способствовали ея разложенію. Одѣты они были до сихъ поръ прекрасно, и всю эту обмундировку дали имъ эксплуататоры французы.

2.

Убѣдившись, что мы застряли въ Р. надолго, мы рѣшили искать средствъ къ жизни. Существовать одной продажей и обмѣномъ бѣлья и одежды было невозможно и безсмысленно.

Положеніе матеріальное, какъ наше, такъ и семьи комиссара было печальное. Небольшія средства, взятыя изъ дому, мы частью уже проѣли, частью ихъ украли чекисты. Послѣ долгихъ торговъ, они изъ забранныхъ 50 тысячъ думскими выдали намъ десять тысячъ. Это была ничтожная сумма. На одну ѣду (при нищенскомъ питаньи) мы расходовали въ мѣсяцъ восемьдесятъ тысячъ совѣтскими. Семья комиссара нѣсколько дней сидѣла совершенно безъ хлѣба. Надъ ними разъ сжалился какой-то офицеръ и подарилъ имъ фунтъ своего хлѣба, получивъ обѣщаніе отъ Д., что она смастеритъ куклу для его дѣвочки.

Наше отчаянное положеніе вызвало сочувствіе совѣтскаго слѣдователя при чека, хотя онъ никогда не былъ милостивъ къ буржуямъ.

Біографія этого господина интересна. Онъ — сынъ городового. Мѣстный прокуроръ обратилъ вниманіе на способнаго мальчика и помогъ ему закончить образованіе. При его протекціи Х. началъ дѣлать карьеру по военному вѣдомству. Когда началась революція, онъ объявилъ себя украинцемъ, быстро выдвинулся и правительствомъ Петлюры былъ назначенъ губернскимъ старостой. Но въ началѣ 19 г. пришли въ Гомель большевики. Х. сумѣлъ и имъ понравиться. Сталъ ли онъ коммунистомъ, не знаю, но онъ получилъ высокій постъ и имѣлъ большое вліяніе. Р—ане жаловались, что онъ дѣлалъ карьеру на ихъ благосостояніи. Онъ будто бы поддерживалъ наиболѣе суровыя мѣры, принималъ дѣятельное участіе въ конфискаціи имущества своихъ друзей, даже своего благодѣтеля.

И, какъ это ни странно, этотъ человѣкъ принялъ въ насъ участіе, совѣтовалъ подавать жалобы на ограбленіе и т. п.

Считалъ ли онъ, что поляки обязательно прійдутъ? думалъ ли онъ, что совѣтская власть уже не прочна?

Но совѣтами его мы не могли насытиться и поэтому должны были пойти на совѣтскую службу. И. устроилась при какомъ-то военно-хозяйственномъ отдѣлѣ, Н. при совѣтскихъ столовыхъ, а я при библіотечной комиссіи наробраза. Совѣтскія столовыя — это, навѣрное, самое отвратительное изъ совѣтскихъ учрежденій. Грязь тамъ невѣроятная, ѣда — невыносимая и выдается въ слишкомъ малыхъ количествахъ. Бѣдный Н. долженъ былъ съѣдать 2 обѣда, чтобы насытиться. Приборовъ не даютъ, такъ что каждый долженъ приносить съ собой ложку.

Организація столовыхъ такова, что новопріѣзжій можетъ остаться безъ пищи въ день своего пріѣзда. Обѣды выдаютъ по карточкамъ, но ихъ надо брать наканунѣ начала посѣщеній. Въ тотъ же день обѣда не выдадутъ. Только мольбы могутъ смягчить суровое сердце завѣдующей.

За время моихъ сношеній съ р—ми совѣтскими учрежденіями, я могла приглядѣться къ провинціальной работѣ большевиковъ. Она была еще страшнѣе, чѣмъ въ большихъ центрахъ. Тамъ большій культурный слой сдерживалъ до нѣкоторой степени хамство. Тутъ оно царствовало. Всѣ учрежденія были въ рукахъ недоучившихся студентовъ и курсистокъ. Совершенно неопытные, безтолковые, они еще больше уродовали и безъ того безумныя начинанія совѣтской власти.

Во главѣ библіотечной комиссіи стояла барышня, проработавшая годъ въ какой-то библіотекѣ, какъ помощница завѣдующей; лекціонной комиссіей завѣдывала дѣвица, которая сама откровенно сознавалась, что понятія не имѣетъ, какъ это «устраиваютъ» лекціи. Но онѣ были коммунистками, а остальная, болѣе опытная по этимъ дѣламъ, часть р—го населенія къ партіи не принадлежала. Когда я впервые пришла въ наробразъ и записалась въ неизбѣжномъ опросномъ листѣ безпартійной, всѣ были поражены, но успокоились, вспомнивъ, что мѣстный лекторъ — военный — тоже безпартійный соціалистъ. Они ни минуты не подумали, что я могу быть безпартійной несоціалисткой. Въ ихъ глазахъ люди дѣлились на большевиковъ, меньшевиковъ, которыхъ, какъ и безпартійныхъ соціалистовъ, презирали, но позволяли имъ жить, и на инако мыслящихъ, вредныхъ безумцевъ — мясо для чрезвычаекъ. Наробразъ помѣщался въ, когда-то прелестномъ, домѣ инспектора народныхъ училищъ. Этотъ инспекторъ былъ на дурномъ счету у большевиковъ и бѣжалъ передъ ихъ приходомъ. При насъ говорили, что онъ убитъ. Оставшихся жену и дочь большевики сейчасъ же выдворили изъ дому. Онѣ гдѣ-то ютились на чердакѣ. Я уже не застала слѣдовъ ихъ устройства. Но врядъ ли оно вообще еще существовало. Мало-по-малу я открыла много красивыхъ домовъ въ Р., но немногіе изъ нихъ были въ распоряженіи законныхъ владѣльцевъ.

Милиція помѣщалась въ домѣ главнаго лѣсничаго уѣзда. Она туда переѣхала изъ совершенно раззореннаго ею дома нѣкоего Марголина, который, по словамъ Крупецкаго, былъ высланъ въ концентраціонный лагерь въ Москву.

Нѣкоторымъ лицамъ удалось защититься: городовой врачъ отдалъ часть своего дома подъ госконтроль, прокуроръ подъ библіотеку, двѣ одинокія барышни уступили нѣсколько комнатъ дѣтскому саду и т. д.

И. работала въ хозяйственномъ отдѣлѣ несуществующаго учрежденія. Вся дѣятельность служащихъ сводилась къ тому, чтобы выдавать другъ другу пайки, фуражъ и записывать это. За исключеніемъ И. и еще двухъ барышень всѣ служащіе были коммунистами. Они были изъ рабочихъ и крестьянъ. Всѣ почти были христіане. Къ единственнымъ двумъ евреямъ относились пренебрежительно. Однажды, въ это учрежденіе попала польская прокламація, призывавшая русскихъ сбросить съ себя ярмо большевизма, наложенное на нихъ евреями. Воззваніе это разсмѣшило ихъ. Трудно сказать былъ ли искрененъ ихъ коммунизмъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ хуторъ на югѣ, другой лично зналъ вел. кн. Елизавету Ѳеодоровну, бывая у монахини того монастыря, гдѣ она жила. Онъ всегда отзывался о ней съ уваженіемъ.

3.

Такъ проходили недѣли. По нѣскольку разъ въ день пріѣзжали поѣзда съ солдатами и орудіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, одна коммунистка сказала Д., что предполагаетъ скоро эвакуироваться въ Кіевъ. Такія сообщенія поддерживали насъ въ нашемъ отчаяніи.

Артиллерійскіе бои бывали все чаще и сильнѣй. Дороговизна росла. Соль почти совсѣмъ исчезла. Бывали дни, когда за фунтъ требовали 1800 рублей совѣтскими. За соль крестьяне давали картофель, сало, молочные продукты. Къ несчастью сосѣднія деревни были бѣдныя, къ тому же ихъ раззоряли постоянные постои. Въ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней, когда мы не имѣли ни хлѣба, ни картофеля, мнѣ удалось достать за фунтъ соли пудъ картофеля въ ближайшей деревнѣ. Я его пронесла на спинѣ около 2-хъ верстъ. Какъ ни непривычно было это занятіе для горожанки, я все таки предпочитала это или даже совѣтскую службу — полному бездѣйствію. Въ такія минуты наше отчаяніе выражалось въ ссорахъ, упрекахъ.

Съ теченіемъ времени, я снова начала дѣлать планы бѣгства. Я надѣялась воспользоваться однимъ изъ объѣздовъ по уѣзду, которые должна дѣлать завѣдующая библіотечнымъ отдѣломъ. Представлялся также случай поѣхать Днѣпромъ въ Жлобинъ

Эта станція была главнымъ мѣстомъ переправъ черезъ границу; такъ ѣхали въ Польшу бѣглецы изъ Великороссіи.

Въ Р. кромѣ насъ застряли еще кіевляне, пріѣхавшіе позже. Я хотѣла присоединиться къ нимъ, но не успѣла. Имъ же не повезло; они благополучно добрались до мѣста назначенія (избѣжавъ, благодаря взяткѣ, обыска на пароходѣ), но не могли выѣхать дальше, такъ какъ подъ Жлобинымъ начались бои. Но онъ такъ и не былъ взятъ, и наши друзья выбрались за границу только послѣ долгихъ мытарствъ.

Перваго мая было большое торжество, не только для большевиковъ, но и для насъ: мы узнали о взятіи Житоміра. Шествіе съ красными знаменами было испорчено; прилетѣлъ польскій аэропланъ и брошенныя съ него бомбы испугали шествующихъ.

Вечеромъ персоналъ санитарнаго поѣзда, стоявшаго около насъ, устроилъ концертъ. Больше всего времени заняли рѣчи. Наиболѣе толковую произнесъ рабочій Котовъ, бывшій слушатель рабочаго университета Зиновьева. Онъ старался объяснить намъ, что вся исторія вела человѣчество къ коммунистическому строю. Онъ сознавался, что жизнь въ Россіи ужасна, но увѣрялъ насъ, что это переходное время, эпоха разрушенія стараго. Съ началомъ творчества все будетъ великолѣпно. — «Сначала успокоеніе, потомъ реформы». — Но онъ держался корректно. Послѣ него выступилъ фанатикъ. Сначала онъ заставилъ насъ, стоя, пѣть интернаціоналъ, затѣмъ посыпались обычныя ругательства: «золотопогонная, бѣлогвардейская сволочь, мерзавцы паны, подлая буржуазія» и т. д. Но между двумя ругательствами, онъ сообщилъ намъ, что Житоміръ въ польскихъ рукахъ. Снова мелькнула надежда; поляки могли продвинуться до Днѣпра.

Послѣ рѣчей начался концертъ. Подъ аккомпаниментъ гармоникъ, на которыхъ они играли превосходно, два матроса пѣли циничные, богохульные куплеты, очень понравившіеся публикѣ. Они были такъ мерзки, что, хотя оскорбляли не мою религію, я ушла.

Съ этого дня мы еще съ большей тревогой читали сводки, расклеенныя по стѣнамъ домовъ (единственныя газеты, доступныя жителямъ Р.), о событіяхъ на фронтѣ, онѣ для большевиковъ были непріятны, сообщали съ опозданіемъ, но я должна сознаться, что въ общемъ совѣтскія газеты не лгали. Онѣ сгущали краски, раздували извѣстія о стачкахъ и возстаніяхъ, но самихъ фактовъ не выдумывали.

Наиболѣе интересной ихъ частью, послѣдніе мѣсяцы, — были сводки арміи труда. Я читала ихъ съ трепетомъ. Мнѣ все мерещилось, что большевикамъ удастся кое-какъ организовать трудъ, и коммунистическій режимъ укрѣпится. Положимъ, данныхъ для такихъ предположеній было мало: рядомъ съ откровенными признаніями о неработоспособности 75% желѣзнодорожнаго состава и призывами къ увеличенію труда, стояли такія свѣдѣнія: «на станціи X. 50 товарищей, проработавъ 8 час., нагрузили шпалами 2 платформы, причемъ тащили шпалы 200 саженъ» и т. п.; въ такихъ-то мастерскихъ отремонтировали за недѣлю паровозъ; тамъ-то за мѣсяцъ нарубили 20 саженъ дровъ. Все минимальныя цыфры, тысячная часть до-большевистской производительности.

Я могла воочію убѣдиться, какъ исполнялась эта работа. Въ тѣ дни, когда по очереди, служащіе опредѣленныхъ учрежденій должны были идти рубить дрова, таскать шпалы, грузить вагоны и т. п., являлись на службу лишь безпартійные, коммунисты регулярно блистали отсутствіемъ.

4-го мая разнесся слухъ, что Кіевъ уже взятъ. Насъ это извѣстіе привело въ ужасъ. Мы опасались, что поляки удовлетворятся правобережной Украиной и не захотятъ идти вглубь Бѣлоруссіи. У насъ ничто не предвѣщало близкаго отступленія. Большевики хозяйничали, какъ всегда. Въ первыхъ числахъ мая, они обложили «буржуевъ» новой данью: по дамскому и мужскому костюму съ семьи. Повторялись знакомыя кіевскія сцены: нѣсколько солдатъ и милиціонеровъ врывалось въ квартиры, рылось въ шкафахъ и сундукахъ, выбирая самую лучшую и дорогую одежду. 6-го мая я зашла по дѣлу въ городскую милицію и увидѣла тамъ груды реквизированныхъ костюмовъ, въ которыхъ рылись милиціонеры, выбирая себѣ то, что каждому наиболѣе нравилось.

Въ ту минуту, когда они были заняты этимъ дѣломъ, въ комнату влетѣлъ одинъ изъ ихъ товарищей. Онъ держалъ въ рукахъ новѣйшій номеръ газеты и, запыхаясь, прочелъ

намъ телеграмму о назначеніи генераловъ Брусилова, Поливанова и многихъ другихъ командующими совѣтскими красными арміями. Сбѣжалась съ криками удивленія вся милиція.

Мнѣ тоже хотѣлось кричать, но отъ ужаса. Брусиловъ и Поливановъ на совѣтской службѣ! Лучшій генералъ и лучшій военный министръ! Я уже видѣла непобѣдимыя красныя арміи, заливающія всю Европу. Р—скіе буржуи, которымъ я принесла это потрясающее извѣстіе, не хотѣли вѣрить мнѣ. Одинъ изъ нихъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: «Но, что будутъ дѣлать Брусиловъ и Поливановъ въ этой босяцкой компаніи?» Мы ломали себѣ головы надъ тѣмъ, что могло побудить ихъ стать во главѣ совѣтскихъ армій. Угрозы ли большевиковъ? ненависть ли къ полякамъ? та любовь къ родинѣ, которая заставляетъ сражаться за нее, даже, когда она жестока? Можетъ быть, и они согласны съ большевизмомъ — эти царскіе генералы? Незадолго до того совѣтскія газеты сообщали, что проф. Тимирязевъ сказалъ, что не-то онъ счастливъ умереть подъ властью Ленина, не то счастливъ оставить своего сына подъ той же властью.

Вечеромъ того же дня у меня было засѣданіе лекціонной комиссіи. По дорогѣ я узнала, что видѣли поляковъ въ деревнѣ Х., въ 40 верстахъ отъ насъ, но я отнесла это извѣстіе къ слухамъ.

На засѣданіи было человѣкъ 7—8: учителя мѣстной гимназіи, военный врачъ; кромѣ товарища предсѣдателя наробраза — всѣ безпартійные. Работа не клеилась. Мнѣ заявили, что неудобно было предоставлять читать лекціи по исторіи безпартійнымъ, въ виду нежелательнаго освѣщенія фактовъ.

Спорила я слабо; во-первыхъ, я надѣялась, что до лекцій не дойдетъ, во-вторыхъ, была занята разсматриваніемъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Это были типичные представители мѣстечковой русской и еврейской интеллигенціи. Видно было, что большевизмъ имъ не по душѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они недовольны и всѣмъ инымъ, поэтому не пріявъ ни того, ни другого, вѣчно сидятъ между двухъ стульевъ, справедливо вызывая недовѣріе представителей обоихъ теченій.

7-го мая родители съ утра пошли съ комиссаромъ на вокзалъ. Они хотѣли поѣхать въ Гомель за семейными бумагами, захваченными во-время обысковъ. Еще до ихъ ухода началось необыкновенное движеніе поѣздовъ товарныхъ и бронированныхъ. Мы поняли, что началась эвакуація.

Около 10 ч. родители съ комиссаромъ пошли на вокзалъ. Но часа черезъ полтора комиссаръ вернулся, и, въ то время, когда онъ подходилъ къ дому, мимо нашихъ оконъ прошелъ поѣздъ въ Гомель. Комиссаръ со смѣхомъ указалъ на него и сказалъ мнѣ: «Поѣхали наши!» На мой вопросъ, почему онъ остался, онъ сказалъ, что долженъ былъ за чѣмъ-то забытымъ вернуться домой, опоздалъ на этотъ поѣздъ и поѣдетъ слѣдующимъ. Не зная о томъ, что творилось на вокзалѣ, я не безпокоилась. Вдругъ, черезъ часъ вернулись родители, съ отчаяніемъ разсказывая. что ихъ не пустили въ поѣздъ. Они вынесли впечатлѣніе, что эвакуація идетъ очень медленно, и они бы успѣли съѣздить въ Гомель и вернуться.

Еще черезъ нѣсколько часовъ, мы благодарили нашу счастливую звѣзду за то, что родителямъ не удалось попасть въ поѣздъ. Но и теперь не понимаю, къ чему былъ очевидный планъ комиссара погубить насъ, отправивши часть семьи въ Гомель. Онъ по всей вѣроятности, узналъ на вокзалѣ о неминуемомъ занятіи Р., хотѣлъ самъ остаться, но почему то добивался отъѣзда родителей.

Гораздо раньше обычнаго времени вернулась со службы Н. Въ ея учрежденіи внезапно, около 12 ч., былъ данъ приказъ эвакуироваться, и въ теченіе часа все имущество было нагружено на подводы. Потомъ, при громкомъ плачѣ и пожеланіяхъ скорѣйшаго возвращенія со стороны служащихъ изъ мѣстныхъ дѣвицъ, всѣ коммунисты, снабженные винтовками пошли на фронтъ. (На слѣдующій день нѣкоторые изъ нихъ снова появились въ Р., но уже въ качествѣ польскихъ плѣнныхъ).

Семья комиссара, все время недовѣрчиво относившаяся къ слухамъ продолжала повседневную работу, и вечеромъ Д. предложила мнѣ отнести вмѣстѣ съ ней шляпу, заказанную ей какой-то р—ской модницей.

Мы пошли полями въ сторону Днѣпра. Уже по дорогѣ въ ту сторону, я слышала пулеметную стрѣльбу, но не придала ей значенія, такъ какъ въ этомъ районѣ часто упражнялись въ стрѣльбѣ красноармейцы Переходя черезъ насыпь, мы видѣли, уѣзжавшій въ Гомель, бронепоѣздъ. Со станціидоносились частые гудки. Но въ боковыхъ улицахъ было спокойно.

Заказчицей шляпы была хорошенькая бѣженка. Ея мать пригласила насъ отдохнуть и дала Д. за работу нѣсколько фунтовъ телятины. Въ это время въ комнату вошелъ ея сынъ — мальчикъ лѣтъ 17-ти, 18-ти и поставилъ въ уголъ винтовку. Мы разговорились. Молодой человѣкъ разсказалъ намъ, что его старшій братъ — коммунистъ — сотрудникъ наркомвоена — пошелъ на фронтъ. Онъ самъ не былъ въ партіи, но, будучи въ призывномъ возрастѣ, обязанъ былъ эвакуироваться. Онъ твердо вѣрилъ въ непобѣдимость совѣтскаго оружія. «Увидите», увѣрялъ онъ меня, «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, красные флаги будутъ развѣваться надъ зданіями Варшавы. Она будетъ нашей». Мнѣ стало невыразимо жутко. Я никогда не забуду этой чистенькой, привѣтливой комнатки съ цвѣтами на окнѣ и иконами въ углу, милой старушки и дѣвушки, и этого мальчика съ дѣтски-круглымъ лицомъ и наивными глазами, который такъ твердо вѣрилъ въ побѣду большевизма.

И это былъ непартійный! Что же долженъ былъ говорить его братъ? Я припомнила себѣ въ этотъ мигъ всю р—скую молодежь, знакомую мнѣ. Всѣ, даже дѣти бывшихъ буржуевъ, сочувствовали коммунизму, сжились съ нимъ. И съ еще большимъ отчаяніемъ, я спрашивала себя какъ ужиться въ этой странѣ, гдѣ отъ генераловъ и профессоровъ до солдатъ и гимназистовъ, всѣ согласны съ большевизмомъ.

Наконецъ, мы попрощались и ушли, пожелавъ юношѣ-воину многихъ побѣдъ.

На возвратномъ пути, мы слышали пулеметы еще яснѣй. Выстрѣлы шли со стороны моста, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ станціи. Теперь было ясно, что идетъ бой. Вопросъ былъ только въ томъ, кто побѣдитъ.

Дома насъ встрѣтили извѣстіемъ, что врагъ близко.

Стоявшій около насъ санитарный поѣздъ отошелъ; ветеринары нагрузили лошадей; сарай со снарядами былъ пустъ. Какъ разъ недѣлю передъ тѣмъ, въ субботу, зная набожность мѣстныхъ евреевъ, большевики пригнали партію стариковъ и заставили ихъ разгрузить цѣлый вагонъ снарядовъ и отнести ихъ въ сарай. Нагрузили ихъ теперь въ пятницу вечеромъ тоже исключительно евреи. Было ли это коммунистическое пренебреженіе къ буржуазнымъ религіознымъ предразсудкамъ вообще, или направлено спеціально противъ євреевъ? Въ Р. еще въ 19 г. были недоразумѣнія на этой почвѣ. Когда мы пріѣхали, я обратила вниманіе на то, что лучшая синагога занята подъ казармы. Комиссаръ объяснилъ мнѣ, что это было сдѣлано въ видѣ наказанія: въ первые же дни вступленія большевиковъ въ Р. они заняли церковь и костелъ. Кто-то поѣхалъ въ Гомель, обвинили еврейскихъ коммунистовъ, христіанскіе храмы освободили и заняли синагогу.

Но теперь и тѣ, и другіе коммунисты убѣгали.

Я сѣла у окна, чтобы наблюдать за желѣзнодорожными путями. Трескотня пулеметовъ доходила уже до насъ. Со станціи непрерывно неслись свистки.

Потянулся длинный поѣздъ. Онъ былъ биткомъ набитъ людьми. Шелъ онъ медленно, осторожно. Когда онъ приблизился къ мосту, стрѣльба усилилась. И вдругъ мы увидѣли, какъ полемъ понеслась въ городъ толпа людей — мужчинъ и женщинъ — соскочившихъ съ поѣзда, потерявъ надежду прорваться. Ихъ опасенія были чрезмѣрны. Поляки объяснили намъ потомъ, что пулеметами они задержать поѣздовъ не могли. Поэтому два товарныхъ поѣзда прорвалось въ Гомель. Ихъ отступленіе прикрывалъ бронепоѣздъ «Черноморецъ» — даръ американцевъ Колчаку. Большевики завладѣвъ имъ, переименовали его. Въ противоположность остальнымъ совѣтскимъ бронепоѣздамъ, онъ былъ совершенно новый. Своимъ блестящимъ зеленымъ цвѣтомъ, онъ напоминалъ чудовище. Теперь въ немъ не видно было никого; казалось, что онъ самъ двигается. Только наверху смѣло стоялъ матросъ.

Сперва «Черноморецъ» шелъ совершенно тихо, но, проѣхавъ мимо насъ, онъ открылъ огонь, разогнавшій польскихъ пулеметчиковъ, и онъ свободно прошелъ черезъ мостъ.

Послѣ его ухода началась орудійная стрѣльба. Большевики, вѣроятно, успѣли поставить орудія на лѣвомъ берегу и стрѣляли въ нашу сторону. Снаряды летали надъ деревяннымъ домикомъ, и насъ угнетала мысль погибнуть въ минуту избавленія. Но вскорѣ стрѣльба утихла и возобновилась только подъ утро.

А на разсвѣтѣ мимо насъ прошелъ первый польскій солдатъ.

Варшава. Іюнь—августъ 1920 г. Май 1921 г.

Дневникъ *

Барона А. Будберга

1919 годъ.

3 Августа. Тяжело быть полнымъ мрачными мыслями, не вѣрить въ возможность благополучнаго исхода, и въ то же время по наружности и передъ подчиненными сохранять бодрость, разводить всѣмъ розовую воду, подбадривать всѣхъ сотрудниковъ и поднимать уровень и качество ихъ работы, дабы въ предѣлахъ своего вѣдѣнія выполнить максимумъ полезной и созидательной работы.

Обидно за невозможность высвободить адмирала изъ подъ власти окружившихъ его вліяній; я сдѣлать этого не могу, ибо я и мои доклады не нравимся адмиралу; я всегда могу вырвать у него нужное мнѣ рѣшеніе, но то же и одновременно могутъ сдѣлать лица совершенно противоположнаго направленія; нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что принятое рѣшеніе не будетъ отмѣнено или разбавлено и добавлено такъ, что лучше бы ничего не дѣлать.

Все зло въ полной безсистемности, въ калейдоскопической смѣнѣ настроеній и рѣшеній, въ метаніи безъ руля и вѣтрилъ подъ сомнительнымъ вліяніемъ разномастныхъ совѣтчиковъ, въ безплодныхъ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ.

И чѣмъ искреннѣе, убѣжденнѣе и энергичнѣе эти совѣтчики, тѣмъ хуже, ибо самая посредственная система лучше той каши, которая получается отъ постоянной смѣны рѣшеній и отъ извилистаго болтанія нашего курса.

Сейчасъ адмиралъ крѣпко захваченъ казачьей коалиціей и примазавшимися къ ней омскими политиками и разными честолюбцами, родителями всевозможныхъ панацей по спасенію положенія.

Ночью арестованъ главный начальникъ военныхъ сообщеній Ставки и тыла генералъ Касаткинъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ; послѣднимъ предъявлено обвиненіе во взяточничествѣ, а Касаткину въ бездѣйствіи власти.

Сенсація въ Омскѣ по этому поводу огромная, но нездоровая.

Говорятъ, что вина Касаткина состоитъ въ томъ, что ему было доложено, что комендантъ станціи Омскъ поручикъ Рудницкій беретъ взятки, но К. не принялъ по этому докладу соотвѣтственныхъ мѣръ.

Подробности неизвѣстны; какъ-то странно привлеченіе къ отвѣтственности одного изъ старшихъ чиновъ Ставки и предавать его военно-полевому суду за то, что пятистепенный агентъ бралъ взятки; вѣдь, между Касаткинымъ и Рудницкимъ имѣется цѣлый рядъ промежуточныхъ начальниковъ. Кромѣ того, вся дѣятельность Касаткина, его рѣдкая энергія, добросовѣстность и борьба со всякими злоупотребленіями рѣзко противорѣчатъ предъявленнымъ ему обвиненіемъ; это одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ работниковъ Ставки.

Приходилъ Хрещатицкій; очень долго и нѣжно журчалъ о необходимости послать авторитетное и пользующееся довѣріемъ японцевъ лицо (читай его самого) въ Токіо для веденія тамъ всѣхъ сношеній по отпуску намъ снабженій; доказывалъ, что веденіе

---

*) Окончаніе. См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV.

переговоровъ черезъ некомпетентныхъ лицъ уже привело къ тому, что Такаянаги вошелъ въ прямыя сношенія съ Моррисомъ и на нѣкоторые вопросы Х-го, отвѣтилъ ему, что все будетъ рѣшено по соглашенію непосредственно съ представителемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Несомнѣнно, что вся эта интрига заведена самимъ Хрещатицкимъ, которому до зарѣзу хочется попасть въ Токіо на хорошее содержаніе и праздное ничегонедѣланіе; онъ бѣгаетъ по разнымъ лицамъ и миссіямъ, обхаживаетъ всячески адмирала и въ производимой мути думаетъ ухватить завѣтную рыбку.

Ушелъ отъ меня очень недовольнымъ, такъ какъ я высказалъ полное несогласіе съ такимъ безцѣльнымъ назначеніемъ какого-то особаго представителя, разъ мы имѣемъ въ Японіи своихъ агентовъ, военнаго и министерства финансовъ, съ цѣлымъ штатомъ пріемщиковъ.

Журчалъ про непригодность Розанова, про ошибочность политики Иванова-Ринова и видимо хотѣлъ попасть мнѣ въ тонъ; очевидно, онъ ведетъ какую-то махинацію по самоустройству и боится моего противодѣйствія. Едва ли сегодняшній визитъ окрылилъ его надежды.

На дорогѣ рядъ крушеній; каторжный трудъ личнаго состава желѣзнодорожниковъ, невѣроятно напряженный за время эвакуаціи, очевидно, всѣхъ вымоталъ и переутомилъ. Вѣдь, выполнена по истинѣ гигантская работа, такъ какъ въ теченіе одной недѣли, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, мы успѣли угнать по двумъ одноколейнымъ путямъ сорокъ семь тысячъ вагоновъ, составляющихъ двѣ ленты поѣздовъ въ триста семьдесятъ верстъ длины.

Особенно тяжела служба ночью, такъ какъ нѣтъ керосина для паровозныхъ фаръ и поѣздъ летитъ въ полной темнотѣ, на авось.

Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда генерала Головина; съ личной точки зрѣнія это освободитъ меня отъ должности, на которой я не въ состояніи приносить пользу, а въ интересахъ общихъ дѣлъ, быть можетъ, Головину удастся пріобрѣсти здоровое вліяніе на адмирала, освободить его изъ Омскаго и казачьяго плѣна, и сдѣлаться настоящимъ руководителемъ новаго курса. Я никогда не видалъ Головина, но отзывы о немъ слышалъ всегда самые благопріятные.

Чѣмъ скорѣе онъ пріѣдетъ и чѣмъ скорѣе я уйду, тѣмъ будетъ лучше для дѣла, такъ какъ я совсѣмъ не подхожу къ характеру адмирала и всей Омской обстановкѣ, а тогда мое движеніе противъ общаго теченія безполезно, а для общей системы, — вѣрнѣе безсистемья, даже вредно.

Я слишкомъ рѣзокъ для адмирала; его увѣрили, что я мрачный пессимистъ; что моя окраска всегда сгущена; что я вижу всегда только скверное; что я вздоренъ и неуживчивъ и т. п. Я вижу, что къ моимъ докладамъ онъ относится съ осторожкой, не умѣя никогда скрывать предубѣжденія; онъ уступаетъ силѣ доводовъ и искренности убѣжденія, порывисто переходитъ на мою сторону, но все это мимолетно, непрочно и только до чьего-нибудь доклада, который разобьетъ мои доводы и можетъ привести къ новому, совершенно иному рѣшенію.

Я знаю, что тѣ, кому я мѣшаю въ ихъ честолюбіи и личныхъ дѣлахъ и которые боятся моей рѣзкой критики и прямолинейности, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы показать, что я желчный и завистливый брюзга, которому хочется во все совать свой носъ и который по неуживчивости характера и неудовлетворенному честолюбію на все ворчитъ.

При умѣньи потрафить адмиралу и при подтасовкѣ фактовъ доказать это не трудно, ибо моя дѣятельность идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ остальнымъ, причемъ въ оцѣнкахъ, критикѣ, выраженіяхъ, характеристикахъ, а иногда и распоряженіяхъ я дѣйствительно не стѣсняюсь, но дѣлаю это не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляются моими противниками, а потому, что иныхъ способовъ воздѣйствія нѣтъ, а иногда сугубой рѣзкостью хочется обратить вниманіе верховъ на совершающееся и заставить ихъ призадуматься, присмотрѣться и покопаться.

Лично мнѣ безразлично, что мой, такъ называемый, пессимизмъ и мое отчаяніе отъ предвидѣнія будущаго вся эта темная компанія оцѣниваетъ, какъ озлобленность честолюбца и зависть; имъ, по ихъ существу, не дано понять, что могутъ быть иныя, болѣе чистыя чувства и побужденія, которыя вызываютъ эти пессимизмъ и отчаяніе.

Быть можетъ, мой крупный недостатокъ въ томъ и заключается, что во мнѣ мало честолюбія, мало заговорщической энергіи, мало желанія разметать всю эту кучку и самому пробраться на болѣе рѣшительныя амплуа.

4 Августа. Дѣло съ арестомъ Касаткина возмутительно по своей поспѣшности; все это проведено съ чернаго крыльца, съ очень темнымъ участіемъ контръ-развѣдки и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ адъютантской передней, использовавшей вспыльчивость адмирала и его желаніе реально и круто показать свою силу въ борьбѣ со служебными злоупотребленіями. Быть можетъ, и искренно, но по мальчишески задорно и неумѣло, ближайшій антуражъ адмирала подбилъ его громово хватить по взяточничеству и казнокрадству; провели все очень секретно, при дѣятельномъ участіи контръ-развѣдки, постаравшейся потрафить начальству, на что ея дѣльцы большіе мастера.

Казалось бы, что при замятомъ дѣлѣ Зефирова съ его возмутительной покупкой чая за тройную цѣну, при лежащемъ безъ движенія дѣлѣ Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, при грабительскомъ режимѣ атамановъ и при темныхъ порядкахъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ агентовъ Министерства Снабженія можно было давно найти десятки случаевъ, чтобы показать силу и грозность власти, готовой испепелить все зло и тѣхъ, кто его творитъ.

Вмѣсто этого, адъютантская передняя выслѣдила одну изъ мелкихъ компаній мѣстныхъ взяточниковъ и, не понимая, что творитъ, настроила адмирала грохнуть по всей этой воробьиной кучѣ сразу изъ Царь Пушки.

Касаткина примазали къ сенсаціи, ради пущаго эфекта и показательности безпристрастія власти, не останавливающейся передъ положеніемъ виновныхъ; бѣднаго Касаткина заставили играть роль того украшенія изъ овощей, которое прибавляется въ плохихъ ресторанахъ къ разнымъ блюдамъ, чтобы скрасить порченный матерьялъ и плохое приготовленіе.

Всѣ, знающіе Касаткина, возмущены его арестомъ; Уструговъ ѣздилъ къ адмиралу по этому поводу; адмиралъ какъ-то сконфуженъ, но приказъ о преданіи суду уже отданъ и дѣло идетъ.

Написалъ Бурлину, какъ замѣстителю наштаверха, офиціальное письмо и, какъ старшій офицеръ Генеральнаго Штаба, прошу освѣдомить о причинахъ ареста генерала Генеральнаго Штаба и выражаю увѣренность, что это какое то очень печальное недоразумѣніе и что наштаверхъ приметъ необходимыя мѣры, чтобы впредь оградить нашъ корпусъ отъ такихъ неожиданныхъ, обидныхъ и печальныхъ недоразумѣній.

Въ отвѣтъ получилъ только приказъ Верховнаго Главнокомандующаго о преданіи Касаткина военно-полевому суду за бездѣйствіе власти, обычное умываніе рукъ и спасеніе за приказъ и за букву.

Сидѣли, зѣвали, мямлили, покрывали милліонныя хищенія Зефирова и Ко., военнопромышленниковъ и т. п. и, вдругъ, по наущенію адъютантской челяди изъ дворцовыхъ переднихъ, начинаютъ гвоздить безъ всякаго разбора. Ну, какъ же тутъ не быть пессимистомъ!

Пріѣхалъ съ фронта начальникъ 1 кавалерійской дивизіи Генералъ Миловичъ (настоящій генералъ, участникъ большой войны); разсказалъ про творящіяся на фронтѣ безобразія, про безграмотныя распоряженія юнцовъ командармовъ и комгруппъ, впереди всѣхъ удиравшихъ отъ возможныхъ непріятностей слишкомъ близкаго сосѣдства съ красными; по его словамъ, подъ Челябинскомъ уложили лучшую часть офицерской и инструкторской школы.

Смотрю на карту и напзлющимъ образомъ злюсь; если бы, вмѣсто преступной авантюры Лебедева, мы стояли бы теперь за укрѣпленной линіей Тобола, сохранивъ всѣ резервы, поднявъ матерьяльное и моральное состояніе отдохнувшихъ войскъ и предоставивъ краснымъ нападать, — какъ бы выгодно было наше положеніе. А сейчасъ наше

положеніе много хуже того, что было годъ тому назадъ, ибо свою армію мы уже ликвидировали, а противъ насъ, вмѣсто прошлогоднихъ совдеповъ и винегрета изъ красноармейской рвани, наступаетъ регулярная красная армія, не желающая, — вопреки всѣмъ донесеніямъ нашей развѣдки, — разваливаться; напротивъ того, она гонитъ насъ на востокъ, а мы потеряли способности сопротивляться и почти безъ боя катимся и катимся.

Весь ужасъ въ томъ, что гонитъ насъ не красная армія, не искусство ея вождей, а результаты профессіональной безграмотности нашего наштаверха, его мальчишескаго задора и самомнѣнія; насъ гонитъ неумѣнье сорганизовать настоящую армію, поставить на отвѣтственныя мѣста опытныхъ и знающихъ исполнителей; насъ убиваетъ превалированіе честолюбія надъ подвигомъ, задора надъ опытомъ, авоськи надъ разсчетомъ, усмотрѣнія надъ закономъ, безвластіе и общій нравственный развалъ.

Годъ тому назадъ населеніе видѣло въ насъ избавителей отъ тяжкаго комиссарскаго плѣна, а нынѣ оно насъ ненавидитъ такъ же, какъ ненавидѣло комиссаровъ, если не больше; и что еще хуже ненависти, оно намъ уже не вѣритъ, отъ насъ не ждетъ ничего добраго.

Весь тылъ въ пожарѣ мелкихъ и крупныхъ возстаній и большевистскихъ и чисто анархистскихъ (противъ всякой власти) и чисто разбойничьихъ, остановить которыя силой мы уже, очевидно, не въ состояніи. Вотъ годичные результаты работы Ставки на фронтѣ и Правительства въ странѣ; отъ такихъ итоговъ можно не то, что пессимистомъ сдѣлаться, а выть отъ отчаянія. Стоимъ опять передъ разбитымъ корытомъ, съ задачей начинать все снова, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Омскіе оптимисты кричатъ, что вотъ де поднимется Сибирское казачество и красные посыпятся, какъ чурки; очередные выкрики на тему, «шапками закидаемъ». Если бы это было правдой! вѣдь, вѣрить этому можетъ только тотъ, кто неспособенъ ни къ какому подсчету и учету всего происходящаго и способенъ жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ, пусканія мыльныхъ пузырей и построенія маниловскихъ воздушныхъ замковъ.

Я считаю, что наше спасеніе въ Деникинѣ и въ томъ, чтобы намъ удалось продержаться до зимы, приступивъ немедленно къ самымъ кореннымъ и рѣшительнымъ реформамъ, какъ въ арміи, такъ и во всей системѣ государственной работы. Надѣюсь, что пріѣздъ Головина и командованіе Дитерихса успѣютъ тогда внести систему въ организаціи, сократить усмотрѣніе, ликвидировать или сузить вліяніе атаманщины, поставить на верхи опытный командный составъ и упорядочить снабженіе; тогда къ веснѣ 1920 года можно будетъ имѣть небольшую, но надежную и хорошо управляемую армію и готовые резервы за ней, т. е. то, что нужно, чтобы быстро, какъ говорится, въ два счета, покончить съ красной арміей. Одновременно надо добиться занятія тыла союзными гарнизонами и введенія тамъ законности и здороваго порядка.

Развѣдка сообщаетъ, что нажимъ красныхъ долженъ ослабѣть, такъ какъ имѣются де данныя, что большевики собираются, въ случаѣ развитія успѣховъ Деникина, отходить на Туркестанъ, Индію, Персію и Китай, чтобы зажечь тамъ такой красный пожаръ, который спалитъ всѣхъ союзниковъ. Наши оптимисты готовы строить на этомъ самые радужные планы.

5 Августа. Отходъ фронта продолжается; остатки третьей арміи съ огромнымъ трудомъ выкарабкиваются изъ того катастрофическаго положенія, куда завело ихъ честолюбіе Лебедева и его желаніе спасти свою валящуюся репутацію. Все положеніе теперь зиждется на томъ, что сдѣлаетъ Дитерихсъ; пока, онъ отдалъ весьма дѣльныя распоряженія самымъ спѣшнымъ порядкомъ отвести за Тоболъ наиболѣе разстроенныя части армій и дать имъ отдышаться; не нравится мнѣ только то, что, какъ заявлено, это дѣлается для послѣдующаго перехода въ наступленіе, т. е. для того, на что мы совершенно сейчасъ неспособны. Эта нелѣпая привязанность къ наступленію во что бы то ни стало и боязнь «подлой» обороны составляютъ лейтъ-мотивъ нашей Ставки, гдѣ главныя мѣста по оперативной части заняты преподавателями нашей военной академіи, помѣшавшейся послѣ 1905 года на идеѣ наступленія; у насъ, вѣдь, даже уничтожили самое слово «оборона» и подвергали херему всякаго, кто осмѣливался даже мыслить, что на войнѣ бываютъ, — и нерѣдко, — такіе случаи, когда оборона является лучшимъ способомъ дѣйствія.

Бывая въ Ставкѣ, отдыхаю, глядя на работу Полевого Инспектора Артиллеріи генерала Прибыловича, выполнившаго и продолжающаго выполнять огромную и планомѣрную работу по возстановленію нашей артиллеріи; самъ Прибыловичъ это рѣдкій талантъ по организаціи, подвижникъ идеи и долга, поразительный примѣръ для всѣхъ подчиненныхъ въ отношеніи добросовѣстности, работоспособности и выполненія идеала быть первымъ среди подчиненныхъ по работѣ и послѣднимъ на отдыхѣ; все у него систематизировано, налажено, находится у него въ рукахъ и даетъ блестящіе результаты.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; передъ засѣданіемъ обычный въ такихъ случаяхъ докладъ о положеніи на фронтѣ, дѣлаемый, по вступленіи въ должность перваго генералъ-квартирмейстера генерала Андогскаго, лично имъ самимъ; докладъ оставилъ на мнѣ самое непріятное впечатлѣніе своимъ оптимизмомъ и замазываніемъ очень тяжелаго положенія; вмѣсто того, чтобы сказать членамъ Правительства правду, Андогскій очень цвѣтисто, съ апломбомъ опытнаго лектора повѣствовалъ объ «оздоровленіи армій», о возможности скоро опять перейти въ наступленіе и о томъ, что въ Челябинской операціи наши войска показали блестящія способности маневрировать; такія вещи можно докладывать только по незнанію и по неспособности понять положеніе армій или же съ завѣдомымъ намѣреніемъ скрыть правду и выгородить Ставку.

Быть можетъ, вполнѣ допустимо нѣсколько вуалировать подобные доклады, особенно въ деталяхъ, которыя, не будучи существенными, способны навести ненужное уныніе на малопонимающихъ военное дѣло членовъ правительства, жены, друзья и подчиненные которыхъ немедленно растащатъ панику по всѣмъ стогнамъ столичнаго града Омска; но такая разумная осторожность безконечно далека отъ того благополучія, хвастовства и славословія, коими журчалъ сегодня сладкоглаголивый академистъ.

Вмѣсто чрезвычайно опаснаго гашиша такого лживаго оптимизма, представитель Ставки, уполномачиваемый освѣдомлять Правительство о состояніи фронта и ходѣ боевыхъ дѣйствій, обязанъ сказать членамъ Правительства правду, показать имъ опасность положенія, убѣдить ихъ въ необходимости сильныхъ рѣшеній, однимъ изъ коихъ долженъ быть немедленный отъѣздъ правительства и адмирала изъ Омска, что очень легко объяснить, включивъ Омскъ въ армейскій районъ, что дѣлаетъ пребываніе правительства въ немъ недопустимымъ и по логикѣ и по положенію о полевомъ управленіи войскъ.

Вѣдь, таково желаніе фронта, Дитерихса, командующаго войсками Омскаго округа и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя понимаютъ, что прочность правительственной власти не можетъ зависѣть отъ пребыванія ея въ Омскѣ; французское правительство не хотѣло оставлять Парижъ въ самыя тяжелыя минуты нѣмецкаго навала на фронтъ, но было бы по дѣтски глупо и смѣшно равнять нашу растрепанную казачью станицу и фактъ переѣзда изъ нея довольно безразличнаго для населенія правительства съ фактомъ переноса французской столицы куда-нибудь на югъ Франціи.

Третьяго дня, въ кабинетѣ предсѣдателя совѣта министровъ я очень осторожно началъ разговоръ о своевременности подумать о переѣздѣ на востокъ, но на меня накинулись такъ, какъ будто я говорю нѣчто недопустимое; особенно горячился искренній, рѣшительный и импульсивный Пепеляевъ; сегодня, послѣ доклада Андогскаго, наши оптимисты совсѣмъ расцвѣли и, подойдя ко мнѣ, говорили: «вотъ видите, какъ вы ошибались, говоря о положеніи фронта». Отвѣтилъ имъ, что остаюсь при старомъ мнѣніи, такъ какъ считаю, что лучше переѣхать заблаговременно, чѣмъ въ обстановкѣ общаго пожара; это будетъ только умная гарантія отъ всякихъ случайностей и объ этомъ нужно думать такъ же, какъ и о томъ, чтобы бросить бредни о наступленіи, а перейти къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣпимся настолько, чтобы имѣть дѣйствительное право на наступленіе.

Вечеромъ засѣданіе у адмирала съ приглашеніемъ всѣхъ старшихъ генераловъ; надѣялся, что наконецъ то все обсудимъ и примемъ сильныя рѣшенія, а вышло, что только поболтали и размѣнялись на самыя жалкія мелочи.

Очень много бубнилъ Ивановъ-Риновъ, настоящій митинговый ораторъ; адмиралъ слушалъ его съ удовольствіемъ, потому что тотъ подавалъ матерьялъ, приходившійся по душѣ адмиралу.

Безконечно долго жевали вопросъ объ организаціи бѣлой гвардіи, ставшимъ очереднымъ, модной nouveauté, въ которой видятъ спасеніе отъ всѣхъ золъ. Ивановъ-Риновъ съ наслажденіемъ старой полицейской ищейки смаковалъ вопросъ объ облавкахъ въ Омскѣ на офицеровъ и о постановкѣ по Иртышу постовъ для ловли дезертировъ съ немедленнымъ ихъ разстрѣломъ; казалось бы, что столь высокому и собранному для важной цѣли совѣщанію совершенно неумѣстно заниматься такой дрянью, но на ней проболтали больше часа.

Едва добился слова и высказалъ, что спасеніе не въ созданіи насильственно бѣлой гвардіи, не въ сугубыхъ карательныхъ мѣрахъ, а въ установленіи крѣпкой и реальной власти, приказы и распоряженія которой безпрекословно исполнялись бы ея агентами и были бы для населенія не только жупеломъ и писаной бумагой; надо покончить съ атаманщиной на фронтѣ и въ тылу и съ разными автономными организаціями; надо, чтобы власть была освобождена отъ тлетворнаго вліянія разныхъ кружковъ, партій, сословныхъ и классовыхъ организацій.

Немыслимо существованіе такой власти, которой приходится гадать на пальцахъ исполнятъ или нѣтъ отданное распоряженіе и при неисполненіи дѣлать видъ, что она это не замѣчаетъ.

Съ военной точки зрѣнія дряблая власть не мыслима и всѣ атаманствующіе элементы должны быть сокрушены во что бы то ни стало, ибо это бѣлый большевизмъ, язва, гангрена, которая насъ слопаетъ.

Нужны героическія мѣры по сокращенію армій, по уничтоженію расплодившихся штабовъ и по расформированію дивизій въ 400 штыковъ при 6—7 тысячахъ нестроевыхъ и штабныхъ чиновъ. На командныя должности надо поставить настоящихъ начальниковъ, умѣющихъ распоряжаться боемъ и войсками; нужно, чтобы начальники и штабы всколыхнулись и своимъ примѣромъ показали, какъ надо служить родинѣ въ столь тяжкія времена. Надо открыто глядѣть въ лицо опасности отъ развала офицерства, потерявшаго тѣ кадры героевъ, которые простыми бойцами поднялись противъ господства красныхъ мучителей своей родины и своего народа.

Нужно все это сознать, оцѣнить всю его важность и грозность, поставить на очередь текущаго часа цѣлый рядъ неотложныхъ организаціонныхъ реформаціонныхъ вопросовъ и властно ихъ осуществить; полицейскія же мѣры, облавы и пр. предоставить усмотрѣнію командующаго войсками округа и его комендантамъ.

Затѣмъ, я коснулся вопроса о резервахъ, о несоотвѣтственныхъ способахъ ихъ подготовки и выразилъ сожалѣніе, что фронтъ израсходовалъ наши послѣдніе резервы, причемъ было нарушено обѣщаніе не трогать ихъ ранѣе середины Августа.

Адмиралъ былъ очень разсерженъ моимъ докладомъ, не далъ мнѣ кончить, а, когда я хотѣлъ впослѣдствіи возражать Иванову-Ринову, то сдѣлалъ видъ, что не слышитъ моей просьбы дать мнѣ слово.

Меня рѣшительно, но одиноко поддержалъ одинъ только генералъ Матковскій, заявившій, что вполнѣ присоединяется къ словамъ управляющаго военнымъ Министерствомъ. Моя горячая рѣчь осталась только сотрясеніемъ воздуха; вмѣсто ея обсужденія, занялись вновь полицейскими измышленіями Иванова-Ринова. Только старая дисциплина удержала меня отъ того, чтобы встать, извиниться какимъ-нибудь предлогомъ и уйти изъ этого засѣданія.

Вернувшійся съ фронта Лебедевъ выглядитъ по прежнему важно, беззаботно и весело, его пустая голова и ничтожное сердце, очевидно, не понимаютъ, что его честолюбіе проложило арміи и родинѣ длинную тропу бѣдъ и испытаній; что, благодаря его профессіональной безграмотности, сведены на нѣтъ всѣ успѣхи прошлаго года и что сейчасъ наше спасеніе только въ томъ, чтобы немедленно выгнать изъ Ставки его и его никчемушнихъ сотрудниковъ по погубленію сибирскихъ бѣлыхъ войскъ и начать все снова.

Лебедевъ со свойственной ему рѣзкостью и надменностью набросился на Матковскаго за то, что подчиненный послѣднему округъ не сумѣлъ приготовить во время 11, 12 и 13 дивизіи, сказавъ, что начальники дивизій и командиры полковъ оказались никуда не годны, такъ какъ управляли боемъ по телефону

Чѣмъ виноватъ Матковскій, все время докладывавшій, что дивизіи для боя не готовы, въ томъ, что эти дивизіи были жульническимъ образомъ уведены на фронтъ, гдѣ ихъ погнали въ бой, не считаясь съ тѣмъ, что онѣ не умѣли маневрировать и не кончили курсовъ стрѣльбы. При этомъ погнали въ бой чуть ли не изъ вагоновъ, поставили сложнѣйшія боевыя задачи; одна изъ дивизій была пущена въ бой послѣ 62 верстнаго перехода, причемъ послѣднія 16 верстъ ее гнали форсированнымъ шагомъ; такихъ преступныхъ экспериментовъ не выдержали бы и многія дивизіи старой кадровой арміи.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ. Общая грозовая атмосфера развязала языки и начались взаимные попреки и уязвленія. Преображенскій очень ядовито сказалъ, что доправительствовались до того, что даже грудныя дѣти насъ ругаютъ. Раздрайка выяснилась капитальная.

Хотѣли по примѣру всѣхъ запутанныхъ и катастрофическихъ временъ и положеній образовать совѣтъ обороны съ участіемъ въ немъ министровъ.

Какъ представитель военнаго вѣдомства, рѣшительно высказался противъ, заявивъ, что въ обычное время это было бы вполнѣ цѣлесообразно, но сейчасъ нужна сильная и единая на фронтѣ власть и одна довѣренная голова, и связывать ихъ разными совѣтами не время; пользы отъ этого никакой, а всякой проволочки и возможнаго вреда сколько угодно.

Въ городѣ сплетничаютъ, что нѣкоторые дальновидные министры достали, на всякій случай, пролетарскіе костюмы.

Адмиралъ опять уѣхалъ на фронтъ, убѣждаемый близкими совѣтниками, что въ этомъ что-то магическое, способное выправить положеніе.

Тюмень накануне перехода къ краснымъ. Дитерихсъ пытается произвести реорганизацію армій, но сейчасъ это почти неосуществимо въ обстановкѣ общей разрухи.

Иностранцы подъ разными благовидными предлогами начинаютъ отбывать на востокъ — зловѣщій признакъ того, что мы «взвѣшены» и найдены «легкими».

Вечеромъ потерялъ нѣсколько часовъ въ безнадежной теперь комиссіи по снабженію предметами первой необходимости населенія мѣстностей, освобождаемыхъ отъ большевизма; какъ это характерно для нашей правительственной работы внѣ времени и пространства; неужели же нѣтъ ничего болѣе срочнаго и реальнаго?

Въ довершеніе словеснаго потопа, на засѣданіе прибыли новые члены изъ состава Гос. Экон. Совѣщанія, пожелавшіе отличиться; они томительно заливали насъ потоками краснорѣчія на разныя темы о выѣденномъ яйцѣ.

7 Августа. Лебедевъ пытается проявлять кипучую дѣятельность; собралъ, какъ военный замѣститель адмирала, продолженіе послѣдняго совѣщанія. Просидѣли мы около шести часовъ, занимаясь невѣроятными пустяками. Началось съ созданія бѣлой гвардіи и первымъ ораторомъ выступилъ самъ наштаверхъ, понесшій какую-то дѣтскую околесицу. На этотъ разъ не выдержалъ, перебилъ его докладъ и коротко выявилъ всю его несостоятельность.

Важный наштаверхъ натопорщился и попробовалъ стать въ положеніе повелѣвающаго, но я закусилъ удила; единодушная поддержка большинства участниковъ засѣданія, мнѣ выявленная, сбила Лебедева съ гордой позиціи.

Вглядываясь все чаще во внутреннее содержаніе этой большой по наружности, но ничтожной по содержанію фигуры, завидуешь удачѣ большевиковъ и неблагосклонности къ намъ фортуны, выбросившей во главу распоряженія сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовый, но очень рѣшительный Сахаровъ пытался опять наступать, причемъ окончательно расквасилъ послѣдніе сохранившіеся остатки своей арміи. При этомъ произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрываютъ.

Дитерихсъ занялся приведеніемъ въ порядокъ армейскихъ тыловъ; сейчасъ это легче сдѣлать, такъ какъ многочисленные штабы, управленія и хозяйственные склады, спасая свои шкурки и достатки, въ паническомъ стремленіи удрать подальше отъ фронта, проскочили за Омскъ, лишились непосредственнаго заступничества своихъ командармовъ и ихъ сейчасъ не трудно ущемить и ликвидировать. Дитерихсъ послалъ нѣсколько полномочныхъ комиссій, чтобы все это разобрать.

Въ Барнаульскомъ районѣ начались крупныя возстанія — результатъ хозяйничанья разныхъ карательныхъ экспедицій и отрядовъ особаго назначенія; къ Вологодскому пріѣзжалъ изъ Славгорода какой-то крестьянинъ, изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, и жаловался, что въ ихъ округѣ нѣтъ деревни, въ которой по крайней мѣрѣ половина населенія не была перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы съ возстаніями, но очень храбрыми по части измывательства надъ мирнымъ населеніемъ).

Предлагалъ Пепеляеву внести совмѣстно проектъ объ установленіи для чиновъ милиціи и особыхъ отрядовъ тройныхъ окладовъ пенсій и жалованья, дабы привлечь туда болѣе здоровые элементы.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что очень бы хотѣлъ улучшить ихъ матерьяльное положеніе, но боится переобременить средства государственнаго казначейства; я разозлился и сказалъ, что эта боязнь доведетъ до того, что и казначейства не будетъ, да и боящихся тоже.

8 Августа. Продолжительное засѣданіе Совѣта Министровъ съ вызовомъ туда Лебедева и всѣхъ генералъ-квартирмейстеровъ. До начала засѣданія поднялъ вопросъ объ эвакуаціи Омска, указавъ, что таково общее желаніе фронта, Дитерихса, окружного начальства. Получилъ отвѣтъ, что зато категорически противъ самъ адмиралъ и всѣ союзники, которые де считаютъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска это его гибель, и что таково мнѣніе всѣхъ знающихъ настроеніе Сибири.

Что касается ссылки на населеніе, то это форменная ложь, ибо правительствомъ настолько не интересуются, что 90% не обратитъ даже вниманіе на такое перемѣщеніе; используетъ этотъ фактъ, конечно, большевистская пропаганда и антиправительственная агитація, но этой прелести на нашей шеѣ и за нашей спиной столько, что никакой новый добавокъ не ухудшитъ общаго положенія.

Тонъ совѣщанія былъ данъ Михайловымъ, который съ огромнымъ пафосомъ, звенящимъ голосомъ и въ очень красивыхъ фразахъ заявилъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска невозможенъ и что оно должно оставаться здѣсь до самаго конца.

Послѣ этого начала, многіе члены Совѣта, напоминавшіе до начала засѣданія мокрыхъ курицъ, взбодрились и полились рѣчи въ духѣ Мининыхъ и Пожарскихъ, вплоть до выхода всѣхъ министровъ съ винтовками въ рукахъ, когда придется защищать Омскъ.

Слушалъ въ полномъ неодумѣніи; какой злой рокъ отнимаетъ у очень неглупыхъ и по своему дѣльныхъ людей здравый смыслъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ?

Лебедевъ и бывшіе съ нимъ генквары расписали полное благополучіе на фронтѣ и быстрое возрожденіе или, какъ выражается Андогскій, «оздоровленіе арміи».

Я деликатно спросилъ, провѣрены ли Ставкой эти оптимистическія, а для меня лично очень сомнительныя свѣдѣнія, и получилъ отвѣтъ Лебедева, что были посланы генералы и чины развѣдки, которые подтвердили правдивость утѣшительныхъ донесеній штармовъ и штабовъ группъ.

Такой опредѣленный отвѣтъ долженъ лечь на совѣсть его дающихъ. Я ему не вѣрю, такъ какъ я видѣлъ десятки прибывшихъ съ фронта настоящихъ, понимающихъ дѣло офицеровъ и большинство ихъ говоритъ другое и столь ярко и опредѣленно, что даже съ поправкой на неизбѣжный пессимизмъ, выводы получаются не только неутѣшительные, но почти что безнадежные. По заявленію фронтовыхъ офицеровъ, главная болѣзнь нашихъ скороспѣлыхъ формированій: «не хотятъ воевать, не хотятъ ходить, не хотятъ терпѣть», ну, а съ этимъ ничѣмъ, кромѣ чисто комиссарскихъ и намъ неподходящихъ средствъ, уже не справиться.

Какъ ни какъ, а Лебедевъ очень твердо заявилъ Совѣту Министровъ, что арміи черезъ двѣ недѣли перейдутъ въ новое рѣшительное наступленіе; къ этому блюду былъ преподнесенъ соусъ изъ сфабрикованныхъ, несомнѣнно, въ развѣдкѣ свѣдѣній о полнѣйшемъ разложеніи красной арміи. Какъ это мало вяжется съ тѣмъ, что было подъ Челябинскомъ, когда мы, употребляя выраженія Андогскаго, великолѣпно маневрировали и войска проявили высокія боевыя качества, и все же ушли съ разбитыми носами, не будучи въ состояніи разбить «разлагающіяся красныя войска». Хотѣлось спросить

Лебедева, кто же вретъ, онъ самъ или квартирмейстеръ, завѣдывающій операціями, или квартирмейстеръ, вѣдающій развѣдкой.

Въ концѣ засѣданія получена телеграмма Верховнаго Правителя о немедленной эвакуаціи изъ Омска всѣхъ министерствъ; я облегченно вздохнулъ и мысленно поблагодарилъ Дитерихса, подъ вліяніемъ котораго было принято это благое и умное рѣшеніе.

Это было полной неожиданностью, такъ какъ только что Совѣтъ Министровъ, успокоенный заявленіемъ Лебедева, рѣшилъ изъ Омска не уходить и Омска не эвакуировать.

Начались новые дебаты, въ результатѣ которыхъ превозобладало рѣшеніе Михайловскаго большинства, всецѣло поддержаннаго представителями Ставки, и Совѣтъ Министровъ, не обращая вниманіе на телеграмму Адмирала, постановилъ изъ Омска не уѣзжать, а только свернуть министерства до послѣдней возможности съ тѣмъ, чтобы ихъ легче было потомъ эвакуировать.

Вмѣсто дѣла, рѣшили заняться взывательной и рекламной шумихой и «показать странѣ и населенію, что Правительство бодро смотритъ на будущее, что оно сильно, рѣшительно и перешло къ властной, энергичной работѣ на устройство страны и на ея защиту. Что можетъ быть пустопорожнѣе этихъ трескучихъ фразъ послѣ годовой дѣятельности, реально показавшей, что сумѣло дать странѣ это самое правительство во время расцвѣта своей силы и кульминаціоннаго положенія. Кто повѣритъ теперь трескучкѣ, которой завтра оклеятъ всѣ Омскіе заборы и плакатныя доски на большихъ станціяхъ. Вѣдь, населеніе цѣнитъ насъ не по величинѣ плакатовъ и не по звучности взывательныхъ фразъ, а по дѣламъ нашимъ.

Вообще, къ концу засѣданія паръ поднялся очень высоко, но я видѣлъ, какимъ онъ былъ въ началѣ засѣданія, а то, что такъ быстро поднимается, падаетъ въ минуты испытаній еще быстрѣе.

Сначала хотѣлъ подать особое мнѣніе, но видя, что михайловское правительство побѣдило, и что рѣшенія объ эвакуаціи Омска не измѣнить, махнулъ рукой; вышло кстати, такъ какъ при голосованіи оказалось, что при присутствіи Лебедева я права голоса не имѣю.

Вторая часть засѣданія ушла на обсужденіе вопроса о созданіи Комитета обороны; Тельбергъ, ярый сторонникъ этой идеи поднесъ ее подъ умѣло составленнымъ соусомъ и получилъ одобреніе Лебедева и Ко. Рѣшеніе запоздалое; существуй комитетъ раньше, быть можетъ, при его помощи можно было парализовать неумѣлую дѣятельность Ставки и справиться съ безпорядками по Министерству Снабженія; сейчасъ же — уже не до комитетовъ.

Получилъ непріятное извѣстіе, что вагоны, отправленные мной для южной арміи, туда не проскочили; произошло это потому, что офицеры пріемщики не поѣхали вмѣстѣ съ эшелонами и послѣдніе, никѣмъ не опекаемые, болтались по станціямъ и попали въ Челябинскъ уже ко времени его очищенія и ихъ погнали назадъ въ Курганъ. Сообщилъ объ этомъ командарму южной съ просьбой разстрѣлять немедленно этихъ пріемщиковъ, если тѣ къ нему явятся.

Положеніе южной арміи трагическое; она всегда была какимъ-то пасынкомъ — сначала у западной арміи, а потомъ у фронта; у ней не было собственной этапной линіи и ей перепадало только то, что благоволила пропустить западная армія. Между тѣмъ, судя по всѣмъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ, у командующаго этой арміей генерала Бѣлова хорошо сдѣланная голова, правильно поставленное мышленіе, хорошее знаніе дѣла, пониманіе значенія тыла и заботливость о войскахъ.

При наличіи въ нашихъ операціяхъ здраваго смысла, южной арміи должно было принадлежать преобладающее значеніе, какъ ближайшей къ Деникину, но этого (причины, Господи, Ты вѣси) не произошло.

Сейчасъ наши ставочные стратеги сначала привели эту армію на край гибели, обезпечивая ей Челябинскую авантюру съ юга и задерживая ея своевременный отходъ, а потомъ валятъ на нее, такія несосвѣтимыя по своему идіотству задачи — «обязательнаго прикрытія дороги на Ташкентъ, для чего ей разрѣшается постепенно отходить, скользя лѣвымъ флангомъ вдоль Ташкентской желѣзной дороги». Только протухшіе мозги могутъ

родить такую задачу, очень эфектную въ академической аудиторіи или въ диссертаціи, но нелѣпую въ современномъ положеніи южной арміи.

Безпокоюсь очень за Уральцевъ и ихъ снабженіе; то, что слышу про этихъ этическихъ борцовъ противъ красныхъ, сдѣлало ихъ моей слабостью, и я готовъ на все, чтобы имъ помочь. Самъ теперь уже безсиленъ продолжать что-нибудь имъ посылать и усердно просилъ Нокса взять ихъ снабженіе на себя подачей всего необходимаго по Каспійскому морю на Гурьевъ. Отзывчивый, какъ всегда, Ноксъ обѣщалъ сдѣлать все возможное.

9 Августа. Маленькій проблескъ пріятнаго въ видѣ надежды наладить собственную выдѣлку хирургическихъ инструментовъ, гигроскопической ваты и лигнина; нашелъ машины и знающихъ дѣло людей; во всемъ этомъ огромная нужда и возможность стать на собственныя ноги очень пріятна.

Вернулся домой въ три часа утра; такъ долго тянулось засѣданіе совѣта министровъ, въ которомъ большинствомъ семи голосовъ противъ шести одобренъ проектъ совѣта обороны, для фронта совершенно не пріемлемый. Я долго боролся противъ этого рѣшенія, но видя свое безсиліе, написалъ записку-протестъ и передалъ ее Бурлину съ просьбой доложить адмиралу мое мнѣніе.

Вотъ, если удержимся до зимы, то тогда надо обязательно создать такой совѣтъ, но не въ Тельберговской или совѣтской редакціи, а какъ помощь адмиралу въ его работѣ и какъ коррективъ Ставки и Снабженій. У Тельберга получается очень скверная копія гофкригсрата, да еще изъ штатскихъ людей.

Вчера состоялась публичная лекція полковника Котомина, бѣжавшаго изъ Красной Арміи; присутствующіе не поняли горечи лектора, указавшаго на то, что въ комиссарской арміи много больше порядка и дисциплины, чѣмъ у насъ, и произвели грандіозный скандалъ, съ попыткой избить лектора, одного изъ идейнѣйшихъ работниковъ нашего національнаго Центра; особенно обидѣлись, когда К. отмѣтилъ, что въ красной арміи пьяный офицеръ невозможенъ, ибо его сейчасъ же застрѣлитъ любой комиссаръ или коммунистъ; у насъ же въ Петропавловскѣ идетъ такое пьянство, что совѣстно за русскую армію.

10 Августа. Новая серія картинъ Омскаго кинематографа. Лебедева рѣшили убрать, а на его мѣсто по должности Наштаверха и Военнаго Министра назначается Дитерихсъ, остающійся вмѣстѣ съ тѣмъ и Главнокомандующимъ Восточнымъ фронтомъ; сначала вздваивали должности, а теперь начинаютъ ихъ встраивать; неужели же думаютъ, что единство и стройность управленія достигаются сваливаніемъ въ одну кучу трехъ совершенно несовмѣстимыхъ должностей — командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нѣтъ людей, чтобы хорошо справиться съ каждой изъ этихъ трехъ должностей въ отдѣльности, и въ то же время валятъ на одного человѣка всѣ ихъ три вмѣстѣ.

Лебедева назначили командующимъ южной степной группой, выдумавъ это абсолютно ненужное новое соединеніе только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшаго уже невтерпежъ всѣмъ наштаверха. Намъ надо уничтожить десятки ненужныхъ штабовъ и управленій; мы комичны съ нашими безчисленными штабами, и, несмотря на это, создаемъ новый штабъ арміи, т. е. цѣлое грандіозное по личному составу учрежденіе только ради того, чтобы устроить золотой мостъ выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Ивановъ-Риновъ развертывается все шире и шире, гребетъ деньги и матерьялы обѣими лапами, грозно машетъ руками и сулится не только все выручить, но и неукоснительно покорить подъ нозѣ всѣхъ противящихся.

Былъ вызванъ къ новому Военному Министру Дитерихсу; видѣлъ его впервые; впечатлѣніе унесъ смѣшанное; есть какое-то «но», въ которомъ еще не разобрался. Первыя распоряженія до нельзя странныя, такъ какъ упраздняются только-что сформированные штабы фронта и управленія главнаго начальника снабженій фронта и снабженіе армій возлагается непосредственно на Главныя Управленія Военнаго Министра, то есть что-то весьма импровизированное и противорѣчащее всему духу положенія о полевомъ управленіи войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заявляется, что вся эта реформа только на 4—6

недѣль, а когда начнется уже рѣшенное наступленіе и фронтъ пойдетъ впередъ, то управленія главнаго начальника снабженій будутъ опять возстановлены.

Изъ этихъ распоряженій лѣзетъ какое-то непонятное мнѣ легкомысліе и подозрѣніе, что новое трехглавое начальство совершенно не представляетъ себѣ, какъ производятся и что значатъ такія преобразованія и реформы. Это напоминаетъ горизонтъ очень мелкаго радіуса; даже странно, что бывшій генералъ-квартирмейстеръ настоящаго фронта не понимаетъ, что такое значитъ сформировать и расформировать десятокъ очень сложныхъ отдѣловъ, составляющихъ управленіе снабженій.

По сообщенному же плану выходитъ, что для Дитерихса эти сложныя, требующія многихъ недѣль времени передѣлки, представляются тѣмъ-же, что переложить поводья изъ одной руки въ другую.

Вѣдь, даже при отлично налаженной общей организаціи, всѣ такія реформы очень болѣзненно отзываются на войскахъ, перебиваютъ обычный укладъ ихъ существованія, вызываютъ разлаженность снабженія и всевозможныя задержки.

Едва войсковые штабы и управленія къ чему нибудь привыкнутъ, мы все ломаемъ и подносимъ имъ новое; все это вызываетъ въ нашей скрипучей системѣ такіе мертвые ходы, что у насъ вверху идетъ вторая или третья перестройка, а низы продолжаютъ жить по позавчерашней первой.

Изслѣдованіе удравшихъ въ районъ Новониколаевска и даже Красноярска армейскихъ и войсковыхъ тыловыхъ учрежденій дало ничуть меня не удивившія открытія въ видѣ 30 тысячъ паръ сапогъ въ одномъ эшелонѣ, 20 тысячъ паръ суконныхъ шароваръ въ другомъ, 29 тысячъ паръ бѣлья въ третьемъ и пр. и пр.; нашли вагоны съ револьверами, биноклями и разнымъ снаряженіемъ, надъ которымъ мы распластывались, стараясь возможно скорѣе подать его войскамъ; все это попадало въ руки разныхъ начхозовъ, не въ мѣру заботливыхъ о будущихъ нуждахъ своихъ частей, и складывалось ими про запасъ на будущее время. А фронтъ и арміи вопили, что у нихъ ничего нѣтъ, не пытаясь даже заглянуть въ хранилища своихъ же частей и учрежденій.

Случай на почтѣ далъ мнѣ возможность познакомиться съ какой-то таинственной бухгалтеріей между чехами и Жаненомъ; ко мнѣ попалъ конвертъ, шедшій отъ какой-то чешской комиссіи къ Жанену съ требовательной вѣдомостью текущихъ ассигнованій. Дежурный офицеръ вскрылъ конвертъ и положилъ мнѣ въ очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мнѣ попала, но, пробѣгая ради любопытства вѣдомость, узрѣлъ что, вслѣдъ за разными рубриками на разные виды довольствія, указывается къ зачету круглая сумма въ девять милліоновъ франковъ «за спасеніе для русскаго народа Каслинскаго завода».

Выходитъ, что чехи не только нагребли у насъ сотни вагоновъ нашего имущества и разбогатѣли на нашемъ несчастіи, но и ставятъ на какой-то таинственный счетъ разныя «спасенія», связанныя съ ихъ вооруженнымъ выступленіемъ противъ большевиковъ.

Отправилъ эти вѣдомости по назначенію, штабъ Жанена поднялъ цѣлую бурю, требовалъ суроваго наказанія начальника полевой почтовой конторы; очевидно, эта бухгалтерія составляетъ пока секретъ ходкихъ на разныя пріобрѣтенія чеховъ и ихъ покладливаго шефа и не подлежитъ оглашенію до тѣхъ поръ, пока не будетъ предъявленъ при надлежащей обстановкѣ общій счетъ за чешскія услуги.

11 Августа. Родилась новая организація Ставки: Дитерихсъ въ тройной коронѣ своихъ должностей съ тремя помощниками Андогскимъ, Бурлинымъ и мною, причемъ опять заявлено, что это только на нѣсколько недѣль, до начала наступленія, которое назначено въ началѣ Сентября.

Затѣмъ, все будетъ такъ, какъ рѣшитъ ѣдущій сюда генералъ Головинъ, назначаемый начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Наступленіе будутъ вести Сахаровъ и Лебедевъ, причемъ послѣднему дадутъ всѣхъ казаковъ. Совершенно не понимаю, какое наступленіе возможно съ остатками нашихъ развалившихся армій и при полномъ отсутствіи какихъ-либо резервовъ.

Имѣлъ двухчасовой разговоръ съ Дитерихсомъ; онъ понимаетъ недостатки существующей организаціи фронта, но недостаточно рѣшителенъ въ вопросѣ сокращенія

старшихъ штабовъ; къ сожалѣнію, онъ усвоилъ себѣ сибирскую точку зрѣнія на то, что гражданская война требуетъ старшихъ начальниковъ, ходящихъ въ атаку съ винтовкой въ рукѣ. Положеніе армій онъ учитываетъ неправильно, но считаетъ себя непогрѣшимымъ авторитетомъ, подчеркивая, что все послѣднее время онъ провелъ въ самой гущѣ войскъ и отлично знаетъ ихъ состояніе и настроенія.

Такое неправильное знаніе хуже незнанія, ибо, при увѣренности въ правильности взгляда, поведетъ Дитерихса на рѣшительные шаги по части наступленія. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ мое мнѣніе, что арміи уже неспособны къ наступленію и разсказалъ мнѣ идею предстоящей операціи; наступленіе рѣшено вести въ пространствѣ между Тоболомъ и Ишимомъ, нанося главный ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ, на которомъ предположено сосредоточить всѣ конныя части. По идеѣ планъ совсѣмъ хорошій, но по состоянію войскъ и неимѣнію резервовъ для развитія длительной и напряженной операціи, неосуществимый.

На мое замѣчаніе о томъ, что по моимъ свѣдѣніямъ солдаты, да и часть офицеровъ не хотятъ воевать, Дитерихсъ очень сухо замѣтилъ, что все это очень преувеличено и искажено разными болтунами, и затѣмъ все время держалъ меня въ рамкахъ разговора о снабженіи; выходило на манеръ «сапожникъ, знай свои сапоги».

Тѣмъ не менѣе я спросилъ Дитерихса, какіе же у него планы на случай неудачнаго наступленія, на что онъ отвѣтилъ: «разобьемся на партизанскіе отряды и, какъ въ 1918 году, начнемъ снова». Это уже полный абсурдъ, ибо трудно представить себѣ обстановку, болѣе отличную отъ 1918 года, чѣмъ настоящая; тогда мы боролись съ разрозненными толпами мѣстной красноармейщины, а сейчасъ противъ насъ регулярная армія, руководимая военными спецами изъ нашего же брата; тогда населеніе было за насъ, а теперь оно противъ насъ; все это дѣлаетъ партизанскую войну для насъ почти невозможной.

Приходилъ сіяющій и торжествующій Ивановъ-Риновъ, плавающій въ блаженствѣ разведенной имъ шумихи, торжествъ, рѣчей и похвальбы разгрома красныхъ поднимаемой имъ казачьей силой.

Идетъ печальное повтореніе поднять настроеніе надрывомъ и угаромъ трескучихъ фразъ; пользы отъ этого никакой, а вреда очень много, ибо туманитъ глаза, застилаетъ правду, смягчаетъ остроту положенія и настраиваетъ на неумѣстный оптимизмъ.

Поднимать настроеніе не мѣшаетъ, но это надо дѣлать умѣло и не словами, а дѣлами; когда же туманъ застилаетъ дорогу «консуламъ, которымъ надо зорко смотрѣть далеко впередъ», то немудрено свалиться въ яму.

Въ нашей гнилой атмосферѣ очень успѣшно зарождаются разныя песьи мухи: прибывшій съ юга генералъ Лебедевъ 2-й, принявъ, вмѣсто Касаткина, должность главнаго начальника военныхъ сообщеній, выговорилъ себѣ право немедленнаго возвращенія обратно въ Екатеринодаръ для выбора себѣ тамъ помощниковъ и состава служащихъ, ибо мѣстные, по его заключенію, никуда не годны.

Ну, что все это онъ написалъ въ докладѣ, это еще понятно, ибо со временъ революціи всѣ обнаглѣли; но то, что Дитерихсъ далъ свое согласіе на эти условія, прямо умопомрачительно; трудно сказать, что больше: наглость просившаго или абсурдность давшаго.

Выходитъ, что явился изъ за морей нѣкій гусь, отказался ѣхать на фронтъ, ухватилъ кстати подвернувшееся и подходящее по цензу мѣсто, призналъ всѣхъ неучами, повертѣлъ носомъ, и, вмѣсто того, чтобы работать и учить насъ неучей, отбываетъ опять на югъ примѣрно на 5—6 мѣсяцевъ, предоставляя неучамъ за него работать.

Написалъ письмо наштаверху съ протестомъ противъ такого нелѣпаго назначенія; въ былыя времена въ генеральномъ штабѣ такіе случаи были органически невозможны.

Приходилъ ко мнѣ порядочно выпившій Ивановъ-Риновъ и въ пьяной болтливости высказалъ нѣсколько весьма характерныхъ мыслей изъ своей системы управленія: 1) предать суду и публично разстрѣлять нѣкоторое количество спекулянтовъ (конечно, жена Его казачьяго Превосходительства, привозившая съ Дальняго Востока товары вагонами, ничего не платя за провозъ, а потомъ публично продававшая ихъ въ Омскѣ по кубическимъ цѣнамъ, къ числу спекулянтовъ не относится).

2) Устраивать постоянныя облавы на офицеровъ и чиновниковъ, причемъ извѣстный процентъ захваченныхъ тутъ же разстрѣливать.

3) Объявить поголовную мобилизацію, ловить уклоняющихся и тоже разстрѣливать.

Симпатичная идеологія, непредвидѣнная даже Щедринымъ, изобразившимъ въ «исторіи одного города» самые разномастные типы россійскихъ помпадуровъ; несомнѣнно, что въ лицѣ этого отставного Держиморды совнаркомъ потерялъ замѣчательнаго предсѣдателя чрезвычайной комиссіи, который затмилъ бы славу Дзержинскаго и Ко.

И, однако, этотъ городовой вылѣзъ на амплуа общаго спасителя и на него съ надеждой и упованіемъ взираетъ вся посѣрѣвшая отъ страха буржуазная слякоть, и ждетъ, что сей рыкающій левъ навѣрняка избавитъ ее отъ краснаго кулака.

12 Августа. Лѣнтяи и трусы заволновались, засуетились; всѣ стали проявлять суматошливую, хаотическую дѣятельность, особливо по части совѣтовъ и спасительныхъ рецептовъ; по діагнозу болѣзней государственно-общественныхъ организмовъ это очень скверные признаки

Сейчасъ омскія канцеляріи и пріемныя напоминаютъ потерявшія регулировку машины или кинематографическія ленты, летящія съ двойной быстротой; обычная картина работы лѣнивыхъ рабовъ, трясущихся передъ надвигающейся грозой и пытающихся въ минуты наверстать то, что потеряно въ часы и дни.

Поздно крѣпить паруса, когда отъ лѣни и недосмотра треснули мачты, а вся корабельная снасть сгнила.

Вся эта суматоха только усугубляетъ общій сумбуръ и отражается на обычной текущей работѣ; въ одно русло сливаются часто самыя противорѣчивыя распоряженія, сталкиваются другъ съ другомъ, отмѣняютъ другъ друга.

Масса охотниковъ быть спасителями; появились прожектеры съ первосортными и безотказными по части спасенія рецептами; какъ и полагается всегда въ такое время, появились изобрѣтатели особоистребительныхъ пушекъ, чудодѣйственныхъ аэроплановъ, бомбъ и пр. и пр., — неизбѣжное явленіе — спутникъ случайнаго нервнаго подъема толпы, сопровождающаго всегда критическіе періоды военнаго счастья.

Аппетитъ Иванова-Ринова по части денегъ и матерьяловъ не знаетъ предѣла; онъ чувствуетъ себя полновластнымъ хозяиномъ положенія и не стѣсняется; хватка у него по этой части настоящая казачья. Сначала говорилось, что казакамъ нужны только однѣ винтовки, но это было повтореніемъ разсказа о приготовленіи щей изъ топора; за винтовками посыпались требованія, подкрѣпляемыя весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполненія, и ко вчерашнему дню сибирскому войску выдано: 102 милліона рублей; все снабженіе лѣтнее и зимнее на 20 тысячъ человѣкъ, сѣдла, упряжь, значительная часть обоза и обозныхъ лошадей.

Все наличіе идетъ казакамъ; снабженіе полураздѣтой и потерявшей свои запасы арміи фактически пріостановлено; на мои заявленія получаю приказанія прежде всего удовлетворить казаковъ.

Исполняю приказы, и вспоминаю разсказы свидѣтелей такого же поголовнаго выхода Оренбургскихъ казаковъ, получившихъ всякое пособіе и снабженіе, а потомъ расплывшихся по своимъ станицамъ.

Кромѣ казны, Ивановъ-Риновъ не забылъ и буржуевъ; биржевымъ комитетамъ Сибири почти что приказано дать деньги для вспомоществованія казакамъ.

Смотря на Ринова, думаю, что онъ временами даже искрененъ во всей дѣятельности и воображаетъ что дѣйствительно изъ его шумихи что нибудь выйдетъ; онъ одурманенъ честолюбіемъ, головокружительнымъ успѣхомъ своей затѣи и увлеченіемъ вѣры въ возможность повести людей на лишенія и подвигъ, взвинтивъ ихъ минутное настроеніе шипучими словами.

13 Августа. Вернулся домой въ 4 ч. утра; въ 11 часовъ ночи началось знаменательное закрытое засѣданіе Совѣта Министровъ; грозность положенія смыла сразу весь глянецъ искусственно дружескихъ отношеній и началась грызня, обвиненія и уязвленія.

Гинсъ обрушился на замѣстителя предсѣдателя Совѣта Министровъ Тельберга и на Совѣтъ Верховнаго Правителя съ яркими обвиненіями въ олигархіи, въ проведеніи

указовъ заднимъ числомъ и т. п. Это развязало языки. 10 мѣсяцевъ совѣтъ министровъ былъ только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и Ко., всѣ насущные вопросы государственной жизни рѣшались въ секретныхъ засѣданіяхъ пятерки министровъ-переворотчиковъ, членовъ Совѣта Верховнаго Правителя, причемъ остальные члены Совѣта Министровъ совершенно не знали, что дѣлается въ этомъ тайномъ Совѣтѣ и какія рѣшенія тамъ принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, плѣнившая представителя верховной власти, помыкавшая имъ по своему желанію и управлявшая его именемъ.

Въ своемъ нападеніи Гинсъ воспользовался тѣмъ, что Тельбергъ, недовольный, что Совѣтъ Министровъ не принялъ его редакціи проекта Совѣта обороны, а утвердилъ его въ иной, неугодной Тельбергу, редакціи, добился подписанія адмираломъ указа, утверждающаго Совѣтъ въ Тельберговской редакціи, причемъ для полученія права первенства и преимущества надъ оставшейся, такимъ образомъ, за флагомъ редакціей Совѣта Министровъ, указъ Верховнаго Правителя былъ помѣченъ заднимъ числомъ (7 Августа) по сравненію съ днемъ соотвѣтственнаго засѣданія Совѣта Министровъ.

Трудно найти названіе этому поступку, совершенному замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министромъ Юстиціи и Генералъ Прокуроромъ ради удовлетворенія своего самолюбія и ради того, чтобы настоять на своемъ; (при этомъ очень характерно, что по Тельберговской редакціи права Совѣта обороны передавались Совѣту Верховнаго Правителя, т. е. той же олигархической пятеркѣ).

Я вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе Преображенскаго и другихъ уважающихъ себя министровъ о необходимости всему составу Совѣта Министровъ немедленно же подать въ отставку, ибо происшедшимъ Совѣтъ Министровъ доведенъ до послѣдней степени униженія и дальше идти некуда.

Тельбергъ всячески вывертывался, но фактъ настолько ясенъ, что было неловко слушать эти жалкія оправданія.

Гинсъ поставилъ на голосованіе, довѣряетъ ли Совѣтъ Министровъ Совѣту Верховнаго Правителя, который ведетъ свою собственную политику, не считаясь совершенно со всѣмъ Правительствомъ; это предложеніе, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловымъ всегда стоитъ квалифицированное большинство въ нашемъ Совѣтѣ.

Предложеніе Преображенскаго о выходѣ правительства въ отставку было также смазано подъ предлогомъ, что это отразится на настроеніи страны и фронта; думаю, что и та, и другой встрѣтили бы нашъ уходъ съ ликованіемъ, хотя бы потому, что въ этомъ крылась бы надежда на перемѣну неудачнаго курса и на улучшенія.

Государственный Контролеръ внесъ предложеніе обратиться непосредственно къ Верховному Правителю съ запросомъ по поводу участившихся за послѣднее время единоличныхъ указовъ, выпускаемыхъ по такимъ случаямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего спѣшнаго, чрезвычайнаго, и что можетъ быть проведено нормальнымъ порядкомъ черезъ Совѣтъ Министровъ; предложеніе это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорѣлись, свалились всѣ фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость Правительства, пестрота его членовъ, искусственность состава, ничтожество предсѣдателя . . .

Начались безчисленныя голосованія разныхъ резолюцій и предложеній; результаты 7 противъ пяти, шесть противъ шести и т. п. На голосованіи, не помню, какой по счету резолюціи, я наотрѣзъ отказался голосовать (не воздержался, а отказался), заявивъ, что все сегодняшнее засѣданіе слишкомъ ярко показываетъ, что никакого объединеннаго Кабинета у насъ нѣтъ, а при такомъ положеніи я считаю недопустимой профанаціей голосованіе серьезнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ государственнаго бытія и судьбы нашей родины. Не стоитъ тратить времени, чтобы голосованіемъ доказывать нашу пестроту и нашу разноголосицу по основнымъ вопросамъ нашей общей дѣятельности. Сегодняшнее засѣданіе открыло мнѣ глаза, поставило точки надъ всѣми і; сегодня я потерялъ право болѣе сомнѣваться и поэтому я офиціально отказываюсь голосовать.

Вологодскій совершенно растерялся, прекратилъ голосованіе и закрылъ засѣданіе, заявивъ, что иного исхода у него нѣтъ.

Вообще, засѣданіе было на рѣдкость колючее: въ началѣ его Уструговъ заявилъ, предъявивъ документальныя доказательства, что Сукинъ передалъ союзнымъ комиссарамъ, какъ уже подписанныя всѣми русскими представителями официальныя копіи имъ самимъ Сукинымъ составленнаго протокола совѣщанія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, въ которомъ, — вопреки нашимъ интересамъ и вопреки извѣстнаго ему несогласія тѣхъ лицъ, подписи которыхъ онъ помѣстилъ, — союзному комитету предоставлялось полное право распоряженія всѣми нашими желѣзными дорогами.

Сукинъ нагло вывертывался, но видя, что противъ очевидности идти дальше нельзя и, даже не покраснѣвъ, самымъ нахальнымъ образомъ заявилъ, что протоколъ уже въ рукахъ союзниковъ, измѣнить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выходъ.

Хорошо правительство, въ которомъ возможно наличіе милостиваго государя, способнаго въ угоду иностранцамъ совершить такой проступокъ, пожертвовать основными нашими интересами, и дойти до такой наглости, чтобы рѣшиться на разсылку союзникамъ не подписаннаго нашими представителями протокола подъ видомъ подписаннаго и нами принятаго, поставивъ передъ нами дилемму: или согласиться на завѣдомо невозможный для насъ договоръ, или же объявить, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ способно на такія удивительныя ошибки, какъ внесеніе подписи своихъ коллегъ на документы, кои эти коллеги, какъ ему извѣстно, не подпишутъ.

Я сталъ бы, конечно, за второе, ибо разъ обнаруживаются такіе факты, то съ ними надо расправляться безпощадно, къ чему бы это ни привело; разъ внутри ракъ, его надо вырѣзывать.

Заявленіе Уструговa замяли, молча выслушали наглое заявленіе Сукина и ничѣмъ дальше на него не реагировали.

Я отказался голосовать, когда поставили на голосованіе запросъ Гинса, отражаетъ ли Совѣтъ Верховнаго взгляды Правительства; предварительно отказа я высказалъ, что мнѣ совершенно не извѣстно, что творится въ этомъ Совѣтѣ, а затѣмъ я не знаю совершенно взглядовъ Правительства, несмотря на то, что почти два мѣсяца имѣю честь засѣдать въ совѣщаніяхъ того учрежденія, которое фиктивно считается почему то Правительствомъ.

Тельбергъ очень усердно защищалъ заслуги Совѣта Верховнаго Правителя, какъ органа, «умѣряющаго экспансивность адмирала», и завѣрялъ, что Совѣтъ смягчилъ и аннулировалъ много вреднаго изъ того, что могло произойти отъ этой «экспансивности».

Зачѣмъ было говорить эту безтактность по отношенію къ лицу, представляющему Верховную власть, и эту неправду? Адмиралъ вспыльчивъ, экспансивенъ, мало уравновѣшенъ, но не самъ по себѣ, а въ зависимости отъ того матерьяла, который доставляется ему докладчиками, совѣтчиками и приближенными; при умномъ и честномъ информированіи адмиралъ будетъ способенъ только на хорошую экспансивность.

Всѣ мы знаемъ хорошія и дурныя стороны характера нашего Верховнаго Правителя, но никто не осмѣливался до сихъ поръ бросить какого либо упрека по его адресу, ибо не разсосалось еще чувство порядочности и сознаніе, что нашъ долгъ аннулировать по мѣрѣ силъ и возможности недостатки носителя Верховной власти.

Сегодняшнее засѣданіе это апоѳеозъ всей дѣятельности нашего совѣта, — упали всѣ ризы и стали видны всѣ кости, всѣ изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся отъ негодованія, а мой спутникъ Преображенскій меня успокаивалъ и повѣствовалъ о томъ, что все у насъ управлялось организованной компаніей изъ восьми министровъ, возглавляемыхъ Михайловымъ, дѣлавшихъ все, что нужно было имъ самимъ, ихъ честолюбію и поддерживавшимъ ихъ кругамъ, кружкамъ, союзамъ и организаціямъ. Дикими въ Совѣтѣ, оказывается, считались я, Уструговъ, Шумиловскій и Преображенскій.

Пошелъ въ министерство, не ложась даже спать; послѣ такого засѣданія не до сна; меня, какъ съ головой окунули въ помойную яму. Несчастный, слѣпой, безвольный адмиралъ, жаждущій добра и подвига и изображающій куклу власти, которой распоряжается вся та компанія, съ внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

Въ арміи развалъ; въ Ставкѣ безграмотность и безголовье; въ Правительствѣ нравственная гниль, разладъ и засиліе честолюбцевъ и эгоистовъ; въ странѣ возстанія и анархія; въ обществѣ паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавають и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придемъ съ такимъ багажемъ!

14 Августа. Дѣло Касаткина пріостановили и обратили къ дослѣдованію; на второмъ засѣданіи военно-полевого суда одинъ изъ свидѣтелей (служащій въ контръ-развѣдкѣ) покаялся передъ Касаткинымъ въ томъ, что все имъ показанное по обвиненію жены К. въ дружескихъ отношеніяхъ съ женой коменданта Рудницкаго, къ ней не относится, такъ какъ онъ принималъ за жену Касаткина какую-то госпожу Александрову.

Выяснилось также, что все бездѣйствіе Касаткина заключалось въ томъ, что одинъ изъ мелкихъ служащихъ его управленія доложилъ ему, что комендантъ станціи Омскъ беретъ съ грузоотправителей взятки; Касаткинъ приказалъ подать ему объ этомъ рапортъ, но сообщавшій эти свѣдѣнія отказался, заявивъ, что онъ знаетъ это, какъ негласный агентъ контръ-развѣдки, и можетъ докладывать только приватно-конфиденціально.

Затѣмъ выяснилось, что Касаткина даже не опрашивали, какъ то слѣдуетъ по закону; вмѣсто этого къ нему пріѣхалъ въ гости полевой военный прокуроръ и за чашкой чая спросилъ, не докладывалъ ли ему кто-нибудь о взяточничествѣ коменданта станціи, на что К. отвѣтилъ, что докладывали, но что онъ не имѣетъ права начинать слѣдствіе по заявленію, являющемуся, собственно говоря, анонимнымъ доносомъ.

Этотъ разговоръ гостя съ хозяиномъ засчитали, какъ актъ по производству дознанія, — яркій фактъ для характеристики всего этого сквернаго дѣла. Хотѣли хлопнуть по преступникамъ, показать грозность и безпристрастность, а въ дѣйствительности ничего кромѣ срама и конфуза для власти не вышло.

Былъ въ Ставкѣ; видѣлъ много офицеровъ, прибывшихъ съ фронта съ разными порученіями, преимущественно по части снабженій; встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ по нѣмецкому фронту и послушалъ ихъ разсказы о состояніи армій; общее заключеніе, что присылаемыя укомплектованія могутъ при умѣломъ обращеніи дать весьма сносныхъ солдатъ, но зато большинство присылаемыхъ офицеровъ ниже всякой критики; наряду съ небольшимъ числомъ настоящихъ дѣльныхъ офицеровъ прибываютъ цѣлыя толпы наружно дисциплинированной, но внутренно распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не пріученной къ труду и къ повиновенію долгу; умѣющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводомъ и ротой въ бою, на походѣ и въ обычномъ обиходѣ. Очень много уже пріучившихся къ алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствіе душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться паникѣ и унынію; свидѣтельствуютъ, — что мнѣ говорили и раньше и что отмѣчено въ донесеніяхъ посылаемыхъ мной на фронтъ офицеровъ, — что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеровъ являются причинами ухода частей съ ихъ боевыхъ участковъ и паническаго бѣгства. Мнѣ показывали донесеніе начальника Ижевскаго гарнизона, въ коемъ отмѣчалось, что задолго до прихода на Ижевскій заводъ отходившихъ черезъ него войскъ, онъ наполнился десятками бросившихъ свои части офицеровъ, которые верхомъ и на повозкахъ удирали въ тылъ.

Сообщающіе эти свѣдѣнія совершенно справедливо говорятъ, что скоропалительность въ выпускѣ офицеровъ изъ школы и отсутствіе повѣрки ихъ нравственныхъ и военныхъ качествъ приноситъ арміи великое зло, ибо сводитъ на нѣтъ всю гигантскую и геройскую работу настоящихъ офицеровъ. Дитерихсъ добился, наконецъ, что арміи доставили свѣдѣнія о дѣйствительной ихъ численности; оказывается, что у насъ около пятидесяти тысячъ строевыхъ чиновъ, при трехстахъ тысячахъ ртовъ; въ арміяхъ боевого элемента не больше 12—15 тысячъ человѣкъ въ каждой, т. е. примѣрно около дивизіи хорошаго состава.

Я очень удивленъ малой рѣшительности Дитерихса по части уничтоженія ненужныхъ высшихъ войсковыхъ соединеній; нелѣпо имѣть на 50 тысячъ бойцовъ нѣсколько десятковъ штабовъ армій, группъ, дивизій, бригадъ; реорганизацію армій надо было

начать съ безпощаднаго уничтоженія излишнихъ штабовъ. Говорятъ, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее упраздненію начальство этого не хочетъ и не допуститъ.

Много надеждъ возлагается на формируемый казачій корпусъ; считаютъ, что вскорѣ намъ удастся собрать конную массу до десяти тысячъ шашекъ, т. е. такую силу, которая въ рукахъ талантливаго и энергичнаго кавалерійскаго начальника можетъ совершить большія дѣла. Прорвать красную паутину очень не трудно, а дальше идутъ степи, богатыя продовольствіемъ и фуражемъ, представляющія раздолье для широкаго коннаго рейда съ разгромомъ всего краснаго тыла.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подходящаго для выполненія такой задачи кавалерійскаго начальника; фронтовые офицеры, съ которыми я говорилъ на эту тему, считаютъ, что наиболѣе подходитъ къ такой роли генералъ Каппель, обладающій всѣми необходимыми для этого качествами.

Но горе въ томъ, что возглавленіе этого корпуса уже предрѣшено внѣконкурсной кандидатурой генерала Иванова-Ринова, давно уже мечтающаго о побѣдныхъ лаврахъ и о выдвиженіи въ мѣстные Бонапарты, не безъ дальнѣйшихъ надеждъ и на болѣе высокое будущее.

Это аннулируетъ совершенно боевое значеніе коннаго корпуса, ибо нигдѣ, какъ въ кавалеріи, успѣхъ не зависитъ такъ отъ боевыхъ качествъ ея начальника, его таланта, знаній, беззавѣтной храбрости, глазомѣра, настойчивости, разумной, а иногда и безумной рѣшительности и умѣнья схватить, оцѣнить и использовать обстановку.

Какой же кавалерійскій начальникъ можетъ получиться изъ этого полицейскаго выскочки, очень компетентнаго по части пресѣченій и нагаечно-зубодробительныхъ усмиреній, но полнаго нуля во всемъ, что касается боевого руководства вообще, а спеціально-кавалерійскаго сугубо.

Мы достаточно уже насмотрѣлись въ большую войну, какъ наши никчемушніе кавалерійскіе генералы сводили на нѣтъ всю силу нашей конницы и отличныя боевыя качества ея личнаго состава; но и тѣ никчемушники были орлы сравнительно съ этимъ, такъ жадно тянущимся къ побѣднымъ лаврамъ, честолюбивымъ Держимордой.

15 Августа. Съ появленіемъ въ званіи Военнаго Министра генерала Дитерихса, моя работа очень усложнилась и получила очень уродливый характеръ.

Дитерихсъ путается во всѣ мелочи снабженія, отдаетъ распоряженія моимъ подчиненнымъ мимо меня, самъ распредѣляетъ приходящіе запасы и сводитъ меня къ роли какого-то регистратора — дѣлопроизводителя. Я думалъ, что онъ умнѣе, дѣльнѣе и способнѣе распредѣлять работу; казалось бы, что онъ могъ узнать, что я представляю собою въ служебномъ и рабочемъ отношеніи и что мнѣ можно довѣрить; ну, а если я, по его мнѣнію, не подхожу, то мои рапорты и доклады объ увольненіи уже давно ждутъ положительной резолюціи, а я самъ жду избавленія отъ той нравственной каторги, въ которой держитъ меня эта мной не прошенная должность.

Послѣ обѣда засѣданіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, въ которомъ я дѣлалъ докладъ по основнымъ вопросамъ снабженія арміи; желаніе принести общую пользу и арміи, и самому совѣщанію сильно приподняло мое настроеніе и я самъ остался доволенъ своимъ докладомъ: говорилъ коротко, ясно, ничего не скрывая и откровенными разъясненіями, повидимому, удовлетворилъ членовъ Совѣщанія. Благодаря этому докладу, опоздалъ къ началу экстреннаго засѣданія Совѣта Министровъ, на которомъ разсматривался вопросъ объ отставкѣ Михайлова и Сукина.

Насколько удалось выяснить, въ началѣ засѣданія Вологодскій заявилъ, что послѣднее засѣданіе Совѣта Министровъ и многочисленныя заявленія серьезныхъ общественныхъ группъ убѣдили его въ невозможности оставленія въ составѣ Правительства Михайлова и Сукина; поэтому онъ проситъ членовъ Совѣта высказать свое мнѣніе по этому вопросу; онъ добавилъ, что имѣетъ основаніе ожидать, что со стороны Верховнаго Правителя послѣдуетъ предложеніе кандидатуры на должность министра финансовъ бывшаго государственнаго контролера Феодосьева, а на мѣсто главноуправляющаго дѣлами Правительства — Самойлова, но онъ, Вологодскій, считаетъ для себя эти кандидатуры непріемлемыми, особенно въ отношеніи Феодосьева, политическая и нравственная

физіономіи котораго совершенно не подходятъ къ составу Правительства и который принималъ участіе въ подачѣ Верховному Правителю записки съ осужденіемъ состава и дѣятельности членовъ Правительства.

Преображенскій, Шумиловскій и Уструговъ энергично поддержали Вологодскаго, заявивъ, что, если Верховный Правитель не согласится съ тѣми кандидатами, которыхъ изберетъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, то все Правительство должно подать въ отставку.

Вологодскій заявилъ, что имъ рѣшено предложить мѣсто министра финансовъ дальневосточному финансовому дѣятелю Гойеру, много лѣтъ стоявшему во главѣ дальневосточныхъ отдѣленій Русско-Азіатскаго Банка; на должность министра Иностранныхъ дѣлъ у него кандидата нѣтъ, а поэтому онъ снесся съ Сазоновымъ и вновь проситъ его пріѣхать въ Омскъ и взять въ свои руки управленіе этимъ министерствомъ.

Защитникомъ Сукина выступилъ его личный пріятель, морской министръ Смирновъ, заявившій, что невозможно мѣнять руководителя нашей иностранной политики въ самый разгаръ важныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ союзниками. На это послѣдовали острыя реплики со стороны Устругова и Неклютина, причемъ послѣдній заявилъ, что онъ отказывается засѣдать вмѣстѣ съ Сукинымъ, такъ какъ считаетъ невозможнымъ довѣрять послѣднему наши секретныя и важныя государственныя дѣла.

Казалось бы, послѣ того, что сдѣлалъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ и въ чемъ онъ былъ уличенъ Уструговымъ, не слѣдовало бы и разговаривать объ оставленіи такого члена въ составѣ уважающаго себя Правительства. Не понимаю совершенно Вологодскаго, не способнаго использовать все создавшееся положеніе, чтобы круто повернуть курсъ, выбрать новыхъ сотрудниковъ и этимъ удовлетворить и фронтъ, и общественные круги, и общее ожиданіе.

Разъ онъ жертвуетъ главными китами всемогущей пятерки — Михайловымъ и Сукинымъ, наиболѣе ненавистными для всѣхъ персонажами, то все остальное является пустяками. Перемѣна состава Правительства сейчасъ не только не опасна, но даже благодѣтельна, ибо покажетъ всѣмъ, что Правительство осудило свой прежній курсъ и желаетъ сдѣлать что-то новое.

Уже это нѣсколько освѣжитъ атмосферу, породитъ надежды на что-то лучшее и несомнѣнно облегчитъ дѣятельность новаго Состава Правительства, которому надо будетъ рядомъ сильныхъ и благодѣтельныхъ мѣръ закрѣпить эти зачатки надеждъ и постараться обратить ихъ въ увѣренность.

Лучше всего, чтобы ушелъ, конечно, и самъ Вологодскій, но если это не подходитъ, то надо смѣнить весь составъ министровъ и назначить свѣжихъ, дѣловыхъ и внушающихъ довѣріе людей, способныхъ оживить надежды всей страны.

Въ серединѣ засѣданіе было прервано, такъ какъ Вологодскому надо было ѣхать на вокзалъ, чтобы встрѣтить прибывающаго съ фронта Верховнаго Правителя и доложить ему рѣшеніе Совѣта по отношенію къ удаленію Михайлова и Сукина, и намѣченныя новыя кандидатуры; одновременно съ Вологодскимъ отправился и Смирновъ.

Пепеляевъ сдѣлалъ докладъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки на фронтъ, — обычныя впечатлѣнія любопытнаго и впечатлительнаго штатскаго человѣка, неспособнаго разобраться въ подаваемомъ ему матерьялѣ, и фаршируемаго сопровождающими его лицами такъ, какъ это имъ выгоднѣе.

Для меня цѣнно только его рѣшительное заключеніе о полной безрезультатности агитаціонной работы многочисленныхъ освѣдомительныхъ органовъ; онъ воочію убѣдился, что эта дѣятельность держится ближе къ Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населенія; онъ пришелъ къ заключенію, что распространяемыя газеты, брошюры и листовки написаны не для крестьянъ и временами редактированы настолько неудачно, что приводятъ населеніе къ заключенію, что у большевиковъ лучше, чѣмъ у насъ.

Онъ сознался, что, наконецъ, убѣдился въ томъ, что нашимъ крестьянамъ нужны не воззванія и освѣдомительскій хламъ, а реальные результаты полезной для нихъ правительственной дѣятельности и такія слова, отъ которыхъ пахло бы пользой или по крайней мѣрѣ надеждой на нее.

Искренній, свѣжій и ищущій правды Пепеляевъ одинъ изъ глубоко симпатичныхъ членовъ Правительства; у него твердые взгляды, чистые идеалы и стремленіе къ большому подвигу; крупные его недостатки это малое знаніе жизни и ея реальныхъ, практическихъ коэффиціентовъ и отсутствіе опредѣленной политики по отношенію къ нашимъ лѣвымъ партіямъ; послѣднее, быть можетъ, зависитъ не столько отъ него самого, а отъ общей хлипкости и извилистости нашего курса. По этой части ему слѣдовало бы настоять на одномъ какомъ-нибудь рѣшеніи; точно также слѣдовало бы быть рѣшительнѣе и въ серьезномъ вопросѣ объ организаціи настоящей милиціи и внутренней стражи.

16 Августа. Въ три часа дня экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ. Вологодскій объявилъ, что его предложенія приняты Верховнымъ Правителемъ, за исключеніемъ увольненія Сукина; адмиралъ рѣшительно отказался дать свое согласіе на это увольненіе и приказалъ Сукину взять обратно уже поданное тѣмъ прошеніе объ отставкѣ (Преображенскій усматриваетъ въ семъ несомнѣнное вліяніе кувшиннаго рыла морского пріятеля нашего Талейрана).

Ввиду непреклонности адмирала Вологодскому пришлось уступить и согласиться на временное оставленіе Сукина до того, какъ удастся сношеніями съ Сазоновымъ подыскать для него подходящаго замѣстителя.

Въ общемъ всѣ надежды на обновленіе Правительства не оправдались, такъ какъ отставка одного Михайлова не имѣетъ сейчасъ большого значенія; оставленіе же въ составѣ кабинета Сукина и Тельберга послѣ всего происшедшаго показываетъ, что мы не способны на то единственное рѣшеніе, которое было законнымъ и приличнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Я предложилъ обсудить кандидатуру въ министры иностранныхъ дѣлъ генерала Хорвата, наиболѣе подходящаго къ этой должности по свойству своего характера, по умѣнью обращаться съ иностранцами и по тому авторитету, которымъ его имя пользуется въ средѣ союзныхъ представителей. Пепеляевъ и Преображенскій меня поддержали, но Вологодскій призналъ эту кандидатуру для себя непріемлемой, добавивъ, что все равно Хорватъ такого предложенія не приметъ.

Внѣ авторскаго самолюбія думаю, что такое рѣшеніе большая ошибка; наличіе въ кабинетѣ крупной и специфически дипломатической фигуры Хорвата придало бы ему крупный вѣсъ.

Ивановъ-Риновъ обобралъ всѣ наши склады и я безсиленъ помочь фронту; я дѣлаю наряды для отправки на фронтъ, но о нихъ узнаетъ этотъ пронырливый казакъ и все попадаетъ въ его обширныя лапы; малѣйшая задержка вызываетъ жалобы адмиралу съ угрозой, что это отражается на выходѣ сибирскихъ казаковъ на испепеленіе красныхъ; въ результатѣ на каждаго выходящаго казака взято по пять и по шесть комплектовъ и лѣтняго и зимняго обмундированія, а на фронтѣ войска голы и босы.

Въ организацію снабженія казаковъ пущена полная автономія съ демократическимъ соусомъ въ видѣ дружбы и совмѣстной работы съ общественными организаціями; въ извѣстныя времена наши полицейскіе администраторы всегда любили такіе демократическіе соуса, какъ средство сдобрить непрезентабельный вкусъ ихъ привычныхъ, основныхъ блюдъ.

Ушелъ изъ Совѣта Министровъ совершенно разочарованнымъ; упущенъ превосходный случай обновить все импотентное правительство и постараться начать новую политику, освобожденную отъ всѣхъ тайныхъ послѣдствій ноябрьскаго переворота и иныхъ специфически омскихъ міазмовъ. Я мало знакомъ съ составомъ сибирскихъ дѣятелей, но думаю что и въ средѣ Гос. Экон. Совѣщанія и между сибирскими купцами, кооператорами и общественными дѣятелями можно было найти десятокъ дѣловыхъ людей съ прочными, извѣстными и уважаемыми именами, которые согласились бы взять на себя подвигъ спасенія сначала родной Сибири, а за ней и Россіи, смѣнивъ ту случайную кучку, которую ноябрьскій переворотъ вышвырнулъ къ власти.

Ошибки истекшаго года правительственной дѣятельности настолько ясны, что свѣжимъ людямъ очень легко намѣтить новый курсъ однимъ только отреченіемъ отъ этихъ ошибокъ.

То, что рѣшено сегодня Совѣтомъ, равносильно починкѣ трубъ и печей въ домѣ, въ которомъ горятъ потолки и стѣны. Петровское «потеря времени — смерти безвозвратной подобна» со всѣхъ сторонъ уже предъявляетъ свои грозные счета и требуетъ возмездія отъ спящихъ дѣвъ и лукавыхъ рабовъ.

На экзаменѣ на силу и государственность Омскъ провалился безнадежно, и единственнымъ средствомъ измѣнить отношеніе населенія къ власти была полная смѣна ея руководителей и главныхъ исполнителей; не сдѣлавъ этого, потеряли еще одинъ шансъ, — дай Богъ, чтобы онъ не былъ послѣднимъ, — когда можно было еще остановить тотъ полетъ внизъ, котораго не видятъ только заоблачные оптимисты.

17 Августа. Махнулъ на все рукой и приказалъ начальникамъ главныхъ управленій исполнять всѣ требованія Иванова-Ринова. Просилъ Дитерихса остановить это казачье хапанье; Дитерихсъ обѣщалъ самъ контролировать всѣ запросы Ринова, но все это свелось къ однимъ обѣщаніямъ, ликвидированнымъ новымъ распоряженіемъ — никоимъ образомъ не задержать снабженія казачьяго корпуса.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ, на которое былъ внесенъ вопросъ объ упраздненіи Совѣта Верховнаго Правителя; много говорилось за необходимость этой мѣры, жизненно необходимой для возстановленія законной силы и значенія Совѣта Министровъ, но затѣмъ какъ то обмякли и кончили дряблымъ постановленіемъ, что члены тайнаго совѣта обязаны докладывать Совѣту Министровъ то, что дѣлается въ ихъ засѣданіяхъ.

Въ силу этого рѣшенія, вновь появившійся въ Совѣтѣ Министровъ Сукинъ сдѣлалъ первый докладъ о дѣятельности своего министерства. Между прочимъ, докладъ подтвердилъ то, о чемъ я мелькомъ слышалъ раньше отъ Преображенскаго, и что оказалось ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ; это было самодовольное, съ подчеркиваніемъ его величія и значенія, заявленіе нашего дипломатическаго руководителя о томъ, что два мѣсяца тому назадъ генералъ Маннергеймъ предлагалъ Верховному Правителю двинуть на Петроградъ стотысячную финскую армію и просилъ за это заявить объ офиціальномъ признаніи нами независимости Финляндіи.

Съ сіяющимъ и гордымъ видомъ Сукинъ заявилъ, что Маннергейму былъ посланъ такой отвѣтъ, который отучилъ его впредь обращаться къ намъ съ такими дерзкими и непріемлемыми для великодержавной Россіи предложеніями; по сіяющей физіономіи и по всему тону сообщенія было видно, что главную роль въ этомъ смертельно-гибельномъ для насъ отвѣтѣ сыгралъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ. Я не выдержалъ и громко сказалъ: «какой ужасъ и какой идіотизмъ», чѣмъ вызвалъ изумленные взгляды своихъ сосѣдей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была въ началѣ лѣта съ вмѣшательствомъ Финляндіи и съ занятіемъ Петрограда, и о которой я смутно слыхалъ въ оперативномъ отдѣлѣ Ставки. Вѣдь, если бы не кучка безграмотныхъ совѣтниковъ, вырвавшихъ у адмирала то рѣшеніе, коимъ гордо хвастался сегодня Сукинъ, то теперь Россія была бы свободна отъ большевиковъ, не было бы Уральскаго погрома и надъ нами не висѣли тѣ грозныя тучи, которыя временами застилаютъ послѣднюю надежду на благопріятный исходъ.

Подъ бряканье пустозвонныхъ словъ о великой, недѣлимой Россіи отказались отъ незамѣнимой тогда услуги по спасенію этой самой Россіи и обрекли ее на длительную кровь, на длительныя мученія и на измыванія подъ пятой красныхъ деспотовъ и палачей.

Вѣдь, для людей, способныхъ здраво мыслить и разбираться безпристрастно въ широкихъ государственныхъ отношеніяхъ, было давно понятно, что подчиненіе Финляндіи только внѣшнее, и что все равно она будетъ такой же самостоятельной, какъ и Польша, если только впослѣдствіи обстоятельства не принудятъ ее присоединиться на извѣстныхъ условіяхъ къ сильной и новой Россіи.

Казалось, что для здравыхъ политиковъ и думающихъ государственныхъ людей не могло быть и минутнаго колебанія въ томъ, чтобы немедленно отвѣтить полнымъ согласіемъ на предложеніе Маннергейма и всячески содѣйствовать скорѣйшему успѣшнѣйшему его осуществленію.

Только атмосфера Омскаго болота могла затуманить мозги настолько, чтобы сознательно отказаться отъ помощи въ такихъ размѣрахъ и на такомъ смертельно опасномъ для большевиковъ направленіи. Если Ленинъ и Троцкій узнаютъ когда-нибудь объ этомъ фактѣ, то они обязаны прислать Сукину и его помощникамъ въ этомъ ужасномъ для Россіи дѣлѣ, всѣ свои красные знаки отличія, портреты всѣхъ интернаціональныхъ идіотовъ и прочіе знаки своего краснаго благоволенія.

Ужасно подумать, что за отказъ отъ туманнаго и давно уже фактически потеряннаго права считать Великое Княжество Финляндское частью Россійской Имперіи, мы получали помощь невѣроятно огромнаго значенія; ужасно подумать, что когда мы, Омскія, собственно говоря, лягушки раздувались во Всероссійскаго Вола, позволяли себѣ играть судьбами нашей родины и толкали Верховную власть на такое гибельное для нея рѣшеніе, мы въ то же время были игрушкой въ рукахъ союзной интервенціи, искали всюду помощи, базировались на чехахъ, радовались возможности получить помощь японцевъ и американцевъ, были безсильны справиться съ читинскимъ Гришкой и хабаровскимъ Ванькой, и вообще находились въ томъ положеніи, которое я называю персидскимъ.

И все это отпадало при принятіи предлагаемой намъ финской помощи, и всего этого мы лишились только потому, что судьбы и Россіи, и наши попали въ руки пяти случайныхъ людей, захватившихъ въ свои руки голову и волю представителя Верховной власти, и неспособныхъ видѣть чего-нибудь дальше своего сибирскаго носа.

Ярко характерно то, что такое рѣшеніе принято даже безъ освѣдомленія о немъ Совѣта Министровъ, то есть того, что по буквѣ закона считается Правительствомъ и несетъ на себѣ всю отвѣтственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимымъ соблюдать хотя бы внѣшнее приличіе по отношенію ко всему совѣту Министровъ.

Ужасъ, злоба и негодованіе охватываютъ по мѣрѣ того, какъ раскрываются внутреннія язвы того, что является нашимъ Правительствомъ, и что позволяетъ себѣ брать въ свои руки управленіе страной въ такія тяжкія времена.

Смѣшно говорить о какихъ-то законахъ исторіи, когда всю эту исторію можетъ свернуть такое жалкое ничтожество, какъ какой-то очень юркій и краснобайный секретарь Вашингтонскаго Посольства, какъ на зло швырнутый судьбой въ Омскъ, быстро пришедшійся ко двору при Омскомъ Градоначальствѣ и феерично выбравшійся въ руководители всей нашей иностранной политики.

Конечно, Лебедевъ и Ставка не могли не знать объ этомъ рѣшеніи, когда оно состоялось; вѣроятнѣе всего, что адмиралъ принялъ это рѣшеніе только послѣ совѣщанія со своимъ наштаверхомъ, а тогда вся отвѣтственность за это рѣшеніе, принесшее Россіи столько лишней крови и ужаса, должна быть раздѣлена между военными и дипломатическими совѣтниками Верховнаго Правителя.

Винить въ этомъ самого Адмирала было бы также несправедливо, какъ и винить покойнаго Императора въ томъ, что дѣлалось его именемъ и по совѣту тѣхъ, кому Онъ вѣрилъ и кто были Ему близки.

Подъ соусомъ громкихъ фразъ о благѣ Россіи, сохраненіи ея территоріальной неприкосновенности и великодержавныхъ правъ, Адмирала можно было подвинуть на любое рѣшеніе въ томъ духѣ, какъ ему докладывали овладѣвшія его довѣріемъ и волей лица.

Какъ ни какъ, а Сукинъ остался управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и всѣ громы двухъ послѣднихъ засѣданій Совѣта Министровъ остались только сотрясеніемъ воздуха, общая отставка кабинета, предлагаемая Преображенскимъ, Неклютинымъ и Уструговымъ не прошла, а частныя отставки недовольныхъ принятымъ рѣшеніемъ были признаны вредными для всего положенія и въ данной обстановкѣ недопустимыми.

Слишкомъ мы отходчивы, а главное, дряблы и мягкотѣлы; въ обыкновенной жизни это плохо и непрактично, а въ государственной дѣятельности, да еще въ наши тяжкія времена, — преступно.

18 Августа. Получилъ предложеніе Адмирала проѣхать вмѣстѣ съ нимъ на фронтъ; страшно этимъ обрадованъ, ибо получаю возможность самому увидѣть то, о чемъ знаю только по разговорамъ, докладамъ, донесеніямъ и слухамъ

Бѣдный Адмиралъ вѣритъ докладамъ и разговорамъ о томъ, что своими поѣздками на фронтъ онъ поднимаетъ настроеніе войскъ и приноситъ большую пользу; онъ возитъ съ собой цѣлыя горы подарковъ для солдатъ и офицеровъ, волнуется передъ отъѣздомъ, чтобы достать всего побольше и готовъ даже выпрашивать то, что ему хочется повезти и чего у него нѣтъ.

Настроеніе Ставки очень твердое; Андогскій продолжаетъ увѣрять, что оздоровленіе армій идетъ очень успѣшно; оздоровленіе — это очень широкій терминъ и совсѣмъ не то, что понимаетъ подъ нимъ Ставка и ея далекіе отъ фронта дѣятели.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ части войскъ, которыя удалось увезти въ тылъ, отдохнули, отоспались и нѣсколько очнулись отъ одури непрерывнаго отхода въ очень тяжелыхъ условіяхъ и въ атмосферѣ потери вѣры въ себя и въ сосѣдей.

Но это очень далеко отъ оздоровленія духа, которое въ такихъ молодыхъ войскахъ приходитъ очень медленно и требуетъ исключительно благопріятной для себя обстановки. Оздоровленіе духа — это реакція — подъемъ въ сторону подвига, героизма, служенія идеѣ и готовности жертвовать для этой идеи всѣмъ и даже жизнью. Откуда явиться этому подъему въ тѣхъ остаткахъ прежнихъ частей, которые мы называемъ арміями?

По моему — неоткуда, и тѣ, которые столь увѣренно говорятъ объ оздоровленіи фронта, глубоко въ этомъ ошибаются; слишкомъ они далеки отъ войскъ, отъ знанія, пониманія и способности учитывать ихъ качества; считать «оздоровленіемъ» естественные результаты краткосрочнаго физическаго отдыха людей — это большая и опасная ошибка.

Тѣ ужасныя слова, которыя были мнѣ сказаны недавно виднымъ представителемъ фронта: «солдаты не хотятъ воевать; офицеры въ большинствѣ неспособны уже на жертвенный подвигъ; арміи выдохлись . . .» — не выходятъ изъ моей памяти, и я знаю и чувствую, что это правда.

Армія, въ ея настоящемъ положеніи, это сломанная во многихъ мѣстахъ палка; по наружному виду ее еще можно, хотя и съ большимъ трудомъ, склеить, но она разлетится вдребезги при первой попыткѣ ею опять ударить.

Мои надежды, — правда, очень микроскопичныя, — на переходъ атаманщины въ тылу на легальное существованіе, съ сдачей въ архивъ прежней идеологіи и пріемовъ, оказались несбыточными; очевидно, гіенъ не пріучишь довольствоваться сладкой травкой. Ядъ атаманщины и сладость беззаконнаго существованія слишкомъ глубоко всюду проникли и намъ не суждено справиться съ этимъ зломъ; насъ оно, вѣроятно, съѣстъ, но и само должно погибнуть среди смрада, имъ производимаго.

Сейчасъ Адмиралъ уже неспособенъ ни на что въ отношеніи ликвидаціи атаманщины, ибо она связана съ казачествомъ, а послѣднее — in corpore — сейчасъ является хозяиномъ положенія и, въ силу солидарности интересовъ, не позволитъ уже безсильной Омской власти посягнуть на кого-либо изъ своихъ сочленовъ,

Адмиралъ завороженъ радужными обѣщаніями казачьей конференціи и Иванова-Ринова, и, какъ ребенокъ, носится съ порожденными ими надеждами.

Сегодня всѣ караулы Омска заняты на половину командами изъ благонадежныхъ городскихъ обывателей; энергичный Матковскій преодолѣлъ всѣ чинимыя ему по этой части затрудненія и добился реальнаго осуществленія этой крайне полезной для насъ мѣры.

19 Августа. По обыкновенію заготовилъ своимъ сотрудникамъ записки, что надо сдѣлать за время моего отъѣзда — надо всѣмъ поставить вѣхи, чтобы не сбивались и чтобы мое отсутствіе не отразилось на ходѣ работы всего Министерства.

Получилъ очень любопытную справку, что, при эвакуаціи управленія снабженій Сибирской арміи, изъ Екатеринбурга было вывезено: женщинъ 502, дѣтей 162, составлявшихъ семейный багажъ офицеровъ и чиновниковъ этого Управленія; очевидно, что, при такомъ дополненіи, большинству служащихъ было не до войны и не до заботъ о своихъ частяхъ, особенно при катастрофической обстановкѣ всей эвакуаціи.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ юстиціи шлютъ мнѣ многочисленныя жалобы на безобразія, насилія и грабежи, учиняемые дальневосточными атаманами. Меня особенно изводятъ препроводительныя надписи, въ коихъ просится все сіе устранить,

виновныхъ наказать и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ увѣдомить; вѣдь, и Вологодскій, и Тельбергъ знаютъ, что всѣ мы безсильны противъ этого зла.

Я въ свою очередь перегоняю все это помощнику Военнаго Министра по казачьей части генералу Хорошхину — онъ же членъ казачьей конференціи — тоже «на зависящее распоряженіе». Какая жалкая картина безсилія и паралича власти!

Искренно хотѣлъ помочь Семенову стать на дорогу законности и покрыть всѣ старые грѣхи; просилъ прислать требовательныя вѣдомости на всѣ виды довольствія его войскъ за прежнее время и откровенно подсчитать, сколько надо ассигновать, чтобы покрыть всѣ его «семенизаціи» и оплатить теперь же всѣ причиненные его агентами убытки; заручился согласіемъ контроля пропустить все это безъ возраженій для ассигнованія необходимыхъ суммъ; послалъ всѣ необходимыя указанія, справки и инструкціи, какъ и что надо сдѣлать . . . и вотъ уже два мѣсяца жду исполненія, не получая даже отвѣта на запросы — послѣдуетъ ли и когда это исполненіе.

20 Августа. Ночью выѣхали на фронтъ третьей арміи. На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ бывшаго своего подчиненнаго, тогда начальника штаба 14 корпуса, а теперь командующаго войсками мѣстнаго военнаго округа генерала Георгіевскаго; на немъ лежитъ тяжелая обязанность держать въ порядкѣ весь тылъ арміи, и онъ жалуется на великія безобразія, чинимыя разными нештатными и штатными командами; особенно же безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы (какія-то экзотическія части, вытащенныя недавно на фронтъ и, судя по всѣмъ донесеніямъ, самаго башибузукскаго состава и поведенія). Только что по приговору суда разстрѣляно 16 человѣкъ изъ этого отряда и вновь предано полевому суду 2 офицера, но это не производитъ никакого впечатлѣнія, до того всѣ распустились.

На станціяхъ всюду очень грязно; эшелоны послѣднихъ хвостовъ Челябинско-Курганской эвакуаціи идутъ въ большомъ безпорядкѣ и напоминаютъ скорѣе таборы бѣженцевъ, чѣмъ воинскіе эшелоны.

Особенно распущены разныя автомобильныя, авіаціонныя, техническія и иныя команды, которыя въ великомъ множествѣ имѣются при всѣхъ войсковыхъ соединеніяхъ.

Использованіе подвижного состава самое расточительное, и цѣлые поѣзда завалены хламомъ, который давно надо было сбросить подъ откосъ,

Среди этого безпардоннаго потока промелькнули два эшелона, — одинъ съ конной командой и одинъ артиллерійскій, — рѣзко выдѣлившіеся своимъ порядкомъ и прочной подтянутостью; въ вагонахъ и на платформахъ ничего лишняго, солдаты оборваны, но ведутъ себя настоящими солдатами; по офицерскому составу видно, что это настоящія части.

Штабъ Третьей арміи стоитъ на станціи Лебежьей, выдвинувшись почти на фронтъ передовыхъ дивизій. Чины штаба очень обижены на Ставку за переводъ арміи изъ категоріи отдѣльныхъ въ неотдѣльныя, и увѣряютъ, что всѣ текущія неудачи произошли исключительно отъ этой реорганизаціи, лишившей ихъ необходимой самостоятельности.

Смѣшно подумать, что арміи въ 20 тысячъ штыковъ хочется быть на правахъ отдѣльной арміи со всѣми управленіями и тылами, одинаковыми съ управленіемъ и тылами фронта, т. е. тѣмъ, что вѣдало прежде милліонами штыковъ.

Адмиралъ за послѣднее время нѣсколько разъ былъ въ третьей арміи, и это очень усилило положеніе Сахарова, который очень импонируетъ Адмиралу своей рѣшительностью, категоричностью, наступательными тенденціями и оптимизмомъ; это обстоятельство мѣшаетъ работѣ Дитерихса, который довольно рѣшительно реорганизуетъ остальныя арміи, но какъ-то избѣгаетъ касаться третьей арміи, продолжающей до сихъ поръ состоять изъ десяти дивизій; часть этихъ дивизій не насчитываетъ и 500 штыковъ, но при всѣхъ неукоснительно состоятъ обозы по 4 и $4^1/_2$ тысячи повозокъ и при 6—8 тысячахъ нестроевыхъ.

Подъѣзжая къ Лебежьей, видѣли вереницы этихъ обозовъ, отходившихъ на востокъ; на повозкахъ бабы, дѣти, масса домашняго скарба; масса тарантасовъ съ дамами и дѣтьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерія, пулеметы и средства связи потеряны; по даннымъ начальника инженеровъ при отступленіи брошены десятки тысячъ верстъ телеграф-

наго и телефоннаго кабеля; обычная картина безудержнаго отступленія, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все цѣнное для брюха и для кармана; вѣдь и на большой войнѣ мы видѣли, какъ сначала бросалась лопата, потомъ патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мѣшокъ.

Потеря пулеметовъ меня не удивила, такъ какъ все послѣднее время мы снабжали фронтъ спущенными намъ за очевидной негодностью пулеметами Санъ Этьена, образца 1907 года; это пулеметы траншейнаго типа, очень тяжелые, громоздкіе и по высотѣ установки непригодные для полевой войны; поэтому ихъ бросали не только безъ сожалѣнія, но даже съ удовольствіемъ.

Другихъ же у насъ не было; подумалъ, какъ бы пригодились эти пулеметы (ихъ были тысячи) при пассивной оборонѣ линій рр. Тобола и Ишима.

Недалеко отъ штаба арміи расположенъ полевой госпиталь, находящійся въ самомъ ужасномъ состояніи; больные и раненые валяются въ пакгаузахъ, стоящихъ среди лужъ зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тутъ же естественными надобностями больныхъ, половина которыхъ тифозны.

Раненые валяются на грязныхъ и колючихъ доскахъ безъ всякой подстилки; единственный на весь госпиталь докторъ и двѣ сестры сбились съ ногъ отъ непосильной работы; вмѣсто чая даютъ какую-то жидкую грязь, хлѣбъ черствый.

Зато рядомъ въ Штабѣ помѣщается Санитарный Инспекторъ арміи съ порядочнымъ штатомъ докторовъ и фельдшеровъ, пишущихъ на машинкахъ.

Сообщилъ эти печальныя замѣчанія начальнику Штаба арміи, добавивъ, что для меня неудивительны нападки на санитарное положеніе фронта, разъ подъ бокомъ штаба арміи возможно такъ держать госпиталь; достаточно было хоть немного осмотрѣться и тогда увидали бы, что недалеко чистое помѣщеніе элеватора; что на станціи масса соломы и сѣна; что въ штармѣ сидятъ доктора, которые могли бы помочь своему ошалѣвшему отъ непосильной работы коллегѣ; что въ штабныхъ вагонахъ имѣется нѣкоторое число сестеръ милосердія, женъ разнаго начальства, которыя могли бы помочь въ уходѣ за ранеными и хоть этимъ оправдать то званіе, которымъ онѣ пользуются, чтобы избѣжать дѣйствія приказа Дитерихса, воспретившаго имѣть при себѣ семьи.

Армейское начальство сугубо надулось и послало кого-то провѣрять сообщенныя мною свѣдѣнія (до госпиталя всего 100—150 шаговъ).

Сахаровъ долго сидѣлъ у Адмирала съ докладомъ, черезъ вагонъ сидѣлъ я, старый и достаточно опытный генералъ генеральнаго штаба, бывшій начальникъ штаба настоящей арміи и командиръ настоящаго корпуса, но меня не только не пригласили присутствовать при докладѣ, но, когда мнѣ нужно было получить разрѣшеніе Адмирала по вопросу объ эвакуаціи ст. Пѣтухова и я хотѣлъ его видѣть, то получилъ отвѣтъ, что у Верховнаго докладываетъ командующій арміей и меня просятъ подождать.

Объѣхалъ ближайшія тыловыя учрежденія двухъ дивизій; внѣшняго порядка больше, чѣмъ я думалъ, но зато настроеніе самое небоевое и всѣ стремленія на востокъ, подальше отъ красныхъ.

21 Августа. Съ утра собирались ѣхать въ Ижевскую дивизію, но Адмиралъ чувствуетъ себя простуженнымъ и поѣздку отложилъ. Ижевская дивизія рѣзко выдѣляется на всемъ фронтѣ по своему составу; она образовалась исключительно изъ ижевскихъ рабочихъ, семьи которыхъ звѣрски истреблены большевиками; такой составъ придаетъ ей рѣдкую однородность и надежность.

Хотѣлъ проѣхать въ ближайшіе штабы корпусовъ или, какъ ихъ теперь называютъ, группъ, но оказалось, что они находятся въ движеніи, продолжая отходъ на востокъ; понимая, что въ такое время пріѣздъ тылового посѣтителя болѣе чѣмъ некстати, измѣнилъ свое намѣреніе и объѣхалъ ближайшіе къ станціи районы, гдѣ стоятъ обозы и куда отходятъ нѣкоторые резервы.

Впечатлѣніе то же, что и вчера; по внѣшности сѣро и неказисто, но внѣшняго порядка болѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ трехмѣсячнаго отступленія; количество нестроевого элемента поражаетъ своими размѣрами; бросается въ глаза очень приличное снабженіе обозныхъ и всей штабной челяди.

Внутренней дисциплины мало; больше всего заботы о личныхъ удобствахъ; обязанности же постолько, поскольку сіе необременительно и не непріятно.

Былъ въ штабѣ арміи и въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ; всюду усердно пишутъ и получается впечатлѣніе кипучей работы.

Познакомился съ состояніемъ снабженій; полтора мѣсяца тому назадъ Неклютинъ увѣрялъ, что организація особой агентуры по пріобрѣтенію и использованію мѣстныхъ средствъ выдачей ихъ сразу въ войсковыя части идетъ очень успѣшно; я повѣрилъ и радовался, ибо видѣлъ въ этомъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ по облегченію подвоза и по прекращенію грабежей; по выработанной нами схемѣ, по всему фронту должны быть учреждены уполномоченные министерства продовольствія и снабженія съ большими правами и кредитами, идущіе вмѣстѣ съ войсками, покупающіе у жителей все для войскъ необходимое и передающіе все пріобрѣтенное сразу же на войсковое довольствіе.

Въ дѣйствительности оказалось, что нигдѣ до сихъ поръ такихъ уполномоченныхъ нѣтъ и они гдѣ то въ тылу собираются приступить къ этимъ обязанностямъ. Таковы оказываются результаты повѣрки дѣятельности этого черепашьяго министерства.

Связь войскъ съ ихъ довольствующимъ тыломъ налажена очень слабо, несмотря на благопріятныя условія отхода на свой тылъ; при такихъ условіяхъ и при должной заботливости можно было отлично наладить довольствіе и не обижать населенія, но этого, къ сожалѣнію, не сдѣлано.

Войска убѣждены, что въ тылу ничего нѣтъ и что безполезно даже надѣяться что либо оттуда получить; поэтому все базируется на собственный промыслъ и добываніе.

Даже штабъ арміи не знаетъ своихъ армейскихъ средствъ; офицеры жаловались мнѣ, что ихъ заѣдаютъ вши, а въ отдѣленіи полевой аптеки штарма столько дезинсекціонныхъ средствъ, что ими можно вымазать нѣсколько разъ всю армію.

Трудно представить, до чего доходитъ беззаботность армейскихъ верховъ; сейчасъ вся армія жмется къ желѣзной дорогѣ и въ отношеніи довольствія находится отъ нея въ полной зависимости; однако, управленіе военныхъ сообщеній до сихъ поръ не догадалось, что надо установить движеніе правильно ходящихъ этапныхъ поѣздовъ, обслуживающихъ войсковыя нужды; такіе поѣзда имѣютъ серьезное значеніе для упорядоченія снабженія и всей тыловой службы, вносятъ систему, связываютъ фронтъ и тылъ и становятся обычно крупнымъ факторомъ въ хозяйственной и обыденной жизни войскъ; ихъ приходъ и уходъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ событій дня для всѣхъ тяготѣющихъ къ извѣстной станціи войскъ и учрежденій.

Когда я выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи такихъ поѣздовъ, то мнѣ отвѣтили, что они давно въ ходу и даже дали расписаніе, которое при повѣркѣ оказалось никѣмъ неисполняемой бумагой; когда-то хотѣли установить такое сообщеніе, отдали всѣ распоряженія, да забыли провѣрить исполненіе.

Все такъ и осталось писаной бумагой; къ сожалѣнію, такихъ случаевъ десятки, — подтвержденіе тому, что не все, что пишется въ штабахъ, выговаривается въ низахъ.

За завтракомъ у Адмирала видѣлъ весьма юнаго генерала Косьмина, изъ недавнихъ поручиковъ, убѣжденнаго сторонника того, чтобы всѣ старшіе начальники сами ходили съ винтовками въ штыковыя атаки или прикрывали отступленіе.

Этотъ абсурдъ самымъ прочнымъ образомъ укрѣпился на фронтѣ и имъ такъ нафаршировали Адмирала, что онъ самъ готовъ взять винтовку и драться наравнѣ съ солдатами; я увѣренъ, что онъ проклинаетъ Омскую работу, которая мѣшаетъ ему устремиться на фронтъ и показать тотъ идеалъ начальника, который ему рисовали и рисуютъ; это объясняетъ его частыя поѣздки на фронтъ, ибо онъ боится, чтобы его не упрекнули въ отсиживаніи въ тылу.

Вечеромъ Адмиралъ разговорился на политическія темы и выказалъ свою дѣтскую искренность, полное непониманіе жизни и исторической обстановки и чистое увлеченіе мечтой о возстановленіи великой и единой Россіи; онъ смотритъ на свое положеніе, какъ на посланный небомъ подвигъ и непоколебимо убѣжденъ, что ему или тому, кто его замѣнитъ, удастся вернуть Россіи все ея величіе и славу и возвратить всѣ отпавшія и отторженныя отъ насъ земли.

Онъ съ восторгомъ разсказалъ случай съ отказомъ принять предложеніе помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндіи; когда же я ему высказалъ, что не было-ли такое рѣшеніе крупной военной и государственной ошибкой, то онъ весь вспыхнулъ, страшно огорчился и отвѣтилъ, что идеею великой, недѣлимой Россіи онъ не поступится никогда и ни за какія минутныя выгоды. Несомнѣнно, что это его credo.

Слушая его, думалъ, сколько хорошаго можно сдѣлать изъ этого вспыльчиваго идеалиста, полярнаго мечтателя и жизненнаго младенца, если бы слабой волей руководилъ кто-нибудь сильный и талантливый и руководилъ такъ же искренно и идейно, какъ искрененъ и преданъ идеѣ служенія Россіи самъ Адмиралъ.

22 Августа. Утромъ нашъ выѣздъ въ Ижевскую дивизію былъ отложенъ по случаю дождя; только около полудня выѣхали по довольно рискованному, идущему близко къ отходящему фронту, маршруту.

Весь прилежащій районъ представляетъ огромныя удобства для дѣйствія конницы, броневиковъ и танковъ; какъ обидно, что обѣщанные намъ французами танки гдѣ-то застряли и никакъ не могутъ до насъ добраться!

Но для пѣхоты, въ особенности молодой и нестойкой, районъ для дѣйствій очень трудный, благодаря массѣ перелѣсковъ, закрывающихъ кругозоръ и облегчающихъ обходы и охваты; опять подумалъ о преимуществахъ обороны за Тоболомъ, гдѣ на 3—4 версты передъ фронтомъ открытая, мѣстами болотистая, долина рѣки.

Впечатлѣніе отъ Ижевской дивизіи весьма оригинальное, но благопріятное; жаль только, что хорошій по численности полкъ раздули въ цѣлую дивизію, ибо реальной силы это не прибавило, но перегрузило зато по части штабовъ и обозовъ.

Всѣ говорятъ, что это исключительная по боевому достоинству дивизія, и, между тѣмъ, не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы снабдить ее, какъ слѣдуетъ; при всей нашей бѣдности мы могли бы снабдить, какъ подобаетъ, такую отборную воинскую часть, хотя бы уменьшивъ то, что такъ жадно и безцеремонно заграбасталъ у насъ казачій Омскій хапуга.

По дорогѣ встрѣтили массы отходившихъ обозовъ, шедшихъ въ большомъ внѣшнемъ порядкѣ; на каждой повозкѣ по 1—2 здоровенныхъ солдата съ винтовками — это многочисленные обозные и нестроевые; физіономіи у всѣхъ весьма пухлыя и никакихъ военныхъ тяготъ и лишеній на нихъ не видно, въ этомъ рѣзкая разница съ подтянутыми, сухими и обожженными лицами Ижевскихъ стрѣлковъ и офицеровъ; точно также большинство обозныхъ одѣто щеголями сравнительно съ Ижевцами.

Войсковыя части тоже злоупотребляютъ подводами, требуя ихъ отъ населенія; это очень раздражаетъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ ихъ отрываютъ отъ полевыхъ работъ по уборкѣ сѣна и хлѣбовъ, уродившихся въ этомъ году такъ, какъ не бывало уже много лѣтъ; лошади и повозки остро нужны самимъ крестьянамъ, такъ какъ обычная здѣсь уборка машинами сейчасъ невозможна вслѣдствіе неполученія запасныхъ частей, шпагата и машиннаго масла.

Убѣдился, что свѣдѣнія о гомерическихъ размѣрахъ войсковыхъ обозовъ не преувеличены; есть полки съ обозомъ свыше тысячи повозокъ, и армейское начальство безсильно бороться съ этимъ зломъ; можно по этой части отдавать любыя распоряженія о сокращеніи, но никто ихъ не исполнитъ.

Всѣ обозныя и тыловыя должности переполнены сверхъ штата, что самымъ тяжкимъ образомъ отражается на довольствіи и снабженіи строевого состава.

Все это результатъ дѣятельности 25 и 28 лѣтнихъ генераловъ, умѣющихъ ходить въ атаку съ винтовкой въ рукѣ, но совершенно не умѣющихъ управлять своими войсками, придавать имъ правильную организацію и не позволять имъ обращаться въ сплошные обозы.

То, что увидѣлъ и узналъ за эти три дня вполнѣ подтвердило тѣ выводы, къ которымъ пришелъ еще въ Омскѣ по отношенію къ невозможности для насъ наступленія. Нельзя наступать, не имѣя пѣхоты, ибо въ такъ называемыхъ дивизіяхъ по 400—700—900 штыковъ, а въ полкахъ по 100—200 штыковъ; нельзя забывать, что надо занимать широкіе

фронты, а наши дивизіи равны по численности батальонамъ. Нельзя наступать съ растерянной артиллеріей, почти безъ пулеметовъ и съ остатками техническихъ средствъ связи.

Сюда надо добавить совершенно разстроенный армейскій тылъ, не способный правильно довольствовать войска, даже при отходѣ ихъ, на свои запасы; какъ же мы будемъ довольствовать при наступленіи, когда вступимъ въ районъ разрушенныхъ желѣзныхъ дорогъ и истощенныхъ и нами, и красными мѣстныхъ средствъ, т. е. попадемъ въ такую обстановку, въ которой правильная и налаженная работа тыла пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе. Тѣ обозы, которые я видѣлъ въ эти дни, не могутъ работать правильно по кругообороту правильнаго подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующіе таборы; они нагружены разнымъ добромъ, продовольственнаго груза принять не могутъ и, кромѣ того, такъ непомѣрно велики по сравненію съ боевыми частями, что сами слопаютъ все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровыхъ и имъ подобныхъ полководцевъ все это пустяки; у нихъ горизонты и масштабы не выше ротнаго командира и имъ все это кажется такъ просто. Такіе типы не новость для нашей арміи; сколько мы видѣли ихъ и въ японскую, и въ нѣмецкую войну; для нихъ тылъ, снабженія и зависимость военныхъ операцій массовыхъ армій отъ вопросовъ подвоза и снабженія не существуютъ; они считаютъ, что ихъ дѣло приказывать и командовать, а объ остальномъ обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посѣщеніи Ижевцевъ впервые видѣлъ Адмирала передъ войсками; впечатлѣнія большого начальника онъ произвести не можетъ; говорить съ солдатами онъ не умѣетъ, стѣсняется, голосъ глухой, не отчетливый, фразы слишкомъ ученыя, интеллигентныя, плохо понятныя даже для современнаго офицерства. Говорилъ онъ на тему, что онъ такой же солдатъ, какъ и всѣ остальные, и что лично для себя онъ ничего не ищетъ, а старается выполнить свой долгъ передъ Россіей. Онъ роздалъ много наградъ, произвелъ десятки офицеровъ и солдатъ въ слѣдующіе и офицерскіе чины, привезъ цѣлый транспортъ разныхъ подарковъ, но сильнаго впечатлѣнія не произвелъ.

Онъ не созданъ для такихъ парадныхъ встрѣчъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я увѣренъ, что, если бы онъ объѣхалъ стоянки частей, посидѣлъ съ солдатами, запросто пообѣдалъ, удовлетворилъ бы несложные запросы и просьбы, то впечатлѣніе осталось бы глубокое и полезное.

23 Августа. Поздно вечеромъ вернулись въ свой поѣздъ, а рано утромъ отправились въ Штабъ 2 арміи; опять понеслись четыре автомобиля по пустыннымъ полямъ и перелѣскамъ, руководствуясь старой и плохой картой; Адмиралъ очень рискуетъ, пускаясь въ такія поѣздки, но никто не рѣшается ему объ этомъ сказать, ибо пользы не будетъ, но за то штормованіе будетъ самое генералъ-адмиральское.

Распрощались съ Сахаровымъ, усердно настраивавшимъ Адмирала на убѣжденіе, что все наше спасеніе въ наступленіи и что постоянный отходъ разваливаетъ арміи; повторялись напѣтые въ академіи разговоры о «подлой оборонѣ» и о томъ, что побѣждаетъ всегда наступающій; все это давно извѣстно, но слѣдуетъ знать также, что всякому овощу свое время, и что бываютъ такія обстоятельства, когда все спасеніе въ своевременномъ и разумно руководимомъ отступленіи и въ искусномъ примѣненіи всѣхъ выгодъ оборонительной войны.

Сейчасъ вся обстановка такова, что мы должны отходить, должны обороняться и выигрывать всячески время, нужное для приведенія въ порядокъ нашихъ частей.

Наступленіе же съ остатками армій, безъ резервовъ и укомплектованій — это полное безуміе, послѣдняя ставка зарвавшагося игрока.

Что Сахаровъ бубнитъ о наступленіи, это вполнѣ понятно, ибо ему надо поправить свое положеніе, подорванное челябинской неудачей; по своей военной ограниченности онъ не въ состояніи даже разобраться, какъ слѣдуетъ, въ данномъ вопросѣ и оцѣнить возможность наступленія во всей его совокупности. У него, какъ у большинства нашихъ честолюбивыхъ выскочекъ, главную роль играетъ желаніе и собственное усмотрѣніе, а все остальное ломается и пригибается такъ, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ

и хотѣніямъ воли, самодурства и фантазіи. Въ общемъ гибельное засиліе маніака, надъ которымъ нѣтъ контроля и удержа.

Пересѣкли длинныя колонны обозовъ, двигающихся на востокъ; характеръ все тотъ-же, только кое гдѣ на повозкахъ очень много женщинъ и дѣтей.

Штабъ 2-й арміи расположенъ въ большомъ торговомъ селѣ Мокроусово; командующій 2-й арміей генералъ Лохвицкій произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе своимъ обстоятельнымъ и правдивымъ докладомъ о состояніи арміи.

Адмиралъ сразу же перешелъ на необходимость въ концѣ августа начать наступленіе. Лохвицкій очень тактично, съ разными подходами, безъ острыхъ угловъ, но обстоятельно и доказательно доложилъ, что недавно принятая имъ армія находится въ такомъ состояніи, что наступать не можетъ, хотя бы даже потому, что части войскъ во время отхода растеряли всѣ средства связи; затѣмъ всѣ отдѣлы снабженія находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, усугубляемомъ тѣмъ, что 2 армія не базируется на желѣзную дорогу и принуждена жить подвозомъ по грунтовымъ дорогамъ, не имѣя организованныхъ колесныхъ транспортовъ.

Также умѣло доложилъ Лохвицкій и о подорванномъ нравственномъ состояніи арміи; вообще, это былъ правдивый докладъ настоящаго начальника, разобравшагося во всей обстановкѣ и не боящагося докладывать правду и собственное мнѣніе.

Состояніе тыла армій дѣйствительно хаотично; при образованіи фронта самостоятельное снабженіе армій было сначала уничтожено, а потомъ приказали его опять возстановить, и все это внесло неописуемую путаницу въ это сложное и скрипучее дѣло.

Старые кормильцы, хозяйственные хвосты дивизій и полковъ разорвались на кучки и находятся неизвѣстно гдѣ; многое улетѣло въ общемъ эвакуаціонномъ потокѣ въ Ново-Николаевскъ и Красноярскъ; правильная система снабженія изъ магазиновъ регулярнымъ кругооборотомъ обозовъ и транспортовъ не существуетъ.

Вечеромъ воспользовался благопріятной обстановкой, созданной докладомъ Лохвицкаго, и, стараясь всячески сдерживаться, началъ доказывать Адмиралу, что арміи еще не окрѣпли настолько, чтобы съ ними можно было рисковать на рѣшительное и длительное наступленіе.

Пришлось слѣдовать примѣру Лохвицкаго и идти послѣдовательными подступами, чтобы не дать Адмиралу сразу закинуться и прекратить разговоръ. Очень трудно говорить по такому деликатному и сложному вопросу съ морякомъ и касаться тонкостей и деталей сухопутной войны, да еще въ завѣдомо непріятномъ для собесѣдника направленіи.

Адмиралъ сразу закинулся и нервно сталъ выбрасывать доводы о необходимости наступленія, какъ спасенія отъ развала армій, о невозможности обороны и пр. и пр.

Когда онъ выкипятился, я доложилъ ему свои подробныя соображенія о зависимости всякой операціи, — а тѣмъ болѣе наступательной, — отъ устройства тыла и обезпеченности снабженій; обрисовалъ маневренную, нравственную и техническую неготовность частей и выразилъ увѣренность, что части смогутъ начать наступленіе, но окажутся неспособными его развивать.

Закончилъ докладомъ, что временно надлежитъ отказаться отъ идеи наступленія и перейти временно къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ на Ишимѣ и даже на Иртышѣ.

На это Адмиралъ довольно холодно отвѣтилъ мнѣ, что Главнокомандующій фронтомъ и Командующій 3 арміей, отлично освѣдомленные о состояніи подчиненныхъ имъ армій, настроены совершенно иначе и удостовѣряютъ, что къ сроку задуманнаго наступленія все будетъ готово въ вполнѣ удовлетворительной степени.

Опять выходило «сапожникъ, знай свои сапоги»; тѣмъ не менѣе, я повторилъ свои доводы о недопустимости при нашемъ положеніи риска и о томъ, что лучше потерять пространство, чѣмъ нашу послѣднюю живую силу.

24 Августа. Утромъ узнали, что вчера вечеромъ красные внезапнымъ налетомъ коннаго отряда захватили станцію Лебежью, съ которой только что убрали въ тылъ поѣзда Адмирала и Сахарова; очевидно, что красные узнали, что на станціи стоитъ штабъ арміи и рѣшили попробовать захватить столь цѣнный призъ.

Выяснилось также, что все 23 Августа лѣвый флангъ 3 арміи и ея штаба были совершенно обнажены, такъ какъ самая лѣвофланговая группа генерала Каппеля, слабая числомъ и вымотанная боями и переходами, потеряла способность удерживать фронтъ и, угрожаемая прорывомъ надвинувшихся красныхъ, откатилась на 30 верстъ на востокъ, оставивъ штабъ арміи ничѣмъ не прикрытымъ.

Съ занятіемъ Лебежьей штабъ 2 арміи и находящійся въ немъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій очутились внѣ всякой связи съ сосѣдними штабами армій и со Ставкой.

Съ изумленіемъ пришлось узнать, что вся связь штаба 2 арміи шла черезъ станцію Лебежью, т. е. не назадъ, а вбокъ и даже немного впередъ.

Связи назадъ не было и всѣ просьбы начальника штаба арміи объ устройствѣ таковой разбивались объ упрямство начальника общаго отдѣла Ставки, который убивалъ всѣ техническія средства связи на подготовку какой-то весьма нелѣпой сѣти на случай наступленія.

Хорошо еще, что въ теченіе всей ночи красные не догадались перерѣзать желѣзнодорожные провода, въ которые были включены армейскія станціи и намъ удалось коечто узнать и кое-что передать.

Не безъ труда удалось убѣдить Адмирала, что ему нельзя продолжать разъѣзжать по частямъ 2 арміи, не имѣя никакой связи съ Омскомъ, и что надо переѣхать въ такой пунктъ, гдѣ бы онъ былъ связанъ и съ Омскомъ и со всѣми штабами армій.

Адмиралъ крайне разсерженъ на то, что неожиданный откатъ лѣваго фланга 3 арміи нарушилъ всѣ разсчеты и всю идею «его» наступленія, и что теперь придется отнести назадъ линію развертыванія назначенныхъ для наступленія дивизій.

Я еще разъ воспользовался случаемъ и опять доложилъ Адмиралу, что надо повременить съ «его» идеей наступленія, такъ какъ случай съ группой Каппеля предупреждаетъ еще разъ, что всѣ предѣлы сопротивляемости частей перейдены, что нервы у нихъ перетянуты и что съ такими больными войсками невозможны никакія наступательныя операціи.

Наступленіе требуетъ спокойствія и большой выдержки войскъ; оно требуетъ большой нравственной устойчивости, ибо надо прорывать красные фронты и временами самимъ быть въ положеніи окруженныхъ. На все это надо смотрѣть съ точки зрѣнія взводовъ и ротъ, которые не видятъ и не учитываютъ того, что видятъ и учитываютъ штабы, и которые реагируютъ только на то, что видно ихъ глазамъ и слышно ихъ ушамъ.

Мнѣ было нелегко бороться съ сомнѣніями Адмирала; я для него тыловой человѣкъ, что то въ родѣ интенданта, и притомъ извѣстный брюзга, критикъ и пессимистъ. Онъ не можетъ учесть того, что за мной стоитъ опытъ на много большій, чѣмъ у Дитерихса, Сахарова и кучи фронтовыхъ генераловъ, взятыхъ вмѣстѣ; для него доклады Дитерихса и Сахарова непоколебимая правда, такъ подходящая къ его бурной натурѣ, возстающей противъ дождя неудачъ и жаждущей все это перевернуть на путь успѣха.

Послѣ часового разговора очень разстроенный Адмиралъ спросилъ меня, что же дѣлать, если не наступать; я доложилъ опять, что надо всѣ разстроенныя дивизіи отвести за Ишимъ, спѣшно отрекогносцировать и укрѣпить восточные берега и на укрѣпленныхъ позиціяхъ задержать красныхъ до тѣхъ поръ, пока мы не произведемъ необходимыя организаціонныя реформы, выправимъ настроеніе и снабженіе армій, наладимъ резервы и укомплектованія и, вообще, приготовимся къ настоящей наступательной операціи съ полной надеждой на успѣхъ. Я не хотѣлъ пугать Адмирала, высказывая свое мнѣніе, что эта готовность будетъ не ранѣе слѣдующей весны; мнѣ было необходимо только попытаться сломать, и прочно сломать, навязанную ему вѣру въ необходимость скораго наступленія.

Одновременно съ укрѣпленіемъ линіи Ишима надо продолжать отходъ фронтовыхъ дивизій къ этой линіи, избѣгая ежедневныхъ, изматывающихъ войска стычекъ, подъ прикрытіемъ арьергардовъ изъ болѣе стойкихъ частей.

По отходѣ за Ишимъ, занятый къ этому времени отдохнувшими частями, передовыя дивизіи составятъ резервы оборонительныхъ участковъ, что позволитъ имъ также от-

дохнуть. Одновременно надо использовать конницу, бросивъ ее глубокимъ набѣгомъ въ тылъ и на сообщенія красныхъ (очень жалко, что Каппель заболѣлъ дизентеріей, что снимаетъ его кандидатуру на командованіе конницей).

Въ концѣ бесѣды очень взволнованный Адмиралъ сказалъ мнѣ, что многое изъ сказаннаго мной кажется ему убѣдительнымъ, и онъ еще поговоритъ съ Сахаровымъ и пересмотритъ уже принятое рѣшеніе по поводу наступленія.

Переговоры съ Сахаровымъ грозятъ свести на нѣтъ всѣ мои усилія.

Первый ударъ успѣху моего доклада былъ нанесенъ пріѣхавшимъ къ Адмиралу начальникомъ конной группы генераломъ Волковымъ, настроеннымъ очень воинственно и сразу поднявшимъ наступательныя тенденціи Адмирала. Уже тутъ я понялъ, что моя борьба проиграна и что наступленія мнѣ не остановить.

Послѣ обѣда понеслись на станцію Макушино, но нашего поѣзда тамъ не нашли, т. к. ввиду угрожаемаго положенія этой станціи его отправили на станцію Пѣтухово; тутъ же узнали, что группа Каппеля продолжаетъ катиться назадъ и вмѣсто нея экстренно выдвинута на лѣвый флангъ Ижевская дивизія.

На станцію Пѣтухово къ Адмиралу явился Сахаровъ; сначала онъ былъ очень смущенъ, докладывая объ откатѣ своего лѣваго фланга, но скоро оправился и сдѣлался хозяиномъ положенія. Въ частности доложилъ, что изъ подслушаннаго на линіи разговора между красными штабами, стало извѣстнымъ, что налетъ на Лебежью былъ произведенъ отрядомъ извѣстнаго Уральскаго партизана Катирина, хотѣвшаго захватить штабъ 3-й арміи; какъ человѣка — я пожалѣлъ бы Сахарова, если бы его захватили красные, но былъ бы доволенъ, если бы этотъ горе-полководецъ исчезъ съ нашего стратегическаго горизонта.

Подъ вліяніемъ Сахарова и общаго шторма, вызваннаго переводомъ поѣзда на станцію Пѣтухово, Адмиралъ быстро вернулся къ своему наступательному настроенію и продолжалъ злиться на красныхъ и на группу Каппеля за то, что нажимъ первыхъ и отказъ второй сорвалъ весь его планъ наступленія и все надо наново передѣлывать

Рѣшено вернуться въ Омскъ; моя поѣздка съ адмираломъ кончилась довольно быстро; оптимистическихъ впечатлѣній изъ нея я не вынесъ; зато убѣдился, что эти поѣздки совершенно безполезны для дѣла; потревоженные въ своемъ обиходѣ штабы и войска смотрятъ на нихъ косо и даже недружелюбно, искренности намѣреній Адмирала и его стремленія раздѣлить общія тяготы и всячески помочь никто не знаетъ и не оцѣниваетъ; подарки и награды, имъ разсыпаемые, потеряли силу и скоро забываются; но зато крѣпко учитываются и не забываются случайные штормы, разносы, задержка желѣзно-дорожнаго движенія, мотаніе частей на смотры и т. п.

У Царской власти эти минусы кое какъ покрывались традиціями, ну а новой аплике все это ставится въ счетъ.

25 Августа. Свита Адмирала позволяетъ себѣ дѣлать очень печальныя для авторитета власти распоряженія; сегодня утромъ остановили оба эшелона адмиральскаго поѣзда на забитомъ разъѣздѣ только потому, что иначе Адмиралъ не успѣетъ побриться до прихода поѣзда на станцію Петропавловскъ.

Адмиралъ этого и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ это на $1^1/_2$ часа задержало всю эвакуацію заваленнаго эшелонами и грузами Макушинскаго узла.

На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ помощника начальника снабженій Южной Арміи полковника Михайлова, присланнаго сюда наладить подвозъ снабженія для этой арміи.

Былъ пораженъ присылкой столь вялаго и глупаго агента, неспособнаго разобраться въ самыхъ простыхъ вещахъ; онъ умудрился, напримѣръ, заполнить весь первый, съ великимъ трудомъ налаженный нами колесный транспортъ 48-линейными бомбами и не послалъ медикаменты, перевязки, дезинфекціонныя средства и теплое бѣлье, т. е. то, что нужно арміи въ первую голову; 48-линейныхъ гаубицъ въ арміи всего пять, и навѣрное ихъ уже бросили во время отступленія.

Въ Петропавловскѣ Адмиралъ выслушалъ доклады начальника резервной группы генерала Косьмина о состояніи пяти дивизій (по численности равныхъ батальонамъ)

третьей арміи, стоящихъ здѣсь на отдыхѣ. Юный генералъ несомнѣнно желалъ угодить въ тонъ Адмиралу и бойко докладывалъ, что, если ему дадутъ то-то и то-то, то къ началу Сентября или «немножко позже» всѣ его части будутъ готовы къ наступленію.

Въ своемъ молодомъ задорѣ и увѣренности Косьминъ былъ, по всей вѣроятности, даже искрененъ и вѣрилъ въ осуществимость того, что докладывалъ; въ его служебномъ багажѣ такъ мало опыта, да и то, что есть — самаго мелкаго масштаба; онъ не представляетъ себѣ даже, что такое значитъ полная готовность части для продолжительнаго и напряженнаго наступленія; онъ считаетъ, что достаточно приказать наступать и самому идти впереди, а остальное приложится; онъ не учитываетъ — и въ своемъ задорѣ и не желаетъ даже учитывать, что сейчасъ совсѣмъ уже не тѣ времена и не та обстановка, при которыхъ онъ и его соратники годъ тому назадъ гнали неустроенныя красныя орды.

Я задалъ ему и бывшимъ съ нимъ командирамъ рядъ вопросовъ о состояніи подчиненныхъ частей и изъ полученныхъ отвѣтовъ убѣдился, что онѣ въ такомъ же состояніи какъ и то, что находится въ боевой линіи, и вся разница только въ томъ, что онѣ немного отдохнули. Оказалось, что пополненія только что прибыли или еще ожидаются; что со снабженіемъ еще не разобрались и солдаты по прежнему раздѣты и разуты; что къ полевымъ занятіямъ еще не приступили, такъ какъ все время занимались устройствомъ на временныхъ стоянкахъ и отдыхали; что часть прибывающихъ пополненій еще не стрѣляла изъ винтовокъ; что обозы — это такіе же подвижные таборы-склады, какіе я видѣлъ при объѣздѣ фронта; что колесныхъ транспортовъ для организаціи подвоза не имѣется; что техническія средства связи, шанцевый инструментъ, значительная часть пулеметовъ потеряны при отходѣ и только что получаются, но не въ такомъ размѣрѣ, чтобы обезпечить длительное наступленіе (ослабленіе контроля и служебной добросовѣстности привело теперь къ тому, что размотанный на линіи телефонный кабель очень часто бросается, а телефоны, инструментъ и пр. не ремонтируются, снашиваются и выбрасываются.

Я убѣдился, что то, что Косьминъ считаетъ воинскими частями, представляетъ собой совершенно сырыя кучи людей, имѣющихъ внѣшній обликъ солдатъ, но лишенныхъ внутренней спайки и спеціальной подготовки. Да иначе и быть не могло; наши вундеркинды никакъ не могутъ учесть той разницы, которая внесена въ нашъ обиходъ отсутствіемъ у насъ старыхъ и опытныхъ кадровъ; они живутъ прежними привычками, когда эти кадры въ нѣсколько недѣль переваривали приходящія къ нимъ укомплектованія и своими боевыми и моральными качествами руководили и вели за собой остальной молодой составъ части.

Теперь все это отошло въ область прошлаго и съ этимъ надо считаться, особенно же, если вы желаете предъявить къ войскамъ (нынѣ уже специфически милиціоннаго характера, да еще съ прибавкой насильственныхъ мобилизацій) требованіе длительнаго и напряженнаго наступленія. Вѣдь, послѣднее требуетъ опытнаго командованія, знающихъ и втянутыхъ въ войну кадровъ, обученнаго состава, прочности моральнаго состоянія, удовлетворительнаго, хотя бы, снабженія и сносной подготовки войскового и армейскаго тыла.

Ничего этого у насъ нѣтъ, а мы пыжимся начинать рѣшительное наступленіе. Мы базируемся на числѣ «штыковъ», а ихъ то у насъ, въ настоящемъ боевомъ значеніи этого слова, — и нѣтъ.

Ставка гонитъ сюда все, что только можно собрать въ тылу по части пополненій; нѣсколько такихъ эшелоновъ стояло здѣсь на станціи и я ихъ обошелъ; народъ все здоровый и по внѣшнему облику довольно симпатичный; одѣты въ новое обмундированіе, но не имѣютъ снабженія, необходимаго для похода (его нѣтъ и въ частяхъ); срокъ обученія въ тыловыхъ частяхъ колеблется между 2 и 11 днями, причемъ занятія сводились, главнымъ образомъ, къ словесности, отданію чести, гимнастикѣ и маршировкѣ; многіе не видали еще винтовки, а стрѣляли только одиночные люди изъ застрявшихъ почему-либо въ этихъ частяхъ на болѣе долгіе сроки.

Судя по внѣшнему виду, изъ этихъ укомплектованій можно сдѣлать хорошихъ солдатъ, но для этого надо нѣсколько недѣль усердной работы опытныхъ и добросовѣстныхъ руководителей; примѣръ этому можно видѣть въ Омскѣ по результатамъ работы нашего владивостокца Волкова и его офицеровъ.

Адмиралъ опять полонъ наступательными тенденціями и приказываетъ всячески торопить снабженіе; доложилъ, что все, что было, отдано на фронтъ или захвачено Ивановымъ-Риновымъ, но что того, что выслано и сдано войсковымъ пріемщикамъ, достаточно для снабженія нашихъ армій; надо только расшевелить армейскія снабженія, такъ какъ изъ доклада коменданта станціи я знаю что вещевые эшелоны стоятъ по недѣлямъ безъ разгрузки.

Изъ бесѣды съ командирами частей убѣдился, что, несмотря на многочисленные штабы и безчисленныя освѣдомленія, войска сидятъ въ полной темнотѣ по части всего, что дѣлается въ тылу, въ странѣ, въ Правительствѣ и т. п. (Только отъ меня узнали, напримѣръ, о новыхъ окладахъ пенсій). Настроеніе къ союзникамъ довольно недружелюбное, такъ какъ извѣрились въ ихъ реальную помощь, болѣзненно желательную, потому что всѣ истомились, истрепались, сознаютъ всю трудность положенія и жаждутъ облегченія и помощи.

Петропавловскъ и станціи къ востоку отъ него загромождены хвостами Челябинской эвакуаціи; преобладаютъ штабныя и тыловыя команды и учрежденія; особенно много разныхъ спеціальныхъ командъ, обильно расплодившихся у насъ на нѣмецкомъ фронтѣ, и очень усердно возстанавливаемыхъ нашими штабами по мѣрѣ ихъ распуханія.

Ставка не сумѣла ввести это во время въ организаціонныя рамки и сдержать появленіе этихъ командъ явочнымъ порядкомъ; въ результатѣ то, что полагалось только въ армейскихъ организаціяхъ, появилось въ дивизіяхъ и даже ниже; для войскъ это было очень удобно, такъ какъ прибавило имъ независимость техническую и снабжательную; это и объясняло, почему у насъ были въ Сибирской арміи штабы дивизій, въ которыхъ числилось 120—125 офицеровъ и чиновниковъ (т. е. десятерной штатъ противъ нормальнаго).

Въ обгоняемыхъ эшелонахъ мало воинскаго, но много обывательскаго, изъ вагоновъ выглядываютъ коровы; подъ вагонами особыя приспособленія для домашней птицы; всюду обиліе женскаго пола и дѣтей.

Вотъ, куда надо прислать весьма энергичную комиссію, которая немедленно бы отправила въ глубокій тылъ все небоевое и ликвидировала всѣ экзотическія тыловыя команды, обративъ ихъ на укомплектованіе спеціальныхъ фронтовыхъ командъ.

26 Августа. Вернулись въ Омскъ; настроеніе скверное, ибо узналъ и увидѣлъ, что предполагаемое и извѣстное изъ разсказовъ и донесеній оказалось реальнымъ и угрожающимъ; исчезла послѣдняя иллюзія, что я до сихъ поръ ошибался въ своихъ мрачныхъ мысляхъ и что общее положеніе еще не такъ плохо, какъ мнѣ казалось изъ моего Омскаго далека.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ состоялся очередной докладъ генерала Андогскаго о положеніи фронта; опять самыя розовыя краски, утвержденіе въ полномъ «оздоровленіи» армій (наши академики всегда любятъ муслить и всюду налѣплять какое-нибудь модное выраженіе) и обѣщанія скораго наступленія.

Послѣ доклада Пепеляевъ спросилъ мое впечатлѣніе отъ поѣздки на фронтъ; отвѣтилъ, что діаметрально противоположное взглядамъ генерала Андогскаго.

Былъ вызванъ къ Адмиралу, гдѣ засталъ Дитерихса и только что прибывшаго изъ Франціи генерала Головина. Адмиралъ предложилъ мнѣ вступить въ исполненіе обязанностей Наштаверха и Военнаго Министра до тѣхъ поръ, пока Головинъ не ознакомится съ положеніемъ дѣлъ и сможетъ принять эти должности.

Предложеніе было очень неожиданное; отвѣтилъ, что по моему убѣжденію нѣтъ такого человѣка, который могъ бы одновременно нести такія разнородныя по сущности и колоссальныя по объему работы и ея значенію должности; поэтому, прежде всего, надо ихъ разъединить и возстановить нормальную и здоровую систему высшаго военнаго Управленія.

Головинъ меня поддержалъ, напомнивъ Адмиралу, что таковъ же былъ и его докладъ по этому вопросу. Затѣмъ, я доложилъ Адмиралу, что мои взгляды на положеніе фронта и веденіе операцій настолько расходятся съ существующими, твердо установившимися и проводимыми въ жизнь всѣми старшими начальниками (понимая его, Сахарова, Иванова-

Рипова и, повидимому, Дитерихса), что я не считаю себя въ правѣ принять исполненіе обязанностей наштаверха, безсильнаго все это измѣнить. Если же моя работа нужна, то прошу оставить меня при Управленіи Военнымъ Министерствомъ при условіи непосредственнаго подчиненія Адмиралу, какъ Верховному Правителю, и предоставленія мнѣ самостоятельности въ проведеніи программы, которую я ему представлю.

Порывистый Адмиралъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу недавней реформы Ставки и Министерства и приказалъ все вернуть въ прежнее положеніе. Доложилъ ему, что при данной обстановкѣ новая и спѣшная ломка внесетъ новый развалъ въ наше Управленіе и что при его одобреніи я и генералъ Головинъ сдѣлаемъ это постепенно, по мѣрѣ надобности.

Въ концѣ концовъ, Адмиралъ рѣшилъ, что, до вступленія Головина въ должность Наштаверха, эти обязанности останутся на Дитерихсѣ, а я буду назначенъ Военнымъ Министромъ съ правомъ постепеннаго возстановленія всего нарушеннаго Лебедевской реформой.

Былъ у Андогскаго, который является теперь оперативнымъ руководителемъ Ставки, и сообщилъ ему свои печальныя впечатлѣнія, вывезенныя изъ поѣздки на фронтъ; высказалъ ему, что, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба и достаточно опытный организаціонный и боевой начальникъ, считаю обязаннымъ заявить ему, какъ руководителю военныхъ операцій, что армія къ наступательнымъ операціямъ не готова; нуждается въ коренной реорганизаціи, и годныхъ для боя пополненіяхъ; сейчасъ, единственный исходъ — это укрѣпленіе линіи Ишима (если уже не поздно) и даже Иртыша, отводъ туда всего кромѣ арьергардовъ и конницы и выигрышъ драгоцѣннаго для насъ времени всѣми способами.

Надо смотрѣть на идею наступленія глазами опытныхъ военныхъ спеціалистовъ, а не тѣхъ юнцовъ, для которыхъ все кажется такимъ простымъ и возможнымъ; мы не можемъ не понимать, что при настоящемъ положеніи арміи, тыла и снабженій никакое наступленіе — въ его разумномъ, оперативномъ смыслѣ — невозможно; это должно быть понятно уже всякому молодому офицеру генеральнаго штаба, познавшему что такое подготовка, планъ и исполненіе всякой военной операціи и выполнившему свою третью академическую тему. Для насъ же, имѣющихъ за плечами много лѣтъ практики, это является непреложной истиной.

Разсказалъ ему свой разговоръ съ Адмираломъ, обрисовалъ вліяніе Сахарова и просилъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, ибо другихъ способовъ у меня уже нѣтъ; просилъ отбросить предубѣжденіе противъ приписываемаго мнѣ пессимизма и обратить вниманіе на мои слова и мое безпокойство.

Андогскій слушалъ меня внимательно, какъ будто забезпокоился и обѣщалъ разобраться во всемъ ему сообщенномъ.

Временами я совершенно изнемогаю въ этой борьбѣ; иду на эти разговоры и убѣжденія, какъ какой-то проситель или въ чемъ нибудь виноватый, ибо чувствую, что многіе смотрятъ на меня какъ на маніака или брюзгу, наслаждающагося въ разведеніи мрачныхъ красокъ. Никто не понимаетъ, до чего мнѣ хочется ошибаться въ моихъ выводахъ или же имѣть право быть полнымъ радостныхъ надеждъ и увѣренности. Не мой пессимизмъ, а весь ужасъ того, что кругомъ дѣлается, приводитъ къ тому, что «нѣтъ пѣсенъ у меня веселыхъ».

Я не претендую на непогрѣшимость и прошу только не отмахиваться отъ моихъ словъ, а внимательно въ нихъ разобраться. То, что я говорю о подготовкѣ наступательной операціи, о качествѣ пополненій, объ отсутствіи умѣнья управлять боемъ и маневрировать, о бѣдности снабженій, о неготовности обоза и тыла и вообще объ отсутствіи матерьяльныхъ и моральныхъ качествъ и запасовъ, необходимыхъ для серьезной, длительной и последней (ибо при неуспѣхѣ — смерть) нашей операціи, — все это подлежитъ подсчету, учету, разсмотрѣнію и оцѣнкѣ.

Я только и хочу, чтобы тѣ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы Россіи, арміи и насъ грѣшныхъ, — заглянули за ту черту, на которую я указываю.

Непріятно смотрѣть на висящую въ моемъ кабинетѣ огромную карту, на которой завѣдывающій сводками офицеръ наноситъ красными точками пункты и районы возстаній въ нашемъ тылу; эта сыпь дѣлается все гуще и гуще, а вмѣстѣ съ тѣмъ все слабѣе становится надежда справиться съ этой болѣзнью.

Говорилъ на эту тему съ Пепеляевымъ; онъ очень озабоченъ затрудненіями по части организаціи отрядовъ особаго назначенія и не скрываетъ, что нравственный уровень ихъ личнаго состава очень невысокій; все лучшее забрано фронтомъ и центральными управленіями.

Пепеляевъ составилъ себѣ очень хорошій, но очень запоздалый планъ объѣзда наиболѣе важныхъ областей Сибири для того, чтобы на мѣстѣ, путемъ непосредственнаго общенія съ населеніемъ, выяснить причины недовольства и возстаній и мѣры, необходимыя для успокоенія края; по его свѣдѣніямъ главными заправилами всѣхъ возстаній являются новоселы, преимущественно Столыпинскіе аграрники, плохо устроившіеся въ Сибири и мечтающіе о томъ, какъ бы пограбить богатое старожильческое населеніе Сибири, достатокъ котораго разжигаетъ ихъ большевистскіе аппетиты.

Вкладывать персты въ раны дѣло хорошее, но надо было заняться этимъ еще зимой. Теперь заниматься діагнозомъ столь очевидной болѣзни уже поздно.

Наконецъ-то Совѣтъ Министровъ разсмотрѣлъ возмутительное дѣло Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, которое, наравнѣ съ дѣломъ Зефирова, бросило много грязи на репутацію Омскаго Правительства.

Про Зефирова говорятъ, что виноватъ не онъ, а его докладчики и его неопытность; но тогда надо это выяснить и покарать виновныхъ; пока же этого не сдѣлано, надъ властью виситъ пріукрашенное сплетнями и провокаціею густое обывательское обвиненіе Правительства въ томъ, что его бывшій министръ пріобрѣлъ огромную партію чая по четверной цѣнѣ, нанеся казнѣ убытки въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, — и что Правительство все это покрываетъ.

Засѣданіе Совѣта Министровъ было очень жаркое, было произнесено не мало рѣчей противъ назначенія Сенатской ревизіи всей дѣятельности военно-промышленнаго комитета, какъ того требовало заключеніе докладчика А. М. Окорокова, весьма рельефно обрисовавшаго всѣ злоупотребленія и служебныя преступленія, допущенныя въ этомъ комитетѣ.

Защищать всю эту мерзость по существу было невозможно; поэтому базировались преимущественно на томъ, что Комитетъ привлекъ первую слѣдственную комиссію профессора Лебедева къ отвѣтственности за клевету и надо подождать разбора этого дѣла въ судѣ; кое гдѣ проскальзывали скверныя нотки на тему о желательности поменьше раздувать это дѣло, такъ какъ сіе можетъ отразиться на репутаціи правительственныхъ круговъ.

Поставленный на голосованіе вопросъ о назначеніи Сенаторской ревизіи принятъ подавляющимъ большинствомъ; послѣ этого защитники комитета пытались внести поправку, что ревизія назначается по просьбѣ самого комитета, но эта поправка Совѣтомъ отвергнута.

Идя домой, удивлялся столь страусовой политикѣ, каковой придерживалась до сихъ поръ та кучка людей, которая помыкала и Правительствомъ, и Верховной властью; неужели же судьба монархіи и все послѣдующее ничему не научила (даже по части сохраненія собственнаго положенія и благополучія)!

27 Августа. Состоялось мое назначеніе на должность Военнаго Министра съ подчиненіемъ прямо Верховному Правителю; просилъ Адмирала смотрѣть на меня, какъ на временнаго замѣстителя, такъ какъ здоровье мое совсѣмъ плохо и я могу скоро совсѣмъ свалиться.

Фронтъ продолжаетъ ползти назадъ; настроеніе въ Омскѣ, несмотря на всѣ казачьи завыванія, за послѣдніе дни сильно сдало; дутый подъемъ начала Августа начинаетъ падать и смѣняться растерянностью и пессимизмомъ; тяга на востокъ дѣлается все сильнѣе, такъ какъ «служебныя и коммерческія дѣла» того требуютъ; много охотниковъ получать

разныя командировки въ восточномъ направленіи для разрѣшенія накопившихся тамъ вопросовъ.

Отбыли на Дальній Востокъ и далѣе къ Деникину недавно пріѣхавшіе оттуда генералы Лебедевъ 2-й и Нагаевъ; первый — набирать служащихъ, а второй — для еще болѣе анекдотическаго порученія — провести сюда черезъ Закаспій и Туркестанъ дивизію изъ уроженцевъ Сибири, которую онъ собирается сформировать у Деникина.

Для послѣдней цѣли экстренно ассигновано около 80 милліоновъ рублей романовскими и керенками.

Кредитъ этотъ проведенъ черезъ Совѣтъ Министровъ уже постфактумъ; впервые я не выдержалъ и, отбросивъ всѣ приличія, высказалъ Совѣту свой взглядъ на такія командировки; высказалъ свое негодованіе по адресу Ставки и авторовъ этого нелѣпаго и невыполнимаго проекта, ибо они, какъ офицеры Генеральнаго Штаба, не могутъ не знать исторіи нашихъ Туркестанскихъ походовъ и всѣхъ исключительныхъ условій движенія и военныхъ дѣйствій въ тѣхъ краяхъ; сказалъ, что только высокое мѣсто, въ коемъ я присутствую, удерживаетъ меня отъ того, чтобы назвать все это дѣло и его авторовъ тѣмъ названіемъ, котораго они заслуживаютъ.

Тѣмъ не менѣе ассигнованіе было утверждено и два превосходительныхъ гастролера, отряся Омскій прахъ съ своихъ ногъ и получивъ 2000 фунтовъ стерлинговъ на расходы, плюсъ обобранные изъ всѣхъ казначействъ десятки милліоновъ романовскихъ, изволили отбыть обратно на югъ.

Былъ у Головина; изложилъ ему общую характеристику Омскихъ персонажей и общаго положенія, высказалъ свой взглядъ на состояніе армій, фронта и тыла, сугубо подчеркнувъ опасность наступленія, вымотанность и нервность войскъ, неготовность пополненій и общее паденіе чувства долга, работоспособности и добросовѣстности.

Въ общемъ положеніи указалъ на невозможность работать сейчасъ порядками мирнаго времени и во всероссійскомъ масштабѣ, какъ то дѣлаетъ Правительство; надо облегчить, но въ то же время усилить аппаратъ власти; во многомъ нужна рѣшительная децентрализація, а во многомъ, наоборотъ, централизація, равная, быть можетъ, диктатурѣ.

Высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что у Адмирала должно быть два помощника: по военной и по гражданской части, которые должны быть при немъ постоянно и безъ которыхъ никто не можетъ ничего докладывать Адмиралу; помощникъ по военной части долженъ быть наштаверхомъ въ самомъ широкомъ военномъ значеніи этого слова, а помощникъ по гражданской части — чѣмъ то въ родѣ канцлера.

Одновременно надо провести широкую децентрализацію мѣстнаго управленія съ привлеченіемъ туда мѣстныхъ выборныхъ представителей.

Бесѣда съ Головинымъ оставила самое хорошее впечатлѣніе. Дай Богъ, чтобы онъ пріобрѣлъ довѣріе Адмирала и сдѣлался его руководителемъ; вѣдь, онъ не случайный выкидышъ революціонной фортуны, а человѣкъ съ большимъ и многостороннимъ опытомъ, привыкшій работать въ большомъ масштабѣ.

28 Августа. Утопаю въ морѣ бумаги; погибаю въ безчисленныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ; временами устаю до полнаго выдыха и маразма. Очередной вопросъ для осуществленія — это возстановленіе разрушенной системы воспитанія дѣтей военно-служащихъ и государственныхъ чиновниковъ; сейчасъ, при общей разрухѣ, надо возстановить интернаты и полуинтернаты, внести новую, живую струю въ ихъ жизнь и ученье, и помочь всѣмъ служащимъ въ главномъ, что ихъ безпокоитъ, то есть въ призрѣніи, воспитаніи и обученіи дѣтей.

Все это надо сдѣлать подальше отъ фронта, на Дальнемъ Востокѣ и въ Иркутскѣ. Былъ вновь обозленъ начальствомъ военныхъ округовъ, которое на мой запросъ, какъ это все осуществить, отвѣтило донесеніемъ о трудности и даже невыполнимости предложенныхъ имъ мѣръ.

Даю все, что надо: право, деньги и вагоны для подвоза матерьяловъ, а взамѣнъ прошу побезпокоиться, подумать и сдѣлать все, что только возможно, но все время натыкаюсь на непонятныя для меня равнодушіе и лѣнь.

Вечеръ просидѣлъ въ засѣданіи Гос. Эк. Совѣщанія, увязшаго въ раскапываніи санитарныхъ безпорядковъ и въ дебатахъ по поводу разныхъ проектовъ организаціи высшаго санитарнаго управленія. Всѣ проекты больны тѣмъ, что ищутъ исхода въ коренной перестройкѣ всей системы въ то время, когда всѣ бѣды кроются въ недостаточности личнаго состава и въ недостаткахъ людей исполнителей. Какой смыслъ ломать и надстраивать системы, если останемся съ тѣми же людьми тѣхъ же качествъ.

Въ своемъ докладѣ Совѣщанію я обрисовалъ все положеніе нашего санитарнаго дѣла и всѣ его устранимые и неустранимые недостатки; указалъ на причины наличныхъ безпорядковъ и на способы ихъ устраненія, подчеркнувъ, что главная бѣда въ нашей слабости по части медицинскаго, фельдшерскаго и санитарнаго персонала и въ отсутствіи должнаго хозяйственнаго, санитарнаго и медицинскаго порядка въ нашихъ врачебныхъ заведеніяхъ. Надо всѣмъ подтянуться; надо преслѣдовать лѣнь и недобросовѣстность; надо привлечь къ черной работѣ въ больницахъ тѣхъ, кто кейфуетъ въ тылу. Если это возможно, то большинство главныхъ бѣдъ пройдутъ сами собой; если же нравственное и служебное оздоровленіе невозможно, то намъ не помогутъ никакія реформы въ системѣ управленія.

Заниматься реформами теперь не время и ни къ чему; у насъ есть положеніе о полевомъ управленіи войскъ, основанное на нашихъ законахъ и организаціи; надо его выучить, имъ руководствоваться и не измышлять ничего новаго; всю же реформаціонную и оздоровительную силу надо направить на усиленіе личнаго состава и на улучшеніе его работы.

Много кричатъ о плохомъ уходѣ, но никто не идетъ въ санитары и сидѣлки, хотя тылъ переполненъ здоровыми балбесами и безработными женщинами; еще больше говорятъ о грязномъ и рваномъ бѣльѣ, но я не слышалъ, чтобы гдѣ-нибудь образовался добровольный кружокъ, который взялъ бы на себя мойку и починку бѣлья. Я какъ-то указалъ начальнику санитарно-эвакуаціонной части на недопустимость возить раненыхъ на двуколкахъ безъ подстилки и узналъ при этомъ, что все затрудненіе въ томъ, что кто-то не можетъ купить соломы по предѣльной цѣнѣ для нея установленной; сего контрольнаго буквоѣдства оказалось достаточнымъ, чтобы сложить ручки и таскать искалѣченныхъ раненыхъ по Омскимъ ухабамъ.

Я видѣлъ, какъ ночью везли раненыхъ, не выславъ для нихъ ни одѣялъ, ни шинелей, и они тряслись отъ холода; при разслѣдованіи оказалось, что эшелоны прибыли ночью и не хотѣли безпокоить то лицо, кое обязано было выдать и послать одѣяла и шинели.

Будь это въ моемъ подчиненіи, я сумѣлъ бы со всѣмъ этимъ справиться, ибо все сіе зависитъ отъ недостатковъ исполнителей, а не самой системы.

Мы обязаны и можемъ дать нашимъ раненымъ и больнымъ помѣщеніе, койки, бѣлье, пищу и хорошій уходъ; конкурировать по внѣшности съ американцами и чехами мы не въ состояніи, но этого и не надо.

Казаки продолжаютъ опустошать всѣ наши склады; Ивановъ-Риновъ завелъ особыхъ вынюхивателей, которые изслѣдуютъ всѣ склады и эшелоны; по ихъ указаніямъ онъ получаетъ разрѣшительные приказы Адмирала и путаетъ всѣ разсчеты Главнаго Интенданта; послѣдняго, буквально, разрываютъ на части присланные съ фронта пріемщики и ходатаи; каждый считаетъ себя самъ первоочереднымъ и при малѣйшей задержкѣ пытается пробраться съ жалобой къ Адмиралу; если это ему удается, то на бѣднаго Сторожева сыпятся адмиральскіе громы. Напрасно прошу установить какую-нибудь систему распредѣленія нашихъ скромныхъ запасовъ, ибо мы не такъ богаты, чтобы продолжать то, что привело насъ къ раздѣтой арміи и полному хаосу въ снабженіи.

Всюду появились разныя добровольческія формированія и суетящіеся около нихъ формирователи; все это гарантируетъ немедленное спасеніе отечества, требуя взамѣнъ милліонныя ассигнованія и тысячи комплектовъ всякаго снабженія.

Чѣмъ сложнѣе и опаснѣе обстановка, тѣмъ больше нервности и сумбура. Главные распорядители не способны взять себя и другихъ въ руки, цукнуть на все смятенное и мятущееся, заставить всѣхъ успокоиться и понять, что намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, надо хладнокровіе, выдержка и система въ работѣ.

Въ этомъ отношенiи Дитерихсъ много лучше другихъ; онъ наружно спокоенъ, методиченъ и пытается внести всюду систему; но зато онъ совершенно не умѣетъ разсортировать работу, хочетъ все знать и самъ дѣлать; онъ занятъ чуть ли не 20 часовъ въ сутки и принимаетъ доклады до 2 часовъ ночи; самъ онъ уже переутомленъ, а для большой работы такая централизацiя ничего, кромѣ вреда, не приноситъ.

Я самъ страдаю до извѣстной степени перегрузкой себя работою, но дѣлаю это только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ нѣтъ исполнителей или гдѣ некогда уже учить и исправлять.

29 Августа. Прожектеры и спасатели не даютъ покоя; сначала они лѣзутъ къ Адмиралу, въ Ставку, къ предсѣдателю Совѣта Министровъ; оттуда ихъ присылаютъ ко мнѣ, и я обязанъ ихъ выслушивать; иначе на Военное Министерство обрушатся упреки, что оно не пожелало выслушать того чудодѣя, у котораго всамодѣлишный рецептъ для сокрушительнаго разгрома краснаго врага и блистательнаго, какъ $2 \times 2 = 4$, спасенiя родины.

Одинъ изъ такихъ очень модныхъ прожектеровъ — генералъ Голицынъ, взгромоздившiйся уже въ званiе инспектора всѣхъ добровольческихъ формированiй; сей недавнiй капитанъ перебывалъ на фронтѣ во всѣхъ армiяхъ, отовсюду почему то изгонялся, вояжировалъ на Дальнiй Востокъ, вернувшись откуда возгласилъ, что все спасенiе въ добровольцахъ и что чуть ли не всѣ желаютъ спасать отечество, но для этого нужна организацiя, а во главѣ ея инспекторъ.

Явившись ко мнѣ, сей очередной Калiостро прежде всего заявилъ, что его чуть ли не силой привлекли на эту должность; онъ знаетъ мое нерасположенiе къ предпринимателямъ своего типа и поэтому забѣжалъ впередъ. Затѣмъ послѣдовала передача распоряженiя Адмирала о немедленномъ ассигнованiи новому инспектору десяти миллiоновъ рублей; затѣмъ появился присланный мнѣ на заключенiе докладъ объ утвержденiи огромнѣйшихъ штатовъ по управленiю инспектора.

Я сказалъ Голицыну, что деньги ему будутъ ассигнованы, а что касается штатовъ, то я передамъ ихъ въ Военное Совѣщанiе; свое же заключенiе дамъ только черезъ нѣсколько времени въ зависимости отъ успѣха работы и отъ скорости и числа отправленныхъ на фронтъ добровольческихъ организацiй; добавилъ, что въ успѣхъ послѣднихъ не вѣрю, ибо все желающее добровольно служить давно это дѣлаетъ; теперь же, если и соберутъ нѣсколько сотъ, а, можетъ быть, и тысячъ человѣкъ, то это будутъ добровольцы по неволѣ, отъ голода, безработицы или ради исканiя приключенiй; такiя формированiя для насъ безполезны и на нихъ мы фронта не выправимъ. Посулами, завыванiями и дутымъ подъемомъ не двинуть на подвигъ тѣхъ, для коихъ собственное спокойствiе и безопасность выше всего на свѣтѣ.

Инспекторъ морщился, но доложилъ, что имъ уже получены свѣдѣнiя, что всюду добровольцы записываются массами; на это ему отвѣтилъ, что я слишкомъ старая штабная крыса, чтобы придавать вѣру такимъ свѣдѣнiямъ.

Мнѣ самому хотѣлось бы вѣрить въ возможность добровольческаго подъема, но для этого нѣтъ никакихъ основанiй; всѣ источники добровольчества — офицеры, ихъ сыновья, кое кто изъ идейной интеллигенцiи, старые солдаты — все это сильно потрепано во время большой войны и еще болѣе пострадало въ борьбѣ за освобожденiе родины отъ красной погани. Эти добровольцы пошли на свой крестный подвигъ безъ приглашенiй и завыванiй, безъ пособiй и сроковъ.

Они сбросили съ Сибири красное ярмо; они бились съ Алексѣевымъ и Корниловымъ; они бьются и у Деникина, и на нашемъ фронтѣ; но они вычерпаны до дна и нѣтъ новыхъ кадровъ имъ на помощь; больше ихъ не будетъ; не найдешь ихъ даже и въ средѣ теперешней молодежи, въ былыя времена экзальтированной и способной ради идеи идти на подвигъ, а теперь въ большинствѣ или дрябло соглашательской, или хулигански огарочной, но всегда минималистической по части подвига и работы, и максималистической по шкурничеству, внутренней трусости и требованiямъ.

Но къ добровольческой рекламѣ уже присосалась масса паразитовъ; они уже начали бить въ свои бубны, фабриковать освободительную шумиху и разводить самыя розовыя перспективы. Скоро лопнетъ и этотъ пузырь, прибавивъ еще одно новое разочарованiе

къ длинной ихъ цѣпи. На подвигъ идутъ тѣ, кто способны служить идеѣ ради нея самой; за деньги это не покупается, отъ рѣчей не зарождается и отъ молебновъ не распространяется. Рожденные ползать — летать не будутъ.

Условія добровольческаго найма составлены очень неумѣло; злые языки считаютъ, что это сдѣлано нарочно, чтобы получить сразу большую запись и оправдать свои трескучія обѣщанія; по этимъ условіямъ обязательный срокъ найма 6 мѣсяцевъ, и нанимающіеся получатъ въ полную собственность полное обмундированіе и комплектъ зимней одежды; черезъ 6 мѣсяцевъ они получаютъ 5 тысячъ рублей преміи. Считаютъ, что среди городской голытьбы найдется не мало ловкачей, которые учтутъ, что зимой войны не будетъ, а къ веснѣ можно будетъ получить разсчетъ; перспектива же имѣть всю зиму помѣщеніе и довольствіе и уйти имѣя 5 тысячъ рублей плюсъ все обмундированіе — это такая перспектива, изъ за которой стоитъ потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ казарменной муштры.

30 Августа. Имѣлъ длинную бесѣду съ Головинымъ; доказывалъ ему необходимость принять исключительныя мѣры по реорганизаціи фронта и по сокращенію штабовъ и тыловъ. Мы представляемъ колоссальное туловище, пухлое и безсильное съ маленькими руками. Достаточно указать, что на красной сторонѣ противъ насъ работаетъ одинъ штабъ арміи, состоящей изъ 3—4 дивизій и 2—3 конныхъ бригадъ; на нашей сторонѣ штабъ Главнокомандующаго, пять армейскихъ штабовъ, одиннадцать штабовъ корпусныхъ группъ и, кажется, тридцать пять штабовъ дивизій и отдѣльныхъ бригадъ.

Думается, что комментаріи къ этимъ цифрамъ излишни; думается также, что не справившись съ этимъ штабнымъ зломъ, мы будемъ безсильны сдѣлать вообще что-либо путное.

Головинъ мнѣ сообщилъ, что, по докладу Дитерихса, рѣшено создать въ тылу должности инспекторовъ пополненій и формированія стратегическаго резерва Дальняго Востока, съ изъятіемъ тыловыхъ округовъ изъ подчиненія Военному Министру и передачей ихъ въ распоряженіе Главнокомандующаго фронтомъ. Вся эта комбинація проведена Хрещатицкимъ, провалившимся на разныхъ комбинаціяхъ создать себѣ разныя синекуры, но успѣвшимъ на этомъ послѣднемъ проектѣ.

Все это проведено помимо меня и зная, что я съ этимъ не согласенъ. Совершенно не понимаю, для чего же было меня тогда удерживать и просить остаться. Просилъ Бурлина (Дитерихсъ уѣхалъ на фронтъ) доложить Адмиралу, что, пока я Военный Министръ, я не соглашусь на проведеніе такого проекта, который ломаетъ всѣ основы военнаго управленія, вноситъ многовластіе и сумбуръ въ нашъ расхлябанный тылъ и нуженъ только для матерьяльнаго благополучія нѣсколькихъ авантюристовъ; я не могу допустить, чтобы такія реформы, сугубо вредныя для всего нашего дѣла, проводились ради личныхъ выгодъ господина Хрещатицкаго, только и мечтающаго о томъ, какъ бы устроить для себя какую-нибудь синекуру и удрать на Дальній Востокъ.

Все это я считаю вредной глупостью и молчать больше не намѣренъ; поэтому называю проектъ даже мягче того, чего онъ заслуживаетъ, и прошу доложить это Адмиралу.

Бурлинъ отвѣтилъ, что онъ со мной совершенно согласенъ, но что проектъ этотъ проведенъ Дитерихсомъ и одобренъ Адмираломъ, причемъ все приказано провести ускореннымъ темпомъ, такъ какъ авторы убѣдили Адмирала, что здѣсь залогъ будущаго спасенія; основаніемъ для доклада положили, что фронтъ не вѣритъ тылу и что поэтому во главѣ всѣхъ пополненій должны стоять извѣстные фронту люди, пользующіеся тамъ авторитетомъ, а все должно быть объединено въ рукахъ Главнокомандующаго.

Опять повторяется та-же исторія, что недостатки людей сваливаются на вину недостатковъ системы.

Если фронтъ считаетъ, что, положимъ, я и генералы Матковскій, Артемьевъ и Розановъ неспособны подготовить для него укомплектованія, то ничто не мѣшаетъ Адмиралу удалить всѣхъ насъ съ нашихъ должностей, назначивъ туда такихъ людей, которые, по мнѣнію Дитерихса и фронта, заслуживаютъ ихъ довѣрія и болѣе на это способны.

Вмѣсто этого, дѣлается какой-то абсурдъ: всѣ негодные остаются на своихъ мѣстахъ, сохраняютъ всѣ обязанности, несутъ всю черную работу и отвѣтственность, но въ ихъ

районахъ появляются посторонніе и автономные органы, имъ не подчиненные и осѣненные всѣми благословеніями и полномочіями фронта.

Для исполненія своихъ обязанностей эти органы принуждены будутъ узурпировать всѣ права командующихъ войсками, отобрать у нихъ помѣщенія, склады и запасы, обративъ старшихъ тыловыхъ начальниковъ въ какіе-то обмылки власти, существующіе только для того, чтобы разбивать объ ихъ голову всѣ горшки и сваливать на нихъ всѣ грѣхи, промахи, протори и убытки.

Просилъ Бурлина, ѣдущаго съ докладомъ, доложить Адмиралу мои соображенія и мою просьбу одновременно съ утвержденіемъ приказа о новой реформѣ подписать приказъ объ увольненіи меня отъ должности Военнаго Министра, такъ какъ при такой обстановкѣ работать я не могу и не умѣю.

Вѣдь, только въ Омскомъ болотѣ, въ этой кашѣ безволія и личныхъ честолюбій возможны такія неожиданности. То меня просятъ занимать сразу должности Наштаверха и Военнаго Министра; то уговариваютъ оставаться на посту Военнаго Министра, обѣщая полную поддержку и довѣріе, а черезъ два дня проводятъ приказъ, совершенно разрушающій все управленіе тыломъ и завѣдомо для меня непріемлемый.

Нужно быть пошлой флюгаркой или жалко цѣпляться за свое положеніе, чтобы оставаться послѣ всего этого на своемъ посту.

31 Августа. Вернулся домой очень поздно, такъ какъ вечеромъ состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ съ участіемъ Адмирала; выяснилось, что казачья конференція, дѣлавшаяся въ послѣднее время все наглѣе и наглѣе, явилась къ Адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрѣпивъ себя чисто казачьимъ правительствомъ и оперевшись преимущественно на казаковъ. Сначала создалось очень острое положеніе, смягченное затѣмъ вмѣшательствомъ соединенныхъ общественныхъ организацій; въ результатѣ всѣ требованія свелись къ необходимости сокращенія министерствъ, упрощенія и ускоренія правительственной работы и созыва совѣщательнаго собранія. Требованія эти заявлены казачьей конференціей и всѣми группами Гос. Экон. Совѣщанія, т. е. представителями внушительной и наиболѣе государственной части населенія.

Я лично согласенъ со всѣми этими заявленіями, но боюсь, что положеніе фронта и возстанія въ тылу дѣлаютъ ихъ очень запоздалыми.

Обращаясь къ Совѣту Министровъ, Верховный правитель высказалъ свое неудовольствіе по поводу разноголосицы въ мнѣніяхъ членовъ Совѣта по многимъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ; онъ подчеркнулъ, что недопустимо, чтобы рѣшеніе принималось большинствомъ одного голоса и перевѣсомъ голоса предсѣдателя.

Сказалъ онъ очень рѣзко, затѣмъ сообщилъ о неудовлетворительномъ настроеніи и состояніи арміи, объяснивъ это, довольно для меня неожиданно, тѣмъ, что армія пропитана большевизмомъ.

Государственный контролеръ просилъ Адмирала передать Совѣту Министровъ, какія именно требованія были заявлены ему казачьей конференціей, такъ какъ объ этомъ ходятъ по городу разные слухи и версіи.

Адмиралъ, не давая отвѣта по существу, указалъ только, что онъ отвѣтилъ казакамъ, что сейчасъ уже не время производить какія-нибудь реформы и перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, такъ какъ это можетъ отразиться на «настроеніи арміи».

Опять откуда-то навязанная идея, ибо арміи совершенно не интересуются Совѣтомъ Министровъ и не всѣ даже офицеры знаютъ фамилію нашего предсѣдателя; фамиліи же министровъ извѣстны только немногимъ; кромѣ того я увѣренъ, что всякая перемѣна въ составѣ Совѣта будетъ встрѣчена съ удовольствіемъ и съ надеждой на что-нибудь лучшее; надежда на новаго барина, который «пріѣдетъ и разсудитъ», — явленіе широко всероссійское.

Очевидно, что это подсказано Адмиралу тѣми, кто хочетъ забронировать теперешній совѣтъ министровъ; если это сдѣлано искренно и убѣжденно, то показываетъ глупость и негосударственность совѣтчиковъ; если же сдѣлано ради эгоизма, то показываетъ ихъ подлость.

Послѣ отъѣзда Адмирала засѣданіе продолжалось и было посвящено томительнымъ дискуссіямъ, какъ осуществить высказанныя Адмираломъ пожеланія.

1 Сентября. Несмотря ни на что, на фронтѣ началось наступленіе. Дитерихсъ взялъ на себя великую отвѣтственность и поставилъ на карту послѣдніе сибирскіе рессурсы бѣлой идеи.

Я видѣлъ его у Головина передъ самымъ его отъѣздомъ на фронтъ и повторилъ ему тотъ же вопросъ, который задалъ при первомъ съ нимъ разговорѣ по поводу наступленія: «а что же будетъ, если наступленіе не удастся?»

И онъ опять повторилъ, что тогда «придется раздѣлиться на партизанскіе отряды и вновь начать то-же, что было въ 1918 году.»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этого Главнокомандующаго, такъ легко и просто рѣшавшаго судьбу Россіи и арміи, и рѣшавшаго ее легкомысленно и ложно; ибо теперь уже не 1918, а осень 1919 года, и вся обстановка рѣзко измѣнилась не въ нашу пользу; теперь для насъ бѣлыхъ уже немыслима партизанская война, ибо населеніе не за насъ, а противъ насъ; немыслима она и потому, что на Сибирь надвигается регулярная красная сила и идутъ красные комиссары, уже спеціализировавшіеся на подавленіи нашихъ бѣлыхъ возстаній. Гдѣ-же мы найдемъ оружіе, патроны и пр. и пр.?

Вспомнилъ, какимъ архичехомъ и руссофобомъ былъ генералъ Дитерихсъ во Владивостокѣ; вспомнилъ разсказъ генерала Розанова, о томъ, какъ, во время очень тяжелаго положенія нашихъ войскъ на Уралѣ въ 1918 году, тогдашній Главковерхъ Болдыревъ просилъ командовавшаго чешскими войсками генерала Дитерихса помочь нашему фронту и взывалъ къ его, какъ русскаго генерала, чувствамъ, но получилъ отказъ, добавленный словами что, «онъ былъ русскимъ генераломъ, а сейчасъ онъ чехъ».

При такой легкости въ перемѣнѣ направленія въ священнѣйшихъ понятіяхъ и обязанностяхъ человѣка и солдата, мало мудренаго въ томъ, что такой человѣкъ способенъ такъ легко смотрѣть на возможныя послѣдствія отъ начатой имъ операціи.

Какъ генералъ Генеральнаго штаба, занимавшій высокія должности — до наштаверха большой Ставки включительно, онъ не можетъ не понимать, что все наступленіе построено на авоську и даже при успѣхѣ дастъ только частичное удовлетвореніе, ибо развить успѣхъ намъ нечѣмъ.

Я сталъ излагать Головину свое несогласіе съ возможностью вести партизанскую войну, но Дитерихсъ отговорился неотложными дѣлами и уѣхалъ.

По свѣдѣніямъ Ставки наступленіе наше на фронтѣ 3-й арміи развивается успѣшно; но иначе и быть не могло, ибо красные этого не ожидали, и теперь всякое такое наступленіе будетъ успѣшно.

Всюду кричатъ: «Громъ побѣды раздавайся»; уныніе смѣнилось неумѣренной радостью; уральскіе бѣженцы собираются уже домой.

Увѣряютъ, что и 1-я армія перешла въ наступленіе и нанесла краснымъ рѣшительное пораженіе. Дай Богъ, чтобы все это было вѣрнымъ, а главное, чтобы у красныхъ не оказалось достаточно резервовъ, чтобы самимъ перейти въ наступленіе, котораго наши слабыя и разорванныя по фронту войска не выдержатъ. Главная же надежда на конницу и на то, что командованіе ею Иванова-Ринова не испортитъ дѣла; на искусство И. Р., какъ кавалерійскаго начальника, разсчитывать не приходится, и вся надежда на его честолюбіе и жажду воинской славы. Сейчасъ передъ нимъ путь къ этой славѣ открытъ; если конный корпусъ глубоко врѣжется въ красные тылы, порветъ ихъ сообщенія и связь и разгромитъ комиссарскіе штабы, то Сибирская кампанія 1919 года нами выиграна и передъ нами вся осень, зима и весна для военныхъ и правительственныхъ реформъ.

Несомнѣнно, что отъ коннаго корпуса зависитъ успѣхъ всей операціи, т. к. пѣхота, по слабости своего состава, не можетъ развить широкаго по фронту наступленія и не въ состояніи долго питать это наступленіе резервами и пополненіями; по схемѣ Дитерихса у него около 11 дивизій числится въ резервѣ, но по численности штыковъ всѣ онѣ равны одной настоящей дивизіи

Въ городѣ говорятъ, что въ казачьемъ бумѣ уже начались прорѣхи, и что въ одиннадцати южныхъ станицахъ казаки отказались выступить на сборные пункты подъ предлогомъ, что послѣ ихъ ухода крестьяне разгромятъ ихъ семьи.

На фронтѣ два молодыхъ казачьихъ полка конной группы генерала Волкова уже отказались исполнить боевой приказъ; ихъ отвели въ тылъ и послали стариковъ ихъ укорять и уговаривать; увѣряютъ, что полки раскаялись, но уже самая возможность такихъ явленій очень знаменательна.

Но сейчасъ отъ казаковъ зависитъ вся судьба нашего наступленія и я готовъ все имъ простить и отдать имъ еще по нѣсколько комплектовъ снаряженія, если они принесутъ намъ переломъ фронтоваго положенія.

2 Сентября. Былъ съ докладомъ у Адмирала; доложилъ ему свой взглядъ на образованіе въ тылу автономныхъ инспекцій, подчиненныхъ только Дитериксу, и на назначеніе на столь отвѣтственные посты такихъ бездѣльныхъ авантюристовъ, какъ Хрещатицкій; одновременно повторилъ просьбу освободить меня отъ управленія Военнымъ Министерствомъ, каковое мной принято въ надеждѣ полнаго его возстановленія и полныхъ мнѣ довѣрія и поддержки.

Прошло всего нѣсколько дней и Министерство еще болѣе разрушается новыми и вредными реформами; довѣріе же проявляется тѣмъ, что такія реформы проводятся внѣ моего вѣдома и зная, что я съ ними рѣзко несогласенъ.

Адмиралъ заштормовалъ и наговорилъ мнѣ порядочно рѣзкостей; я все выслушалъ, но заявилъ, что все мной сказанное доложено ему по долгу службы и совѣсти; личнаго я ничего не преслѣдую и думаю только объ интересахъ того дѣла, которому мы всѣ служимъ.

Разъ я удостоенъ назначенія Военнымъ Министромъ, то этимъ на меня возложена тяжелая задача и отвѣтственность; выполнить первую и принять на себя вторую, я могу только при полномъ довѣріи и при предоставленіи мнѣ данной мнѣ закономъ власти. Я готовъ нести всю полноту отвѣтственности, но при условіи полученія полноты власти.

Если я и командующіе войсками въ округахъ не пользуются довѣріемъ фронта, то замѣните насъ фронтовыми начальниками, но не ломайте системы; пусть Дитерихсъ выберетъ по своему усмотрѣнію кандидатовъ на мое мѣсто и на должности командующихъ войсками въ округахъ, и мы съ радостью уступимъ имъ наши мѣста.

Доложилъ, что я могу остаться только при исполненіи указанныхъ мной условій; въ противномъ случаѣ очень прошу послать меня на фронтъ въ распоряженіе генерала Лохвицкаго, гдѣ я смогу принести еще какую-нибудь пользу.

Относительно же защиты Адмираломъ личныхъ качествъ Хрещатицкаго, рекомендовалъ Адмиралу потребовать изъ Ставки присланное Владивостокской контръ-развѣдкой письмо сидящаго въ Японіи авантюриста очень низкой марки — генерала Потапова, въ которомъ тотъ сообщаетъ дорогому Борису Ростиславовичу (имя и отчество X.), что принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы Адмиралъ полетѣлъ кувыркомъ и чтобы всѣ попытки къ признанію Омской власти окончились неудачей. Конечно, не всему, сообщаемому контръ-развѣдкой, надо вѣрить, но въ данномъ случаѣ она личностью X. спеціально не занимается, и это письмо заслуживало бы извѣстнаго освѣщенія.

Адмиралъ сразу смягчился, но просилъ поговорить обо всемъ съ Дитерихсомъ, т. к. послѣдній очень убѣдительно просилъ утвердить представленный проектъ; добавилъ, что ему, Адмиралу, совершенно все равно, какъ будетъ организовано управленіе пополненіями, лишь бы конечные результаты были успѣшные и лишь бы работа шла хорошо и гладко.

Мнѣ было очень непріятно припирать къ стѣнѣ этого безпомощнаго ребенка и говорить ему тяжелыя для него вещи, но иного исхода не было.

Я не могу спокойно допустить новаго развала тыла; я убѣжденно считаю, что, если судьба намъ подаритъ зиму 1920 года, то тогда весь успѣхъ весенней кампаніи будетъ зависѣть отъ качества подготовленныхъ за это время резервовъ и пополненій и отъ тѣхъ реформъ, которыя будутъ произведены въ самихъ арміяхъ; успѣхъ же подготовки резервовъ и пополненій невозможенъ, разъ въ тылу будутъ сидѣть разномастные и разной

подчиненности начальники и притомъ одни — по законамъ фронта, а другіе — по законамъ тыла.

Вечеромъ скучнѣйшее засѣданіе Совѣта Министровъ. Все кругомъ трещитъ, а мы занимаемся пустячками самаго вермишельнаго характера. Хладнокровіе, спокойствіе и отсутствіе суетливости, конечно, хороши, но ихъ то у насъ и нѣтъ; цѣну же времени всегда надо знать.

Видѣлъ казачій проектъ переустройства власти: наверху Верховный Правитель съ двумя помощниками по военной и по гражданской части; дальше совѣщательный органъ — государственное совѣщаніе; казакамъ даруется полная автономія. Проектъ весьма пріемлемый, за исключеніемъ казачьей автономіи, очень опасной для остального неказачьяго населенія Сибири.

Судя по той сводкѣ, которую видѣлъ въ Ставкѣ наше наступленіе не удалось; сначала красные ошалѣли и все шло для насъ очень удачно, но сейчасъ они оправились, перешли въ контръ-наступленіе на нашемъ правомъ флангѣ и нажимаютъ на Пепеляева; очевидно, свѣдѣнія развѣдки о выдыхѣ красныхъ оказались неправдой.

Одурь беретъ отъ своего безсилія: фронту нужны свѣдущіе и опытные военные юристы, которыхъ много въ тыловыхъ округахъ, но которыхъ никакъ не вытащишь на фронтъ; въ одномъ Харбинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ русскихъ войскъ, прочно окопались три судейскихъ полковника и упорно не исполняютъ приказа прибыть въ Омскъ. Хорватъ ихъ прикрываетъ подъ предлогомъ нужды въ военныхъ юристахъ.

Дитерихсъ увѣряетъ, что результаты наступленія обнаружатся только черезъ двѣ недѣли; думаю, что это очень опасное заблужденіе: при данной обстановкѣ намъ нужны были молніеносные результаты, ибо наши войска неспособны на длительное напряженіе въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требуетъ наступательный маневръ большого масштаба и рѣшительнаго характера. Боюсь, что ошибся въ своей прежней оцѣнкѣ Дитерихса, считая, что онъ долженъ знать состояніе фронта; видимо, это знаніе наружное, по поверхности, безъ умѣнія оцѣнить многое по его значенію и безъ тѣхъ коэффиціентовъ, которые только и опредѣляютъ истинное боевое значеніе частей.

Боюсь, что и для него дивизіи — это только номера и шашки, ибо только при такомъ отношеніи возможно разсчитывать на длительное развитіе чрезвычайно трудной операціи; онъ не хочетъ или не умѣетъ учесть огромнаго значенія душевной усталости и вымотанности войскъ даже въ той части ихъ состава, которая служитъ только идеѣ и ведетъ за собой остальныхъ. Успѣхъ операціи разсчитанъ на использованіи для перваго удара Ижевской дивизіи; но, вѣдь, она единственная по своему составу; все остальное, быть можетъ, и способно на первый порывъ, но не больше, а если наткнется на сильное сопротивленіе или, чего Боже упаси, красные перейдутъ въ контръ-наступленіе, то все можетъ кончиться катастрофой.

По прежнему — рѣшительный успѣхъ зависитъ только отъ дѣйствія коннаго корпуса.

При докладѣ Совѣту Министровъ весьма оптимистической оперативной сводки, Андогскій весьма внушительно перечислялъ многочисленныя дивизіи резерва. Но развѣ это дивизіи? это еле слѣпленныя кучи частью очень уставшихъ, частью очень сырыхъ солдатъ, не способныя къ полевому, маневренному бою, лишенныя внутренней спайки, не желающія больше воевать, страдать и терпѣть. Лучшій офицерскій составъ, несущій на себѣ всѣ физическія и нравственныя тяготы ужасной по обстановкѣ гражданской войны, безумно усталъ и извѣрился въ возможность полученія откуда нибудь смѣны и отдыха; сырые же, малодисциплинированные, по спеціальности безграмотные и душевно надтреснутые ряды остального офицерства мало чѣмъ лучше солдатъ; они тоже способны на временный порывъ, но не больше; дальше же опять отрицательная реакція, новая порція потери вѣры въ успѣхъ и новый, уже неудержимый, откатъ на востокъ.

Если смотрѣть на нашу операцію по картѣ, считая размѣченныя на ней булавки за настоящія и прочныя войсковыя части, то не можетъ быть сомнѣнія въ полномъ разгромѣ красныхъ. Этотъ миражъ туманитъ головы нашихъ командныхъ верховъ и грозитъ намъ тяжелыми послѣдствіями. Чѣмъ больше будутъ продолжать насиловать арміи при этомъ наступленіи, тѣмъ грознѣе будетъ переломъ.

Вотъ, если конный корпусъ выполнитъ свою задачу, и вгрызется, какъ слѣдуетъ, въ красные тылы, то тогда многія части сдѣлаются способными для энергичнаго преслѣдованія и ихъ надо поберечь до этого времени.

Андогскій съ профессорскимъ видомъ разглагольствуетъ о присущей нашимъ войскамъ маневренности, что де проявлено ими подъ Челябинскомъ. Печальное заблужденіе господина профессора, видѣвшаго войну только изъ кабинетовъ большихъ штабовъ и привыкшаго копошиться въ теоріи и жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ; этому уже совершенно не дано знать боевыхъ коэффиціентовъ войскъ; ему не дано понимать, что не можетъ быть маневренности въ сырыхъ милиціонныхъ, не духомъ поднятыхъ на брань толпахъ, руководимыхъ малосвѣдущимъ по спеціальности командным составомъ; ему не дано знать, что наша старая кадровая армія была очень слаба по части маневренности, ибо 25-лѣтняя практика большихъ и показныхъ маневровъ вбила въ нашу военную психологію боязнь обходовъ и прорывовъ, коимъ, на этихъ экзаменахъ для большого начальства, придавали рѣшающее значеніе; ему не дано знать, что на настоящій маневръ, да еще наступательный, у насъ были способны только рѣдкія, на перечетъ, дивизіи, счастливыя тѣмъ, что въ предвоенный періодъ имѣли удачный подборъ талантливыхъ и идейно работавшихъ надъ боевой подготовкой своихъ частей командировъ. Но и тогда это были рѣдкіе зубры; какіе же могутъ быть разговоры о маневренности теперь, при настоящемъ составѣ нашей арміи.

Нѣтъ даже утѣшенія въ томъ, что и красные не въ лучшемъ, чѣмъ мы, положеніи. Конечно, и у нихъ все очень сѣро и лохмато, но за всѣмъ этимъ стоитъ безжалостность комиссарскихъ пулеметовъ и ни передъ чѣмъ не останавливающаяся рѣшительность коммунистическихъ ядеръ, повелѣвающихъ кучами такихъ же насильно собранныхъ парней; да и парни эти обучены много лучше нашего и скрѣплены наличіемъ старыхъ, прошедшихъ всю большую войну, солдатъ.

3 Сентября. По просьбѣ Адмирала Головинъ пригласилъ къ себѣ меня и Дитерихса для выработки соглашенія по организаціи военнаго управленія въ тылу.

Ничего изъ этого не вышло, такъ какъ Дитерихсъ уперся на своемъ. Я предлагалъ всевозможныя уступки, но просилъ только не ломать послѣднихъ остатковъ нашей системы. Я предлагалъ назначить Военнаго Министра и командующихъ войсками въ тыловыхъ округахъ по выбору самого Дитерихса съ тѣмъ, чтобы они проводили тамъ программу, разработанную Главнокомандующимъ и предписанную къ исполненію Верховнымъ Правителемъ.

Я предлагалъ назначить къ Военному Министру и командующимъ войсками особыхъ помощниковъ по организаціонной части, избранныхъ тоже Главнокомандующимъ и работающихъ по особой программѣ, утвержденной Адмираломъ. Предлагалъ, наконецъ, углубить армейскіе районы хотя-бы до Енисея и Байкала и назначить Главнаго начальника тыла, подчиненнаго Главнокомандующему; просилъ только избѣжать недопустимаго двоевластія со всѣми его сумбурными послѣдствіями. Не соглашался только на какое-либо отвѣтственное назначеніе Хрещатицкаго, служебныя и нравственныя качества коего мнѣ достаточно извѣстны.

Соглашался при нынѣ существующей системѣ принять къ безпрекословному исполненію всѣ директивы и общія инструкціи по подготовкѣ резервовъ и пополненій, которыя составитъ фронтъ и утвердитъ Адмиралъ, при условіи, что самое исполненіе будетъ предоставлено Военному Министру и командующимъ войсками въ округахъ.

Головинъ вполнѣ одобрилъ всѣ мои уступки, но Дитерихсъ уперся на своемъ; твердилъ, что фронтъ не вѣритъ тылу и что все дѣло подготовки должно быть въ его рукахъ; было очевидно, что онъ не желаетъ даже вникать въ сущность дѣлаемыхъ ему предложеній. Въ концѣ концовъ, онъ съ пренебрежительнымъ видомъ бросилъ фразу: «еще разъ вижу, что русскіе генералы умѣютъ только ссориться» и, воспользовавшись пріѣздомъ къ Головину генерала Жанена, уѣхалъ.

Я просилъ Головина доложить Адмиралу всѣ мои предложенія и удостовѣрить, что въ моемъ противодѣйствіи проекту Дитерихса нѣтъ ничего личнаго и что, напротивъ, я жертвую всѣмъ личнымъ и соглашаюсь на всѣ допустимыя по сущности дѣла уступки,

но отстаиваю незыблемость системы и организаціи; по длительному и многостороннему опыту знаю, къ чему приводила и приводитъ эта дезорганизація, подъ какими соусами бы ее ни преподносили, и до тѣхъ поръ, пока несу на себѣ отвѣтственность Военнаго министра, буду всѣми силами бороться противъ всякихъ дезорганизаціонныхъ проектовъ, столь обильно рождаемыхъ въ нашей больной обстановкѣ. Вновь и вновь повторяю, что все дѣло сейчасъ въ людяхъ, а не въ перестройкахъ и надстройкахъ нашей организаціонной системы.

Адмиралъ долженъ знать, что я служу не ради честолюбія, а потому, что мнѣ заявляютъ, что моя служба нужна; я готовъ продолжать нести свои обязанности только при условіи полнаго довѣрія и согласія съ моими основными принципами; подчиняться фантазіямъ Дитерихса и потакать личнымъ интересамъ Хрещатицкаго я не хочу и не буду. Я обѣщаю, — а даромъ и впустую я никогда этого не дѣлалъ, — что сумѣю смыть всю грязь ненависти и предубѣжденія, которую сплетня и низость разныхъ ставочныхъ и фронтовыхъ вундеркиндовъ и хундкиндовъ вывалили на репутацію Военнаго Министерства, покрывая этимъ свое собственное ничтожное убожество и свои грѣхи.

Работы я не боюсь; грѣхи и недостатки Министерства знаю; знаю также, что какъ ни рѣдки ряды хорошихъ и добросовѣстныхъ работниковъ, все же можно поставить настоящихъ людей на настоящія мѣста и достаточно удовлетворительно справиться съ предстоящими намъ задачами.

Это не бахвальство, а результатъ обслѣдованій, обдумыванiй и подсчета. Я смотрю на должность Военнаго Министра, какъ на подвигъ, какъ на принятіе тяжелаго креста и какъ на послѣднюю службу своей родинѣ и своему народу; иду на нее по глубокому, сознательному чувству долга и увѣренности, что сумѣю выполнить эти обязанности; поэтому то считаю себя въ правѣ требовать, чтобы съ моими мнѣніями считались, тѣмъ болѣе, что я вѣдь не лѣзу въ политику, не лѣзу въ чужія дѣла, а требую только довѣрія и полноты власти въ специфическихъ, узкихъ рамкахъ своихъ обязанностей.

Просилъ доложить, что если мои условія непріемлемы, то прошу указаній, кому передать исполненіе должности Военнаго Министра, и назначенія на фронтъ.

При дебатахъ по поводу кандидатуры Хрещатицкаго, Дитерихсъ повторилъ самимъ же Х. сфабрикованную и распространяемую сказку, что его назначенія требуютъ японцы и въ самой ультимативной формѣ, угрожая, при неисполненіи, прекратить намъ отпускъ вооруженія и снабженія.

Отвѣтилъ, что въ эту сказку не вѣрю и что все это выдумано и размазано самимъ Х., не останавливающимся ни передъ чѣмъ для самоустройства; было бы нелѣпо, если бы японское правительство ставило на одну доску такія несоразмѣримыя вещи, какъ оказаніе или неоказаніе намъ помощи и назначеніе или неназначеніе какого-то очень пронырливаго и надоѣдливаго, но безразличнаго для Японіи генерала. Абсурдно это и потому, что все получаемое изъ Японіи идетъ къ намъ не по японской милости, а оплачивается въ золотой валютѣ. Я прошу запросить офиціально японскую миссію и увѣренъ, что она выразитъ недоумѣніе по поводу сочиняемой Хрещатицкимъ сказки. Я уже запрашивалъ по этому поводу Владивостокъ и получилъ отъ Розанова телеграмму, въ которой тотъ сообщаетъ, что начальникъ японской миссіи отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, никакого особаго инспектора на Дальнемъ Востокѣ не надо и что они не считаютъ себя въ правѣ мѣшаться въ назначенія нашего личнаго состава.

На мою просьбу провѣрить происхожденіе присланнаго Владивостокской контръразвѣдкой письма генерала Потапова на имя какого-то «дорогого Бориса Ростиславовича», Дитерихсъ отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что это «апокрифъ или провокація».

Въ Ставкѣ увѣряютъ, что Дитерихсъ, Хрещатицкій и Ко. задумали подъ видомъ стратегическаго резерва возстановить гвардейскій корпусъ, какъ основаніе будущаго монархическаго переворота; поэтому то всѣ назначенія въ этотъ резервъ дѣлаются изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ.

При желаніи сварить жирныя щи изъ стараго топора въ выдумкахъ не стѣсняются.

Для чешско-русскаго хамелеона новый монархическій вольтъ не представляетъ ничего особеннаго; въ Кіевѣ онъ именовалъ себѣ республиканцемъ, а въ Сибири сталъ монархистомъ.

Вечеромъ былъ на прощальномъ обѣдѣ у японскаго генерала Такаянаги, который въ частной бесѣдѣ заявилъ, что уѣзжаетъ въ Владивостокъ для доклада Главнокомандующему японскими войсками о положеніи дѣлъ на фронтѣ и въ Омскѣ и о необходимости оказать намъ болѣе реальную помощь, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Тяжелое положеніе Омска дѣлаетъ Семеновщину все болѣе и болѣе наглой; мой судный отдѣлъ и канцелярія комитета по охраненію законности (предсѣдатель Министръ юстиціи) наполнены жалобами на грабежи и насилія, чинимые Семеновскими агентами; китайскій консулъ жалуется на постоянные случаи ограбленія китайскихъ купцовъ при осмотрѣ ихъ чинами контръ-развѣдки на станціи Даурія; американскій консулъ заявилъ многомилліонный искъ отъ фирмы Вульфсонъ за захваченные Семеновымъ два вагона цѣнной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыробоярскаго повліять на Читу, но все безполезно; такія язвы выжигаются только каленымъ желѣзомъ.

Изъ Владивостока прислана краткая сводка дѣятельности Хорвата; очень характерно, какъ самъ Верховный Уполномоченный и его ближайшій антуражъ разобрали себѣ свободныя земли Посьетскаго района; самому Хорвату отведенъ кусъ въ восемнадцать тысячъ десятинъ земли, одному изъ дѣятелей дальневосточнаго комитета Тетюкову — въ двѣнадцать тысячъ десятинъ, остальному антуражу по важности и по способности.

Къ сожалѣнію, это не выдумки контръ-развѣдки новаго состава, опорочивающей старыхъ владыкъ, ибо подтверждено документами и оффиціальными справками.

И такіе-то люди брали на себя святую и чистую задачу спасенія родины, ея оздоровленія и вывода на новую дорогу. Неужели же въ ихъ голову не забрели мысли о томъ, какое великое зло они творятъ, рельефно показывая населенію, что за люди стали ко власти; неужели они не понимали, что никто не повѣритъ соусу о важности разведенія въ краѣ племенного скота и о томъ, что сія важная задача подъ руку только Хорвату, Тетюкову и иже съ ними.

Послѣднее, быть можетъ, и вѣрно, но время ли заниматься такими, вызывающими сомнѣнія, нареканія и сплетни, операціями; вѣдь, не тѣ времена, когда всѣмъ предержащимъ было плевать и на общественное мнѣніе и на настроеніе всего населенія. По истинѣ «ничему новому не научились и ничего стараго не забыли».

4 Сентября. Просилъ Головина еще разъ поговорить съ Адмираломъ объ освобожденіи меня отъ должности; атмосфера несогласія между мной и Дитерихсомъ начинаетъ распространяться на дѣловыя отношенія между Ставкой и Министерствомъ; низы нахохлились и повторяются времена ссоры Лебедева и Степанова. Устранить это приказами нельзя, ибо оно въ психологіи служащихъ топорщиться за свое и за своихъ; между тѣмъ, это совершенно не допустимо.

Разъ Дитерихсу довѣренъ фронтъ и Ставка, то очевидно, ему врученъ максимумъ адмиральскаго довѣрія, а поэтому его взгляды и рѣшенія должны надъ всѣмъ превалировать; въ силу этого соображенія меня надо убрать, замѣстивъ такимъ лицомъ, которое было бы солидарно съ его взглядами.

Оперативная сводка гласитъ, что на фронтѣ развиваются упорные бои; терминъ «упорные» мнѣ очень не нравится, такъ какъ показываетъ, что первый ударъ нашъ не былъ потрясающимъ, и что красные оказались способными на «упорное» сопротивленіе, т. е. то, что не входило въ разсчеты Ставки.

Дитерихсъ очень бережно, но безостановочно вводитъ въ дѣло свои резервы; съ этой точки зрѣнія онъ руководитъ операціей очень спокойно и умѣло; скверно только то, что всѣ эти резервы совсѣмъ не то, что подразумѣвается подъ прикрывающими ихъ номерами дивизій.

Еще хуже то, что сводка сообщаетъ, что мѣстами обнаруживается переходъ красныхъ въ контръ-наступленіе.

Тѣмъ не менѣе, впечатлительный Омскъ ожилъ и подбодрился; мѣстные языкоблуды раскудахтались во всю и разносятъ сообщенія о рѣшительныхъ побѣдахъ и разгромѣ красныхъ.

Въ Ставкѣ опереточные (замѣняетъ «оперативные») вундеркинды насмѣшливо на меня поглядываютъ; особенно проникновенно, съ величавымъ спокойствіемъ геніальнаго прозорливца смотритъ на меня Андогскій; не сомнѣваюсь, что все сообщенное ему мной по возвращеніи изъ поѣздки на фронтъ отнесено имъ на счетъ моего «остраго пессимизма» и «паничности».

Дай Богъ, чтобы всѣ они были правы, а я оказался старымъ дуракомъ, пессимистомъ и выжившимъ изъ ума паникомъ, ничего не понимающимъ въ военномъ дѣлѣ и въ оцѣнкѣ обстановки, событій и лицъ.

Ужасно то, что непонятный для многихъ скрытый языкъ фронтовыхъ донесеній говоритъ мнѣ слишкомъ много сквернаго; откинувъ шумиху трескучихъ фразъ о тяжелыхъ потеряхъ красныхъ, объ истребленіи цѣлыхъ полковъ и т. п., я вижу, что артиллерія красныхъ уходитъ во время; что тѣхъ мелкихъ трофеевъ, которые неизбѣжны при истребленіи цѣлыхъ частей, нѣтъ; что тѣ полки, которые сегодня показаны въ реляціи уничтоженными, черезъ нѣсколько дней сами атакуютъ и заставляютъ насъ отступать; для меня нѣтъ сомнѣнія, что половина этихъ реляцій и три четверти содержанія остальныхъ сфабрикованы и притомъ малоискусными по этой части штабами. Какіе-то частичные успѣхи и кое-гдѣ есть, но они покупаются непомѣрно дорогой цѣной выматыванія послѣднихъ силъ; подъ ударами шпоръ наши войска напрягаютъ послѣднія усилія . . .

Гдѣ же конный корпусъ? ему давно пора проявить свое рѣшительное значеніе.

Омскія газеты полны побѣднымъ пафосомъ; Сахаровъ объявленъ спасителемъ отечества и героемъ; появилось даже въ видѣ особаго почета данное ему кѣмъ-то названіе «солдатъ-генералъ»; что онъ солдафонъ въ генеральской формѣ, это вѣрно, но чтобы онъ былъ солдатомъ-генераломъ въ высокомъ значеніи этого слова, — сіе безконечно далеко отъ истины.

Вся шпана, примазавшаяся къ добровольческому движенію, гордо машетъ руками и обѣщаетъ двинуть на фронтъ цѣлыя рати; полились хвастливыя рѣчи о поголовномъ выходѣ на фронтъ цѣлыхъ разрядовъ населенія.

А я, какъ противный, каркающій старый воронъ, представляю себѣ, какимъ скользкимъ и трусливо-подлымъ настроеніемъ все это смѣнится, если разсѣется этотъ побѣдный угаръ и надъ Омскимъ болотомъ вновь поднимется призракъ краснаго приближенія.

Подняли большую шумиху съ поголовной мобилизаціей бывшихъ плѣнныхъ изъ Карпаторуссіи; къ этому дѣлу примазался Ивановъ-Риновъ, заявившій, что этимъ путемъ онъ получитъ пѣхоту въ добавокъ къ своему конному корпусу.

Бѣдныхъ карпаторуссовъ стали хватать съ помощью облавъ (И.-Р. по этой части дока); благодаря этому, Омскъ остался безъ хлѣбопековъ и ассенизаторовъ, такъ какъ миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы спеціализировались по черному труду; узнавъ о принудительной мобилизаціи, они разбѣжались изъ Омска и въ риновскія сѣти попала только часть.

Озлобленіе среди нихъ страшное; ихъ собрали на станціи Куломзино, рядомъ съ бараками, въ которыхъ помѣщаются семьи Ижевскихъ рабочихъ; на дняхъ у меня были старики Ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругаютъ ихъ за вѣрную службу своей родинѣ и, не стѣсняясь, говорятъ, что имъ только бы попасть на фронтъ, а тамъ они расправятся съ тѣми, кто ихъ туда погналъ, а сами уйдутъ къ краснымъ; тѣ же отправятъ ихъ домой.

Сообщилъ это 3-му Ген.-Квару, прося обратить вниманіе, что это идетъ не изъ контръ-развѣдчичьихъ сферъ, а сообщается стариками рабочими, неспособными на выдумку.

Въ результатѣ новая глупость и новый вредъ: до сихъ поръ у насъ былъ добровольческій карпаторусскій батальонъ очень хорошаго состава, очень добросовѣстно несшій на себѣ тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена въ массѣ насильно согнанныхъ и нехотящихъ воевать людей

Въ газетахъ моря платныхъ восторговъ по поводу «изумительнаго по своему единодушію поголовнаго подъема героевъ подъяремной Карпатской Руси на спасеніе родного русскаго народа». Платныя перья всегда были особо подлы, а въ теперешней гнилой атмосферѣ они побили всѣ старые рекорды.

Каждое засѣданіе Комитета по дѣламъ печати даетъ мнѣ возможность высказать свое негодованіе по адресу нашихъ освѣдомителей и наемныхъ писакъ. Сначала Крафтонъ на меня обижался, но за послѣднее время часто соглашается, что я правъ и что органы освѣдомленія совершенно не выполняютъ своего назначенія.

5 Сентября. Утромъ вызвали къ Адмиралу, гдѣ уже были Головинъ и Дитерихсъ. Адмиралъ сообщилъ, что, выслушавъ всѣ доклады и доводы, онъ остановился на рѣшеніи включить въ театръ военныхъ дѣйствій весь Омскій военный округъ, сдѣлавъ его главнымъ райономъ для новыхъ формированій подъ руководствомъ Главнокомандующаго и избранныхъ имъ лицъ. Иркутскій и Приамурскій округа остаются въ подчиненіи Верховному Правителю и въ вѣдѣніи Военнаго Министра; никакого стратегическаго резерва на Дальнемъ Востокѣ формироваться не будетъ, а потому вопросъ о назначеніи Хрещатицкаго отпадаетъ.

Доложилъ Адмиралу, что вполнѣ привѣтствую такое рѣшеніе, долженствующее удовлетворить фронтъ и вполнѣ естественное, ибо все равно Омску суждено стать прифронтовымъ городомъ.

Отвѣчая на просьбу Адмирала не уходить съ должности до пріисканія мнѣ замѣстителя, доложилъ, что замѣстителемъ могъ бы быть вполнѣ соотвѣтствующій посту Военнаго Министра генералъ Суринъ, по моему мнѣнію несравненно болѣе меня подходящій къ этой должности; Адмиралъ отвѣтилъ, что противъ кандидатуры Сурина почти весь Совѣтъ Министровъ; это меня удивило, т. к. члены Совѣта не могли не знать, какъ методично, ревностно и добросовѣстно работалъ Суринъ и какіе успѣшные, хотя и невидные, результаты дала его работа; если бы у насъ было побольше такихъ людей и работниковъ, какъ Суринъ, то можно было быть спокойнымъ за будущее.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ узналъ отъ Сукина, что онъ, по порученію Адмирала, былъ у генерала Такаянаги, чтобы узнать правда ли, что японское правительство требуетъ обязательнаго назначенія инспекторомъ формированій Дальняго Востока ген. Хрещатицкаго, связывая съ этимъ назначеніемъ вопросъ объ оказаніи намъ дальнѣйшей помощи.

По словамъ Сукина, Такаянаги былъ до-нельзя удивленъ этими вопросами и отвѣтилъ, что ни о чемъ подобномъ они никогда и не думали и что они не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ такія дѣла.

Такимъ образомъ открылась вся провокаторская махинація превосходительнаго спиртовоза; очевидно, это и повліяло на утреннее рѣшеніе Адмирала.

Но, тѣмъ не менѣе, Хрещатицкій остается въ распоряженіи Дитерихса и предназначается на должность инспектора формированій въ Омскомъ округѣ.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сдѣлать, чтобы надъ вами поставили, наконецъ, крестъ!

Что прочное и здоровое можетъ быть при такомъ порядкѣ, при которомъ разоблаченій, подобныхъ сегодняшнему, оказывается недостаточно, чтобы съ позоромъ и пропечатаніемъ выгнать вонъ способнаго на такіе поступки генерала.

Не безъ труда протащилъ черезъ Совѣтъ Министровъ законопроектъ объ ассигнованіи Военному Министру десяти милліоновъ рублей на экстренные расходы по устройству дѣла воспитанія дѣтей военно-служащихъ. Уже осень и нѣтъ возможности проводить всѣ мелкія статьи, разрѣшающія этотъ насущный вопросъ обычнымъ путемъ; поэтому я и просилъ Совѣтъ Министровъ довѣрить мнѣ это дѣло и отпустить просимый авансъ.

Пролѣзъ большинствомъ только одного голоса и то послѣ того, какъ рѣзко крикнулъ, что голосующіе не имѣютъ права отказать въ помощи дѣтямъ тѣхъ, которые за насъ и за Россію умерли и умираютъ.

Развѣ можно успѣшно работать при такомъ государственномъ механизмѣ, при которомъ приходится протаскивать черезъ голосовальную машину такіе насущные во-

просы и рисковать остаться съ носомъ, если болѣе чѣмъ полудюжинѣ министровъ вздумается голосовать противъ.

Тошно было слушать, какъ двѣ бюрократическихъ крысы отъ контроля и финансовъ вылѣзали изъ шкуры, чтобы какъ-нибудь провалить мой проектъ, доказывая ссылками на законы и протухшие циркуляры, что получающимъ усиленное жалованье не полагается выдавать пособій на воспитаніе дѣтей.

Съ наслажденіемъ отправилъ бы этихъ крысъ на фронтъ, оклеивъ ихъ этими циркулярами.

6 Сентября. Капризное настроеніе Омска опять потемнѣло; присяжные оптимисты продолжаютъ еще находиться подъ угаромъ «фронтовыхъ побѣдъ, но тревожныя нотки начинаютъ проскальзывать уже даже у заправилъ Ставки; мелкіе успѣхи есть, но разгрома красныхъ не только нѣтъ, но они сами начали насъ кое-гдѣ тѣснить; лучшія наши части уже израсходованы, резервы подходятъ къ концу, а красные не желаютъ даже начать отступленіе.

Спрашивалъ Ставку о причинахъ бездѣятельности до сихъ поръ коннаго корпуса; по секрету сообщили, что наступленіе начато не дожидаясь, не то что развертыванія, а даже сбора частей коннаго корпуса; это такъ ужасно, что не хочется даже вѣрить возможности столь чудовищной оплошности; вѣдь, ничто не требовало начать наступленіе въ столько то часовъ такого то дня.

Отказываюсь понимать поведеніе Дитерихса; самъ Адмиралъ, конечно, тутъ не причемъ. Какъ могъ допустить это Андогскій, который, по званію профессора военной Академіи, обязанъ понимать, что значитъ подготовка операціи и удачное для нея развертываніе.

Въ Ставкѣ сознаются, что сборъ казаковъ шелъ очень медленно; угаръ станичныхъ постановленій навѣянныхъ Риновскими ситцами, подарками и пособіями разсѣялся, какъ только пришлось выходить на службу; но за то вылѣзли во всей будничной остротѣ жалость потерять хорошій урожай, боязнь за семьи, страхъ за жизнь и пр. и пр.

Нѣкоторыя казачьи части сѣли въ вагоны, забравъ съ собой женъ и обильные запасы водки; по пути казачьяго движенія идетъ разгромъ нашихъ продовольственныхъ магазиновъ. Ивановъ-Риновъ очень много шумѣлъ о томъ, что у него будетъ автономное и демократическое снабженіе, но, когда дѣло дошло до реальнаго снабженія продовольствіемъ и фуражемъ, то оказалось, что, кромѣ пустопорожняго названія, у нашего наполеонистаго Держиморды ничего не имѣется. Скверно то, что все это свалилось на насъ неожиданно; все берется по казачьей ухваткѣ въ двойной и тройной запасъ; забираются склады и вагоны, приготовленные для арміи и для пополненія магазиновъ; интендантъ ходитъ, какъ очумѣлый, но я приказалъ все давать и все разрѣшать, дабы хоть чѣмъ-нибудь не помѣшать быстрѣйшему сбору казаковъ.

Офицеры изъ контръ-развѣдки говорятъ, что въ нѣкоторыхъ станицахъ идутъ секретныя совѣщанія о томъ, что не слѣдовало отпускать строевыхъ казаковъ на службу, такъ какъ все равно красные придутъ, а тогда будетъ трудно съ ними сговориться; не думаю, что это измышлено, такъ какъ очень подходитъ къ казачьей психологіи и спеціально сибирской разсчетливости, чуждой идейнаго сентиментализма.

Потеря нами восточнаго Приуралья и Троицко-Орскаго района лишила насъ огромныхъ хлѣбныхъ и фуражныхъ заготовокъ и подвѣсила все довольствіе армій на запасы Средней Сибири. Всѣ требованія, предъявляемыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ къ Министерству Продовольствія о равномѣрномъ распредѣленіи запасовъ по всѣмъ магазинамъ и о доведеніи до нормы магазиновъ Средней и Восточной Сибири, остались неудовлетворенными. Каждую недѣлю, получая вѣдомости пополненія магазиновъ, писалъ Неклютину бумаги, сначала вѣжливыя, потомъ рѣзкія, потомъ угрожающія и требовалъ исполненія нашихъ нарядовъ, но все безрезультатно. Говорилъ съ Неклютинымъ и его помощниками, получалъ кучи увѣреній и обѣщаній, подкисленныя ссылками на трудность положенія, вызываемую потерей огромныхъ запасовъ на фронтѣ и тяжелыми условіями транспорта, смятаго стихійной эвакуаціей. Съ точки зрѣнія законной отговорки они

на половину правы, но съ точки зрѣнія способности подняться до высоты создавшагося труднаго положенія — ихъ нельзя оправдать.

Сумѣло же министерство путей сообщенія справиться съ еще болѣе тяжелыми и экстренными задачами; сумѣли же и нѣкоторые болѣе энергичные уполномоченные продовольственнаго министерства сдѣлать то же самое; тамъ же, гдѣ сидятъ уполномоченными разные дѣльцы и юнцы (говорятъ, что среди нихъ есть юноша, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кончившій лицей), то тамъ дѣло совсѣмъ хромаетъ. Особенно непонятно плохое заполненіе магазиновъ Иркутска, Забайкалья и Дальняго Востока, гдѣ и транспортъ легче, и запасовъ сколько угодно (даже съ поправкой на разныя семенизаціи).

Не мало затрудненій въ дѣлѣ заготовки снабженій чинятъ намъ милые наши интервенты, любящіе плотно и хорошо покушать; сейчасъ они навалились на ограниченные запасы Средней Сибири и изрядно ихъ подсасываютъ; конкурировать съ ними мы не можемъ, ибо они вымѣниваютъ необходимое имъ довольствіе у населенія на разные товары и этимъ привлекаютъ къ себѣ весь сбытъ. Очень много жалобъ на безобразія и насилія чинимыя польскими войсками въ районѣ Ново-Николаевска; эти не стѣсняются грабить, производить насильственныя фуражировки, расплачиваться по ничтожнымъ цѣнамъ и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи съ грузами.

На наши жалобы, обращенныя къ Жанену, не получаемъ даже отвѣта; польское хозяйничанье особенно для насъ обидно; чехамъ мы все же обязаны и часть ихъ дралась вмѣстѣ съ нами за общее дѣло; польскія же войска создались у насъ за спиной изъ бывшихъ плѣнныхъ и нашихъ поляковъ, взявшихъ съ Россіи все, что было возможно, а затѣмъ задѣлавшихся польскими подданными и укрывшихся отъ всякихъ мобилизацій и военныхъ непріятностей въ рядахъ польскихъ частей.

Очень много нареканій на безобразія, учиняемыя весьма экзотическими морскими командами рѣчной флотиліи; они разрушили намъ весь планъ Тюменьской эвакуаціи, забравъ приготовленные для нея пароходы; теперь они плывутъ по Оби, возмущая своими безобразіями мѣстное населеніе и забирая разные запасы.

Очень тяжело положеніе съ эвакуаціей, такъ какъ потеря западныхъ каменоугольныхъ районовъ вызвала необходимость подавать уголь съ востока съ Черемховскихъ копей и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы образовать теперь зимніе запасы и обезпечить себя отъ того тяжелаго угольнаго голода, который былъ такъ остръ въ прошлую зиму.

Но молодецкое М. П. С. находится въ опытныхъ рукахъ и личный составъ его работаетъ выше всякой похвалы, успѣшно преодолѣвая всѣ эти трудности.

7 Сентября. Маленькій, но характерный фактикъ изъ нашей будничной жизни; послалъ провѣрить, какъ идутъ работы, производимыя министерствомъ народнаго просвѣщенія на данные ему мной 12 милліоновъ рублей, по постройкѣ бараковъ; скоро осень и бараки должны были быть готовы; тогда мы могли бы освободить занимаемыя нами помѣщенія учебныхъ заведеній и дать дѣтямъ возможность учиться.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что въ двухъ мѣстахъ привезли нѣсколько сотъ бревенъ и, сваливъ ихъ въ штабеля, мирно почили; только въ Атаманской гимназіи произвели кое-какія работы, да и тѣ оказались надворными постройками и службами для директора гимназіи.

Теперь для меня ясно, что всѣ завыванія на тему о томъ, что военное вѣдомство захватило всѣ учебныя помѣщенія и не даетъ дѣтямъ учиться, были обычнымъ препровожденіемъ времени россійской интеллигенціи, смерть какъ любящей ругать начальство и валить на него отвѣтственность за то, въ чемъ сама на половину виновата.

Я хотѣлъ узнать научилась ли чему нибудь эта публика; я далъ имъ всѣ средства для постройки помѣщеній — деньги, матерьялы и вагоны; оставалось только побезпокоиться и исполнить. Своимъ предложеніемъ я поставилъ ихъ въ пиковое положеніе, ибо лишалъ ихъ возможности продолжать ничего не дѣлать, получать содержаніе и натравливать на насъ общественное мнѣніе, разливая потоки гражданской скорби и демократическаго краснорѣчія и облекаясь въ ризы обиженныхъ педагоговъ и заступниковъ за дѣтей.

Но народъ до того теперь обнаглѣлъ и опустился, что они смущались недолго; поругали меня, вѣроятно, за непріятное для нихъ предложеніе и рѣшили ничего не дѣлать на основаніи ста одной причины, мѣшающей исполненію. Они и интеллигенты, и педагоги, и демократы, и обличители, и заступники, но они не такъ глупы, чтобы стараться строить тѣ зданія, которыя лишатъ ихъ продолженія ничегонедѣланія и возстановятъ учебную жизнь.

Во избѣжаніе отговорокъ приказалъ собрать справки о наличіи въ городѣ матерьяловъ и рабочихъ; того и другого оказалось въ десятерной потребности сравнительно съ тѣмъ, что надо было для такихъ построекъ; не было гвоздей, желѣза и стекла, но все это было разрѣшено получить изъ инженерныхъ складовъ.

Всѣ справки передалъ министру народнаго просвѣщенія, сказавъ коротко, что все это слѣдовало бы предать самой широкой гласности, какъ яркое доказательство нашей лѣни и недобросовѣстности.

Другая картинка, на этотъ разъ изъ дѣятельности нашего городского самоуправленія. Еще въ концѣ іюля, дѣлая распоряженія военнымъ округамъ о самой энергичной и срочной заготовкѣ запасовъ топлива на зиму, чтобы не повторился дровяной голодъ прошлой зимы, я подумалъ и объ Омскѣ и приказалъ запросить городскую управу, обезпеченъ ли городъ запасами топлива и въ какомъ положеніи городскія заготовки. Получилъ отвѣтъ, что не заготовлено и четверти необходимаго запаса, опять таки на основаніи ста одной причины, и въ томъ числѣ призыва на службу какого-то прапорщика, сугубаго спеціалиста по этому дѣлу.

Приказалъ своимъ управленіямъ помочь всѣми способами для устраненія указанныхъ городомъ причинъ, далъ имъ наряды вагоновъ и баржъ, выхлопоталъ нарядъ на работы плѣнныхъ, но одновременно рекомендовалъ пошевелить и омскихъ лежебоковъ обывателей, собрать изъ нихъ рабочія команды и послать на нѣкоторое время на мѣста лѣсныхъ заготовокъ. Въ отношеніи прапорщика спеціалиста нарушилъ свои убѣжденія и приказалъ зачислить его на одну изъ незанятыхъ штатныхъ должностей оберъ-офицеровъ для порученій, съ откомандированіемъ на мѣсто заготовокъ.

На дняхъ приказалъ узнать, какъ идутъ эти заготовки: оказалось — самымъ неудовлетворительнымъ образомъ; часть причинъ задержки весьма уважительна, но надо было объ этомъ во время заявить, а въ случаѣ чего — поднять гвалтъ; вѣдь, недопустимо, чтобы опять повторилось то катастрофическое положеніе съ топливомъ, которое разразилось надъ Омскомъ въ прошломъ году; недопустимо тѣмъ болѣе, что фронтъ приблизился къ тылу и Омску, быть можетъ, прійдется зимой принять въ себя всѣ армейскіе тылы.

При такомъ халатѣ трудно надѣяться на успѣхъ реконструкціи. Всѣмъ не хочется безпокоиться; мой проектъ о снабженіи населенія Омска предметами первой необходимости скончался въ какой-то комиссіи; мои предложенія городу построить на половинныхъ издержкахъ дешевыя хлѣбопекарни и бани для совмѣстнаго пользованія войсками и населеніемъ остались, какъ говорится, «безъ послѣдствій».

Что можно сдѣлать, когда большинство у насъ максималисты по части благъ и правъ и сугубые меньшевики по всему, что касается обязанностей, работы и излишняго служебнаго безпокойства. По внѣшности — что-то дѣлается и какъ-будто бы даже усердно; по внутреннему же содержанію — все сводится къ исполненію опостылой поденщины, осточертѣвшихъ номеровъ.

Испорченный «завоеваніями революціи», — главное изъ которыхъ нравственное разложеніе, — нашъ скрипучій и расхлябанный по всѣмъ частямъ механизмъ управленія все болѣе и болѣе засоряется своего рода мочекислыми отложеніями и нѣтъ въ нашемъ распоряженіи такого уродонала, который способенъ былъ бы разсосать эти гибельные отбросы больного организма.

Такимъ уродоналомъ можетъ быть только нравственный подъемъ; никакія кары, никакая аракчеевщина и семеновщина отъ этого исцѣлить не могутъ, ибо болѣзнью этой больны и сами поклонники разстрѣловъ и самой сугубой аракчеевщины.

На возможность такого подъема нѣтъ и сотой доли шанса; относительно, да и то подъ большимъ сомнѣніемъ, могло помочь примѣненіе большевистской системы понуканія

и принужденія, но для этого у насъ нѣтъ комиссарской непреклонности и безудержной рѣшительности.

Министерство Снабженій грозитъ своей нераспорядительностью оставить насъ безъ должнаго количества теплой одежды. Этотъ вопросъ безпокоилъ меня еще во время Екатеринбургской поѣздки и я просилъ Министерство воспользоваться съѣздомъ, чтобы все распорядить; тогда же предупреждалъ о возможной ненадежности Уральскаго положенія и о желательности налечь на Тюменьскія и Монгольскія заготовки.

Все это было обѣщано. Затѣмъ просилъ, чтобы вся теплая одежда была сдаваема въ склады такъ, чтобы къ концу Августа послѣдній полушубокъ и послѣдняя пара валенокъ были въ распоряженіи Главнаго Интенданта. И это было завѣрено и обѣщано.

Въ первыхъ числахъ Августа поѣхалъ въ Министерство и просилъ дать мнѣ всѣ свѣдѣнія о ходѣ заготовокъ; свѣдѣнія дали довольно утѣшительныя по ходу заготовокъ и совсѣмъ скверныя по части сдачи.

Опять и Неклютинъ и Прозоровъ завѣрили, что понимаютъ мою тревогу и напрягутъ весь аппаратъ для исполненія нашихъ нарядовъ.

Прошелъ мѣсяцъ — съ постоянными запросами и напоминаніями Интендантства; сегодняшняя вѣдомость показываетъ, что обѣщанія Министерства не выполнены и на половину; самое же скверное это то, что заготовка теплаго бѣлья въ Харбинѣ и Китаѣ страшно затянулась, потому де, что Министерство Финансовъ задержало отпускъ валюты, необходимой для выдачи задатковъ и расплаты.

Выразилъ Прозорову недоумѣніе, почему же объ этомъ не было намъ сообщено и не было доложено Адмиралу и Совѣту Министровъ. Снабженіе арміи теплой одеждой — это вопросъ первостепеннѣйшей важности и я увѣренъ, что и Адмиралъ, и совѣтъ Министровъ нашли бы средства для удовлетворенія срочныхъ потребностей Министерства Снабженій.

Выразилъ недоумѣніе, что объ этомъ ничего не было сказано во время происходившихъ у насъ совмѣстныхъ совѣщаній по снабженію, и что, вмѣсто правды, мнѣ доставлялись дутыя вѣдомости.

Чтобы выправить положеніе, приказалъ, чтобы готовыя партіи теплой одежды отправлялись изъ Владивостока и Харбина съ прицѣпкой по 2 вагона къ каждому экспрессу и пассажирскому поѣзду.

Новое подтвержденіе невозможности раздѣленія снабженій между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ одно заготовляетъ и ни за что не отвѣчаетъ, а другое довольствуетъ войска чужими заготовками и несетъ на себѣ всю фактическую и нравственную отвѣтственность передъ войсками.

Адмиралъ, которому я жаловался на очевидное нежеланіе Совѣта Министровъ разсмотрѣть, внесенный еще Суринымъ, докладъ о возстановленіи единства заготовки и распредѣленія, просилъ обождать, пока выправится общее положеніе, т. к. онъ считаетъ, что сейчасъ не до коренныхъ реформъ.

Послѣднее вѣрно, но надо тогда подтянуть Министерство Снабженій и заставить его тоже безпокоиться.

8 Сентября. Сбитый съ позиціи и уличенный во лжи Хрещатицкій ушелъ въ подпольную или, лучше сказать, въ вагонную агитацію; идетъ оживленная работа, чтобы меня свалить; сегодня мнѣ передали разговоры всей этой почтенной компаніи, что она грозитъ отбыть въ Забайкалье, соединиться съ Семеновымъ, отдѣлить Дальній Востокъ отъ Сибири и тогда «показать Омску и собравшимся тамъ большевиствующимъ генераламъ».

Состоящая при X. женская особа очень надѣется на значеніе по этой части своей дружбы съ Машкой Шарабанъ.

Такіе серьезные противники не по плечу такому бѣдному, большевиствующему генералу, какъ я.

Не сомнѣваюсь, что двѣ честолюбивыя и корыстолюбивыя бабы, помыкающія прилипшими къ нимъ превосходительными мужиками, способны надѣлать не мало подлыхъ гадостей.

Вообще, свѣдѣнія изъ Читы показываютъ, что всѣ надежды на эволюцію Семеновщины надо признать лопнувшими; настроеніе противъ Омска тамъ самое озлобленное, и съ нимъ считаются только, какъ съ дойной коровой.

9 Сентября. Освѣдомленіе всячески раздуваетъ мелкіе успѣхи, одержанные коегдѣ на фронтѣ. Спросилъ въ Ставкѣ, зачѣмъ вводятъ въ заблужденіе и населеніе, и весь тылъ; отвѣтили, что этимъ надѣются поднять добровольческое движеніе и этимъ разрѣшить уже остро надвинувшійся вопросъ, чѣмъ пополнять быстро рѣдѣющіе ряды нашихъ боевыхъ частей.

Сознаніе о неимѣніи пополненій еще болѣе усугубляетъ великую вину Дитерихса и Андогскаго, подвинувшихъ Адмирала на настоящее наступленіе. Вѣдь и Главковостокъ и оперативный Генкваръ были обязаны до мелочей оцѣнить всѣ наши средства и учесть, располагаемъ ли мы всѣми средствами для исполненія и развитія предпринимаемой операціи; бывшій генералъ-квартирмейстеръ фронта и настоящій профессоръ академіи обязаны были знать, что обезпеченіе пополненіями составляетъ вопросъ наипервостепеннѣйшей важности.

Надо быть слѣпымъ оптимистомъ или безнадежнымъ дуракомъ, чтобы вѣрить въ возможность серьезнаго значенія добровольческаго движенія и возможности базировать на этомъ пополненіе арміи.

Голицынъ и примазавшіеся къ нему господа, не краснѣя (это качество ими давно и безнадежно потеряно), докладываютъ Адмиралу, что они выставятъ очень скоро до 30 тысячъ добровольцевъ. Трудно понять, какъ можно дойти до такихъ нравственныхъ мозолей, чтобы докладывать такую завѣдомую ложь, вѣрить которой они при всей своей тупости все же не могутъ; они знаютъ, что, несмотря на всѣ матерьяльныя заманки, ихъ шумиха провалилась; у нихъ есть донесенія о томъ, что въ большихъ городахъ тыла число добровольцевъ опредѣлилось въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, а въ какомъ-то городѣ записался одинъ человѣкъ.

Они знаютъ, что контингентъ годнаго въ войска населенія исчерпанъ призывами и наборами, а то, что осталось въ деревняхъ, ушло въ шайки Лубкова, Щетинкина и прочихъ лѣсныхъ главарей и громитъ наши тылы.

Они не могутъ не понимать, что нагло лгутъ ослѣпленному и плѣненному Адмиралу и подаютъ ему такія надежды, которыя никогда не будутъ осуществлены. Все это дѣлается ради честолюбія и самоустройства; трудно подыскать даже эпитетъ для оцѣнки дѣятельности этихъ мерзавцевъ.

Очередная шумиха — это дружины креста и полумѣсяца; провалившись на первомъ этапѣ своей добровольческой авантюры, ея создатели, при помощи услужливаго освѣдомленія, стали грохотать, что весь путь добровольчества это религія и защита ея отъ большевиковъ; по сему зазываніе, уговариваніе и вербовку надо производить въ церквахъ, съ надлежащимъ подогрѣвомъ и пр. и пр. Одновременно пущенъ и такой освѣдомительный эффектъ, что чуть ли не всѣ мусульмане Сибири рѣшили идти въ добровольцы, ибо Коранъ осуждаетъ большевизмъ.

Пока что, эта шумиха собрала около 200 человѣкъ добровольцевъ; они расположены около зданія, занятаго военнымъ министерствомъ; большинство изъ нихъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе; видно, что пришли по убѣжденію; если бы такихъ были десятки тысячъ, то пѣсня красныхъ была бы спѣта; все горе въ томъ, что это все, что могла дать ближайшая къ Омску Сибирь; больше такихъ уже нѣтъ и не будетъ.

Моему пессимизму не дано понимать, какимъ образомъ можно хоть на минуту повѣрить возможности минутнымъ подъемомъ дряблаго и трусливаго настроенія нашего массоваго шкурника-обывателя двинуть его на подвигъ, на лишенія и даже на смерть.

Вѣдь все то, что именуется душевнымъ подъемомъ населенія, связано исключительно съ благопріятными свѣдѣніями съ фронта. Но развѣ это душевный подъемъ? это радость трусливенькаго поганыша, радующагося тому, что кто-то отдаляетъ отъ него всѣ жупелы краснаго нашествія, прогоняетъ всѣ связанные съ этимъ грозные призраки и даетъ возможность продолжать свое спокойное существованіе съ идеалами на манеръ навознаго жука.

Нашъ трусливый обыватель будетъ пѣть молебны, будетъ захлебываться отъ радости по поводу побѣдъ; со слюной будетъ смаковать всѣ подробности разныхъ спасительныхъ для него одолѣній; онъ будетъ выносить потрясающія резолюціи и храбро, шумно требовать рѣшительнаго наступленія; кое-кто съ дрожью вожделѣнія, но оглядываясь, чтобы не услыхало что-нибудь подозрительное на красноту, будетъ заглазно уничтожать красные полки и разстрѣливать комиссаровъ, зловѣщія тѣни которыхъ портятъ его буржуазный сонъ.

Но въ то-же время онъ не даетъ ни гроша на нужды арміи и государства; онъ облазитъ всѣ пороги и пойдетъ на всякую гадость, чтобы спасти себя и своихъ близкихъ отъ грязной непріятности попасть на фронтъ или подвергнуться какимъ-нибудь лишеніямъ; онъ безконечно далекъ отъ мысли положитъ свой животъ за какое-то отечество и считаетъ, что это обязаны дѣлать всѣ, кромѣ него самого и его дѣтей; зато онъ считаетъ непреложнымъ, что отечество обязано охранять его животъ, всѣ его преимущества и оберегать отъ красныхъ покушеній его капиталы и бебехи; онъ дѣлается весьма злымъ и крикливымъ, если считаетъ, что отечество не достаточно надежно его охраняетъ, и готовъ тогда насадить ежей за пазухи всѣмъ, кого считаетъ въ томъ виновнымъ.

Но если, чего Боже упаси, ничто не выручитъ и на обывателя все же навалится красная напасть, то онъ сожмется, тоже покраснѣетъ и будетъ стараться потрафлять на новаго повелителя, молясь всѣмъ угодникамъ объ его гибели, но не дастъ на это ни одного гроша, не сдѣлаетъ ни одного опаснаго жеста.

Про конный корпусъ ничего не слышно; въ Ставкѣ говорятъ, что его готовности и сосредоточенію очень повредило одновременное формированіе Степной армейской группы Лебедева; разбросались и оба формированія вышли недодѣланными и запоздали.

Изъ сводки видно, что потрепанныя нашей третьей арміей правофланговыя части красныхъ успѣли уйти отъ окруженія и что красный фронтъ выправился. Это очень печально, такъ какъ сводитъ наше наступленіе къ необходимости наносить лобовые удары, самые тяжелые по приносимымъ ими потерямъ и для нанесенія и развитія которыхъ у насъ не хватитъ средствъ.

Настоящій моментъ для нанесенія удара коннымъ корпусомъ уже упущенъ, ибо, если бы Ивановъ-Риновъ вышелъ въ тылы краснаго праваго фланга въ то время, когда фронтъ красныхъ былъ разбитъ наступленіемъ третьей арміи, то результаты могли быть потрясающими и отозвались бы на исходѣ всей кампаніи 1919 года.

Но и сейчасъ рѣшительный выходъ коннаго корпуса къ Кургану и къ тылу красныхъ по линіи Тобола способенъ привести къ полному разгрому красныхъ.

Ѣздилъ на работы по постройкѣ бараковъ — казармъ для образцовой бригады —, и видѣлъ яркій примѣръ того, что при желаніи работать и при энергіи можно и при настоящей обстановкѣ получать очень хорошіе результаты. Работы начаты два мѣсяца тому назадъ, а сейчасъ уже готовы нѣсколько десятковъ огромныхъ бараковъ, кухонь, столовыхъ и офицерскихъ квартиръ и заканчиваются водопроводы, электрическое освѣщеніе, обозные сараи и конюшни. Ведетъ работы рекомендованный мнѣ генераломъ Думбадзе гражданскій инженеръ Трофимовъ, который, принимая на себя эту задачу, заявилъ, что онъ ее выполнитъ при условіи оказанія ему полнаго довѣрія и ослабленія разныхъ контрольныхъ и кассовыхъ крючковъ. Я пошелъ на этотъ рискъ, и сегодня былъ очень обрадованъ полученными результатами. Характерно то, что стоимость постройки съ квадрата оказалась втрое дешевле, чѣмъ на работахъ другихъ учрежденій.

10 Сентября. Ставка оповѣщаетъ, что успѣхъ наступленія развивается и что въ послѣднихъ бояхъ наши части прорвались до красныхъ штабовъ и батарей; мой пессимизмъ просилъ сообщить о числѣ взятыхъ орудій и получилъ отвѣтъ, что «они подсчитываются».

Для меня это плохое предзнаменованіе, ибо по опыту большой войны знаю, что значитъ это темное выраженіе; оно особенно подозрительно теперь, такъ какъ, по свѣдѣніямъ съ фронта, красные очень бѣдны артиллеріей, такъ что долго считать не приходится.

Съ нетерпѣніемъ жду появленія на сценѣ коннаго корпуса и прошу тѣни всѣхъ великихъ кавалеристовъ осѣнить своимъ благословеніемъ всѣ дѣйствія Иванова-Ринова.

На немъ зиждутся всѣ судьбы Сибири. Его успѣхъ — это полное выпрямленіе почти безнадежнаго направленія; это 7—8 мѣсяцевъ передышки и возможности рѣшительно перевернуть весь курсъ нашего военнаго управленія и нашего государственнаго строительства. По этой части всѣ мои надежды обращены на Головина; мнѣ кажется, что это настоящій человѣкъ для того, чтобы благотворно вліять на Адмирала и разумно его направлять; я убѣдился, что Адмиралъ его слушается, ему довѣряетъ и очень считается съ его мнѣніемъ.

Изъ бесѣды съ Головинымъ я убѣдился, что онъ понимаетъ отлично всю нашу обстановку и что онъ сумѣетъ очень тактично, но достаточно крѣпко приняться за леченіе нашихъ болѣзней и за устраненіе недостатковъ.

Въ дѣлѣ государственнаго строительства необходима немедленная смѣна всего состава Совѣта Министровъ (кромѣ Устругова и Краснова) и удаленіе на покой государственной рухляди и какого-то предсѣдательскаго недоразумѣнія — Вологодскаго.

Нуженъ открытый и рѣзкій разрывъ со всѣмъ, что желаетъ идти путемъ черной реакціи и повторенія смертельныхъ ошибокъ прошлаго; надо, чтобы правые разумно полѣвѣли, а лѣвые отказались отъ своихъ утопій и подкоповъ и стали на дѣловую почву; тогда станетъ возможной средняя дорожка совмѣстной работы по возсозданію опрокинутыхъ и разрушенныхъ основаній государственной и общественной жизни на новыхъ, здоровыхъ, пріемлемыхъ для народа и выгодныхъ народу началахъ. Тутъ нечего бояться даже чисто народной совдепіи, ибо она совершенно не схожа съ комиссарской совдепіей и не выходитъ за границу широкаго мѣстнаго хозяйственно-административнаго самоуправленія.

Къ государственной работѣ должны быть привлечены всѣ дѣловые и честные люди, безъ различія партій, но съ обязательствомъ временно забыть партійныя шоры и исполнять общую государственную программу. Для тѣхъ, кто дѣйствительно хочетъ спасти Россію, — и это не однѣ только красивыя фразы, — должны померкнуть маленькія партійныя свѣчечки, за которыя такъ крѣпко держатся революціонные изувѣры и ихъ подголоски.

Третій день чувствую себя отчаянно плохо; внутри какія-то грызущія боли; все это ухудшаетъ и безъ того скверное настроеніе.

Весь вечеръ пропалъ даромъ въ безсмысленномъ засѣданіи Комитета Экономической Политики, гдѣ пережевывались «общіе принципы реквизиціи».

Удивительные мы люди: на фронтѣ идетъ наступленіе, долженствующее рѣшить судьбу Сибирскаго бѣлаго движенія и всей Россіи; тылъ разваливается и пылаетъ возстаніями, а въ это время 12 министровъ и ихъ товарищи убиваютъ три съ лишнимъ часа на обсужденіе вопросовъ самой отвлеченной теоріи.

Я рекомендовалъ использовать прямо положеніе о реквизиціяхъ, вышедшее во время большой войны, но рѣшили все же поговорить.

Я и морской министръ попробовали пропустить два засѣданія этого комитета, но получили затѣмъ письма отъ предсѣдателя съ указаніемъ, что наше отсутствіе замѣчено и впредь просятъ быть аккуратнѣе.

Такія засѣданія напоминаютъ мнѣ дискуссіи о спасеніи души въ вагонѣ, который летитъ кувыркомъ съ многосаженной насыпи, причемъ пассажиры уже не знаютъ, гдѣ у нихъ верхъ, а гдѣ низъ, гдѣ крыша, а гдѣ полъ.

11 Сентября. Штабъ Приамурскаго военнаго Округа прислалъ заключеніе Военнаго Прокурора о дѣяніяхъ хабаровскаго разбойника атамана или, какъ онъ названъ въ прокурорскомъ заключеніи, мѣщанина Ивана Калмыкова. Заключеніе составлено на основаніи документовъ и свидѣтельскихъ показаній; написано оно обычнымъ для такихъ заключеній краткимъ языкомъ, причемъ одно изложеніе учиненныхъ Калмыковымъ преступленій занимаетъ около 20 страницъ.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать Адмиралу оружіе для начала борьбы съ атаманами; сейчасъ все это запоздало, ибо хозяевами положенія являются казаки и ихъ конференція, опредѣленно поддерживающая дальневосточныхъ атамановъ.

Доложилъ заключеніе Адмиралу, далъ прочесть Головину и послалъ помощнику военнаго министра по казачьей части для сообщенія казачьей конференціи; вечеромъ

мнѣ сообщили частнымъ образомъ, что, по мнѣнію казачьихъ лидеровъ, дѣлу надлежитъ не давать никакого хода, такъ какъ нельзя дискредитировать Калмыкова ввиду его «государственныхъ заслугъ». При этомъ сказано, что такое рѣшеніе будетъ поддержано конференціей и будетъ окончательнымъ, такъ какъ, ввиду автономіи казаковъ и выборнаго званія атамана, никто не можетъ привлечь Калмыкова къ отвѣтственности.

Поручилъ Главному Военному Прокурору составить докладъ Верховному Правителю съ доказательствомъ нелѣпости такого мнѣнія и съ изложеніемъ мнѣнія о необходимости приказать командующему войсками Пр. В. Округа немедленно дать дѣлу законный ходъ.

Десятки страницъ этого заключенія даютъ яркую картину преступнаго разгула нашихъ бѣлыхъ большевиковъ, — сухое, но наполненное ужасомъ и кровью перечисленіе злодѣяній и гнусностей, совершенныхъ хабаровскимъ исчадіемъ «младшимъ братомъ» (онъ себя такъ всегда именовалъ) читинскаго атамана.

Было бы очень хорошо послать этотъ документъ въ Японію для непосредственнаго доклада Императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тѣмъ японскимъ генераламъ, которые добились посылки хабаровскому убійцѣ и разбойнику привѣтственной телеграммы отъ имени Наслѣдника японскаго престола.

Эти генералы не могли не знать, что такое Калмыковъ, и этотъ поступокъ является чрезвычайно характернымъ для всей японской политики по отношенію къ нашему правительству. Ясно, что имъ нуженъ нашъ развалъ и наше разъединеніе, ибо иначе нельзя объяснить ту рѣшительность, съ которой они поддерживаютъ читинскаго и хабаровскаго разбойниковъ.

Неглубокая и неумная это политика, даже съ точки зрѣнія существенныхъ и интимныхъ интересовъ Японіи. Возрожденная Россія не можетъ быть опасна для Японіи; она можетъ быть ей только полезна, особенно въ будущемъ, какъ могучій противовѣсъ и союзникъ въ неизбѣжномъ соперничествѣ Японіи и Китая.

Восточная Сибирь нужна японцамъ для полученія концессіи и для отхожихъ промысловъ; здравый смыслъ подсказываетъ, что и то, и другое можетъ быть достигнуто только при наличіи у насъ твердой власти и порядка т. е. путемъ рѣшительной поддержки существующаго Правительства и уничтоженія всякой атаманщины.

Политика divide et impera, проводимая японцами въ Китаѣ, уже достаточно имъ напортила и, обогативъ многихъ политическихъ дѣльцовъ и коммерсантовъ, ничего не дала самой Японіи. Повидимому, то же идетъ и сейчасъ. На Семенова ухлопаны немалые японскіе капиталы въ надеждѣ вернуть ихъ вдесятеро. Думаю, что японскіе игроки ставятъ не на ту лошадь. Трудно проникнуть въ сокровенныя тайны японской государственной политики, но, если только Семеновъ поддерживается съ согласія правительства, то такая политика вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы назвать ее глупой и очень смахивающей на жульничество.

Получилъ первую правдивую сводку освѣдомительнаго отдѣла, встряхнутаго назначеніемъ начальникомъ отдѣла полковника Сальникова; въ сводкѣ очень рельефно и правдиво изложено дѣйствительное настроеніе войскъ и приведено много кричащихъ фактовъ, какъ изъ жизни арміи, такъ и изъ жизни населенія и тыла. Свѣдѣнія эти получены путемъ посылки всюду особо избранныхъ агентовъ, заглянувшихъ въ самую душу войскъ и населенія. Красной нитью проходитъ, что тѣ части въ большемъ порядкѣ, гдѣ офицеры лучше, честнѣе и преданнѣе долгу; тамъ и солдатское настроеніе вполнѣ здоровое, благожелательное и чуждое какихъ-либо потрясеній; и это добыто не распустой и ослабленіемъ требованій службы; наоборотъ, въ такихъ частяхъ сохранилась и дисциплина, и порядокъ, ведутся занятія. Да иначе и быть не можетъ.

Обнаружился, наконецъ, конный корпусъ Иванова-Ринова, имѣвшій крупный успѣхъ и разгромившій красную бригаду, подходившую съ юго-запада на усиленіе краснаго праваго фланга. Сейчасъ И.-Р. становится близокъ къ исторической славѣ; трудно представить себѣ болѣе благопріятнаго для конной массы положенія чѣмъ то, въ которомъ онъ теперь находится. У него $7^1/_2$ тысячъ шашекъ на свѣжихъ коняхъ; большинство

личнаго состава старые, опытные казаки, уже бывшіе на войнѣ; его корпусъ находится на обнаженномъ флангѣ красныхъ войскъ, уже совершенно расшатанномъ двухнедѣльными боями и нанесенными ему ударами; корпусу открытъ весь, лежащій передъ нимъ, тылъ красной арміи, на фронтъ которой навалились наши войска; мѣстность ровная, идеальная для дѣйствій конныхъ массъ и богатая мѣстными средствами.

Омскъ ликуетъ. Мнѣ совѣстно за мой пессимизмъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы Господь благословилъ дальнѣйшими успѣхами дѣйствія коннаго корпуса; вѣдь, отъ этого зависитъ судьба Россіи на долгіе годы.

12 Сентября. Положеніе на фронтѣ не разрѣщается; конница какъ-то замялась; по вчеращней сводкѣ ей слѣдовало быть уже у Кургана и громить красные тылы, а объ этомъ нѣтъ донесеній. Дитерихсъ говоритъ, что красные дерутся очень упорно и все время переходятъ въ контръ-атаки; особенно напираютъ на армію Пепеляева, который даже просилъ разрѣшенія начать отходить, но Дитерихсъ ему отказалъ.

Я не вѣрю въ упорность боевъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать; несомнѣнно только, что красные превосходятъ насъ упорствомъ командованія, маневренностью и наличіемъ въ тылу комиссарскихъ пулеметовъ, сдерживающихъ у мобилизованныхъ наклонность къ отходу и къ оставленію поля сраженія. Все это дѣлаетъ красныхъ менѣе чувствительными къ обходамъ и прорывамъ и придаетъ ихъ фронту извѣстную стойкость, которую гримъ нашихъ реляцій называетъ упорнымъ сопротивленіемъ, упорствомъ боя.

Южная армія разрѣзана пополамъ и перестала существовать, какъ организованное воинское соединеніе. Гибель этой арміи надо поставить полностью на счетъ безграмотной стратегіи и честолюбія Лебедева и Ко. Они задержали своевременный отходъ этой арміи ради обезпеченія своей Челябинской авантюры; они игнорировали совершенно ея тяжелое положеніе по части снабженій, ибо у ней нѣтъ желѣзной дороги, колесныхъ транспортовъ и ея обозы изъ старыхъ обывательскихъ подводъ уже весной были въ отчаянномъ состояніи (наряды повозокъ казеннаго образца, данные этой арміи изъ заготовокъ Екатеринбургскаго района частью не были выпущены Гайдой, частью были перехвачены тылами Западной арміи).

Когда обнаружилась невозможность удержать за собой Челябинскій районъ, то наши стратеги взвалили на эту несчастную армію задачу прикрывать пути на Туркестанъ и Ташкентскую желѣзную дорогу, вмѣсто того, чтобы разрѣшить Бѣлову идти на соединеніе съ уральцами, что спасло бы армію и очень усилило бы уральцевъ; снабженіе можно было организовать черезъ Гурьевъ и Каспійское море.

Теперь положеніе уральцевъ отчаянное, такъ какъ они предоставлены самимъ себѣ. Все это ягодки нелѣпаго выбора сѣвернаго направленія для весенняго наступленія нашихъ армій; горькая чаша, испитая нами, въ возмездіе за неграмотность тѣхъ, въ руки которыхъ попало высшее руководство бѣлыми вооруженными силами Сибири.

Вечеромъ длинное засѣданіе Совѣта Министровъ; Сукинъ сдѣлалъ докладъ о конфликтѣ, возникшемъ между Америкой и Японіей по Сибирскому вопросу, и сообщилъ содержаніе Американской ноты, въ коей отъ Японіи требуется единство дѣйствій и ей дѣлаются упреки въ двойственной и эгоистической политикѣ.

Сукинъ подчеркнулъ, что Американская нота указываетъ на обязанность всѣхъ союзниковъ вознаградить Россію за ея потери во время великой войны и заявляетъ о готовности Америки оказать Россіи всякую помощь.

Затѣмъ Сукинъ доложилъ, что по полученнымъ изъ Владивостока свѣдѣніямъ, тамъ сосредоточились представители эсеровъ, подготовляющіе переворотъ и сверженіе Омской власти, послѣ чего предположено собрать Земскій Соборъ; извѣстно, что представители Англіи и Америки уже увѣдомили свои Правительства объ ожидаемыхъ вскорѣ событіяхъ и о томъ, что по ихъ мнѣнію дни реакціоннаго Омскаго Правительства уже сочтены, причемъ власть перейдетъ въ руки новаго, чисто народнаго Правительства, которое будетъ Всесибирскимъ и немедленно созоветъ Сибирское Учредительное Собраніе и Земско-Городской Соборъ.

Руководителемъ переворота выступитъ сидящій во Владивостокѣ Гайда, обѣщавшій эсерамъ активную помощь чеховъ во Владивостокѣ и Иркутскѣ и полное содѣйствіе главнаго чешскаго комиссара доктора Гирса.

Дѣло считается настолько вѣрнымъ, что замѣститель высокаго комиссара Великобританіи сэра Эллiота О'Рейли видѣлся съ представителями вновь конструируемой власти и обсуждалъ съ ними детали по поводу созыва Собора и созданія Сибирскаго Парламента.

Товарищъ Министра Вн. Дѣлъ подтвердилъ правильность этихъ свѣдѣній; руководство переворотомъ принимаетъ на себя Гайда, желающій отомстить Адмиралу за свою отставку. При проѣздѣ черезъ Иркутскъ Гайда велъ длительные переговоры съ тамошними земцами и эсерами и тогда уже предлагалъ имъ устроить переворотъ и свергнуть Адмирала съ его правительствомъ, но Иркутяне отказались принимать въ этомъ участіе и Гайда уѣхалъ во Владивостокъ, гдѣ и продолжаетъ все время работать надъ подготовкой переворота.

Какъ правъ былъ я, когда совѣтовалъ Адмиралу отправить Гайду за границу черезъ Монголію и Китай; вѣдь и другія лица предупреждали Адмирала, что Гайда очень мстителенъ и всякая задержка его нахожденія въ Сибири очень опасна. Вотъ и доминдальничались!

Непонятно, однако, почему же уже въ Иркутскѣ не были приняты шаги для ликвидаціи этого заговорщика; почему его пустили во Владивостокъ вмѣсто того, чтобы заставить проѣхать черезъ Чань Чунь. Было достаточно времени, чтобы снестись съ Прагой и принять мѣры по обезвреженію подпольной дѣятельности Гирса.

На послѣднемъ совѣщаніи заговорщиковъ рѣшено начать съ поднятія возстанія въ Ново-Николаевскѣ и Иркутскѣ, причемъ они будутъ поддержаны чехами и польскими войсками, а затѣмъ произвести переворотъ во Владивостокѣ. Считаютъ, что этого будетъ достаточно, чтобы задушить Омскую власть.

Данныя о заговорѣ и о дѣятельности Гайды были заявлены генералу Жанену, который заявилъ, что за Владивостокскихъ чеховъ онъ не ручается, а что касается Иркутска, то онъ послалъ генералу Сыровому телеграмму съ подтвержденіемъ приказа президента Массарика, воспрещающаго чехамъ вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла.

Одновременно съ переворотомъ рѣшено открыть во Владивостокѣ Земско-Городской Соборъ, члены котораго уже намѣчены и частью уже выѣхали во Владивостокъ. Эсеровскіе главари движенія усердно стараются привлечь къ себѣ симпатіи союзниковъ, указывая, что все движеніе совершается по волѣ народа, возстающаго противъ Колчака и реакціонеровъ; особенно сильно обрабатываютъ они американцевъ и Владивостокское американское начальство, всегда враждебное по отношенію къ Омскому режиму.

Слѣпенькіе эсерчики усердно работаютъ на пользу Ленину со товарищи; они воображаютъ, что, сваливъ Омскъ, они сдѣлаются властью.

Трудно понять поведеніе союзниковъ; они держатъ въ Омскѣ своихъ представителей и оказываютъ намъ помощь; во всемъ, что касается необходимости измѣнить общій курсъ правительства, они молчатъ, какъ убитые, называя это невмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла. И въ то же время во Владивостокѣ ихъ представители имѣютъ сношенія съ тѣми, которые собираются на дняхъ сковырнуть этотъ самый Омскъ. По неволѣ начинаешь думать, не правы ли тѣ скептики, которые увѣряютъ, что всей Европѣ нужно расчлененіе и обезсиленіе Россіи, и что никто тамъ и не думаетъ желать, чтобы вновь на политическомъ горизонтѣ появилась могущественная и реформированная Россія. Съ точки зрѣнія чести и совѣсти это чудовищно, но говорятъ, что въ трезвой политикѣ властвуютъ только эгоизмъ и разсчетъ.

Я не могу защищать Омскую власть; ея дѣятельность за 10 мѣсяцевъ ея существованія принесла только вредъ и разруху; но всякій насильственный переворотъ будетъ сейчасъ только на руку большевикамъ, ибо эсеровское правительство, попавъ ко власти при такой обстановкѣ, не удержится и десяти недѣль и будетъ слопано большевиками безъ всякаго труда.

Очевидно, приближается время бурныхъ потрясеній. Только громовый успѣхъ на фронтѣ можетъ отсрочить нависшую уже катастрофу; судьба очередного часа Россіи въ рукахъ Иванова-Ринова.

Союзники, очевидно, насъ уже взвѣсили и начинаютъ понемногу насъ бросать; отъѣзды на востокъ Высокихъ Комиссаровъ очень знаменательны: очевидно, имъ слѣдуетъ оказаться не въ Омскѣ, если произойдутъ какія-нибудь событія. Свѣдѣнія о настроеніи чеховъ внушаютъ серьезную тревогу.

Въ отношеніяхъ союзниковъ все больше и больше прорѣзываются демократическія симпатіи, а мы — неизвѣстно только почему — считаемся на положеніи черныхъ реакціонеровъ (очевидно, вся грязь Читы, Хабаровска и атаманщины легла и на очень дряблый, безсистемный, болтающійся, но отнюдь не реакціонный Омскъ).

Назвать Адмирала реакціонеромъ было бы подлостью; что касается состава Совѣта Министровъ, то при всемъ отрицательномъ отношеніи къ результатамъ его дѣятельности, я не могу назвать его даже относительно реакціоннымъ; огромное большинство министровъ настроены весьма прогрессивно, но, конечно, не по большевистски и лѣвоэсеровски; они очень хотятъ, чтобы всѣ недостатки прошлаго были устранены, но, къ сожалѣнію, не умѣютъ этого сдѣлать и барахтаются въ морѣ нежизненныхъ проектовъ, не своевременныхъ, запоздалыхъ, кургузыхъ и половинчатыхъ поправокъ. У Предсѣдателя нѣтъ никакого курса и государственный корабль безпомощно несется по бурному теченію текущей жизни; поднимется опасная скала справа — мы мечемся къ лѣвому берегу; появится опасность слѣва — мы бросаемся вправо, но все это не въ смыслѣ убѣжденной реакціи, а только въ отношеніи примѣненія средствъ.

Даже теперешній хозяинъ положенія — казачья конференція, въ составѣ большинства ея членовъ, не можетъ быть названа реакціонной, несмотря на то, что по казачьей солидарности она держитъ какъ бы руку Семенова; ея лидеры понимаютъ, что полный возвратъ къ старому невозможенъ и это опредѣленно видно въ ихъ союзѣ съ Гос. Эк. Совѣщаніемъ и въ принятой ими программѣ.

Никакой переворотъ положенія не измѣнитъ; нужна крутая перемѣна въ практической работѣ правительства, въ его составѣ, въ систематичности работы, въ приближеніи къ населенію и его нуждамъ.

Поднялъ вопросъ о необходимости немедленно начать эвакуацію чеховъ на Владивостокъ и дальше, а, если можно, то и на Чань Чунь и Дайренъ для посадки тамъ на срочно и, не останавливаясь передъ расходами, нанятые пароходы; мнѣ отвѣтили, что это недопустимо, такъ какъ имѣются самыя непреложныя свѣдѣнія о томъ, что чехи горятъ желаніемъ оказать намъ активную помощь и что уже посланы весьма надежныя и компетентныя среди чеховъ лица для того, чтобы выработать необходимое соглашеніе. Поистинѣ здравый смыслъ насъ совсѣмъ покинулъ.

Слушалъ разсказы офицеровъ Ставки о томъ, какъ Дитерихсъ почти что силой захватилъ тыловой поѣздъ генерала Вержбицкаго, и о тѣхъ запасахъ всякаго добра и снабженія, которые тамъ оказались, выслушалъ почти анекдотическій по своей внѣшности, но ужасный по своей правдѣ и внутреннему значенію разсказъ о томъ, какъ во время описи контролемъ имущества этого поѣзда, находившійся при этомъ поѣздѣ священникъ, совершенно пьяненькій, все время упрашивалъ комиссію прекратить опись: «подумайте только, сколько труда и работъ положено на все это Его Превосходительствомъ, а вы все собираетесь разгромить» . . . такъ приставалъ къ контролеру словоохотливый батюшка . . .

13 Сентября. Былъ въ Ставкѣ; оказалось, что тамъ ничего не знаютъ про Владивостокскій заговоръ; очевидно, вся дѣятельность контръ-развѣдки ушла на выдумываніе несуществующихъ заговоровъ, на сборъ сплетенъ и на разную мелочь.

Вечеромъ получилъ изъ Ставки очень неумѣло и, очевидно, заднимъ числомъ и на спѣхъ сфабрикованное донесеніе по поводу Владивостокскихъ свѣдѣній; очевидно, контръ-развѣдка пытается спасти лицо и показать свою освѣдомленность, но выполнила это такъ неудачно, что бѣлыя нитки вылѣзли изъ всѣхъ швовъ.

Харбинъ срочно донесъ, что получены достовѣрныя, невнушающія ни малѣйшаго сомнѣнія свѣдѣнія, что у Семенова, ѣздившаго недавно въ Мукденъ, состоялось соглашеніе съ Чжанъ-Изо-линомъ на тему о созданіи независимыхъ Маньчжуріи и Монголо-Бурятіи съ самодержавіемъ Чжана въ Маньчжуріи и Григорія I (по моему III, считая Отрепьева и Распутина) въ Монголіи.

Считаютъ, что рождено это въ японскихъ головахъ и будетъ проведено подъ японскимъ флагомъ.

Для Японіи будетъ чрезвычайно выгодно имѣть своихъ вѣрныхъ и многообязанныхъ ставленниковъ въ столь важныхъ военныхъ и экономическихъ районахъ Азіатскаго Материка; кромѣ того, это очень серьезное расчлененіе колоссальнаго китайскаго дракона и большая гарантія отъ будущихъ китайскихъ непріятностей.

Хорватъ доноситъ, что имъ получены свѣдѣнія о намѣреніи Семенова занять своими войсками китайскую жел. дорогу и что обнаружено сосредоточеніе его броневыхъ поѣздовъ по направленію къ станціи Маньчжурія.

Мнѣ думается, что это фабрикатъ Харбинской контръ-развѣдки, такъ какъ силы Семенова слишкомъ слабы, чтобы справиться даже съ китайскими войсками; японцы же никогда не рискнутъ на активное выступленіе противъ Китая, ибо это будетъ равносильно открытому разрыву съ Америкой.

Въ Ставкѣ родили — и подъ большимъ секретомъ — новый проектъ устройства санитарной части на всей территоріи государства, но съ выдѣленіемъ Дальняго Востока въ самостоятельную единицу. Опредѣленно ясно, что весь проектъ рожденъ для устройства вновь заведшейся въ Ставкѣ песьей мухи, нѣкоего доктора Краевскаго и для созданія новой должности для начальника санитарной части Ставки доктора Сезеневскаго, мечтающаго вернуться на Дальній Востокъ.

Докторъ Краевскій изъ числа песьихъ мухъ заграничнаго привоза и, кажется, очень пришелся по стати къ родственнымъ ему типамъ Омскаго болота.

Вообще, очень жаль, что Омскъ не имѣетъ своего Гнѣдича, который нашелъ бы здѣсь богатѣйшій матерьялъ для нѣсколькихъ томовъ послѣреволюціоннаго варіанта «Песьихъ Мухъ».

14 Сентября. Все утро провелъ въ экстренномъ совѣщаніи Совѣта Министровъ, разсматривавшаго срочный вопросъ о преобразованіи Гос. Экон. Совѣщанія въ законосовѣщательный органъ.

Очень характерно, что всѣ наиболѣе капитальныя и важныя реформы мы начинаемъ въ самыя бурныя минуты нашего существованія и когда кризисъ или катастрофа надвинулись на насъ вплотную или совсѣмъ нависли надъ нашими головами.

Когда же все спокойно и прочно, то о реформахъ забывается, и государственный аппаратъ занимается пережевываніемъ разной мелочи или пустяковымъ ремонтомъ старой завали.

Нужно, чтобы неумолимый ходъ событій хватилъ насъ по башкѣ, и тогда мы схватываемся, какъ оглашенные, и начинается кипучая, суматошливая работа, безтолковая и крикливая толчея. Все это и рождаетъ наши законодательные и административные выкидыши и недоноски.

Говорили въ Совѣтѣ много и горячо; слушалъ съ грустнымъ удивленіемъ, ибо видѣлъ, что эти люди не способны разобраться въ обстановкѣ и найти вѣрное и практически разумное рѣшеніе.

Всѣ соглашались, что необходимо въ самомъ срочномъ порядкѣ перейти на систему высшаго управленія съ участіемъ въ работѣ Правительства законно выбранныхъ представителей населенія всей страны; но рядомъ были рѣчи, въ которыхъ, какъ и раньше, звучали нотки боязни, что собраніе этихъ представителей окажется страннымъ крокодиломъ, и, подобно Зевсу, скушаетъ собственнаго родителя.

Я высказалъ, что въ такихъ вопросахъ и въ такое время неискренность и половинчатыя рѣшенія недопустимы. Разъ всѣ согласны, что представительство необходимо, то нечего создавать разные страхи и останавливаться на полдорогѣ. Нужно только сдѣлать все, чтобы въ новый органъ попали настоящіе, дѣловые представители Сибир-

скаго населенія, а не наѣзжіе ораторы, какъ то бывало въ Сибири при выборахъ въ Государственную Думу и Учредительное Собраніе.

Если это будутъ настоящіе представители населенія, которые насъ слопаютъ, то такова, значитъ, историческая необходимость, отъ которой не уйти никакими предохранительными мѣрами; пусть лучше насъ смѣнитъ такое совѣщаніе, а не заговорщики эсеры или комиссары-большевики.

Поздновато все это затѣяно; всѣ стѣны нашей храмины уже сгнили, фундаменты покосились, крыша трещитъ, а мы только что начинаемъ думать о ремонтѣ и занимаемся дискуссіями на счетъ выбора тѣхъ или другихъ демократическихъ подпорокъ.

Поздновато настолько, что поднимаются сомнѣнія въ той реальной пользѣ, которую сможетъ принести это дополненіе правительственной власти, разъ все остальное останется совсѣмъ или малоизмѣненнымъ. Придаетъ ли оно власти авторитетъ, дастъ ли ей реальныя силы управленія, понужденія и воздѣйствія?

Сейчасъ созывъ таковаго совѣщанія — это послѣдняя ставка наличной власти на то, чтобы заставить населеніе повѣрить въ желаніе власти работать на его пользу; это послѣдняя, выжатая обстоятельствами и поздняя попытка сломать недовѣріе нашего подозрительнаго и извѣрившагося уже въ посулы и обѣщанія народа.

Въ вопросѣ о необходимости реформы разногласія въ Совѣтѣ не было, но въ вопросѣ о компетенціи совѣщанія и его правахъ контролировать агентовъ власти голоса раздѣлились поровну — новое подтвержденіе того, какой оригинальный у насъ «объединенный кабинетъ».

Не могу понять, какіе доводы побудили шесть министровъ голосовать противъ права запросовъ и права контроля; неужели они не понимаютъ, что времена, когда можно было скрываться за разныя ширмы, уже прошли. Никто не споритъ, что эти права будутъ крайне непріятны для агентовъ власти, утяжелятъ ихъ положеніе, отнимутъ у нихъ много рабочаго времени, но что-же дѣлать, когда все такъ властно этого требуетъ. Надо считаться съ тѣмъ, что власти никто не вѣритъ; надо жизнью и дѣйствительностью сломать недовѣріе; показать въ открытую всю свою работу, ея достоинства и недостатки — пусть оцѣнятъ первыя и помогутъ устранить вторыя.

Умная власть должна желать и запросовъ и контроля; контроль помогаетъ найти зло тамъ, гдѣ сама власть его не досмотритъ; запросы даютъ выходъ накопившейся любознательности, анализу, критикѣ (даже и злобной) и желанію показать свое значеніе и свою прозорливость, т. е. тому, что свойственно всякому вновѣ попавшему ко власти собранію.

Видѣлъ Адмирала; видъ у него усталый и озабоченный; дѣла на фронтѣ очень далеки отъ того, что ожидалось; резервы исчерпаны, а пополненій нѣтъ. Ставка гонитъ на фронтъ кучи новобранцевъ, не пробывшихъ и недѣли въ резервныхъ частяхъ, не соображая, что это не усиленіе, а ослабленіе фронта.

Высказалъ Ставкѣ, что невозможно посылать на фронтъ такія пополненія; отвѣтили очень раздраженно и съ подчеркиваніемъ, что начальники резервныхъ бригадъ другого мнѣнія и считаютъ пополненія годными для высылки на фронтъ; при этомъ все же добавили, что иныхъ пополненій уже нѣтъ, а потому исполняютъ рѣшительный приказъ Дитерихса выслать все, что только имѣется въ тылу.

Вотъ, къ чему приводитъ начало операціи на спѣхъ, безъ разсчета и безъ повѣрки готовности всего, что обезпечиваетъ ходъ, развитіе и успѣхъ всякой большой военной операціи.

Надежды на рѣшительный успѣхъ коннаго корпуса сильно потускнѣли; есть слухи, что Ивановъ-Риновъ не исполнилъ данныхъ ему директивъ и что казаки увлеклись преслѣдованіемъ разбитой ими красной бригады и ушли куда-то въ сторону. Если это вѣрно, то наше дѣло совсѣмъ плохо.

15 Сентября. Получилъ, подписанный Дитерихсомъ, приказъ по Ставкѣ о реформѣ санитарной части, причемъ въ Военномъ Министерствѣ упразднено все Главное Военно-Санитарное Управленіе.

Сдѣлано это совершенно беззаконно, ибо Дитерихсъ не имѣетъ права распоряжаться въ Военномъ Министерствѣ, и, кромѣ того, всѣ реформы по министерствамъ подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію Совѣта Министровъ; затѣмъ это сдѣлано не только помимо моего вѣдома, но зная, что я опредѣленно противъ и согласія не дамъ.

Кучка самоустроителей рѣшила воспользоваться особой Омской обстановкой и нахрапомъ провести выгодную для нихъ, но вредную для дѣла реформу, они обманули Адмирала и добились его согласія, разсчитывая, что потомъ отсидятся за этимъ согласіемъ отъ всѣхъ моихъ нападеній. Главнымъ начальникомъ санитарной части назначенъ, конечно, докторъ Краевскій; онъ явился сегодня въ Главное Санитарное Управленіе, но я приказалъ его выгнать и его распоряженій, какъ незаконныхъ, не исполнять.

Написалъ Дитерихсу и прошу остановить опубликованіе приказа, какъ явно незаконнаго, до тѣхъ поръ, пока я не доложу всего Адмиралу.

Прислали на заключеніе докладъ по поѣздкѣ на Дальній Востокъ нынѣшняго инспектора добровольческихъ формированій генерала Голицына. Выгнанный съ фронта, онъ выклянчилъ себѣ служебную командировку во Владивостокъ и, вернувшись, представилъ Адмиралу докладъ, въ которомъ съ развязностью Ивана Александровича Хлестакова и съ неменьшимъ знаніемъ дѣла разрѣшилъ и разрубилъ всѣ главные вопросы и проблемы нашего дальневосточнаго положенія.

Докладъ попалъ мнѣ подъ злую руку; прочитавъ его, написалъ на поляхъ убѣдительную просьбу не обременять мое рабочее время чтеніемъ хлестаковщины, сочиненной превосходительнымъ гастролеромъ, слишкомъ быстро выскочившимъ въ генералы и не успѣвшимъ по дорогѣ, за краткостью времени, ничему научиться.

Правитель канцеляріи, ничтоже сумняшеся, сообщилъ эту резолюцію въ Ставку и автору доклада.

Вечеромъ былъ приглашенъ въ Совѣтъ Верховнаго Правителя по поводу созыва Государственнаго Совѣщанія. Адмиралъ открылъ засѣданіе очень горячей рѣчью, въ которой старался доказать несвоевременность такой реформы; очевидно, онъ былъ нафаршированъ кѣмъ нибудь изъ ближайшаго, совѣтническаго антуража.

Первымъ отвѣчалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, высказавшійся самымъ рѣшительнымъ образомъ за созывъ совѣщанія и предоставленіе ему законодательныхъ функцій; всѣ остальные члены совѣта поочереди высказали свое полное согласіе съ мнѣніемъ Пепеляева и свое убѣжденіе въ неотложности этой мѣры.

Адмиралъ стращно смутился; было несомнѣнно, что по чьему то докладу онъ ожидалъ совсѣмъ другихъ рѣчей.

Послѣ непродолжительнаго обмѣна мыслями, было рѣщено возможно скорѣе собрать Государственное Совѣщаніе съ законодательными функціями, и съ преобладаніемъ въ немъ представительства крестьянъ и казаковъ т. е. главной массы коренного и трудового населенія Сибири.

16 Сентября. Наступленіе выдохлось и замерло; кое-гдѣ продолжаются небольшія стычки и мы еще сохраняемъ свое положеніе; боюсь, что это продолжится не долго, а тогда вымотанныя въ конецъ части покатятся вновь назадъ. Остановить ихъ и поддержать будетъ уже нечѣмъ; честолюбивые игроки израсходовали всѣ рессурсы, уложили всѣ резервы; то, что начали Ледебевъ и Сахаровъ, докончили Дитерихсъ и Андогскій. И, если грядущая катастрофа разразится и бѣлое движеніе, начатое въ Сибири полтора года тому назадъ, окончится полнымъ крахомъ, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставятъ благодарственнаго памятника этимъ бѣлымъ генераламъ и не наградятъ ихъ заочно всѣми красными наградами за дѣятельную помощь по сокрушенію сибирскихъ армій.

Ивановъ-Риновъ получилъ отъ Адмирала Георгіевскій Крестъ за первый успѣхъ своего корпуса, а затѣмъ почилъ на лаврахъ; по свѣдѣніямъ Ставки онъ не исполнилъ шести повторныхъ приказовъ Дитерихса и Адмирала двинуться на Курганъ въ тылъ красныхъ.

Свершилось то, чего боялся; послѣдній нашъ козырь, попавъ въ руки этого полицейскаго ничтожества и очевиднаго труса, пропалъ. Послѣ этого для насъ уже нѣтъ выхода и весь вопросъ въ томъ, сумѣемъ ли протянуть военныя дѣйствія до зимы.

Дитерихсъ отдалъ приказъ по арміямъ съ благодарностью за побѣды; стиль приказа напоминаетъ рубленные фельетоны Дорошевича съ добавкой выкриковъ и пустопорожнихъ фразъ. Приплетены, неизвѣстно для чего, и Магометъ, и Будда, коимъ тоже воздается хвала; это nouveauté въ стилѣ религіознаго интернаціонала; недаромъ Голицынъ завелъ у себя мусульманскія дружины и зеленыя знамена съ полумѣсяцемъ.

Адмиралъ наградилъ Сахарова Георгіемъ 3-й степени; какое униженіе для этой великой награды; какая профанація почетнаго бѣлаго креста.

Адмиралъ не понимаетъ, что ему не слѣдуетъ раздавать Георгіевскіе кресты безъ разсмотрѣнія Георгіевской Думой; вѣдь и Государь въ послѣднее время избѣгалъ давать эту награду лично и требовалъ предварительнаго разбора представленія въ Думѣ.

На дняхъ онъ далъ Георгія 4-й степени такъ называемому морскому Министру к.-адмиралу Смирнову за какой-то прорывъ рѣчной флотиліи во время боевъ сибирской арміи на р. Камѣ; знакомые съ этимъ дѣломъ утверждаютъ, что ни одна Дума не присудила бы за это дѣло Георгія.

17 Сентября. До чего Омскъ способенъ на измышленіе разныхъ сенсацій показываетъ ползающій сегодня по городу слухъ, что во Владивостокѣ произошелъ переворотъ и учреждено новое Правительство въ составѣ Гайды, Хорвата и генерала Болдырева.

Включеніе въ эту комбинацію фамиліи Хорвата достаточно опредѣленно гарантируетъ 100% ложности этого слуха, и тѣмъ не менѣе ему вѣрятъ, волнуются и создаютъ разныя будущія вѣроятности. Очевидно, что чьи-то юркія уши подобрали обрывки разныхъ разговоровъ, сводокъ и свѣдѣній и скомбинировали все это вмѣстѣ.

Настаиваю, чтобы Ставка предоставила полчаса разговора по прямому проводу Омскъ Владивостокъ какому-либо органу освѣдомленія для держанія насъ въ курсѣ Владивостокскихъ событій и оріентировки Владивостока о томъ, что дѣлается въ Омскѣ; это лучшій способъ бороться съ пропагандой и сплетней. Правда, что большая часть времени по прямому проводу разобрана союзниками, но все же есть возможность удѣлить полчаса на настоящее освѣдомленіе.

Объявлена грамота Верховнаго Правителя о созывѣ Государственнаго Совѣщанія; редакція мнѣ не понравилась, а стиль напоминаетъ переводъ съ иностраннаго языка.

Очень жаль, что Адмиралъ поддался на рѣшеніе Совѣта Министровъ и не возложилъ теперь же обязанности Государственнаго Совѣщанія на выборный составъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія; это сразу претворило бы посулы и обѣщанія въ настоящее дѣло. Одновременно слѣдовало бы воспользоваться случаемъ и отправить Совѣтъ Министровъ и Временное Совѣщаніе въ Иркутскъ, подальше отъ всякихъ фронтовыхъ случайностей.

На фронтѣ мы выдохлись окончательно и не безъ труда отбиваемъ переходъ красныхъ къ активнымъ дѣйствіямъ; сводка отмѣчаетъ усиленіе красныхъ частей; больно и противно читать въ вѣдомостяхъ сводки про такія красныя части, которыя во фронтовыхъ реляціяхъ показаны совершенно уничтоженными.

Ивановъ-Риновъ отказался окончательно исполнить приказъ Главнокомандующаго о движеніи въ тылъ красныхъ; здѣсь считаютъ ошибкой, что Дитерихсъ не вызвалъ его къ себѣ, какъ бы для полученія инструкцій и не отдалъ приказа его замѣстителю; говорятъ, что дивизіями коннаго корпуса командуютъ молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Ивановъ-Риновъ крѣпко базируется на свое званіе выборнаго атамана. Въ этомъ много сквернаго для настоящаго и еще болѣе опаснаго для будущаго.

То положеніе, которое занялъ сейчасъ И.-Р. въ Омскѣ заставляетъ особенно желать чтобы Правительство уѣхало въ какое-либо болѣе безопасное отъ такихъ вліяній мѣсто. Правительству надо быть подальше отъ разныхъ честолюбій, особливо же военныхъ и казачьихъ; омскіе перевороты достаточно это доказали.

18 Сентября. Подъ чьимъ то вліяніемъ и ничего мнѣ не говоря, Адмиралъ не сдержалъ данныхъ мнѣ обѣщаній по моему докладу о невозможности ломать управленіе округами и далъ согласіе на проектъ Дитерихса и на назначеніе Хрещатицкаго инспекторомъ формированій на Дальній Востокъ.

Я достаточно опредѣленно высказалъ свои взгляды по этимъ вопросамъ и изложилъ свое мнѣніе о вредоносности этихъ реформъ и назначеній; я получилъ завѣреніе, что мои взгляды приняты во вниманіе и уважены, но это завѣреніе продержалось всего лишь нѣсколько дней.

При такомъ отношеніи ко мнѣ, удостоенному быть ближайшимъ сотрудникомъ Адмирала въ управленіи военнымъ вѣдомствомъ, я не желаю оставаться болѣе въ этой должности и ждать пріисканія мнѣ замѣстителей.

Адмиралу слѣдовало бы видѣть, что въ моихъ требованіяхъ нѣтъ ничего личнаго и что я только защищаю интересы нашего общаго дѣла, т. е. исполняю то, къ чему обязываетъ мой долгъ и занимаемое положеніе.

Очевидно, Адмиралъ лишенъ способности понимать людей; неужели онъ думаетъ, что со мной можно такъ обращаться и я буду все время терпѣть. Неужели онъ не понимаетъ, насколько некорректенъ его поступокъ по отношенію къ тому, кого онъ столько разъ просилъ не уходить съ поста военнаго министра. Онъ облеченъ правомъ все отмѣнить и все приказать, но его положеніе обязываетъ дѣлать это открыто, а не исподтишка. Повторяется то же, что онъ сдѣлалъ со Степановымъ.

Я понимаю, что его на это толкаютъ; меня надо заставить уйти, ибо я мѣшаю многимъ, поэтому все и дѣлается такъ, чтобы поставить меня въ такое положеніе, чтобы я не могъ оставаться. Неизвѣстно, для чего все это дѣлается, такъ какъ гораздо проще было бы дать согласіе на мою отставку, которую я такъ давно прошу.

Я вполнѣ сознаю свою непригодность для службы въ этой компаніи и прошу только одной льготы — разрѣшенія доѣхать до Харбина въ своемъ теперешнемъ вагонѣ, такъ какъ здоровье мое настолько скверно, что иначе мнѣ будетъ очень тяжело ѣхать.

Утромъ я былъ у Адмирала и онъ ничего мнѣ не сказалъ; поразило меня только то, что встрѣтивъ меня въ залѣ, онъ невѣроятно смутился, подошелъ къ висящей у него въ кабинетѣ картѣ полярныхъ экспедицій и нѣсколько минутъ какъ-то безцѣльно водилъ по ней пальцемъ, ничего мнѣ не говоря.

Передо мной у него былъ Хрещатицкій, съ которымъ я встрѣтился въ передней; очевидно, онъ только что вырвалъ у Адмирала согласіе и подпись устраивавшаго его приказа. Адмиралъ наткнулся на меня совершенно неожиданно и, очевидно, почувствовалъ себя настолько виноватымъ, что это и вызвало послѣдующую нѣмую картину.

Послалъ докладъ объ увольненіи, изложивъ невозможность занимать столь отвѣтственный постъ при томъ недовѣріи и пренебреженіи, которое мнѣ оказаны; то-же самое донесъ и Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Сослуживцы упрекали меня, что я отказался отъ назначенія Наштаверхомъ и Военнымъ Министромъ, когда мнѣ это было предложено.

Я не зналъ, правильно ли я тогда поступилъ, но сегодня узналъ, что я былъ правъ; къ стилю Адмирала я не подхожу, и несомнѣнно, что мое пребываніе на вышеуказанныхъ высокихъ должностяхъ не продолжилось бы и нѣсколькихъ сутокъ.

Вся польза свелась бы развѣ къ тому, что за это время я успѣлъ бы прогнать изъ Ставки кое-какую дрянь, но вѣдь и она вернулась бы обратно послѣ моего ухода.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; министры финансовъ и иностранныхъ дѣлъ доложили о положеніи Дальняго Востока — политическомъ и финансовомъ.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идутъ оживленныя сношенія въ связи съ тяжелымъ положеніемъ Омска и Правительства; атаманы считаютъ, что наша пѣсня спѣта (въ Читѣ уже нѣсколько разъ праздновали взятіе красными Омска и бѣгство правительствъ; то же было и въ красныхъ кругахъ Харбина и Владивостока), и приготовляются дѣлить остающіяся безхозяйными ризы. Пока, намѣчена полная автономія всего Дальняго Востока подъ главенствомъ Семенова и подъ негласнымъ протекторатомъ Японіи; сейчасъ идетъ захватъ всѣхъ идущихъ съ востока грузовъ; захватъ Семеновымъ перваго эшелона золотого запаса, отправленнаго на Владивостокъ, обильно снабдилъ Читу золотой валютой и поднялъ атаманское настроеніе.

20 Сентября. Утромъ едва всталъ, чтобы идти на службу, все время сильный ознобъ и рвущія боли въ области печени; боюсь, что занервничался и перетянулъ себя въ работѣ.

На послѣдокъ обрадованъ извѣстіемъ о пріобрѣтеніи въ Америкѣ патроннаго завода и о полномъ вѣроятіи пріобрѣсти станки и машины ружейнаго завода, изготовлявшаго наши трехлинейки; это большой шагъ для скорѣйшаго перехода на собственное производство главнѣйшихъ предметовъ боевого снабженія. Патронный заводъ направится въ Хабаровскъ, гдѣ на территоріи арсенала есть зданія и все необходимое.

Кромѣ того намъ удалось спасти часть станковъ Златоустовскаго и другихъ уральскихъ заводовъ; сейчасъ эти заводы устраиваются вдоль сибирской магистрали и обѣщаютъ къ веснѣ наладить нѣкоторые отдѣлы нашего военнаго снабженія.

Инженерная часть, руководимая энергичнымъ и нешаблоннымъ Кохановымъ, уже многое наладила по части заготовки разныхъ видовъ техническаго снабженія (до очень хорошихъ телеграфныхъ оборотовъ включительно); подтянулась и санитарная часть.

Не легко все это далось, но все же есть утѣшеніе, что работалъ и измывался недаромъ. Обидно, что мои просьбы наладить кустарныя производства холста и сукна, обращенныя къ министрамъ земледѣлія и торговли, оказались такъ и невыполненными; это оставляетъ насъ въ зависимости отъ заграничныхъ заказовъ.

Ставка совершенно ошалѣла и проводитъ разныя командировки, причемъ трудно даже сказать, какая изъ нихъ наиболѣе нелѣпая. На дняхъ ко мнѣ явился присланный Ставкой очень бравый полковникъ, измыслившій для себя командировку въ Хиву и Бухару для руководства сверженіемъ большевиковъ и совмѣстныхъ затѣмъ дѣйствій противъ ихъ тыла. Приказано ассигновать ему нѣсколько десятковъ пудовъ серебряной монеты и выдать разное снабженіе. Въ связи съ этой командировкой въ Совѣтъ Министровъ внесенъ проектъ правительственныхъ грамотъ на имя Эмира Бухарскаго и Хана Хивинскаго, съ тѣмъ, чтобы эти грамоты были вручены сему бравому полковнику для передачи по назначенію.

Я рѣшительно протестовалъ противъ обсужденія текста этихъ грамотъ, высказавъ, что такіе документы присылаются съ особыми послами и вручаются въ торжественной аудіенціи, а не проносятся зашитыми подъ подкладку шинели или задѣланными въ сапоги, какъ-то придется дѣлать нашему полковнику, собирающемуся пробираться въ Бухару со стороны Китайскаго Туркестана и переодѣтымъ.

Я высказалъ, что уважающему себя правительству не слѣдуетъ дѣлать того, что носитъ смѣшной, опереточный характеръ. Но большинство было другого мнѣнія и текстъ этихъ грамотъ былъ утвержденъ.

Всюду нарождаются добровольные формирователи, рвущіе послѣдніе запасы снабженія; я дѣлаю наряды снабженія для Иркутскаго округа, но это кассируется именемъ Адмирала, и снабженіе передается Голицыну, у котораго нѣтъ и одной двадцатой того числа людей, на которыхъ онъ получаетъ все снабженіе.

Недавно въ районѣ Томска организовался на наши средства какой-то Ижевскій отрядъ, оказавшійся фальшивымъ и предназначенный для захвата Омска при проѣздѣ черезъ него въ направленіи на фронтъ; контръ-развѣдка успѣла раскрыть это за нѣсколько часовъ до посадки отряда на желѣзную дорогу, но мѣры по ликвидаціи принять не успѣли, и большая часть отряда съ нашими винтовками, пулеметами и отпущенными на его формированіе милліонами ушла на сѣверъ въ Тобольскую тайгу, создавъ угрожающее положеніе въ тылу самаго Омска.

Вмѣсто упрощенія организаціи у насъ идутъ все новыя формированія; за послѣднее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдѣльнаго коннаго корпуса (созданъ ради честолюбія Иванова-Ринова), инспектора добровольческихъ формированій (для пропитанія Голицына), инспектора стратегическаго резерва (для пропитанія Хрещатицкаго), но ничего не слышно по части сокращеній.

При каждомъ штабѣ пышно расцвѣтаетъ контръ-развѣдка и освѣдомленіе, послѣднее почти обязательно съ собственной газетой.

Среди освѣдомленія неизбѣжно маячитъ весьма темная фигура полковника Клерже, обвиняемаго въ подстрекательствѣ казаковъ нашего персидскаго корпуса къ истребленію неугодныхъ имъ офицеровъ и въ насиліяхъ и вымогательствахъ надъ жителями города Перми; кромѣ того онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ исключенію изъ службы и за-

ключенію въ крѣпость за оскорбленіе бывшаго начальника главнаго штаба генерала Марковскаго, но этотъ приговоръ, по таинственному докладу Ставки, адмираломъ аннулированъ, причемъ объ этомъ запрещено говорить и писать.

Поданный по этому дѣлу докладъ-протестъ Главнаго Военнаго Прокурора оставленъ Ставкой безъ отвѣта.

Совершенно неожиданнымъ оказался докладъ генерала Щербакова, ѣздившаго въ Семирѣчье съ порученіемъ Адмирала разобраться съ тамошнимъ положеніемъ и съ нареканіями на сидящаго тамъ атамана Анненкова. Щербаковъ (самъ семирѣченскій казакъ) вынесъ такое заключеніе, что всѣ нареканія на Анненкова измышлены штабомъ южнаго отряда, и что этотъ атаманъ представляетъ собой рѣдкое исключеніе среди остальныхъ сибирскихъ разновидностей этого званія; въ его отрядѣ установлена желѣзная дисциплина, части хорошо обучены и несутъ тяжелую боевую службу, причемъ самъ атаманъ является образцомъ храбрости, исполненія долга и солдатской простоты жизни.

Отношенія его къ жителямъ таковы, что даже и всѣми обираемые киргизы заявили, что въ районѣ Анненковскаго отряда имъ за все платится и что никакихъ жалобъ къ Анненковскимъ войскамъ у нихъ нѣтъ.

Надо думать, что этотъ докладъ достаточно близокъ къ истинѣ, такъ какъ Щербаковъ человѣкъ наблюдательный, съ собственнымъ твердымъ взглядомъ и умѣньемъ разбираться въ вещахъ и людяхъ; прежнее представленіе объ Анненковѣ, какъ о сугубомъ разбойникѣ, онъ объясняетъ враждебнымъ отношеніемъ къ этому отряду штаба генерала Бржозовскаго, и тѣми двумя полками, которые подъ названіемъ Анненковскихъ черныхъ гусаръ и голубыхъ уланъ наводили ужасъ въ тылу своими грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ. По словамъ Щ. эти полки не были въ подчиненіи А. и послѣдній много разъ просилъ, чтобы ихъ прислали ему въ отрядъ, и онъ быстро приведетъ ихъ въ порядокъ, но въ этомъ ему было отказано.

Тѣ свѣдѣнія, которыя приведены въ докладѣ Щербакова объ устройствѣ Анненковскаго тыла и снабженій, даютъ полное основаніе думать, что въ этомъ атаманѣ большіе задатки хорошаго организатора и самобытнаго военнаго таланта, достойнаго того, чтобы выдвинуть его на отвѣтственное мѣсто.

На фронтѣ ожидается подходъ 2-й красной арміи и переходъ красныхъ въ наступленіе.

Нездоровье ухудшаетъ настроеніе; полонъ самыми мрачными предчувствіями. Надо спасать армію и уходить, ничего не жалѣя, хотя-бы за Байкалъ; спасемъ армію, спасемъ будущее; потеряемъ армію — потеряемъ все. Я безконечно радъ, что успѣлъ отправить главные запасы за Обь и на Енисей; это обезпечиваетъ снабженіе арміи при отходѣ ея на востокъ. Пока же, надо укрѣплять линію Иртыша, гдѣ оборона очень благопріятна, ибо фронтъ очень неширокъ, а фланги прикрыты съ сѣвера болотами, а съ юга районами, неудобными для движенія большихъ массъ. И одновременно самая энергичная эвакуація; обстановка такова, что нужно немедленное и героическое рѣшеніе; времена полумѣръ и колебаній прошли, ибо идетъ девятый валъ, подходитъ двѣнадцатый часъ.

Какъ я завидую сейчасъ краснымъ! Какъ они ни гнусны, но во главѣ ихъ арміи стоятъ рѣшительные люди. Злая судьба обидѣла Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени; югъ былъ счастливѣе, ибо имѣлъ Алексѣева, Корнилова, Маркова и другихъ, но и тамъ судьба быстро погасила наиболѣе сильныя и нужныя для Россіи жизни. Сибирь выставила не мало тысячъ молодыхъ и старыхъ рыцарей долга, чистыхъ энтузіастовъ, подъявшихъ мечъ борьбы за родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучія силы; тысячи этихъ борцовъ уже спятъ въ Сибирской землѣ, а всѣ ихъ усилія, ихъ геройскіе подвиги сведены на нѣтъ тѣми, кто, не имѣя никакихъ данныхъ, залѣзъ на верхи военнаго управленія и не принесъ туда ничего, кромѣ ненасытнаго честолюбія, самомнѣнія и безграмотности по руководству большими операціями и по организаціи настоящей арміи.

Я завидую этимъ павшимъ, ибо они счастливы тѣмъ, что не видятъ, къ какой пропасти приведено то, за что они боролись и какія грязныя руки протянулись къ завѣтному бѣлому знамени; я болѣю душой за уцѣлѣвшихъ, ибо имъ выпала доля все это видѣть

и пить до дна послѣднюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти.

21 Сентября. Все утро въ Совѣтѣ Министровъ, гдѣ шло совмѣстное съ представителями Гос. Экон. Совѣщанія засѣданіе по разсмотрѣнію проекта положенія о Государственномъ Совѣщаніи.

Въ глазахъ зеленые круги; чуть не кричалъ отъ боли, но надо было выгребать, ибо разбирался вопросъ первостепенной важности. Впервые ушелъ изъ Совѣта Министровъ съ чувствомъ радости и удовлетворенія; это было по истинѣ дѣловое, государственное засѣданіе; серьезность положенія и серьезность разсматриваемаго вопроса приподняли общее настроеніе, возвысили всѣхъ до государственнаго пониманія, внесли въ пренія сжатость, дѣловитость и толерантность и сдѣлали все засѣданіе на рѣдкость симпатичнымъ.

Дай Богъ, чтобы это было первой ласточкой настоящей весны нашего обновленія, если ею суждено насъ благословить.

Получилъ приказъ Дитерихса о назначеніи Хрещатицкаго инспекторомъ формированій Дальняго Востока; очевидно, мой докладъ Адмиралу остался безрезультатнымъ.

Адмиралъ на фронтѣ; послалъ ему еще разъ протестъ по поводу такого назначенія. Сообщилъ Головину о своемъ уходѣ и невозможности оставаться при томъ отношеніи къ моимъ основнымъ взглядамъ, которое проявляется Адмираломъ и несомнѣнно подъ вліяніемъ Ставки и какихъ-то темныхъ силъ. Ухожу, ибо въ порядкѣ высшаго военнаго управленія совершаются гибельныя, непоправимыя ошибки и совершаются ради прихоти, честолюбія и эгоистическихъ интересовъ такихъ лицъ, которыхъ надо безпощадно гнать отъ нашего дѣла, которое они грязнятъ. Я сдѣлалъ все, чтобы обратить вниманіе Адмирала на эти ошибки, но оказался безсиленъ остановить скверныя распоряженія и предотвратить зло, ими чинимое. Тогда служба моя кончена, долгъ мой исполненъ. Остальное на совѣсти тѣхъ, кто все это сдѣлалъ.

22 Сентября. Дитерихсъ увѣдомилъ меня, что санитарная реформа, противъ которой я заявилъ протестъ, проведена помимо него непосредственнымъ докладомъ Адмиралу доктора Краевскаго.

Хороши порядки, при которыхъ такая серьезная и оспариваемая реформа проводится по докладу очень пронырливаго, но случайнаго человѣка, вопреки желанія Военнаго Министра и безъ вѣдома Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Прислали мнѣ на заключеніе проектъ передачи городского театра въ вѣдѣніе освѣдомительнаго отдѣла; одно названіе этого отдѣла дѣйствуетъ на меня на манеръ красной тряпки на достаточно энергичнаго быка. Написалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, что дѣло военныхъ воевать, а не заниматься балаганами; зрѣлищами и шантанами не поднять духа подвига и самопожертвованія тамъ, гдѣ его нѣтъ; пусть лучше освѣдомленіе добросовѣстно дѣлаетъ свое прямое дѣло, и выгонитъ отъ себя всѣхъ примазавшихся къ этому дѣлу желтыхъ газетчиковъ, трусливыхъ аристократовъ и вліятельныхъ родственничковъ, настоящихъ и бывшихъ прохвостовъ, дамъ — пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныхъ и пр. и пр.

Приходилъ адмиралъ Рихтеръ, способствовавшій проведенію нелѣпой санитарной реформы; онъ очень симпатиченъ, нетребователенъ и, повидимому, порядоченъ, но ограниченъ до невѣроятности и ничего не понимаетъ и не соображаетъ въ санитарномъ дѣлѣ.

Онъ ничего не проситъ, не получаетъ никакого содержанія и бѣгаетъ пѣшкомъ на службу и по службѣ, стѣсняясь просить автомобиля; но когда онъ является въ комиссіи, то вызываетъ улыбки присутствующихъ своимъ незнаніемъ дѣла и полной неосвѣдомленностью. Но онъ близокъ къ Адмиралу и его довѣрчивостью и простотой пользуются, чтобы пролѣзть при его помощи къ Верховному съ разными докладами и проектами.

23 Сентября. Адмиралъ вернулся съ фронта; привезъ въ своемъ поѣздѣ 270 раненыхъ; новые санитарные распорядители устроили показной пріемъ раненыхъ; по этой части убѣдили Адмирала подписать указъ, возлагающій всѣ работы по пріему раненыхъ на общественныя и городскія организаціи.

Противно было смотрѣть, какъ егозили и пытались показать свою энергію новорожденные санитарные юпитеры; ни для кого не секретъ, что это былъ первый поѣздъ съ ранеными, который они удосужились встрѣтить; всѣ старались сами выносить раненыхъ, роняли ихъ съ носилокъ и лили въ нихъ столько молока, что можно было опасаться за ихъ животы.

Не знаемъ мы ни въ чемъ середины; а потомъ очень любимъ втирать очки и показывать начальству не то, что есть на самомъ дѣлѣ; очень уже въѣлись въ насъ эти скверныя привычки.

Отъ Головина узналъ, что въ Ставкѣ разрабатывается какой-то новый проектъ высшаго военнаго управленія съ подчиненіемъ Военнаго Министра Главнокомандующему.

Въ Омскомъ настроеніи полный винегретъ, создаваемый положеніемъ на фронтѣ; обывателю хочется и удрать, и движимость и недвижимость сохранить.

Газеты продолжаютъ бряцать мечами и обѣщать чудеса отъ собирающихся добровольческихъ формированій; Голицынъ устраиваетъ митинги и собранія, но добровольцы нейдутъ.

Платныя перья, захлебываясь отъ патетическаго восторга, описали отправку на фронтъ первой дружины Святого Креста — единственный, пока, результатъ мѣсячнаго раздуванія добровольческаго подъема; картинно описывается, какъ на правомъ флангѣ шелъ унтеръ-офицеръ Болдыревъ — профессоръ и организаторъ добровольческаго движенія, но упущено добавить, что шелъ только до вокзала, откуда вернулся на свое мѣсто въ освѣдомительномъ отдѣлѣ и отбылъ въ Ново-Николаевскъ проповѣдывать новый крестовый походъ; послѣднее вполнѣ нормально и въ этой роли онъ будетъ несравненно лучше, чѣмъ на должности взводнаго унтеръ-офицера, но непріятна ложь и попытки надуть публику. Сейчасъ это хуже, чѣмъ когда-либо.

Большинство населенія, однако, понимаетъ всю серьезность положенія; только немногіе продолжаютъ цѣпляться за надежду на авоську и чудо. Провалъ казачьяго бума и добровольческаго набора отрезвили многихъ; чѣмъ больше были надежды, тѣмъ острѣе разочарованіе.

Жаль, что до сихъ поръ власть боится открыто и правдиво объявить о своевременности эвакуаціи Омска; разъ ставка на казаковъ бита, то больше уже играть нечѣмъ; надо готовиться къ тяжелымъ временамъ и всячески облегчить грядущія бѣдствія; сейчасъ еще есть возможность удалить изъ Омска очень многое въ порядкѣ срочной эвакуаціи, а не паническаго бѣгства.

Государственной власти нельзя быть близорукой, а тѣмъ болѣе нельзя подражать отношенію страуса къ опасности.

Получены свѣдѣнія, что въ ночь на 19-е во Владивостокѣ была произведена первая попытка устроить переворотъ, но неудачно. Розановъ, несмотря на протестъ союзниковъ, ввелъ въ городъ надежныя русскія войска и заговорщики скиксовали.

Совѣтъ Министровъ радуется благополучному исходу Владивостокскихъ событій; не раздѣляю этой радости, ибо инцидентъ не ликвидированъ, а только предотвращенъ, а, если къ лигѣ нашихъ внутреннихъ враговъ присоединились эсеры, то наше дѣло плохо и насъ, въ концѣ концовъ, слопаютъ въ тылу, если даже мы выкарабкаемся на фронтѣ.

Эсеры спеціалисты по подкапыванію и опрокидыванію власти; они напрактиковались на этомъ въ борьбѣ съ монархіей, безконечно болѣе сильнымъ противникомъ, и съ нами справиться имъ будетъ не трудно; все населеніе настроено противъ насъ и ищетъ только на кого-бы перенести свои надежды.

Наша гнилая контръ-развѣдка безсильна бороться съ эсерами; она сама прослоена эсеровскими агентами.

Вѣдь, если подсчитать нашъ активъ и пассивъ, то получается самый мрачный выводъ «every item dead against you»; за насъ офицеры, да и то не всѣ, ибо среди молодежи много неуравновѣшенныхъ, колеблющихся и честолюбивыхъ, готовыхъ поискать счастья въ любомъ переворотѣ и выскочить на верхъ, на манеръ многихъ это уже продѣлавшихъ; за насъ состоятельная буржуазія, спекулянты, купечество, ибо мы защищаемъ ихъ матерьяльныя блага; но отъ ихъ сочувствія мало реальной пользы, ибо никакой матерьяльной

и физической помощи отъ него нѣтъ. Все остальное противъ насъ, частью по настроенію, частью активно.

Даже союзники, — кромѣ японцевъ, — отъ насъ какъ-то отошли; чехи же опредѣленно настроены противъ насъ настолько, что ничто не гарантируетъ возможности ихъ активной помощи эсеровскому перевороту, вопреки всякимъ гарантіямъ Жанена и приказамъ Массарика.

24 Сентября. Настроеніе нѣсколько лучше вслѣдствіе хорошихъ извѣстій отъ Деникина; даже у Юденича дѣло какъ будто выправляется.

Слушали сообщеніе прибывшаго отъ Деникина есаула Перфильева; онъ увѣряетъ, что тамъ царитъ порядокъ и законность; это не вяжется съ тѣми свѣдѣніями, которыя привезены офицерами, пробравшимися къ намъ черезъ Каспійское Море; несомнѣнно, что у Перфильева слишкомъ много розовой окраски, а у этихъ офицеровъ, недовольныхъ южными порядками, — слишкомъ все сгущено; очень хотѣлось бы знать, гдѣ лежитъ истина. При томъ размахѣ, который приняло Деникинское наступленіе на одной военной силѣ не удержаться, даже если она и свободна отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, коими больны наши Сибирскія арміи.

Безъ опоры на прочное сочувствіе всего населенія ничего не сдѣлать. Очень тревоженъ составъ ближайшихъ къ Деникину круговъ и административныхъ верховъ; слишкомъ много фамилій, вызывающихъ воспоминанія о непривлекательныхъ сторонахъ недавняго прошлаго; возникаютъ опасенія, что и тамъ, какъ и у насъ, ничего не забыли и ничему не научились.

Съ настроеніемъ Кобленца, съ вожделѣніями реванша и возмездія за все перенесенное и потерянное — Россіи не возстановить. Тяжело забыть, тяжело простить, но тотъ, кто истинно хочетъ спасенія родины, тотъ принесетъ ей эту великую жертву.

Перфильевъ завѣряетъ, что до сихъ поръ у нихъ не было возстаній въ тылу и что отношенія между войсками и населеніемъ самыя благожелательныя; пріятно было это слышать; значитъ, тамъ нѣтъ того, что составляетъ нашу смертельную болѣзнь; значитъ, тамъ офицерскій составъ удержался на уровнѣ истинно офицерскихъ идеаловъ и не далъ распуститься и низамъ. У насъ по этой части плохо, я имѣлъ случай бесѣдовать съ нѣсколькими старшими священниками фронта и они въ одинъ голосъ жалуются на пошатнувшіяся нравственныя основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутаго переживаніями войны и революціи; по мнѣнію главнаго священника западной арміи, изъ восьми случаевъ насилія надъ населеніемъ семь приходится на долю офицеровъ (за исключеніемъ казачьихъ частей, гдѣ «пользованіе мѣстными средствами» составляетъ общій и непреложный законъ). Особенно возмущаетъ населеніе отборъ офицерами лучшихъ крестьянскихъ лошадей и притомъ не для войскъ, а для торговли.

Вечеромъ Головинъ сообщилъ мнѣ, что Адмиралъ и Дитерихсъ поражены поданнымъ мною рапортомъ объ отставкѣ и выражаютъ горячее желаніе, чтобы я не уходилъ; затѣмъ, ко мнѣ пріѣхалъ начальникъ штаба фронта генералъ Рябиковъ и уговаривалъ меня остаться. Отвѣтилъ обоимъ, что отъ работы и исполненія долга никогда не отказывался, но что я опредѣленно поставилъ условія, при которыхъ я могу работать и быть полезнымъ общему дѣлу.

Если я нуженъ для дѣла, то нѣтъ никакихъ основаній не удовлетворить эти условія, въ которыхъ нѣтъ ничего личнаго и которыя продиктованы мнѣ моей совѣстью и сознаніемъ отвѣтственности за поручаемое мнѣ дѣло. Я поступился всѣмъ личнымъ, пошелъ на всѣ уступки; съ моими доводами согласились и обѣщали все сдѣлать, но затѣмъ, ничего не говоря, сдѣлали все наоборотъ, опредѣленно показавъ, что не хотятъ считаться съ моими взглядами. Адмиралъ и Дитерихсъ могутъ гнуть подъ себя чужіе взгляды и мнѣнія, но только не мои; всю свою жизнь я боролся за то, что считалъ своимъ долгомъ, и теперь не намѣренъ измѣнять своимъ убѣжденіемъ. Я останусь только Военнымъ Министромъ, пользующимся полной поддержкой Верховной власти и уваженіемъ къ моимъ взглядамъ и къ моей программѣ. Я принимаю на себя великую отвѣтственность, когда говорю, что дайте мнѣ то-то, а я берусь выполнить тяжелую программу возстановленія и возрожденія центральныхъ аппаратовъ высшаго военнаго управленія. Вся моя служба свидѣтель-

ствуетъ, что это не хвастовство и что я сумѣю это исполнить. Пусть Адмиралъ и Дитерихсъ поймутъ, что беру я на себя, когда заявляю, что все это выполню; тогда они должны согласиться на мои условія. Разъ же согласія нѣтъ, то значитъ нѣтъ вѣры въ мои обязательства, а тогда моя дальнѣйшая служба безполезна, а для меня лично даже и невозможна, ибо примириться съ совершающимися ошибками я не могу, спокойно и убѣжденно работать не могу, выполнять то, что считаю вреднымъ, не буду.

Не понимаю, почему Адмиралъ удивленъ моей просьбой — вѣдь мои условія заявлены много разъ, и онъ не можетъ ихъ не знать; неужели онъ считаетъ, что за честь состоять Военнымъ Министромъ можно со всѣмъ мириться, все терпѣть и всѣмъ жертвовать. Я не считаю себя спасителемъ и знаю, что я очень посредственный Военный Министръ, съ массой «но» и недостатковъ, но знаю также, что никто другой не справится съ предстоящими по военному управленію реформами такъ, какъ сдѣлаю это я, ибо умѣю не только приказывать, но знаю на опытѣ, какъ и что дѣлается. Но справиться я могу только въ томъ случаѣ, если обстановка работы будетъ такой, какъ я прошу.

Просилъ передать все это Адмиралу и Дитерихсу, добавивъ, что условія мои неизмѣнны.

Съ фронта пріѣхалъ одинъ изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ по Владивостоку, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ стараго закала, согласившійся, изъ чувства долга, взять на себя каторжную должность начальника снабженій первой арміи.

Онъ разсказалъ, какую тяжелую борьбу приходится ему вести для того, чтобы установить хоть какой-нибудь порядокъ по части снабженій; сверху до низу все распустилось, забыло про законъ и привыкло жить по усмотрѣнію, не останавливаясь передъ проявленіями самаго безшабашнаго произвола.

Было бы нелѣпо въ обстановкѣ настоящей войны продолжать цѣпляться за разные хозяйственные и контрольные крючки и ради нихъ останавливать удовлетвореніе насущныхъ потребностей бурной жизни; но нельзя существовать внѣ всякаго закона, безъ системы и безъ соблюденія и охраненія общаго порядка. При настоящей обстановкѣ болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ надзоръ, контроль, удержъ и пресѣкновеніе разныхъ серьезныхъ поползновеній, своеволій и беззаконій; все распустилось такъ, что, если отказаться отъ одержки, то все обратится въ сплошной хаосъ и кабакъ, что въ дѣйствительности и произошло во многихъ частяхъ и во многихъ отрасляхъ войсковыхъ жизни и управленія.

Наиболѣе трудно бороться съ начхозами (начальникъ хозяйственной части полка), автономными повелителями цѣлыхъ поѣздовъ, снабженныхъ салонами, банями, собственнымъ электрическимъ освѣщеніемъ и таящихъ горы всякихъ продуктовъ и имущества казеннаго и благопріобрѣтеннаго при разныхъ эвакуаціяхъ и прочихъ «иціяхъ».

Начхозы держатся въ почтительномъ и безопасномъ удаленіи отъ фронта, часто не знаютъ даже, гдѣ находятся ихъ части, но не особенно объ этомъ волнуются, такъ какъ снабженіе частей и ихъ хозяйство составляютъ для большинства самую второстепенную задачу.

Главная же задача — использованіе своего привиллегированнаго хозяйственнаго положенія въ свою личную пользу путемъ спекуляцій съ продовольствіемъ и снабженіемъ и путемъ покупокъ и продажъ разныхъ товаровъ и провоза ихъ подъ видомъ казенныхъ грузовъ. Все это даетъ огромные доходы и дѣлаетъ жизнь личнаго состава этихъ тыловыхъ учрежденій однимъ удовольствіемъ; поэтому они и переполнены сверхъ всякихъ штатовъ. Есть, конечно, и исключенія, но они рѣдки, какъ зубры или бѣлые слоны.

Мой собесѣдникъ, очень сильный по характеру человѣкъ, неумолимый проводитель разъ принятой системы, но очень хладнокровный и уравновѣшенный, сомнѣвается въ возможности быстро очистить эти Авгіевы конюшни. Слишкомъ всосалось все это въ общій обиходъ; слишкомъ все это жирно и вкусно для всѣхъ тѣхъ, кто непосредственно къ нему присосался и кто со стороны частью этихъ благъ пользуется (начхозы понимаютъ, что отношенія вверхъ къ старшимъ штабамъ и начальству должны быть пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и знаютъ, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ этого достигнуть).

Самое же скверное, что даже и этотъ негодный для настоящаго дѣла составъ некѣмъ сейчасъ замѣнить.

Весной была произведена попытка устроить курсы для подготовки чиновниковъ и офицеровъ на интендантскія и хозяйственныя должности; собрали сорокъ человѣкъ, занимались съ ними нѣсколько мѣсяцевъ, и получили недоучекъ съ очень скудными знаніями, но съ огромнымъ самомнѣніемъ и еще большими требованіями; нравственныя же качества оказались не лучше, чѣмъ у тѣхъ, кого хотѣли замѣнить; но у подлежащихъ замѣнѣ все же былъ и спеціальный и житейскій опытъ, а кромѣ того они уже «сыты», а новые кадры пришли голодными и съ такими аппетитами по части «рванья» и притомъ срочнаго, что быстро обогнали стариковъ.

25 Сентября. Едва добрался до своего кабинета, до того нездоровится. За работой легче забываешь про боли. Утромъ пріѣхалъ Государственный контролеръ, какъ представитель Совѣта Министровъ и Верховнаго Правителя, дабы уговорить меня остаться; онъ заявилъ, что мой уходъ, помимо огромнаго рабочаго ущерба, произведетъ самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ порядочныхъ людей и подорветъ послѣднія надежды въ возможность благополучнаго исхода; думаю, что послѣднее прибавлено для пущей дѣйствительности убѣжденія, такъ какъ навѣрно очень немного людей заинтересованы тѣмъ, кто у насъ Военный Министръ и что онъ собой представляетъ. Думаю, что это личное мнѣніе очень добросовѣстнаго и болѣющаго за всѣ наши недостатки Краснова, съ которымъ я очень часто схожусь во взглядахъ.

Разъяснилъ Краснову все положеніе; разсказалъ, чего я прошу и въ чемъ мои условія; просилъ понять всю ненормальность проявляемыхъ ко мнѣ отношеній, которыя, во всей совокупности, опредѣленно указываютъ на чье-то желаніе заставить меня уйти и не мѣшать дѣлать то, что кому-то нужно и выгодно.

Въ концѣ концовъ сдонкихотствовалъ и далъ себя уговорить подъ условіемъ, что Красновъ съѣздитъ къ Адмиралу и добьется его обѣщанія принять мои условія и гарантировать мнѣ полное довѣріе и самостоятельность въ проведеніи предлагаемой мной программы. Красновъ выразилъ увѣренность, что ему удастся разъяснить Адмиралу всю ненормальность сложившейся обстановки и убѣдить Адмирала въ необходимости принять мои условія, ибо они нужны для успѣха общаго дѣла.

Въ Ставкѣ узналъ подробности о причинахъ бездѣйствія коннаго корпуса; Ивановъ-Риновъ, послѣ перваго удачнаго дѣла, на Курганъ не пошелъ и посланныхъ ему шести директивъ и телеграммъ — изъ нихъ двѣ за подписью Адмирала, — не исполнилъ.

Дитерихсъ отрѣшилъ Иванова-Ринова отъ командованія, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положеніе на фронтѣ исключило возможность успѣшнаго набѣга на тылъ красныхъ.

Ивановъ-Риновъ прибылъ немедленно въ Омскъ, поднялъ всѣхъ своихъ сторонниковъ, и по ультимативному требованію казачьей конференціи его отрѣшеніе было отмѣнено и онъ съ апломбомъ вернулся на фронтъ къ своему корпусу. Яркое проявленіе импотентности и дряблости власти, засосанной Омскимъ болотомъ и находящейся въ плѣненіи у разныхъ безотвѣтственныхъ, но всесильныхъ организацій, во все мѣшающихся, но ни за что не отвѣчающихъ.

Такая власть не можетъ существовать, ибо sine qua non всякой власти это — ея сила.

Удивляюсь, какъ Дитерихсъ на это согласился; онъ вѣдь тоже реальная сила, и имѣлъ право и возможность принять такой тонъ, съ которымъ должны были бы считаться Омскія лягушки.

26 Сентября. По донесеніямъ изъ Владивостока положеніе тамъ очень острое; взрывъ предупрежденъ, но опасность его не ликвидирована; обѣ стороны натопорщились и выжидаютъ благопріятнаго случая.

Красновъ былъ у Адмирала, получилъ его согласіе на мои условія, о чемъ съ радостью мнѣ и сообщилъ; черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Адмиралъ утвердилъ докладъ Ставки объ осуществленіи всѣхъ мѣръ, противъ которыхъ я протестовалъ, и непроведеніе которыхъ поставилъ условіемъ, опредѣляющимъ возможность оставаться на своемъ мѣстѣ.

Отказываюсь что-нибудь понимать.

Послѣ обѣда Сукинъ передалъ мнѣ полученное имъ изъ англійской миссіи извѣстіе, что агенты Калмыкова убили во Владивостокѣ полковника Февралева; его схватили на улицѣ среди бѣлаго дня, увезли за городъ и тамъ застрѣлили. Такимъ образомъ, исполнилась угроза, которая висѣла надъ несчастнымъ Февралевымъ больше полугода, и отвратительный хабаровскій разбойникъ «вывелъ въ расходъ» (спеціальное выраженіе Читы и Хабаровска) опаснаго кандидата на званіе атамана.

Ноксъ возмущенъ до глубины души и заявилъ, что онъ готовъ открыто отказаться отъ поддержки такой власти, которая не въ состояніи предупредить такія гнусныя убійства. Всецѣло раздѣляю его негодованіе.

Сообщилъ объ этомъ убійствѣ казачьей конференціи; телеграфировалъ Розанову о розыскѣ и преданіи виновныхъ военно-полевому суду; телеграфировалъ Семенову, выразивъ надежду, что онъ, по званію походнаго атамана дальневосточныхъ казаковъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы не осталось безъ примѣрнаго наказанія убійство одного изъ старшихъ и лучшихъ уссурійскихъ казаковъ, кѣмъ бы оно ни было совершено.

Печально положеніе той власти, которая не можетъ расправиться съ такой гнусностью, а именуется Всероссійской и заботится о великодержавіи Россіи.

27 Сентября. По докладу новоявленнаго начальника санитарной части, Адмиралъ отрѣшилъ отъ должности моего подчиненнаго, начальника главнаго военносанитарнаго Управленія, доктора Лобасова за исполненіе послѣднимъ моего приказа не пускать доктора Краевскаго въ свое управленіе.

Это нѣчто совсѣмъ уже экстраординарное бить по подчиненнымъ за исполненіе приказа начальника, тѣмъ болѣе, что и Ставкѣ, и Адмиралу извѣстно, что распоряженіе о недопускѣ отдано мной и отдано вполнѣ законно, такъ какъ ни Дитерихсъ, ни его ставочные подчиненные не имѣютъ права распоряжаться въ подвѣдомственныхъ только мнѣ управленіяхъ Военнаго Министерства.

Это освобождаетъ меня отъ обѣщанія, даннаго Краснову, не уходить съ своего поста. Я не вѣрю, что Адмиралъ дѣлаетъ все это умышленно, но онъ, повидимому, такъ переутомился, что ничего уже не помнитъ, а этимъ пользуются тѣ . . ., которые способны на все, лишь бы добиться своего.

Съ этими господами мнѣ не по дорогѣ и къ изображаемому ими «Омскому Двору» я не подхожу. Послалъ телеграмму Адмиралу, уѣхавшему на фронтъ, и усердно прошу отмѣнить отрѣшеніе Лобасова, виновнаго только въ исполненіи моего прикава и взыскать съ меня, такъ какъ я считаю невыносимымъ такое положеніе, когда вмѣсто меня караютъ моихъ подчиненныхъ. Усердно прошу разобраться въ послѣднихъ распоряженіяхъ, касающихся меня и имъ одобренныхъ, такъ какъ поставленъ ими въ исключительно безвыходное положеніе, совершенно невяжущееся съ его обѣщаніями и завѣреніями.

Настроеніе Омска близко къ паникѣ; поѣзда переполнены удирающими въ восточномъ направленіи. Омскія лягушки продолжаютъ квакать о великомъ значеніи Омска, о невозможности выѣзда Правительства и о необходимости защищать Омскъ до послѣдней крайности; этимъ напичкали Адмирала такъ, что съ нимъ невозможно говорить въ противоположномъ духѣ.

Проѣзжающіе черезъ Читу фельдъегеря передаютъ, что тамъ не скрываютъ радости по случаю тяжелаго положенія Омска и стараются, чтобы имъ досталось побольше изъ Омскаго наслѣдства.

29 Сентября. Поѣхалъ на службу послѣ двухъ болевыхъ припадковъ, во время которыхъ терялъ сознаніе; повидимому, что-то неладно въ области печени; ей пришлось переварить столько треволненій и гадостей, что она вправѣ начать пухнуть и проявлять свое негодованіе.

Изъ Министерства пришлось вернуться вслѣдствіе невозможности продолжать работу. Подалъ рапортъ о болѣзни и прошу отпуска до увольненія въ отставку.

Казачья конференція разодралась съ Дутовымъ и Хорошхинымъ; имъ ставится въ вину, что они знали отъ Дитерихса объ его рѣшеніи отрѣшить Иванова-Ринова отъ командованія, но не доложили этого конференціи; этимъ воспользовались для сведенія

старыхъ счетовъ и наговорили Дутову такихъ вещей, что онъ собирается ѣхать въ Ново-Николаевскъ «по семейнымъ дѣламъ».

Вызываютъ въ конференцію Иванова-Ринова для объясненій по поводу его агитаціи по возрожденію Сибирскаго областничества и его заигрыванія съ кооперативами. Во Владивостокѣ ожидаются сегодня серьезныя событія. Генералъ Опя приказалъ Розанову вывести изъ города русскія войска, на что Р. отвѣтилъ отказомъ. Адмиралъ одобрилъ распоряженіе Розанова и приказалъ не останавливаться ни передъ чѣмъ ради сохраненія русской національной чести и достоинства.

Эхъ, если бы такая же рѣшимость была проявлена десять мѣсяцевъ тому назадъ во время Семеновскаго инцидента, не тряслись бы теперь Омскіе обыватели и не сидѣли бы мы всѣ передъ разбитымъ корытомъ, гадая на пальцахъ, «пронесетъ или не пронесетъ»?

30 Сентября. Свалился пластомъ; попалъ въ плѣнъ къ медикусамъ, которые меня щупаютъ и качаютъ головами; вечеромъ объявили женѣ, что у меня, повидимому, гнойное воспаленіе печени и закупорка всѣхъ желчныхъ каналовъ; положеніе серьезное и требующее леченія и моего согласія покориться всѣмъ медицинскимъ требованіямъ, а главное ото всего отойти и не волноваться; поэтому запретили кого-либо ко мнѣ допускать и со мной разговаривать.

14 Октября. Двѣ недѣли ничего не записывалъ, вѣрнѣе, не могъ записывать, ибо находился въ безсознательномъ состояніи; нѣсколько дней былъ въ безнадежномъ состояніи, но въ концѣ концовъ выкарабкался, благодаря исключительной заботливости доктора Б. и уходу жены.

Отставка моя не принята; я назначенъ въ распоряженіе Верховнаго Правителя и уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья; на мое мѣсто назначенъ бывшій командующій Западной Арміей генералъ Ханжинъ.

Не понимаю, почему не назначили генерала Сурина, какъ нельзя болѣе подходящаго къ роли Военнаго Министра, съ огромнымъ стажемъ, какъ разъ по этому мѣсту.

Пока меня отправляютъ въ Томскую клинику для леченія и, буде потребуется, операціи, предупреждаютъ, что сильно тронуты желчные пути и надо долго и систематически лечиться; это хуже всего, такъ какъ хотѣлось бы скорѣе стать на ноги и начать работать; въ болѣе свободномъ положеніи надѣюсь оказаться полезнымъ, хотя бы въ качествѣ разъѣздного инспектора войскъ и учрежденій и освѣдомителя Адмирала о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

15—26 Октября. Безцѣльно пролежалъ въ Томской клиникѣ; она обращена въ госпиталь и всѣ клиническіе устройства разгромлены; нѣтъ даже ваннъ, безъ которыхъ мнѣ нельзя существовать. Рекомендуютъ двигаться дальше на востокъ, гдѣ сохранились лечебныя заведенія, такъ какъ мое положеніе до сихъ поръ сомнительно и весьма вѣроятна необходимость серьезной операціи.

26 —31 Октября. Медленно двигаюсь на востокъ; слава Богу, что мнѣ оставили тотъ вагонъ, въ которомъ я жилъ въ Омскѣ; адъютанты моего преемника пытались его отобрать, но я впервые такъ окрысился, что они сразу куда-то исчезли; вѣроятно, мой скелетообразный видъ и чернозеленый цвѣтъ лица увеличили эффектъ моего выступленія.

Кончился Омскій періодъ моей жизни; въ вагонѣ тихо; поѣздъ долго стоитъ на станціяхъ; лежу и подвожу итоги своему 174 дневному пребыванію въ Омскѣ; не прошло и шести полныхъ мѣсяцевъ, а сколько пережито и перечувствовано!

Пробылъ, однако, раза въ четыре дольше, чѣмъ разсчитывалъ, когда уѣзжалъ изъ Харбина. Возвращаюсь обратно съ разбитыми вдребезги иллюзіями о возможности скораго избавленія Руси отъ навалившейся на нее красной погани и ея бѣлой разновидности — атаманщины всѣхъ видовъ и калибровъ.

Омскъ держится, но, повидимому, приближаются его послѣдніе дни; онъ еще трепыхается, но надъ нимъ и въ тылу рѣютъ и каркаютъ черные вороны; союзники сокращаются, дабы своевременно выйти изъ непріятнаго положенія.

Продолженіе борьбы въ томъ, сумѣютъ ли спасти армію, совершенно вымотанную произведенными надъ нею экспериментами; все можно поправить и возстановить за исключеніемъ арміи, если ее израсходуютъ на нелѣпой защитѣ Омска.

Пока что, Москва одержала побѣду надъ Сибирской Вандеей, и даже не Москва, а наше собственное ротозѣйство, наша дряблость, наша государственная и военная безграмотность.

Уже во время пребыванія въ Харбинѣ чувствовалось, что въ Омскѣ что-то неладно, и что у военнаго и гражданскаго рулей стоятъ какіе-то плохенькіе кормчіе.

Омскіе гастролеры кричали о могучей арміи, о налаженномъ государственномъ механизмѣ, но что приходило оттуда въ видѣ приказовъ и распоряженій, внушало немалыя сомнѣнія въ правильности гастролерскихъ свѣдѣній. Только Ивановъ-Риновъ былъ способенъ завѣрять, что въ распоряженіи Омска 400 тысячная армія, дисциплинированная, организованная и рвущаяся въ бой.

Но то, что я увидѣлъ, узналъ и пережилъ за истекшіе шесть мѣсяцевъ, превзошло всѣ мои пессимистическія ожиданія и выбросило опять на востокъ физическимъ инвалидомъ, съ разбитыми надеждами на скорое возрожденіе Россіи и съ самыми мрачными взглядами на ближайшее, да и на долгое будущее.

Главная язва, убивающая Омскъ, Адмирала и Правительство, это отсутствіе реальной и сильной власти. Повторяется вѣчная сказка о голомъ королѣ; онъ голенькій и безпомощный, а всѣ притворяются, а кое-кто искренно вѣритъ, что король и одѣтъ и могущественenъ.

Власть Омска — призрачный миражъ; власть, какъ самъ Адмиралъ, лишена среднихъ регистровъ; она или шало и безрезультатно гремитъ или, вѣрнѣе сказать, пытается гремѣть, или дрябло и робко закрываетъ глаза на творящееся зло, убогая въ своемъ безсиліи, импотентная заставить исполнить ея волю и ея приказъ; она вынуждена молчать и терпѣть, зная что ея распоряженія исполняются постольку — поскольку, и то, главнымъ образомъ, въ выгодныхъ и пріятныхъ для исполнителей секторахъ. Повторяется то же, что было съ нами, военными начальниками, послѣ революціи 1917 года, когда изъ арміи вынули ея душу — дисциплину; и мы, отдавая приказъ, не знали, будетъ ли онъ какъ слѣдуетъ исполненъ, да вообще, будетъ ли исполненъ.

Въ такомъ же ужасномъ положеніи находятся Ставка и самъ Верховный Главнокомандующій; они тоже не знаютъ, будутъ ли исполнены ихъ приказы, если не понравятся почему-либо фронтовымъ сатрапчикамъ.

Конечно, такіе случаи, какъ открытыя выступленія Семенова, Анненкова, Гайды и Иванова-Ринова относительно рѣдки, но они подслоены сотнями, а, можетъ быть, и тысячами такихъ случаевъ, когда неугодное распоряженіе затягивается, забывается, искажается или исполняется такъ, что лучше бы уже ничего не дѣлать.

Начавшись на верхахъ, эта смертельная для всякой прочной организаціи болѣзнь, проѣла постепенно весь военный и государственный механизмъ и выпила изъ него всю силу.

Власть, рожденная путемъ военнаго возстанія, оказалась неспособной быстро и рѣшительно оторваться отъ родившихъ ее организацій и не сумѣла сама стать силой.

Неудачный выборъ старшихъ военныхъ руководителей привелъ къ тому, что власть осталась безъ настоящей, государственной, организованной и прочной арміи, понимающей свое не только специфически военное, но и государственное назначеніе. Создавалась какъ будто бы армія со всѣми ея внѣшними признаками, а, въ сущности, развертывались и росли тѣ же партизанскіе отряды начала борьбы со всѣми присущими имъ достоинствами и недостатками, сохраняя всѣ свои особенности и энергично противясь всему, что затрагивало ихъ привиллегіи и автономныя привычки. Не нашлось талантливыхъ вождей, которые сумѣли бы ввести все это въ здоровыя рамки, сохранивъ и развивъ все хорошее, и парализовавъ постепенно все наиболѣе дурное.

Въ первое время это было нетрудно, ибо составъ арміи былъ относительно не великъ и держался на тѣхъ, кто поднялись на спасеніе родины, движимые чувствомъ подвига и долга.

Въ послѣдующемъ трудно даже винить армію и фронтовыхъ представителей; жизнь ихъ увлекла, положеніе и безнаказанность ослѣпили; въ организаціонныя рамки они не вошли и такъ внѣ ихъ по сущности и остались.

Они подняли возстаніе за свой счетъ, рискуя муками и жизнью; они свергли большевистское иго и открыли всѣ дальнѣйшія возможности; ихъ осѣнили первые боевые успѣхи; они реально показали возможность сбросить красный гнетъ и стали героями освободительной зари.

Они вели первый періодъ войны за освобожденіе въ невыразимо тяжкихъ условіяхъ партизанскаго возстанія, особыми способами и кустарными средствами.

Иныхъ способовъ они не знали, иначе дѣйствовать не умѣли; въ свои пріемы и способы вѣрили, такъ какъ на дѣлѣ попытали ихъ силу и цѣлесообразность.

Успѣхи ихъ опьянили; разобраться въ измѣненіи обстановки не умѣли; понять необходимость перейти къ инымъ формамъ существованія сначала не могли, а потомъ уже и не хотѣли; измѣнить пріобрѣтенные сначала взгляды сами не могли и по молодости, и по отсутствію спеціальныхъ знаній и опыта, и по честолюбію, захватившему наиболѣе сильныя и выдвинувшіяся на передній планъ натуры.

Руководители Ставки не сумѣли всего этого оцѣнить и принять своевременно необходимыя мѣры; сразу не была положена граница между условіями существованія и дѣятельности организованной арміи и пріемами вооруженнаго возстанія офицерскихъ организацій. Первые Главковерхи и Ставки были увлечены политической борьбой и предоставили арміямъ самостоятельно развиваться и устраиваться; повидимому, попытки правильной организаціи были предприняты первымъ командующимъ Сибирской арміей ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, но слѣдовъ онѣ не оставили.

Тѣмъ временемъ фронтъ утвердился въ своихъ новыхъ тенденціяхъ, закрѣпилъ выработанные самостоятельно формы и лозунги и постепенно чисто явочнымъ порядкомъ заставилъ безсильный центръ молча признать фронтовые порядки, пріемы войны и снабженій и широкую автономію старшихъ штабовъ и начальниковъ. По организаціонной части Ставка сдѣлалась учрежденіемъ, утверждавшимъ все, что требовалъ фронтъ и проводившимъ только то, что было пріемлемо для фронтовыхъ автономій.

Вся эта негласная фронтовая конституція пронизала всю армію, выродившись постепенно въ весьма неудержную атаманщину; теперь уже все сверху до низу больно этой болѣзнью, что дѣлаетъ борьбу съ ней чрезвычайно трудной; это испыталъ на себѣ Дитерихсъ, какъ только попробовалъ приступить къ коренной реорганизаціи фронта.

Старый афоризмъ, что «тотъ, кто хочетъ командовать, долженъ прежде всего умѣть повиноваться», былъ накрѣпко забытъ; командовать хотѣли всѣ, ну а по части повиновенія царило «постольку — поскольку это мнѣ нравится» и не нарушаетъ моихъ собственныхъ разсчетовъ и соображеній.

Вмѣсто повиновенія и безпрекословнаго исполненія, пышно разрослась критика получаемыхъ приказовъ, безграмотная ихъ корректировка, пересуды и сплетни по адресу вверхъ . . . и, конечно, раздрайка и развалъ.

Критика и пересуды бывали и прежде, но сдерживались; теперь же всякая сдержка пропала.

Снаружи все шло какъ будто-бы совсѣмъ благополучно; не замѣчали (не знаю, не умѣли или не хотѣли), какъ гладенькій по наружности остовъ нашей вооруженной силы покрывался постепенно распространявшейся сѣтью мелкихъ внутреннихъ трещинокъ и держался только отсутствіемъ сильныхъ потрясеній. Послѣ Уфы, Екатеринбурга и Челябинска все это покрылось зіяющими трещинами и отъ внушительнаго остова остались одни осколки.

Общій упадокъ нравственнаго уровня и добросовѣстности, отсутствіе способности и желанія поступаться мелкимъ и личнымъ для общаго дѣла подорвали основные устои войсковой прочности.

Болѣзнь это не новая; она свалилась на насъ сейчасъ же послѣ революціи, когда господа и товарищи подобрали валявшуюся въ Петроградѣ безъ призора власть и съ ловкостью медвѣдя хватили по арміи приказомъ № 1 и обратили ее очень скоро въ разнузданныя вооруженныя толпы; изъ подъ корабля, стоявшаго на стапелѣ, вышибли всѣ подпорки и онъ естественно покатился внизъ.

Создатели Сибирской арміи думали, что достаточно возстановить погоны, отданіе чести и власть начальниковъ и все образуется; они не догадались внушить, а при нуждѣ и вбить кому надо въ голову, что нѣтъ арміи безъ духовной, внутренней, не боящейся никакихъ испытаній дисциплины, заставляющей забывать все личное и приносить его въ жертву общему дѣлу; нѣтъ арміи, разъ приказы могутъ не исполняться или исполняться въ предѣлахъ личнаго желанія или усмотрѣнія. А нѣтъ настоящей арміи, нѣтъ и настоящей государственной власти.

Ставкѣ слѣдовало поставить себѣ двѣ задачи: одну — оперативнаго управленія, другую — твердой и здоровой организаціи вооруженной силы. Верховное Командованіе было обязано сразу же объявить, проявить и доказать свою непреклонную волю добиться поставленной цѣли и пронизать всю армію, начиная съ ея верховъ, — нитями крѣпкой, духовной дисциплины и начать безпощадную борьбу съ остатками партизанщины и всякими проявленіями атаманщины.

Несомнѣнно, это требовало большихъ людей, огромнаго такта и выдержки, глубокаго знанія дѣла и осторожнаго исполненія, дабы, уничтожая плевелы, не задѣть здоровой ткани, не обидѣть достойныхъ и не выбить почву изъ подъ способныхъ честолюбцевъ.

Надо было умѣть оцѣнить всю оригинальную обстановку, въ которой получила свое начало наша вооруженная сила. Мнѣ думается, что, если бы первые руководители Ставки это поняли, то не только безъ противодѣйствія, но даже при помощи теперешнихъ фронтовыхъ сатраповъ, можно было добиться строго необходимой эволюціи; я увѣренъ, что несомнѣнная и яркая любовь къ родинѣ, столько разъ послѣдними доказанная, помогла бы имъ разстаться со многими удобствами своего положенія и самимъ войти и подчиненныхъ ввести въ рамки прочной и здоровой организаціи.

Труднѣе было съ тыловыми нарывами въ Читѣ и Хабаровскѣ, но тутъ нужно было идти на проломъ; я увѣренъ, что, если бы Адмиралъ передалъ все это дѣло на офиціальный судъ всѣхъ союзниковъ и показалъ бы всему свѣту, кого поддерживаютъ японцы, то послѣдніе отступились бы отъ своихъ темныхъ друзей, а тогда ничто не мѣшало бы уничтожить эти помойныя ямы.

Трудно себѣ представить, какіе блестящіе результаты дала бы такая дезинфекція; какъ бы она усилила и укрѣпила Омскую власть; трудно себѣ представить насколько бы улучшилось наше военное положеніе, если бы у насъ не было Читинской пробки, Забайкальскихъ и Хабаровскихъ застѣнковъ и насилій. Быть можетъ, тогда и Хорвату удалось бы кое-что сдѣлать на Дальнемъ Востокѣ. При здоровомъ Дальнемъ Востокѣ онъ былъ бы источникомъ силы и пополненій, а не источникомъ смуты, опасеній и вѣчныхъ тревогъ.

Омскъ не смогъ оцѣнить всей грозности Читинскаго нарыва. Наткнувшись на японскіе штыки, услужливо выставленные у Верхнеудинска, чтобы спасти своего компаньона и русскаго измѣнника и бунтовщика отъ законной кары, Адмиралъ не имѣлъ права на этомъ остановиться; онъ долженъ былъ показать читинскому казачишкѣ и японскому прихвостню, что онъ не тотъ адмиралъ Колчакъ, что сидѣлъ въ Харбинѣ, а что онъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій.

Верховная власть должна была или разгромить бунтовщика, или сама погибнуть. Адмиралъ обязанъ былъ аппелировать къ представителямъ всѣхъ союзниковъ и выявить имъ невозможность существованія власти, разъ японцы прикрываютъ явный бунтъ и не даютъ центральной власти съ нимъ расправиться.

Пригрѣтая японцами моська вообразила, что она сильна и можетъ лаять на слона; слону же надо было доказать, что моська есть только моська и что лаять ей не полагается, а за допущенный лай слѣдуетъ соотвѣтственная кара. Это не сдѣлали и этимъ обрекли себя на нескончаемый рядъ бѣдъ и несчастій.

Пойди Адмиралъ на проломъ, ему ничего не стоило доказать союзникамъ, что за японской защитой Семенова кроются самые низменные и порочащіе японскую честь интересы; что японскіе совѣтники Семенова получаютъ отъ него отнятые у арміи вагоны и на этомъ наживаются; что за японскую помощь Чита расплачивается обѣщаніемъ разныхъ концессій и пр. и пр.

Совѣтъ Министровъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ размахомъ государственной дѣятельности нашей власти и ея результатами. Та же дряблость, то же отсутствіе опредѣленной дѣловой программы и то же безсиліе заставить выполнить свою волю; кромѣ того, скверно было то, что власть оказалась, если можно такъ выразиться, неглубокой; она сидѣла далеко отъ населенія, не приносила ему никакой реальной пользы, не базировалась на коренномъ, кондовомъ населеніи Сибири; она не улучшила условій его жизни и не удовлетворила его насущныхъ нуждъ; она оказалась безсильной оградить его отъ злоупотребленій и насилій своихъ мѣстныхъ агентовъ; вмѣсто ожидаемаго благодѣтеля и цѣлителя она оказалась чудовищемъ, возлагавшимъ на измотанное общей разрухой населеніе новыя тяготы и старые, ненавистные скорпіоны.

Сибирское коренное населеніе оригинально, по сибирски, консервативное, а по достатку весьма и весьма буржуазное, не могло не поддержать власть, если бы она пришла сильной, твердой, для всѣхъ справедливой защитницей отъ разныхъ напастей. Но такой власти не пришло.

Когда власти надо было быть сильной, чтобы оградить населеніе отъ насилій, то оно ея не видало, и только напрасно взывало о заступничествѣ и покараніи виновныхъ; когда населеніе хотѣло власти энергичной, распорядительной и заботливой, оно ее не имѣло.

Мѣстные агенты власти, т. е. тѣ, по чьей дѣятельности населеніе судитъ о самой власти, оказались въ большинствѣ случаевъ очень плохими, преслѣдовавшими личные интересы и заставившими заныть старыя обывательскія раны и мозоли, разбудить скверныя воспоминанія прошлаго; они только усугубили и углубили то недовѣріе, а временами ненависть, которыя такъ свойственны нашимъ темнымъ массамъ по отношенію къ власти вообще.

А, между тѣмъ, работали и работаютъ усердно; Омскія министерства и ихъ безчисленные департаменты выбрасываютъ тучи законопроектовъ и распоряженій, требуютъ донесеній, вѣдомостей, статистики и всего прочаго, что полагалось благопристойному россійскому министерству или департаменту. Все это взгромоздилось во всероссійскій масштабъ, распухло въ революціонныхъ пропорціяхъ и впитало въ себя большую часть немногочисленныхъ въ Сибири спеціалистовъ работниковъ. Въ министерствѣ земледѣлія у насъ, напр., 17 департаментовъ и отдѣловъ, причемъ есть отдѣльные департаменты охоты и рыбной ловли; тамъ, гдѣ прежде отлично справлялся одинъ чиновникъ, теперь сидятъ и не справляются три-четыре, а то и больше; вмѣсто писца или одной машинки, сидятъ многочисленная стайка машинистокъ.

Зато на низшихъ мѣстныхъ должностяхъ, тамъ, гдѣ обслуживаются ближайшія нужды населенія, ощущается острый недостатокъ работниковъ; мелкія повседневныя нужды обывателя забыты или плохо обслужены; это и вызываетъ острое негодованіе и глухую злобу населенія къ далекому и никчемушнему Омскому чудовищу, которое «обло, озорно, стозѣвно, ляяй и искій кого бы поглотити», сидитъ гдѣ-то на берегахъ Иртыша и ничего, кромѣ непріятностей, не приноситъ.

Власть должна была быть сильной и ею не была; она должна была быть глубокой, т. е. близкой, полезной и нужной населенію — этого и въ поминѣ не было.

Наши молодые министры, съ серьезнымъ революціоннымъ, но очень легкимъ практическимъ багажемъ, забыли про то, что революція и большевизмъ разрушили всѣ скрѣпы стараго государственнаго аппарата и разгромили многое внизу. Они воздвигли во всемъ ихъ величіи дубликаты Петроградскихъ Министерствъ, и въ нихъ заблудились и погибли для живого дѣла возрожденія и возстановленія.

Вся работа шла и идетъ на верхахъ, на фронтонахъ Министерствъ и на лѣпныхъ украшеніяхъ департаментовъ, а про сѣрые фундаменты и темные подвалы, про разныя мелкія скрѣпы и перекладинки забыли.

Высокіе ранги министерскихъ должностей привлекли къ себѣ всѣ самолюбія; большинство должностей IV и V класса, т. е. то, достиженіе чего являлось когда-то недосягаемой мечтой мелкаго чиновничества.

Власть должна была быть честной и кристально-чистой, ибо это требовалось, какъ никогда, условіями ея зарожденія; высшіе агенты власти должны были показать, что они стали на свои посты ради идеи и подвига, а не достиженія какихъ-либо личныхъ выгодъ,

Нужно было быть сугубо осторожными, чтобы не дать матерьяла для сплетенъ, навѣтовъ и обычныхъ обывательскихъ обвиненій въ непотизмѣ, взяточничествѣ, казнокрадствѣ, попустительствѣ и матерьяльныхъ связяхъ съ поставщиками, коммерсантами, спекулянтами и пр. и пр.

Вмѣсто этого мы имѣли дѣло Зефирова, дѣло Омскаго Промышленнаго Комитета, дѣятельность разныхъ агентовъ Министерства Снабженій, дѣятельность нашихъ агентовъ по заграничнымъ заказамъ, раздачу Хорватомъ казенныхъ земель, избавленіе отъ призыва и укрывательство богатыхъ и вліятельныхъ сыновъ и племянниковъ, продажу вагоновъ и пр. и пр.

Все это раздувалось, размазывалось и обдавало липкой и вонючей грязью верхи управленія, не разбирая виноватыхъ и невиноватыхъ. Избѣжать этого, при нашихъ россійскихъ обычаяхъ, было, конечно, нельзя, но уменьшить основательность и правдоподобность обвиненій слѣдовало до послѣдней степени.

Въ результатѣ Омскій переворотъ далъ Сибири власть дряблую и безсильную, вылившуюся въ узкія Омскія формы и непопулярную, неспособную дать населенію законъ, порядокъ и замѣтное улучшеніе тяжелыхъ условій его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сдѣлать что-нибудь прочное и дѣйственное въ возсозданіи разрушенной Государственности въ улучшенныхъ, разумныхъ и обновленныхъ формахъ человѣческаго, общественнаго и государственнаго сожительства.

Власть оказалась только формой безъ содержанія; министерства можно сравнить съ огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но безъ жерновов внутри и съ попорченными и недостающими частями главнаго рабочаго механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишкомъ много времени потеряно и слишкомъ много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть довѣріе населенія и привлечь его на свою сторону. Сейчасъ я не представляю себѣ даже, какія реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положеніе; вѣдь мало того, что мы потеряли безплодно цѣлый годъ; мы успѣли обмануть всѣ надежды населенія и привести его къ заключенію, «что наши, что красные — все равно сволочь»; вѣдь населеніе привѣтствовало насъ лѣтомъ 1918 года не потому, что мы были носителями извѣстной идеи и не потому, что оно жаждало возвращенія чего-то стараго, а потому, что зажиточнымъ и самостоятельнымъ сибирякамъ осточертѣлъ каторжно-разбойный по сущности, а коммунистическій по названію режимъ совдеповъ, комбѣдовъ и комиссаровъ.

По неорганизованности и осторожности сами сибиряки не собирались свергать насѣвшіе на нихъ совдепы, но, когда сіе случилось, то они очень обрадовались, рукоплескали, пѣли молебны, заявляли о преданности, жертвовали старое, рваное бѣлье и ждали отъ новаго барина великихъ благъ, благорастворенія воздуховъ и молочныхъ рѣкъ въ кисельныхъ берегахъ; при этомъ, конечно, полное избавленіе отъ всякихъ «обязанностей и непріятностей» и всевозможныхъ «ицій».

Но всего этого не случилось, а кое въ чемъ вышло совсѣмъ наоборотъ, особенно по части атаманщины, которая для простого народа оказалась много хуже комиссарщины. Наступило разочарованіе самаго уксусно-кислаго сорта; чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе становится обманутый въ своихъ шкурныхъ и животныхъ надеждахъ обыватель; тѣмъ свирѣпѣе честитъ и поноситъ новаго барина и тѣмъ охотнѣе начинаетъ потихоньку краснѣть, эсерить и подкапываться подъ этого самаго барина, сдѣлавшагося для него такимъ же ненавистнымъ, какимъ былъ когда-то свергнутый совдепъ.

Если мы сковырнемся, и опять на Сибирь навалятся красные совдепы или какая нибудь ихъ разновидность, то не будетъ ничего мудренаго въ томъ, что населеніе встрѣ-

титъ ихъ съ великимъ ликованіемъ, какъ избавителей, будетъ передъ ними лебезить и приспосабливаться, но, какъ только почуетъ ихъ тяжелую, кровью пахнущую лапу и испытаетъ ихъ аракчеевскій режимъ, то начнетъ ихъ ненавидѣть, ждать новаго избавителя и втайнѣ молиться объ его скорѣйшемъ появленіи.

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя и намъ вѣры нѣтъ, особенно словамъ.

Нужна дѣйствительность; нужно рѣзко, сочно и вкусно показать, что мы измѣнились и можемъ быть полезными для населенія. Но чтобы сдѣлать такое чудо, у насъ нѣтъ умѣнья, а, главное, нѣтъ людей; сейчасъ же, вѣроятно, нѣтъ уже и времени, ибо треснувшій фронтъ и воспаленный возстаніями тылъ не позволяютъ надѣяться на успѣхъ продолжительныхъ и широкихъ реформъ.

Особенно мнѣ жаль, что не умѣли использовать ту благопріятную обстановку, которая сложилась въ Августѣ 1918 года на Дальнемъ Востокѣ; тамъ была полная возможность создать и укрѣпить настоящую и прочную государственность въ твердыхъ, честныхъ и полезныхъ для населенія формахъ; это привлекло бы на сторону власти все здоровое населеніе и, при отсутствіи въ краѣ остроты рабочаго и земельнаго вопросовъ, давало всѣ шансы на успѣхъ; противъ пошла бы только довольно многочисленная каторжанская шпана и уголовно-хулиганскій элементъ городскихъ отбросовъ, но съ этимъ населеніе справилось бы собственными силами, если бы власть обезпечила ему организованную помощь и общее сохраненіе порядка.

Но злая судьба бросила на Дальній Востокъ дряблаго, бездѣйственнаго Хорвата и позволила развиться тамъ Читинскому и Хабаровскому гнойникамъ.

Вмѣсто закона, порядка и твердой власти населеніе Приамурья получило аракчеевско-полицейскій режимъ казачьяго держиморды Иванова-Ринова, карательные отряды, насилія Семенова и Калмыкова и вихлянье Хорвата, принесшаго въ край всѣ порядки и атмосферу своей Харбинской Хорватіи и ея сомнительныхъ дѣльцовъ.

Все это и на Дальнемъ Востокѣ привело къ тому, что мы и тамъ сидимъ сейчасъ у разбитаго корыта съ натопорщившимся противъ насъ и ненавидящимъ насъ населеніемъ, готовымъ промѣнять насъ на эсеровъ, большевиковъ, партизанъ и кого угодно, кто поможетъ имъ насъ сковырнуть.

Отчего оказалась такъ слаба Омская власть? виновата ли въ томъ самая структура власти или тѣ, кто взяли ее въ свои руки? Думаю, что главнымъ образомъ виноваты люди, оказавшіеся не по плечу той задачѣ, которую они на себя приняли.

Не малую роль въ выборѣ этихъ людей сыгралъ способъ зарожденія и утвержденія власти, какъ результата случайнаго политическаго переворота и побѣды Омска надъ уфимско-уральскими комбинаціями и директоріей.

Къ сожалѣнію, у меня не было времени для того, чтобы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ, вызвавшихъ ноябрьскій переворотъ; повидимому, главной причиной было желаніе извѣстной группы лицъ попасть къ власти, свернувъ голову Директоріи; представителями этой группы и явилась затѣмъ Михайловская пятерка, выдвинувшая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя и составившая затѣмъ его Верховный Совѣтъ, форменную олигархію, узурпировавшую de facto всю власть. Громкое и чистое отъ грязи и политики имя Адмирала было нужно для прикрытія всей этой специфически Омской махинаціи; несомнѣнно, что, выдвигая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя, пятерка знала, что въ его лицѣ она получаетъ очень мягкое и послушное орудіе для осуществленія своихъ плановъ.

Характеръ и душа Адмирала настолько на лицо, что достаточно какой-нибудь недѣли общенія съ нимъ для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенокъ, чистый идеалистъ, убѣжденный рабъ долга и служенія идеѣ и Россіи; несомнѣнный неврастеникъ, быстро вспыхивающій, чрезвычайно бурный и несдержанный въ проявленіи своего неудовольствія и гнѣва; въ этомъ отношеніи онъ впиталъ весьма несимпатичныя традиціи морского обихода, позволяющія высокимъ морскимъ чинамъ то, что у насъ въ арміи давнымъ давно отошло въ область преданій. Онъ всецѣло поглощенъ идеей служенія Россіи, спасенія ея отъ краснаго

гнета и возстановленія ея во всей силѣ и неприкосновенности территоріи; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личныхъ интересовъ, личнаго честолюбія у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ кристально чистъ.

Онъ бурно ненавидитъ всякое беззаконіе и произволъ, но по несдержанности и порывистости характера самъ иногда неумышленно выходитъ изъ рамокъ закона и при этомъ преимущественно при попыткахъ поддержать этотъ самый законъ и всегда подъ чьимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ.

Жизни въ ея суровомъ, практическомъ осуществленіи онъ не знаетъ и живетъ миражами и навязанными идеями. Своихъ плановъ, своей системы, своей воли у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ мягкій воскъ, изъ котораго совѣтники и приближенные лѣпятъ что угодно, пользуясь тѣмъ, что достаточно облечь что-нибудь въ форму необходимости, вызываемой благомъ Россіи и пользой дѣла, чтобы имѣть обезпеченное согласіе Адмирала.

Отсутствіе твердыхъ взглядовъ и твердой воли порождаетъ почти-что ненормальную неустойчивость рѣшеній и вѣчное колебаніе общаго курса правительственной дѣятельности, дѣлающагося вслѣдствіе этого рабомъ разныхъ теченій, возникающихъ во властвующемъ надъ волею Адмирала кружкѣ лицъ.

Тяжело смотрѣть на Адмирала, когда неожиданно онъ наталкивается на коллизію разныхъ мнѣній и ему надо принять рѣшеніе; видно, что онъ боится не отвѣтственности рѣшенія, а принятія невѣрнаго, вреднаго для всепоглощающей его идеи рѣшенія. Своего анализа, своего твердаго критерія у него нѣтъ и это дѣлаетъ его безпомощной игрушкой въ рукахъ тѣхъ, которые пріобрѣли его довѣріе и овладѣли его волею.

Онъ избалованъ успѣхами и очень чувствителенъ къ неудачамъ и непріятностямъ; особенно болѣзненно реагируетъ на все, что становится на пути осуществленія главной задачи спасенія и возстановленія Россіи, причемъ, какъ и во всемъ, тутъ нѣтъ ничего личнаго, эгоистическаго, честолюбиваго. Мнѣ особенно часто приходилось заваливать его цѣлыми кучами самыхъ непріятныхъ и тревожныхъ докладовъ; сначала онъ вспыхивалъ, но быстро темнѣлъ, горбился, потухалъ и какъ-то сжимался подъ тяжестью неопровержимыхъ фактовъ; иногда гремѣлъ, грозилъ все испепелить и сломать всѣ препоны, просилъ совѣта и помощи, какъ все это сдѣлать, и трогалъ искренностью своего горя и переживаній.

Когда у меня было много непріятныхъ докладовъ, то я съ довольно тяжелымъ чувствомъ входилъ въ адмиральскій кабинетъ, зная, что мнѣ придется надолго вывести изъ душевнаго равновѣсія этого больного идеалиста. Если же приходилось докладывать что-нибудь пріятное, то Адмиралъ радовался, какъ ребенокъ, сверкалъ глазами и готовъ былъ всѣхъ облагодѣтельствовать.

Военнаго дѣла онъ не знаетъ совершенно, даже хуже, ибо схватилъ только общія мѣста и пріобрѣлъ кое-какія теоретическія свѣдѣнія, дающія видимость знанія, но крайне опасныя въ практическомъ примѣненіи. Въ этомъ отношеніи онъ настоящій морякъ того типа, десятки образцовъ котораго я видѣлъ во время своей Владивостокской службы; я зналъ многихъ адмираловъ, которые тѣсно соприкасались съ нашей сухопутной жизнью, и совершенно не знали основъ нашей организаціи; были такіе, которые знали очень хорошо разницу между іерархическими положеніями командира корпуса и начальника дивизіи (ибо это опредѣляло порядокъ отдачи визитовъ и число выстрѣловъ салюта), но имѣли очень смутное представленіе, что такое корпусъ и дивизія. Вообще, морская бѣлая кость смотрѣла на «армію» (огульное для насъ названіе), какъ на нѣчто низшее, и считала, что ей невмѣстно и не къ чему знать нашу организацію и основанія нашей службы и боевой работы.

Попавъ на высшій постъ Военнаго Командованія, Адмиралъ со свойственной ему подвижнической добросовѣстностью пытался получить непріобрѣтенныя раньше знанія, но попалъ на очень скверныхъ и недобросовѣстныхъ учителей, дававшихъ ему то, что нужно было для наставленія Адмирала въ желательномъ для нихъ духѣ.

Не думаю, чтобы они дѣлали это сознательно, ибо и сами учителя были очень малограмотны, сами знали только отвлеченныя теоріи и не имѣли должнаго практическаго опыта. Они не знали тѣхъ серьезныхъ практическихъ коэффиціентовъ, кои только и

опредѣляютъ боевое значеніе войскъ, и не смогли передать поэтому этого знанія и Адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей исторіи перваго года нашего Верховнаго Командованія.

На свой постъ Адмиралъ смотритъ, какъ на тяжелый крестъ и великій подвигъ, посланный ему свыше, и мнѣ думается, что едва ли есть еще на Руси другой человѣкъ, который такъ безкорыстно, искренно, убѣжденно, проникновенно и рыцарски служитъ идеѣ возстановленія единой, великой и недѣлимой Россіи. Истинный рыцарь подвига, ничего себѣ не ищущій и готовый всѣмъ пожертвовать, безвольный, безсистемный и безпамятливый; дѣтски и благородно довѣрчивый, вѣчно мятущійся въ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ; вѣчно обманывающійся и обманываемый, обуреваемый жаждой личнаго труда, примѣра и самопожертвованія; непонимающій совершенно обстановки и неспособный въ ней разобраться; далекій отъ того, что вокругъ него и его именемъ совершается — вотъ бѣглый перечень отличительныхъ чертъ характера того человѣка, на которомъ скоро уже годъ лежитъ тяжелый крестъ олицетворять и осуществлять временную Верховную Власть Россіи.

Къ этому человѣку нужны были крупныя поправки въ лицѣ его ближайшихъ помощниковъ по командованію арміей и по гражданскому управленію страной; нужно было чтобы на посты Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Предсѣдателя Совѣта Министровъ попали крупные, талантливые дѣловые люди, спеціалисты своего дѣла, способные справиться съ той великой задачей, которая возлагалась на нихъ ихъ положеніемъ; они должны были прикрыть, сгладить, умѣрить и парализовать всѣ недостатки наличной Верховной Власти и направить всю силу духовнаго и душевнаго величія Адмирала на созидательную практическую работу. Своей системой имъ слѣдовало замѣнить безсистемность Адмирала; своими спеціальными знаніями восполнить его незнанія и непрактичность; своей волей подпереть колеблющуюся волю Верховнаго Правителя. Свою работу, свое творчество великое, спасительное и полезное они должны были провести, какъ работу и творчество самой Верховной Власти, и возвеличиться ея величіемъ.

Одновременно они обязаны были оградить Адмирала отъ нашептыванія и безотвѣтственныхъ вліяній; насколько я узналъ Адмирала, для сильныхъ людей это было вполнѣ возможно, въ особенности, если бы дѣйствительность сразу показала Адмиралу, какіе люди около него стоятъ.

На горе Россіи судьба вздвоила Адмирала самыми второстепенными ничтожествами, и это предрѣшило тотъ потокъ разныхъ бѣдъ, что сыпятся на насъ послѣдніе полгода.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ совершенно потухшій, бездѣятельный и ни на что уже негодный человѣкъ. Трудно даже понять, какъ можно было выдвинуть на такой исключительно важный и отвѣтственный постъ это дѣловое ничтожество, безцвѣтное, беззвучное, импотентное, ничѣмъ не интересующееся и только изображающее изъ себя нашего Предсѣдателя.

Омскъ все время кричитъ, что наличіе Вологодскаго является залогомъ демократической власти и довѣрія къ намъ всѣхъ союзныхъ демократій, и что уходъ его будетъ принятъ, какъ переходъ къ правой реакціи. Опять варіантъ сказки о голомъ королѣ; надо быть очень заинтересованнымъ въ сохраненіи этой демократической руины на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ или же быть очень скорбнымъ главой, чтобы вѣрить, что возглавленіе Правительства какимъ-то господиномъ Вологодскимъ можетъ имѣть хоть какое нибудь значеніе для страны и импонировать за границей.

Ясно, что управлявшей Омскомъ и Адмираломъ олигархіи выгодно было посадить на этотъ постъ столь безопаснаго по своей дряблости человѣка; она же и старалась раздуть его демократическое значеніе, пользуясь для этого всѣмъ аппаратомъ комитета по дѣламъ печати и платныхъ Р. Т. А. и газетъ.

Я увѣренъ, что $^4/_5$ населенія Сибири даже и понятія не имѣютъ, кто такой Вологодскій; та-же $^1/_5$, которая знаетъ это изъ газетъ и интересуется политикой, была бы очень обрадована любой перемѣной въ составѣ Правительства, такъ какъ это давало бы на-

дежду на лучшія времена (конечно, если бы это не было назначеніемъ министрами Семенова, Калмыкова, Иванова-Ринова, и т. п.).

Даже армія, которую всячески пытаются освѣдомлять, и на которую часто киваютъ головой, какъ на извѣстный регуляторъ правительственныхъ настроеній, совершенно равнодушна и безразлична къ тому, кто въ Омскѣ предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ Министровъ. Но и она, въ той части, которая интересуется политикой, несомнѣнно возликовала бы удаленію и Вологодскаго и всѣхъ его сотрудниковъ, какъ ликовала удаленію Михайлова.

Что касается союзниковъ и заграницы, то казалось бы, что двухлѣтній періодъ всевозможныхъ переворотовъ и нарожденія, и смерти разноцвѣтныхъ временныхъ и иныхъ правительствъ долженъ былъ пріучить заграницу къ русскимъ неожиданностямъ. Ноябрьскій переворотъ, выдвинувшій къ власти нынѣшнее правительство, достаточно убѣдительно показалъ, какъ мало считаются союзники съ тѣмъ, кто стоитъ у насъ у власти.

Сверженіе наидемократичнѣйшей директоріи съ ея дѣйствительно извѣстными заграницѣ революціонно-демократичными столпами и появленіе выдвинутаго военнымъ возстаніемъ правительства Адмирала должны были вызвать извѣстныя опасенія у тѣхъ союзниковъ, которымъ была нужна демократичность нашего курса, но этого не произошло и земля подъ нами отъ этого не провалилась; не шелохнется она и тогда, когда уйдетъ Вологодскій.

Вѣдь, вся оцѣнка Правительственной дѣятельности основывается не на томъ, кто Предсѣдатель Совѣта Министровъ, а на практическихъ результатахъ работы всего правительственнаго аппарата. Что толку въ томъ, что почти годъ мы держимъ демократичнаго Вологодскаго, а на насъ всѣхъ собакъ повѣсили, упрекая въ реакціонности.

Для истинной демократичности нужны здоровыя талантливыя головы и умѣнье оцѣнить и удовлетворить разумныя и законныя требованія и насущныя нужды народа, а не старыя, выдохшіяся демократическія реликвіи, годныя только для сдачи въ архивъ.

Изъ остальныхъ членовъ кабинета настоящимъ министромъ является только одинъ Уструговъ, знающій свое дѣло, кипучій, энергичный, привыкшій и умѣющій работать въ настоящемъ государственномъ масштабѣ; за это его терпѣть не могутъ въ Совѣтѣ Министровъ, а между тѣмъ, если бы всѣ коллеги обладали бы половиной дѣловитости, энергіи и знаній Устругова, то весьма вѣроятно, что мы не сидѣли бы сейчасъ у разбитаго корыта.

Во главѣ остальной компаніи долго и крѣпко стоялъ негласный руководитель и повелитель правительства, финансовый вундеркиндъ и одинъ изъ главныхъ организаторовъ Ноябрьскаго переворота И. А. Михайловъ.

Непонятно, какія политическія махинаціи и внутреннія соображенія не позволили выдвинуть его самого на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, гдѣ онъ былъ бы несравненно болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ роли Министра Финансовъ и подпольнаго руководителя правительственной дѣятельности.

Что онъ ничего не понимаетъ въ финансахъ, онъ показалъ это на идіотской реформѣ изъятія изъ обращенія керенокъ, проведенной очень рѣшительно, но обнаружившей полную безграмотность главы финансоваго вѣдомства — теоретическую, практическую, и по части знанія и пониманія наличной обстановки.

Выброшенный революціонной волной на постъ руководителя финансовой политики разрушеннаго Россійскаго Государства въ тягчайшія минуты его историческаго бытія, онъ принесъ съ собою самонадѣянность, молодую смѣлость, огромное честолюбіе и властолюбіе и минимумъ глубокихъ финансовыхъ знаній, не пріобрѣтаемыхъ чтеніемъ университетскихъ книжекъ, а даваемыхъ долгой и обширной практической дѣятельностью.

Полновластный хозяинъ Совѣта Министровъ и Совѣта Верховнаго Правителя, онъ не имѣлъ надъ собой контроля; подъ впечатлѣніемъ минутной и случайной идеи напортить большевикамъ изъятіемъ изъ обращенія керенокъ, онъ, не встрѣтивъ ничьего сопротивленія, небывало скоропалительнымъ темпомъ провелъ эту гибельную для насъ реформу и однимъ ударомъ свалилъ все наше денежное обращеніе въ бездну финансовой катастрофы,

нанеся намъ такой ударъ, послѣдствія котораго во всей ихъ совокупности трудно даже предусмотрѣть.

Хлесткая, непродуманная, непровѣренная мыслишка подкузьмить красныхъ девальваціей керенокъ, на которыхъ, какъ думалъ нашъ финансовый геній, базировалось денежное обращеніе красныхъ армій, была подхвачена льстивой толпой сателитовъ, какъ нѣчто сверхъ-геніальное, и проведена подъ шопотъ восторговъ и похвалъ ея творцу (при этомъ, какъ я убѣдился, при утвержденіи счетовъ комитета по дѣламъ печати, на газетную пропаганду и славословіе этого проекта было истрачено сто тысячъ рублей, — тогда еще настоящихъ, не погубленныхъ этимъ самымъ проектомъ).

Протесты дальневосточныхъ биржевыхъ комитетовъ были спрятаны подъ сукно; въ Омскѣ же и въ Совѣтѣ Министровъ не нашлось никого, кто бы заоралъ: «караулъ, что вы дѣлаете и куда идете?»

Капитальнѣйшая реформа денежнаго обращенія въ такихъ размѣрахъ, передъ которыми останавливались Вышнеградскій, Витте и Коковцевъ, была проведена въ нѣсколько дней.

Послѣ этой реформы дѣятельность геніальнаго финансиста свелась къ печатанію денежныхъ сигнатурокъ самаго примитивнаго образца и къ командованію въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя.

Не хватило даже умѣнья наладить печатанье приличныхъ денегъ и возстановить возможность статьи государственныхъ доходовъ помощью введенія подоходнаго налога и сверхналога, печатанія игральныхъ картъ, измѣненія пошлинныхъ ставокъ, всемѣрнаго использованія естественныхъ богатствъ Сибири и пр. и пр.

Для такихъ серьезныхъ, но малохлесткихъ и нерекламныхъ пустяковъ не было ни знаній, ни опыта, да и времени не хватало среди всѣхъ заботъ и треволненій Омской политической борьбы и личныхъ удовольствій.

Онъ ушелъ, выдавленный изъ Совѣта Министровъ накопившимся постепенно вокругъ его фигуры негодованіемъ, но своей дѣятельностью принесъ столько зла, что результаты его будутъ долго тяготѣть надъ Россіей.

Слѣдующимъ по своей вредоносной дѣятельности идетъ дипломатическій вундеркиндъ И. И. Сукинъ, уцѣлѣвшій въ составѣ совѣта Министровъ совершенно непонятнымъ образомъ, ибо то, что было продѣлано имъ съ протоколомъ желѣзнодорожнаго совѣщанія, исключало всякую возможность оставленія его даже на должности отвѣтственнаго сторожа при Министерствѣ.

Судьба, какъ на зло, забросила въ Омскъ этого маленькаго дипломатическаго чиновника и быстро возвела его на постъ руководителя внѣшнихъ судебъ Россіи.

Онъ природно не глупъ, хорошо говоритъ, искусно распредѣляетъ и умѣло подаетъ имѣющійся у него матерьялъ; честолюбивъ и надменно важенъ, копируя, очевидно, какой-нибудь рѣдкій дипломатическій образецъ. Онъ овладѣлъ довѣріемъ Адмирала, позналъ всѣ его слабости и любимые коньки и на этомъ основалъ свою силу и свое вліяніе; онъ ведетъ довѣрчиваго Адмирала на буксирѣ громкихъ фразъ, ослѣпительныхъ дипломатическихъ побѣдъ, великолѣпныхъ, но неосуществимыхъ проектовъ; онъ безпрепятственно и упорно проводитъ свою программу, являясь типичнымъ саженцемъ нашихъ дипломатическихъ парниковъ съ ихъ промозглыми традиціями, заискиваніемъ передъ иностранцами и забвеніемъ русскихъ интересовъ.

Союзные представители учли его слабыя и смѣшныя стороны, и очень ловко водятъ его за его дипломатическій носъ, кормя разными обѣщаніями, о которыхъ онъ побѣдоносно сообщаетъ, но изъ которыхъ, кажется, ни одно до сихъ поръ не исполнено.

Онъ импонируетъ Адмиралу своимъ умѣньемъ рядить все въ доспѣхи Великой Россіи. Вообще же въ этомъ министерствѣ (какъ и въ другихъ за исключеніемъ Министерства Путей Сообщенія и нѣкоторыхъ Главныхъ Управленій) идетъ своего рода любительскій спектакль на дипломатическія темы со всей соотвѣтствующей обстановкой, но съ самымъ сквернымъ составомъ любителей.

По внѣшности все очень прилично и дѣловито, а внутри пустота и ничтожные результаты.

Мы пытались гремѣть, играли въ великіе дипломаты, конспирировали, вели дипломатическія мины и контръ-мины, жаждали, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, дипломатическихъ побѣдъ — доказательства геніальности юнаго министрика, вмѣсто того, чтобы честно, открыто и опредѣленно, не скрывая болѣзней и язвъ, сказать, что мы есть, что намъ нужно и безъ чего мы не въ состояніи выполнить принятую на себя задачу. То, что дѣлали съ нами все это время союзники, было верхомъ близорукости, неразсчетливости и результатомъ какого-то сложнаго дипломатическаго тумана.

Намъ нужно было поменьше вихлястой дипломатіи, съ ея лозунгомъ, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать правду, но побольше дѣловой работы, способной дать признаніе и опредѣленную помощь на опредѣленныхъ условіяхъ.

Вмѣсто игры въ дипломаты и разныхъ талейрановскихъ фиглей-миглей, недоговорокъ и растушовокъ, Омскій министръ иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ сказать союзникамъ: «мы больны и очень больны, но эта болѣзнь угрожаетъ и Вамъ; своихъ средствъ избавиться у насъ нѣтъ; но насъ надо лечить, лечить скоро и рѣшительно; это ваше дѣло и въ этомъ вашъ интересъ; средства нужны такія то, тогда-то, но сами мы ихъ достать не можемъ, а потому, если вы искренно хотите намъ помочь, то не медлите и дайте то, что намъ нужно; скажите, что это будетъ стоить и на какихъ условіяхъ расплаты?»

Вмѣсто дипломатіи нужно было высунуть больной языкъ, обнажить всѣ язвы и выложить карты на столъ. Съ точки зрѣнія дипломатическихъ доктринъ это была бы недопустимая дипломатія, но съ точки зрѣнія практики и здраваго смысла единственная возможная.

Вмѣсто этого, мы важно хохлились, то рядясь во всероссійское званіе, то принимая какія-то невыясненныя подаянія съ видомъ опустившагося интеллигента, дѣлающаго этимъ одолженіе дающему; язвы и болѣзни скрывали, тяжелой правды не говорили. Вмѣсто ясности получился туманъ; вмѣсто признанія — какое-то нелѣпое персидское положеніе; вмѣсто систематической и налаженной помощи — рядъ подачекъ отъ заморскихъ дядющекъ, даваемыхъ какъ-то обидно, а иногда и со спускомъ намъ всякаго стараго хлама.

Остальные члены кабинета сѣрыя, безцвѣтныя, безобидныя, по своему добросовѣстныя фигурки совершенно негосударственнаго масштаба; они усердно засѣдали, старались что-то сдѣлать, раздули кадило на всероссійскій размахъ, но не справились съ узкими задачами Омскаго Градоначальничества. Активнаго вреда они не принесли, грязнаго и порочащаго власть сами не дѣлали, но оказались пигмеями передъ грозными требованіями даннаго историческаго часа русской жизни.

Исключительная обстановка требовала исключительныхъ людей, а не добросовѣстныхъ дѣлопроизводителей и усердныхъ просиживателей министерскихъ креселъ; нужны были кипучіе люди, энергичные, нешаблонные реформаторы и организаторы, способные на настоящее творчество, на созданіе новыхъ и разумныхъ формъ и новыхъ здоровыхъ порядковъ; нужны были таланты, способные понять, что произошло на русской землѣ, и какъ надо строить новую жизнь, отвергнувъ старыя и новыя скверны и сохранивъ все здоровое и разумное, что было въ старомъ и чему научило новое.

Что толку въ томъ, что въ многоэтажныхъ и густонаселенныхъ министерствахъ сидѣли ихъ исправные и старательные шефы, подписывали, предписывали, принимали доклады и докладывали; добросовѣстно высиживали долгіе часы во всевозможныхъ комиссіяхъ, совѣтахъ, комитетахъ и засѣданіяхъ, блюли за тѣмъ, чтобы министерскія мельницы не стояли безъ работы и махали своими внушительными по внѣшности крыльями . . . Все это было бы сносно въ нормальной и спокойной обстановкѣ; теперь же привело къ разбитому корыту.

Жизни мы не поймали; ея требованій не поняли и не уловили. Жизнь ушла отъ насъ и стала искать болѣе примитивныхъ, но реальныхъ осуществленій.

Получилось не созданіе государственности, а ея опрощеніе. Старыми прокислыми дрожжами пытались поднять новое тѣсто иной закваски и находимся теперь у порога банкротства.

Мы возстановили всѣ министерства, со всѣми ихъ деталями и закоулками, но не возстановили власти, не возстановили ея дѣйственности и ея моральнаго и физическаго воздѣйствія на населеніе; хотѣли создать органы высшаго, да еще всероссійскаго масштаба, а получили второсортныя омскія магистратуры, забывшія въ своемъ дутомъ величіи о черной землѣ и ея сѣрыхъ нуждахъ.

Если бы съ лѣта 1918 года всѣ наши многочисленныя министерства и управленія выработали себѣ узкія, дѣловыя, чисто мѣстныя программы и начали на мѣстахъ сѣрую и будничную, но видную и полезную для населенія работу, то настроеніе и состояніе тыла навѣрно было бы инымъ, чѣмъ теперь.

Одно изъ важнѣйшихъ для населенія Министерствъ это Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а что оно дало странѣ? Отрыжки стараго режима, отряды особаго назначенія и показательную неспособность поддержать порядокъ и охранить законопослушное населеніе отъ насилій и справа и слѣва.

Другое, важное для арміи и страны, Министерство Продовольствія и Снабженія, по названію и правамъ всесильный продовольственный диктаторъ, а на дѣлѣ хромающее на всѣ ноги бюрократическое учрежденіе, имѣющее цѣлую армію служащихъ, но неспособное даже частично справиться съ возложенными на него задачами. Неудачная его дѣятельность оставила армію безъ снабженій и обозлила населеніе; присосавшіеся къ нему темные дѣльцы вызвали массу обвиненій въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ, негласныхъ подрядахъ, дутыхъ цѣнахъ и спекуляціи. То, что я видѣлъ во Владивостокѣ весной 19 года и въ Екатеринбургѣ и тѣ мелкіе факты, которые доходили до моего свѣдѣнія не позволяютъ сомнѣваться, что часть обвиненій была вполнѣ справедливой.

Неклютинъ несомнѣнно хотѣлъ ввести въ этомъ Министерствѣ иные порядки, но это было не по плечу этому полному благихъ намѣреній отпрыску модернизованнаго купечества, но министру по недоразумѣнію.

Суетливая, сумбурная, а мѣстами подозрительно грязная дѣятельность многочисленныхъ органовъ этого черепашьяго министерства отшатнула отъ него всю крупную торговлю и промышленность.

Неклютинъ пытается это поправить, но сейчасъ уже поздно. Въ результатѣ живемъ запасами текущаго дня и всякая задержка желѣзнодорожнаго транспорта или неисправность мѣстнаго агента создаетъ кризисы. Тогда начинается самая безшабашная реквизиція, отъ которой зеленѣетъ обыватель и шалѣетъ здоровая торговля и промышленность.

Права у этого Министерства диктаторскія и разговаривать не приходится, но потомъ все стонетъ, указывая, что отъ такой дѣятельности страдаютъ преимущественно приличные торговцы и промышленники, у которыхъ отнимаются послѣдніе запасы, да еще и по пониженнымъ цѣнамъ (равнымъ цѣнамъ неисполненной плановой заготовки, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ назадъ).

У Министерства не хватаетъ даже здраваго смысла расплачиваться по современнымъ цѣнамъ и хоть этимъ облегчить бремя реквизицій.

Вообще же, неудачная и гнилая организація этого архицентрализованнаго аппарата военнаго и гражданскаго снабженій принесла много вреда и гибельно отозвалась на странѣ и на арміи. Голодная и раздѣтая армія не выдержала тяжести испытаній Уральскаго отхода и скорѣе развалилась и перешла къ грабежу, а населеніе страны, ничѣмъ не снабжаемое и обираемое реквизиціями и конфискаціями, распухло отъ злости.

Военное Министерство въ отношеніи распуханія не отстало отъ другихъ, но это ему болѣе другихъ простительно, ибо на его долю выпала большая работа, а его дѣятельность имѣла характеръ и размѣры почти что всероссійскаго масштаба. Въ отношеніи личнаго состава положеніе его оказалось болѣе благопріятнымъ, такъ какъ ему посчастливилось собрать довольно порядочный кадръ старыхъ, опытныхъ работниковъ, среди которыхъ было немало лицъ, занимавшихъ отвѣтственныя должности въ дореволюціонныхъ Главныхъ Управленіяхъ Военнаго Министерства. При должномъ руководствѣ и при осуществленіи строгой дѣловой программы этотъ составъ можетъ дать продуктивную и систематизированную работу. Если ея не было до сихъ поръ, то въ

этомъ менѣе всего отвѣтственны чины Министерства; они дѣлали то, что отъ нихъ требовали; работали тѣмъ темпомъ, который былъ установленъ.

Военныхъ Министровъ прошло пока три: Степановъ, я и замѣнявшій временно насъ обоихъ Суринъ. Всѣ мы были слишкомъ добросовѣстны и недостаточно бурны для этого времени. Степановъ имѣлъ возможность сильно и благотворно влiять на адмирала и могъ повлiять на всю дѣятельность Ставки, но уѣхалъ не во время въ дальневосточную командировку и далъ себя свалить.

Я тоже не подошелъ къ Омской обстановкѣ; здѣсь надо было больше бурности, больше вмѣшательства въ политику, больше дерзости и наскока съ одной стороны, но больше покладливости и умѣнія ходить и не прямыми путями съ другой.

Я увлекся своей работой, зарылся въ нее съ головой и видѣлъ только ее; за свое я боролся бурно и достигъ довольно сносныхъ результатовъ. Но за остальное, что я видѣлъ и за что болѣлъ и мучился, я боролся докладами, разговорами, напоминаніями и просьбами; это было мало и теперь, отойдя отъ дѣла, я это сознаю.

Надо было сразу начать гремѣть и или заставить себя слушать или сразу же уѣхать изъ Омска; привычная дисциплинированность и отсутствіе привычки мѣшаться активно не въ свое дѣло не позволили, очевидно, этого сдѣлать.

Затѣмъ надо было быть болѣе покладливымъ и проявить больше житейскаго умѣнія проводить то, что считалъ нужнымъ; быть можетъ, если бы я сумѣлъ больше сойтись съ такими кругами и лицами, которые, хотя мнѣ и претили, но были нужны для успѣха дѣла, то практическіе результаты принесли бы больше пользы, чѣмъ прямая, внѣ уступокъ и компромиссовъ, дѣятельность. Этого умѣнья не было у меня никогда, не было и въ Омскѣ. Быть можетъ, если бы я былъ менѣе рѣзокъ и сумѣлъ пожертвовать принципіальнымъ ради удовлетворенія чужихъ слабостей и интересовъ, то этимъ въ концѣ концовъ принесъ бы больше пользы для общаго дѣла.

Жалѣть объ этомъ поздно, но, при подведеніи общихъ итоговъ, подумать слѣдуетъ. Я былъ Военнымъ Министромъ, но я не былъ членомъ Правительства въ активномъ значеніи этого слова; теперь только вижу, что обстановка требовала послѣдняго; три четверти шансовъ за то, что ничего изъ этого не вышло бы, ибо я очень плохъ по части разныхъ приспосабливаній и слишкомъ неудержимъ въ проявленіи своихъ симпатій и антипатій (не личныхъ, а служебныхъ).

Надо было быть болѣе честолюбивымъ, болѣе властолюбивымъ, болѣе бурнымъ, болѣе политиканомъ и менѣе увлекаться своей прямой работой. На дѣятельность Военнаго Министерства навѣшали цѣлыя стаи собакъ, но едва ли справедливо; могу свидѣтельствовать объ этомъ, какъ посторонній человѣкъ, ибо мое пребываніе въ этомъ Министерствѣ совпало съ его разгромомъ и съ періодомъ работы въ полупараличномъ, катастрофическомъ положеніи.

Принятое мною Военное Министерство представляло весьма удовлетворительно налаженный аппаратъ для исполненія любой работы въ предѣлахъ и объемѣ его вѣдѣнія. Помощникъ Военнаго Министра по части снабженій генералъ Суринъ выполнилъ огромную огранизаціонную и исполнительную работу, и не его вина, что она не дала тѣхъ благихъ результатовъ, какъ то слѣдовало. Главныя Управленія сдѣлали очень много, чтобы разобраться въ общей обстановкѣ и положить начало серьезной возстановительной работѣ.

Несомнѣнно, что было много корявостей и ошибокъ; были тѣ же распухнувшіе штаты, ослабленіе работоспособности, нарожденіе разныхъ экзотическихъ учрежденій и привѣсковъ, заоблачность, непрактичность и никчемушность извѣстной части работы, неумѣніе оторваться отъ старой плѣсени и начать думать и дѣйствовать сообразно новой, совершенно оригинальной обстановкѣ.

Но все это возможно поправить, ибо въ личномъ составѣ министерства много работниковъ стараго закала, и ихъ очень легко направить на новый курсъ, которому они принесутъ старую добросовѣстность и исполнительность. Это давало мнѣ право надѣяться на успѣхъ того, что я задумывалъ, но что мнѣ не удалось выполнить.

Если намъ удастся вывернуться, то моему преемнику предстоитъ широкое поле дѣятельности; конечно, только, если ему удастся выправить ненормальное положеніе нашего министерства и спасти его отъ разныхъ экспериментовъ, навѣваемыхъ Ставкой.

Совершенно не знаю, что такое Ханжинъ, какъ администраторъ; но онъ почти полгода былъ командующимъ западной арміей, знаетъ нужды фронта, знаетъ, какія жалобы предъявлялись и предъявляются къ тылу, такъ что ему очень нетрудно направить работу такъ, чтобы устранить всѣ такія жалобы.

Въ общемъ, настоящаго государственнаго строительства въ главныхъ его отдѣлахъ не было и вся огромная по размѣрамъ работа Омскихъ министерствъ не дала почти никакихъ результатовъ. Исписаны поѣзда бумаги, пролиты моря чернилъ и типографской краски, проявлены тысячи благихъ намѣреній, составлены сотни очень благопристойныхъ законовъ, но все это прошло мимо жизни и не разрѣшило тѣхъ будничныхъ сѣрыхъ, но существенно важныхъ вопросовъ, которые были поставлены намъ на разрѣшеніе.

Что же дѣлать сейчасъ? Пока всѣми мѣрами спасать армію; министерствамъ бросить немедленно Омскъ, откатиться подальше въ тылъ и на новомъ мѣстѣ отрѣшиться отъ Омскихъ ошибокъ и Омскаго размаха и начать настоящую работу по мелкому ремонту и возсозданію разрушенныхъ жизненныхъ частей государственнаго управленія, съ минимумомъ работы въ министерствахъ и максимумомъ на мѣстахъ, въ самой странѣ. Исполненіе безумно тяжело, быть можетъ, едва ли осуществимо, ибо пожаръ возстаній, охватившихъ почти всю населенную Сибирь, почти уничтожаетъ возможность работы среди населенія; всѣ возстанія сопровождаются истребленіемъ чиновниковъ, священниковъ, учителей и мелкой интеллигенціи; очевидно, новый красный принципъ «бей непокорнаго интеллигента и щади по возможности покладливаго буржуя» проводится достаточно послѣдовательно.

По военной части судьба послала Адмиралу помощника въ лицѣ стратегическаго младенца генерала Лебедева. Въ сказкахъ феи приносили къ колыбели новорожденныхъ принцевъ и принцессъ разные подарки — счастливые и скверные. Какая-то злобная къ Адмиралу и къ Россіи фея принесла въ Сибирь этого погубителя (невольнаго, конечно) сибирской вооруженной силы, успѣвшаго за 10 мѣсяцевъ свести на нѣтъ всѣ успѣхи начала сибирскаго бѣлаго движенія и подвести насъ почти что къ военной катастрофѣ.

Рядовой оберъ-офицеръ Генеральнаго Штаба, оказавшійся не къ масти въ арміи Корнилова, не имѣвшій за собой ничего, кромѣ Георгіевскаго Креста, выскочилъ вдругъ въ полновластные распорядители той могучей вооруженной силы, которую выставила Сибирь для борьбы за освобожденіе Россіи отъ красныхъ тирановъ.

Безъ всякаго служебнаго стажа, ничѣмъ никогда не командовавшій, отбывшій наиболѣе безцвѣтныя въ генеральномъ штабѣ должности для порученій и негодный даже для должности начальника низшаго войскового штаба, онъ взялъ въ свои руки оперативное управленіе арміями и ихъ организацію.

Для обыкновеннаго революціоннаго времени это было бы нормально; тамъ берутъ то, что есть подъ рукой, какъ брали въ началѣ борьбы на должности командующихъ сибирской арміей Гришина-Алмазова, Иванова-Ринова и другихъ.

Но въ концѣ 1918 года борьба на Уральскомъ фронтѣ велась уже тремя арміями; числительность вооруженной силы подходила къ сотнямъ тысячъ; само верховное командованіе приняло всероссійскій титулъ. Все это требовало назначенія на должность Наштаверха такого лица, которое было бы способно оказаться на уровнѣ столь высокаго положенія.

Если не было подходящаго лица въ Сибири, то ничто не мѣшало снестись съ югомъ Россіи, гдѣ безъ дѣла сидѣли десятки генераловъ съ большимъ служебнымъ опытомъ. Да и въ Сибири былъ подъ рукой генералъ Флугъ, какъ нельзя болѣе подходившій къ такой отвѣтственной роли.

Конечно, переворотчики, родившіе Омскую власть, сами разбирали высокія вакансіи, и Лебедеву, какъ одному изъ участниковъ переворота, ничто не мѣшало взобраться на столь высокій постъ, считая вѣроятно, что если прапорщикъ Абрамъ Крыленко былъ краснымъ главковерхомъ, то отчего же подполковнику Лебедеву не сдѣлаться бѣлымъ Наштаверхомъ.

Но, что думали Вологодскій и серьезные Омскіе круги, которые обязаны были понимать, что все будущее поднятой борьбы зависитъ отъ того, въ чьи руки попадетъ руководство боевымъ фронтомъ и организаціей арміи и Ставки?

Вѣдь, всѣ понимали очень хорошо, что Адмиралъ военнаго дѣла не знаетъ и реальнымъ Верховнымъ Главнокомандующимъ быть не можетъ; должны были понимать, что такому Главнокомандующему нуженъ помощникъ и докладчикъ съ огромными знаніями и опытомъ въ дѣлѣ стратегическаго управленія крупными военными операціями и въ дѣлѣ организаціи всей вооруженной силы.

Что Лебедевъ взобрался на этотъ постъ, то это не удивительно; но то, что его допустили это сдѣлать, можетъ быть объяснено только обстановкой военнаго переворота.

Непонятно отношеніе союзниковъ къ факту пребыванія Лебедева на этомъ посту; ихъ военные представители отлично учитывали его негодность; генералъ Ноксъ отказывался «разговаривать съ этимъ мальчишкой». Зачѣмъ же было тогда помогать, разъ знали что то главное, что только и можетъ привести къ успѣшному концу, т. е. вооруженная сила находится въ рукахъ очень самонадѣяннаго, но военно безграмотнаго мальчишки, который съ наслажденіемъ изображаетъ полномочнаго Наштаверха, но неспособенъ выполнить и самой ничтожной части лежащихъ на этомъ званіи обязанностей.

На фронтѣ тоже сидѣли тогда разные вундеркинды, что особенно настоятельно требовало, чтобы на верхи военнаго управленія были поставлены настоящіе мастера своего дѣла.

Къ зимѣ 1918 года передъ Ставкой стояли грандіозныя задачи и отъ умѣлаго и успѣшнаго исполненія ихъ зависѣлъ весь успѣхъ операцій 1919 года, а съ нимъ и всей начатой борьбы. Надо было провести новую организацію фронта и ввести въ регулярныя рамки тотъ конгломератъ разныхъ войсковыхъ образованій, которыя родились въ первый повстанческій и неорганизованный періодъ борьбы.

Нужно было разработать полный планъ кампаніи 1919 года, разработать до послѣднихъ мелочей, какъ по части операцій и снабженій, такъ и самой тщательной подготовки всего тыла. Это требовало огромныхъ знаній, огромнаго опыта и умѣнья дѣлать такую отвѣтственную работу, которая и въ меньшихъ размѣрахъ была по плечу только лучшимъ офицерамъ Генеральнаго Штаба.

Ничего этого сдѣлано не было. Я видѣлъ жалкій докладъ, разбиравшій преимущества сѣвернаго и южнаго наступленій, и былъ пораженъ дѣтскостью его содержанія; въ былыя времена офицеръ Генеральнаго штаба не рискнулъ бы выступить съ такой работой, а если бы рискнулъ, то могъ поплатиться переводомъ изъ Генеральнаго Штаба.

Теперь разбирать и критиковать было некому; надо было только настрочить что-нибудь по внѣшности приличное для того, чтобы убѣдить Адмирала согласиться на выборъ рѣшительнаго наступленія нашимъ правымъ флангомъ на Казань и Вятку, это и сдѣлали съ дерзкимъ самомнѣніемъ молодежи, забравшейся наверхъ и увѣренной, что она все знаетъ и все можетъ.

Это и было все, что сдѣлали для разработки плана кампаніи, долженствовавшей рѣшить судьбы Россіи. Никто не побезпокоился взять въ руки самый элементарный учебникъ стратегіи и, хотя бы по оглавленію, провѣрить разсмотрѣно ли и сдѣлано ли то, что считается sine qua non всякой крупной стратегической операціи. Не нашлось никого, кто бы поставилъ вопросъ объ абсурдности выбора сѣвернаго направленія и доказалъ бы всю предвзятость, натянутость и неосновательность защищавшихъ это направленіе доводовъ. Не нашлось никого, кто нашелъ бы пути доложить Адмиралу невозможность вести войну такого размѣра безъ твердаго плана, въ разсчетѣ только на какую-то авоську; такъ воевать могли нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, но продолжать такъ было преступно даже для корпуса, не говоря уже объ арміяхъ, въ которыхъ числили тогда до 400 тысячъ человѣкъ.

Случайный Пермскій успѣхъ безсовѣстно раздутый въ огромную побѣду и залившій его участниковъ дождемъ высокихъ наградъ, раздразнилъ ставочныя и фронтовыя самолюбія, и начался шалый полетъ къ Волгѣ, приведшій къ Уральской катастрофѣ и опредѣлившій всѣ остальныя неудачи и бѣдствія.

Это была не стратегія, не управленіе арміями, а нѣчто невообразимое по своей легкомысленности.

Красныхъ сбросили со счетовъ; о возможности ихъ новаго появленія на фронтѣ забыли (хотя знали, что у красныхъ въ центрѣ Россіи имѣются готовые резервы) и весь фронтъ, какъ ошалѣлый, понесся къ Волгѣ. Всѣ фронтовые полководцы намѣтили себѣ призы — Вятку, Казань, Симбирскъ и Самару и ни о чемъ больше не думали; еще менѣе думала Ставка и Лебедевъ о томъ, что составляло ихъ священный долгъ, а именно объ обезпеченіи шедшей операціи и о будущемъ.

Въ началѣ своего знакомства съ этимъ періодомъ войны я упрекалъ Гайду, Пепеляева и Ханжина за этотъ малый походъ, и только передъ уходомъ изъ Министерства нашелъ оставленныя Степановымъ въ ящикѣ стола копіи директивъ этого періода, даваемыхъ арміямъ Лебедевымъ.

Я остолбенѣлъ тогда, прочитавъ съ какимъ сумасшедшимъ упрямствомъ и повелительной настойчивостью Лебедевъ требовалъ отъ армій быстроты движенія впередъ и какія непосильныя онъ ставилъ задачи.

Для его практической безграмотности это было совершенно понятно; его оберъ-офицерскому горизонту не было дано видѣть, куда и на что онъ тащитъ вымотанныя зимнимъ походомъ арміи; отдавая свои хлесткія директивы, онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это все осуществляется на самомъ дѣлѣ и какъ отзывается на войскахъ.

Онъ и его помощники швыряли по картѣ войсками и арміями съ такой же легкостью, какъ переставляли изображавшія ихъ булавки; все остальное было ниже ихъ юпитерскихъ горизонтовъ и должно было осуществляться тѣми, что сидѣли ниже ихъ. А такъ какъ сидѣвшіе были также малограмотны въ большомъ военномъ дѣлѣ, то и понятно къ чему все это привело.

О правильной организаціи арміи совершенно забыли, предоставивъ фронту развиваться и разрастаться совершенно автономно. Полки дѣлались самостоятельно дивизіями, дивизіи корпусами, корпуса — арміями, а Ставка все это принимала къ свѣдѣнію и утверждала. Развитіе организаціи, огромные штабы и тылы требовали людей и на фронтѣ начались мобилизаціи, объявляемыя всѣми, кто хотѣлъ; каша получилась несосвѣтимая, но никакихъ мѣръ по упорядоченію этого организаціоннаго и мобилизаціоннаго кабака принято не было, — Ставка считала, что это не ея дѣло. Все это и привело къ тому, что къ началу 1919 года фронтъ переполнился массами совершенно небоевого элемента и дошелъ до непомѣрной численности въ 860 тысячъ ртовъ или, какъ ихъ называли, «ложекъ» (въ противопоставленіе штыкамъ). Что это былъ за элементъ, явствуетъ изъ того факта, что Сибирская армія, числившая въ іюнѣ 350 тысячъ ртовъ, отошла къ Тюмени въ составѣ 6 тысячъ штыковъ.

Для ставочныхъ юпитеровъ правильная организація была парой пустяковъ; только полевой инспекторъ артиллеріи понималъ, что такое организація, и выполнилъ колоссальную организаціонную работу, дающую возможность справляться до сихъ поръ со всѣми катастрофами и потерями и поддерживать артиллерію въ весьма сносномъ состояніи. Работа Прибыловича — это работа настоящаго мастера своего дѣла и талантливаго организатора, вполнѣ достойнаго того высокаго поста, который онъ занимаетъ.

Формированіе резервныхъ частей было поручено профанамъ и очковтирателямъ, провалившимся преимущественно на боевомъ фронтѣ; они пытались возстановить свое реноме и широко развили тѣ пріемы, которые всегда были у насъ въ такомъ ходу и заключались въ умѣньи обмануть начальство и блеснуть внѣшностью, спрятавъ и замазавъ всѣ внутренніе недостатки. Вмѣсто полевого обученія и внутренней дисциплины блистали опереточными формами, оркестрами музыки и натаскиваніемъ частей въ церемоніальномъ маршѣ.

Все било на эффектъ и на быструю отмѣну. Правда была не въ ходу. Когда командиръ одного изъ корпусовъ, генералъ Сукинъ, захотѣлъ заставить обратить вниманіе верховъ на отвратительное снабженіе фронтовыхъ частей и вывелъ почетный караулъ для встрѣчи Адмирала безъ штановъ, т. е. въ томъ видѣ, въ которомъ ходили всѣ солдаты корпуса, то его отрѣшили отъ командованія и все время держали потомъ въ немилости.

Процвѣтали за то конвой начальствующихъ лицъ, ставочныя и штабныя роты и сотни, разныя техническія команды и тыловыя учрежденія.

Общее безсиліе Омской власти распространялось и на фронтѣ. Зимніе успѣхи распоясали суровую дисциплину перваго періода войны. Распухнувшіе штабы блистали великолѣпными поѣздами; фронтъ сталъ заполняться семьями; строгіе порядки постепенно разсосались; воцарилось штабное засилье, сибаритство.

Въ концѣ концовъ на одного бойца появилось девять тыловиковъ и никто не обращалъ на это вниманія. Ставка величественно это игнорировала, хотя ей, какъ головѣ военнаго управленія, надлежало понимать, что установившіеся на фронтѣ порядки недопустимы и обратятъ армію въ негодные для боя таборы, причемъ въ общей кашѣ исчезнутъ тѣ настоящіе боевые элементы, которые при правильной организаціи будутъ стальной, непреоборимой силой.

Сама Ставка разрослась въ нѣчто чудовищное по своимъ размѣрамъ и совершенно не соотвѣтствовавшее той ничтожной положительной работѣ, которая тамъ производилась. По наружности работали много, по своему, усердно и добросовѣстно, но, по неопытности, съ малыми практическими результатами. Продуктивнѣе другихъ отдѣловъ работалъ отдѣлъ Дежурнаго Генерала, болѣе опредѣленный по своимъ функціямъ и подобравшій большіе кадры старыхъ опытныхъ работниковъ.

Оперативная работа сводилась къ составленію сводокъ, къ разнаго рода статистикѣ и къ мелочному вмѣшательству въ дѣйствія армій, состоянія которыхъ Ставка не знала, въ мѣстности, описанія которой въ Ставкѣ не было и при условіяхъ, которыя ставочные младенцы и представить себѣ не могли, сидя въ Омскѣ.

Наиболѣе роскошно развились такіе паразитныя, а при отсутствіи строгаго надзора, гнусныя учрежденія, какъ контръ-развѣдка и разныя освѣдомленія, создавшія громоздкія, дорогія и вредныя для чистоты нашего дѣла организаціи. У нихъ нѣтъ даже того умѣнья и той профессіональной добросовѣстности, которыми отличались наши старыя охранныя учрежденія и ихъ штатные агенты; зато всѣ скверныя стороны прежняго восприняты полностью.

Настоящей контръ-развѣдки и истинной борьбы съ агентами большевизма у насъ нѣтъ; все дѣлается на показъ, чтобы удовлетворить начальство, проявить дѣятельность и оправдать расходы, достигающіе чудовищныхъ размѣровъ; въ Омскѣ у меня не проходило недѣли, чтобы отъ меня не требовали десятки милліоновъ рублей на расходы по контръ-развѣдкѣ (расходы безконтрольные, повѣряемые и утверждаемые ближайшимъ начальствомъ, что и даетъ просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, и требуетъ особо опытнаго и тщательнаго надзора со стороны старшихъ органовъ).

Реформировать и упорядочить дѣятельность этихъ полупочтенныхъ учрежденій будетъ не легко и реформатору надо будетъ проявить исключительную энергію; отрицательные элементы этой клики легко не сдадутъ своихъ вкусныхъ позицій, а они достаточно сильны во вліятельныхъ верхахъ и сумѣли сдѣлаться тамъ очень нужными.

Освѣдомленіе тоже растетъ и пухнетъ; только мѣсяцъ тому назадъ для него проведены новые огромные штаты съ очень повышенными сравнительно со всѣми остальными окладами военнослужащихъ. Пользы отъ этой очень модной организаціи почти никакой, ибо главная ея задача оклеивать заборы Омска плакатами и извѣщеніями; только за послѣднее время она стала доставлять весьма цѣнныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи частей и настроеніи населенія разныхъ районовъ тыла; это собственно не ея дѣятельность, но она организовала сборъ этихъ свѣдѣній параллельно съ распространеніемъ своей литературы.

Опредѣленно считаю, что отъ казеннаго освѣдомленія пользы не будетъ; лучшимъ казеннымъ освѣдомленіемъ будутъ хорошіе начальники и офицеры въ арміи и честные и полезные для населенія чиновники въ странѣ; если все это есть, то и не особенно сложное освѣдомленіе о дѣятельности правительства будетъ дѣйственно; если же этого нѣтъ, то никакія тысячи освѣдомительныхъ дѣятелей и никакіе израсходованные милліоны уже не помогутъ.

Офицерскій вопросъ разрѣшенъ Ставкой отчаянно плохо; увлеклись непомѣрнымъ развертываніемъ армій и вызваннымъ этимъ спросомъ на офицеровъ; не сумѣли сдержать автономныя формированія и использовать кадры старыхъ унтеръ-офицеровъ для производства и назначенія на офицерскія должности. Остановились на совершенно невѣрной системѣ краткосрочныхъ школъ, не учтя совершенно современнаго состоянія нашей, даже полуинтеллигентной молодежи. На этомъ мы уже обрѣзались въ прошлую войну, но это не помѣшало Ставкѣ повторить ту же ошибку.

Въ нѣсколько недѣль нельзя создать офицера или даже сносный его суррогатъ; его нельзя научить даже азбукѣ военнаго дѣла въ объемѣ, требуемомъ младшимъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ; я знаю это по опыту школъ, организованныхъ на фронтѣ во время большой войны. Еще меньше возможно заложить за это время основы офицерской этики въ ея здоровыхъ и разумныхъ проявленіяхъ.

Офицеръ же, умѣющій только командовать, отдавать честь, дѣлать гимнастику, но не знающій основъ военнаго дѣла и лишенный настоящей офицерской этики, это очень опасный матерьялъ для современныхъ милиціонныхъ войскъ, могущихъ быть сносной вооруженной силой только при наличіи хорошихъ и знающихъ офицеровъ.

Произведенные строевые унтеръ-офицеры имѣютъ то преимущество, что знаютъ основные пріемы своего ремесла, умѣютъ распоряжаться въ бою, на походѣ и на отдыхѣ; наши же штампованные офицеры этимъ умѣньемъ не обладаютъ и это лишаетъ ихъ всякаго практическаго значенія. Таково единогласное заключеніе всѣхъ старыхъ офицеровъ, съ которыми я говорилъ по этому поводу.

На германскомъ фронтѣ еще до революціи наши солдаты подмѣтили слабыя стороны офицеровъ, выпускаемыхъ изъ краткосрочныхъ школъ и звали ихъ шестинедѣльными выкидышами.

Жаль то, что среди этой молодежи много хорошаго матерьяла, но надъ нимъ надо долго и внимательно поработать. По тому, что я слышалъ про постоянный составъ нашихъ офицерскихъ и инструкторскихъ школъ, онъ работаетъ очень добросовѣстно, но не въ состояніи сотворить чудо, т. е. создать въ нѣсколько недѣль подготовленныхъ для фронта офицеровъ.

Будь Ставка дальновиднѣе и спокойнѣе, она сообразила бы, что гораздо цѣлесообразнѣе потерпѣть пока съ недостаткомъ офицеровъ на фронтѣ, но за то дать школамъ по крайней мѣрѣ годичный курсъ для одной части и двухгодичный для другой части юнкеровъ. Это обезпечило бы постепенное пополненіе арміи все болѣе и болѣе подготовленнымъ офицерскимъ составомъ.

То же, что мы дѣлаемъ, это только одна видимость и обманъ самихъ себя, ибо на самомъ дѣлѣ мы посылаемъ на фронтъ совершенно негодныхъ и поэтому даже ненужныхъ ему офицеровъ, и въ то же время безцѣльно расходуемъ кадры той молодежи, изъ которой къ веснѣ могли получиться сносные замѣстители младшихъ офицеровъ.

Отсутствіе плана и нервность даютъ здѣсь тѣ же результаты, какіе получились съ несвоевременнымъ выбросомъ на фронтъ неготовыхъ резервовъ; всѣ они погибли, не принеся никакой пользы; сохраненные же и употребленные во время — они навѣрное гнали бы теперь красныхъ обратно за Уралъ.

Адмиралъ и Россія имѣютъ полное право повторить Лебедеву зловѣщій по своему значенію упрекъ: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны».

Формированіе резервовъ въ тыловыхъ округахъ было поставлено очень скверно; ихъ считали пасынками, обижали личнымъ составомъ и снабженіемъ; ихъ замаривали караульной службой и не давали заниматься; едва они начинали дѣлаться чѣмъ-то похожимъ на части, ихъ посылали на разныя усмиренія, а при первой возможности вытаскивали на фронтъ.

Здѣсь тоже не было планомѣрности, системы, способности учесть всю важность этихъ формированій и поставить ихъ въ такія условія, чтобы они могли стать войсками и настоящимъ усиленіемъ фронта.

Таковы итоги шестимѣсячнаго пребыванія въ Омскѣ, тяжелыхъ переживаній, печальныхъ выводовъ и мрачныхъ заключеній. Считался въ Омскѣ и уѣхалъ изъ Омска съ зва-

ніемъ брюзги и пессимиста. Въ этомъ отношеніи характерно письмо моего сослуживца, полученное мной въ день отъѣзда изъ Томска; онъ сообщаетъ, что, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Адмиралъ выразилъ сожалѣніе о потерѣ хорошаго работника, но добавилъ: «но у него былъ несносный характеръ и онъ вѣчно со всѣми ссорился». Бѣдный полярный изслѣдователь такъ и не разобралъ, что если я и ссорился, то не ради себя, а ради того же самаго дѣла, о которомъ такъ горѣлъ самъ онъ.

Въ Совѣтѣ Министровъ рядомъ съ искренними сожалѣніями о моемъ уходѣ, высказывалось и облегченіе; одинъ изъ моихъ сосѣдей по столу засѣданій сказалъ: «ну, что это за военный министръ; сидитъ и критикуетъ; молчитъ, молчитъ, а потомъ все разругаетъ и наговоритъ кучу непріятностей».

Я польщенъ этимъ отзывомъ; по внѣшности онъ вѣренъ; жаль только, что говорившій не сумѣлъ разобраться въ томъ, что подвигало меня на эту критику, и до сихъ поръ не расчухалъ, насколько она была справедлива и какъ слѣдовало бы къ ней прислушиваться.

Но на званіе присяжнаго пессимиста я несогласенъ; я не пессимистъ, я только привыкъ разглядывать жизнь, анализировать событія и дѣлать выводы; началось это еще въ училищѣ, развилось на почвѣ увлеченія высшей математикой, укрѣпилось жизнью и двадцатью годами веденія дневника, ежедневнаго подсчета видѣннаго, слышаннаго и выведеннаго. Я не могу скользить по жизни, слишкомъ уже въѣлась привычка все положить подъ аналитическій микроскопъ.

Сейчасъ, переживая опять послѣдніе мѣсяцы моей жизни, когда передъ моей больной памятью проносятся Омскія событія и воспоминанія, искренно жалѣю, что докторъ Б. отстоялъ меня отъ перехода въ потусторонній міръ. Я всегда боялся «доживанія» жизни, съ потерей вѣры въ будущее, и эта опасность теперь на меня надвинулась во всемъ ея ужасѣ.

До Омска у меня украли все прошлое; Омскій періодъ укралъ у меня будущее, разбилъ послѣднія иллюзіи, лишилъ всякихъ надеждъ, что я доживу до возстановленія Россіи — Россіи, а не своихъ потерянныхъ правъ, которыя я похоронилъ безвозвратно и воспоминаніе о которыхъ меня даже не тревожитъ.

До Омска я надѣялся на осуществленіе завѣтной мечты увидѣть опять Россію сильной и здоровой, въ новыхъ и разумныхъ формахъ управленія честными и идейными людьми, подвижнически трудящимися на благо своей страны и своего народа.

Надежда эта была сильно потрепана тѣмъ, что я видѣлъ въ Харбинѣ и въ Владивостокѣ, но все же еще теплилась; я продолжалъ вѣрить и надѣяться, что все пережитое и переживаемое насъ наконецъ встряхнетъ, вышибетъ много старой дряни и заставитъ думать иначе и лучше и поступать иначе и лучше. Омскъ эту надежду доканалъ, вытравилъ послѣдніе ея остатки каленымъ желѣзомъ всего пережитаго и испытаннаго, ѣдкой кислотой проклятыхъ, но неопровержимыхъ выводовъ безпощадной дѣйствительности, сотнями молотовъ разбившей послѣднія иллюзіи и затмившей мрачными, кровавыми тучами послѣдніе кусочки голубого неба надежды.

Теплилась надежда на Деникина, но и тамъ все какъ-то замерло — грозное и мрачное предзнаменованіе того, что было съ нами у Волги.

Боюсь одного: что проклятое Омское болото засосетъ для своей защиты послѣдніе остатки нашихъ армій, въ спасеніи которыхъ послѣдняя надежда на новое возрожденіе сибирской борьбы за бѣлую идею, уже въ новомъ 1920 году.

1919 годъ будетъ проклятымъ для Россіи годомъ, болѣе проклятымъ, чѣмъ два его предшественника, ибо онъ видѣлъ, какъ невѣроятныя ошибки власти и отчаянно скверное управленіе фронтомъ свели на нѣтъ всю борьбу за спасеніе Россіи отъ краснаго ужаса.

Великіе подвиги страстотерпцевъ и мучениковъ, героевъ-борцевъ за родину, усѣявшихъ своими костями поля Сибири и обильно залившихъ ихъ своей кровью, погибли подъ напоромъ грязи и гноя, порожденныхъ тѣми изъ ихъ недостойныхъ преемниковъ, которые дерзкими и грязными руками схватили завѣтныя бѣлыя эмблемы и прикрыли ими все свое ничтожество и свои вожделѣнія.

Скромные и безвѣстные герои, партизаны первыхъ офицерскихъ организацій и офицерскихъ возстаній, мученически страдавшіе за Родину, безтрепетно поднявшіеся за нее на смертный бой съ ея насильниками, не нашли достойныхъ преемниковъ; оставшіеся въ живыхъ и одиноко разбросанные продолжаютъ нести свой тяжелый крестъ и исполнять свой великій подвигъ на берегахъ Ишима въ послѣднихъ усиліяхъ остановить красный натискъ и опять увидѣть радость побѣды.

Дай только Богъ, чтобы они не сознавали того, что я сознаю и не понимали того, что я понимаю, ибо это было бы хуже смерти.

Я эту смерть уже пережилъ и смертельный ядъ безысходнаго отчаянія уже выпилъ въ безсонныя ночи подведенія Омскихъ итоговъ.

Съ такимъ багажемъ кончаю Омскій періодъ своей жизни и качусь къ временному Харбинскому гнѣзду, въ печальное бытіе печальнаго доживанія безъ прошлаго и безъ будущаго.

Замѣченныя опечатки

въ „Дневникѣ“ барона А. Будберга.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIII.

Стр. 287, строка 21 снизу. Напечатано: „Николаевъ“, слѣдуетъ читать: „Никляевъ“.
„ 291, „ 27 сверху. Напечатано: „Фарева“, слѣдуетъ читать: „Агарева“.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIV.

Стр. 325, строка 6 сверху. Напечатано: „Хоротхинъ“, слѣдуетъ читать: „Хорошхинъ“

Содержаніе

Дневники:

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ — Вятка въ 1919—1920 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго). — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

★

ТОМЪ III.

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л-ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—1920 гг. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ „Воспоминаніямъ“ ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. — Р. Донской, Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе).

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — А. В., Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній — П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. — Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. — Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. — Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. — Денежные документы генерала Алексѣева. — Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

★

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. — А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. — Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

★

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. — А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. — Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. — Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ „Красную Москву". — Г. Вилліамъ, Побѣжденные. — С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25—26 октября 1917 г. — Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

★

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. — С. Ан-скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. — Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстицій и народномъ судѣ. — В. Красновъ. Изъ воспоминаній о 1917—1920 гг. — Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась „Южная Армія". — Денежные знаки революціи и гражданской войны.

★

ТОМЪ IX.

Борисъ Соколовъ, Паденіе Сѣверной Области. — Б. Байковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917—1920 гг.). — Н. Плешко, Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента.

Документы.

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

★

ТОМЪ X.

А. Изгоевъ, Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи. — Лейтенантъ N. N., Записки бѣлогвардейца. — А. Гефтеръ, Воспоминанія курьера. — Н. Савичъ, Три встрѣчи.

Документы.

Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ—февралѣ 1920 г.

★

ТОМЪ XI.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. — Н. М. Могилянскій, Трагедія Украйны. — В. М. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 гг.

Документы.

Исповѣдь В. И. Кельсіева.

★

ТОМЪ XII.

С. П. Бѣлецкій, Воспоминанія. — І. В. Гессенъ, Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ. — З. Ю Арбатовъ, Екатеринославъ 1917—1922 гг. — Н. Каринскій, Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска. — Д. Лутохинъ, Совѣтская цензура. — А. А. Гольденвейзеръ, Бѣгство.

Документы и дневники.

Конституція Уфимской директоріи. — Документы къ статьѣ Н. Каринскаго. — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ.

Varia.

В. П. Семеновъ Тянь-Шанскій, Главный земельный комитетъ. — Письма въ редакцію.

★

ТОМЪ XIII.

Борисъ Соколовъ, Защита Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. — Н. Кришевскій, Въ Крыму (1916—1918 гг.). — Е. Постникова, 21-ый годъ.

Документы и дневники.

Послѣдній портретъ Императора Николая II. — Сводка матеріаловъ по исторіи Ревельскаго Укрѣпленнаго Района. — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ (Продолженіе). — Письмо въ редакцію, А. Наумова.

★

ТОМЪ XIV.

В. А. Ауэрбахъ, Революціонное общество по личнымъ воспоминаніямъ. — И. Даниловъ, Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ. — Б. Б—аго, Судъ надъ Мясоѣдовымъ (Впечатлѣнія очевидца).

Документы и дневники.

Документы по исторіи черноморскаго флота (въ мартѣ — іюнѣ 1918 г.) — Бар. А. Будбергъ, Дневникъ (Продолженіе).

Напечатано и издано Издательствомъ „СЛОВО", Берлинъ